

ИРИНА СЕВЕРНАЯ

БЕЗУПРЕЧНЫЙ ЭЛЕМЕНТ

Выполняя рутинное поручение, Фредерика оказывается в обстоятельствах, вынудивших ее познакомиться с миром, существующим параллельно с реальностью обычных людей. Там обитают вампиры, и у них свои амбициозные правители, свои непреложные законы, там все пропитано магией и самыми темными желаниями.

Оказавшись среди обитателей тьмы, Фреда узнает свое прошлое и обретет любовь, цена за которую окажется слишком высокой. Прошлое встретится с настоящим, а человеческая жизнь станет элементом, связующим то, что не может и не должно быть связано никогда и ни в одном из миров.

"Не надо переворачивать камни, если боишься смотреть на тварей,
живущих под ними".
(Джанет Фитч, "Белый олеандр")

Где-то в Арканзасе, 1985 год...

В ту ночь он стал участником крэш-теста, на который согласия не давал. Чья-то сволочная злая воля усадила его за руль, крепко пристегнула и пустила по адскому шоссе, забыв предупредить, что это не просто испытание, а новая точка отсчета.

...Тайлер не преувеличил: местечко оказалось подходящее.

На длинной и широкой, безлюдной в этот час улице фонари горели через один, и он с легкостью, без лишних телодвижений, не прячась в тени и не затаиваясь, подобрался к двухэтажному коттеджу, крайнему в ряду. За коттеджем — редкие посадки, шоссе, поле, едва различимая во тьме ферма и полоса букового леса, заползавшая на холмы.

Его продвижение сопровождал мерзкий кошачий вопль и вторящий ему неистовый лай окрестных собак. Какофония истеричных звуков, издаваемых почуявшими его испуганными животными, нервировала, вызывая ненужные сейчас эмоции.

Что-то мешало оставаться в рамках просто "режима охоты". Что-то, от чего покалывало кончики пальцев и ломило клыки, словно он грыз замороженную кровь.

Охота всегда была непростым делом. Отдаляясь от собратьев и покидая убежище стоило непреложно соблюдать основное правило — осторожность. Со временем она въедалась в кровь вместе с жаждой. Бурлящий коктейль из инстинкта самосохранения и потребности отведать свежей горячей крови прямо из источника у сильных и старых вампиров работал, как крепкий иммунитет у здоровых людей. Слабые, одержимые или новообращенные могли напороться на неприятности. Причем, напороться в буквальном смысле.

Напрасно кто-то думает, что в мире вампиров нет места эволюции. Очень даже есть, и это не долговременный, труднопредсказуемый процесс, как в человеческом мире. Эволюция по-вампирски — вынужденное, четкое, продуманное действие, выстроенное на тысячелетних наработках, навыках и суровом практическом опыте выживания в уникальных по своей сложности условиях.

Отсюда и правила и законы мира вампиров которые со временем становились все более принципиальными и жесткими. В итоге, отработанная веками процедура простого и естественного кормления превратилась в долбаный ритуал.

Современный вампир, намеревавшийся похлебать свежей крови из естественного "сосуда", должен был теперь давать чуть ли не клятву Гиппократу, основным принципом которой было "не навреди". Не людям, нет. Своим собратьям. В эпоху развития высоких технологий оставаться незамеченными и сохранять тайну своего существования в человеческом мире становилось все сложнее. Приходилось идти с прогрессом в ногу, даже чуть опережая.

И никогда, нигде, ни при каких условиях не оставлять следов.

Для этого использовалось все: от современных технических средств до магии.

...Приняв форму черного аморфного пятна и полностью слившись с темнотой, он переместился на задний двор коттеджа. Просканировав пространство, вампир определил наличие одного сердцебиения в доме. Редкая удача: крайний дом, и в нем всего один человек. Второй этаж дома погружен во тьму, в окнах первого этажа горит свет. Через кружевные шторы хорошо просматривалась кухня. У раковины топталась девушка. Совсем юная, лет шестнадцати, не больше. Она пританцовывала, мурлыча что-то себе под нос.

Вампир невольно прислушался, пытаясь уложить звуки в нотный ряд, и с удивлением узнал в девчачьем нытье балладу W-a-s-p Sleeping In The Fire.

Загорелые ножки с маленькими ступнями грациозно переступали, округлые крепкие бедра плавно двигались и покачивались. Вампир сморщил нос, представляя, как пьет кровь из бедренной артерии, водя языком по пахнувшей солнцем коже.

Нет, на это сегодня нет времени. Все будет просто и сытно, как перекус фастфудом. Свежим, горячим, но без изысков.

Да и девчонка совсем не выглядела нимфой, излучающей сексуальный призыв. Подвывала и прыгала, как жизнерадостный мопс. Мышиного цвета волосы стянуты в хвост, который забавно трясется на макушке.

И все равно, это редкая удача: юная, здоровая, одинокая "еда". Не какая-то высохшая старушка в маразме и забытая всеми, которой не нужно подчищать память, но и питаться из нее, все равно, что жевать солому.

Сейчас тот случай, когда можно насосаться, подобно пиявке и уйти с ощущением абсолютной сытости, из чувства благодарности погрузив "донора поневоле" в приятный дурман. Утром девчонка ничего не будет помнить, зато ощутит состояние, близкое к кайфу.

Чувствуя себя едва ли не благодетелем, вампир переместился к двери кухни и уверенно постучал. Собака в соседнем дворе сорвала голос от надрывного лая, но он уже не обращал на это внимания. Ему нужно всего пять минут, чтобы жертва открыла дверь, получила порцию хорошего гипноза прямо в мозг, предоставила свою яремную вену и дала возможность насытиться оголодавшему вампиру.

Послышалось шлепанье босых ног.

— Кто там?

— Простите за поздний визит, но я, кажется, заблудился. У меня сломалась машина, и я ищу, откуда можно позвонить.

— А почему вы стучите в заднюю дверь? — насторожилась девчонка. Вампиру слышно, как она дышала, а сердце ускорило ритм. — Чтобы к ней подойти, нужно обогнуть дом, минуя главный вход, или перелезть через забор со стороны шоссе.

Вот ведь маленькая зануда...

— А я и подошел со стороны шоссе, — вампир сообщил чистую правду. — Моя машина там заглохла, — а это уже вранье. — Увидел вас в окне кухни и стучу в кухонную дверь. Мне обойти дом и попытать счастья с главного входа?

— Не надо, — почти сдалась девчонка. — Я принесу сюда телефон и открою дверь. Но учтите, я дома не одна. Со мной... старшие братья.

— Рад за вас, — фыркнул вампир. — Но мне нужен телефон, а не вы и ваши братья.

Девчонка засопела, что-то проворчала неразборчиво.

— А вас не затруднит подойти к окну? — попросила она, поразмыслив.

Хочет посмотреть на незваного гостя? Отлично. Это его "звездный час". Если повезет,

можно будет зачаровать малышку прямо через оконное стекло.

— Почему это должно меня затруднять, — спокойно отозвался он и встал перед окном.

Занавеска уползла в сторону и к оконному стеклу приблизилась круглая мордашка. Взгляд больших глаз недоверчивый, настороженный, немного сердитый. Но лучше рассмотрев фигуру за окном, девчонка удивленно раскрыла рот. Она смотрела на вампира ровно секунду, после чего отскочила назад, а занавеска вернулась на место.

Незванный гость не успел даже встретиться с юной хозяйкой дома глазами.

Ладно, пусть так. Но она точно успела разглядеть долговязого и широкоплечего парня чуть старше двадцати. Светлые, с рыжиной волосы аккуратно зачесаны и собраны в длинный хвост. Одежда куплена явно не в "Волмарте". А от лица просто невозможно оторвать взгляд. Вряд ли такие красавцы часто встречались в здешних краях.

Вампир хмурил брови, наблюдая за юной хозяйкой дома сквозь кружево занавески. Он знал, на что способен взгляд его светло-голубых глаз и белозубая улыбка самоуверенного умника. Двухметровый красавец, с внешностью модели с обложки журнала. Прилично одет и сдержан. Вполне может потянуть на выпускника какого-нибудь университета.

Преимущество и недостаток вечной молодости. Можно выглядеть молодым шалопаем или юным умницей, но никогда уже не станешь кем-то, кто вызывает доверие написанной на лице мудростью нажитого опыта.

Юности выглядеть мудрой не положено, даже если этой "юности" больше одиннадцати веков.

Вампир разглядывал девушку. Чуть ниже среднего роста, ладная фигурка, чистая кожа, покрытая загаром и кое-где веснушками, неопределенного цвета волосы стянуты в слегка лохматый хвостик. На личике по-прежнему написано удивление — рот приоткрыт, глаза округлились. Хорошенькая, аппетитная, но не красавица и никогда ею не будет.

Свежая, чистая, провинциальная посредственность. Родилась, выйдет замуж за такую же посредственность, нарожает посредственных ребятишек. Если и уедет отсюда, то точно в такую же дыру.

Девушка немного пришла в себя, прикрыла рот и смущенно заморгала.

— Хорошо. Подождите, сейчас принесу телефон, и только потом открою дверь.

Легкие шаги затихли где-то в глубине дома, потом послышались вновь.

Вампир увидел, как девчонка несет телефонный аппарат и тянет за собой длинный провод. Установив телефон на столике возле двери, потянулась к дверной щеколде и замерла. Вампир чувствовал вибрации, передаваемые ее обострившимися волнением, страхом и сомнением.

— Если вы боитесь, я поищу помощь в другом месте, — тоном оскорбленного достоинства произнес вампир. — Но я не маньяк, который рыщет по ночам и ищет жертвы. Можете позвонить в полицию, и мы подождем, пока она приедет, каждый со своей стороны двери. У вас ведь здесь есть участок шерифа? Позовите ваших братьев, в конце концов, может, с ними я решу вопрос быстрее.

— К-конечно, у нас есть полицейский участок, — слишком поспешно заявила она, игнорируя тему "братьев". — И сейчас я туда позвоню.

Но она не набрала номер. Снова глянула в окно, сквозь занавеску пытаясь рассмотреть гостя. Она хмурила светлые брови, закусывала щеку изнутри. Вампир читал на ее лице уже привычные изумление, смятение, недоверие и... восхищение.

Охотник слышал ее легкие шаги по кухне, а через пару секунд она действительно

набрала какой-то номер и говорила якобы с дежурным, прося приехать и оказать помощь "заблудившемуся человеку, у которого сломалась машина".

Умная девочка. Вот только вампиру известно, что ближайший полицейский участок находится в четверти часа езды отсюда. Пока они доедут, он успеет завершить трапезу, а девчонке придется объяснять причину ложного вызова.

— Ну, ладно, полиция в пути, — обиженно проговорил вампир. — У вас ведь есть цепочка на двери?

— Н-ну, есть, — осторожно ответила девушка.

— Можете хотя бы приоткрыть дверь и дать мне трубку, не снимая цепочки? Я назову номер, вы его сами наберете, а я поговорю и сразу же уйду. Меня ждут друзья, кто-нибудь из них обязательно придет и заберет меня и машину. Поверьте, мне совсем не улыбается коротать время в вашей дыре.

— Что вы заладили — "в дыре, в дыре"! — взвилась девчонка.

Его губы дрогнули в ухмылке, когда услышал, как она возится со щеколдой и оскорбленно сопит.

— Никакая у нас не дыра, нормальный средний городок, — бормотала она.

Дверь приоткрылась, и вампир увидел ее лицо. А вот и "зеркала души" — синие, как озера, и такие же бездонные.

Один миг, и девушка в трансе сделала шаг назад, и застыла, не сводя остекленевших глаз с вампира. Легко, как нитку, он порвал цепочку на двери и негромко сказал:

— Пригласи меня войти, милая.

Она послушно открыла рот и произнесла:

— Входите, пожалуйста...

Шагнув в дом, он заключил в объятия ослабевшую девушку. Сильные руки подхватили хрупкое податливое тело, холодные губы почувствовали тепло обласканной солнцем кожи. Юная жертва вампира всхлипнула, когда клыки вонзились в вену на шее, и обмякла в его руках, становясь словно тяжелее.

Босые ножки болтались в воздухе, пока он пил сладкую, горячую кровь...

Вампир прикрыл глаза от удовольствия, чувствуя, как напрягается плоть в брюках. В подобных случаях он иногда позволял себе совмещать удовольствия. Но не сегодня, не с этой сладкой малышкой. Он не педофил.

Почему-то мысль о том, какой он сегодня "правильный", вызвала неконтролируемый приступ раздражения. Вампир плотнее приник к шее девушки, сделал большой, жадный глоток. Девчонка напряглась в его руках, шевельнулась, а через секунду беспокойно заерзала и задергалась, недовольно кряхтя.

Вампир прекратил пить, неохотно вытянул клыки из плоти девчонки — с чего ей вдруг вырываться, если он погрузил ее в достаточно глубокий транс. Чуть отстранился, чтобы взглянуть на свою жертву, и наткнулся на сердитый синий взгляд. Прямой и вполне осмысленный.

— Что уставился?

Не веря своим ушам, вампир смотрел на девчонку, и брови его непроизвольно ползли вверх. А хозяйка дома уперлась руками в его грудь, выгнулась и выскользнула, как маленькая шустрая рыбка. Коснулась рукой шеи, не сводя с вампира горящих яростью глаз.

— Похлебал и хватит с тебя, — проворчала, кривясь от отвращения.

— Но... как ты? Откуда, черт возьми?..

Он мгновенно овладел собой, перестав лепетать что-то невнятное.

— Удивлен? — с вызовом поинтересовалась девица. — А все просто — я знаю, кто ты такой. Знала с самого начала, — у нее вырвался нервный смешок.

— Допустим, ты знаешь кто я такой. Почему же впустила меня? Почему позволила пить из тебя.

Она бесстрашно, с любопытством наблюдала за выразительной мимикой красивого лица гостя, а он смотрел на нее, силясь понять, насколько возможно происходящее.

— Ты чокнутая? — с участием в голосе поинтересовался он.

— Да как тебе угодно, — нахально ухмыльнулась девчонка. — А ты — Лео Долговязый? — парировала она и добавила, как выплюнула: — Вампир.

Он уставился на девчонку, изучая наглую мордашку. Что ж, поиграем.

— Вообще-то меня зовут Леонар Борегар, — спокойно ответил он. — Если уж такая просвещенная, то должна это знать. Лео — английский вариант моего имени. А я француз. А вот ты что за искательница приключений? И что за провинциальный театр тут устроила? Раз знаешь про вампиров, должна знать, что шутить с ними не стоит...

Он надвинулся на нее, не сводя пронзительного взгляда с юного личика.

— Тоже мне, Дракула выискался, — фыркнула девчонка, невольно отступая. — Ты лучше спроси, почему на меня твой неотразимый гипноз не подействовал? Я знаю, что такие, как я, попадают очень редко. Разве нет? И не мог бы ты остановить кровь? — она указала пальчиком на две ранки на своей шее, продолжавшие кровоточить.

Лео задумчиво провел языком по зубам, прикидывая, стоит ли слушать эту чокнутую пигалицу дальше.

Но ведь чары-то, правда, не сработали. И уж очень она наглая, прямо интересно.

Он проколол клыком свой указательный палец. На подушечке тут же выступила густая капля, похожая на зернышко граната. Вампир протянул руку и коснулся шеи девушки. Смазал проколы, невольно задержав палец на теплой коже.

Вообще-то, он должен немедленно свернуть ей шею. Иного выхода просто нет. На нее не действуют вампирские чары, наверняка и память ей подчистить не получится. Значит, остается один вариант.

Не убирая руки, Лео не спеша приложил ладонь к незащитному горлу девчонки и согнул пальцы, почти смыкая их вокруг тонкой шейки.

— Только попробуй, козел, — спокойно произнесла пигалица. — От тебя и мокрого места не останется.

Лео замер, не зная, как реагировать на нахалку.

— Прости? — переспросил он.

— А правда, что вампиры не отражаются в зеркалах? — задала девчонка неожиданный вопрос.

Под ладонью Лео нервно дернулось теплое горло, и бешено забился пульс.

Он не ответил, а вместо этого посмотрел в темное окно. Девушка перевела взгляд туда же. В стекле, за чуть отдернутой шторой, вполне отчетливо отражались он и она.

— Ага, понятно, — отозвалась девчонка. — В таком случае тебе следовало бы посмотреть на свою самодовольную рожу последний раз. Если ты только хоть пальцем меня тронешь, я точно говорю — от тебя даже гнилой лужи не останется. Уж поверь.

Лео с нарочитой серьезностью кивнул, и сильнее сдвинул длинные пальцы на тонкой шее. Прищурился, разглядывая непонятный экземпляр сумасшедшей человеческой девчонки,

бесстрашно стоящий перед ним. На две головы ниже, в три раза тоньше. Если бы эта "мелочь" кинулась на него, достаточно было просто позволить ей уткнуться лбом в ладонь его вытянутой руки и удерживать так, позволяя трепыхаться, пока не свалится без сил. Только вряд ли ее самоуверенность строилась на том, что она могла до смерти забодать или зацарапать тысячелетнего вампира.

В тот же миг Лео почувствовал — у него стала подниматься температура, что совершенно невозможно ни с каких точек зрения. Кровь в жилах будто стала прокачиваться невидимым насосом, ускоряя и разогревая кровоток так, что его давным-давно мертвое сердце задребезжало в груди, как старый мотор.

Лео встретился взглядом с замершей в его хватке незнакомкой, и резко убрал руку. Крайне неприятные и очень тревожащие ощущения почти тут же утихли и через мгновение прекратились.

Судя по тому, что только что испытал, она все-таки что-то этакое могла сотворить. И сотворила.

— Ну, что? Убедился? — тихо поинтересовалась она. — И это я еще не разогрелась даже. Так, пощекотала.

Лео на миг подумал, что она владеет Магией крови, но тут же отбросил эту идею, как самую нереальную из всех возможных. Отбросил, но недалеко. Мало ли...

— О'кей, малявка, верю тебе. Давай-ка, объяснись поконкретней. Я весь внимание.

Леонар обошел юную нахалку, выдвинул кухонный стул и уселся.

— А сейчас полиция приедет, — сказал девушка. — Не боишься?

— Нет, не боюсь. Ты не поддаешься моим чарам, но не думаю, что и в полиции есть отряд вампироустойчивых копов.

Девушка широко и радостно улыбнулась, чем окончательно сбила Лео с толку, хотя виду он, конечно, не подал.

— Вот ты ты прав, — согласилась она, усаживаясь на стул напротив него. — Таких, как я совсем немного, и мне нужна защита.

— Ух, ты. От кого же?

— От вампиров и прочей нечисти, — важно заявила.

— И кто же должен тебя защищать?

— Ты.

— Согласен.

Произнесенное им без паузы произвело нужный эффект. Девчонка встрепенулась, как хохлатая птичка, и уставилась на Лео, силясь понять, шутит он или говорит серьезно.

— Я не шучу, — заявила она сурово.

— Я тоже, — пожал могучими плечами Лео.

На его ослепительно красивом лице расцвела открытая мальчишеская ухмылка. Рыжеватые брови довершили картину полнейшей «искренности», приподнявшись над ясными глазами.

— Зря ухмыляешься, — процедила сквозь зубы девчонка. — Я про вас знаю, убить меня сложно. И я секретное оружие против вампиров. Шутить дальше изволите?

— Убить сложно, но можно, — заявил вампир. — Секретное оружие — это интересно. Выкладывай. А там посмотрим.

— Нет уж, — сощурила синие глаза девчонка. — Сначала дай клятву, как положено.

— О какой Клятве ты говоришь? На мизинчиках?

— Ломайся сколько угодно, господин вампир. Я говорю о Клятве крови, — очень серьезно заявила девушка.

— О Клятве крови? — интерес Лео к девчонке возрос.

— Ага, о ней.

— Вот как?

Вампир выгнул бровь и проворчал себе под нос: "все чудесатее и чудесатее..."

— Чего? — с подозрением поинтересовалась девушка.

— "Алиса в стране чудес". Читала?

— Мне чудес и в жизни хватает, — пробурчала почти обиженно. — Так тебе интересно мое предложение?

— Я даже не понял, в чем именно оно состоит, — округлил глаза Лео.

— Ты должен стать моим защитником, чего тут непонятного, — рассердилась девчонка.

— На основании чего?

— На основании всего! Я могу убивать таких как ты! Но не хочу. Если про меня узнают твои собраты, то попытаются уничтожить. Или еще чего, похуже... Кстати, сделать это будет непросто. Как ты убедился — я тоже "кусаюсь". И вампир может сдохнуть гораздо быстрее, чем убьет меня. Ты вот старый, а почти "закипел", едва прикоснувшись ко мне. Представляешь, что будет с новичком? Этого мало для основания?

— Ладно, убедила, — Лео вытянул длинные ноги, откинулся на спинку стула. Обвел взглядом кухню и снова уставился на «секретное оружие». — Давай, рассказывай, что ты за неведомая зверушка и почему тебя нужно защищать. И чем именно я обязан счастьем стать твоим «рыцарем в сияющих доспехах».

Настойчивый стук в дверь прервал их разговор. Пока юная хозяйка дома открывала дверь и извинялась перед двумя копами, объясняя, что человек, который попросил помощи, не дождался ее и ушел, Лео спокойно сидел на своем месте, окружив себя чарами, и наблюдал за девушкой. Полицейские покивали, как болванчики, и укатили, недовольно ворча, что зря прокатились.

Девушка вернулась на свое место за столом.

— Меня зовут Мэдисон, и... — заговорила она.

— Лет тебе сколько, Мэдди? — перебил ее Лео.

— Восемнадцать, — девчонка поджала губы, — скоро исполнится.

— Скоро — это через двадцать четыре месяца?

— Через два месяца. На кой черт тебе мой возраст?! Я не жениться на мне прошу, — вдруг рывкнула она, — а стать моим...

— ...защитником. Понял уже. Давай дальше.

Лео все сильнее закипал он непонятной бессильной ярости, находясь рядом с этой девчонкой. Он с легкостью мог (и должен был!) свернуть ей шею и уйти, не тратя время на то, чтобы выслушивать бред юной фантазерки. В истории вампиров крайне редко имели место случаи, когда Мастер-вампир становился официальным покровителем человека, наделенного необычными способностями. Но эта провинциалочка не могла быть обладательницей столь ценных способностей. Или все же могла?

Словно в ответ на сомнения, его мертвое сердце трепыхнулось где-то за ребрами.

— Дальше? — Мэдисон принялась накручивать куций хвостик на тонкий палец. — А дальше вот что. Я умею распознавать сверхъестественных существ. Вампиров — лучше всего. Я вас чувствую повсюду. И это жутко противно, скажу я тебе. Словно в липкий ледяной омут

окунаешься.

Девчонку передернуло, а Лео хранил терпеливое молчание.

— Еще когда ты только подбирался сюда, я уже знала, что к дому подходит вампир. Когда ты постучал в дверь и стал впаривать бред про машину, я уже знала, что ты войдешь и выпьешь моей крови. Оставалось сделать так, чтобы ты поверил, будто погрузил меня в транс.

— А тебе было все равно, что за вампир к тебе явится? — поинтересовался Лео. — Знаешь, среди нас редко встречаются такие любезные, как я. Любой другой сразу раздавил бы твою головенку, как гнилое яблочко. Или пришел бы новообращенный. У них контроль на нуле, с ним бы ты и пискнуть не успела, как он разорвал бы тебе горло и высушил до капли.

— А я знала, что это будешь ты, — девчонка прикусила щеку изнутри, потерла пальчиком короткий нос с редкой россыпью веснушек. — Другому бы я дверь не открыла.

— И откуда же ты узнала, малышка, что это буду я?

— Знала и все, — отрезала девчонка.

— Так дело не пойдет. Рассказывай все или пошла на хрен.

— А у тебя выбора уже вообще-то нет, — устало вздохнув, заявила малявка. — Когда ты пил мою кровь, Леонар Борегар, я про себя произнесла текст Клятвы крови. А когда попросила тебя закрыть ранки на моей шее, ты скрепил клятву, смешав нашу кровь. И ты добровольно назвал свое имя.

В этот момент Лео готов был свернуть шею самому себе. Одиннадцать веков "порхать, как бабочка и жалить, как пчела" и в итоге так... вляпаться. Ведь если девчонка не врет, и действительно проговорила про себя текст Клятвы крови (ее еще кто-нибудь помнит?!) пока он пил из нее, то Лео крепко попал.

— Сегодня определенно выдался очень интересный вечер, — заметил Лео. — Я сижу на кухне чокнутой девчонки, отдыхаю перед долгой дорогой домой и слушаю небылицы.

— Небылицы, говоришь? — прищурилась Мэдисон. — А как тебе это?

Она подалась чуть вперед и, глядя прямо вампиру в глаза, заговорила нараспев:

— "Я, Мэдисон Саттон, рожденная в 1967 году, в городе Мэдисон, штата Висконсин, призываю вампира Лео Долговязого стать моим Защитником. Наделяю Лео Долговязого полномочиями моего Покровителя и добровольно скрепляю эти полномочия своей кровью во имя нашего общего спасения и безопасности. Данное действие будет наделено силой бессрочной и нерушимой Клятвы крови с момента, когда вторая сторона, а именно Лео Долговязый, звавшийся прежде Леонар Борегар, также добровольно скрепит договор своей кровью".

— А кстати, почему тебя так вычурно кличут — Лео Долговязый? — оживленно поинтересовалась Мэдди, не делая паузы между речитативом клятвы и вопросом.

Лео не знал, чему больше удивляться: тому, что текст, произнесенный девчонкой, действительно вполне мог сойти за Клятву крови, или тому, что эта обезьянка знала такое слово, как "вычурно".

— А ты что-нибудь о Людовике Благочестивом слышала? — ласково поинтересовался он.

— Бла-го-чес-ти-вом? — нараспев проговорила Мэдди. — Это тоже вампир? Благочестивый — это типа весь правильный? Вампир, который не курит, не пьет, жене не изменяет и посещает ночные мессы? — ухмыльнулась она.

— Мда... — Лео потер бровь. — Это король Франков, живший в девятом веке. Правильным его трудно назвать, но что был набожный, это точно. Я служил при его дворе. Долговязым был прозван там. Мой рост в те времена был диковинкой, чему виной мое происхождение.

Зачем он все это ей рассказывает? Ночь становилась все более странной, но Лео не торопился уходить. Все зашло в какие-то немыслимые дебри, но до рассвета еще далеко, и он вполне успеет и разобраться с девчонкой, и добраться до Убежища. А пока можно и поболтать с этой странной и забавной зверушкой. Надо ведь узнать, в конце концов, почему она ждала именно его.

— Твое происхождение?

— Да. Моя мать была нормандкой.

— Это кто такие? — Мэдди забавно наморщила нос.

— Ты вообще в школу ходила? — презрительно скривился Лео.

Мэдди, казалось, обиделась. Она моргнула пару раз и поджала губы.

— Ходила. И к твоему сведению, неплохо ее закончила. Нормандками не интересовалась, зато могу вычислять логарифмы.

— Полезный в домашнем хозяйстве талант, — не скрывая иронии, заметил Лео.

Иронию Мэдди распознала и нахмурилась.

— Так вот, норманнами называли скандинавов. Викингов. О таких ты слышала?

— Слышала, — буркнула Мэдди. — Твоя мать была из викингов? Высоченная мощная красотка с блондинистыми косами до земли и мечом, как у валькирии?

— Ого! — одобрительно улыбнулся Лео. — Оказывается, пробелы в твоём образовании не так велики. Все верно говоришь. Моя мать была, как ты выразилась, высоченной нормандкой, а отец благородным франкским герцогом, Рудольфом Борегаром. Подобные союзы в те времена не являлись редкостью, и в результате на свет появился я. Но мы снова отвлеклись. Что там насчет твоей затеи с Клятвой крови?

— А что насчет затеи? Затея удалась, — самодовольно ухмыльнулась девчонка. — Я знаю про вампиров и слышала, что среди них есть такой хмырь — Лео Долговязый. Узнала, что ты рыщешь в наших краях и...

— Откуда? Откуда ты все это узнала? — раздраженно прервал девушку Лео. — Я никому не докладываю о своем местонахождении, и не сообщая о прибытии кому попало. Разве что...

Он уставился на Мэдисон.

— Тайлер Вуд, — произнес Лео. — Больше никто не знал, где я буду сегодня вечером, и именно этот хрен гнилой дал мне наводку на этот городишко и в частности на твой дом...

Девушка только поджала губы и промолчала.

— Ладно. С этой мокрицей я разберусь, — мрачно заметил Лео, специально рассуждая вслух, и добавил, уже обращаясь к девушке, — а ты имеешь какое-то отношение к Глории Саттон?

Девчонка бросила на вампира быстрый взгляд.

— Так звали мою прапрабабку, — сообщила она.

Лео запрокинул голову и уставился в потолок. Никогда не угадаешь, где судьба наступит тебе на пятки. Или крепко ухватит за одно место...

— Ну, если мы говорим об одной и той же Глории, то я бы на твоём месте особо не гордился подобным родством, девочка. Быть яблочком на одном генеалогическом древе с

ведьмой Саттон — это наказание. Но актриса ты неплохая. В прапрабабку, точно, — ухмыльнулся Лео. — Последний раз я видел ее в Канаде. Значит, оттуда ваша семейка перебралась в штаты?

— Ага. В Мэдисон, в Висконсине. И меня называли в честь города...

— Хорошо, что не в Милуоки. Девушке с таким именем несладко пришлось бы, — заметил Лео. — Ну, а как ты оказалась в Арканзасе?

— Уж не потому, что просто захотелось, — нахмурилась Мэдисон. — Мои родители погибли. Я осталась с теткой, родной сестрой мамы. Она таскала меня по стране, пока, наконец, не увезла на юг, сначала в Алабаму. Пыталась спрятать.

— Пыталась? Значит, попытка не удалась?

— Ну, какое-то время все вполне удавалось, а потом полезли... вы. Вампиры.

— Полезли?

— В смысле, я стала чувствовать вас и узнавать. Повсюду.

— Проснулись твои способности?

— Вот именно. И поначалу я реагировала... хм, неправильно... Мне ведь никто не объяснил толком, как держать эту фигню под контролем.

Мэдисон вздохнула, поскребла ноготком пятнышко на скатерти.

— А потом тетка отдала мне записную книжку моей бабушки.

— Не Глории?

— Нет же. Бабушки, говорю тебе. Её звали Джин, и она тоже обладала... способностями. Была очень сильным эмпатом. Настолько сильным, что не могла находиться среди людей. Джин вела записи, и ты там упоминался. Довольно подробно. И там же говорилось, что ты обитаешь в Арканзасе.

— Обитаю? — скривился Лео. — Деточка, я не волк.

— Я тебе не деточка, — парировала Мэдди. — Ну, а что тогда ты делаешь? Живешь? Существоешь?

Черт, а ведь и правда, самое подходящее слово "обитает".

— Перейдем к сути. Скоро рассвет, и если тебе все еще что-то от меня нужно, давай поконкретней, — хмуро прервал девчонку Лео.

— Ну, а что ты не понял из текста Клятвы? Мне нужен защитник и покровитель. Я выбрала тебя. Как моя прапрабабка... Не самый лучший вариант, но ей ты помог... выживать.

— Покровительство чего-то стоит, малышка. За это твоя прапрабабка оказывала мне кое-какие услуги, я кормился от нее. И трахал всякими разными способами. Тебе это известно? — спросил Лео, глядя в синие глаза девчонки. — А ты мне ни в одном из этих смыслов неинтересна.

— Мне все известно, — Мэдди скривилась, словно понюхала какую-то гадость. — И я с тобой трахаться не собираюсь. Даже за горы золотые.

— Даже за собственную безопасность? — сощурился Лео.

На лице девчонки мелькнула растерянность, затем испуг.

— В твоих интересах не спать со мной, а сохранять мое инго... инку... Тьфу, да что за слово...

— Инкогнито?

— Угу. Я могу помогать тебе, как это делала Глория. Только без того, чтобы ты лез ко мне.

— Глория не жаловалась, когда я лез к ней, — Лео сладко улыбнулся, и у Мэдисон сразу подскочила температура. — Почти двадцать лет мы были... очень близки.

— Хочешь сказать, она... Она... с тобой... даже когда была уже замужем?! — глаза Мэдди округлились.

— Да, милая крошка. Твоя родственница была та еще шалунья. Но что не сделаешь ради собственной безопасности, ведь так? И что там у нас с Клятвой крови? — ухмыльнулся вампир. — Она уже вступила в силу? Правильно я понял? То есть, я принял на себя обязательства и стал твоим защитником. Добровольно. Кстати, тебе известно, что теперь ты не можешь отменить для меня приглашение в любой свой дом?

Мэдисон округлила глаза.

— Да, милая. Издержки Клятвы. Все работает, до тех пор, пока ты жива...

На красивом лице Лео нарисовалась мягкая ленивая улыбка, как у кота, сожравшего жирную рыбешку.

— Но что значит, «пока я жива»?! Ты и должен...

— Смерть по естественным причинам не в счет: болезнь, старость, несчастный случай. На это мои полномочия покровителя не распространяются.

— Но, если...

— ...и пока ты не попробуешь крови другого вампира, а он твоей...

— Фу! И еще раз — фу!

— ...И пока ты не вышла замуж и не сменила фамилию...

— Но если я сменю фамилию... Так вот почему прапрабабуля осталась Саттон...

— Ага, клятва утратила бы свою силу. Ой, тут куча тонкостей, я их всех и сам не знаю, — Лео лениво двинул рукой, развалясь на стуле. — А спросить некого. Начни я задавать вопросы, этим сразу заинтересуются. Меня вычислят, тебя вычислят. Мир изменился, крошка. Сейчас, знаешь ли, Клятвы крови не в ходу. Меня могут наказать за сделку с человеком.

— Наказать?

— Сурово, — Лео медленно провел ребром ладони по своей шее. — А не станет меня, ты тоже останешься без защиты. Но очень недолго, — вампир ухмыльнулся.

— Но пока всего этого не случилось, ты будешь моим защитником? — девушка смотрела синими глазами, полными отнюдь не наивного ожидания.

— Буду. Ты выбора мне не оставила, малявка. Почти. Болезни, несчастные случаи. Помнишь? — Лео подмигнул ей. — Но ты забавная, пожалуй, я еще наведаюсь к тебе.

— Я не буду с тобой трахаться!!! — закричала она, вцепляясь в край стола. — А если прикоснешься...

— Убьешь меня. Я понял. Говорил же уже: ты мне неинтересна в этом смысле.

— Сколько тебе было, когда ты стал... ну, вампиром? — вдруг спросила Мэдди тихо.

— Двадцать два исполнилось. Прямо день в день.

— Ты был женат?

— Это тебе зачем знать? — Лео поморщился. — Но нет, не был. Собирался только.

— А дети были?

— Наверное, — вампир лениво пожал плечами, — я не праведник, а средства предотвращения нежелательной беременности в те времена были сильно ограничены.

— Тебе... ничего этого не жаль?

Лео воздел глаза к потолку, очень правдоподобно изобразив усталый вздох.

— Это что — разговор по душам? Мне неинтересно вести его с тобой, Мэдди. Ни с тобой, ни с кем другим. Но с тобой — в первую очередь.

Он поднялся и, аккуратно задвигая стул на место за столом, сказал:

— Ты хитро и удачно провернула все сегодня, малышка. Отдаю тебе должное. И я буду твоим Покровителем. Неофициальным, конечно. Но ты ведь знаешь, что Клятва эта — двустороннее явление. Мы клянемся тем, что позволяет нам существовать — кровью. Клятва эта — как военная присяга, дело чести. Нарушить честь, что у вампиров, что у людей не есть правильно, как бы... хм, смешно это не звучало. Никто не узнает о тебе от меня, и никто не узнает обо мне от тебя. И не только обо мне. Ты обязана держать в строжайшем секрете сам факт существования вампиров.

— Знаю, — заявила Мэдди серьезно. — От меня, — она ткнула пальчиком себя в грудь, — о вас никто и никогда ничего не узнает. А если бы я и проболталась, то люди мне все равно не поверят и не смогут защитить от вас. А вашу братию сердить и дразнить я не собираюсь, не дура. А ты не забудь, что не можешь убить меня. И не только потому, что это сделать нелегко, а и потому, что заключившие клятву крови не должны вредить друг другу.

— А знаешь, что будет, если мы попытаемся? — подмигнул ей Лео.

— Клятва перестанет действовать.

— И тогда можно будет не пытаться, а взять да и убить. Кстати, твоя попытка вскипятить мою кровь вполне может считаться, — вампир осклабился, наблюдая, как побледнела девчонка и выпрямилась в струнку, все крепче сжимая край стола побелевшими пальчиками.

— Я... не... не пыталась вскипятить твою кровь, только показала, что могу управлять твоим кровотоком... — губы девчонки дрожали, она едва не рассыпалась на запчасти, держась из последних остатков смелости, но Лео было уже неинтересно пугать ее.

— Расслабься, все пока в силе. Но может случиться что угодно. Так что, держи ушки востро. И не призывай меня без надобности. Кстати, чтобы связь работала как надо, ты должна выпить моей крови.

Мэдисон вскочила со стула, как ужаленная и отпрыгнула к стене, стискивая зубы и мотая головой. На лице ее было написано отвращение.

— Нет уж, малышка, — наблюдая ее реакцию, усмехнулся вампир. — Сегодня тебе такой подарочек не обломится. Для начала хватит и того, что я отведал тебя. И на этом все. Пока.

Он развернул свое высокое, как маяк, тело, и направился к двери.

Мэдисон посеменила за ним.

У самой двери он остановился, резко повернулся, и девчонка едва не налетела на него.

Вампир сгреб ее за предплечья, прижимая локти девушки к бокам, и без усилий приподнял худенькое тело. Онемев от неожиданности, Мэдди глядела на приближающееся невероятно красивое и очень серьезное лицо вампира. Он боднул ее, чуть разворачивая голову, прижался к ее уху губами и запел негромко, хриловатым баритоном, от которого у Мэдисон невольно поджались пальчики на ногах.

— Touch, touch in the flame's desire

Feeling the pain's denial,

And your finger's in the fire.

Look, look in the candle light

See in the flame of life

And my spell our lie

(Ты прикасаешься, ты затрагиваешь желание пламени,

Ты чувствуешь, что это не больно,

Но твой палец всё еще в огне.

Посмотри, посмотри в свет свечи:

Ты видишь там пламя жизни,

и мои чары, и нашу ложь...(пер. текста песни W-A-S-P — Sleeping (In the Fire)

— Мне тоже нравится эта песня. Отныне и навсегда ты спишь в огне, малышка, — проговорил Лео.

Она только пискнула, когда его холодные губы накрыли ее рот в болезненном и очень настойчивом поцелуе.

Он разжал руки неожиданно, еще касаясь губами ее губ, и Мэдди выпала из его хватки, едва устояв на ослабевших, подкосившихся ногах. Лео вышел за порог и исчез в ночи, растворился в ней, словно фрагмент темноты в пузырьке с чернилами...

За три прошедших с этой ночи года их пути пересекались не однажды.

Пару раз они выручали друг друга из серьезных переделок, один раз обменялись кровью, подтвердив состояние Клятвы между ними.

Лео видел, как менялась Мэдисон, превращаясь из девчонки в девушку. Она даже что-то такое сделала с мышиным цветом своих волос, превратившись в платиновую блондинку. Но ему было все равно, как она выглядит. Так он сказал себе и исчез на полгода, велев Тайлеру Вуду присмотреть за девчонкой. С чем тот справился с честью, надо отдать должное этому недоделанному недовампиру.

Когда Лео вернулся, в доме Мэдисон обитал какой-то лохматый мужик, по-хозяйски обнимавший и целовавший девушку. А она сияла от счастья, проецируя этот свет прямо в наглые зеленые зенки мужика. В том неизвестном типе было что-то от поджарого хищника, и он сразу вызвал у Лео неконтролируемую жажду убийства, и стойкое предчувствие больших неприятностей, которое опутывало парочку влюбленных как струйки едкого дыма.

Лео надеялся, что она выйдет замуж, сменит, наконец, фамилию и освободит его от Клятвы. Но все оказалось куда сложнее, и предчувствия Лео не обманули: мужик плохо кончил, сгинув в самое неподходящее время и успев затянуть девушку в опасную зону.

Мэдисон осталась одна, нуждаясь в серьезной помощи и будучи глубоко беременной.

Часть 1. Глава 1. В дыру за белым кроликом

Глава 1. В дыру за белым кроликом.

"Вот уж упала, так упала..."

(Л. Кэрролл, Алиса в стране чудес)

Прага, наши дни

Стемнело, хотя нет еще и шести. Холодно и очень влажно. От мелкой измороси, висевшей в неподвижном вечернем воздухе, слегка покалывало кожу. Микроскопические капли, похожие на водяную пыль, оседали на волосах и одежде, покрывали брусчатку мостовых, делая ее глянцевой в свете фонарей.

Фредерика выскочила из метро, тут же влилась в поток прохожих, более чем на половину состоящий туристов, и двинулась в сторону музея. Она спешила, ведь еще минут двадцать, и музей закроется, а нужно не только успеть добежать до него, но и найти в недрах служебных помещений нужного человека и передать ему документы.

Фреда ускорила шаг, стараясь не навернуться на мокрых камнях в своих новых сапожках. Каблуки у них хоть и не самые высокие, но явно не приспособлены для столь резвого гарцевания по мокрой и скользкой брусчатке пражских улиц. Знай она, что придется сегодня выполнять это поручение, ни за что бы не обула обновку. Продвигаясь почти бегом на негнущихся, напряженных ногах, девушка уже через пару минут с облегчением тянула на себя ручку двери музея Альфонса Мухи.

Женщина средних лет с бейджиком, приколотым к старомодной черной кофте, два раза с недоверием переспросила, что именно нужно Фреде, видимо приняв ее за заблудившуюся туристку, и лишь потом неохотно указала куда идти.

Борясь с искушением задержаться и полюбоваться экспозицией, Фреда пробежала по длинным залам музея через арочные проемы, пока не нашла в конце одного из помещений дверь с надписью "Только для персонала", нырнула за нее и двинулась по служебному коридору.

Вот и она — третья дверь слева, явно не запертая. Фреда постучала, и, не дождавшись ответа, заглянула внутрь. Маленькая комната с большим окном, закрытым белыми жалюзи, у окна — стол со стопками разноцветных папок и бумаг, среди которых едва нашлось место для ноутбука. У стены шкафы, чуть правее на вешалке висела черная мужская куртка. И куртка, и ноутбук говорили о том, что хозяин кабинета может быть где-то неподалеку. Фреда вышла обратно в коридор.

Разыскать нужного ей Детмара Брожа оказалось задачей непростой: никто из опрошенных обитателей других кабинетов не знал, где тот находился в данный момент. Самым популярным предположением было {"наверное, уже ушел домой"}. Но именно это Фреду никак не устраивало. Неужели завтра снова придется тащиться сюда через весь город? Хотя, конечно, если сделать это с утра, то все не так уж и плохо. Можно будет успеть пробежаться по залам музея и посмотреть картины любимого художника. Помнится, в экспозиции музея находились и весьма забавные фотографии. Например, та, на которой был

изображен Поль Гоген в мастерской Альфонса Мухи, сидящий за фисгармонией с серьезным лицом и без штанов.

В одной из комнат молодая женщина, надевавшая элегантное пальто, сказала, что "Марек, кажется, собирался в архив". Архив, по традиции, находился в полуподвальном этаже музея.

Получив очередные разъяснения, Фреда продолжила поиски неуловимого Марека, попутно с досадой отмечая, что не так уж весело быть "младшим помощником". Все время находишься на побегушках у старших по должности. "Поезжай туда, отвези то, проследи, чтоб расписались, заberi это...".

Обычно Фредерику посылали с бумагами к наиболее значимым клиентам, прибегавшим к услугам специалистов Отдела охраны культурных ценностей Пражского Магистрата, в котором и трудилась Фреда после окончания Университета. Наверное, сегодняшнего клиента тоже можно причислить к числу значимых. А иначе, к чему такая срочность с этими бумагами? Ведь она и в самом деле могла спокойно завести их завтра. Так ведь нет, бери бумаги и беги сегодня, под самый конец рабочего дня.

И Фреда побежала. Вниз по лестнице, стуча каблучками, звук которых гулко отдавался от стен.

Двустворчатая дверь с надписью "архив" располагалась прямо напротив лестницы.

Постучавшись лишь для проформы, Фреда, не дожидаясь ответа, приоткрыла створку, заглянула внутрь и сразу же увидела высокого мужчину, выглядывавшего из-за рядов стеллажей, занимавших почти все пространство не очень большого помещения. Его удивленный взгляд был устремлен на неожиданную посетительницу.

— Простите за вторжение, я ищу Детмара Брожа.

— Это я, — отозвался мужчина, не двигаясь с места, — а вы, простите, кто?

Фреда представилась, кратко пояснив причину своего появления, и сразу же полезла в сумку за папкой с документами.

— Теперь понятно, — сказал Детмар, направляясь в ее сторону. Приветливая улыбка сделала его весьма симпатичное лицо еще более привлекательным.

— А я уж было удивился, кого это сюда занесло, — он подошел к Фреде. — Обычно в дверь архива у нас никто никогда не стучится. Если вы не торопитесь, то не могли бы подождать здесь минут пять? Мне надо найти кое-что, я поздно спохватился, а уходить, не доделав дело, не хочется. Так подождете?

— Конечно, — кивнула Фреда.

— Отлично, — Детмар благодарно улыбнулся, — присядьте пока вот здесь, а я постараюсь все сделать очень быстро.

Он указал на стул на колесиках возле большого письменного стола, и торопливо скрылся между стеллажами в глубине помещения.

Стул оказался мягким и удобным, Фреда с удовольствием уселась в него, откинувшись на спинку, вытянула уставшие ноги и... едва не уснула. Зевнула, передернула плечами, борясь с дремотой, и посмотрела на часы — почти шесть, через пару минут музей закроется. Но волноваться об этом уже не стоило, она совершенно определенно успеет сегодня сделать то, зачем пришла сюда.

Ждать пришлось не пять минут, а целых пятнадцать. Казалось, "Д. Брож, старший научный сотрудник", как было написано на его бейджике, совершенно забыл про нее.

Фреда решила напомнить о своем присутствии деликатным покашливанием,

прозвучавшим в тишине архива неожиданно громко.

Так или иначе, но Детмар, наконец, закончил рыться на архивных полках, и выбрался из-за стеллажей. Улыбаясь, приблизился к Фреде, и ее губы невольно изогнулись в ответной улыбке.

— Простите, что заставил ждать, — извинился молодой человек, — зато я нашел то, что нужно. Пойдемте ко мне в кабинет, там будет удобней просмотреть все документы.

В коридоре, где были расположены служебные кабинеты, стало совсем тихо: все сотрудники или большинство из них, скорее всего, уже разошлись. Откуда-то доносился тихий гул — в музейных залах работала поломочная машина.

Детмар уселся за стол в своем кабинете, Фреда положила перед ним папку с готовыми документами, и мужчина погрузился в чтение, внимательно проглядывая страницы убогистого текста.

"Это надолго", — с грустью подумала девушка, запасаясь терпением. Впрочем, спешить все равно уже некуда.

Собрать, проверить и правильно оформить все бумаги, разрешающие вывоз с территории страны "культурных ценностей" дело довольно хлопотное, а иной раз совсем непростое. Крайне занятые люди зачастую не имели времени самостоятельно заниматься всем этим, и тогда специалисты отдела, в котором работала Фреда, становились посредниками, со знанием дела и без проволочек готовя все необходимое по официально установленным тарифам. Конечно, была в этом некая "коммерция", но куда от этого денешься в наше время. Да и контролировалось все непосредственно в их Отделе, что много надежнее, чем, если бы этим занимались случайные и некомпетентные люди.

В этот раз Фреда не очень вникала, что именно собирается вывезти с территории страны научный сотрудник музея Альфонса Мухи, но кажется, речь шла о каких-то архивных документах.

Наконец Брож все прочитал, поставил подписи в нужных местах, и Фреда с облегчением вздохнула, убирая в сумку подписанный очередным довольным клиентом экземпляр договора.

Детмар тем временем что-то быстро набрал на клавиатуре ноутбука, хмуря при этом темные брови. Затем с явным облегчением выключил компьютер и откинулся на спинку кресла.

— Спасибо вам большое. Все в полном порядке. Не представляете, насколько вы облегчили мою жизнь, — сказал Детмар, кладя руки поверх прозрачной пластиковой папки с документами.

— Пожалуйста, — отозвалась Фреда, вставая со стула, — что ж, всего вам доброго, обращайтесь к нам еще, если возникнет такая необходимость.

Произнося эту дежурную фразу, она закинула ремень сумки на плечо, застегнула воротник куртки и направилась к выходу.

— А прямо сейчас можно обратиться?

Вопрос остановил девушку, она повернулась и вежливо-вопросительно уставилась на Детмара.

— Могу я обратиться к вам с просьбой выпить со мной кофе? — сказал мужчина, поднимаясь из-за стола. — Прямо сейчас.

Фреда от неожиданности немного растерялась, но глядя на высокого, темноволосого, с ясным и открытым взглядом старшего научного сотрудника, подумала секунду-другую и

ответила:

— Почему бы и нет.

Нет, ну, в самом деле, почему бы и не выпить с ним кофе? Этот молодой мужчина бесспорно обаятелен и очевидно привлекателен. Было в нем что-то располагающее, и Фреда, которая старательно держалась правила никогда и не под каким предлогом не принимать никаких случайных предложений от незнакомых мужчин, решила, что к данному случаю это правило не относится. Детмар был не совсем случайным мужчиной, встреченным в ресторане, на улице или в метро. С большой натяжкой, но можно сказать, что между ними уже имели место "деловые отношения". И потом, полчаса за чашечкой кофе в многолюдном, но уютном кафе вполне могли стать приятным и ни к чему не обязывающим завершением долгого и утомительного дня.

Согласие Фреды явно обрадовало молодого человека, и он снова широко улыбнулся, а она почувствовала себя слегка одурманенной его обаянием. Марек вполне мог работать продавцом какой-нибудь никому не нужной ерунды. С этой его обезоруживающе-открытой улыбкой он способен впарить кому угодно самый абсурдный товар.

— Сегодня определенно удачный вечер! — радостно заявил симпатичный старший научный сотрудник, торопливо наводя на своем рабочем столе порядок. — Все документы готовы, и их принесли именно вы. И у вас такое красивое имя, и говорите вы с милым акцентом. Вы ведь не чешка?

Фреда отрицательно покачала головой, не горя желанием пока что пояснять свое происхождение.

Продолжая говорить, Детмар передвигался по кабинету, что-то убирая в шкафы и в стол, одевался, заглядывал в свой элегантный кожаный портфель, хлопал себя по карманам с озадаченным лицом, которое тут же прояснялось, когда он находил нужное. Фреда с интересом наблюдала за ним, и с каждой минутой он нравился ей все больше и больше, даже, несмотря на некоторую суетливость.

Молодой человек убрал ноутбук в чехол и принялся складывать бумаги в портфель. В кармане его куртки тренькнул телефон. Вытащив его, он быстро взглянул на экран и нахмурился, раздумывая.

— Простите меня, безголового, но я все-таки кое-что забыл, — произнес с досадой. — Не будет слишком большой наглостью, если я попрошу вас еще немного подождать? Буквально минуту! — он умоляюще посмотрел на Фреду. — Я только снова сбегая в архив, там на столе, кажется, остался мой ежедневник...

— Не возражаю, — пожала плечами девушка, начиная понимать, что видимо в нагрузку к такому обаянию, как у Детмара, прилагается еще рассеянность и отсутствие чувства времени.

Благодарно кивнув, Брож схватил папку с документами, которые привезла ему Фреда и выскочил из кабинета. Звук его шагов прозвучал, удаляясь, и стих.

Фреда достала пудреницу из сумочки, придирчиво разглядела себя в зеркальце, поправила челку, нанесла свежий блеск для губ и разгладила пальцем брови. Убрала пудреницу в сумку и тут поняла, что, прошло уже больше, чем минута, которая требовалась, чтобы спуститься бегом в архив и взять что-то со стола. Марек явно задерживался. Возможно, он лишь думал, что забыл ежедневник на столе, и сейчас искал его еще где-нибудь.

В какой-то момент ей показалось, что по коридору кто-то очень быстро прошел, но

дверь в кабинет осталась закрытой, а Детмар так и не появился.

Фреда нетерпеливо потопталась на месте, огляделась и присела на стул возле стола. Вздохнув, взглянула на часы. Ничего себе! Уже восьмой час.

Прошло еще пять минут, а Детмар все не возвращался.

Сочтя это все сущим безобразием, Фредерика решила, что подождет пару минут и уйдет. Но, не дождавшись пока истечет отведенное время, поднялась и выглянула в коридор. Там стояла абсолютная тишина, словно в музее вообще никого уже не было, но, совершенно точно, здесь должна оставаться охрана. Надо найти их и попросить выпустить ее на улицу.

Фреда двинулась к выходу с твердыми намерениями покинуть музей, унося с собой печальные мысли о несостоявшейся "чашечке кофе".

Не дойдя до двери, через которую заходила в служебные помещения, Фреда остановилась и прислушалась. Показалось, что где-то позади снова раздались торопливые шаги, которые очень быстро стихли, словно кто-то пробежал пару метров и резко остановился. Следом донесся странный тихий звук, похожий на... Хрип? Или рычание? Что это вообще могло быть? Звук доносился со стороны лестницы, ведущей в полуподвальный этаж.

Фреда нерешительно огляделась, соображая, что делать. Пойти посмотреть, что там такое? Найти охрану? А что она скажет охране? "Знаете, у вас в подвале кто-то хрипит. Скорее всего, это ваш старший научный сотрудник Брож, который сначала приглашает девушку на свидание, а потом прячется от нее в архиве..."

А, может быть, ему там стало плохо? Может у него астма? Или сердечный приступ?! Больше не колеблясь, Фреда направилась к лестнице.

На нижнем этаже выключили освещение, лишь с одной стороны в торце горела дежурная лампочка. Противоположный конец коридора изгибался под прямым углом, и за поворотом тонул в темноте. Дверь в архив плотно прикрыта. Фреда потянула ручку — заперто. Вокруг гулкая тишина и никаких признаков чьего-либо присутствия.

Неужели ее просто-напросто кинули? Но могло ли быть такое, что взрослый, вполне разумный человек пригласил ее выпить кофе, а потом вдруг передумал и, не мудрствуя лукаво, незаметно смылся? Детский сад какой-то! Она же не под венец его тащить собралась на первом же свидании.

Раздраженная, недоумевающая, разочарованная и усталая Фреда развернулась и решительно пошла обратно. Едва занесла ногу над первой ступенькой лестницы, как боковым зрением уловила что-то, промелькнувшее в полумраке не освещенной части коридора. Машинально Фреда повернула голову и тут же снова услышала тихий шорох.

— Эй, здесь кто-нибудь есть? — окликнула девушка.

Шорох снова раздался и тут же стих, а еще показалось, что темнота колыхнулась, став на мгновение словно бы гуще. Фреда потянулась к кармашку сумочки, в котором лежал телефон, и шагнула вперед, старательно вглядываясь в погруженную во мрак часть помещения. Еще шаг в темноту, и ноги поехали на чем-то скользком, а девушка, неловко взмахнув руками, рухнула навзничь, пребольно ударившись копчиком и спиной о плиточный пол. Сумка вместе с телефоном улетели куда-то, а Фреда за долю мига своего падения успела прочувствовать всю нелепость происходящего. Из рта вырвались совсем не девичьи ругательства, она осторожно пошевелилась, уперлась согнутыми в локтях руками в пол и попыталась приподняться. Руки тут же скользнули на чем-то омерзительно липком, и Фреда снова приложилась об пол, на этот раз затылком, так, что из глаз чуть ли не искры

посыпались.

Скрипнув от досады и боли зубами, она со стоном перекатилась на бок и попыталась подняться на колени. Неловко копошась на скользком полу, Фредерика больше не пыталась дать оценку ситуации, в которой оказалась, чувствуя себя беспомощным насекомым, залипшим в смоле. Все мысли словно вынесло ветром из головы. Кроме одной единственной — обратиться отсюда поскорее.

Она поднялась на ноги, опираясь рукой о стену, и постаралась рассмотреть, на чем поскользнулась. Но на темных плитках пола, да еще в темноте невозможно ничего различить. Но, возможно, у здешних уборщиков такой метод "влажной уборки", после которого остаются огромные лужи.

Фреда оглянулась в поисках своей сумки и телефона, молясь, чтобы они оказались в поле ее видимости — ползать в темноте, разыскивая свои пожитки, совсем не хотелось. Наверное, разумней всего будет подняться наверх и обратиться к охране, объяснив ситуацию, какой бы нелепой она не казалась. Фреда осторожно, все так же придерживаясь за стену, направилась к лестнице. Сверху падал рассеянный свет от лампы, освещавшей лестничный проем, и девушка увидела, что ее руки оставляют на стене темные пятна. Морщась от отвращения, она поднесла липкие ладони к глазам, и в этот самый миг позади раздался отчетливый шорох. Фреда резко обернулась и увидела высокий мужской силуэт, стоящий совсем недалеко в обрамлении тьмы.

— Детмар? Это вы? — машинально проговорила деревянным голосом.

Кажется, сердце одним скачком переместилось в противоположную сторону грудной клетки, когда силуэт отделился от темноты и в долю мига оказался прямо перед девушкой, взметая за собой клубы какого-то черного дыма. Выглядело это так, будто за ним шлейфом тащилась сама тьма, из которой он появился.

Идеально гладкое, бледное лицо с расплывчатыми чертам приблизилось. Очень светлые, белесые глаза встретились с полным молчаливого ужаса взглядом Фреды, и ее точно парализовало. Разлепив онемевшие губы, она попыталась исторгнуть из охваченного спазмом паники и страха горла хоть какой-то звук, но ледяная рука вдруг зажала ей рот. Мужчина припечатал Фреду к стене, навалившись всем своим длинным, твердым, как камень, телом. От него шел странный, пугающий запах холодного болотного тумана.

— Наверное, ты очень невезучая, раз оказалась здесь и сейчас, — вкрадчиво произнес незнакомец глубоким низким голосом.

А она лишь смотрела в эти белые глаза, приморозившие ее к месту, и ощущала только прикосновение ледяной руки на своем лице.

— Обычно я не прошу прощения, красавица, — проговорил Белоглазый Кошмар, сильнее сжимая холодные пальцы на лице Фреды и наклоняя ее голову в сторону, — но тебе так и быть, скажу последнее "прости". Тебе просто не повезло, так что — прости...

Он вдруг оскалился, показав ряд белых зубов, среди которых выделялись два огромных, словно волчьих, клыка.

Фредерика не успела толком удивиться, категорически не желая верить своим глазам, а ее рассудок изо всех сил боролся с абсурдностью происходящего. Ровно до той секунды, когда эти самые клыки не вонзились ей в шею чуть ниже левого уха. Захлебнувшись от боли, Фреда выдохнула весь воздух из легких прямо в зажимавшую ей рот омерзительно холодную ладонь монстра. Ледяные пальцы сильнее сдавили лицо жертвы, и он заворчал, как оголодавший зверь, яростнее вгрызаясь в ее шею.

Несгибаемое сопротивление здорового рассудка происходящему кошмару пробудило древнейший инстинкт выживания. словно подброшенная какой-то внезапно распрямившейся внутренней пружиной, Фреда вскинула руки и, вцепившись монстру в плечи, врезала ему коленом промеж ног. Увы, удар получился совсем не такой сильный, как хотелось бы, или у ублюдка, кем бы он ни был, яйца оказались стальные. Белоглазый Кошмар не ослабил хватку, не согнулся пополам, хватаясь за свое драгоценное хозяйство, он даже не перестал чавкать, присосавшись к ее шее. Лишь слегка качнувшись, недовольно рыкнул и сильнее придавил свою жертву к стене. Фреда тут же камнем погрузилась на дно океана страха и отчаяния, мысленно прощаясь с жизнью.

Но мгновение спустя вдруг осознала — что-то определенно изменилось.

В горле монстра мерзко забулькало. Он медленно отстранился, глаза, похожие на кусочки льда, потрясено уставились на девушку. Рука монстра сползла с ее лица, и он отступил на шаг, продолжая смотреть на свою жертву в абсолютном изумлении. Обеими руками он обхватывал теперь собственное горло.

Фреда ничего не понимала, от ужаса окончательно утратив ощущение реальности. Видела только одно — бледное лицо выроodka испачкано кровью. Ее кровью! Этот извращенец в самом деле укусил ее и пил кровь!

Потрясенная этой мыслью, Фредерика какое-то время во все глаза смотрела на него, хватая ртом воздух, но, внезапно сбросив оцепенение, рванула к лестнице, ведущей наверх.

Едва она прыжком достигла лестницы, как наверху выросла огромная фигура, заслоняя свет и перекрывая весь проем от стены до стены. Фреда в запредельной панике отшатнулась, отступая назад, оглянулась, лихорадочно ища пути спасения, и снова увидела Белоглазого. Он так и стоял на месте, поднеся руки к своему горлу, все с тем же ошеломленным выражением окровавленного лица. И прямо на глазах это лицо, походившее на сюрреалистическую маску, вдруг стало искажаться. Оно неравномерно раздувалось и опадало, словно закипало изнутри, из носа и глаз поползли темные струйки, полосками расчертившие исковерканный облик. Монстр захрипел и нелепо задергался всем телом, глаза его почти вылезли из орбит, а измазанный кровью рот он открыл так широко, что стал похож на персонаж картины Мунка.

Фреда оцепенела, забыв о спасении, когда Белоглазый с кошмарным звуком изверг из зияющей дыры, в которую превратился его рот, поток темной крови, обдав ею девушку с ног до головы.

Фредерика, несмотря на пораненное горло, заорала так, что звук ее крика отразился от стен и многократно усиленный, вернулся в ее же уши. Почти оглохнув от собственного вопля, она затряслась как в лихорадке, ноги ее подогнулись.

Резкая боль прожгла голову, словно на мозг внезапно плеснули крутым кипятком, и перед тем как все померкло, она увидела, как Белоглазый последний раз содрогнулся всем телом и... лопнул, превратившись в жуткий фейерверк из кусков плоти и потоков крови.

Глава 2. По дороге из желтого кирпича

Глава 2. По дороге из желтого кирпича

"Тото, у меня такое ощущение, что мы больше не в Канзасе".

(Волшебник страны Оз.)

"Не трогай ее! Отойди. Иди и позови Оза. Быстрее, шевелись! Зови Оза, я сказал!.."

«Ззззззз-ови...О-ззззз-а...ззззззз...»

«Кто это жужжит? Какой еще Оз? Волшебник страны Оз... Я помню. Сказка такая, да Дорога из желтого кирпича... Джуди Гарланд. Башмачки... Стукни каблучками и попадешь домой... Ее звали Дороти».

"А как зовут меня?!"

В наполненной невыносимой болью голове гудело так, будто рой разъяренных пчел забрался под черепную коробку, жужжал и жалил нещадно. Тело ломило, ни рукой, ни ногой шевельнуть нельзя. И тошнило. Ужасно, неудержимо.

Она со стоном перевалилась на бок, и ее вывернуло отвратительной желчью. Оставшаяся во рту горечь тут же вызвала новый рвотный спазм.

— Очевидно, что удар ты не рассчитал. Снова, — произнес кто-то. — Ковер она нам уделала. Ну, что стоишь! Сделай что-нибудь, пока она все не заблевала! И поаккуратней там с ней, сам знаешь.

Слова долетали издалека, а голос казался дребезжащим, искаженным, словно пропущенным через какой-то шифратор. Чьи-то мощные руки легко подхватили ее и куда-то переложили. Телу стало определенно удобней, но вот голова запрокинулась, и боль запульсировала в висках и затылке, вызывая новую волну помутнения сознания.

Снова провал и темнота...

— Она пришла в себя? Или что это с ней такое? Агония?

Всплыв из глубин забытья, она услышала все тот же голос, и попыталась разлепить тяжеленные веки, чтобы посмотреть, кто же это говорит, но сквозь муть, застилавшую глаза, увидела лишь расплывчатые темные пятна.

Ее почти не интересовало, где она находилась, и кто все эти люди. Она не помнила, что случилось до того, как очнулась пару минут назад. Даже имя свое не могла вспомнить. Веки вдруг задрожали, глаза закатились, и ее передернуло от мощного приступа тошноты.

И снова зазвучали голоса, теперь разные. Кто-то велел подать воды, кто-то опять поинтересовался, не агонизирует ли она, а чьи-то холодные пальцы прикоснулись к голове и принялись аккуратно ощупывать полыхающий болью затылок.

Все инстинкты и эмоции отключились, и она не чувствовала ни страха, ни паники. Только одно огромное желание, чтобы боль, наполнявшая голову, немедленно утихла.

— Великая сила, ну и волосы у этого создания, — пробормотал кто-то, пытаясь деликатно пробраться сквозь густые спутанные пряди. — Ну что ж, открытой раны нет, но имеются солидная припухлость и гематома. Не исключая сотрясение мозга. Шериф, вы явно перестарались.

Раздался смешок, похожий на фыркание огромного медведя, и утробный бас прогудел:

— Некогда было рассчитывать силу удара. Если все, что произошло с беднягой

Оливером сотворила она, то... — он не договорил и еще раз по-звериному фыркнул.

— Ну, да, все верно... — задумчиво протянул тот, что стоял совсем близко к ней. — Эй, милая, попробуйте-ка открыть глаза.

Это к ней обращаются? Видимо, да.

Она послушно попыталась, но веки, налитые свинцовой тяжестью, лишь слабо дрогнули.

— Умница, — одобрительно прокомментировали ее попытку, — она меня слышит, а это уже неплохо.

— Ну и что будем делать, Оз?

— А у нас не слишком богатый выбор, Ваша Светлость. Мы обязаны сообщить о ней, куда следует и ждать, — ответил тот, кто и являлся, видимо, тем самым Озом. — Ждать, пока не пришлют кого-то и не решат, что это за чудо такое.

— Это понятно, но что делать с ней сейчас? Просто оставить здесь? А если она действительно то самое "чудо", как ты изволил выразиться? Что будет, когда она придет в себя? — продолжал задавать вопросы названный «Вашей Светлостью».

— Разместим ее с максимальным комфортом, постараемся не пугать и не нервировать. А прямо сейчас пусть принесут лед, чистые полотенца, стакан воды и пару таблеток хорошего обезболивающего.

Ее снова бережно подняли и куда-то понесли и, наконец, уложили на что-то удобное и мягкое. Слегка приподняли, что-то настойчиво прижали к губам. Стакан с водой. Она послушно отхлебнула, осторожно проглотила, выпила все. Вкус показался горьковатым, но освежающим. И снова ее уложили, а голову осторожно повернули набок. Затылка коснулось что-то холодное, и боль стала утихать. Какое блаженство...

...Сны были похожи на неясные, отрывочные картинки. Все равно что просматривать старые фотографии, обгоревшие по краям: тревожные, полные чего-то скрытого и утраченного навсегда.

Когда она проснулась, стало очевидно: боль почти утихла, оставив лишь ощутимую ноющую тяжесть. Пошевелиться получилось не с первой попытки, так же, как и открыть глаза, но в итоге удалось повернуться на бок и осмотреть помещение, в котором находилась.

Квадратная комната, к которой больше подошло бы наименование "покои". Высокий потолок, украшенный лепниной, стены обшиты темными деревянными панелями, на полу красивый ковер, окна плотно занавешены тяжелыми бордовыми портьерами.

Она лежала на огромной кровати, на которую спокойно можно уложить еще человек пять. Сбоку на прикроватном столике неярко горела лампа — стеклянный плафон на массивной фарфоровой "ноге". В комнате больше никого и вокруг так тихо, что слышно как шелестит колышущееся от ее дыхания шелковое покрывало, которым она накрыта.

Стараясь не двигать головой, осмотрела себя: на ней по-прежнему джинсы, сапожки и белый свитер. Только вот ворот у свитера какой-то жесткий, и он странно и неприятно царапал шею.

Она оттянула дрожащими пальцами ворот и чуть скосила глаза — тонкая шерсть закорузлая и испачкана чем-то бурым.

Воспоминания тут же бесцеремонно прорвались в сознание, не выдавая информацию деликатными порциями, а обрушивая всю разом.

Музей. Подвал. Белоглазый монстр, воняющий холодной застоявшейся злобой. Ледяная рука зажимает ей рот, зубы рвут горло. И последнее воспоминание-вспышка: кровавый

гуляш, в который вдруг превратился монстр. Хотя, последнее вполне могло быть плодом ее воображения, подогретого запредельным ужасом и усугубленного травмой. Могло бы быть, но очевидно не являлось таковым.

Как бы там ни было, итог один: она неизвестно как оказалась неизвестно где.

Зато теперь точно знала, что ее зовут Фреда и она жива.

Приподняться и сесть на кровати оказалось не трудно, а вот подтащить себя к краю и спустить ноги — куда сложнее. Руки тряслись и подгибались, лоб покрылся холодным потом, а тело казалось тяжеленным и непослушным.

Едва ступни коснулись ворса толстого ковра, как дверь комнаты открылась, и кто-то бесшумно вошел.

Фреда наблюдала за приближавшимся к ней худощавым мужчиной неопределенного возраста с гладко зачесанными назад редкими волосами, открывающими высокий и гладкий лоб. Бледное лицо вызвало инстинктивное содрогание, пробудив в памяти образ Белоглазого. Но глаза вошедшего вовсе не белесые, а голубые, и взгляд внимательный и спокойный.

— Вы очнулись, это прекрасно, — обратился он к Фреде. — Как себя чувствуете? Что-то беспокоит?

— Беспокоит. Я не знаю, где нахожусь, что со мной случилось и кто вы такой.

— Меня зовут Оз, и вы находитесь... — он задумался на мгновение, — ну, скажем, в гостях. Здесь вы в безопасности, и можете целиком и полностью рассчитывать на галантное отношения к вам именно, как к госте.

— А у меня ощущение, что я... пленница, — отозвалась Фреда, поглядывая на дверь.

— Обманчивое впечатление.

Оз с расстояния в пару шагов изучающе смотрел на девушку, а она не сводила с него настороженного взгляда.

Вблизи его лицо показалось Фреде даже приятным, несмотря на бледность: тонкий нос с изящной горбинкой, высокий лоб, чистая кожа, а красиво очерченные губы в ответ на то, как она открыто смотрела на него, тронула сдержанная улыбка.

— Несомненно у вас имеется масса вопросов, и вы тревожитесь за вашу судьбу. Смеею утверждать, что все ответы вы очень скоро получите, а тревожиться вам абсолютно не стоит. Вам не причинят вреда, — заверил Оз.

— И кто же ответит мне на вопросы? Вы?

— Увы, отвечать буду не я, — развел он руками, — но я задам пару вопросов. Скажите, вы помните, что произошло?

— Помню, не сомневайтесь, — не колеблясь, ответила Фреда. — В музее на меня напал какой-то буйно помешанный маньяк. Вцепился мне в шею, и... — она запнулась, нахмурившись. — И мне показалось, что... пил мою кровь. Но это же полный абсурд! Или я ошибаюсь? — нерешительно коснулась шеи и отдернула руку.

Оз не ответил, а Фреда продолжила, невзирая на его молчание:

— Кто-то из нас явно сошел с ума. Я или тот маньяк. Кстати, что с ним? Прежде, чем я отключилась, мне почудилось, что его словно... разнесло в клочья.

И снова ее вопросы остались без ответов.

— Почему-то я и не рассчитывала на быстрые и внятные объяснения, — Фреда окинула комнату беглым взглядом. — Кто вы такие? Где полиция? Куда меня притащили? Почему не отвезли в больницу? Не знаю, что и думать об этом, но что-то я думать должна. Хочется

верить, что меня спасли, а не похитили, чтобы завершить то, что начал тот шизик в музее.

— Могу вас уверить в одном: все, кого вы здесь встретите, строго соблюдают законы, высоко ценят и чтут неприкосновенность жизни, — соизволил вежливо отозваться Оз. — И притащили вас сюда, как вы выразились, именно потому, что произошедшее в музее является из ряда вон выходящим случаем по всем категориям. А теперь проявите терпение. И повторяю: ничего не бойтесь и не делайте поспешных выводов.

Фреда вздохнула и прикрыла глаза, стараясь представить, что бы на ее месте стала делать героиня какого-нибудь фильма или криминального романа, но ничего дельного в голову не пришло.

Самое поразительное, что она не чувствовала ни страха, ни тревоги. Только нервозность от того, что совершенно не ориентировалась в обстановке.

— И раз уж вы сами об этом упомянули, то скажите, вы уверены, что тот тип в музее сразу набросился на вас и укусил? — спросил Оз.

— Да, я абсолютно уверена, — с вызовом заявила она. — Моя шея может это подтвердить. Вам это о чем-то говорит?

— Абсолютно ни о чем, — Оз оставался невозмутимым и вежливым. — Прошу меня простить, я на одно мгновение.

Он развернулся и подошел к двери. Приоткрыв ее, что-то кому-то тихо сказал и снова вернулся к госте.

— Ну, а теперь, если вы в состоянии, то пришло время вопросов и ответов.

— Я не в восторге ни от того, ни от другого, — вздохнула Фреда. — Мне не хочется ни слышать вопросы, ни отвечать на них, ни задавать свои.

— Можете проигнорировать и то, и другое, — отозвался Оз.

— У меня есть выбор?

— Выбор есть всегда. Вы можете молчать, а можете говорить. Но я всегда считал и считаю, что нужно прояснять неизвестность, задавая правильные вопросы и давая правильные ответы. Это лучше, чем оставаться в неведении и строить домыслы.

— Да уж, не поспоришь, — пробормотала Фреда.

С неожиданной прытью она встала на ноги, и тут же качнулась от головокружения, но равновесие удержала и сделала осторожный шаг вперед.

— О, нет, вставать не нужно! — воскликнул Оз, однако не сделал попытки поддержать ее, даже с места не двинулся. — Куда это вы собрались?

— Навстречу неизвестности, — выдохнула Фреда, проглотив комок тошноты.

— Не спешите, оставайтесь на месте. Учитывая ваше состояние, встреча с неизвестностью произойдет прямо здесь. К вам уже идут. Одна убедительная просьба: продолжайте вести себя также благоразумно и без истерик, как вели до сих пор.

— Хм, больше похоже на предупреждение, чем на просьбу, — откликнулась Фреда, снова присаживаясь на кровать.

— Нет, поверьте. Это просьба и только просьба. Признаться честно, вы покорили меня тем, что не устроили истерику. Обычно у людей наблюдается совсем иная реакция на подобные обстоятельства, — заметил Оз, снова направляясь к двери, и в его голосе слышалось одобрение.

А в голове Фредерики замелькали вопросы: что значит "подобные обстоятельства"? И когда это они вдруг стали "обычными"? И как много людей в них попадает, интересно знать? И что это вообще за "обстоятельства" такие?

Глава 3. Чего не вижу, того нет

Глава 3

Чего не вижу, того нет

Никогда не думай, что ты иная, чем могла бы не быть иначе,
чем будучи иной в тех случаях, когда иначе нельзя не быть.

(Л. Кэрролл, Алиса в Стране Чудес)

Фреда сидела, опустив голову и прикрыв глаза. И надеялась, что когда снова взглянет вокруг, то все изменится. Мир станет таким как прежде, каким был еще совсем недавно. И другая сторона реальности снова закроется от нее и погрузится в омут полнейшего забвения.

Как будто ничего и не было...

...В комнате она и четверо мужчин.

Для Фреды все происходящее никаким боком не втискивалось даже в самые гибкие рамки понятия "обычности". Наверное, здесь положено истерить, но истерике просто нечем подогреться. Может быть, так работала защитная реакция организма, не позволявшая в полной мере осознать противоестественность событий.

Кроме волнения ощущалось нетерпение, даже любопытство и желание быстрее прояснить странные обстоятельства, не похожие ни на что, ранее с ней случавшееся.

Двое из присутствующих — это Оз и огромный, ростом больше двух метров и кажется, такого же размаха в плечах, великан. Он вошел в комнату и замер у самого входа, похожий на несгораемый шкаф, облаченный в пыльник грязно-песочного цвета длиной до пят. Громила смотрел на девушку исподлобья с застывшим, ничего не выражающим лицом. Поначалу это сильно корбило, но вскоре Фреда перестала обращать на него внимание.

Гораздо больше ее приводили в смятение двое других визитеров. Один, молодой, довольно симпатичный, холеный, идеально причесанный и одетый в отлично сидящий костюм, вальяжно расселся на небольшом диванчике у окна. У него надменное лицо, слегка брезгливый изгиб тонковатых губ и ухоженные руки с отменным маникюром. Он молчал и тоже неотрывно наблюдал за девушкой.

Последний вошел, ничего не сказав, не повернув в сторону Фредерики головы. Просто остановился у стены напротив кровати и замер, заложив руки за спину.

Этот визитер выше среднего роста, стройный и крепкий, его прямые широкие плечи и узкие бедра подчеркивал вычурный наряд: черные брюки и длинный, винно-красный пиджак — элегантный осовремененный вариант старомодного сюртука, наглухо застегнутый до ворота-стойки. Непроницаемое, застывшее лицо с прямыми и низкими бровями, нависающими над темными круглыми очками, скрывающими глаза. В скульптурной линии скул и твердой линии четко очерченного рта есть что-то от Терминатора, отнюдь не такое грубое, но все равно напоминает киборга. Или Голема.

Во всем его облике лишь прическа как-то странно диссонировала — короткие темные волосы уложены в художественном беспорядке, топорщатся над чистым лбом и на макушке, придавая незнакомцу, продуманно небрежный вид.

Оз начал задавать вопросы, остальные пока просто слушали.

Лишь прическа нарушала целостность его строгого облика: короткие темные волосы, уложенные в художественном беспорядке, топорщились над чистым лбом и на макушке, придавая незнакомцу дерзкий, продуманно небрежный вид.

Оз начал беседу, остальные просто слушали.

— Назовите ваше имя, пожалуйста.

— Фредерика Андерсон.

— Вы уроженка Чехии?

— Нет. Я живу здесь восемь лет.

— Значит, чешский не ваш родной язык?

— Нет.

— Какими языками вы еще владеете?

— Английским в совершенстве. Еще норвежским. А зачем вам это?

Оз склонил голову набок.

— Мы просто знакомимся. Я задаю вполне обычные вопросы, и все эти сведения о вас не являются тайной, не так ли?

— Да, но я не рассказываю о себе всем подряд, — парировала Фредерика, — и при знакомстве принято обоюдно обмениваться информацией. Вполне логично будет и мне задать встречный вопрос. Кто вы такие? Я уже поняла, что к полиции вы отношения не имеете. И как по мне, то компания ваша выглядит довольно... странно.

Она открыто посмотрела на всех присутствующих, и сердце чуть не выпрыгнуло из груди, когда в ответ на ее дерзкий взгляд громила вдруг усмехнулся, ужасающим образом скривив свой широкий рот. Глаза великана при этом оставались пустыми и ничего не выражали, как два стальных болта, вкрученных в глазницы. Grimаса же больше походила на внезапный паралич лицевого нерва, нежели на ухмылку.

— Для начала скажем так: все мы здесь принадлежим к определенному кругу, и каждый отвечает за свое поле деятельности, — ответил Оз, — и каждый из собравшихся здесь является странным не более, чем того требует занимаемое в нашем, эм... сообществе положение.

— Вы какая-то секта? — Фреда снова обвела компанию взглядом. — Спецслужбы? Тайная организация, типа масонской ложи? Мафия? Хотя, если это так, вы вряд ли мне скажете...

Оз и молодой человек на диване переглянулись, словно безмолвно обменялись мыслями.

— Давайте будем считать, что мы — тайная организация, — спокойно ответил Оз. — И наши с вами пути, а отчасти и интересы, нечаянно, абсолютно незапланированно, стихийно пересеклись. Вы невольно вызвали некую цепь событий, оказавшись в неправильном месте в неурочное время, и пострадали. Мы хотим помочь вам выйти из этого с наименьшим ущербом, и в ответ просим лишь проявить немного терпение и толику благоразумия.

После краткого вопросительного взгляда, брошенного на молодого человека с маникюром, Оз снова получил негласное одобрение и продолжил:

— Но никто не утверждает, что все будет просто и легко. Нам всем придется преодолеть некий барьер предубеждений.

— Предубеждений? Вы все-таки какая-то секта? Или абсолютно антиобщественные элементы? — Фреда оттянула колючий, заскорузлый ворот свитера, нервозно теребя его

пальцами.

— Не такого рода предубеждения я имел в виду, — отозвался Оз, слегка поморщившись. Он повернулся к стоящему у стены "сюртуку" в очках.

— Не лучше ли вам подключиться к нашей беседе, Регент? Мое участие выходит несколько однобоким.

— Для начала сойдет, — негромким баритоном отозвался "сюртук", которого называли Регентом. — Продолжайте.

Он слегка качнул головой, словно давая высочайшее разрешение. Отсвет от настенного светильника над головой "сюртука" искрами пробежал по его блестящим, торчащим "ежиком" волосам.

— Хорошо. Тогда продолжим наше знакомство, — спокойно сказал Оз, обращаясь к Фреде. — Я, например, занимаюсь связями с общественностью в нашей... организации. Уважаемый Руперт, — он указал на громилу, — представитель закона. Прочие также занимают определенные посты в нашем социуме. Весьма высокие посты.

— Ого, высокие посты. Где вы сказали? В социуме? Вы так говорите, словно отделяете себя от остального социума. Государство в государстве, — бормотала девушка, больше надеясь потянуть время, чтобы немного адаптироваться, нежели получить ответ. Но она его получила...

— Почти угадали, — и снова Оз и его любезная улыбка. — Именно государство в государстве. Мы действительно обладаем определенной автономией и отделены от прочего социума. Это, — он склонился в легком поклоне в сторону молодого "аристократа", — его Светлость, эрцгерцог Эрнест Краус. Его Светлость — здешний наместник.

Фреда невольно фыркнула, но быстро овладела собой.

— Это как Фердинанд Тирольский, что ли? — с иронией спросила она, спохватившись, а уместна ли сейчас язвительность. Довольно дерзко и неосмотрительно дразнить этих... кем бы они ни были.

— Вы неплохо знаете историю, — заговорил молодой эрцгерцог, и его гостья поневоле узнала голос, который слышала, придя в себя. — Фердинанд заложил здесь Райский сад, вам это известно?

— Вы тоже насаждаете райские кущи? — не удержалась Фреда.

— По мере возможностей, — спокойно отозвался Краус.

— Ладно, пока я поняла, что ничего не поняла, — пробормотала Фреда. — Боюсь, что мне и не хочется знать, каким образом в Праге появился тайный наместник, и чем вы вообще все занимаетесь. Просто скажите, что вам от меня нужно? Все прочее: все ваши титулы, имена, должности и "добрые" дела я знать не желаю и...

— Вам страшно? — участливо спросил Краус.

Фреда уставилась на него.

— Мне... непонятно. Я не понимаю, как должна себя вести, чтобы... выбраться отсюда целой и с неповрежденным умом.

— Хороший ответ, — одобрил Краус. — Просто будьте честны с нами и с самой собой.

— Что вы знаете о магии?

Фреда резко повернула голову в сторону произнесшего эту фразу Регента. Смотрела на него, нахмурившись, пытаясь уловить в вопросе смысл, а затем возмущенно отозвалась:

— Вы так шутите? Нет? Проверяете, насколько сильно я все же повредила умом? Что, вообще-то, вполне логично, ведь я ударила головой...

Все присутствующие промолчали, сохраняя абсолютно серьезные выражения лиц.

— Я ничего не знаю о магии. Не верю, что она существует, — устало отозвалась Фреда, обводя взглядом каждого присутствующего в комнате. — Хотя нет, кое-что знаю: видела магию в кино и в цирке.

— А в вашей семье ни с кем не происходило ничего странного? — задал следующий вопрос "сюртук".

— У меня нет семьи, — ответила девушка. — Я сирота, почти все свое детство провела в интернате, далеко отсюда, и лишь перед поступлением в Университет совсем недолго жила в приемной семье. Уже здесь, в Чехии. Они не удочеряли меня, а являлись лишь опекунами. И нет, ни с кем из них ничего странного никогда не происходило, насколько мне известно.

— Но если у меня нет семьи, это вовсе не значит, что меня никто не будет искать, — спохватилась Фреда. — У меня есть друзья и коллеги по работе, которые знают, куда я направилась сегодня вечером.

— Вчера вечером, — поправил ее Краус и добавил, небрежно закидывая ногу на ногу, — прошло уже больше суток, и вас действительно ищут. Хотя именно вас полиция пока не связала с происшествием в музее, но шум поднялся, и именно поэтому вы здесь оказались. Регент, не пришло ли время просветить нашу гостью о причине ее пребывания здесь?

— Да, — лаконично отвечал эрцгерцогу "киборг" в темных очках, и продолжил, обращаясь уже к Фреде. — Вы помните, чем закончилось нападение на вас в музее?

Негромкий низкий голос вынуждал прислушиваться к нему.

Фреда неопределенно передернула плечами, не желая признаваться в том, что видела, как маньяк, напавший на нее, превратился в гуляш.

— Согласитесь, все выглядело ненормально, — сказал Регент.

— Это было очевидно НЕнормально. На меня напал человек и укусил за шею. Мне показалось, что он пил мою кровь... А потом... потом мне привиделось, что его... разнесло на кровавые лоскутки. В каком мире или социуме это может считаться нормой?!

— Например, у вампиров, — заметил "эрцгерцог".

— Возможно. Если бы они существовали, — автоматически отозвалась Фредерика.

— Мы существуем.

— Мило. Мне смеяться или как? — она брезгливо скривилась. — Нелепая шутка. Или это очередная проверка на вменяемость? У вас тут общество Анонимных психиатров?

— Нет. Мы просто другая раса, в силу известных причин, вынужденная скрываться и не афишировать свое существование. Мы вампиры, в самом деле, дорогая пани Андерсон, — спокойно поведал Регент. — И тот человек в музее действительно укусил вас и пил вашу кровь. Потому что и он вампир.

— Или сбежал из психушки и таковым себя возомнил, — рассердилась Фреда.

— В таком случае и мы все сбежали отсюда же с теми же самыми симптомами, — отбросив всякую манерность, вдруг заржал Краус, покачивая головой и закидывая ногу на ногу. — Вот каждый раз одно и то же! "Вы сумасшедшие! Вампиров не существует!" В таких случаях всегда работает одно строжайшее правило: чего не вижу, того нет. — Краус небрежно взмахнул рукой в сторону оторопевшей гостьи. — Ой, успокойтесь, чтобы доказать свою сущность, кусать мы вас не собираемся. Хотя это было бы самым кратким путем к взаимопониманию и самым простым способом развеять ваши сомнения. Мы вполне цивилизованные монстры. Предпочитаем безопасное и мирное обитание в мире рядом с

людьми. Особенно с теми, которые в результате непредвиденных обстоятельств становятся невольными свидетелями нашего существования. Правда, таких людей совсем немного. Обычно мы стираем память после контактов.

— Я бы тоже сейчас не отказалась от какой-нибудь лоботомии. Это предпочтительней, чем вникать в то, что я выслушиваю, — пробормотала Фреда, потирая лоб. — Больше не буду спрашивать кто вы. Лучше попытаюсь снова спросить: что вы от меня хотите?

— Хотим прояснить кое-что, — произнес Регент. — Вы никогда за собой ничего особенного не замечали?

— Опять вы за свое? Да я прямо сейчас просто по уши во всем... особенном! Дайте мне синюю таблетку. Хочу обратно в Матрицу...

— По-вашему мы вас тут просто развлекаем? Похоже, что четверо солидных мужчин собрались подурочиться, и морочат голову девчонке какими-то небылицами? Для вас это более нормально, чем поверить в то, что на свете может быть что-то доселе вам неизвестное? — Предельно серьезный, даже рассерженный Регент проигнорировал ее попытку сыронизировать.

— Может, вы какие-нибудь... извращенцы... — обронила Фреда. — Не хотела вас оскорбить, но мне так проще думать, чем поверить, что вы — вампиры.

Конец фразы был смазан невольно вырвавшимся у нее фырканьем. Она вдруг начала смеяться, прижимая руку ко рту.

Никто не возмущался, все просто терпеливо ждали, когда пройдет приступ нервного смеха. Фреда отсмеялась, и вздохнула, вытирая глаза.

— Ладно, почему-то я уверена, что мы все отсюда не выйдем, пока что-то такое не прояснится. Давайте, что там у вас дальше? Еще вопросы? — сказала она, сдаваясь.

— Людям свойственно не позволять своему разуму заглядывать за рамки обыденного и привычного. Но иногда ведь приходится, — Регент вскинул подбородок. Взгляд его за непроницаемыми стеклами очков явно зафиксировался на Фреде. Она почувствовала, словно попала на рыболовный крючок.

— Уговаривать вас во что-то поверить и предъявлять доказательства существования расы вампиров мы не станем. Это не столь важно сейчас. Важно другое: вы стали причиной смерти нашего сородича, и мы хотим в этом разобраться.

— Рехнулись?! Я его не убивала! Это он напал на меня, — кипя негодованием, воскликнула пленница.

— Дело в том, что тот вампир вовсе не охотился на вас с целью выпить крови, — Регент, словно не слышал ее. — Ваша стычка произошла случайно.

— Стычка?! Да он убить меня собирался! Еще, сволочь, прощения попросил...

— А вышло наоборот, — невозмутимо продолжил Регент. — Погиб он, а не вы.

— Я его не убивала! — гневно повторила Фреда. — Это он напал, в горло мне вцепился, как бешеный пес и...

— Виной его гибели могла стать ваша кровь. Крайне редко, но попадают среди людей такие, у которых кровь может быть губительна для нашего вида. Например, те, кто употребляет серебросодержащие препараты. Мы проверили: в вашей крови серебра не обнаружено, и прочих особенностей также, — Регент говорил ровным спокойным голосом, не повышая тональности.

— Проверили что? Мою кровь?! Каким это образом?! Да вы и правда ненормальные... — самообладание почти изменило ей, она невольно бросила взгляд на Оза

и увидела, как тот нахмурился. Фреда осеклась, вдруг вспомнив его просьбу сохранять спокойствие, и попыталась совладать с собой, сделав глубокий вдох. Оз заметил это и одобрительно кивнул.

— Проба была взята с ворота вашего свитера. Кстати, следов укуса на шее вы не обнаружите, с этим мы легко справились, — пояснил Регент. — Серебра в вашей крови нет. Значит, это не могло стать причиной смерти вампира. И вот тут возникает главный вопрос: каким образом он погиб. Как бы странно для вас все это не звучало, но в нашей расе существует категория вампиров, обладающих способностями оказывать определенное влияние на кровь. В мои непосредственные обязанности входит контроль над подобными явлениями. И то что произошло в музее, не может не вызвать у нас вопросы, ведь вы не вампир, а у людей подобные способности встречаются крайне, повторяю, крайне редко.

— О да, я уж точно не вампир! И ничем таким не обладаю, — яростно заявила Фреда. — Никогда в жизни ничего подобного, да и вообще странного, за собой не замечала. И понятия не имею, о чем вы вообще говорите.

— И, тем не менее, надо разобраться во всем, — отрезал Регент. — Предлагаю остудить эмоции и не спешить с выводами.

— Знаете что, Регент, или как вас там величать, — решительно начала Фреда, — разбирайтесь сколько угодно, но я принимать участие в этом фарсе не желаю. Вы обязаны отпустить меня домой немедленно! — она сердито хлопнула рукой по кровати.

— Речь не о ваших желаниях. Все дело в... — раздражающе невыразительно продолжил, было, "сюртук".

— Да идите вы уже, куда подальше! — почти прорычала Фреда, вскакивая на ноги. Её качнуло, но она устояла. — Тот псих в музее напал на меня и чуть не убил. Что с ним там случилось, я не знаю и знать не хочу. И, по большому счету, мне вообще плевать на это. Я осталась жива, чему безмерно рада, а ваши извращенские — это только ваши дела. Я абсолютно ничего не хочу об этом знать, и никакая сила на свете не может заставить меня во все это вникать.

Она вдруг задумалась на миг и угрюмо добавила:

— Только что-то мне подсказывает, что напрасно я тут слюной брызгаю: отпускать вы меня не собираетесь в любом случае. Но хоть не убили сразу, и на том спасибо.

Некоторое время все смотрели на девушку, храня молчание, ничего не подтверждая и не опровергая.

— Это можно продолжать бесконечно. Давайте попробуем подойти с другой стороны, — подал, наконец, голос Регент.

Он выступил вперед, и Фреда снова всем своим существом почувствовала, что взгляд его скрытых темными очками глаз устремился на нее. Неподвижно замерев, она смотрела, как Регент медленно высвободил руки, которые держал за спиной, и правую поднял перед собой, ладонью вверх.

Фреда невольно затаила дыхание, биение её сердца замедлилось.

Регент стоял, не меняя позы, и ничего не происходило. Фреда глубоко вдохнула, когда увидела над ладонью мужчины сияние, которое трепетало, мерцало и переливалось, на глазах превращаясь во все ярче разгорающийся сгусток света. Через пару секунд это был уже не просто свет, а самый настоящий огонь, потрескивающий и извивающийся, как пламя свечи на ветру.

Регент поводил ладонью вправо-влево, демонстрируя, насколько огонь ему послушен, а

затем чуть двинул рукой в сторону девушки. Пылающий сгусток мгновенно вырос до размеров теннисного мячика, сорвался с ладони вампира и медленно поплыл по комнате по направлению к Фреде.

Она вскрикнула, расширенными от изумления и страха глазами глядя на этот "фокус". Огненный шар вдруг быстро метнулся к ней и замер, зависнув в полуметре от ее лица. Фредерика ощутила волны тепла и невольно отклонилась, прикрываясь рукой. Все ее внимание сосредоточилось на "танцующем огне", начавшем угрожающе потрескивать. Возмущение, страх и неверие заставили сознание взбунтоваться и противостоять происходящему, вступившему в противоречие со всем, что до сих пор составляло привычную реальность обычной девушки Фреды Андерсон.

А огонь, превратившийся в злобную шаровую молнию, трещал все оглушительней, разбрызгивая искры, и рывками метался перед лицом пленницы, будто выбирая, куда атаковать.

Растопырив пальцы дрожащей руки, Фреда инстинктивно отмахнулась от агрессивного пламени, и к изумлению своему увидела, как то отскочило назад, превратившись в полете в длинный "язык" огня, какой возникает, когда на ровно горящий костер вдруг внезапно налетит порыв ветра.

Регент в ответ на это немедленно сделал движение рукой, снова посылая пламя в сторону Фреды. Она вновь вскинула ладонь, выставя ее щитом перед собой. Огненный шар запылал сильнее, загудел, как огонь в печи и, вспыхнув последний раз, исчез, оставив после себя лишь характерный запах дымка.

Громила в плаще издал звук, похожий на вздох кита, выброшенного на берег, Эрцгерцог подался вперед, Оз стал еще прямее, практически превратившись в вычерченную по линейке линию. Один Регент остался недвижим, зато на его лице мелькнуло подобие удовлетворенной улыбки.

— Верите своим глазам? — спросил он девушку.

— Я видела то, что должны были видеть все в этой комнате: чокнутый файербол, мечущийся по комнате, — часто дыша от сильнейшего волнения, парировала Фреда.

— Я генерирую и привлекаю огонь, умею управлять им, — невозмутимо заявил Регент, словно говорил о погоде, — а вы сумели противостоять этому, и даже контратаковать.

— Ничего я не умею! Говорю еще раз: я ничего подобного не умею, — почти закричала девушка, — откуда мне вообще знать, что все это представление, от начала до конца, не ваши фокусы? Или гипноз!

Не удостоив ее ответом, Регент молниеносно вскинул руку вперед, из его ладони вырвался сноп ослепительных искр, слившихся в подобие маленькой кометы, и эта невероятная сверкающая "конструкция" тут же полетела прямо на Фреду. Лицо будто обдало залпом обжигающих колючек.

— Да прекратите же вы! — пронзительно вскрикнула Фреда, лихорадочно взмахнула рукой и... "комета" с громким хлопком рассыпалась прямо перед ней на миллионы крошечных искр, мгновенно растворившихся в воздухе.

— Прекратите! Прекратите!!! Прекратите... — все повторяла и повторяла она, прижимая дрожащие руки к груди.

В комнате стало очень тихо. Не выдержав пугающей тишины, Фредерика плюхнулась на кровать, рывком подтянула ноги и быстро отползла на противоположную сторону огромного ложа. Забившись в угол у самого изголовья, сжалась в комочек и старалась унять

участившееся дыхание и выпрыгивающее из груди сердце.

Регент медленно обошел кровать, приблизился к Фреде, и его рука, тяжелая и твердая, как у скульптурного изваяния, осторожно легла на ее макушку. Фреда сжалась сильнее, испуганно втянув голову в плечи, но вдруг ощутила, что страх и волнение испарились. Какими-то неведомыми струнами своей натуры она поняла, что так на нее подействовало прикосновение Регента.

Она настороженно, недоверчиво посмотрела на него и слегка отстранилась, качнувшись всем телом в сторону. Регент тут же убрал руку.

— Никаких фокусов, — сказал "сюртук", возвращаясь на свое прежнее место возле стены, — все, что вы видели — демонстрация экстраординарных сил. Ими владею я. И, похоже, они есть у вас.

— Никогда ничего подобного у меня не проявлялось, — замотала головой Фреда, и на секунду удивилась, что это движение головой не вызывает у нее более тошноты, боли и вообще какого-либо дискомфорта. Похоже, Регент своим прикосновением еще и "вылечил" ушиб или даже сотрясение.

— Отпустите меня. Мне страшно. Я не хочу всего этого... сотрите мне память и отпустите... — прошептала теперь уже по-настоящему напуганная пленница. Слезы подступили близко, но она сглотнула горький комок в горле, и изо всех сил сдержалась — плакать при этих странных и явно опасных типах она не станет. Вряд ли их проймешь слезами испуганного человека.

— Мы не можем вас отпустить прямо сейчас, — произнес Регент. — Возможно что-то, может быть стресс, пробудил в вас силы и способности, заложенные самой природой, о которых вы даже не догадывались. Я с ответственностью заявляю, что человек, обладающий такими способностями, не осознающий их и не умеющий управлять ими, опасен. Для самого себя, для окружающих людей. И для нас, вампиров, хоть вы до сих пор не верите в наше существование. Названных причин вполне достаточно, чтобы мы задержали вас еще на какое-то время.

— Вы хоть представляете, как звучат ваши слова "Мы не можем вас отпустить"? — Фреда обвела взглядом всех присутствующих. — Я теперь пленница? Заключенная? Подопытная? Что будет дальше? Если я не могу уйти, то, что я должна делать? Отдайте меня полиции, в конце концов! Пусть там разбираются!

Поняв, что сморозила очевидную глупость, Фреда запнулась.

— И даже если и есть что-то такое во мне, что вы расцениваете как наличие особых способностей, — проговорила она в отчаянии, — то, как это связано с событиями в музее? И чем мои предполагаемые способности гонять в воздухе какие-то огненные шарики могут навредить всем окружающим? Я же сама не могу их... генерировать. Я только защищалась... Да я даже не уверена, что сделала что-то. Это ваши фокусы, может, вы всем и управляли, — она с вызовом взглянула на Регента

Затем в упор посмотрела на каждого из мужчин.

— Вы именно защищались, — подтвердил Регент. — Есть только два способа довести вампира до окончательной смерти, которая выглядит так, как выглядела кончина нашего собрата в музее. Первый — это если он выпьет крови, в которой имеется солидная доза коллоидного серебра высокой концентрации. В вашей крови серебра нет вообще, это мы уже выяснили. И второй способ — заставить кровь "закипеть" прямо в жилах.

— Бред какой-то! Я вам не микроволновка, — теряя терпение, взвилась Фреда, — я

просто человек...

— Очевидно, что вам, как и любому человеку, неизвестны многие вещи, поэтому не тратьте слова, чтобы раз за разом настойчиво все отрицать, — неожиданно повысил голос Регент, прерывая девушку. — Что-то в вас, или какие-то еще неясные пока обстоятельства довели нашего собрата до окончательной смерти. Настоятельно рекомендую вам дать самой себе и нам возможность разобраться во всем. В нашем сообществе, как и у людей, действуют свои строгие законы, и непонятная смерть вампира также требует тщательной проверки, как и смерть любого человека.

— На правах Наместника объявляю вас подозреваемой в неправомерном применении особых способностей и уничтожении члена вампирского сообщества, — вдруг заговорил Краус. Эрцгерцог стал совершенно серьезным, вся его небрежная нагловатая вальяжность куда-то испарилась, и теперь он смотрел на Фреду с хмурым, настороженным вниманием. — Надлежит выяснить и доказать наличие у вас особых способностей, а также то, что окончательная смерть вампира наступила не в результате злоупотребления ими. Если будет доказано, что, несмотря на то, что у вас имеются особые способности, вы применили их, защищая свою жизнь, все подозрения и обвинения будут сняты. Мы аннулируем следы нашего контакта, и вас отпустят.

Фреда во все глаза смотрела на Крауса и не верила тому, что слышала. А Эрцгерцог, тем временем, продолжил:

— Пока еще вы не обвиняемая и не пленница, пани Андерсон. Предлагаем вам что-то вроде сотрудничества, до выяснения всех обстоятельств, — тон его из официально-обвинительного стал более мягким, почти дружелюбным. — Мы предоставим вам безопасное убежище на это время. Прошу помнить, что приглашая вас на нашу территорию, я лично гарантирую вашу безопасность, — добавил Краус, — а вот за безопасность нашего сообщества я никогда бы не поручился, допуская только мысль, что подобные вам могут свободно разгуливать по улицам. Передаю вас под ответственность Регента.

Фреда от удивления и возмущения не нашла, что сказать. Растерялась, но тут подключилось ее богатое воображение, которое весьма наглядно продемонстрировало, как она разгуливает по улицам Праги в образе Годзиллы. С громовым ревом разрушает древний город, словно песочный замок, а мультяшные вампиры, крошечные, как бледные муравьишки, пищат и разбегаются в панике, мельтеша где-то под ногами.

Внезапный истерический хохот Фреды нарушил тишину, повисшую в комнате.

...Она долго не могла успокоиться, все смеялась и смеялась, утирая слезы. Едва смех утихал, взгляд ее пробежал по каменным лицам присутствовавших, и она снова раздражалась хохотом. А "вампиры" терпеливо ждали окончания очередной истерики. Приступы смеха становились все короче, оканчивались уже жалобными всхлипываниями, а вскоре стихли совсем.

Тем же вечером Фредерика вместе с Регентом покинула временное пристанище у Эрцгерцога и оказалась там, где находилась сейчас. Куда именно ее привез лимузин с непроницаемыми окнами, не имела представления, но путь был довольно долгий.

Всю дорогу они с Регентом провели в абсолютном молчании. Фреда украдкой бросала взгляды на своего неподвижно застывшего спутника, пытаясь уловить движение его грудной клетки, волнуемой дыханием. А в какой-то момент поймала себя на том, что глядя на его руку, лежащую на колене, едва не потянулась, чтобы пощупать пульс.

Из машины они вышли на безликой подземной парковке, похожей на сотни других. Лифт доставил в просторный холл с прекрасным интерьером: добротные дубовые полы, стены с охристо-желтой штукатуркой «под старину», бронзовые светильники и бра в одном стиле.

Окружавшее пространство совсем не походило на темницу, где, как она думала, ее теперь заперут. Здесь царила тишина, а воздух был просто воздухом, без малейших примесей запахов. И никаких признаков чьего-либо присутствия.

Регент попросил следовать за ним и, поднявшись по лестнице на два пролета, привел девушку в помещение, напоминавшее апартаменты в отеле: гостиная с кухонным уголком, маленькая спальня и ванная комната. Регент сразу удалился, не потрудившись объяснить пленнице ее дальнейшую судьбу, и Фреда принялась осматриваться. Вопреки ожиданию, никто и не подумал запирасть ее. Она вышла из комнаты, прошлась по короткому коридору к лестнице, ведущей вниз, снова спустилась на два пролета, и оказалась в знакомом уже холле. Здесь должна быть дверь, через которую они заходили, но ее не оказалось. Зато имелись три арочных проема, расположенных по периметру.

Блуждая из одной арки в другую, девушка попадала в тихие, пустые коридоры разной длины и конфигурации, но каждый раз неизменно оказывалась все в том же холле.

Набродившись по всем этим безмолвным, необитаемым "лабиринтам", ведущим в одно и то же помещение, окончательно сбита с толку, Фреда, наконец, сдалась и отправилась в отведенные ей комнаты.

"Новая реальность" оказалась весьма кусачей. Пытаясь представить, что поможет принять обстоятельства, обрушившиеся на нее, девушка заперла дверь на щеколду, повалилась на кровать, прямо поверх покрывала, и закрыла усталые глаза.

Она не сошла с ума, но это вовсе не значит, что весь мир не слетел с катушек.

Глава 4. Между Старым и Новым

Между Старым и Новым

Мы не выбираем времена, мы можем лишь решать, как жить во времена, которые выбрали для нас. (Властелин колец: Братство Кольца, фильм)

Скоро снова в дорогу. Эти частые переезды вовсе не в тягость, они привычны и понятны, как вторая натура. Теперь он не просто древний вампир, он еще и преуспевающий бизнесмен, целиком отдающийся делу.

А еще он странник, не имеющий постоянного угла, после того как покинул Арканзас. Нет, конечно, кроме Убежищ по всему миру у него имелись личные дома и квартиры, но нигде он не чувствовал себя "дома". Это понятие, как таковое, исчезло из его обихода. Надежно охраняемые особняки и квартиры пустовали, он редко посещал их. Его мотало по всему свету, и во время поездок он предпочитал останавливаться в безопасных местах — на съемных виллах и в роскошных апартаментах Убежищ. И никогда, ни разу он не почувствовал, что хочет вернуться домой.

Он просто не знал, что значит быть дома.

...Мир постепенно менялся.

Пресыщенное человечество утрачивало способность удивляться. Гипотеза, что люди соседствовали на земле с чем-то непознанным и являлись не единственным разумным видом, уже настолько допустима, что незаметно покинула категории фантастических или абсурдных. Надо отдать человечеству должное, оно прекрасно адаптировалось и вообще склонно принять что угодно, если это не особо затрагивало привычный ритм существования.

Вампирское сообщество во все времена находило способы вести дела с людьми. И сегодня все происходило по-прежнему в строжайшей тайне, но наиболее активно, чем когда-либо: заключались сделки, расширялось сотрудничество на взаимовыгодных условиях практически во всех сферах.

Положение вампиров напоминало пресловутого "кота Шрёдингера" — их как бы не существует, но в то же время они есть. Для их расы наступала эра чего-то большего, чем статичная и неопределенная форма "небытия", когда в реальность твоего существования не верили, а в нелепых сказках ты оставался неуправляемым уродливым монстром, унижительно подчиняющимся исключительно своим инстинктам, чаще всего ограниченным примитивной формулой "пожрал-потрахаля-убил".

Мир менялся, и перемены в нем подобно бегущему по бикфордову шнуру огню — надвигались неумолимо, и когда-нибудь все это рванет, навсегда ломая привычные устои и стирая границы.

И, возможно, недалеки те времена, когда кому-то придет в голову согнать всех оставшихся вампиров в гетто и заставить носить на груди мишень с надписью "Кол вгонять сюда!"

Леонар Борегар прекрасно знал, кем являлся одиннадцать столетий. Из них последние четверть века смогли изменить его настолько, что он утратил способность мириться со

своей сущностью, не задумываясь.

Человеческий чиновник, за немалое вознаграждение оказавший содействие в оформлении пакета документов для сделки, по вопросам которой Лео прибыл в Прагу, не упустил возможности высказать свое отношение:

— Вы покупаете землю в Старом Свете и используете её для нужд своего сообщества. Мы помогаем вам сохранять тайны сделок, создаем правдоподобные легенды и ограждаем человеческое население от возможных эксцессов. Но что бы вы там не говорили, господин Борегар, все это на руку, прежде всего вам, вампирам. Вы вполне законно занимаете пространство и огораживаетесь от прочего мира, который, делите с нами, людьми. Но это больше похоже на экспансию. Вам дали палец, а вы потихоньку отхватываете руку...

— Социальный и политический строй моей расы ничем или почти ничем не отличается от вашего, — холодно заметил Лео. — Наши законы также основаны на человеческих принципах, с учетом некоторых особенностей, конечно. Мы соблюдаем правила и также пытаемся выживать, оберегая своих сограждан и предлагая им условия для более комфортного существования. Знаете, уважаемый господин Л., я слышу подобные рассуждения каждый раз, когда прибываю куда-нибудь по делам. Мне нечего скрывать, в этом бизнесе я уже более двадцати лет, что, согласитесь, по человеческим меркам довольно солидный срок. У меня приличный послужной список и вы с ним знакомы. Я не уполномочен вступать в политизированные или нравственные прения. Несмотря на свою противоестественную для вас природу, я всего лишь бизнесмен и не стремлюсь ломать ваши убеждения, а вы не пытайтесь убедить в чем-то меня. Мы оба лишь посредники, действующие в интересах своих рас под защитой и в рамках закона. Я об этом помню, а вы?

— Ну, лично я совсем не против вас или вашего бизнеса. Я вообще за сотрудничество с вашим видом. Оно все же приносит некую пользу и позволяет, хоть как-то контролировать ситуацию, — ухмыльнулся господин Л. — Я даю разрешение на сделку, но, к сожалению или к счастью, не все такие толерантные, как я. Вы еще натолкнетесь на множество подводных камней, продвигая ваш проект. Но меня можете считать пройденной инстанцией. Что я вам и подтверждаю, подписывая все эти бумаги.

Борегар скрипнул клыками, но терпеливо смолчал, выслушав чиновника.

Покинув кабинет, отправился на окраину города, туда, где отныне кусочек земли принадлежал его строительной Корпорации. Еще одна часть "пространства", мирно и честно приобретенная у этого мира для представителей его расы.

Один из самых экологически чистых районов Праги казался вампиру уж очень спокойным. Панельные многоэтажки, новостройки, небольшие семейные коттеджи, супермаркеты, многочисленные кафе и бары, улочки, скверики и лесопарковые зоны соседствовали здесь в удивительном благодушии, а жизнь обитателей шла тихо и неспешно.

Поверхность вод Влтавы, блескующих невдалеке при свете луны, была ровной и гладкой как темный шелк. Завершали неповторимую картину соседства мирной современности и мудрой древности сдвоенные башни крепости Вышеград, возвышавшиеся темными силуэтами на фоне ночного неба, словно извечные покровители, охранявшие покой жителей.

Чуть вдалеке, на холме, покрытом лесом, скоро развернется масштабное строительство, и на окраине этого тихого района древнего города будет создана зона, обустроенная для представителей расы вампиров. Простые смертные и не догадаются, кто обитает рядом с ними.

— Тебе бы понравилось в этом городе, — прошептали губы Лео. — Ты могла бы жить здесь. Могла бы жить... — повторил вампир, не отрывая взгляда от мирного пейзажа.

Незримая связь с этим городом существовала уже давно и сейчас чувствовалась острее. Где-то здесь обитала частица далекого прошлого, навсегда утраченного и несбывшегося...

Он сжал челюсти, скрипнув клыками, лицо непроизвольно дернулось и застыло непроницаемой маской. словно опустил стальной занавес, перекрывший выход вовне непрошеным эмоциям.

Он ни за что не станет делиться с миром тем, что ворочалось в глубинах его холодной души. Никогда и никому не расскажет и не покажет своих ран.

Лео стоял на холме, среди облетевших осенних деревьев, и смотрел на сгущавшуюся ночную тьму и затихающий город.

Безлюдные, тихие улицы, фонари, освещавшие чистые тротуары... Он медленно шел, держась в тени, не желая спугнуть покой и тишину, которые вдруг нежданно-негаданно ощутил впервые за долгое время. Ему нравился этот город, так непохожий на все те, где он жил или надолго задерживался прежде. Это место чем-то волновало его. Может быть, это все они виноваты — напрасные, бесполезные мечты о том, как было бы "если".

От погружения на самое дно колодца несбывшихся желаний его избавил звонок. Лео коснулся гарнитуры возле уха и услышал незнакомый вежливый голос, произнесший по-английски с едва заметным акцентом:

— Господин Борегар? Я говорю по поручению Пражского наместника Эрнеста Крауса. Эрцгерцог осведомлен о вашем пребывании в нашем городе и приглашает вас посетить его резиденцию.

"В нашем городе", — усмехнулся про себя Лео. Да, прав все-таки был господин Л., когда говорил о государстве в государстве. Представитель здешнего вампирского наместника именовал этот город "своим" и в самом деле таковым его считал.

— Почту за честь, — ответил Лео.

Пока голос излагал ему детали предстоящего визита, вампир наблюдал, как из-под забора, ограждавшего симпатичный коттедж на противоположной стороне улочки, протиснулся серый кот. Увидев темную фигуру, возвышавшуюся неподалеку, кот замер, тараща светящиеся глаза, припал к самой земле, шерсть на загривке его встала дыбом, он оскалился, зашипел и шмыгнул обратно под забор.

Американские кошки его тоже не жаловали, но обычно игнорировали, а здешним он, как видно, совсем не приглянулся. Они сразу почуяли в Лео чужака. Что ж, он и был здесь чужаком.

Весь путь до местного Убежища в центре города Лео проделал пешком, изредка, только в совершенно безлюдных зонах, перемещаясь так быстро, как умеют вампиры, превращаясь в стремительную смазанную тень. Пока он двигался по ночным улицам, то сознательно отметил, что не встретил ни одного сородича. Во всяком случае, он не почуял ни одного представителя своей расы, находившегося поблизости.

Люди, встречавшиеся на пути в этот поздний час, никаким особым образом не реагировали на него. Уверенно и неторопливо идущий молодой человек не казался им "ужасом, летящим на крыльях ночи", по большей части, на него вообще не обращали почти никакого внимания. Разве что некоторые представительницы прекрасного пола, завидев одинокого, высокого и красивого парня в длинном дорогом пальто, одаривали его заинтересованными взглядами.

Пару раз взгляд Лео выхватил из групп туристов, гулявших по центру ночной Праги, интересные женские лица и соблазнительные формы. Но нет, не станет он сегодня отвлекаться на хлопотную процедуру зачаровывания с последующим затаскиванием послушно обмякшей женской тушки "куда-нибудь", где, продолжив размягчать ее мозг, он, (возможно!) совместит процесс питания с яростным, поспешным удовлетворением основного инстинкта. Это не принесет ему особого удовольствия, а вернее, не принесет его вовсе. Поможет немного расслабиться, но не более того. Лучше заказать профессионалку, из числа тех, чьи услуги любезно предоставлялись высококлассным сервисом Убежища, где он остановился.

Почему, ну почему у него опять возникло это омерзительное чувство, что он что-то упустил?

... Следующим вечером Лео отправился с визитом к Наместнику Пражских земель Эрцгерцогу Эрнесту Краусу. Аристократ по рождению, Леонар Борегар проникся заочным презрением к главе местного вампирского сообщества уже за то, что тот так пышно именовал себя.

Черный костюм из шелка и хлопка сидел на фигуре вампира как влитой. Хотя представитель наместника обозначил форму одежды как официальную и любезно рассказал, где можно взять напрокат или купить хороший смокинг, Лео проигнорировал столь прозрачный намек и предпочел одеться с небрежной и дорогой элегантностью. Черная двойка от Dsquared2 и стянутые в хвост длинные волосы — самое то, чтобы выглядеть вполне официально, но при этом непринужденно и, оставаясь верным самому себе, бросить вызов заскорузлой в своем снобизме здешней вампирской братии.

Поданный лимузин доставил вампира в резиденцию эрцгерцога ровно в назначенный час.

Интеллигентного вида секьюрити, выглядевшие как помощники высокооплачиваемых адвокатов, а не как охранники, первыми встретили его в просторном холле особняка. Они "просканировали" Лео взглядами, поводили металлоискателями вдоль и поперек его высокой фигуры и сдали прошедшего проверку визитера в руки ожидавшего его вампира.

— Господин Борегар, рады приветствовать вас на нашей земле, — обратился к Лео вампир, — меня зовут Оз, и я буду вашим гидом сегодня вечером.

Учтивым жестом Оз указал на широкую мраморную лестницу, по которой оба вампира поднялись на второй этаж.

— Гидом? — Лео вскинул бровь. — Меня ожидает экскурсия?

— Если хотите, — отозвался Оз, — уверяю вас, здесь есть, на что посмотреть. Его Светлость — заядлый коллекционер.

«Уже скучно, — подумал Лео, — очередной местный королек и, естественно, страстный коллекционер. Видели таких и немало».

— Эрцгерцог веками собирает рукописи и манускрипты, — декламировал Оз, вышагивая рядом с Лео по бесконечному коридору роскошного особняка Его Светлости.

«Разумеется, и манускрипты...» — отозвался про себя Борегар, выросший при дворе франкского короля и насмотревшийся на манускрипты вдоволь.

— Он страстный любитель живописи и скульптуры малых форм...

"Подумайте, как оригинально. А как же большие формы?"

— Он собрал богатейшую коллекцию кальянов ручной работы...

«Зачем вампиру кальяны? Это что-то новенькое», — отметил внутренний голос Лео.

— И он просто настоящий клад идей и интересных предложений, которыми будет рад поделиться с вами, — заключил Оз, подводя гостя к большой двустворчатой двери. — Хочу дружески предупредить вас, что Его Светлость осведомлен о ваших профессиональных возможностях и успехах на рынке недвижимости, и разговор главным образом будет касаться именно этой темы.

Двери открылись, и Оз сделал приглашающий жест, пропуская гостя вперед.

У Лео возникло уже знакомое чувство, как когда-то, больше четверти века назад. Его снова затягивало куда-то помимо его собственной воли...

Следующей за визитом к эрцгерцогу ночью Лео никуда не пошел, остался в своих апартаментах в Убежище. Размышлял, просчитывал и вспоминал, между делом просматривая электронную почту.

— "Мистер Борегар, сообщаем Вам..."

И писем, начинающихся такими словами, около десятка. Удалить их все, не читая, как спам.

Следующее письмо от представителя их бизнеса в Австралии и Новой Зеландии. Это важно, прочитать обязательно, но позже.

...Еще одно письмо. От Тайлера Вуда.

"Мирный Правитель отсутствует на постоянном месте уже несколько дней. Первоначально предполагалось, что МП в отъезде на выходных, но в начале недели он не вышел на работу. Местонахождение неизвестно.

Сведения о Ветреном Острове поступают регулярно. Там все без изменений.

Обстоятельства отсутствия МП выясняются. Обо всем сообщу дополнительно".

Пусть выясняет. Лео со своей стороны не будет пока ничего предпринимать и задаваться судьбоносными вопросами, подождет известий, но все же это сообщение от Вуда вывело вампира из равновесия.

Этот город определенно не желал отпускать его. Сначала деловое предложение от здешнего эрцгерцога, теперь — сообщение от Тайлера.

Откуда-то снова появилось чувство, что сама судьба ухватила его за загривок и с усилием развернула в ту сторону, от которой он упрямо отворачивался. Его тычут во что-то мордой, а он ничего не желает видеть.

Лео яростно дернул головой. Длинные волосы взметнулись, падая на хмурое лицо.

Все ушло. На свете есть вещи, которые нельзя изменить. И уж он это знает наверняка.

Лео откинулся на спинку кресла, отодвинулся подальше от стола, чтобы в поле зрения не попадал экран лежащего перед ним планшета. Повернув голову чуть в сторону, уставился на затемненный угол в комнате. Через какое-то время ощущение реальности стало притупляться, и он погрузился в воспоминания.

...Двадцать пять лет назад он угодил в ловушку. Как безмозглая муха, попавшая на липкую ленту.

Он, конечно, знал, что все на свете просчитать нельзя, но всегда выворачивался из самых невероятных ситуаций, используя любые доступные средства. На этот раз не вышло.

Юная человеческая девчонка расставила ему силки, и он вальяжно вошел в них, как в королевские покои, с видом победителя. Самое удивительное, что он и в самом деле со

временем стал считать себя победителем, несмотря на то, что поначалу явно проиграл.

Неожиданный альянс с Мэдисон Саттон позволил ему преодолеть несколько сложных ситуаций и защитить свою общину от посягательств извечных врагов мира вампиров — оборотней и ведьм. Мэдди чувствовала сверхъестественных существ, как барометр — погоду, и просчитывала их намерения с особенной чуткостью эмпата. О чем и докладывала Лео в обмен на свою безопасность и анонимность.

О том, что Мэдисон также без труда может "читать" и его эмоции, Лео предпочитал не задумываться.

Другая ее способность воздействовать на организм вампиров странным и непонятным образом, была бомбой замедленного действия, но девчонка, сознавая это, научилась контролировать свой дар и почти никогда не пускала его в ход. Почти.

Эта девица как стихийное бедствие. Вместо того чтобы сидеть тихонько и сопеть в две дырки, она лезла в эпицентр опасностей и хватала голыми руками оголенные провода. Быть ее покровителем, связанным Клятвой крови, задача не из простых. Это — кара за все грехи во всех его жизнях.

Лео именно так и воспринимал их договор.

Первым знакомым Мэдисон среди нежити стал Тайлер Вуд. Этот кровососущий бойскаут был ошибкой природы и позором его создателя. Кто в здравом уме сделает себе кровное дитя из такого тошнотворно добропорядочного субъекта?!

Брат милосердия во время Гражданской войны, лезший под пули ради умирающих, он таким и остался, став уже вампиром. Будь такое возможно, Вуд скорее сдавал бы свою кровь, чем пил чужую. Немудрено, что они с Мэдди сподобились друзьями.

Тайлера всегда тянуло к людям, Мэдди распознала в нем не самого обычного вампира, безошибочно учуяв его искаженную излишней очеловеченностью натуру. Они беспрекословно доверяли друг другу, чем неизменно выводили Лео из себя.

К тому же, Тайлер в глазах Лео являлся предателем, потому что "сдал" его Мэдисон, буквально приведя его к ней на порог.

Леонар Борегар попался в капкан двух шизанутых. Чем не повод для гордости для древнего вампира, аристократа-интеллектуала?

Лео уж как-нибудь выдержал бы пару-тройку десятилетий обязательств приглядывать за Мэдисон. Потом все и так закончилось бы в силу естественных причин. Но это было уж слишком просто. С Мэдди так точно не пройдет.

И все точно так и вышло.

Девушку угораздило повстречать и влюбиться в заезжего красавца Джейка Келли, который приволок за собой старый трейлер, дочку от первого брака и вагон проблем, с этой самой дочкой связанных.

Альтруизма Мэдди хватило на то, чтобы поселить мужика и ребенка у себя в доме, без памяти влюбиться в Джейка, души не чаять в его ребенке и активно поучаствовать в решении их проблем.

Если бы Лео вовремя узнал суть проблем, он турнул бы папашу и его чадо куда подальше, не позволив Мэдисон во все это влезать даже кончиком ее упрямо вздернутого носа. Но чертовка кинулась в приключения с головой, как когда-то лихо заманила его и вынудила стать ее покровителем.

Эта дурочка никогда не угомонится, и, пока она жива, покоя не видать и Лео.

Но, в конце концов, есть же обстоятельства, над которыми он не властен.

Болезни. Несчастные случаи.

Джейк Келли спасал свою дочь, а Мэдди спасала их обоих, направив весь свой энтузиазм на то, чтобы сделать невозможное.

Когда Лео впервые увидел Джейка, он ощутил странный укол в то место, где когда-то брэнчало его сердце. Словно старый осколок сдвинулся.

Довольно высокий (хоть и не такой, как Лео), поджарый, весь словно свитый из жестких мускулов, подвижный и ловкий Джейк отличался выразительной грацией хищного зверя. Смуглый, с густыми пепельными волосами, выгоревшими на кончиках до белизны, и яркими зелеными, как хризопразы, глазами, смотревшими на Мэдисон с искренней любовью и обожанием. Лео бесил приторный взгляд собственника, и выводила из себя Мэдисон, потерявшая остатки разума от любви.

Когда первый приступ раздражения прошел, Лео посчитал, что с появлением Джейка в жизни Мэдисон он скоро сможет считать себя свободным от обязательств перед девушкой, и решил просто подождать, чем кончится дело. С облегчением и опасением одновременно.

Арканзас, 1988–1989 годы...

...Нормальные люди рядом с девчонкой не задерживались. Они разбегались от нее, или она сама не воспринимала их, привыкнув больше общаться с вампирами.

Неудивительно, что при таком раскладе и Джейк Келли оказался... не вполне человеком.

Тайлер Вуд, обожавший Мэдди, изводил Лео своим нытьем, что заезжий одинокий папаша кажется ему подозрительным.

— Так выясни про него все, что можно! — отмахнулся от него Лео.

И проныра Тайлер, обладавший редким талантом добывать информацию, выяснил.

Джейк Келли происходил от племени людей-волков, столетиями проживавшим на территории Британских островов. Они не относились к вервольфам, а были самостоятельным видом, могущественным племенем, закрытым кланом, хранителями свободного духа и сокровенных древних знаний. Их трансформации зависели только от желания или нежелания обратиться, их сила была безмерна, и они владели секретами природы, делающими их практически всемогущими. Люди-волки много веков свято соблюдали чистоту своих рядов, своей крови. Никаких межвидовых браков. Этакие мормоны в мире сверхов, со своими неубиваемыми «тараканами» и нерушимыми принципами.

Со временем популяция их сократилась, а вынужденные межродственные браки стали правилом, как и рождение не совсем нормального потомства, что, естественно, привело к стремительному вырождению.

Один из людей-волков пошел наперекор многовековым законам и взял в жены человеческую женщину. С них началась новая линия рода.

Бунтарь с беременной женой был изгнан из общины и перебрался жить в Америку. Часть их потомков позже осела в Европе.

Таинственная генетика любит развлекаться, создавая непредсказуемые "конструкции". Так вышло и с потомками людей-волков от обеих линий. Среди них стали появляться такие, что могли перекидываться, и такие, что утратили такую способность, но при этом, видимо, сохраняли особый ген, который мог быть передан потомкам и у них уже проявлялся совершенно непредсказуемо.

Джейк Келли был из "американской" ветви бунтарского рода. Он родился в семье

ведьмы и потомка людей-волков. Судьба или генетика преподнесла ему сюрприз в виде дара телепатии и неотразимой внешности. Он не обладал способностью перекидываться и отличался крепким здоровьем.

Джейк женился на человеческой женщине. Ничего не предвещало сюрпризов, пока жена не умерла родами. Причиной ее гибели стала... кровь новорожденной, которая обладала свойствами, губительными для обычного человека.

Пока ребенок пребывал в утробе матери, природа защищала их обоих. Но после родов организм женщины словно исчерпал запас жизненных ресурсов. Ничего нельзя было сделать, и трагедию никак нельзя было предотвратить. Проклятие рода людей-волков настигло Джейка, сделав его вдовцом, а ребенка — сиротой.

Но это было еще не все, что уготовила им судьба.

Как выяснилось позже, кровь девочки оказалась не только губительной для ее человеческой матери, но крайне привлекательной... для вампиров.

Насколько было известно Лео, на тот момент континент стали наводнять пришлые сородичи, которые не подчинялись общим законам сообщества и являлись среди своих братьев кем-то вроде анархистов. Они игнорировали правила и творили нечто, выходящее далеко за рамки дозволенного даже по представлениям их вида.

В числе "подвигов" были кражи детей и продажа их на нелегальном донорском рынке. Особенно ценились малыши оборотней всех мастей и прочих представителей мира сверхъестественного.

И ребенок Джейка Келли стал жертвой похищения. Усилиями матери Джейка, сильной ведьмы, и других представителей их клана, девочку удалось найти и вернуть домой как раз в тот момент, когда ее собирались перевести и спрятать. И все же похитители успели попробовать и оценить кровь малышки. Нетрудно представить, что из ребенка собирались сделать "источник", используя ее как постоянного донора.

Кровь девочки оказалась для вампиров чем-то вроде эликсира, распробовав который, похитители, скорее всего, увлеклись, и кому-то из них пришлось напоить ее своей кровью, чтобы поддержать в истощенной малышке жизнь. Но кровь вампира, попав в особенный организм ребенка, превратилась в токсин. Иммунная система девочки стала пытаться нейтрализовать токсин, вызывая потери сознания, судороги и лихорадку с чудовищным подъемом температуры. Приступы не прекращались, все больше выматывая малышку. К тому же, ее мучили кошмары, в которых ее снова и снова терзали пьющие кровь твари.

Семья Джейка, не имея возможности обратиться к традиционной медицине, лихорадочно искала иные способы спасти ребенка. Тем временем состояние девочки ухудшалось, она просто угасала.

Кто-то из родственников нашел старую знахарку из людей-волков, которая тоже ничем не смогла помочь ребенку, но сказала, что между девочкой и вампиром, напоившим ее своей кровью, установилась очень сильная связь. И, пока жив этот вампир, мучения девочки не прекратятся, а, в конце концов, уничтожат её.

— Найдите вампира, отравившего дитя, и убейте его. Связь прервется, и ребенок будет спасен, — изрекла знахарка.

Но найти вампира, не зная, кто он, откуда и где находится — задача не из простых.

— Бери ребенка, сажай в машину и езжай, — сказала ведунья Джейку.

— Куда ехать?! Это все равно, что искать иголку в стоге сена... — отозвался отчаявшийся отец.

— Следуй за связью между вампиром и твоей дочерью. Вымани тварь. Будет сложно и опасно, но другого способа нет, — заявила знахарка. — Если повезет, ты найдешь того, кто тебе нужен.

— А если не повезет?

— Значит, не повезет, — ответствовала старая карга.

Джейк приобрел трейлер и отправился вместе с дочкой в жуткое путешествие по стране.

Основанная на крови связь дочки Джейка с вампиром работала в обе стороны, она выманивала и привлекала похитителя, который в свою очередь незаметно шел по их следу. Джейк с ужасом наблюдал за учатившимися и усилившимися приступами у дочери, но ничего не мог поделать, пока нужный им монстр не обнаружит себя.

В своем рискованном путешествии отец и дочь добрались до Арканзаса.

Там, среди толп людей, Джейк встретил Мэдисон, случайно уловив в ней нечто странное. Телепатия приоткрыла ему мысли незнакомки, подсказав, что девушка обладает редкими способностями узнавать сверхъестественных существ и их намерения.

Такой дар мог бы очень пригодиться им с дочкой.

Они познакомились, и случилось так, что на какое-то время Джейк забыл, чем именно был вызван его интерес к Мэдди с самого начала, но он не стал таиться и все честно рассказал девушке.

Мэдди не оттолкнула его, не испугалась, не стала возмущаться. Она сама жила в похожем состоянии долгие годы, когда тетка таскала ее по стране, пытаясь скрыть девочку и ее неуправляемые на тот момент способности.

К тому времени, когда Джейк с ребенком уже жили в доме Мэдисон, связь малышки с вампиром усилилась настолько, что стало понятно, что монстр находится совсем рядом, надеясь вернуть ценного "донора". Круг замкнулся, было уже все равно, кто на кого открыл охоту, главное, кто выйдет из этой схватки победителем.

Лео и Тайлер пришли к Мэдисон, чтобы открыть ей глаза на коварного сожителя. Девчонка и ухом не повела, заявив, что давно все знает, в их советах не нуждается и сама со всем разберется.

— Он использует тебя, — сказал Лео своей глупой подопечной.

— Он ничего не скрывал, и я сама хочу помочь им, — вздернула подбородок девушка.

— Ты ослепла от любви, Мэдди, — скривился Лео.

— А ты оглох от старости, Лео, — парировала девчонка. — Я же сказала — я все знаю и хочу помочь.

— Ты тащишь свой симпатичный маленький задик прямо в пекло. Я туда за тобой не собираюсь. Это выходит за рамки нашего договора, — заявил вампир.

— Согласна. Будем считать тебя свободным от нашего договора с этой минуты. Я расторгаю Клятву крови.

— Все не так просто, но... Пеняй на себя.

— А ты живи себе спокойно.

— Ты в самом деле спишь в огне, малышка, — прошипел разъяренный Лео, наклонившись к Мэдди и глядя в ее непреклонные глаза. — Пора проснуться. Или сгоришь.

— Расслабься, вампир. Это моя жизнь и тебя она не касается.

Лео плюнул на упрямую дурочку и уехал. Тайлер Вуд остался приглядывать за Мэдисон. Дальнейшие события развивались с напором и скоростью торнадо.

Джейку Келли при помощи Мэдисон удалось распознать вампира, кровь которого убивала его дочь. Тайлер Вуд с Джейком заманили вампира в условленное место. Джейк остался разбираться с ним, предварительно сделав так, что Мэдисон и его дочь покинули город.

Когда Мэдди вернулась домой, она узнала, что Джейк погиб, спасая дочь.

Она кляла себя, что не смогла раскусить хитрость Джейка, заставившего ее отвести дочку к его матери. Пока она передавала целую и невредимую девочку в руки бабушки, случилось непоправимое.

Мэдисон была уверена, что, будь она рядом с Джейком, он остался бы жив. Ведь у нее был дар, который мог справляться с вампирами. Но упрямец не пожелал больше рисковать любимой женщиной.

Мэдисон выгнала верного Тайлера Вуда, усмотрев в его помощи Джейку преступное предательство по отношению к ней. Убитый горем и терзаемый чувством вины, Вуд тенью слонялся поблизости, продолжая оберегать девушку.

На тот момент, когда в город вернулся Лео, Мэдисон напоминала тень и уже знала, что носит под сердцем ребенка от Джейка Келли, о котором его отец так ничего и не узнал.

Лео мог бы посочувствовать Мэдди, но человеческая глупость и слабость не входили в число того, с чем он мог мириться.

— Ты хоть понимаешь, что ваш с Джейком отпрыск может также обладать какими-то особенностями? — напрямик спросил он Мэдисон. — Дочь твоего волчонка попала в переплет из-за своей необычной крови, а ценой спасения стала жизнь ее отца. Чем готова жертвовать ты? — резанул Лео, не щадя Мэдди.

Девушка вся подобралась, сжала бледные губы. Вампир скривился от отвращения, увидев, как нежно, но решительно она прикрыла живот

— Я уже знаю, что может быть. Я буду готова, — проговорила девушка.

— А ты готова умереть и оставить свое особенное чадо сиротой в этом безумном мире? Ведь первая жена твоего любовника умерла родами. Её убило собственное дитя, помнишь?

Мэдди побледнела еще больше и уже с неприкрытой ненавистью смотрела на вампира.

Но Лео видел, как сквозь ненависть просачивается страх. Она прекрасно все понимала и сознавала, и жила в ужасе от этого. Но Лео не собирался ее щадить и дальше.

— Ребенок не виноват в том, что родился особенным, — прошелестела Мэдисон, не сводя с вампира наполненных болью глаз.

— Что будет с твоим потомством, если не станет тебя? Лучше сразу завещай его каким-нибудь вампирам. По крайней мере, он будет пристроен...

— Я завещаю тебе присмотреть за ним... — сказала Мэдди.

— Что?! — взвился Лео. — Ты больная на всю голову?! Каким это образом я смогу это сделать?

— Сможешь. Ты старый и хитрый, многое знаешь и умеешь. Ты не дашь пропасть моему ребенку, — гнула свое Мэдисон.

Нахалка была способна прочитывать его эмоции, и сейчас он был совсем не против этого. Пусть знает, что он испытывает в ответ на ее бредни.

— Выкуси! — Лео совершенно по-мальчишески размашисто показал Мэдди непристойный жест. — Лучше отдай его Тайлеру. Кстати, он ведь бывший медбрат, может и роды принять, ведь в человеческую клинику тебе, судя по всему, путь заказан. А Вуд не откажется и папашкой стать. Он же смотрит на тебя, вывалив язык и истекая слюной, так

что и твое потомство примет с радостью.

Слушая злые и оскорбительные слова Лео, Мэдди не собиралась сдаваться.

— Хорошо. Часть проблемы решена, — спокойно согласилась она. Только подрагивание губ выдавало ее состояние. — Но защиту ребенка я могу доверить только тебе, Лео.

Он смотрел на девушку, прекрасно видя, что она чувствует ту неподдельную ненависть и неприязнь, которые сейчас вызывала в нем. Чувствует и едва может совладать с паникой. Она напряглась и снова прикрыла еще плоский живот руками, не сводя с вампира глаз.

— Правильно делаешь, что боишься, — проговорил Лео. — Ты сама для меня, как кандалы. А теперь еще требуешь, чтобы я взялся оберегать твой приплод. Я скорее склонюсь к тому, чтобы оторвать тебе голову. И ты можешь не успеть пустить в ход свое "секретное оружие". Я убью тебя, Мэдди, клянусь, и мне плевать, что это самым непозволительным образом нарушит Клятву крови, ведь вместе с тобой я убью частицу собственной крови, а в нашем мире это все равно, что самоубийство для вас.

— Я не стану применять к тебе свое "секретное оружие", — серыми губами проговорила девушка. — Я хочу, чтобы ты позаботился о моем дитя, если меня не станет. Кстати, в этом случае тебе не придется самому убивать меня и нарушать Клятву крови... Надо только немного подождать, пока ребенок не родится...

— Да откуда же ты навязалась на мою голову... — простонал вампир. — Нет. И еще раз нет. Ничему этому не бывать. Я не могу и не хочу помогать тебе в этом, Мэдди. Дальше ты идешь сама. Как можешь.

Сказал, как отрезал и ушел, кипя дикой злобой на себя, на Мэдисон, Джейка Келли, Тайлера и весь прочий мир.

Прошел почти месяц, прежде чем Лео явился к ней снова.

— Тебя, идиотку, будут искать все, кому ни лень, включая родственников твоего мертвого любовника, если узнают, что ты залетела от него, — заявил вампир. — Не в их интересах позволять своей драгоценной ненормальной кровушке просто так растекаться по миру. Может, тебя сразу отвезти к ним?

— Нет! — испуганно шарахнулась от него Мэдисон. — Я не хочу к ним. Ни за что!

— А напрасно. Это было бы самым правильным решением. Но если ты уверена, что не хочешь этого, я уговаривать не стану. Проще переупрямить осла, чем тебя. Не забудь также, что твое потомство может обладать способностями, которые создадут большие проблемы для выживания.

— Я помню об этом...

— Чудесно. В таком случае собирайся. Ты уезжаешь.

— Куда это? — с опаской спросила девушка.

— Я увезу тебя и спрячу, — сказал Лео. — Будешь жить там, где тебя и твоих детей никто не найдет. Ни вампиры, ни потенциальные родственники.

— Детей?

— У тебя там двойня. Я отчетливо слышу два сердцебиения, — скривился Лео. — Вот радость-то, правда? И с одной тобой не знаешь, как быть. А тут еще целых два ненормальных "подарочка".

Вход и выход

"В случае опасности нарисуйте дверь"

(фильм "Битлджус")

...Пока Фреда принимала душ, кто-то проник в ее обиталище через запертую изнутри дверь.

Этот "кто-то" принес новую чистую одежду и аккуратно разложил ее на кровати. Вернули ей и сумку почти со всем содержимым, за исключением телефона и папки с документами, которые Фреда должна была передать в свой отдел Магистрата.

За время, прошедшее с момента ее прибытия в эти таинственные чертоги, ничего не произошло. Она неплохо выспалась, вопреки ожиданию, вполне прилично себя чувствовала и жаждала узнать, что же, в конце концов, происходит.

Выйдя из душа и увидев новую одежду, оказавшуюся точно ее размера, Фреда без сомнений и сожалений скомкала свои прежние вещи и засунула в корзину для грязного белья. От осознания, что не нужно пытаться отстирывать испорченные в музейных приключениях вещи, испытала настоящее облегчение.

Только сегодня, проснувшись и оглядев себя с ног до головы, Фреда заметила, что свитер не так уж и пострадал. Видимо, вся та мерзкая субстанция, которой окатил ее "взорвавшийся" монстр, осталась на исчезнувшей куртке. А вот джинсы, которые были на ней, сплошь перемазаны ужасающими бурыми пятнами. Как ни хотелось в это верить, но растянулась она тогда в музейном подвале совсем не на лужах воды, оставленных нерадивыми уборщиками. Это была чья-то кровь, много крови.

Неужели старший научный сотрудник Детмар Брож стал жертвой белоглазого?..

Фреда содрогнулась, поспешно захлопнула крышку корзины и выскочила из ванной. В спальне надела новые черные джинсы и весьма недурственный джемпер из мягкой шерсти, поразительно похожий на ее прежний. Обула сапожки, в которых так опрометчиво притопала тем роковым вечером в музей.

В гостиной постояла в нерешительности, оглядываясь по сторонам и прикидывая, что же делать теперь. Чувство голода, заявившее о себе громким урчанием в животе, убедительно подсказало, на что, прежде всего, обратить внимание. Оказалось, что, по приблизительным подсчетам, не ела она уже почти двое суток. А может быть, и того больше, ведь она толком не знала, сколько времени провела вне реального мира.

Она даже в окно посмотреть не могла, чтобы сориентироваться в том, где приблизительно находится и день сейчас или ночь: здесь попросту не было окон. За задернутыми шторами и опущенными жалюзи обнаружилась... глухая стена с имитацией оконного проема в неглубокой нише.

Горько вздохнув, Фреда направилась к небольшому кухонному уголку и тщательно обследовала его, открывая каждый шкафчик, заглядывая в каждый выдвижной ящик, изучая содержимое небольшого холодильника и устройство электрической плиты. Результатом ее исследований стал завтрак (или обед?), который девушка приготовила из свежайших продуктов, в изобилии имеющихся на этой небольшой кухне.

Яичница, тосты с маслом, кофе, фрукты — все это она смолотила едва ли не за пять минут с огромным удовольствием.

Пару раз девушке показалось, что за ней наблюдают. Фреда тотчас прекращала жевать и резко оборачивалась, но дверь в ее апартаменты оставалась закрытой, и никто неожиданно в комнате не материализовывался. Поборов неприятные ощущения, Фреда списала всё на паранойю, вызванную пребыванием в необычных, мягко говоря, обстоятельствах.

Плотный перекус вернул силы и настроил на решительные действия. Фредерика подошла к двери и обнаружила, что по-прежнему заперта только изнутри. Не вникая в эту странность, девушка вышла, оглядываясь по сторонам: тихо и пусто.

Не ограниченная в действиях в ограниченном пространстве — это и есть "заточение по-вампирски"?

Спустившись в холл с арочными проходами, остановилась посередине.

Бывает так, что вдруг включается какой-то внутренний навигатор, который, не то чтобы становится компасом, четко указывающим направление, а начинает играть с нашим восприятием в известную игру "горячо-холодно". Вот нечто подобное произошло сейчас с Фредой.

Она повернулась к арке, располагавшейся справа, и направилась в нее. Не понимая, почему именно этот путь выбрала, медленно двигалась по коридору вперед и вперед. По обе стороны располагались запертые двери, похожие одна на другую. Дойдя до поворота, Фреда остановилась и прислушалась, но не услышала ни единого звука, кроме собственного дыхания. Послушав внутреннюю подсказку "теплее", повернула налево. Пара метров вперед — "еще теплее". Еще один поворот, на этот раз направо, и Фреда... оказалась в тупике. Впереди стена и дальше идти некуда. Но "навигатор" настойчиво предлагал продолжить движение. "Тепло, очень тепло..." — твердил внутренний подсказчик. Фреда потопталась на месте, внимательно оглядываясь по сторонам, даже для верности ощупала стены, но ничего не обнаружила.

Вздохнула, развернулась и пошла обратно. Миновав поворот, уже ранее пройденный ею, вдруг заметила то, на что прежде не обратила внимания. Или этого попросту здесь не было. В стене возник неведь откуда взявшийся проем, широкий и высокий, почти под самый потолок, украшенный квадратной аркой из темного дерева. Без колебаний шагнув в эту арку, Фреда оказалась вовсе не в холле, откуда начала свое движение.

Девушка вошла в просторную комнату, напоминавшую внушительную библиотеку, с множеством книжных шкафов вдоль стен и огромным камином напротив входа, в котором жарко и шумно полыхали толстые поленья.

"Горячо", — прокомментировал воображаемый "навигатор" где-то в голове Фреды и, словно выполнив свое предназначение, автоматически отключился.

Перед камином располагались два дивана и кресло. В кресле, повернутом спиной к входу, кто-то сидел. Высокая спинка не позволяла Фреде увидеть сидящего, лишь его руку, лежащую на подлокотнике.

— Вы успешно справились и нашли вход в библиотеку. Проходите и садитесь, нам есть, о чем поговорить.

Фреда узнала голос Регента. Прошла и села на диван, справа от вампира. Он по-прежнему был в темных очках, скрывающих глаза, но на этот раз не с такими непроницаемыми стеклами, как в их первую встречу. Сейчас глаза вампира хоть и оставались едва различимы, но, казалось, излучали сияние, схожее со свечением луны,

выглядывающей из-за туч. Но, может быть, это был лишь отблеск пламени горящих в камине дров, отразившийся на поверхности очков.

Вампир долго молчал, словно позабыв про гостью. Смотрел перед собой, на огонь, пылающий в камине. Хотя понять, куда именно направлен его взгляд, было непросто из-за очков, скрывавших глаза.

— Вы хотели поговорить, — обратилась Фреда к Регенту.

— Хотел. А вы готовы? — отозвался он, не поворачивая головы.

Фреда скользнула по нему быстрым взглядом. Темные короткие волосы сегодня уложены в дерзкий "ирокез". Пламя камина бросает на жесткое, неподвижное лицо отсветы, рисуя глубокие тени на четко очерченных скулах. Застывший Голем.

Фреда наморщила нос.

— Я готова. Только объясните все без загадочных намеков, смысл которых я понимаю так же, как язык жителей затонувшей Атлантиды.

— Постараюсь, — невозмутимо бросил Регент. — Но по большей части все зависит от того, насколько вы готовы принять то, что услышите. И увидите.

— Я не готова ничего из этого принять, — заявила Фредерика, — но вы заперли меня неизвестно где, и выбора у меня нет. А вопросы задавать я могу?

— Живой диалог поможет нам быстрее найти общий язык, — одобрительно кивнул вампир.

— Я арестована? — спросила Фреда. — Вы привезли меня в вампирскую тюрьму?

— На оба вопроса ответ «нет».

— Яснее не стало, но и на том спасибо, — пробормотала девушка. — А почему вас называют Регентом? Ведь, как я поняла, здесь, в вашем сообществе, уже имеется действующий правитель — Краус.

— Вы все правильно поняли. Эрцгерцог является главой всего вампирского сообщества в Праге. Я ни в коем разе не претендую на его высочайший престол.

Ей показалось, или в голосе Регента прозвучала ирония?

— Я возглавляю и контролирую некое объединение вампиров, сформировавшееся внутри нашей общины на этой земле. Но ни в какой мере не являюсь претендентом на трон, я, скорее, управляющий. Потому и зовусь Регентом, — разъяснил вампир, и добавил: — у меня имеется вполне привычное вашему слуху имя, данное мне при рождении. Меня зовут Рейнхард Вагнер.

— Это не чешское имя, — заметила Фреда.

— Мое имя имеет немецкое происхождение, — пояснил Регент. — А вот ваши имя и фамилия звучат как скандинавские: Фредерика Андерсон, что дает возможность предположить, что вы шведка или норвежка. Но я слышу в вашей речи какой-то иной акцент. Английский?

— Насколько мне известно, мои биологические родители родом из Норвегии. Довольно долгое время они жили и работали в США, там же родилась я. В Америке мои родители и погибли, когда мне едва исполнилось лет пять. Во всяком случае, эти сведения я получила в приюте, в котором воспитывалась до шестнадцати лет. Английский язык я слышала с рождения, говорила и говорю на нем не хуже, чем на норвежском.

— Где располагался приют, в котором вы провели больше десяти лет? — поинтересовался вампир.

— В Тронхейме. — Фредерика нахмурилась, словно вступила на территорию, где

чувствовала себя особенно неуютно. — Послегибели родителей меня забрал родственник с намерением удочерить и вывез из США. Но я такая «везучая», что и этот добрый человек вскоре умер, а меня определили в приют. Спустя годы я случайно познакомилась с очень милой чешской парой. Они оформили надо мной опеку, вывезли в Чехию, помогли устроиться и поступить в Пражский университет, поддерживали во время учебы. Я считала их своей семьей.

— Сейчас уже не считаете? — спросил Вагнер.

— Считаю и теперь, но наши пути разошлись несколько лет назад. Так уж получилось, — ответила торопливо, явно желая свернуть тему. — А с какой стати я всё это вам рассказываю?

— Можете не рассказывать. Всё это мне уже известно, — ответил Регент. — На этом будем считать, что наше более близкое знакомство состоялось. Теперь давайте поговорим о причинах, по которым вы оказались здесь. — Вампир встал с кресла и подошел к камину.

Фреда уставилась ему в спину. Стройное, прямое, сильное тело и убийственные точность и неторопливость в каждом жесте. На Вагнере узкие черные брюки, черный же пуловер и серая шелковая рубашка под ним. Без своего сюртука он выглядел сейчас почти нормально.

Взяв с бронзовой подставки длинную кочергу с массивной витой ручкой, Вагнер поворошил поленья, отчего те разгорелись с новой силой, и пламя, взметнувшись ввысь, загудело, как ветер во время бури.

Регент поместил кочергу на место и остался стоять лицом к огню, а Фреда ждала, сверля широкую спину Регента раздраженным взглядом, чувствуя, что теряет терпение, до того ей надоели все эти таинственные игры.

— У вас больше нет вопросов ко мне? — спросил Регент, не меняя позы.

— Вы обещали все пояснить. Я жду! — воскликнула Фреда. — У меня куча вопросов, но теперь хотелось бы выслушать вас.

— Тогда позвольте, вопрос задам я. — Вагнер медленно повернулся. — Скажите, как вы нашли эту комнату?

— Что значит «как нашла»? — Она дернула плечами, стараясь сдержать рвущееся из-под контроля раздражение. — Бродила по этим бесконечным запутанным коридорам, и нашла.

— И вам ничего не показалось странным?

— Да здесь все странное! Вся моя жизнь превратилась в безумный сон!

Регент вернулся в свое кресло и продолжил:

— Вы находитесь в особом месте. Это не тюрьма, но никто не может ни войти, ни выйти отсюда по своему желанию. Внутри этих помещений не действуют привычные для вас законы внешнего мира. Здесь господствует магия. Вы никогда не смогли бы найти эту комнату, не обладай вы определенными способностями, которые есть лишь у очень немногих. Когда вы бродили по коридорам, разве не ощутили ничего схожего с тем, будто вас кто-то направлял, подсказывал, куда двигаться?

— Не знаю... я просто долго бродила... — растерялась Фреда, — но, может быть, интуитивно...

— Интуиция здесь играет определенную роль, но дело не в ней. Вы ощущали, как я вас направляю, и в этом все дело, — прервал ее Вагнер.

— Как это "ощущала"?

— Это все ваше восприятие. Как телепатия. Не сама телепатия, нет. Вы, я думаю, не можете слышать мысли окружающих, но способны почувствовать и уловить некие сигналы, вибрации, словно настроиться на нужную волну. Подозреваю, что вы сильный сенсор. А, может быть, и нечто большее.

Мерзкое чувство, что ей самым бессовестным образом морочат голову, усилилось, и Фреда нетерпеливо заерзала на диване.

— Так вы говорите, что это особое место, и я никогда не нашла бы его, если не мое это самое восприятие? — стараясь сохранять спокойствие, переспросила она.

— Все так, — подтвердил вампир.

Фреда вздохнула.

— Я думала, что мы и в самом деле поговорим, — сказала она. — А вы снова за свое. Так вот послушайте, Регент. Идите вы со всем вашим бредом в одно... особое место. Уточнять, думаю, не надо, в какое именно.

Говоря это, Фреда поднялась с дивана и одарила Вагнера полным презрения взглядом, ноздри ее тонкого носа гневно затрепетали, рот презрительно сжался. Вытирая влажные ладони о джинсы, словно хотела стереть какое-то мерзкое ощущение, она развернулась и направилась к выходу из библиотеки.

— Кстати, за новые вещи спасибо. Очень любезно с вашей стороны избавить меня от необходимости ходить в залитых кровью шмотках, — бросила она и вышла.

Ожидая, что Регент окликнет ее, пошла по коридору уверенно и быстро.

Но чем больше продвигалась Фреда вперед, тем отчетливей убеждалась в невероятном: коридор словно вытянулся, превратившись в бесконечный тоннель. Не было больше никаких поворотов и дверей, никто не догонял ее и не звал. Впереди коридор тонул в темноте, и темнота не была неподвижной, она определенно двигалась ей навстречу.

Внезапно тьма просто обрушилась на нее, налетела как цунами, поглотив целиком, мгновенно "залепила" глаза и уши, сделав слепой и глухой. Фреда запаниковала, остановилась, хаотично задвигала руками, словно пытаясь разогнать непроницаемый мрак.

Тут же из ниоткуда, прямо перед ее лицом, возникло слабое свечение. Оно становилось ярче, превращаясь в шар, мерцающий серебристым светом, похожим на лунный. "Маленькая луна" сначала трепетала перед глазами Фреды, потом вдруг дернулась вперед, затем вернулась к девушке, снова чуть переместилась вперед. Сфера будто звала за собой, указывая направление, и Фреда, как автомат, пошла за ней сначала робко, а затем все уверенней.

Темнота оставалась непроглядной, но паника утихла, и вскоре Фреда, ведомая светом, дошла до поворота.

Тьма рассеялась так же внезапно, как и сгустилась, а путеводный свет тут же исчез.

Фредерика остановилась, пытаясь отдышаться и сообразить, что делать дальше. Все произошедшее она предпочла считать иллюзией или галлюцинацией, нежели поверить в необычность места, в котором находилась.

Коридор тем временем приобрел привычный вид с закрытыми дверями и поворотами, и вскоре она вышла в холл с арочными проходами. Очутившись в знакомом месте, Фреда устремилась к лестнице, ведущей вверх. Но едва она занесла ногу, как ступеньки вдруг вспучились, изогнулись под немыслимыми углами, словно в "кривом домишке". Фреда вскрикнула и отпрыгнула назад, и тут же все идеально отполированные дубовые доски безупречного паркета стали двигаться, отделяясь друг от друга, отрываться и ломаться с оглушительным треском и скрежетом. Фреда закричала во весь голос, прыгая на месте,

словно стояла на раскаленных углях, и попыталась назад. И чем дальше отступала, тем быстрее и ближе волна искажений подступала к ней. Она отходила до тех пор, пока не уперлась спиной в стену, и ей осталось лишь с ужасом и изумлением наблюдать, как несколько досок разом будто вышибло изнутри. В полу образовался провал, наполненный тьмой, и оттуда с жутким звуком, похожим на вздох или стон, вырвался поток ледяного, пахнущего склепом воздуха. Фреда чувствовала, как шевельнулись ее волосы, а по телу побежали мурашки.

Провал приблизился к самым ногам, и теперь она стояла на краю дышащей холодом черной бездны и не могла двинуться с места.

— Это все иллюзия... бред... — шептала Фреда, зажмурив глаза. — Ничего этого нет...

Усилием воли она попыталась прогнать страх, сжимая руки в кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Открыв глаза, увидела, что никаких провалов в полу и искаженных ступеней лестницы нет и в помине.

Сделав долгий глубокий вдох, Фреда оторвала одеревеневшее тело от стены и снова направилась к лестнице. Но, сделав лишь пару шагов, что-то уловила боковым зрением. Остановилась, боязливо перевела взгляд и почувствовала, как ее снова сковывает ужас: ее собственная тень отделилась от своей хозяйки, замерев у стены, где мгновение назад стояла сама Фреда.

— Да что за чертовщина творится?! — гневно выкрикнула Фреда, заметив, что в ее голосе появились истерические нотки. — Регент, прекратите ваше представление! Развлекайте фокусами того, кому это интересно! Отвяжитесь от меня!

Тень словно в ответ на ее крики отодвинулась от стены, немного приблизилась, и Фреда готова была поклясться, что бездушный силуэт неодобрительно покачал головой и погрозил пальцем.

Всем своим существом противясь иллюзиям, играющим с ее сознанием, Фреда решительно отвернулась и сделала пару уверенных шагов к лестнице. Не желая смотреть, что там "делает" вышедшая из-под контроля тень, стала подниматься по ступеням, крепко вцепившись в перила похолодевшими руками.

Без приключений она преодолела один пролет лестницы и заметно успокоилась, сочтя, что все "фокусы" наконец прекратились.

Нечто, устрашающе похожее на фигуру человека с ободранной кожей, выросло прямо перед ней. Обнаженные мышцы сочились густой темной кровью, а пустые провалы глазниц смотрели прямо на Фреду. Она оглушительно взвизгнула и резко отпрянула. Нога соскользнула со ступеньки, и Фреда стала заваливаться назад, рискуя свернуть себе шею и разmozжить голову. В последний миг, перед тем, как потерять сознание, увидела, как "освежеванный" рванулся вперед и подхватил ее окровавленными руками. Девушка успела заметить, как двигались обнаженные мышцы, а капающая с них кровь оставляла на ее одежде расплывающиеся следы. Кровавое лицо, похожее на невообразимо жуткую маску, на миг оказалось прямо перед ней...

Фреда издала хриплый крик, полный запредельного ужаса, и отключилась.

...Она пришла в себя на диване в той самой комнате с камином. Регент снова сидел в кресле, прямой и невозмутимый, как изваяние. Когда Фреда вздохнула и пошевелилась, он никак не отреагировал.

Приподнявшись, она неуверенно села, чувствуя легкое головокружение, но никаких других тревожных симптомов вроде бы не было. Её не тошнило и ничего не болело.

Вспомнив, что послужило причиной ее обморока, дернулась всем телом и ошеломленно уставилась на Регента.

— Вам досталось, не так ли? — тихо произнес вампир.

— Вы... вы, наверное, будете мне снова что-то твердить, — проговорила Фреда, — но я, кажется, уже знаю, что вы скажете.

— Вот как? И что же я скажу? — Неподвижное лицо Вагнера неожиданно слегка ожил от легкой ухмылки.

— Что мне ничего не привиделось, и что дело в этом "особом" месте и в магии, которая его наполняет, — отчеканила Фреда, принимая на диване позу, совпадающую с ее представлениями о чувстве собственного достоинства: спина прямая, голова уверенно вздернута. Сохранять такую позу оказалось непросто из-за страшной слабости, отчего девушка так и норовила завалиться на бок.

— Значит, привиделось, говорите, — тихо произнес Регент, — ну, что ж, пусть будет так. Я вижу, что мне вас не переубедить.

— Так и есть, — уверенно заявила Фреда, — не означает ли это, что пора меня оставить в покое?

— То есть вы хотите уйти отсюда? Я правильно понимаю? — как-то уж очень участливо поинтересовался Вагнер.

— Правильно понимаете.

— Ну, так идите. Я вас больше не держу, — вдруг заявил вампир. — Будем считать, что необходимую проверку вы прошли, и все подозрения с вас сняты, о чем я и доложу заместнику Краусу. Идите же, путь свободен.

— А вы... не собираетесь стирать мне память? — осторожно спросила она.

— Зачем? Кто вам поверит, даже если вы и захотите что-то рассказать? — Вампир небрежно шевельнул рукой.

Фреда недоверчиво смотрела на Регента какое-то время, потом встала с дивана и побрела к выходу из комнаты.

Она быстро нашла путь до холла с лестницей и без приключений добралась до своих комнат. Вошла внутрь, закрыла дверь и привалилась к ней спиной, переводя дыхание.

Потом она металась в поисках своих немногочисленных вещей, а в голове все кружились обрывочные мысли о ненормальности происходящего. И не только обо всех очень реальных галлюцинациях, но и о том, что уж очень как-то легко Регент отпустил ее.

Или не отпустил, а затеял очередную игру? Если так, она больше не станет паниковать и терять сознание. Если будет нужно, Фреда голыми руками процарапает себе выход из этого сумасшедшего дома, невзирая ни на что.

Она не нашла верхней одежды, поэтому торопливо подхватила свою сумку и решительно направилась к двери. В холле её ждал Регент, одетый в недлинный кожаный плащ, шею укутывал клетчатый шарф от Барбери, глаза скрывали неизменные темные очки. Фреда окинула его взглядом. Элегантный и пижонистый. Встреть она его где-то на улице в таком виде, он вполне мог показаться обычным человеком.

— Позвольте проводить вас до дому, — вежливо предложил Вагнер, — вы все-таки под моей опекой, а время уже позднее. Совсем небезопасно юной девушке бродить по ночным улицам в одиночестве, да еще и без верхней одежды. Кстати, прошу прощения, но вашу куртку пришлось выбросить, она была безвозвратно испорчена. Вот, накиньте это.

И вампир протянул девушке невесть откуда взявшийся кожаный плащ, очень похожий

на его собственный. "Подумайте, какой заботливый..." — с легким раздражением подумала Фреда, но ломаться не стала, взяла плащ, надела (если на себя, то вроде бы одела) его и вопросительно взглянула на Регента.

— Ну что ж, пойдёмте. — Вампир приблизился к пустой стене, и перед ним тотчас возникла дверь, которой ещё миг назад здесь не было.

Фреда постаралась никак не реагировать на очередной "фокус".

Дверь вела в небольшой, скупо освещённый лифтовой холл, откуда они спустились на какой-то уровень и оказались в подземном гараже.

И снова лимузин с затемнёнными стеклами вез их довольно долго. Пассажирский салон отделен от водителя непроницаемой перегородкой, и Фреда даже не представляла, кто был за рулем. Вагнер сидел рядом с ней, уставившись перед собой, и хранил молчание. Фреда тоже молчала всю дорогу. Её сомнения и страхи в этой тишине, нарушаемой лишь мерным шуршанием колес, стали потихоньку уходить, растворяться в уверенности, что все ее немыслимые приключения наконец-то закончились, а вампиры (или кто они там были на самом деле) либо наразвлекались всласть, либо просто признали, что ошиблись на ее счет.

Когда лимузин остановился, Регент первым вышел из машины, обошел ее и предупредительно открыл дверь со стороны пассажирки.

От холодного чистого воздуха слегка закружилась голова. Фреда вдохнула полной грудью, осматриваясь, и тотчас узнала улицу, на которой жила. Лимузин остановился в затемненном переулке, метрах в пятидесяти от ее дома.

— Спасибо, что подвезли. — Она принялась стягивать с плеч одолженный ей плащ.

— Оставьте, — сказал Регент, — это ничтожно малая компенсация за причиненные вам неудобства.

Фреда равнодушно пожала плечами, развернулась и пошла по направлению к дому.

Все. Наконец-то она вернулась в привычный мир.

Глава 6. Точка невозврата

Точка невозврата

"Если хочешь что-нибудь поймать, сначала отпусти".

(трактат "36 стратагем")*

Убедившись в том, что никто ее не преследует, Фреда открыла тяжелую дверь подъезда. Знакомые запахи и уютная тишина успокоили окончательно. Она заглянула в почтовый ящик, достала пачку корреспонденции и, перебирая ее на ходу, вызвала лифт.

Поднявшись на свой этаж, все также не переставая просматривать конверты, счета и рекламные буклеты, вышла из лифта, нащупала ключ в кармашке сумки и подошла к двери своей квартиры.

— Что за чертовщина! — воскликнула она, увидев, что дверь опечатана.

На прикрепленной бумажке с печатью значилось: "Опечатано департаментом Пражской полиции" и что-то там еще о недопустимости срывания печати без представителя этого самого департамента.

Возмущенная Фреда решительно вставила ключи в замочную скважину, и дверь послушно открылась, срывая полицейскую пломбу. Фреда шагнула в темный коридорчик своей квартиры, нащупала на стене выключатель, и, когда свет залил помещение, так и осталась стоять с расширенными глазами и приоткрытым от изумления ртом.

В ее маленькой квартирке царил разгром. Шкафчики открыты, ящики выдвинуты, выброшенные из них вещи в хаотичном беспорядке валялись где попало.

Первым порывом было броситься звонить в полицию, потому что самой очевидной в тот момент явилась мысль о том, что квартиру ограбили. Но брать у нее нечего, жила Фреда скромно, довольствуясь нужными и практичными, но отнюдь не дорогими вещами.

Страхнув оцепенение, она пошла в комнату, осторожно ступая по заваленному вещами полу. Телевизор, ноутбук, музыкальный центр, украшения — ничего не пропало, хоть и не все лежало и стояло на привычных местах.

Фреда растерянно потопталась посреди хаоса и без сил опустилась на диванчик. Голова шла кругом. Не зная, за что хвататься, что делать и куда бежать за ответами на крутящиеся в голове вопросы, девушка разглядывала весь этот погром, пока ее не отвлек настойчивый звонок в дверь. Кто-то жал на кнопку с таким усердием, что трель, оглушительно звучащая в тишине квартиры, в столь поздний час наверняка разносилась по всему дому.

— Пани Андерсон, это полиция! Немедленно откройте! — раздался громкий и требовательный голос, сопровождаемый стуком в дверь.

И снова длинный звонок, а потом стук и требование открыть дверь.

Фреда вскочила на ноги и бросилась в коридор.

Отворив дверь, словно в бреду наблюдала, как в квартиру ввалились какие-то люди, мгновенно окружившие ее и заполнившие всю маленькую прихожую. Ей что-то говорили о том, что она должна немедленно проследовать с ними, напоминали о правах, хватали под локоть и довольно грубо тащили прочь из квартиры.

Уверенность в том, что все немыслимые и абсурдные приключения закончились, рухнула, как только она услышала, что ей предъявляют обвинения. И на розыгрыш или

иллюзию все это уже не походило.

Четверть часа, проведенные Фредой в "привычном мире", оказались не меньшим абсурдом, чем всё, что она пережила до сих пор. На какую же это "дорогу из желтого кирпича" несколько дней назад занесли её ноги, обутые в новые сапожки? И, похоже, щелчка каблуками будет совсем недостаточно, чтобы по-настоящему вернуться в свой привычный мир.

Мысли, мысли, много мыслей, но среди этого множества — ни одной более или менее разумной, способной растолковать нелепую череду событий и представить хоть какие-то убедительные объяснения.

Фреду довольно грубо завели в лифт, затем почти вытолкали из подъезда и потянули к ждавшей у подъезда машине с вращавшейся на капоте "мигалкой". Хорошо хоть сирена не завывала, оповещая всю округу о том, что арестована опаснейшая преступница. Один из полицейских открыл дверцу и ждал, пока Фреду подведут и усадят на заднее сиденье. Девушка обратила внимание, что в руке он держал ее сумочку. И когда только успел ее прихватить?

Зияющее через открытую дверцу нутро машины все ближе, и все омерзительней ощущение, что она снова по чьей-то злой воле ныряет "из огня да в полымя".

— "Послушно иду в капкан", — с горечью подумала Фреда. Подходящей иллюстрацией ко всему был бы взрыв истерического хохота, но смеяться совсем не хотелось, её вообще охватило какое-то смиренное бессилие.

Девушку подвели к машине, жестко и требовательно пригнули ей голову, и в этот самый миг что-то хлопнуло за спиной, после чего Фреда вдруг перестала ощущать грубые прикосновения полицейского, собиравшегося усадить ее в машину.

Чьи-то стальные пальцы резко, до боли, зажали Фреде рот, едва не свернув челюсть. Оцепеневшее тело рванули, развернули на сто восемьдесят градусов, лицо притиснули к чему-то странно, но приятно пахнущему, и она оказалась в мгновенно сковавших "медвежьих объятиях", не позволявших даже шевельнуться. Ошеломленную Фреду подхватили, отрывая ноги от земли, и дальше она лишь чувствовала, что перемещается в пространстве — холодный ночной ветер развеивал волосы, обдувая шею, и то ли холод этот, то ли страх накрыли с макушки до кончиков пальцев, заставив оцепенеть, окончательно лишая воли.

Она точно не теряла сознание, но что-то на время выпало из ее восприятия, что-то отключилось, потому что саму себя осознать Фреда смогла только в... лимузине Регента.

Вагнер сидел рядом, повернув к ней голову.

— Простите, что так грубо прервал ваше общение с представителями закона, — услышала она его голос.

— Кажется, я не против, что м-мое с ними общение было п-прервано, — запинаясь, прохрипела девушка. Фреду сотрясала дрожь, все сильнее и сильнее, и в тишине салона отчетливо слышался стук ее зубов. Челюсть ломило, в ушах звенело, перед глазами мелькали светящиеся точки. Рука, которой она опиралась на кожаное сиденье, подогнулась, скользнула и наткнулась на сумочку.

— Вы понимаете, что с вами произошло? — поинтересовался Вагнер.

Фреда посмотрела на вампира и попыталась изобразить улыбку, но лишь болезненно скривилась.

— Опять этот вопрос, — произнесла она устало, — вроде бы меня пытались арестовать. Снова. И от этого чувствую, что начинаю сходить с ума. Или уже сошла. А вы, Вагнер, как

скоро перестанете возникать на моем пути, как стихийное бедствие? Вы когда-нибудь оставите меня в покое? Ведь я уже мысленно распрощалась с вами, как с самым дурным сном в моей жизни!

— Некоторым, чтобы во что-то поверить, недостаточно увидеть, — проговорил вампир. — Это точно про вас, Фреда.

Тут он впервые за все время их "знакомства" снял свои темные очки и посмотрел на девушку. Их взгляды встретились, и Фреда потрясенно замерла. На вид Вагнеру было лет тридцать — тридцать пять. Его можно назвать красивым, хотя, на ее вкус, черты были резковаты: прямой, чуть заостренный нос, четко очерченные скулы, широкая челюсть, твердая линия рта и гладкая, равномерно бледная кожа. Но все это Фреда лишь мимолетно отметила, а теперь не могла отвести взгляда от его глаз. Под темными прямыми бровями глаза вампира, лишенные зрачков, сияли, как искаженные отсветы далеких огней на мокром стекле. Эти "танцующие" блики завораживающе мерцали, заключенные в радужку цвета индиго.

— Мои глаза кажутся вам странными? — спросил Вагнер девушку.

— Ну, видимо, не одной мне они кажутся странными, раз вы сами постоянно скрываете их за темными очками, — проговорила Фреда, не в силах отвести от вампира взгляда.

— То есть вы верите тому, что видите сейчас?

— К чему это вы? Снова хотите сказать, чтобы я заглянула за привычные рамки и все такое?

Вагнер неспешно надел очки.

— Что-то вроде того, но "привычные рамки" — лишь удобная отговорка, которая не приносит пользы, а лишь затуманивает восприятие. И не стоит забывать, что вся эта "абсурдность", как вы выразились, происходит не по вашей вине и не по вашему желанию. Не случись всего этого сейчас, что-то необычное и непривычное в вашем понимании все равно произошло бы с вами когда-нибудь.

Фреда внимательно посмотрела на вампира и тяжело вздохнула. Вздох получился судорожный, и вдруг мучительно захотелось сжаться в крохотный, незаметный комочек и забиться в какой-нибудь уголок.

— Снова поиграем в "вопросы-ответы"? — проговорила упавшим голосом.

Регент отрицательно покачал головой, сопроводив красноречивое покачивание отрывистой фразой:

— Верьте себе, Фреда.

Лимузин привез их туда, откуда она ушла некоторое время назад. Вместе с Регентом они без лишних путаных блужданий прошли по коридорам и оказались в уже знакомой библиотеке с камином. Дрова успели прогореть, а сама комната после очередного приключения показалась Фреде безопасным убежищем.

Вагнер дал ей планшет, и в звенящей тишине библиотеки Фреда читала материалы полиции, собранные по "её делу". Не хотела верить в то, что видела, но поверила и в очередной раз почувствовала, что попала в какую-то донельзя искаженную версию ее собственной жизни.

Её разыскивали как свидетеля, а, может быть, и как подозреваемую, в деле убийства Детмара Брожа. А еще она подозревалась в подделке бумаг, дающих разрешение на вывоз культурных ценностей из страны.

— Это настоящие документы? — обратилась Фреда к Вагнеру бесцветным голосом.

— Это не фикция, — твердо и серьезно ответил он, — это подлинные материалы полицейского досье на вас, Фреда.

— Верю. Но откуда они у вас?

— Достать их несложно. Все, что занесено в компьютерную базу департамента полиции, пусть и отлично защищенную, можно извлечь оттуда при должном умении. У нас имеются для этого все возможности и весьма талантливые головы.

— Не сомневаюсь, — вздохнула Фреда. — Но как же так получилось? Это же все неправда. Я же ни в чем таком не замешана на самом деле, — проговорила, не отрывая взгляда от экрана.

— Я знаю, что не замешаны, — отозвался Регент. — В ночь происшествия в музее были уничтожены все следы, способные навести людей на нас. Я лично присутствовал и принимал в этом непосредственное участие. Мы провели чистку, уничтожив следы пребывания вампира, придали телу убитого человека благопристойный вид и подобрали оброненный вами телефон. Мы также подчистили память охранникам, дежурившим в ту ночь в музее. Но не все было сделано с должным тщанием.

— Что значит "придали телу благопристойный вид"? — выдавила из себя девушка и вздрогнула, представив красавца Детмара в виде растерзанного "тела".

— Его убил вампир, но мы представили все в виде **того...** — неохотно начал Вагнер, и тут же решительно добавил: — вам не нужно знать подробностей. Это обычная процедура, как бы дико для вас это ни звучало. Поймите, мы не можем позволить таким случаям привлекать к нам внимание. Приходится прибегать к особым мерам предосторожности.

— Да уж, не нужно мне ваших подробностей, — огрызнулась Фреда.

Она вскочила на ноги, едва не уронив планшет на пол, и быстро прошлась по комнате. Остановившись у одного из огромных книжных шкафов, долго разглядывала корешки фолиантов на полках.

Одна книга ее заинтересовала. Взявшись за зеленый кожаный переплет, Фреда осторожно вытянула увесистый том.

— Это "Тридцать шесть стратагем"? — спросила, разглядывая китайские иероглифы на обложке.

— Совершенно верно, очень ценное издание, с комментариями, — ответил Вагнер. — Знаете этот древний трактат?

— Я читала его, но, конечно, упрощенное осовремененное издание.

— Что ж, похвально.

Обратив внимание на перемену в голосе вампира, Фредерика покосилась на него, словно хотела убедиться, что не ошибается, слыша в постоянно невозмутимом тоне нотку одобрения.

Она быстро поставила книгу на место.

— Ладно, а теперь скажите мне, о, Всеведущий Регент, как получилось, что я по уши вляпалась во все это.

— Как я уже сказал, мы уничтожили все следы нашего и вашего пребывания в подвале музея, — начал он. — Память охранникам была подчищена, и они уверенно утверждали, что никого не видели. Но вас вспомнили работники музея, пришедшие на работу на следующий день. Они рассказали, что накануне приходила девушка из Магистрата и искала погибшего. Кто-то вспомнил, что направил вас в архив. Люди видели, как вы пришли, но не видели, как покидали музей. Конечно, покинувшие на тот момент музей никак не могли увидеть ваш

уход, но не это главное. — Вагнер многозначительно замолчал.

— Уж не сомневаюсь... — мрачно прокомментировала Фреда сделанную вампиром паузу.

— Полиция нашла в подвале ваш телефон.

— Но вы же сказали, что сами обнаружили мой телефон и забрали его с собой! — воскликнула девушка.

— Именно так и было, — согласился Вагнер, — однако я не оставлял прибор лично себе, а отдал команде наших чистильщиков. Но ваш смартфон снова оказался в музее, а это значит, что кто-то умышленно его подбросил. Думаю, несложно сделать самый простой и популярный в такой печальной ситуации вывод: вас подставили. Прибавьте к этому то, что после вашего исчезновения вдруг вскрылось, что вы занимались подделкой документов на вывоз ценностей из страны. И теперь вас ищут не только как возможного свидетеля или участника убийства в музее, но еще и как матерую мошенницу.

Фреда молча выслушала Вагнера, потерла лоб, ощущая собственные ледяные, дрожащие пальцы как совершенно чужие.

— Веселенький расклад, ничего не скажешь, — проговорила она. — Вот только откуда мне знать, что все это правда? Вполне возможно, что вы просто морочите мне голову, хотя никак не пойму, с какой целью.

— Так идите туда, куда уже пытались уйти. Снова встретьтесь с полицией и убедитесь во всем сами, — немедленно отвечивал вампир и величаво качнул головой в сторону выхода из библиотеки.

— Почти убедили, — неохотно отозвалась Фреда, — получается, что ко всем "прелестям", я теперь еще и преступница в розыске. Не знаю, как живут люди, приобретая такой завидный статус... Уезжают из страны по поддельным документам или пытаются доказать свою невиновность. Мне по вкусу второй вариант. Так что, Вагнер, если моя невиновность перед вашими собратьями доказана, как вы сами мне сказали, то я поспешу откланяться и отправлюсь приводить в порядок свою почти развалившуюся жизнь. Не вижу иного варианта.

И Фреда решительно зашагала к выходу из библиотеки.

— Не стану вас удерживать, Фреда, — донеслось вслед, — но вы должны знать, что, если даже у вас получится оправдаться перед законом людей, то останется тот, кто вас подставил. Ведь с какой-то целью это было сделано.

Фредерика остановилась.

— Какой-то нелепый детектив вырисовывается. И кто же мог меня подставить? — раздраженно бросила она через плечо.

— Пока не знаю точно, но предполагаю, что это вампир. Довольно могущественный, — ответил Вагнер.

— Но зачем, зачем какому-то вампиру меня подставлять?! — разъярилась Фреда. — Я же говорила вам, что никогда раньше не имела никаких дел с вампирами, не знакома ни с кем из вас и никак и нигде с вашей братией не пересекалась. Да я в вас до сих пор даже не верю! Я простая, обычная девушка и жила своей простой и обычной жизнью.

— А вот здесь позвольте усомниться, — уверенно заявил Вагнер. — Лишь одно не вызывает у меня сомнения: вы бесспорно девушка. Но отнюдь не обычная. И, судя по некоторым, хм... нюансам, вы уже имели в своей жизни дело с чем-то необычным и сверхъестественным. Хотя можете этого не помнить.

— Да с чего вы все это взяли? — воскликнула Фреда. — Вы же убедились, что нет у меня никаких особых способностей! Сами же сказали... — Она умолкла, не закончив фразы.

По ее лицу пробежала тень.

— Ладно, все ясно. Вы просто играете со мной. Я — мышка, вы — кошка... Вы до сих пор уверены, что я убила вашего сородича при помощи каких-то там способностей. Ведь так? — проговорила уныло.

— Так. Хотите выяснить и убедиться во всем сами — оставайтесь здесь. — Вампир медленно направился к стоящей у входа в комнату девушке. — Я предлагаю вам свое покровительство и защиту. И, возможно, высокооплачиваемую работу в придачу.

Фреда несколько раз открыла и закрыла рот, глядя на Вагнера широко раскрытыми глазами.

— У вас ненормальное чувство юмора.

— Я не шучу, — покачал головой Регент. Он подошел к девушке совсем близко, и сейчас Фреда снова видела слабое, едва заметное мерцание его поразительных глаз сквозь темные стекла очков.

— В круг моих обязанностей перед Сообществом вампиров и, в некотором роде, перед людьми, входит поиск и строжайший контроль тех, кто обладает уникальными способностями, — очень серьезно и неторопливо заговорил Вагнер. — Вы однозначно одарены чем-то подобным. Далеко не все мне в вас понятно, но одно очевидно: я не могу, просто не имею права вас отпустить. Прошу вас, Фреда, будьте благоразумны, оставайтесь добровольно, и мне не придется применять нежелательные меры.

— Это какие еще меры? — Звонкий голос Фреды едва заметно дрогнул. Она выпрямилась в струнку и вызывающе смотрела на вампира. — Запрете меня в каком-нибудь подвале и станете изучать как крысеныша?

— Почти угадали, — невозмутимо отозвался Регент. — Но пока я не теряю надежду на то, что вы все осознаете и прочувствуете свою сущность сами, без грубого вмешательства извне. И чтобы сдвинуться с мертвой точки, на которой вы зависли с вашим неверием, мы завтра же предпримем кое-что конкретное.

— Надеюсь, речь не идет о вскрытии моего мозга? — невесело поинтересовалась Фреда.

— Нет, это ни к чему. Мы с вами прогуляемся в одно место, где вы сможете самостоятельно убедиться в том, что обладаете талантами, несовместимыми с представлением об "обычной девушке". Если вы, конечно, не возражаете вновь ввязаться в маленькое приключение.

— Так ведь выбор у меня не велик, — бросила Фреда, — Я так понимаю, либо это ваше приключение, либо подвал и статус лабораторной крысы. Если только я не сбегу из этого... этого...

Девушка обвела глазами помещение и так и не смогла подобрать подходящего эпитета месту, в котором сейчас находилась.

— Вы удивительно понятливая, — невозмутимый Вагнер вдруг позволил себе ироничный тон. — Что-то подсказывает мне, что вы не станете сбежать. Запомните, Фреда: если какой-то вампир всего один раз соприкоснулся с вашей кровью, смог ощутить ее аромат, то он запомнит вас навсегда. Эта особенность позволяет нам выживать веками, ориентироваться там, где мы вынуждены постоянно скрываться. В моем мире многое основывается на поразительных свойствах крови. Я, и не только я, чуял вашу кровь, когда вы

были ранены. Теперь я смогу найти вас везде, где бы вы ни оказались. Я услышу и почувствую вас, как бы тщательно вы ни прятались. Ко всему прочему, я обладаю некоторыми способностями, которые значительно расширяют круг моих возможностей. Не поможет мое природное вампирское чутье — я прибегну к помощи магии и найду вас. Не нужно так упрямо и глупо стремиться стать вечной беглянкой. Отбросьте ненужные волнения, примите все как есть. Я уверен, вы быстро адаптируетесь ко всему новому. Пусть даже это новое радикально изменит и вашу жизнь, и вас саму.

Фреда упрямо покачала головой, словно заведомо безмолвно отрицала все, что говорил вампир, но Регент не обратил на это никакого внимания и заключил:

— А теперь идите отдыхать, вы заметно вымотаны. Позади у вас напряженный день, а точнее — дни. Сейчас уже утро, а вам обязательно нужно быть в хорошей форме к вечеру.

— Какая трогательная забота... — пробормотала Фреда, выходя из библиотеки.

«36 стратагем» — древнекитайский военный трактат.

Глава 7. Чего не имел, того не потеряешь

Чего не имел, того не потеряешь

Действительности нет дела до человеческих надежд и желаний.

(Г. Уэлс, "Когда спящий проснется")

...Пражский наместник эрцгерцог Краус оказался не таким уж и предсказуемым.

Формальная аудиенция у напыщенного вампирского "королька" превратилась в довольно интересную и непринужденно протекающую беседу на самые разные темы, а закончилась тем, что Лео почти согласился оказать Краусу "небольшую услугу". Эрцгерцог попросил о содействии в деле покупки двух заброшенных участков земли в пригороде Праги. На одном наличествовало строение, якобы имевшее охранный статус "памятника архитектуры", но статус этот не был внятно подтвержден никакими официальными документами, а владельца участка и здания на нем не могли отыскать уже много лет.

Поначалу Лео вежливо, но вполне категорично отказался, сославшись на то, что не берется за частные заказы, а работает только как уполномоченный представитель Корпорации. При этом Леонар почувствовал себя уязвленным, предположив, что именующийся Эрцгерцогом двухсотлетний "юнец" счел его всего лишь каким-то заурядным риэлтором.

Однако наместник не сдавался, и, поразмыслив, Лео решил не спешить с отказом.

Неужели, чтобы выкупить без проблем замшелые клочки земли, пусть даже и обремененные проблемами, нужно было отлавливать заезжего бизнесмена-вампира? Разве здешний эрцгерцог не знает, на какие кнопки нужно нажать, чтобы осуществить желаемое? Или знает, но не хочет этого делать намеренно?

Лео напрямую спросил об этом Крауса и получил такой же прямолинейный ответ. Да, Его Светлость не хотел бы огласки в местном Сообществе, и одним из условий их сделки будет неразглашение информации о заказчике.

Вернувшись в отель Убежища, Лео первым делом ознакомился с сообщениями, поступившими в его отсутствие. Очередное послание от Тайлера Вуда прочитал последним, злясь, что вынужден это делать. Тайлер извещал, что местонахождение "Мирного правителя" по-прежнему неизвестно, но имеются другие сведения, которые он может сообщить дополнительно.

Крылья носа Лео раздраженно дрогнули: он не хотел ничего знать. Когда-то распорядился, чтобы его извещали об этом только в самом крайнем случае. Решительно заявил, что не желает никаких подробностей, только то, что "фигуранты" еще существуют и находятся в поле зрения тех, кто за ними присматривает. Он не хотел знать, как и кто все это будет осуществлять, лишь щедро финансировал сам процесс, а все остальное спихнул на Тайлера Вуда. Тот всегда исправно выполнял функции ищейки и сторожевого пса, так что эта задачка как раз по нему.

А Лео просто двигался дальше. Он прекрасно помнил истину: что ушло, то ушло.

Но что-то изменилось впервые за много лет, и Лео не хотел, чтобы эти перемены как-то повлияли на его стабильное существование. Всячески противясь этому, вампир отписал

Вуду, чтобы тот связался с ним только тогда, "когда появится что-то конкретное и окончательное".

Лео сбросил ботинки, тут же скинул и оставил лежать на полу костюм, и неторопливо направился в ванную. Пока горячие струи воды омывали его длинное, стройное тело, вампир постарался стереть из памяти сообщение Тайлера Вуда и сейчас "прокручивал" в голове беседу с Краусом и его деловое предложение.

Прежде, чем дать наместнику окончательный ответ, Лео решил взглянуть на участки, которые так хотел заполучить Краус, благо его Светлость не считал необходимым скрывать их месторасположение.

Перед самым рассветом, лежа на роскошной кровати в отеле пражского Убежища и чувствуя, как его тело наливается привычной тяжестью состояния дневного покоя, Лео вдруг вспомнил роман Стокера. Дракула тоже увлеченно скупал землю вокруг Лондона.

Местному правителю не дает покоя слава литературного "сородича"? Или он вынашивает столь же коварные замыслы?

Вообще-то Лео не было никакого дела до планов местного князька, но не хотелось вдруг оказаться замешанным в какой-нибудь неприятной истории. Надо постараться сделать так, чтобы его участие в чужих планах ограничивалось лишь получением солидной прибыли и отсутствием проблем.

Вампир лениво хмыкнул, удобней устраиваясь на огромной кровати и, вполне удовлетворенный принятым решением, стал погружаться в состояние "мертвого сна".

И тут что-то резко и грубо вытянуло его обратно из блаженной расслабленности.

В голове, как выхваченный светом фар указатель на скоростном шоссе, вдруг зажглась фраза из последнего сообщения Тайлера Вуда:

"Сегодня ровно двадцать лет".

И все, сна как не бывало. А в голову толпой ломанулись картинки из прошлого...

1989–1994 годы

...Древний закон сверхъестественного мира гласит: на островах не действуют общепринятые правила. Даже магия работает там иначе, чем на большой земле.

Лео увез Мэдисон на Север Европы и поселил в доме, расположенном на склоне горы, на небольшом скалистом острове в Норвежском море.

Он создал для своей строптивой подопечной все условия, чтобы ее состояние никоим образом не смогло отразиться на его существовании. Лео больше не желал, чтобы происходящее в непутевой жизни Мэдисон постоянно возвращалось к нему в виде огромного бумеранга с надписью "чужие проблемы".

Он отписал дом ей в собственность. Теперь никто из вампиров не мог войти в него, не получив приглашения хозяйки. Никто, кроме самого Лео и Тайлера, которого Мэдисон, наконец, простила. Он ведь не был виноват в том, что Джейк погиб...

Мэдисон жила в доме одна, что было для нее вполне привычно. Расположенный у подножия горы небольшой рыбацкий поселок девушка посещала редко, и ни с кем из местных жителей не вступала в тесные отношения. Вместе с Лео они придумали вполне правдоподобную легенду о молодой беременной вдове, тяжело переживавшей безвременную кончину любимого мужа и пожелавшей уединения.

Надо сказать, что местные жители и не проявляли к девушке особого интереса, они были заняты исключительно своими нуждами в их привычном маленьком мирке. Здесь

жили так веками, и менять ничего не собирались даже с появлением новой жительницы.

Беременность Мэдисон протекала нормально и, не считая огромного живота и некоторых трудностей в ведении хозяйства особенно на последних месяцах, других проблем молодая женщина не испытывала, и ни в чем не нуждалась.

Тайлер присматривал за Мэдди, помогая во всем, в чем только возможно. Лео произвел в доме некоторые переустройства, чтобы им с Вудом было комфортно находиться в нем даже днем, прежде всего заменив все обычные окна на не пропускающие ультрафиолет.

Он также купил на континенте и переправил на остров машину, на которой Мэдди могла сама ездить в поселок по своим нуждам. Но поездки эти были редкими, и по большей части девушка оставалась затворницей в большом и удобном, полностью автономном бревенчатом доме. Строение, окруженное скальными выступами, искривленными низкорослыми елями и кустарником, располагалось на небольшой площадке на склоне над поселком, примыкая к горе одной стеной.

Визиты Лео были редкими, но, когда он навещался к ней, оба стали замечать, что их отношения разительно изменились. Теперь они испытывали странную неловкость в обществе друг друга. Мэдди становилась тихой и замкнутой, а Лео хмурым и отстраненным.

— Спасибо тебе, — сказала однажды Мэдди.

— За что? — насторожился Лео. Вот уж чего ему не надо, так это подобного разговора.

— За то, что делаешь это для меня и моих детей. Я ведь понимаю, ты совсем не обязан.

— Не обольщайся, благотворительность не в моих правилах. Я это делаю для себя, потому что хочу избавиться от возможных проблем, связанных с тобой.

— Я знаю, что это не благотворительность, — Мэдисон подошла к Лео так близко, что он заглянул прямо в ее синие глаза и увидел все, что накопилось в них за последние месяцы.

Вампир перевел взгляд ниже, и невольно уставился на ее большой живот. С позиции нависающего над миниатюрной девушкой двухметрового гиганта живот выглядел, как большой надувной мяч под просторной футболкой. Из-под выпирающей округлости трогательно выглядывали босые ступни с аккуратными маленькими пальцами, и в этом было что-то беззащитно комичное.

Лео украдкой втянул воздух: Мэдди все также пахла солнечным теплом и нежностью, но теперь ее естественный аромат чуть изменился. Стал более зрелым, чувственным, сладким и влекущим. Мэдисон из нелепой девчонки превратилась в женщину. Стала искушением и провокацией.

И Лео это не понравилось.

Вампир прикрыл глаза, пряча за веками голод и муку, но его обостренный слух тут же переключил все восприятие на себя, заставляя улавливать нежную, волнующую симфонию биения трех сердец: будущей матери и двух младенцев, уютно устроившихся в ее утробе.

Вот только что эти невинные создания готовили для своей матери? Уже сейчас они могли быть для нее убийцами, которые не спешили убивать, а спокойно выжидали подходящего момента...

В какой-то миг Лео захотелось взять девушку на руки, прижать к себе и унести куда-нибудь, спрятав от всего мира. Но разве он уже это не сделал?

Порыв был таким странным и неожиданным для него, что вампир невольно отступил назад. Он почти испугался, испытав дикую ярость от мысли, что Мэдисон могла прочесть его эмоции.

— Знаешь что, Лео, — сказал девушка, наблюдая за вампиром. — Я думаю, нам на роду

написано вот так пересечься в этой жизни. Думаю, что должна была оказаться здесь, в этом месте, далеко от дома и от всего, что было раньше.

Он понял, что она уловила что-то, смогла ощутить его противоречивые чувства и по-своему истолковала их.

— И мне здесь очень нравится, я чувствую себя дома, и это правильно. Но этого не случилось бы, если бы не случилось всего... прочего.

Она посмотрела на него, положила ладошки на живот и добавила, опуская глаза:

— Но мне бы не хотелось, чтобы ты ждал моей смерти... А ты ее ждешь, я знаю.

Услышав эти слова, Лео дернулся, словно ему в лицо ткнули горящим факелом, и выскочил из дома, ни слова не сказав.

Мэдди ошибалась, он не ждал ее смерти. Он боялся этого больше всего на свете, а ждал совершенно другого.

...Роды начались днем. Оба вампира находились рядом с Мэдисон, и Лео едва дождался наступления темноты, когда можно будет покинуть стены дома и убраться оттуда подальше, чтобы не слышать и не видеть ничего.

Всю ночь Лео проторчал, сидя на скальном выступе и глядя на воды холодного моря, окружавшего остров. Он и оттуда прекрасно слышал долетавшие до него стоны и крики Мэдди и слова Тайлера, бывшего рядом с ней акушером, нянькой, сиделкой и верным другом.

Лео тоже хотел быть там, рядом с ней, но его ужасал сам факт, что подобное желание пришло ему в голову.

Когда все закончилось, и Тайлер позвал его, Лео боролся с соблазном молча смыться отсюда и никогда больше не появляться.

Он вошел в дом и сразу почувствовал острый запах крови, витавший в воздухе.

И тонкое, теплое и нежное благоухание новой жизни. Двух новых жизней.

Эти запахи для вампира, как аромат свежей выпечки для сладкоежки. И как только Вуд не свихнулся, принимая роды... В тот момент Лео почти зауважал недовампира.

Леонар поднялся на второй этаж просторного дома и заглянул в двери одной из комнат. Мэдисон лежала на кровати, закрыв глаза, обессиленная, бледная, с искусанными губами, рядом с ней лежали два свертка, из которых были видны только красные сморщенные личики. Двойняшки, мальчик и девочка. Чужие, обманчиво безобидные создания.

Лео с ненавистью смотрел на свертки, и старался не вглядываться в измученное лицо женщины, погруженной в забытие после тяжелого испытания. Он хотел помнить ее другой. Той самой дерзкой девчонкой, которая заманила его в свою жизнь пять лет назад.

— Она умрет, — произнес Лео, и это был не вопрос.

Стоящий за его спиной Тайлер долго не отзывался.

— Сделаю все, чтобы этого не произошло, — наконец сказал он. — Дам ей своей крови. Я... я даже готов обратить ее, если вдруг...

— Я тебя убью, если ты посмеешь только прикоснуться к ней, — ледяным тоном произнес Лео.

— Я уже... касался ее, — с неожиданной злобой в голосе ответил Вуд. — Был рядом с ней все это время, принимал ее детей. И хочу, чтобы она выжила. Любой ценой. И мне плевать на твои угрозы.

Лео, не оборачиваясь к наглецу, резко распахнул дверь в спальню, где лежала Мэдди с детьми.

В два огромных шага приблизился к кровати.

— Забери детей! — рявкнул Лео Тайлеру.

— Что ты надумал?! — Тайлер напрягся, сжимая кулаки.

Он подошел вплотную к Лео и уставился на него с ненавистью и готовностью броситься в драку, хотя заранее знал, что перевес совсем не на его стороне. Лео был куда сильнее и быстрее.

— Я сказал, забери детей и убирайся отсюда, — цедя слова сквозь удлинившиеся клыки, прошипел Лео.

Тайлер подхватил малышей и прижал к себе. Мэдисон тут же заворочалась и тихонько застонала. Бледное лицо повернулось к Лео, глаза чуть приоткрылись.

— Что... Что случилось?.. — не проговорила, а прошелестела она. — Дети... Что с ними?..

Тайлер с ужасом и удивлением смотрел, как Лео наклоняется над Мэдди и тихо произносит:

— С детьми все в порядке. Они... просто чудесные, здоровые и сильные... Ты решила уже, как назовешь их?

Девушка с усилием сглотнула и словно из последних сил выдохнула:

— Джейк... И Леона... Как ты, Лео...

Вампир скрипнул клыками.

— Отдыхай, малышка, ты славно потрудилась, — он ласково прикоснулся к девушке, погладил ее по голове, скользнул ладонью по бледной щеке.

Тайлер зажмурился, загоня внутрь боль, ярость, и протест, которые рвались из него, чуть крепче прижал к себе малышей и вышел из комнаты, не желая ни знать, ни видеть того, что сейчас произойдет, и проклиная себя за то, что не мог этому помешать.

Лео присел на край кровати и долго смотрел на Мэдисон. Не отводя от нее взгляда, прокусил свое запястье и поднес руку к почти белым губам девушки. Холодными сильными пальцами коснулся подбородка Мэдди, слегка надавил, приоткрывая ей рот.

— Пей, — проговорил хрипло. — Прошу тебя, пей...

Струйка густой, темной крови стекала в рот Мэдисон, даря ей шанс на выживание и связывая их с Лео еще прочнее.

...Мэдисон выжила.

Возможно, так случилось благодаря крови Лео, а может она и не должна была тогда умереть.

Их жизнь в уединении устоялась настолько, что ни Мэдди, ни дети уже другого не представляли. Их маленькая семья ни в чем не нуждалась, и малыши росли здоровыми и жизнерадостными.

Лео и Тайлер оставались единственными, с кем Мэдисон и двойняшки общались. О дальнейшем Мэдди предпочитала не задумываться. Например, о том, что детям придется пойти в школу, начать познавать мир и искать в этом мире себя.

Это все будет потом, когда придет время. Сейчас время для другого.

Пока Мэдди занималась с детьми сама, и изредка вывозила их в поселок, где местные жители считали, что у ее малышей редкое иммунное заболевание и им крайне рискованно находиться среди людей. Ей сочувствовали, и почти никто не задавал вопросов. Мэдисон казалось, что без Лео и Тайлера здесь не обошлось. Массовый вампирский гипноз?..

— Ты сделал невозможное, Лео, — сказала однажды Мэдисон.

В один из его визитов, когда он собирался уже покинуть остров, они присели на ступеньках крыльца. Рядом с Мэдисон вампир превращался в оголенный нерв. Ему это не нравилось настолько, что он не мог себе позволить задерживаться рядом с ней надолго.

Они сидели рядом, и он чувствовал запах моря и сырых камней, аромат теплой кожи Мэдди и ее вымытых волос. Он слышал шум ветра и треск скатывающихся по склонам камней, биение ее сердца и тихий звук дыхания, слышал, как на втором этаже дома сопят во сне двойняшки.

Он чуял все, как загнанный зверь, ненавидел это и больше всего хотел здесь остаться навсегда.

— Невозможное? — переспросил Лео бесцветным голосом, не глядя на Мэдисон.

— Да. Ты сделал все это, — она повела рукой вокруг. — Ты перенес меня в другой мир. В мой настоящий мир. Я вдруг поняла: там, откуда я пришла, мне не было места. И моим детям тоже. Теперь я точно знаю, что должна была оказаться здесь. Как Алиса в Стране Чудес.

Лео бросил на девушку короткий взгляд, усмехнулся.

— Прочитала, значит.

— Угу. Тайлер натаскал кучу разных книжек. Я почувствовала себя такой темной, что стала читать все подряд. Наверстываю упущенное за собственное детство. Здесь можно просто читать книжки, а не оглядываться по сторонам, с ужасом ожидая в любом прохожем почувствовать монстра. Ой, прости... Я не имела в виду тебя и Тайлера.

— Мы не монстры по-твоему?

— Нет. Для меня — нет, — решительно покачала головой Мэдди. — И для детей тоже.

Ничего удивительного, что Джейк и Леона воспринимали двух "дядюшек-вампиров", как вполне... нормальных людей. Но те и не стремились демонстрировать при малышах свою истинную сущность, держась в рамках человечности. Для Тайлера поиграть в человека было праздником, а для Лео тяжелой обузой, которой он старался избегать. И если Тайлер с удовольствием возился с малышами, то Лео оставался в стороне от их забав, но Мэдисон не однажды наблюдала, как пристально он следил за детьми.

Не отдавая себе отчета, Лео ревностно оберегал созданный им мир и необычных существ, населявших его: Мэдди и ее детей. Даже Тайлера, единственного из своих сородичей, знавшего все, и единственного, кому мог доверять. Лео наблюдал за всеми, не упуская ничего.

И именно он был первым, кто заметил, что в малышах стали проявляться те самые особенные качества, которые ждала и страшилась Мэдисон.

Джейк рос молчаливым, погруженным в себя ребенком, а Леона была вихрем, без устали носившимся по дому с утра до вечера. Если она что-то ломала, рвала и разбрасывала, то Джейк ходил за ней по пятам и собирал, складывал и пытался исправить. Если Джейк впадал в состояние ступора, пугавшее Мэдисон, то только Леона могла вывести брата из столбняка и заставить снова стать обычным ребенком.

Именно тогда Лео понял, что дети чувствуют и понимают больше, чем могут осознать в своем возрасте.

Однако экстраординарные способности не успели проявиться в двойняшках в полной мере, потому что в один из дней их мирной и неспешной жизни пришел конец.

За годы знакомства с Лео и Тайлером, Мэдди научилась распознавать их, выделяя и закрепляя в своем восприятии некоторые особенности, присущие только этим двум

вампирам.

Лео для нее как океан, неистовый и бескрайний, то бушующий штормом, то вдруг стихающий и прохладными волнами омывающий разгоряченную кожу...

А Тайлер напоминал водопад. Не бурную и шумную стену пенных вод, срывающуюся вниз с головокружительной высоты, а сверкающий на солнце прозрачный поток, мягко стекающий по камням.

И оба вампира по-своему чувствовали Мэдисон, но между ней и Лео связь, скрепленная кровью, была сильнее, и здесь работала уже не только их Клятва.

Однако к чистоте восприятия все больше примешивалось что-то, совершенно ненужное, непрошенное. Лео, не видя Мэдисон днями, а иногда неделями, научился скучать по ней. И тогда для него их связь становилась как до боли натянутый нерв. Он хотел постоянно видеть ее и знать, что с ней все в порядке. Он понимал, что Мэдисон ждет его, и рада каждому его появлению. Он хотел дать ей понять, что имеет на нее право и будет всегда возвращаться. И не только потому, что многое сделал для нее и детей, а потому что хотел этого. Хотел её для себя.

Он уже почти решил сказать ей об этом.

И не успел.

В тот день Лео был далеко. Когда он почувствовал, что с Мэдисон случилась беда, он не смог ничего сделать: преградой оказался другой часовой пояс и разница во времени. Там, где находился он была ночь, на острове — самый разгар дня.

Когда он добрался до острова, то нашел в доме обезумевшего от волнения Тайлера Вуда и притихших, ничего не понимающих детей.

— Мэдди нет с самого утра, — проговорил Вуд.

Он с тревогой неотрывно следил за Лео.

— Она уехала после завтрака, сказала, что нужно сделать какие-то дела в поселке, заехать в магазин. Я не мог выйти, оставался в доме весь день с детьми, — он не оправдывался, словно уже вынес себе приговор.

Тайлер замолчал, потом задал вопрос, которого боялись оба:

— Ты что-то чувствуешь?

Лео чувствовал и точно знал: произошло нечто внезапное, непоправимое и окончательное.

Борегар ничего не ответил, посмотрел на Тайлера и, выходя из дома, холодно бросил:

— Я найду ее.

Он все понял быстро.

Вниз, к поселку вела узкая каменистая извилистая дорога, проложенная по склону, поросшему кустарником. Зима в этом году выдалась не типичной для этих мест, с частыми оттепелями и перепадами температур. Сегодня всю ночь шел дождь со снегом, по склонам стекали потоки воды, подмывая почву и делая дорогу скользкой.

Лео не знал, что точно случилось. Скорее всего, Мэдди просто не справилась с управлением, и внедорожник съехал с дороги. Судя по следам, Мэдди пыталась лавировать между каменными выступами, в тщетных усилиях вывести машину на более пологое место, затормозить, но скользкая, размытая весенними потоками поверхности ведущий под гору склон, не позволили ей сделать это.

Джип сорвался вниз и исчез на дне моря, лишь несколько обломков покореженного железа Леонар обнаружил на узкой полосе каменистого берега. Здесь же он нашел

изувеченное тело той, которую любил.

Все произошло на необитаемой части острова. Шум волн, вой ветра поглотили звуки аварии. Мэдди, видимо, выбросило из машины и ее тело упало за камни. Она погибла в результате того самого несчастного случая, над которым Леонар был не властен. И произошло это именно тогда, когда больше всего на свете он боялся, что нечто подобное случится, и он потеряет ее.

Лео ликвидировал следы аварии и отвез тело Мэдисон на континент, где кремировал. Вампир бережно собрал пепел, голубой и сияющий, как звездная пыль, и спрятал в самое надежное из всех известных ему мест.

Ни вампиры, ни люди, сгорая, не превращаются в невесомый и шелковистый, как пыльца с крылышек бабочки, прах. Его Мэдисон была кем-то совершенно особенным, кем-то особенным для него. И он не уберег ее.

Дети, оставшиеся сиротами, все это время провели с Тайлером. Когда Лео вернулся к ним, он принял решение, казавшееся ему самыми правильными из всех возможных.

И до сегодняшнего дня он ни разу в этом не усомнился.

Утиный тест*

"— А почему у вас дверь под потолком?

— Эта? Ну так, если соберётесь второй этаж пристраивать, вот, дверь уже есть".

(Астерикс и Обеликс. Миссия Клеопатра)

Вернувшись в "свои" апартаменты после разговора с Регентом, Фреда первым делом приняла душ, сделав воду такой горячей, что поначалу едва выдерживала касание струй. Но очень скоро почувствовала, как меняется ее состояние. Мышцы расслабились, кожу уже не обжигало, а приятно покалывало, и даже на душе стало легче. Фреда решительно повернула кран, обрушив на себя поток почти ледяной воды. Охнув, выдержала секунд пять такой "экзекуции", перекрыла воду и выскочила из кабинки. Завернувшись в полотенце, протерла запотевшее зеркало, и, наверное, первый раз за последние несколько дней посмотрела на свое отражение. В чужой жизни, на чужой территории, это была все еще она, прежняя Фреда, и что бы дальше ее ни ожидало, сейчас она действительно нуждалась только в отдыхе. Быстро промокнув копну мокрых волос полотенцем, она кое-как расчесала их и отправилась в спальню с твердым намерением поскорее уснуть.

В спальне на прикроватном столике обнаружила тарелку со свежими фруктами и стопку самых разных журналов и книг от классических романов Диккенса до свежих гляцевых изданий "обо всем и ни о чем". Девушка секунду-другую с раздражением и удивлением разглядывала "дары", затем решительно прошлепала к двери в апартаменты и защелкнула замок, зная, что мера эта совершенно бессмысленная. Вернулась в спальню и быстро забралась в постель.

Первые пару минут Фреда, натянув простыню до подбородка, напряженно прислушивалась. Затем чуточку расслабилась и покосилась на столик возле кровати. Она отщипнула и закинула в рот три виноградины, с наслаждением раскусила сочные, сладкие ягоды, выбрала книгу и попыталась читать, но вскоре строки, повествующие о таинственных злоключениях, выпавших на долю Эдвина Друда, стали расплываться перед глазами, веки отяжелели, и Фреда, уронив книгу, погрузилась в глубокий сон.

Разбудила ее навязчиво повторяющаяся мелодия, доносившаяся из гостиной. Едва соображая спросонья, Фреда поднялась и побрела на звук. Незамеченный ею ранее смартфон, лежащий на столике возле дивана, громко играл "Dance with devil". Одна из её любимых композиций, между прочим. Забавно, что Регент сделал ее рингтоном.

Фреда нажала кнопку ответа и тут же услышала низкий голос Вагнера, кратко попросившего ее «одеться потеплей и поудобней и немедленно спуститься в библиотеку».

— Подождете, — слегка пренебрежительно бросила она, уже нажав кнопку отбоя и, зевая, направилась в ванную.

Она прекрасно выспалась и чувствовала себя почти обновленной. Успев заварить и выпить чашку кофе и поедая на ходу банан, Фреда оделась и спустилась вниз.

В библиотеке снова горел камин, но на этот раз Регент не сидел в кресле, а стоял

посреди комнаты, одетый в длинное черное пальто.

— Вы не торопились, — мрачно заметил вампир.

— А вы, похоже, и правда не шутили, когда говорили, что мы пойдем "на поиски приключений", или как там вы выразились, — отозвалась Фреда.

— Никаких шуток, — качнул головой Регент. — Ускорим процесс вашего "прозрения".

— О, Боже, опять... — пробормотала, закатывая глаза. — Ладно, давайте сорвем этот пластырь, и дело с концом. И начнем с...

— С чего? — Лицо Регента застыло. Фреда точно знала, что глаза за темными очками впились в нее: так и чувствовала всей кожей его колющий взгляд.

— Я не верю, что вы вампир, — выпалила она. — Вот не могу я в это поверить.

— И что вас может убедить? — низкий голос Вагнера звучал вкрадчиво.

— Дайте пощупать ваш пульс.

Регент тут же шагнул к девушке и протянул руку.

— Извольте. Только пульса у вампиров, как известно, нет.

— Угу, угу...

Фреда решительно ухватила Вагнера за запястье, с удивлением отмечая, какое оно жесткое, словно стальное. Пальцы девушки забрались под рукав пальто, свитера и стали мягко прощупывать прохладную кожу.

Регент наблюдал за лицом Фреды, которая хмурилась все больше с каждой секундой. Наконец девушка резко выпустила руку Вагнера, почти отбросила ее от себя, как змею.

— Ерунда какая-то, — пробормотала она.

Не успела опомниться, как теперь уже Вагнер поймал ее руку и крепко прижал к своей груди, там, где должно было биться сердце. Прохладная, сильная ладонь уверенно придавила тонкую девичью кисть. Фреда втянула воздух через зубы и замерла на мгновение.

Она ощутила мягкость ткани его свитера и твердость мышц под ним. Чувствовала, как крепко он прижимает ее руку к себе и... больше ничего: ни биения сердца, ни мерного движения грудной клетки под ладонью.

— Черт бы вас побрал, Вагнер! — проговорила она, выдергивая руку. — Не знаю, как вы это делаете... Но уже почти верю. И это жутко.

— Показать клыки? — невозмутимо спросил он.

— Идите вы...

— Вот и славно, тогда займемся делом, — спокойно отозвался Регент.

Фреда развернулась к выходу из библиотеки.

— Подождите минуту, — окликнул ее Вагнер, — вот, наденьте это, — он указал на пару ботинок на толстой рифленой подошве, стоящих на полу.

— Надеюсь, вы прихватили смартфон. Он теперь ваш и предназначен исключительно для связи со мной, — говорил Регент, пока она переобувалась и размышляла обо всем, во что никак не могла поверить.

— Я догадалась. По мелодии, которую вы установили, — отозвалась девушка.

Вампир чуть дернул бровью.

— И мой совет: всегда будьте начеку, — заявил он. — В обществе людей вы теперь беглая преступница, среди вампиров — непонятное и необъяснимое явление, навлекли на себя достаточно подозрений и уже успели нажать тайного недоброжелателя.

— Зато обрела странного покровителя в вашем лице. Если не врите, — парировала Фреда, не поворачиваясь к Вагнеру.

За спиной раздалось что-то вроде смешка, но такого, как если бы его издал голодный тигр.

...Леонар Борегар закончил свои основные дела в Праге. Оставалось лишь "прогуляться" и посмотреть на участки, что желал заполучить наместник Краус, прося о содействии в их покупке. Сегодня ночью Его Светлость ждал звонка от Лео и, конечно же, был уверен, что тот не посмеет ответить отказом. Да еще и учитывая столь щедрое вознаграждение за незапланированные хлопоты.

Лео начал с дальнего из участков. Это был внушительный по размерам заброшенный кусок земли на окраине небольшого городка, примерно в двадцати километрах от Праги. Участок, как участок. Вполне можно выкупить и использовать под строительство.

Вторым адресом был тот самый, с проблемами, и располагался он в ближайшем пригороде Праги, в природной зоне. Если бы Лео воспользовался машиной, ему нужно было бы выехать за пределы города, свернуть на второстепенное шоссе, и чуть в стороне он нашел бы трехэтажную усадьбу, одиноко стоящую в поле у самого леса, огороженную по периметру высоким забором из металлических прутьев и каменных столбов. И хотя к усадьбе имелся подъезд от шоссе, им, видимо, уже давно никто не пользовался, и тот успел основательно зарости травой.

Лео не стал брать автомобиль, а использовал свою способность быстро и незаметно передвигаться, стараясь держаться вдалеке от шоссе и жилых домов.

Пройдясь вдоль забора, вампир отметил солидные размеры территории усадьбы и удаленное расположение от дороги и прочих строений.

С одной стороны это здание, молчаливо застывшее при свете тусклой луны, навевало почти карикатурные представления о "домах с привидениями", но было еще что-то тревожное, словно электризующее нервные окончания, заставлявшее проявлять невольное любопытство, всматриваться и прислушиваться...

Лео хмуро огляделся, повел широкими плечами, словно стряхивая наваждение. Он остановился где-то в сумрачной тени у самого забора и разглядывал усадьбу. Часть дома была забрана старыми строительными лесами, повсюду валялись стопки расколотых кирпичей, штабеля досок, бетонных плит, блоков и прочих стройматериалов. Но все это явно завезено сюда уже довольно давно. Чуть правее расположена бытовка — облупившийся вагончик, снятый с колес и поставленный на сваи. Ступеньки, ведущие к двери сторожки, сломаны, их обломки валялись тут же. Территория перед фасадом здания так сильно разрыта, что значительно усложняло подступы к главному входу, но не для вампира, способного левитировать.

Лео намеревался приблизиться к парадной двери в дом. Если неизвестный владелец дома жив, то вампир не сможет войти внутрь. Он и не хотел этого, но любопытство влекло его, побуждая ступить ногами на землю именно там, у дома. Вампир взмыл вверх и завис высоко над землей, почуяв чье-то приближение. Метнувшись в сторону, к зарослям деревьев, замер среди ветвей высоченного раскидистого дуба, утратившего еще не все свои листья.

К усадьбе не спеша двигалась одинокая фигурка. Молодая девушка шла, напряженно вглядываясь в темноту, пару раз оглянулась назад, но не остановилась и продолжила идти.

Чуткий вампирский слух уловил тихое раздраженное бормотание:

— Идиотка беспробудная, куда я поперлась? Кого слушаю? Почему, ну почему делаю это?..

Лео наблюдал за полуночной "посетительницей" этого совершенно непригодного для столь поздних прогулок места, продолжая скрываться среди дубовых ветвей. Просканировав на всякий случай пространство еще раз, он убедился, что девушка была одна: ее никто не сопровождал и не преследовал.

Тем временем странная девица добралась до забора и, судя по всему, намеревалась войти на территорию усадьбы, ища вход. Однако створы высоких и мощных кованых ворот были опутаны толстой цепью, пропущенной сквозь прутья несколько раз, и скрепленной огромным, ржавым замком. Девушка огляделась, прошла туда-сюда вдоль забора, но, видимо, оценив размеры территории, решила пойти кратчайшим путем. Ухватившись за прутья, она задрала ногу и поставила ее на цепь, скрепленную замком, подтянулась и ловко перелезла через ворота, прыгнув с противоположной стороны. Отряхивая руки в кожаных перчатках, принялась осматриваться.

— Ну, что ж, продолжим прохождение квеста под названием "найди доказательство того, что ты полная дура", — негромко проговорила она и двинулась вперед, внимательно поглядывая под ноги, потому что в прямом смысле рисковала провалиться в яму.

Лео с интересом провожал девицу взглядом, находя ее появление здесь в такое время не столько странным, сколько занятным. Видимо, европейские девушки отличались большей эксцентричностью, чем американки, которые, если верить шаблонным ужастикам, предпочитали посещать такие места в компании веселых друзей, становившихся по ходу дела жертвами каких-нибудь маньяков или монстров и пропадавших по одному.

Эта же девушка не похожа на праздно шатающуюся чокнутую искательницу приключений. Она шла целенаправленно, можно сказать, решительно, но Лео даже на расстоянии безошибочно считывал ее эмоциональное состояние — занятный коктейль из страха, раздражения и решимости. И быстрый-быстрый перестук сердца.

...Фреда чувствовала себя бароном Мюнхгаузенем, который, как известно, сам себя вытащил из болота, ухватившись за собственные волосы. Только она не вытаскивала себя, а наоборот — затягивала в какую-то трясику всё глубже и глубже.

...В подземном гараже Вагнер усадил девушку во внушительного вида внедорожник, сам сел за руль, и пока машина уверенно мчалась по шоссе, поведал ей цель "приключения".

— Мы приедем в одно мрачноватое место, — сказал Регент, внимательно следя за дорогой. — В заброшенную усадьбу, в которой давным-давно никто не живет. Вам нужно проникнуть в дом, найти в одной из комнат одну уникальную вещь и принести ее мне. Помните, я говорил, что предлагаю вам высокооплачиваемую работу? Так вот, это ваше первое поручение, за которое вы получите щедрое вознаграждение.

— Я не давала согласия работать на вас, — заявила Фреда. — А почему вы сами не пойдете туда и не возьмете эту "уникальную вещь"? Или не пошлете туда кого-нибудь из ваших более надежных, не раз проверенных и натасканных "шестерок"? Ведь таковые у вас наверняка имеются.

— Не могу, — просто ответил Регент, — хоть в доме никто и не живет уже очень давно, у него есть какой-то таинственный владелец. А это значит, что я не смогу войти туда. И ни один вампир не сможет, а все мои "шестерки" — вампиры.

— Ага, ясно. Ну а почему бы мне не пойти туда днем? Ведь я-то человек, что бы вы там ни твердили. Я не боюсь дневного света, а вот ночью мне как-то неуютно шататься по

заброшенным домам, — заметила Фреда, — да и рыскать в темноте по развалинам мне кажется уж очень экстремальным времяпровождением.

— Понимаю, — кивнул Регент, — но все дело в том, что обнаружить этот предмет можно только ночью.

— "Страшно волшебная" штукавина какая-нибудь? — усмехнулась девушка. — Проявляется только под светом луны.

— Вроде того, — ответил вампир, — но самое интересное, или, как вы изволили выразиться, "страшно волшебное" состоит в том, что обнаружить эту штукавину можете только вы.

— Я избранная! — театрально всплеснула руками Фреда. — Подумать только! Ну, а что это хоть за штукавина? Кольцо Всевластья?

— Думаю, развеселю вас еще больше, но я не знаю точно, что за вещь вам предстоит найти, — в голосе Регента девушка с удивлением уловила ответное "почти" веселье.

— Да уж, обхохочешься, — отозвалась она. — Значит, я должна ночью залезть в какие-то развалины и шнырять там в крошечной тьме в поисках неизвестно чего? Я правильно поняла?

— Абсолютно правильно. И если вы найдете эту вещь и принесете ее мне, то многое может измениться, прежде всего, для вас.

— Вы не слушали меня, когда я твердила снова и снова, что ничего не желаю менять в своей жизни, — воскликнула Фредерика, — ну, да ладно, оставим это. Видимо, вам не свойственно слушать и слышать никого, кроме себя самого. Но, скажите на милость, зачем мне это делать?

— Затем, что это поможет вам узнать о самой себе, о своем прошлом, возможно даже, о вашем происхождении. Устраивает вас такой расклад?

— Устраивал бы, если бы я вам верила, — буркнула она, — да вот никак не могу.

— Поверите самой себе, в таком случае, — заключил Регент. — Когда придет время. А оно придет, это точно.

Оставшуюся часть недолгого пути он рассказал о месте, куда они направлялись. По словам вампира, изначально это была усадьба, выстроенная каким-то графом для своего многочисленного семейства. Затем домочадцы пережили несколько потрясений от просто некрасивых историй до страшных драм, в результате чего семья распалась, граф и его супруга умерли, а все их потомки разъехались по всему миру, не проявив к родительской собственности никакого уважения. Старший из сыновей графа продал дом богачу-коллекционеру. Тот в свою очередь добавил к имеющейся территории еще солидный участок земли и окружавшего дом леса. Позже он обзавелся женой и ребенком, но семейная идиллия тоже закончилась трагедией, приведшей к гибели всей семьи. Подробностей произошедшего никто не помнил, а дом снова остался без владельца.

Затем усадьбу снова купили, на этот раз для того, чтобы перестроить и открыть там небольшой отель. Отель функционировал недолго. В доме произошел пожар, большая часть внутренних помещений выгорела, и хозяева отеля, чудом оставшись в живых, продали не принесшую им удачи недвижимость и уехали в неизвестном направлении.

И снова дом сменил владельца, теперь решившего отремонтировать и отреставрировать его, восстановив первоначальный вид. Говорили, что этот хозяин то ли добивается, то ли уже добился признания усадьбы историческим памятником. Но, так или иначе, эта информация также остается неясной, а самого владельца никто не видел и ничего о нем не слышал.

— Не стану скрывать от вас, Фреда, что этот дом имеет дурную славу у людей, — продолжил Регент, — и привлекает особое внимание моих сородичей. Ходят разные слухи, одни говорят о том, что дом изначально был построен на месте, имеющем особую энергетику, и в нем спрятаны какие-то сокровища и артефакты. Участок неоднократно пытались выкупить и люди, и вампиры, но снова безуспешно. Неуловимый владелец действует очень тонко через подставных лиц, так что отследить ничего нельзя, и все попытки выкупить усадьбу так и остаются лишь попытками.

— Очень интересно — мрачно заметила Фреда, — особенно про дурную репутацию дома и многочисленные трагедии, связанные с ним. Я прямо воспрянула духом и побегу искать вашу вещь окрыленная. Вагнер, вы не находите, что весь этот исторический экскурс должен меня изрядно напрячь? Или думаете, что я в своей прежней жизни только тем и занималась, что шныряла по подобным местам в поисках артефактов? Вы меня с Ларой Крофт не спутали?

— Зато теперь вы знакомы с историей этого места и знаете, чего приблизительно вам ожидать от его посещения, — твердо заключил Вагнер. — И если кто-то и сможет что-то там отыскать, то это будете вы. Я уверен, что вы куда лучше, чем какая-то там Лара Крофт.

— Да почему вы в этом так уверены?! — взорвалась Фреда, борясь с желанием ухватить Регента за воротник элегантного пальто и тряхнуть как следует.

— Потому что вы можете видеть то, чего не видят другие, — невозмутимо отозвался Регент, — и сможете защитить себя, если вам будет грозить опасность. Хотите — верьте, хотите — нет, но такова ваша сущность. И если бы что-то в вашей жизни не нарушилось когда-то, вы бы сейчас уже все знали и понимали про саму себя, и умели с этими знаниями справляться. И жизнь ваша сильно бы отличалась от той, что вы, слепо и безмятежно, вели до сих пор.

Остановив машину у кромки темного поля, Регент повернулся к Фреде:

— Я не могу пойти с вами. Более того, недопустимо, чтобы кто-то видел меня поблизости от этой усадьбы. Но вы идите и ничего не бойтесь. Я знаю, что у вас все получится. Вот, наденьте эту шапочку, в доме может быть... грязновато. Ну, и всякие грызуны и насекомые... Вам не понравится, если они вдруг запутаются в волосах. — И он пристально посмотрел на ее очень густые и непослушные волосы.

Фреда фыркнула и натянула шапочку на голову до самых бровей.

— И еще возьмите фонарь, в усадьбе нет освещения, — продолжил Вагнер. — Двигайтесь вдоль шоссе еще метров двести, затем поверните налево и идите по полю прямо. Усадьба должна быть видна от дороги у самого леса. Если будет происходить что-то совсем из ряда вон выходящее или вы все выполните — вспомните о телефоне, позвоните. Я буду на связи и заберу вас.

...С неослабевающим интересом Лео наблюдал за продвижениями девушки, пробравшейся к главному входу и сейчас разглядывавшей массивную двустворчатую дверь. Незнакомка подергала ручку, надавила на дверь плечом, огляделась вокруг и стала пробираться вдоль фасада дома, внимательно поглядывая то на заколоченные окна, то себе под ноги.

Так она достигла угла длинного здания и подошла к бытовке. Сторожка оказалась незапертой, девушка заглянула внутрь и, не обращая внимание на отсутствие ступенек, ловко запрыгнула с земли прямо в помещение. Она снова возникла в поле зрения Лео через пару-

тройку минут, держа в руке какие-то предметы. Вампир пригляделся и невольно усмехнулся, отмечая находчивость девицы — она раздобыла молоток и что-то вроде увесистой отвертки или стамески и явно намеревалась открыть дверь дома при помощи этих инструментов.

Девушка быстро и весьма ловко справилась с замком, открыв себе доступ в дом. Она заглянула внутрь, подумала немного, засунула молоток за пояс джинсов, шагнула вперед и исчезла в темном проеме, держа отвертку, как оружие.

На этом, надо полагать, "спектакль" окончился, ведь ни войти в дом, ни видеть сквозь стены Лео не мог. Да и чего интересного здесь еще могло произойти? Скорее всего, не одна эта юная авантюристка разгуливала здесь по ночам. Мало ли воришек и мародеров здесь перебивало за все время, что дом стоит заброшенный.

Вампир медленно опустился на землю.

...Фреда вошла в вестибюль и окунулась в кромешную тьму и мешанину странных запахов. Включив фонарь, посветила вокруг. Луч выхватил из темноты мусор, старую мебель, прочий хлам и обломки, и покрывающий все толстенный слой серой пыли.

Напротив главного входа располагалась широкая лестница, разделявшаяся на уровне второго этажа на два прохода.

— Ну и где мне искать "это"? — негромко произнесла Фреда, водя фонариком по сторонам.

Она стояла, не двигаясь с места, и раздумывала: плюнуть на все, повернуться и уйти, или же попытаться побродить по дому в поисках "неизвестно чего".

Хотелось, естественно, уйти, но что-то сдерживало этот порыв, и Фредерика шагнула вперед. Под ногами громко хрустнуло, и звук раздался в темноте оглушительным треском, эхом отразившись от стен. Фреда ойкнула, невольно подпрыгнула на месте и чуть отступила в сторону. Луч фонарика заметался по сторонам, и на мгновение ей показалось, что свет выхватил из темноты... чье-то лицо. Искательница приключений замерла на месте.

— Здесь есть кто-нибудь? — голос дрогнул и прозвучал неуверенно.

Вместо ответа раздались только шорохи.

"Насекомые и грызуны..."

Фреда поводила фонарем по сторонам, медленно освещая каждый уголок, убеждаясь, что в темноте никто не затаился.

Самое противное было то, что Регент не сказал, где и что искать, а значит, придется-таки обходить все здание. Но вот только нужно ли это делать? Вполне возможно, что вампир действительно хочет заполучить что-то, находящееся в этом доме, и готов ей заплатить, но зачем тогда вся эта таинственность, страшные истории про "нехороший дом"?

— Ладно, Вагнер, — произнесла вслух, — давайте поиграем в вашу игру, и посмотрим, что получится.

Она огляделась еще раз, помогая себе ориентироваться фонариком. Обнаружила, что слева от лестницы расположен лифтовой холл, чуть дальше увидела нечто вроде стойки ресепшен и два грязных диванчика с прорванными сидениями и спинками. Справа и чуть дальше располагалась уцелевшая барная стойка, стену над ней "украшали" осколки разбитого зеркала, в которых отразился свет фонаря. Решив начать с этого этажа, Фреда двинулась налево. Осторожно ступая, обошла левое крыло первого этажа, заглянула в каждое помещение, благо их было немного и все они оказались не заперты, и ничего не нашла. Вернувшись к лестнице, как к точке отсчета, без приключений обследовала правую сторону.

Побывав в полуразрушенных кухне, столовой и подсобке, снова вернулась к лестнице.

Решив идти на второй этаж, Фреда проверила, включен ли смартфон, и едва поборола искушение позвонить Вагнеру, чтобы забирал ее отсюда, так как она ничего не нашла. И снова воздержалась, удивляясь самой себе. Фреда переложила прибор из неглубокого кармана кожаного плаща в карман джинсов. Похлопала по нему — смартфон прижат плотно, не вывалится в случае чего — и пошла вперед.

Ступени казались крепкими и надежными, хоть и скрипели под ногами, но, едва она поднялась на пару ступеней, как раздался ужасающий треск, опора вдруг исчезла из-под ног, и Фреда, издав громкий крик, провалилась вниз.

...Падение было недолгим, но приземление на твердый пол оказалось грубым и весьма болезненным.

Какое-то время Фреда не двигалась. Потом, охая и кряхтя, приподнялась и села. Голова вроде бы цела, но все тело словно вибрировало от сотрясения. При падении она завалилась на бок и больно ударилась, но, кажется, ничего не сломала. Болела правая нога чуть выше колена. Фреда осторожно ощупала ногу, обнаружила, что штанина порвана и края прорехи влажные. Пальцы стали липкими, а чуть надавив на это место, девушка ойкнула и отдернула руку. Наверное, поранилась, зацепившись за обломок доски, когда провалилась в дыру.

Вокруг лишь тьма и тишина, но, судя по запаху сырости и затхлости, Фреда оказалась в подвале.

А еще она выронила фонарик.

— Этого еще не хватало, — проговорила с досадой. Кряхтя и охая, стараясь не потревожить раненую ногу, она стала потихоньку ползать по полу, ощупывая все вокруг. Фонарик, как и отвертка и вывалившийся при падении из-за пояса молоток нашлись неподалеку, но, увы, фонарь был поврежден и не хотел загораться. Фреда яростно трясла его и щелкала кнопкой, но безуспешно. Подавив накатившую было панику, вспомнила, что у нее есть телефон.

— Да! — торжествующе выдохнула она, хватаясь за карман джинсов, и тут же издала стон.

Судя по тому, как нарушилась целостность очертаний прибора наощупь, да еще что-то двигалось и недвусмысленно похрустывало при прикосновении, телефон, как и фонарик, "не пережил" падения и разбился вдребезги. Что и не странно, ведь Фреда приземлилась прямо на него.

— Вагнер! — рявкнула она, потрясая в воздухе зажатыми в руке молотком и отверткой. — Если я отсюда выберусь... Нет, когда я отсюда выберусь, я... я... я не знаю, что с вами сделаю. Но сделаю — это точно!

Да, Вагнер, конечно, та еще паранормальная сволочь, а она настоящая овца, что его послушалась и безропотно поперлась сюда.

Фреда поднялась на ноги и, пошатываясь и прихрамывая, медленно побрела в полной темноте неизвестно куда, водя руками из стороны в сторону.

...Некоторое время после того, как ночная искательница приключений вошла в здание, Лео еще осматривался вокруг и ждал чего-то. Но потом решил, что здесь ему больше делать нечего и пора возвращаться в город, в отель Убежища, позвонить Краусу и настроиться на предстоящий долгий перелет в Австралию. Неспешным шагом он направился через поле в сторону леса, решив срезать путь до Праги, минуя при этом оживленные трассы, а часть пути

проделать через окраинные районы. Сейчас он уже никуда не спешил и с удовольствием еще раз прогулялся бы по городу, перед тем, как покинуть его завтра.

Лео не успел отойти далеко, как уловил донесшиеся издалека звуки обрушения внутри дома и короткий пронзительный крик. Он тут же замер на месте.

«Ну, и что дальше? — раздраженно подумал вампир. — Зачем я стою здесь?»

И пока новые вопросы не стали донимать его, заставляя размышлять над природой его спонтанных решений, он развернулся и направился обратно. Мгновенно преодолев расстояние до дома, Лео взмыл вверх и опустился на крышу здания.

...Кажется, этот вонючий подвал был просто бесконечным и вел в никуда.

Фреда шла и шла вперед, касаясь рукой стены, нащупывала угол, делала поворот и снова шла. В какой-то момент она поняла, что ходит по кругу. Все тело болело, нога ныла, набухшая от крови ткань прилипла к ране, но кровотечение вроде бы прекратилось. То и дело накатывали отчаяние вперемешку с яростью. Остановившись, Фреда прикрыла глаза, попыталась отключиться от всех внешних раздражителей — темноты, затхлости, скрипа и хруста под ногами — и сосредоточилась только на своих ощущениях. Она несколько раз глубоко вздохнула, успокаиваясь, и почувствовала, что прием сработал. Паника стала отступать, в голове прояснилось, и даже тело болело меньше.

Фреда открыла глаза и... замерла, пораженная. Прямо перед ее глазами висел шар света, точь-в-точь такой, что возник, когда она искала выход из лабиринта коридоров. Сфера мерцала мягким, приглушенным сиянием, а Фреда разлепила губы и прошептала:

— Откуда... Неужели это и правда сделала я?..

Она подняла руку, медленно и осторожно поднесла ее к сфере, и та засияла ярче. Сердце в груди радостно затрепыхалось, остатки страха испарились, уступив место решимости.

Фреда оживленно огляделась, причем сфера двигалась туда, куда она поворачивала голову, услужливо подсвечивая окружающее пространство, помогая различить впереди узкую лестницу, ведущую наверх, бетонные ступеньки которой выглядели куда надежней, чем лестница в холле.

Девушка поспешно заковыляла вперед, а через минуту снова чуть не рыдала от разочарования: битая железом дверь, ведущая из подвала, оказалась заперта. Фреда в отчаянии попыталась подковырнуть ее отверткой, несколько раз в ярости ударила по ней молотком, но только чуть не оглохла от грохота.

— Что за наказание! — прокричала, спускаясь обратно в подвал.

Заметив, что сияние сферы стало меркнуть, она вдруг интуитивно поняла, что должна сосредоточиться на поддержании свечения, поборов негативные эмоции. Фреда так и сделала, и была вознаграждена, когда сияние сферы высветило за ее спиной двери лифта, которые она не заметила раньше.

Да, электричества в доме не было, и лифт не работал, но, вспомнив голливудские блокбастеры, можно было попытаться выбраться наверх... через шахту. Почему бы и нет? Ведь лезть нужно не на десяток этажей вверх.

Фреда вставила отвертку между сомкнутыми дверями лифта и попыталась раздвинуть их. Створки чуть шевельнулись. Боясь сломать отвертку, девушка осторожно, но уверенно стукнула по ее ручке молотком, вгоняя инструмент глубже, и снова надавила. Двери еще поддались и, наконец, Фреда смогла просунуть между ними пальцы руки, а затем, чуть

раздвинув двери, и ногу. Убрав молоток за пояс джинсов, двумя руками уперлась в двери, налегла и, наконец, створки с усилием, медленно и неохотно разъехались в стороны. Перед ней открылась старомодная кабина лифта, и "по законам жанра" требовалось, чтобы в потолке оказался люк.

Люк там был, и Фредерика, забравшись на поручень, укрепленный по периметру кабинки, вылезла на крышу лифта. До второго этажа было не так уж далеко.

Стены лифтовой шахты сделаны из темного кирпича, и к ним крепились провода, металлические скобы и прочие конструкции малопонятного, но, несомненно, важного назначения. Фреда интересовали именно скобы, и она осторожно полезла вверх, заставив себя сосредоточенно поддерживать свечение сферы, неотрывно ее сопровождавшей.

К своему величайшему разочарованию она, как ни пыталась, не смогла открыть дверь, ведущую из лифтовой шахты на второй этаж. Оставалось лезть выше и попытаться открыть дверь на третьем этаже или же спуститься обратно. Но мысль о том, что снова придется бродить по подвалу, вызвала нервную дрожь, и Фреда продолжила карабкаться наверх.

Она снова издала ликующий вопль, когда увидела, что между дверями лифта на третьем этаже есть зазор шириной в ладонь. Сфера, словно мгновенно зарядившись ее энтузиазмом, засияла ярче.

Слегка перекошенные створки лифтовых дверей поддались без труда, и Фреда выбралась из шахты.

Осмотревшись, насколько позволял «путеводный свет», поняла, что это, видимо, и был этаж, некогда пострадавший от пожара. Повсюду валялись почерневшие обломки сгоревших досок и балок, кое-где перекрывавшие проходы. Стены покрыты копотью, в потолке и полу образовались обугленные провалы. Девушка стояла возле лифта и теперь видела, что находится на самом безопасном пространстве: на островке, незатронutom разрушительной силой огня. Идти вперед было много опасней, чем подниматься снова по лестнице с первого этажа. Но нужно искать выход, другого варианта просто нет.

...Лео присел на корточки и отстраненно слушал звуки, говорившие о том, что девушка жива и может двигаться. Сначала все долетало до чуткого слуха вампира словно из-под земли, но даже издалека он отчетливо различал весь спектр эмоций "экстремалки", судя по всему, угодившей в затруднительное положение. Она ругалась и кричала, охала, возилась, чем-то колотила, замолкала ненадолго и снова начинала ворчать и возиться.

Он слышал как девица продвигалась по дому, приближаясь к нему. Вот она уже совсем рядом — он чуял теплый человеческий запах. И она была ранена: тончайший, едва ощутимый аромат ее крови Лео уловил безошибочно. Крылья его носа дрогнули, и на миг вампиру показалось, что в грудь ему вогнали тонкую длинную иглу.

Укол, вспышка боли, сопровождаемая неуловимыми образами, налетевшими откуда-то издалека, и снова все ушло. Он даже не понял, что это было. Что за стремительное, яростное и безжалостное, как укус кобры, дежа-вю.

Он совсем не был голоден, но терпкий аромат крови этой девушки стал вдруг поводом, потащившим его прочь от сдержанного равнодушия, от привычной невозмутимости туда, где затаились нежеланные помехи, где что-то мешало и сбивало с толку, еще не случившись...

Но вдруг все замерло, незнакомка остановилась, и Лео почувствовал, что она сильно напугана. Она не издавала ни звука, затаила дыхание, а ритм сердца резко ускорился.

Лео выждал немного и, сам еще не понимая, зачем это делает, крикнул по-английски:

— Эй! Вы там живы?

... Фреда не могла сдвинуться с места, застыла, глядя перед собой. Вдалеке, прямо по коридору, посреди густой тьмы, возник призрачный силуэт: бледная, светло-серая дымка, колышущаяся, как от легкого дуновения ветра, тающая на глазах, очертаниями напоминала человеческую фигуру.

Фреда сглотнула комок, ставший поперек горла, и подняла руку по направлению к призраку, словно хотела стереть наваждение. "Наваждение" в ответ тоже подняло свою призрачную руку, указало куда-то в сторону и растворилось в воздухе.

— Эй! Вы там живы?

Девушка вздрогнула от неожиданности, едва не бросившись обратно в лифтовую шахту, когда услышала внезапно раздавшийся откуда-то сверху голос. Она инстинктивно подняла голову, но не увидела ничего, кроме покореженных балок и проломов в потолке. В образовавшихся дырах зияла темнота, но именно оттуда и доносился незнакомый мужской голос.

— Вы кто? — крикнула она тоже по-английски.

— Кажется, я тот, кто может вам помочь выбраться из этого дома.

— И каким же это образом? — Ей показалось, что невидимый собеседник не спешит с ответом.

— Найдите окно и выбирайтесь на карниз, — наконец сказал он.

— Окно? На карниз?! А ничего лучше придумать не можете? И сами-то вы где?

— На крыше.

— О! Интересно, зачем вас туда занесло, — отозвалась удивленно. — Может быть, вы сами спуститесь сюда?

— Нет, — отрезал незнакомец решительно.

Фреда прикрыла на миг глаза, пытаясь уложить неразбериху в мыслях от увиденного призрака и внезапно раздавшегося с "небес" голоса.

— О'кей... — вздохнула она.

Откуда взялся этот незнакомый "спаситель"? Может быть, его послал Вагнер, когда не смог связаться с ней? Он же сказал, что его самого не должны видеть возле дома. Мог прислать какого-нибудь своего "шестерку". Другого объяснения у нее пока не было.

"Выберусь отсюда, разберемся", — подумала, осматриваясь.

В коридоре окон не было, туда выходили лишь двери, расположенные по обе стороны. Добраться до окна можно только, проникнув в один из номеров, но для этого нужно очень постараться не провалиться в многочисленные дыры в полуразрушенном полу, который местами так и вовсе отсутствовал.

Фреда с обожанием посмотрела на светящуюся сферу и, мысленно благословляя всякие "фокусы", осторожно двинулась вперед.

И снова ее наполнило уже знакомое ощущение внутреннего контроля. Опять включился какой-то навигатор и она, уже зная, что к этому стоит прислушаться, поняла, что идет в правильном направлении. Перелезая через балки и доски, она старалась держаться у стены и тщательно выбирала, куда наступить.

— Эй, вы еще здесь? — крикнула она невидимке и успела испугаться, потому что он снова ответил после ощутимой паузы:

— Я жду, когда вы найдете окно.

— Я ищу, ищу.

Внутренний компас уверенно направлял ее, призывая не задерживаться, а идти и идти вперед. Её словно тащило на невидимом тросе по этому жуткому коридору, но самое неприятное было то, что сфера стала меркнуть, и сейчас перед Фредой в воздухе парил лишь маленький сгусток очень бледного зеленоватого свечения. Так светятся покрытые фосфоресцирующим составом рождественские шарики.

Фредерика пробиралась вперед со скоростью черепахи, попавшей в завал, и по дороге открывала каждую дверь. В двух номерах полы оказались разрушены настолько, что можно сказать, отсутствовали вовсе. Еще одна комната оказалась сплошь завалена обломками мебели и еще каким-то хламом. В следующем номере отсутствовал потолок, а рухнувшие балки и доски перекрывали доступ к окну. Разбирать завал не было никакой возможности, и девушка пошла дальше.

— Вы скоро? — раздался нетерпеливый голос, которому Фреда безумно обрадовалась, — Неужели трудно найти окно?

— Трудно! — рявкнула она в ответ. — Не верите — спускайтесь и убедитесь сами. Здесь все разрушено, а я уже провалилась сегодня сквозь пол, с меня хватит.

— Хорошо, понял. Но ищите побыстрее, — чуть более спокойно ответил незнакомец.

А Фреда и сама уже не понимала, что именно искала. Вдруг четко осознала, что, слушая свой навигатор, имеет какую-то цель помимо той, чтобы найти окно. И эта цель приближалась по мере того, как Фреда пробиралась в ту часть этажа, где, судя по всему, и находился очаг пожара. Здесь все было обуглено, разрушено и поломано. Уцелевшие доски пола устрашающе скрипели, потолок местами обвалился совсем, и приходилось пробираться вперед, то приседая под порушенными балками, то перелезая через них, задевая покореженные останки обшивки стен. Шапочка зацепилась за что-то и ее стянуло с головы, но Фреду это не остановило.

Так она дошла до еще одного номера, дверь в который вовсе отсутствовала. Фреда остановилась, вдруг поняв, что именно сюда указывало призрачное видение, явившееся ей... Оглядевшись, насколько хватало еще блеклого свечения сферы, девушка увидела, что дальше она не сможет пройти по коридору, а значит, надо либо поворачивать назад, либо выбираться через окно здесь.

Напротив двери сильно разрушенного номера Фреда увидела наспех заколоченное досками окно без стекла. Здесь уцелела лишь малая часть пола, и, чтобы добраться до окна, придется пройти по толстой, но крайне ненадежно выглядевшей балке, как по узкому мостку над пропастью, рискуя свалиться вниз.

Фредерика остановилась, собираясь с духом.

— Вы где? — снова окликнул ее голос.

— Все еще здесь. Нашла окно и сейчас попытаюсь к нему пробраться.

Пока собиралась с духом и отвечала своему невидимому собеседнику, ей вдруг показалось, что впереди на балке лежит какой-то предмет. Это, конечно, могло быть что угодно, но почему-то Фреда была уверена, что это не так.

Ощувив согласие со своим внутренним советчиком, она осторожно ступила на балку. От окна ее отделяло метров пять, от предмета — не меньше трех. Справа и слева — темные провалы.

Едва она начала продвигаться, как сфера погасла совсем, и единственным ориентиром

стал тусклый лунный свет, пробивавшийся между досками в заколоченном окне. Массивная закопченная балка под ногами застонала и задвигалась, как живая. Каждый шаг вызывал вибрацию и покачивание, будто Фреда шла по канату. Но она продвигалась, отгоняя страх и думая о лежащем на ее пути предмете. Дошла до него, ведомая уверенностью в правильности своих действий, нагнулась, подняла, на миг ощутив холодную твердость и гладкость металла, не глядя, сунула находку в карман и пошла дальше.

Через пару секунд, уцепившись за раму, выбила доски при помощи молотка и, перебросив одну ногу наружу, поставила ее на карниз и прокричала:

— Эй, вы! Я уже здесь! Что дальше?

Охнуть не успела, как ее подхватили чьи-то крепкие руки, сдернули с карниза, и через миг она уже стояла на твердой земле за пределами забора.

У Фреды даже голова закружилась от неожиданности.

— Оу! — выдохнула, почувствовав под ногами землю, а на лице — дуновение ночного ветра.

Её качнуло, и она машинально уперлась руками в грудь того, кто стоял сейчас перед ней. Подняв голову, увидела очень высокого, широкоплечего парня. Совсем молодого и ослепительно красивого. Его пронзительные льдисто-голубые глаза смотрели на нее с нескрываемым интересом. Фреда смутилась и недоуменно заморгала.

— Почему так смотрите на меня? — спросила она, отступая от него на шаг.

Парень промолчал, продолжая открыто разглядывать ее, на его красивом лице не дрогнул ни один мускул, а Фреда отступила еще на шаг.

— Эй, да вы... вампир! Потому и в дом не могли зайти! — воскликнула она, оглядывая его.

— А вы человек. И знаете про вампиров, — отозвался незнакомец. — И, кажется, не особо шокированы.

— Знаю. И шокировать меня уже сложно. А как вы меня оттуда спустили вниз? — спросила она, указав на карниз третьего этажа. — Вы умеете летать?

Незнакомец, сохраняя совершенно серьезное лицо, кивнул.

— Умеете летать?! — переспросила она, не веря. — Прямо какой-то десмод...

Парень вскинул светлые брови:

— Как вы меня назвали?

— Десмод. Вид летучих мышей-вампинов, — пояснила Фреда и тут же спохватилась, виновато улыбнувшись: — ой, простите, не подумала... Просто ассоциация, понимаете — вампир, летаете как Бэтмен, вот и... Еще раз простите, я просто устала, мне надо ногу перевязать, вот и болтаю от избытка впечатлений...

Вампир усмехнулся.

— Вас послал Вагнер? — спросила она и тут же осеклась, решив, что не стоило упоминать Вагнера первой.

Незнакомец медленно отвел глаза от ее лица и скользнул взглядом по порванной штанине. Затем также медленно оглядел девушку с ног до головы. Фреде стало совсем не по себе, когда она увидела, как на его лице сначала отразилось недоверие, затем неприятие, затем удивление и... Гнев?

Не понимая природу всех этих эмоций незнакомца, она разнервничалась.

— Кто такой Вагнер? — спросил парень.

Фреда нахмурилась, быстро обернулась, словно выглядывая кого-то.

— Я просто думала, что вас послали за мной... — пробормотала неохотно.

— А вы здесь шныряете ночью по своей воле или по чьей-то прихоти? — поинтересовался ее спаситель.

— Сложно объяснить... — уклончиво ответила Фреда. — А что вы делали на крыше?

— Люблю прошвырнуться по крышам.

— Ясно. Я так и подумала: какой вампир не любит гулять ночами по крышам, — рассеянно проговорив, похлопала себя по карманам и поморщилась словно от досады. — Знаете, мне бы нужно срочно позвонить, но мой телефон разбит, и я не знаю, как быть.

— Очень просто, — отозвался незнакомец, — от вашего телефона что-то уцелело? СИМ-карта сохранилась?

— Думаю, да! — воскликнула Фреда. Она извлекла осколки прибора из кармана джинсов и нашла среди них СИМ-карту. — Вот!

Вампир вытащил свой смартфон и вставил в него карту Фреды.

— Звоните.

Регент ответил сразу же.

— Заберите меня, — проговорила она, — и поскорее.

Регент не стал ничего спрашивать, велел ей ждать у шоссе и обещал появиться очень скоро.

Фредерика повернулась к незнакомому вампиру.

— Спасибо, вы меня спасли. Не знаю, как бы выбралась, если бы не вы.

Он снова внимательно оглядел незнакомку, задержал взгляд на ее растрепавшихся, взъерошенных волосах. Фреда инстинктивно провела рукой по непослушным прядям, пытаясь их укротить. С волос тут же посыпалась какая-то пыль.

— Выбрались бы, — почему-то уверенно заявил вампир. — А можно узнать имя спасенной мной отчаянной леди?

— Фреда. Фредерика, — ответила она, — а ва...

Но, не успев договорить, Фреда замолчала. Пораженная, она смотрела, как, услышав ее имя, вампир отшатнулся, словно от прокаженной, и мгновенно исчез с глаз, растворившись в темноте.

— Не фига себе... — выдохнула изумленно, — мир окончательно сошел с ума. И заключила: — А вампиры так и вовсе чокнутые по своей природе...

... Лео смотрел на нее и не верил своим глазам.

Не может такого быть, не должно быть. Но вот она, стояла перед ним, являя собой прямое подтверждение, что все в этом мире возвращается на круги своя. Мир замкнут, как арена цирка, как гончарный круг, как колодец, из которого не выбраться.

Высокая, стройная, длинноногая, с оливковой кожей и целой копной непослушных пепельно-русых волос. Когда он подхватил девушку из окна и на долю мига прижал к себе, то ощутил ее запах — неповторимый микс согретой солнцем чистоты и свежести цветущего апельсина. Запах жизни, юности, здоровья и природной привлекательности.

Аромат был похож и не похож на тот, другой, который он тщетно пытался вспоминать реже, но ни за что не хотел бы забыть совсем.

Эта девушка была другой, но все же он многое сразу узнал в ней. Узнал и не захотел поверить.

Когда она посмотрела на него, он чуть не потерял дар речи, встретив взгляд ее глаз.

Ярких, необычных, дымчато-зеленых. Такие глаза он видел лишь однажды в своей долгой жизни. У Джейка Келли.

А потом она что-то говорила про летучих мышей и улыбнулась ему, смешно наморщив аккуратный нос. Точно так, как делала Мэдисон...

Спросив имя девушки, он уже не сомневался ни в чем.

Дочь Мэдди. Много лет назад он сделал все, чтобы дети его погибшей возлюбленной забыли данные им при рождении имена, свои сущности, прошлое, свою мать и его с Тайлером. Так он пытался спрятать их, осиротевших, укрыть от опасности и дать им шанс на нормальную жизнь.

Но мир повернулся, и всё снова готово безжалостно замкнуться на том, что, казалось, ушло безвозвратно.

*Утиный тест — шуточный тест на очевидность происходящего.

Глава 9. Приумножая печали

Приумножая печали

"Чудес не бывает, а есть та или иная степень знания"
(Антарова К. «Две жизни»)

Они ехали по ночному городу. Фреда так устала, что, едва оказавшись в машине, без сил откинулась на спинку кресла, прикрыла глаза и поняла, что даже ворочать языком ей сейчас тяжело.

Будто почувствовав это, Регент не тревожил ее.

— Почему вы ни о чем не спрашиваете? — наконец проговорила Фреда.

— Нелегко пришлось? — Кажется, крылья его носа дрогнули, словно он втягивал воздух.

— Да что вы, мне не привыкать! Всего лишь провалилась сквозь пол, отбив все печенки, поползала по подвалу в крошечной тьме, выбралась наверх через шахту лифта и прошла квест на сгоревшем этаже. Так что ничего особенного... — скривилась она.

— Я знал, что у вас все получится, — самодовольно заметил Вагнер.

— Еще бы. Я в себе тоже не сомневалась.

— Ну, а теперь разве не ваша очередь задавать вопросы? — поинтересовался Регент.

Фреда хмыкнула, стащила перчатки, пошарила в кармане кожаного плаща и извлекала свою находку. Она еще сама толком не видела предмет, который нашла в доме и сейчас с любопытством и замешательством разглядывала его.

Краем глаза Фреда заметила, что Вагнер быстро повернул голову в ее сторону и также быстро отвернулся. Ничего не сказав, он продолжил следить за дорогой, хотя она не сомневалась, что вампир обратил внимание на то, что было у нее в руке.

На ладони Фреды лежал круглый предмет из серебристого металла. Сантиметров семь в диаметре, слегка выпуклый, идеально гладкий — на поверхности не было ни царапин, ни потертостей. Он напоминал... миниатюрную сковороду вок. Такая имелась в хозяйстве Фреды, она часто готовила в ней кисло-сладкую свинину и овощи с рисом.

На предмете не наблюдалось никаких узоров, символов, внезапно проявляющихся таинственных знаков, свечения и прочей "волшебной" ерунды.

Фреда повертела кругляш в руках, пожала плечами и, разочарованно вздохнув, сунула находку обратно в карман.

— Кажется, вы растеряны, но, тем не менее, у вас действительно все получилось, — подал голос Вагнер.

— Хотите сказать, эта штукавина и есть то, что вам нужно?

— Эта штукавина то, что вам нужно.

— Мне? И что это за... чашка?

— Не чашка. Вы нашли Custos. Ваш Хранитель, — сказал Регент.

— То есть это что-то вроде оберега или талисмана?

— Не совсем. — Вагнер повернулся к спутнице. — Мы приехали. Давайте я поясню вам все чуть позже, когда вы приведете себя в порядок и отдохнете.

Фреда встрепенулась и посмотрела в окно внедорожника — они уже въезжали в просторный и почти пустой подземный гараж. Как же она так снова проглядела, куда они приехали? Ведь хотела же проследить за дорогой, чтобы хоть приблизительно понять, где расположено место, в котором отныне она обитала!

— Скажите, Вагнер, где мы все-таки сейчас находимся? — решила спросить напрямик.

— В Праге, — коротко ответил Регент, выходя из машины. Он вытащил ключи из замка зажигания и ловко, немного по-позерски, перехватил их, с небрежным изяществом вскинув кисть руки.

Наблюдая этот совсем человеческий жест, Фредерика невольно засмотрелась на руки вампира. Крепкие, с длинными сильными пальцами, по-мужски красивые. Такие руки могли быть, например, у скульптора или хирурга.

Невольно воспринимая Вагнера как некий "неодушевленный" объект, Фреда упорно смотрела на него, как на нечто ирреальное, отстраненное, к чему не хотелось приближаться, прислушиваться и вообще иметь с ним какие-либо дела. Правда, его, как вампира, и так с трудом можно было причислить к... одушевленным. Вагнер был для нее чем-то вроде Голема, способного двигаться и говорить, но не живого, таящего неотвратимую угрозу, и совершенно непредсказуемого. Человекообразный, но не человек. Постоянно невозмутимый, непроницаемый и холодный, как серая скала. А сейчас этот жест...

Пока они молча шагали к лифту, Фреда думала о своем сегодняшнем спасителе. Еще один вампир, которого она повстречала за последнее время. Он помог ей, практически спас, заинтриговав своим появлением и внезапным исчезновением. Его совсем молодое и невероятно красивое лицо не было застывшим, как у Вагнера. Она заметила проносившиеся тенью эмоции и непонятные ей, но вполне "живые" чувства, мелькавшие в ярких голубых глазах.

Фреда поморщилась, прогоняя дурацкие мысли. Не стоит допускать, чтобы оболочка самосохранения и разумного недоверия истончалась под воздействием обманчивых выводов и необъяснимых, противоречивых предположений. Они сбивали с толку, становились помехой. И она ничего не станет рассказывать об этом таинственном вампире Вагнеру.

Если судьба сложится так, что ей придется какое-то время существовать среди всей этой излишне самоуверенной нежити, то стоит научиться воспринимать их более отстраненно, не позволяя морочить себе голову, сравнивая с людьми.

Они не люди, хоть и были ими когда-то. А вот себя она по-прежнему считала только человеком, кто бы и что там ни говорил.

Голос Вагнера вернул Фреду к действительности, когда вампир остановил ее в холле:

— Поднимайтесь к себе и отдохните как следует. В вашем распоряжении остаток ночи и целый день, а вечером спускайтесь в библиотеку. Там и поговорим. — Регент окинул девушку хмурым взглядом с ног до головы. — И не забудьте обработать рану. В вашей ванной есть все необходимое.

Сказав это, он исчез в одном из арочных проемов.

"Голем" растворился в лабиринтах загадочных чертогов, а Фреда поднялась в свою "темницу". Эти апартаменты буквально можно считать темницей, ведь окна в них были лишь имитацией. Как же хотелось сейчас посмотреть на ночной город, увидеть свет, горящий в окнах жилых домов, фонари на улицах, светящиеся витрины магазинов. И людей, простых людей, шагающих куда-то по тротуарам. Словом, все то, что олицетворяло

привычную жизнь, соединяло с миром живых и напоминало о том, что скоро Рождество...

Всего через пару недель наступят те самые волшебные дни, которые всегда так приятно ожидать, к которым хотелось готовиться, следуя традициям. Но, скорее всего, это Рождество она встретит запертая неизвестно где и непонятно с кем, чувствуя себя совершенно одинокой и растерянной. Если вообще еще будет существовать, а не падет жертвой каких-нибудь паранормальных экспериментов "вампирской мафии".

Почему-то мысль не напугала, а оставила почти равнодушной. Словно, постепенно смиряясь с новыми обстоятельствами существования, Фреда незаметно, инстинктивно подавила что-то в своей душе, и это "что-то" успело истлеть и остыть. Во всяком случае, ее здоровый скептицизм точно слегка приболел и ослаб настолько, что она уже почти верила, что окунулась в мир необъяснимого, но, тем не менее, вполне реального. И понимала, что будет стараться здесь выжить.

Сейчас вымотанной приключениями Фреде просто хотелось принять душ, что-нибудь перекусить и завалиться спать.

И опять рваные джинсы отправились в корзину для грязного белья. Снова горячая вода смывала усталость с тела и грязь с кожи и волос. Обработав антисептиком и заклеив пластырем довольно глубокую царапину на ноге, девушка съела большой, наспех сделанный сэндвич, выпила стакан холодного сока. Прodelав все это автоматически, с полужакрытыми от усталости глазами, Фреда, наконец, нырнула под одеяло. Уже засыпая, она вдруг встрепенулась, словно вспомнила что-то очень важное, сбросила одеяло и помчалась в гостиную.

Достав из кармана кожаного плаща найденный в заброшенном доме предмет, крепко зажала в руке и снова вернулась в спальню.

Не выпуская Хранителя из пальцев, она уснула прежде, чем голова коснулась подушки.

...Фреда ощущала легкое головокружение, слабость и ломоту во всем теле, но выспалась, отдохнула и в целом чувствовала себя неплохо. Уже не удивилась, обнаружив на диване в гостиной аккуратно сложенную новую одежду. Не раз, задаваясь вопросом, кто заходит в ее закрытое изнутри жилище, когда она спит или принимает душ, Фреда решила, что пришло время задать все эти вопросы Регенту.

Коридоры странного здания больше не представляли собой непроходимый лабиринт, и она без приключений добралась до библиотеки.

Там никого не было, но огонь в камне уже всю пылал, даря обманчивое ощущение уюта и безопасности. Фреда огляделась, прошла вдоль стен с книжными шкафами, возвышавшимися до самого потолка, с уважением провела рукой по корешкам книг, задержалась возле полок с классической литературой: Шекспир, Вордсворт, Скотт, Бернс, По, Коллинз. Между огромным количеством томов с сочинениями Диккенса был замечен промежуток. Именно отсюда, скорее всего, взяли и принесли ей две книги этого автора — "Холодный дом" и "Тайна Эдвина Друда".

Фреда опустила руку к карману новых джинсов и коснулась лежащего там Хранителя, как его назвал Регент. Почему-то решение постоянно держать этот предмет при себе она уверенно сочла разумным и рациональным желанием, хотя природа этой уверенности оставалась для неё необъяснимой.

Создавалось впечатление, что ее сознание и воля теперь прислушивались к каким-то, ранее недоступным пониманию величинам. Не подчинялись, а именно прислушивались, с терпением и почтением.

Она точно знала, что предмет, именуемый Хранителем, должен быть при ней, чем бы он на самом деле ни был, и понимала, что в разговоре с Регентом не следует упоминать о том вампире, что помог ей выбраться из странного дома.

Разглядывая книги, она раздумывала и размышляла, пробовала на вкус новые ощущения.

Существует ли в этой реальности что-то вроде обратной дороги к самой себе? Или есть только новый путь, по которому ей нужно двигаться вперед, хотя все впереди вызывает сплошные сомнения, недоверие и вообще покрыто мглой? И эта мгла пугала, как темнота, накрывшая девушку в лабиринте коридоров или в подвале старого дома. Развеять ее помог "путеводный свет", который — и Фреда теперь верила в это — она создала сама.

— Можете брать какие угодно книги, — раздался позади нее голос Регента.

Фреда резко обернулась.

— Вы нарочно все время подкрадываетесь? — раздраженно бросила она.

— Ни в коем случае. Просто таковы проявления натуры, многовековой привычки и необходимости, — заявил Вагнер.

Вампир прошел в помещение и занялся своим, похоже, любимым делом: принялся ворошить кочергой огромные пылающие поленья в камине. Пламя, как живое, "глотнуло" кислорода, жадно облизало затрещавшие дрова с еще не прогоревших сторон и вспыхнуло с новой силой.

Фреда прошла к диванчику у камина и опустилась на него.

— Кто заходит ко мне в комнату сквозь закрытые изнутри двери? — спросила она.

— Вас это пугает? — отозвался Регент.

— Мне это не нравится.

— Понимаю.

— И это все, что вы можете ответить? — вскинулась Фреда.

— Вас стараются лишний раз не тревожить, обеспечивая максимальный комфорт пребывания здесь.

— Хм... Вывернулись. Расскажите мне о Хранителе или как вы там еще его называли?

— Custos. Он называется Custos, — отозвался вампир. — Расскажите, как и где именно вы его нашли? — в свою очередь спросил он, игнорируя требование Фреды.

Она уставилась в спину вампира. Непросто будет вытянуть из этого "Голема" то, что хотелось узнать. В конце-то концов, если ему можно быть напористым и поворачивать беседу туда, куда вздумается, то и она станет поступать также.

— Вы сказали, что этот Custos предназначен мне, — не сдавалась Фреда. — Почему?

— Он ваш и только ваш. Так как вы его нашли? — гнул свое Вагнер.

Он повернулся к Фреде и застыл перед ней в своей излюбленной позе: прямой как столб, руки за спиной, голова гордо вскинута.

И только сейчас она обратила внимание, что на Вагнере нет привычных темных очков. Он смотрел на сидящую Фреду с высоты своего роста, глаза полуопущены, и потому их фантастического сияния не было сейчас заметно. Встопорщенные в художественном беспорядке волосы придавали ему, как ни странно, не только дерзкий и слегка вызывающий, но и величавый вид. А отменно сидящие на узких бедрах темно-серые брюки без единой морщинки и явно дорогой черный кашемировый пуловер больше подходили образу эдакого высокомерного зануды-педанта.

— Откуда вы знаете, что этот Custos мой? — продолжила контрнаступление Фреда.

— Его нашли вы, значит, он только ваш.

Выражение лица Регента не изменилось, но его брови слегка дрогнули, едва заметно сойдясь к переносице.

— Я понимаю вас, — опускаясь в свое кресло, заметил он, — вам надоели тайны и загадки. Но я ничего не смогу вам объяснить, пока не узнаю, как именно вы нашли этот предмет.

— Но что он означает? Почему я нашла его?!

— Ответ мой будет тем же, пока я не услышу ваш рассказ, — отрезал Вагнер.

Теперь Фреда смотрела прямо в его глаза и видела завораживающее мерцание радужки цвета индиго. Заметила, что белки его глаз были яркими, чистыми и слегка отливали голубоватым. От этого глаза особенно четко выделялись на неподвижном, невозмутимом лице вампира, притягивая взгляд.

— Почему вы сняли очки? — выпалила Фреда.

— От вас мне уже нет необходимости прятать глаза, — не колеблясь, ответил Вагнер. — Итак, Фреда, как вы это нашли?

— На третьем этаже дома, в его наиболее пострадавшей от пожара части. В одной из комнат, в которой почти не было пола, этот предмет лежал на уцелевшей балке. Мне пришлось пробираться по ней, как по мосту над пропастью.

— Это все?

— А что еще? — дернула плечами Фреда. — Я бродила по чертову дому, рискуя переломать ноги и свернуть шею. Искала в темноте неизвестно что и набрела на эту штуковину. Больше ничего интересного мне не попало.

— Вы рассказываете не все, — чуть повысил голос Регент.

— Ах, да, но осталась сущая чепуха, не стоящая внимания. Я провалилась в подвал, разбила фонарик, поранила ногу, сотворила из ничего светящуюся сферу, которая освещала мне дорогу. Выбралась из подвала через шахту допотопного лифта, на третьем этаже увидела призрака, который вроде бы пытался мне что-то показать. Потом пролезала через обгоревшие обломки, пока не добралась до комнаты, где нашла Хранителя и, наконец, смогла вылезти из этого проклятого дома через заделанное хлипкими досками окно, — поведала скороговоркой.

— Вы выбрались через окно? — переспросил Вагнер.

— Да. Иначе никак. Спускаться по лестнице было опасно, один раз она уже провалилась подо мной. А лезть в шахту лифта мне как-то больше не хотелось.

— Как же вы спустились на землю?

— Да что за вопросы?! — искренне возмутилась Фреда. — Усадьба забрана строительными лесами, разве вы не в курсе? Они хлипкие, но мне удалось спуститься по ним довольно низко. Потом я просто прыгнула на землю. Там было не так уж и высоко. Правда, я все равно приземлилась не очень удачно, разбила телефон. Хорошо, хоть, стоя на карнизе, успела вам позвонить. Но, по крайней мере, после падения в подвал мне весь этот "промышленный альпинизм" не казался таким уж пугающим.

— Да, телефону не повезло. А вот вы весьма ловкая девушка, — заметил вампир, окинув Фреду серьезным взглядом, — занимались спортом?

— Никогда, — отрезала та, — ну, разве что ходила в бассейн, когда выдавалось свободное время. Но я от природы очень ловкая, когда это требуется.

— Хм. — После этого хмыканья, полного сомнений, Вагнер сделал паузу, которая явно затянулась.

— Хм, — снова хмыкнул он и сдержанно добавил: — что ж, наверное, так и должно было быть.

— А поточнее? — теряя терпение, проговорила Фреда.

— *Custos entitatem* — хранитель сущности. Вот как называется то, что вы нашли, — тут же отозвался Вагнер. — Предмет, который может обнаружить и взять только тот, кому он предназначен.

— Но почему этот предмет был именно в том доме?

— Он мог появиться где угодно. Подобные предметы порождает не место, а эмоция, энергетика потенциального владельца. Мы поехали в этот дом. Согласитесь, там царит весьма необычная атмосфера, способствующая определенному настрою. Для вас это стало довольно рискованным испытанием в безлюдном мрачном месте. При этом вы переживали определенные, очень уместные эмоции, ваш инстинкт самосохранения включился на полную, и у вас была цель: отыскать что-то и выбраться поскорее. Хотя вы и не знали, что именно ищете. Совокупность всех переживаний сделала свое дело, и ваш *custos entitatem* явился там.

— Явился?

— Именно. Другого определения здесь нет. Считайте, что в самом деле прошли серьезный квест.

— Все это действительно больше похоже на игру, чем на реальность, — пробормотала Фреда.

— А о призраке вы сказали правду?

— Представьте себе, — мрачно ответила она, — или все же у меня были галлюцинации. В воздухе витало столько пыли, что в сиянии сферы могло показаться что угодно.

— Что же он показывал вам, этот призрак? — поинтересовался Регент.

— Я даже не уверена, что именно видела. Какие-то полупрозрачные очертания фигуры, и было похоже, что она указала мне направление, куда идти. — Фреда вздохнула и повторила: — Хотя я в этом совсем-совсем не уверена.

— Вы сказали "она"?

— Мне показалось, что силуэт был женским, — отозвалась уныло и неохотно.

— Возможно, все именно так и было, — кивнул Регент.

— Пусть так. За последние дни это не самое странное, что мне довелось увидеть и узнать. А теперь скажите, для чего мне нужен этот Хранитель сущности? Что мне делать с ним?

— Каждый *custos* является только тому, кому предназначен, в свое время и в самых разных местах, определить которые заранее невозможно, — пояснил Вагнер. — Любой из Хранителей, а их существует немало, служит для того, чтобы воссоздать то, что было нарушено или утрачено вследствие сверхъестественного вмешательства. Это вовсе не означает, что он способен помочь восстановить ампутированную конечность или отрастить отрезанные волосы. Он не сможет обнаружить украденные ценности или сбежавшего любовника.

Каждый нашедший свой и только свой *custos* становится цельным, обретая в себе то, что было сокрыто или поглощено каким-то внешним воздействием, как правило, магическим. *Custos* выявит это, восстановит гармонию, делая сокрытое единым целым с носителем, и станет оберегать воссозданную сущность. Вам нужно носить его с собой и беречь так же, как он будет беречь вас. Не теряйте, не продавайте, не меняйте, никому не давайте и нигде не

забывайте его. А еще лучше — никому о нем не рассказывайте и не показывайте. И не давайте к нему прикасаться.

— Хотите сказать, что меня когда-то заколдовали? — внимательно выслушав, недоверчиво проговорила Фреда.

— Что-то вроде того, — отвечивал Регент.

— И вам уже, конечно, известно, какова моя настоящая сущность? — Она усмехнулась, невольно прижимая ладонь к карману, в котором лежал слегка выпуклый металлический круг.

— Уверен в том, — задумчиво ответил Регент, — что вы обладаете сверхъестественными способностями. Но мне еще не вполне ясно, какими именно. Вы очевидный носитель магии и уникальных свойств, но вот проявляются они у вас весьма своеобразно. В музее, когда на вас напал вампир, вы, судя по всему, неосознанно проявили уникальный дар, который имеется только у вампиров — обладателей древнейших знаний магии крови. Я — один из таких вампиров, поэтому знаю, о чем говорю. Но вы не вампир. Необычно видеть живое существо, обладающее подобными свойствами...

— Существо? Не называйте меня "существом"! — возмутилась Фреда.

— Я уже говорил вам: вы человек лишь отчасти, — спокойно ответил Вагнер.

— Да откуда вам это известно?! — все больше злилась Фреда.

— Ваша кровь, — отозвался вампир. — Уж поверьте, я способен отличить кровь обычного человека от крови иных существ. Или полукровок. И для этого мне не нужно ее пить, так что не делайте снова круглые глаза.

Вагнер изобразил нечто вроде кривой ухмылки, поднимаясь с кресла, и прошел в дальний конец комнаты. Вернулся, держа в руках довольно объемный том в потертой кожаной обложке, и снова сел на место.

— Вот. Возьмите, почитаете в спокойной обстановке, — сказал он, небрежно кладя книгу прямо на колени Фреде. — Это исторические хроники, написанные понятным для начинающего изучать магию крови, языком. Воспринимайте это чтиво, как некий научно-популярный труд. Пока вам хватит, потом перейдете к чему-то более сложному и глубокому. Поясню для начала следующее: вы применили в музее один из самых опасных для вампира ритуалов, с Древнего языка его название переводится примерно как Кровавый котел. При прикосновении кровь в теле закипает в буквальном смысле и жертву разрывает на кровавые ошметки. Кстати, эта способность может действовать не только на вампиров, но и на людей и других существ.

Фреда вздрогнула и уставилась на Вагнера испуганными глазами.

— Я не хотела никого убивать... — тихо проговорила она, — никогда в жизни ни о чем таком и не помышляла...

— Знаю, — ответил вампир, — вот потому-то и говорю в который раз, что ваше пребывание здесь — самое правильное решение. Пока мы не будем точно уверены, как и почему у вас запускается механизм, в результате которого проявляются ваши способности, вам лучше оставаться здесь. Это наиболее безопасно для вас и окружающих.

— Но вы отпускали меня уже! — воскликнула Фреда — Отвезли домой, зная, что меня ищут, и позволили полиции забрать меня. Я понимаю, что сделали вы это намеренно, но вдруг я бы и там проявила эти свои способности. Кровавый гуляш из копов — представляете себе?!

— Все так. Но вряд ли вы смогли бы навредить полицейским, — отозвался Вагнер.

— Почему это? Вы же говорите, что это действует и на людей?

— Я почти уверен, что ваши способности инстинктивно проявляются тогда, когда вы чего-то боитесь или вашей жизни угрожает опасность, — уверенно сказал вампир. — Но! И страх, и опасность должны быть вызваны чем-то сверхъестественным. Поначалу это было лишь предположение, но ваше взаимодействие с полицией это некоторым образом подтвердило. Вы были напуганы и очень взволнованы, но ничем никому не навредили.

— Вы отправили меня домой, к людям, чтобы проверить ваши предположения? А если бы вы ошиблись, и я разнесла бы всех, с кем успела столкнуться?!

— Но ведь не разнесли. И я не ошибся, — спокойно ответил Вагнер.

— А злость? Ярость? Ненависть? Эти чувства могут вызывать к действию мои способности? — гневно цедя слова, поинтересовалась Фреда.

— Судя по всему — нет, — отозвался вампир, — и наша с вами беседа тому доказательство. Вы злитесь на меня, но не боитесь. От меня не исходит угроза, вы это ощущаете инстинктивно. Здесь вы в безопасности. А вот то, как вы все это чувствуете, является особенно любопытным. Таких сильных сенсоров, как вы, я встречал от силы парутройку за все свое немалое существование.

— Сенсоры?

— Да. Наиболее восприимчивые, чувствительные натуры, которые очень тонко умеют ощущать окружающее пространство и сокрытые в нем, самые слабые и незначительные проявления магической энергии, — пояснил Регент. — Похоже, что ваша сенсорика особым образом настроена именно на враждебную магию, и тогда включается ваш защитный механизм. Судя по всему, сами вы не обладаете активной магией, но в вас явные задатки контрмага. Вы ощущаете магические проявления, направленные на вас, и уже их преобразуете в активные действия в момент угрозы вашей жизни или когда пытаетесь справиться с иррациональным, необъяснимым страхом. Вспомните напавшего на вас в музее, огненный шар, который я метнул в вас в покоях Крауса, а вы, защищаясь, "отослали" его обратно. А файерболы, поверьте, весьма непросто пасовать обратно. Вспомните темные коридоры, подвал в доме и вашу светящуюся сферу. Вспомните иллюзию провалившегося пола здесь и то, как вы приказали себе не видеть этого. Вы умеете уловить магическую энергию извне и трансформировать ее в активное противодействие. Пока это у вас происходит неосознанно, инстинктивно, но этим можно и нужно научиться управлять.

— Это все, что вы можете сказать обо мне? — почти успокоившись, тихо спросила Фреда.

— Еще я могу сказать с уверенностью, что в вас есть частица крови ведьмы или колдуна и какого-то существа, способного менять форму. Возможно, ликантропа или перевертыша. И тот, кто заставил вашу сущность "заснуть", сделал это, прибегнув к помощи сильной и древней магии. Возможно, был применен ритуал на витэ — крови вампира, что каким-то образом пробудило в вас несвойственные живым способности Мага крови. — Пристальный взгляд Вагнера удерживал на месте, не давая Фреде вскочить и взволнованно забегать по комнате.

Но она вроде бы даже и не собиралась волноваться. Лишь мрачнела с каждым мгновением и неотрывно смотрела на вампира потемневшими глазами.

— Наместник Краус усмотрел в ваших действиях нечто враждебное по отношению к нам. И вы все еще находитесь в статусе подозреваемой по нашим законам, а меня обязали отвечать за вас и все ваши деяния. Это так, к слову. Если вы вдруг забыли.

— Мои деяния! — фыркнула Фреда. — Ничего я не забыла, — добавила она, борясь с порывом обрушить на голову Вагнера тяжеленную книгу, лежащую у нее на коленях.

— И вы должны знать кое-что о владеющих Магией крови. Мы все считаемся опасными колдунами, изгоями в своем мире. Нас боятся и нам не доверяют. Нам льстят, нас шантажируют или пытаются подкупить, чтобы, так или иначе, переманить на свою сторону. А нередко стремятся убить, чтобы убрать с пути раз и навсегда. Мы пребываем в постоянной готовности дать отпор. Чаще всего именно наши собраты, непонимающие нашей природы, и оказываются нашими врагами. Однако спешу вас утешить: нас боятся и мечтают уничтожить, но с нами считаются и чаще всего не рискуют связываться, — заключил вампир.

Фреда какое-то время молчала, размышляя, и, наконец, тихо произнесла:

— Вот уж поистине "Многие знания преумножают печали"...

Неожиданно застывшее лицо Вагнера неузнаваемо изменилось, и Фреда, пораженная, поняла, что он улыбается. Улыбка "Голема" была мягкой, искренней, почти теплой, пока не обнажились его удлинившиеся белоснежные клыки.

Еще одно доказательство его природы и вряд ли бугафорское...

— Добро пожаловать в мой мир, Фреда. Вы теперь почти одна из нас, и на данном этапе эта Цитадель в Праге — ваш дом и ваше убежище, — сказал он.

— Спасибо за сомнительные разъяснения, слабые утешения и предоставленное убежище, но это ваш мир и только ваш.

Фреда поднялась с дивана и быстро подошла к камину.

Ей вдруг стало так холодно и неудобно, что даже жар, идущий от пылающих поленьев, оказался недостаточным, чтобы хоть чуточку согреться. Она обхватила себя руками и дрожала, едва сдерживая стук зубов.

— Послушайте, Вагнер, — повернулась она к вампиру, — не знаю, способны ли вы еще понимать тонкости человеческого восприятия, помните ли еще слабости людей и то, как они ощущают этот мир и происходящее в нем, но то, что вы мне сейчас наговорили, пока никак не хочет укладываться в моей голове. Все настолько чуждо, нереально, и мне трудно, а точнее невозможно, в это поверить. Все это так...

— Противоестественно и неправдоподобно. Понимаю, — отозвался Вагнер. — Вам нужно время и еще что-то, чтобы осознать. Пусть и не принять, но хотя бы начать считаться с вероятностью того, что такое возможно. Дайте шанс произойти этому.

— Как?! — воскликнула Фреда. — Это совсем иное измерение, в котором я и дышу-то с трудом... Мне и сейчас упорно кажется, что вы меня дурачите. Вот только для чего...

— Я не дурачу вас. В этом нет никакой необходимости. — Вагнер поднялся со своего кресла и приблизился к собеседнице. — И в достаточной мере представляю, что чувствуют люди, попадая в странные и опасные обстоятельства. Поэтому я с вами не стану спорить и ни в чем больше не буду убеждать, а предоставлю возможность во многом разобраться самой, — заявил вампир.

— Как великодушно с вашей стороны, — с невеселой иронией проговорила Фреда.

— Не стоит благодарности, — в тон ей отозвался Вагнер. — Эрцгерцог вызывает меня для доклада о том, как обстоят дела с вами, — вдруг без перехода добавил он.

— И как со мной обстоят дела? Что вы скажете ему? — поинтересовалась равнодушно, не отрывая взгляда от пламени в камине.

Вагнер был довольно высок, строен и широк в плечах, но совсем не могучего

телосложения и не столь внушительного роста, чтобы вызывать ощущение исключительной силы и мощи. Однако сейчас Фреде казалось, что вампир навис над ней темной глыбой. Регент ощущался как сгустившаяся тень, фрагмент тьмы. Фреда почувствовала внутренний холодок, словно в ее самообладании образовалась брешь, через которую проникает страх, делая уязвимой, слабой и покорной.

— Не все так просто, — ответил вампир.

— Да кто б сомневался... — пробормотала Фреда.

— Именно, — подтвердил Вагнер, — я подчиняюсь не только Краусу. Надо мной стоят иные крайне влиятельные фигуры. Их мнение и будет решающим.

— Что за "фигуры"? Еще более вампиристые вампиры? — съязвила она.

— Намного более вампиристые, — подтвердил Регент. — Зовутся Аспикиенсами, их трое. Они стоят во главе всех, кто наделен Магией крови, и при этом совершенно обособлены — Краусу практически не подчиняются. Аспикиенсы не вмешиваются в политику, экономику и социальную сферу нашего сообщества. Они наблюдают, анализируют, распоряжаются, следят за выполнением их решений, поощряют и наказывают. От их слова зависит ваша судьба. И моя тоже.

— Инквизиция какая-то, — сказала Фреда. — Вы специально меня запугиваете? Не нужно пытаться сделать меня более покорной и уязвимой. Напрасные старания. Я не из трусливых, как вы убедились, и одинока, как вам известно. Мне нечего терять, поэтому шантаж отпадает.

Произнося это, Фреда с недоверием наблюдала, как лицо Вагнера чуть расслабилось: исчезли тени, залегшие вокруг сурово сжатого рта, взгляд стал менее резким. Он посмотрел на нее... почти ласково, но очень быстро все это скрылось за непроницаемой завесой его привычной невозмутимости.

— Вас пугать — довольно рискованное предприятие, — отозвался вампир. — Я просто посвящаю вас в то, как обстоят дела. Как бы там ни было, но вам необходимо научиться ориентироваться.

— Понятней мне не стало, уж извините, — огрызнулась Фреда. — Что-то мне совсем не приглянулось, что мою судьбу собираются решать какие-то Ас.... пикси... Как вы их там называли?

— Аспикиенсы, или Смотрящие. Хотите — верьте, хотите — нет, но здесь без вариантов. Во всяком случае, позволить решать вашу дальнейшую судьбу Краусу — едва ли не худшая версия из всех возможных, — заметил вампир, понижая голос.

— Почему это?

— Его Светлость очень неравнодушен к разного рода диковинам вроде вас. Страсть наместника — коллекционировать и использовать всех и всё, кто его окружает или попадает в поле зрения, с максимальной выгодой. Хотите иметь дело с Краусом? Извольте. Он вцепится в вас мертвой хваткой.

— Ни с Краусом, ни с вашими этими Ас... Смотрящими, ни с вами я иметь дел не желаю, — решительно заявила Фреда. — Но, если придется выбирать, предпочту тех, кому буду больше доверять.

— И каковы же критерии вашего выбора? — поинтересовался Вагнер.

— Так я вам и сказала. Возьму пример с этих ваших Смотрящих — не вмешиваюсь, наблюдаю, анализирую — а там посмотрим. — Говоря это, Фреда медленно двинулась вдоль стеллажей, ведя рукой по книжным корешкам.

Она не видела, как разгладилось лицо Вагнера, как смягчился и ярче засиял взгляд, неотрывно следивший за ней. И Фреда не заметила, как он сделал едва уловимое движение, подавшись вперед, словно на миг уступил невидимой силе, повлекшей за собой.

Глава 10. Кто ищет, тот найдет

Кто ищет, тот найдет

«Когда одна часть разрушена — рушится все».
(фильм "Ворон")

Леонар Борегар никогда не считал нужным беспокоиться о том, что, преследуя свои цели, он задевал или нарушал чьи-то интересы.

Отказываясь от сделки с пражским наместником Краусом, бизнесмен Борегар обрел в его лице недовольного и уязвленного несостоявшегося клиента. А потом еще одного — в Австралии, когда отказался ехать туда, сославшись на непредвиденные обстоятельства.

Вернувшись в ночь встречи с Фредой к себе в номер, Лео немедленно связался с Тайлером Вудом. Настойчиво звоня своему "закадычному недругу", вместе с которым не раз проходил огонь и воду, на другой континент, он прекрасно помнил про разницу во времени. Услышав, наконец, "мертвый" голос Тайлера, вырванного из плена дневного отдыха, Лео без приветствия проговорил:

— Я знаю, где она.

— Что?.. — недоверчиво переспросил Тайлер после недолгой паузы.

— Она в Праге. Жива и, судя по всему, здорова. Ты уже знаешь это?

— Нет, — быстро ответил Вуд, — информаторы до сих пор так ничего и не смогли толком узнать. Несколько дней назад она жила и работала как ни в чем не бывало, а потом просто исчезла.

— Она как-то связана с местными вампирами, — словно не слушая собеседника, добавил Лео.

— Это также маловероятно, как и наличие у тебя зачатков совести. И ты это прекрасно знаешь, — заявил Тайлер.

— Знаю. Если ты и твои информаторы не вралли мне все эти годы, то так оно и было до недавнего времени, но теперь я уже ни в чем не уверен, — отозвался Лео, и голос его угас. — Скажи-ка, Вуд, что мы тогда натворили? И как могли столько лет сохранять полную уверенность в том, что все было сделано верно?

Глухой голос своего собеседника Борегар услышал спустя долгую паузу.

— Что с тобой, Лео? — с неприкрытым сарказмом поинтересовался Тайлер. — Откуда такой интерес к чьей-то судьбе и к тому, что сделано давно? Каждый раз, получая мои отчеты, ты просил не сообщать тебе ничего, кроме того, что они "живы-здоровы". Ты даже не хотел знать, где они находятся.

— Не хотел! — прорычал Борегар. — Никогда не хотел и сейчас не хочу. Но что-то изменилось. Что-то пошло совсем не так, как должно было.

— Все, что я могу сказать на это, я уже говорил и не раз, — ледяным голосом проговорил Тайлер. — Ты принимаешь решения сам, сам и должен разгребать последствия. Твоя гребаная самоуверенность всегда имела вселенские масштабы. Однажды человеческая девчонка натянула тебе нос и заставила танцевать под свою дудку. Вынудила тебя что-то почувствовать и быть за что-то ответственным. И из-за этого ты злишься на нее, на меня, на

весь свет. А не правильней ли злиться на себя самого?

— Ты читаешь мне нотацию, Вуд?

— Все должно уместиться в рамки твоего понимания, другого ты просто не желаешь видеть, — продолжил Тайлер, игнорируя вопрос Лео и его презрительный тон. — Да, теперь что-то изменилось. Ты знаешь, что девушка жива, а о том, где она находится и что с ней будет дальше, можешь просто не думать и не вспоминать. Живи, как жил, у тебя это получится, всегда получалось. Ты легко и просто вычеркиваешь всех и всё, что мешает тебе двигаться дальше. Справишься с этим и сейчас. И я тоже буду продолжать делать то, что делал. А ты, значит, сейчас в Праге? Да, Лео, порой от судьбы не так-то просто увернуться, и никакая магия не поможет. Правда же? — добавил насмешливо и прервал разговор.

...Какое-то пакостное, въедливое, как вонь от гниющих отходов, чувство заползало под ледяную броню его бессмертной сущности. Гомон голосов, образы, обрывки воспоминаний, полузабытые интонации и ощущения — все слилось в единый поток, который нахлынул, затопил, потянул на самое дно холодного океана под названием "Сомнение".

На этот раз дело было не в коротком общении с Вудом. Их обоюдное недовольство уже давно не являлось чем-то неприятным или требующим постоянного притворства. Они ненавидели друг друга открыто и честно. Вечное противостояние двух вампиров, некогда влюбленных в одну женщину, превратилось в многолетнюю привычку, научило их сохранять взаимовыгодное перемирие и неплохо сотрудничать. Корректно и терпеливо.

Сегодня и сейчас Тайлер оказался прав: Лео злился на себя. С недавних пор сквозь толстый нерушимый слой его убеждений все напористей пыталось пробиться то, что вполне успешно отmetalось на протяжении почти двух десятилетий. Но все чаще убеждения казались вампиру "неубедительными", а совершенное некогда — роковой ошибкой.

Полагаться нужно только на себя. Всегда и везде. Лео выучил этот урок сотни и сотни лет назад и не забывал посей день. Не в его правилах было просить об услугах, о помощи, о чем-то, что не мог сделать или узнать, достать или купить сам.

Не мог сделать или узнать — разведает и научится, нет возможности достать или купить — украдет или отберет. Однако не всегда эти нерушимые принципы были осуществимы собственными силами. К величайшему недовольству, приходилось порой прибегать к услугам кого-то стороннего.

Любая "эпоха перемен" — всегда проклятие для всех, в ней живущих. Вампирам довелось и процветать, и маяться не меньше, чем любым другим существам. Двадцатое и двадцать первое столетия ознаменовались для нежити осознанием, что им еще есть, чему учиться всем вместе и по отдельности каждому. И Лео охотно учился, полезному и не очень. Чтобы знать и выживать в меняющемся мире, который до сих пор не верил в сам факт существования сверхъестественного, но вполне реального.

Профессию компьютерного взломщика Лео освоил по необходимости, когда добывать ценные сведения и ориентироваться в происходящем стало крайне затруднительно. Ушлый в компьютерных вопросах Вуд мог незаметно и без труда забираться в самые труднодоступные базы данных и добывать нужную информацию. Но иногда Лео требовалось узнать нечто, во что он не мог посвящать никого. Пришлось полагаться только на себя и искать возможность самостоятельно осваивать области знаний, раньше казавшиеся ненужными и недоступными для понимания. Но природа не обделила Лео талантами и мозгами, и вскоре вампир по достоинству оценил свой новоприобретенный хакерский навык, находя его крайне полезным, и пользовался им весьма охотно.

...Лео вошел в закрытую вампирскую директорию, защищенную не хуже, чем база данных Пентагона.

Здесь было много интересного и не очень, и где-то хранились сведения о высокопоставленных вампирах, занимавших значимые посты в иерархии. Сейчас Лео требовалась информация о сообществе вампиров в Праге — все, что сможет найти.

Он нашел досье на эрцгерцога, заполненное сведениями, которые могли показаться интересными лишь тому, кто первый раз сталкивается с подобными персонами. На самом деле ничего занятного и полезного здесь не найти, ведь очевидно, что все свои самые заманчивые тайны, грехи и замыслы Краус хранил при себе, не посвящая в них никого, даже самых преданных приближенных. Сам Лео именно так всегда и делал.

Правая рука эрцгерцога, его советник — некто Оз. Серый кардинал, знавший и умевший много больше, чем полагалось по его должности.

Лео почитал о еще нескольких вампирах, занимавших высокие посты в местной иерархии, включая шерифа, некоего Руперта. Судя по его послужному списку и полномочиям, сходство с теми, кто занимал подобные же посты в Новом свете, только названием и ограничивалось. Вместо шерифа его было правильней именовать экзекутором Инквизиции.

Старая добрая Европа.

"А как там девчонка назвала типа, который должен был послать за ней кого-то той ночью? Вагнер, кажется..." — размышлял вампир, забивая фамилию в строку поиска.

Лео ни на миг не забывал недавнюю встречу с Фредой-Леоной.

Она тогда звонила кому-то с его телефона, и номер остался в списке вызываемых абонентов. Попытка выяснить, кто же этот таинственный собеседник девушки, окончилась тем, что Лео получил совсем его не удививший ответ — "данный номер не обслуживается".

Вагнер нашелся сразу, в этом разделе такой был всего один.

Рейнхард Вагнер, семисотлетний вампир, немецко-австрийского происхождения. С 1885 года по настоящее время занимает пост Регента Пражской Цитадели.

Цитадель — закрытый для свободного доступа, особо охраняемый объект, местонахождение которого тщательно и весьма успешно скрывается от посторонних. Там собираются, обучаются и контролируются вампиры, обладающие экстраординарными способностями. Вагнер стоит во главе Цитадели в Праге, при этом подчиняясь кому-то, кого называют Аспикиенсами, а те в свою очередь — высшему органу власти, именуемому Доминис.

О Доминис не нашлось никакой информации, кроме нескольких кратких упоминаний. Перевод с латыни помог сориентироваться в сути. Аспикиенсы — Смотрящие. Доминис — Магистры. Сам этот Орден, зовущийся *Usus sanguinem* (Творящие кровь) и управляемый Доминис, издавна обособленно существовал внутри сообщества вампиров, не подчиняясь никому.

"Вампиры-маги. Это может кое-что объяснить". — Лео отвел взгляд от экрана и задумался.

Зная не понаслышке, что европейские собраты отличаются укладом своего существования от американских, Леонар Борегар, большой отрезок существования проведший в Новом Свете, этими различиями перестал интересоваться. После знакомства с закрытой для большинства информацией разница стала очевидной. Более сложные

расстановки в иерархии, деления на кланы, братства, фамилии и даже секты у европейских вампиров всегда были в порядке вещей и являлись по сути своей откровенным путанным сословным бредом. Даже вполне "традиционные" и принятые повсеместно интриги и закулисная возня здесь выглядели старомодными и отдавали жутким консерватизмом, как застарелой плесенью. Во всяком случае, Леонару Борегару, считавшему себя представителем сообщества вампиров Нового света, все это именно так теперь и виделось.

Когда б еще он стал вникать во все это? Наверное, никогда. Во всяком случае, не стал бы этого делать только из праздного любопытства.

Но как иначе выяснить, каким таким немислимым образом получилось, что дочь Мэдисон оказалась связана с вампирами, и не просто вампирами, а вампирскими магами.

Магия как таковая для Лео была чем-то чересчур сомнительным, не поддающимся контролю, чтобы полностью довериться этому. Но, наблюдая за Мэдисон, за ее необычными способностями, узнавая все больше про тех, кто окружал ее, включая несостоявшихся родственничков-волков и возлюбленного Джейка Келли, Лео все больше утрачивал свой непоколебимый скептицизм. Пересмотрел свои взгляды и признал, что были и есть на свете силы, неподвластные даже его пониманию, но достойные того, чтобы с ними считались.

Появление на свет детей Мэдисон Леонар расценивал не иначе как "сопутствующий ущерб". Он предпочитал думать, что ее связь с Джейком была случайной, вынужденной, продиктованной обстоятельствами, которые подтолкнули их к близости. И только так он смог принять тот факт, что Мэдди могла вступить в отношения, приведшие к столь очевидным и серьезным "последствиям".

Судьба так распорядилась или обстоятельства, но в итоге Мэдисон именно ему доверила свою жизнь и жизни своих детей.

Доверия он не оправдал. Во всяком случае, не в той мере. Всего было недостаточно, не наверняка.

Его омертвевшая за века, упертая и замкнутая на самом себе сущность не позволила вовремя распознать очевидное.

Он еще был способен чувствовать.

Он еще мог любить.

И Мэдди была той самой, которая дала ему это понять.

В какой-то момент Лео перестал сомневаться в своей любви и захотел ответного чувства от Мэдисон. Но упустил из виду тот факт, что исчисляет свое существование совсем иными мерками, чем живой человек. Он прожил одиннадцать веков и мог существовать дальше, неторопливо скользя по этому миру, с огромным опытом, тоннами полезных знаний и умений. Мэдисон же, при всем ее своеобразии, был отпущен короткий человеческий век. И отведённого ей времени хватило лишь на то, чтобы Лео влюбился, понял это и решил признаться.

Но он не стал спешить и опоздал.

Предложить ей быть вместе казалось таким желанным и необходимым. Но неизбежная потеря пугала его, как кол, нацеленный в сердце. Он мог бы обратить ее, но знал — она этого не хотела для себя.

Он потратил на страх и сомнение драгоценное время. Лео поверил в свою любовь и ждал момента, когда смог бы предложить ее Мэдди. Он ни разу не усомнился в своей любви, а с появлением на свет детей Мэдди взял на себя заботу и о них. Он подарил ей пять лет покоя и безмятежного существования.

Что такое эти пять лет для него, прожившего более одиннадцати веков? Но, откровенно говоря, именно этот крошечный отрезок его долгого существования и стал для вампира настоящей жизнью, которой он не жил никогда, даже будучи человеком.

Любимая женщина, крепкий дом, укрытый от врагов и невзгод. И он — защитник и любовник. Для этого он когда-то родился, этого подсознательно ждал века.

Пока с ее гибелью все не рухнуло.

Двадцать лет назад Лео принял решение, результатом которого должно было стать то, что Лео и ее брат после гибели матери начнут свои юные жизни практически с нуля и проживут их как обычные люди.

О том, чтобы взять детей себе и воспитывать их, и речи быть не могло. Это понимали и сам Лео, и Тайлер.

Требовалось сделать так, чтобы дети ни в чем не нуждались, и решение этого вопроса Лео целиком и полностью взял на себя.

Но была задача более весомая, нежели обеспечить осиротевших детей всем необходимым в материальном плане. Их истинная природа полукровок, наделенных экстраординарными способностями, должна быть надежно заблокирована, сокрыта, и они никогда и ни при каких условиях не должны вызвать ненужного интереса ни у людей, ни у вампиров, ни у других сверхъестественных существ.

Чтобы реализовать задуманное, Леонар прибег к услугам ведьмы, владеющей магией в совершенстве. Только после серьезных уговоров и очень весомых "доводов", суть которых Лео скрыл от Тайлера, та дала согласие провести сложный и крайне рискованный ритуал.

Все получилось, и долгое время все было тихо и спокойно. Дети вполне благополучно росли, насколько благополучны могут быть сироты. Они не ведали о том, кем являлись на самом деле, и утратили связь со своим прошлым.

Детям сменили не только имена и место проживания, но и по сути дела изменили их личности, стерев из детской памяти все воспоминания о жизни до гибели матери. Ко всему прочему факт существования двойняшек был изъят из сознания всех, кто знал Мэдисон и видел ее детей. Однако это не затрагивало Лео и Тайлера.

Лео поручил Вуду найти возможность держать детей в поле зрения, наблюдая за ними, и просил лишь кратких регулярных отчетов. Он обеспечил решение всех вопросов финансовой поддержкой. И долгое время все шло своим чередом, без потрясений и изменений.

Но вдруг что-то нарушилось.

Леона-Фреда, которая должна была вести нормальный "человеческий" образ жизни, вместо прогулок с кавалером или посиделок с подругами, общалась даже не просто с вампирами, а с вампирами-магами, и проводила ночи, шныряя по развалинам. А если учесть, что этими же "развалинами" очень интересовался вампирский наместник, то все становилось еще занятнее.

Какие-то неведомые силы стянули прошлое и настоящее в тугой клубок и все сильнее запутывали все нити, составляющие его.

В этом стоило разобраться. За его долгую "не жизнь" Борегар выработал четкий порядок действий, обеспечивающих контроль над самыми разными ситуациями, и он не станет игнорировать этот порядок сейчас.

Лео удалил следы своего пребывания в закрытой директории выключил компьютер. Комната погрузилась в темноту, как только экран, единственный источник света, погас.

Встав с удобного, обитого черной кожей кресла, вампир медленно прошелся по просторному, элегантно обставленному номеру отеля пражского Убежища, и замер, слившись с темнотой и тишиной.

Он чувствовал решимость, охотничий азарт, легкую эйфорию от того, что способен взять ситуацию под свой контроль, не прибегая к участию ни Тайлера, ни кого-либо другого.

Его никогда не изводило чувство вины за то, что он, возможно, недостаточно и совсем неверно "защитил" осиротевших детей Мэдисон. Лео честно признавал, что попросту облегчил собственное существование, сняв ответственность за их дальнейшие судьбы.

Ответ на вопрос "Почему я так поступил?" имелся всего один. Потому что ЕЁ больше нет. А раз нет ЕЁ, то нет и не может быть больше НИЧЕГО и НИКОГО.

Привычной и, чего уж там, куда приятней ощущать себя уверенным в своей правоте, суровым и непоколебимым вампиром, чем тысячелетним упрямым ослом. Малодушным, эгоистичным и безответственным.

Лео не искал оправданий все эти годы. Он позволял себе изнывать от тоски по несостоявшейся и утраченной любви, но делал это тайно, тщательно скрывая изъян, делавший его уязвимым. Он страдал, мучаясь воспоминаниями о Мэдди, но существовал дальше, двигался вперед, веря, что убежал от прошлого навсегда.

А прошлое и не гналось за ним. Оно просто терпеливо поджидало в определенной точке бытия, наблюдая со стороны за траекторией неизбежного соприкосновения во времени и пространстве событий и участников.

Все эти годы Лео хотел закрыть "черную дыру", тянущую назад. Поставить решительную точку и продолжить свое существование с бесповоротным пониманием: то, что ушло — ушло навсегда. Он убеждал себя, что хочет этого и сейчас. Но что-то определенно изменилось.

И теперь настало отправиться туда, где все закончилось, так и не начавшись...

...Через пару дней после разговора в библиотеке Вагнер вручил Фреде черный бархатный мешочек.

— Откройте, — велел он.

Девушка растянула тесемку и вытряхнула на ладонь нечто, показавшееся ей беспорядочно спутанными цепочками из очень светлого, почти белого металла.

— Хм, много-много каких-то цепочек, — проговорила Фреда, разглядывая то, что держала в руке.

— Рассмотрите внимательней, — предложил вампир.

Дальше Вагнер с интересом наблюдал, как Фреда, покрутив в тонких пальцах сплетение металлических звеньев, извлекла из кармашка джинсов свой Хранитель и с помощью несложных манипуляций соединила его и то, что дал вампир. В результате у нее получилась массивная подвеска: прочная, гибкая и гладкая, как тело змеи, цепочка, к которой крепилась узорная, изящно сплетенная из тонких звеньев сеть, в которую Фреда вложила Custos. Цепь стянула сеть сверху, надежно закрепив внутри Хранитель и превратив всю конструкцию в крупный оригинальный медальон.

— Вы быстро справились, Фреда, — в голосе вампира слышалось одобрение.

— Ну, это не такая уж и сложная головоломка, — отозвалась она, проводя пальцами по цепочке и подвеске. — Из чего это сделано?

— Очень прочный сплав, в нем содержатся платина, титан и кое-что еще. Порвать такое изделие почти невозможно. Можете носить это так, как сейчас, а можете превратить в браслет, — пояснил вампир, — или пояс. Все зависит от того, что подскажет вам интуиция.

Позже девушка подробней разглядела подарок Вагнера и поняла, как трансформировать его в те предметы, о которых он упомянул.

Пока же висевший на груди Хранитель казался ей чем-то вроде миниатюрного щита, защищавшего и дававшего покой, направляя свою энергию прямо в центр солнечного сплетения — чакру, отвечающую за мир в душе. Как раз сейчас ей необходимо что-то такое, пусть это и будет только "плацебо".

Она все глубже погружалась в измерения, прежде ей недоступные, и все меньше сопротивлялась, уступая неизвестности, в которую окунулась с головой. Еще пара шагов вперед — и она провалится в новый для нее мир, как рухнула недавно в подвал старого дома. Но теперь она знала, что сможет двигаться вперед, освещая себе путь. И свет этот — часть ее сущности, данная при рождении.

Тем же вечером Регент сообщил ей, что отныне она находится в Цитадели официально на правах адепта.

— Аспикиенсы дали разрешение принять вас, — пояснил вампир. — Сначала на испытательный срок, чтобы присмотреться и оценить ваши возможности.

Вагнер прервался, пристально взглянул на хранящую молчание Фреду и добавил:

— Вы ничего не говорите. Это можно считать смирением?

— Нет. Это просто вежливость, — отозвалась она, — жду, пока вы скажете все, что должны сказать. А уже потом я решу, стоит задавать вопросы и что-то говорить или нет.

— Разумный подход, — согласился Регент. — Хоть вы и не член вампирского сообщества, но статус адепта означает для вас подчинение установленным здесь правилам, — продолжил Вагнер. — Вы не должны покидать Цитадель без моего разрешения, не должны контактировать ни с кем из вашей прошлой жизни. Кстати, эти возможности не просто словесные запреты, они заблокированы и недоступны для вас.

Фреда снова промолчала, сохраняя невозмутимость.

— Вы обязаны соблюдать законы, принятые во всем нашем Сообществе. Формально это означает, что теперь вы считаетесь также подданной наместника, но прямой власти он над вами не имеет. Я по-прежнему считаюсь вашим наставником и отвечаю за вас и ваше здесь пребывание.

— Я так понимаю — это все означает, что обратной дороги мне не будет. Вряд ли кто-то, попадая сюда к вам, становится потом вольноотпущенником, — проговорила Фреда.

— Правильно понимаете, — отозвался Вагнер.

— И как же зовется вот это все? — Она вскинула руки, разводя ими перед собой. — Куда я, везучая такая, угодила по самое "некуда"? — Фреда и не пыталась спрятать за иронией подступающие волны гнева и раздражения.

Ноздри ее аккуратного носа слегка дрогнули, глаза удивительного цвета смотрели на собеседника открыто.

— Ну, конкретно это место именуется Цитаделью. Не оригинальное, но точно отражающее суть название. Орден же, к которому принадлежу я, а теперь формально и вы, называется *Usum sanguinem* — Творящие кровь, — ответил вампир. — Это очень древний Орден, или, если хотите, клан, который возник внутри сообщества вампиров тысячелетия назад. Вкратце я вам уже рассказывал, что означает быть одним из нас. Более подробно вы

узнаете постепенно. С этим спешить не стоит.

— О, я не собираюсь спешить, — нервно хохотнула Фреда. — Ведь впереди у меня вся моя короткая смертная жизнь!

Глава 11. Не только жизнь — игра. НЕжизнь тоже...

Не только жизнь — игра. НЕжизнь тоже...

Что вы думаете и что вы делаете и как и когда вы это делаете — не одно и то же.

("Анна и Король" фильм)

Время превратилось в неудержимо несущий куда-то поток.

Проводя часы в гнетущем одиночестве, Фреда бродила по бесконечным пустым и тихим коридорам Цитадели, возвращалась в отведенные ей комнаты и плакала, забившись в ванную, или могла часами сидеть в оцепенении.

А потом что-то изменилось. С особой жадностью она прочла все, что лежало на прикроватной тумбочке в ее спальне. Читая, надеялась заглушить, загнать как можно глубже свое недовольство сложившимися обстоятельствами и упорное нежелание смиряться.

Затем стала ходить в библиотеку и выбирать книги для чтения самостоятельно. Иногда на столике, стоящем между диванами, находила внушающие почтенный страх, старые фолианты, прекрасно понимая, кто услужливо и настойчиво подсовывал ей это inferнальное чтиво о древней магии и невероятных ритуалах, с ее помощью творимых.

Поначалу Фреду в буквальном смысле трясло от прочитанного. Она откладывала увесистые тома, пытаясь отвлечься чем-то более жизнеутверждающим. Но снова и снова возвращалась к чтению, находя его странно притягательным.

С наступлением вечера Вагнер звонил ей и просил спуститься в библиотеку. Там Фреда, как школьница пересказывала вампиру прочитанное, пытаясь своими словами передать суть текстов, большей частью казавшихся ей бредовыми. Регент упорно задавал вопросы и направлял нить разговора, когда Фредерика сбивалась в попытки постигнуть смысл того, о чем шла речь. Никаких иных тем они почти не затрагивали, а на редкие вопросы Фреды вампир отвечал со всей присущей ему неоднозначностью, если вообще отвечал.

— «Вы сами, Вагнер, живете в Цитадели?»

— «Почти всегда».

— «Как долго мне надо трамбовать в голову бред из этих жутких книг?»

— «Пока не усвоите хотя бы что-то».

— «Но ЧТО я должна усвоить?»

— «Мы это скоро поймем».

— «КАК поймем?! Здесь так много всего и все совершенно непонятное мне!»

— «Так лишь кажется».

— «Я все еще надеюсь, что мне все происходящее лишь кажется».

— «Надейтесь, если вам от этого легче».

— «Есть ли кроме нас двоих здесь еще обитатели?»

— "Иногда".

Проводя день за днем в полном одиночестве, в казавшейся совершенно необитаемой Цитадели, Фреда, вопреки всему, отдохнула телом и воспрянула духом, а заодно почти свыклась со своим новым положением. Во всяком случае, уже не поддавалась бессмысленному бунту на этот счет.

Однажды Вагнер по обыкновению попросил спуститься в библиотеку.

Собираясь отвечать очередной «урок» по магическому бреду, Фреда впервые осознала, что какие-то обрывочные знания уже потихоньку «утрамбовываются» в ее голове, складываясь в нечто осмысленное. Понимая, что читает вовсе не практические справочники, обучающие заклинаниям и учебники по магическому искусству, а какие-то исторические хроники и трактаты, она все же почерпнула оттуда что-то, сложившееся в некое понимание.

Магия — это не просто нечто, во что кто-то верит, а кто-то нет.

Магия — это сама природа, она есть во всем, что нас окружает. Ее пока неизвестные или не осмысленные законы не укладываются в формы, привычные большинству.

Магия — это энергия, выделяемая при сплетении, пересечении и взаимодействии всего на свете. И энергию эту можно научиться вызывать, контролировать и применять во вред или во благо.

Идя по коридору в комнату с камином, Фредерика впервые за долгие дни улыббалась расслабленно и отстраненно, чувствуя почти умиротворение от того, что обрела что-то, делающее ее более уверенной и цельной.

Она невольно положила руку на Custos, висевший на груди. Возможно ли, что именно этот предмет поспособствовал всему?

Пытаясь постигнуть непостижимое, прикасаясь к неведомому, преодолевая что-то в себе, она тоже затрачивала энергию и вдруг поняла, как же устала.

С этими мыслями и вошла в библиотеку

— Вы изменились, — сказал Вагнер, уже ожидавший ее. — Я не чувствую в вас сегодня напряжения и прежнего недоверия.

— Я по-прежнему напряжена и не доверяю, но учусь с этим справляться.

— Успешно учитесь, — одобрительно заметил Регент.

— Вампиры умеют тонко чувствовать эмоции других? Ведь так?

— Это не умение. Это также естественно для нас, как дыхание для живых. Мы безошибочно определяем состояние человека и многих других существ по чисто физическим

показателям — дыхание, сердцебиение, состояние зрачков, температура и влажность кожи. Даже запахам. У каждой эмоции свой оттенок аромата. Есть и другие критерии. Сейчас я вижу, что вы не только стали спокойней, но и чувствуете усталость. Тоску. Грусть. Разочарование. Вы в чем-то нуждаетесь?

— Странный вопрос для так тонко чувствующего, — усмехнулась Фреда. — Чувствующего, но не понимающего.

— Поясните.

— Ох, да что же здесь непонятного? Моя голова забита небылицами. Я устала. Я скучаю по дому, по прежней жизни. По родным запахам. По виду из окна, наконец! Ведь в этой вашей Цитадели нет даже окон! А скоро Рождество. Витрины, фонарики, наряженные елки и все такое...

— Поднимитесь к себе и оденьтесь потеплей, — вдруг сказал вампир.

— Что?! Опять какое-то испытание в развалинах?! — воскликнула Фреда.

— Испытание, но, скорее для меня, а не для вас, — проворчал Вагнер, проходя мимо девушки. — Одевайтесь, я жду вас в холле.

...Он вывез ее на прогулку по ночной Праге, во время которой вампир неторопливо кружил на внедорожнике по улицам города, а она молча смотрела, стараясь ничего не упустить и запомнить каждую мелочь.

Город жил своей привычной жизнью, готовясь к праздникам, а Фреда наблюдала со стороны, проезжая мимо и не чувствуя себя больше частью всего этого. Она изменилась, стала иной, и ее место в этом мире стало иным.

Фреда была так удивлена поступком Регента и так заворожена видом предпраздничного города, что опять забыла отследить месторасположение таинственной Цитадели...

...Вагнер привычно сдерживался, чтобы не сжимать сильнее плечи девушки крепкими и холодными, как сталь пальцами.

Сильнее. И еще сильнее... И продолжать сжимать, пока не услышит стон боли, не почувствует горячую кровь, сочащуюся из-под пальцев, глубоко вонзавшихся в живую мягкую плоть.

Эти картины приходили в его сознание каждый раз, когда он питался от людей. И каждый раз вампир проживал все это лишь в своем воображении, сдерживая свой Голод, естественный и неудержимый, всецело соответствующий его природе.

Нетерпеливо, но осторожно отстранив от себя безвольно обмякшее на диване тело

девушки, вампир быстро встал. Промокая салфеткой испачканные остывшей кровью губы, он направился к выходу из помещения и, не останавливаясь, небрежно бросил кому-то дежурную фразу:

— Сделай все правильно.

Правильно — это тихо и незаметно вынести введенную в транс «жертву» из Цитадели и вернуть, целую и почти невредимую, в ту реальность, из которой она была извлечена. Она не будет помнить и знать ничего из того, что происходило в этих стенах. Ранки на шее запечатаны и уже почти не видны, а придя в себя в привычном месте, легкое помутнение сознания «жертва» объяснит как-нибудь сама.

Регент вышел, и в свете тускло горящей лампы появился невысокий, крепкий вампир, одетый в тесные джинсы и кожаную куртку. Он легко поднял неподвижное тело девушки на руки и исчез в темной глубине помещения. Тихо скрипнула скрытая от глаз дверь, щелкнул замок, и в комнате воцарилась тишина.

Вагнер всегда питался только в одном помещении Цитадели и после того, как процесс завершался, комната запиралась до следующего раза. Больше сюда никто и никогда, кроме чистильщика, не заходил.

Вагнер не нуждался в частом питании, но когда природа брала свое, ему требовалась только живая кровь. Пакетированная донорская кровь не могла обеспечить вампиру-магу тот энергетический потенциал, какой подпитывала и поддерживала в нем кровь из «источника». Приходилось прибегать к услугам доноров, которые далеко не всегда были добровольными, но всегда был надежный способ избавить их сознание от лишних откровений о том, какие услуги они оказали, сами того не ведая.

Вампир направился в Синюю гостиную, в которой более чем где-либо предпочитал проводить время. Запутанные при помощи магии коридоры-лабиринты Цитадели никогда никого не выводили к Синей гостиной. Регент мог позволить кому-то отыскать Библиотеку, Общую залу, жилые помещения для адептов и посетителей, но не Синюю гостиную.

Квадратное, достаточно просторное помещение, стены, обшитые матовыми деревянными панелями. На полу ковер — рукотворное чудо, оттенка «персидская синь» с золотистыми узорами. Некогда это роскошное произведение искусства Вагнер привез из страны, которая в ту пору и звалась еще Персией.

Ковер почти полностью покрывал пол гостиной и отлично заглушал шаги. Обстановка комнаты являла собой смешение стилей и эпох, которые вовсе не диссонировали, а странным образом дополняли друг друга. Современный письменный стол прекрасно смотрелся в паре с креслом эпохи Короля Эдуарда. К дизайнерскому дивану пристроились антикварные столики, рядом вальяжно соседствовал французский сибаритский шезлонг красного дерева с шелковой обивкой, а на стене напротив размещалась плазменная панель.

Вагнер плотно прикрыл за собой дверь, как делал всегда, даже зная, что сюда никто никогда не войдет без его на то позволения. Регент развернул кресло спинкой к письменному столу и уселся в него.

Он смотрел на стену, где в проеме между двумя драпировками из тяжелого аквамаринового шелка, имитирующими шторы на несуществующих окнах, висела картина.

Вытянутое по вертикали полотно изображало фантастический мир, словно поделенный пополам. Нижняя часть — погруженный во мрак пейзаж, хмурая, пустынная долина с острыми хребтами горной гряды на заднем плане. В этом мире не было ни единого источника света, ни звезд, ни луны, и лишь воды реки, пересекающей пейзаж, чуть мерцали слабым отражением невидимого светила. Над этим сумрачным видом простиралось темное и статичное облако-пелена, которое и делило холст на две половины. В верхней части картины было изображено сразу два источника света — солнце и полная луна. Их сияния — яркое золотистое и холодное голубоватое — смешивались, образуя единый слепящий отсвет, заполнявший верхнюю часть полотна, и не способный проникнуть сквозь облако.

Пейзаж замер, застыл в ожидании чего-то. Некой Силы, или Явления, которое возникнет вдруг (или НЕ вдруг) и что-то изменит. Нарушит плотность облачной завесы, пропустив в мир сияние светил.

Или же смешает Тьму и Свет, уничтожив то, что их разделяло.

Эту картину почти пять столетий назад Вагнер купил у одного нищего художника. Талантливый живописец, как это чаще всего и бывает, жил и творил в бедности, а стал признанным и знаменитым лишь после своей смерти. Это полотно, едва ли ни единственное творение, которое было продано им при жизни. Вампир попросил художника кое-что дорисовать и щедро заплатил за приобретение.

Пять столетий он смотрел на полотно, изображавшее мир, поделенный пополам на Свет и Тьму, и ждал, когда придет понимание, что это не просто выдумка художника и не отражение пустых надежд. Символы окружают нас, и могут быть буквальны и однозначны, явственно указывая на тот смысл, который в них заключен. Надо лишь уметь увидеть и прочесть.

Он понял и поверил почти сразу, как только увидел её. Никакого сомнения, никакого отторжения.

Никаких терзаний на тему «Я не должен. Такого не может быть. Это противоречит моей природе». Он никогда не пытался с ходу отвергнуть или трансформировать то, что изначально возникло внутри него самого, а не где-то вовне.

Не спешить, прислушаться, осознать.

Смотря на нее, он не спешил, прислушивался, осознавал. И понимал, что возникшее не

было новым чувством, возвращались какие-то уже знакомые ощущения. Забытые, истончившиеся почти до полной невидимости и неосвязаемости, но еще существовавшие. Они оставили четкий памятный след, как поросшую травой дорогу, по которой очень долго никто не ходил.

Проведя в ипостаси вампира семь столетий, Рейнхард Вагнер не раз убеждался в правоте не самой популярной среди его сородичей концепции: абсолютно все в этом мире рано или поздно затронут перемены. Любое существование — это действие. А если имеется действие, значит, есть энергия, которая это действие вызывает. И эта энергия может меняться, а еще ею можно научиться управлять. Примерно так же, как он научился владеть магией. Магия составляла часть его сущности, но не смешивалась с ней, являясь чем-то отдельным, как мастерство владения оружием или иным, отточенным до совершенства навыком.

Если есть на свете что-то, ради чего стоит подключить всю свою решимость и упрямую веру в собственную правоту, так именно этим и стала для Вагнера встреча с Фредой.

Тогда, у Крауса, он мысленно вознес благодарность своим непроницаемо темным очкам за то, что может смотреть на нее, не пряча взгляд. Он умело носил маску, но глаза могли выдавать.

Дерзкая, отважная, похожая на цветок на длинном стебле. Копна поразительно густых, непослушных волос, цвет которых был бы заурядным и невыразительным — просто темно-русый — если бы не их изумительный мягкий жемчужный отблеск и почти выбеленные, будто выгоревшие на солнце, кончики. Глаза сияли на смуглом лице — яркие, дымчато-зеленые с чуть более темным ободком радужки.

Она была испугана, и он подошел и прикоснулся к ней, положив ладонь на голову. Мягкое касание, успокоившее девушку и забравшее у нее боль, внешне выглядело уверенным, деловитым и властным, как часть обряда посвящения в рыцари. На самом же деле он почувствовал прилив самого настоящего благоговения просто от того, что может коснуться ее, ощутить тепло, и в ответ на живой трепет, успокоить, передать часть того, в чем она на тот момент более всего нуждалась. Без колебаний он сделал это и осознал, насколько все правильно.

Он шел сквозь время, ревностно поддерживая в себе то, чем особенно дорожил. Нет, это не просто какие-то остатки человеческой сущности. Это нечто более ценное, весомое и вечное. То, к чему в той или иной степени стремится и чему готово подчиниться все, существующее на земле — умение любить и ценить этот дар.

Но помня, как легко можно потерять то, что особенно дорого, Вагнер защищался наиболее верным способом, применяя отточенное веками мастерство — притворяться и скрывать.

Совсем как то темное облако на картине скрывало свет.

И он должен научить Фреду поступать также. Она должна овладеть своим даром, раскрыть и подчинить его. А подчинив, скрывать ото всех, кто мог захотеть этим даром воспользоваться.

Глава 12. Возвращение в прошлое

Возвращение в прошлое

"Приключения весьма хороши, когда они в меру, думал юноша.

Но в перерывах не мешало бы, например, покушать".

(Звёздная пыль», Нил Гейман)

...В иллюминаторе видны только облака. Подсвеченные ослепительным солнцем, они казались фантастически прекрасным ландшафтом волшебной страны, и где-то там, скрытый от глаз среди сияющих холмов, возвышался замок Фата Морганы...

Фреда отключилась от внешних раздражителей: гудения турбин, гула голосов, приглушенного визгливого смеха, раздававшегося откуда-то с задних рядов, шумного сопения соседа, дремавшего в кресле справа.

Полет стал неожиданностью, в которую она до сих пор не могла поверить. Даже сейчас, сидя в самолете, она думала, что грезит.

Понимая теперь, что живет в странном, давно изменившемся мире, Фреда не могла осознавать себя, как часть этого мира, отгораживаясь, убежденно цепляясь за свою "нормальность", которая, если верить словам Вагнера, была ничем иным, как нарушенной целостностью.

Неотрывно глядя в иллюминатор, девушка коснулась предмета, висящего у нее на груди.

...Три вечера подряд Вагнер возил Фреду на прогулки по Праге, а на четвертый, когда она спустилась в холл, предвкушая очередную поездку, он с ходу развеял ее надежды, заявив:

— Я больше не могу выгуливать вас по вечерам.

— Выгуливать? Я не пес, — возмутилась, было, и тут же добавила, — а впрочем, мне не стоит на вас обижаться. Думаю, вы многое уже просто разучились понимать.

Она развернулась и молча направилась обратно к лестнице.

— Вам нужно совсем уехать из Праги на какое-то время, — сказал Регент привычным, холодным тоном.

Фреда резко остановилась и повернулась к нему.

— Куда мне уехать? И как? Вы сами говорили, что я не могу покидать Цитадель. И меня ищет полиция.

— Я помню об этом. И организую надежный способ вывезти вас на время из страны и предоставить за ее пределами безопасное убежище. Мне лишь нужно немного времени все подготовить.

— Вы даже не спрашиваете меня, хочу ли я уезжать, вы просто диктуете, что я буду делать, — устало вздохнула Фреда. — А рисковать-то мне...

— Так и есть, — согласился Вагнер. — Но я примерно понимаю, что вы хотите, даже если вам кажется обратное. И я сомневаюсь, что ваши желания сейчас совпадают с реальностью. Тем более, что вы эту реальность упорно не хотите воспринимать. В подобных обстоятельствах лучше диктовать разумные условия, чем потакать капризам. А риск в этом случае будет даже полезен.

— Диктовать условия — это ваше любимое занятие! — она вскинула руку, словно хотела от чего-то отмахнуться. — Но, по-моему, у нас с вами абсолютно разные представления о "разумном".

Вампир взглянул ей прямо в глаза. Фреда поймала в его взгляде что-то неправильное, что-то, чего там быть не должно. И это было не фантастическое мерцание его зрачков. Она невольно отпрянула, отступая на шаг.

— Воспринимайте отъезд, как возможность оценить обстоятельства со стороны, — изрек вампир. — Перемена обстановки пойдет вам на пользу.

На следующий вечер Вагнер вызвал девушку в библиотеку и вручил ей конверт, в котором был паспорт на имя гражданки США Олив Харрингтон и авиабилет до аэропорта Ваернес. В Норвегии.

Она отправится по поддельным документам в страну, где прошло ее одинокое детство, и откуда она когда-то уехала без сожаления?

Почему именно туда вампир решил отправить ее, Вагнер объяснить не потрудился. Снабдив девушку инструкциями о том, как себя вести, путешествуя по поддельным документам, он обеспечил ее суммой наличных в дорогу и возможностью заказать необходимые в поездке вещи.

— Ничего не бойтесь, ведите себя естественно, — сказал Вагнер, — но будьте

предельно внимательны и осторожны. Я гарантирую, что вы покинете пределы страны без проблем, и ваше отсутствие здесь не вызовет не нужных вопросов. В дороге за вами присмотрят, а из Ваернес доставят прямо на место.

— На какое место?

— Туда, где есть окна и где вам не нужно будет ощущать себя запертой в темнице. Ведь вы именно так себя чувствуете в Цитадели?

— И кто же будет за мной присматривать?

— Я познакомлю вас перед отъездом, — пообещал вампир.

Накануне отъезда Регент снова попросил Фреду прийти в библиотеку и представил ей молодую стройную женщину с коротко стриженными рыжими волосами и пронзительным взглядом серо-зеленых глаз. Она была одета в короткий меховой жакет и узкие джинсы, плотно облегающие длинные худые ноги.

— Это Метте, — небрежным поворотом головы Вагнер указал на незнакомку, — она будет сопровождать вас в поездке и доставит на место, где пройдет ваш...эм-мм... отпуск.

Метте кивнула и протянула Фреде руку. Та приняла узкую ладонь и с удивлением ощутила твердость ответного рукопожатия. Судя по всему, хрупкость была обманчива, в тонких руках женщины была заключена уверенная сила.

— Метте? Вы норвежка? — спросила Фреда.

Женщина посмотрела на Регента, словно молчаливо что-то согласуя с ним, и лишь затем сдержанно кивнула в ответ.

— И чтобы не возникло сюрпризов в дальнейшем, скажу сразу, что Метте — вервольф, — добавил Регент.

Фреда восприняла эту информацию как должное, без грамма удивления. Пусть будет вервольф, какая разница. Наверное, в этом мире скоро не останется ничего, чему она сможет удивляться...

...Посадка, полет, и приземление прошли спокойно и гладко. Весь путь до Норвегии Метте держалась на расстоянии, делая вид, что они с Фредой не знакомы, но не выпускала спутницу из виду, и та то и дело натыкалась на ее пристальный взгляд.

Пройдя все формальности и получив багаж в Ваернесе, Метте подала Фреде знак следовать к выходу. За стеклянными дверями терминала Фреда остановилась, увидев, как рыжеволосая снова показывает ей что-то. Поняв это как сигнал "ждать", огляделась. Уже стемнело и повсюду был снег. Он падал с небес, укрывая все вокруг, а ветер срывал охапки снега с крыш, подхватывал с земли, с замеченных машин и швырял из стороны в сторону, словно в каком-то сумасбродном танце.

Вдохнув морозный воздух вместе со снежинками, Фреда словно вынырнула на поверхность из мутных глубин. Голова прояснилась, ушло волнение, сковывавшее ее последние недели. Все стало проще, легче, понятнее. Даже тело, казалось, налилось новой решимостью и силой.

— Фреда, садитесь быстро! — вернул ее к действительности женский голос, донесшийся через опущенное окно остановившегося рядом внедорожника.

Из окна, перегнувшись с водительского места, выглядывала Метте.

Фредерика быстро закинула свой багаж на заднее сиденье и заняла переднее пассажирское место.

— Хотите, можем заехать в Тронхейм? — спросила женщина.

Фреда быстро взглянула на свою спутницу — значит Вагнер рассказал Метте, что в Тронхейме прошло её сиротское детство.

— Нет. Туда не хочу, — она отрицательно покачала головой.

— Ну и отлично, тогда поедem сразу на место, — отозвалась Метте, и машина рванула вперед.

— Можете сказать, где это загадочное "место" находится? — обратилась к своей новой знакомой Фреда.

— На берегу Тронхеймс-фьорда.

— О, понятно. Но Тронхеймс-фьорд огромный и берега его очень протяженные. Но, как я понимаю, больше мне знать не положено.

— Не то чтобы не положено, — пожала плечами Метте, — просто ни к чему. Все увидите сами.

Путь был долгим. Они покинули зону аэропорта, выехали на шоссе, пролежавшее вдоль прибрежной линии, и двигались туда, где перед ними представала вся неповторимая, завораживающая красота здешних мест. Не было в этой красоте расслабляющей нежности

или очарования, ни радующих глаз яркости красок (разве что летом!), ни манящего искушения, какое охватывает отдыхающих на солнечном берегу лазурного теплого моря.

Величественные скалы, расколовшиеся миллионы лет назад, образуя узкие протоки — фьорды, привлекали своей суровой, первозданной, царственной красотой. Они были похожи на воплощение самого духа северной природы — сильного, нестигаемого, свободного духа древних воинов. А сейчас, среди снегов, на фоне темного неба, скалы казались легендарными великанами, охранявшими покой этой земли.

По левую руку тянулась бесконечная гряда густого леса, в котором преобладали укрытые снегом раскидистые ели.

Фреда с удивлением почувствовала, что приезд сюда не обрушил на нее ворох горьких воспоминаний о детстве, проведенном в приюте. Ей вовсе неплохо жилось тогда, но все годы пребывания там она ощущала одиночество почти физически, словно часть ее существа осталась с теми, кого она даже не помнила.

Где-то глубоко в ней жило удивительное воспоминание, похожее на полузабытый сон — она не одна, рядом есть те, кто дорог ей, и с кем она чувствует себя спокойно и счастливо.

Кажется, она задремала, продолжая видеть туманные грезы, оставшиеся от этого давнего, почти забытого сна. Словно что-то всколыхнулось, ожило и долетело слабым эхом из далекого прошлого...

— Приехали, — вернул ее в действительность голос Метте.

Девушки вышли из машины, и Фреда замерла, медленно поворачиваясь вокруг.

Они находились в стороне от шоссе, среди занесенных снегом невысоких скальных выступов. Сейчас они остановились недалеко от края одного из них, полого спускающегося к темным водам залива. Каменистый берег был присыпан свежим снегом и светлой полосой тянулся вдаль в обе стороны. Вокруг темнота и тишина, небо усеяно звездами, и на сколько хватало глаз, вокруг не было ни одного огня, говорившего о том, что там находятся дома, в которых обитают люди. За спинами девушек начинался лес — пушистые, раскидистые ели, занесенные снегом, светящимся и мерцавшим в лунном свете.

Завороженная красотой окружавшего ее сказочного зимнего мира, Фреда даже не заметила сразу дом, расположенный чуть поодаль. Одноэтажный, сейчас ночью, на фоне кристально чистого снега в свете луны выглядевший как сказочная избушка, занесенная снегом до самых окон. С крыши тоже нависал снег, словно дом нахлобучил на себя толстую белоснежную шапку.

— Ну, — бодро сказала Метте, — будем пробираться к дому. К нашему приезду здесь никто не готовился.

— А здесь еще кто-то будет? — поинтересовалась Фреда.

— Нет. Мы будем с вами одни, Фреда. Так что все в наших руках, — говоря это, Метте открыла багажник и достала оттуда лопату для уборки снега с телескопической ручкой. Она включила фары машины и решительно двинулась вперед.

— Я начну расчищать, а вы подхватите. Идет? — женщина ловко отбросила первую партию снега в сторону.

— Конечно, — с готовностью отозвалась Фреда.

Девушки довольно быстро прочистили себе дорожку к дому, попутно уминая рыхлый снег ногами. Забрав багаж, они пробрались по узкой тропинке к крыльцу, и Метте открыла дверь домика. Пропуская внутрь Фреду, сказала:

— Располагайтесь пока. А я проверю генератор, посмотрю, что тут функционирует и постараюсь подогнать машину ближе к дому. Здесь снега куда больше, чем у берега. Надеюсь, удастся не увязнуть в сугробе...

Говоря это, она двигалась по помещению, во тьме что-то зашуршало, чиркнули спички, и сразу вспыхнул золотистый огонек свечи.

— И не нужно темноты, — прокомментировала Метте, ставя толстую свечу на деревянный стол, расположенный посреди комнаты. — Здесь огромный запас свечей. В общем, располагайтесь, — повторила она и выскочила за дверь.

Фреда стояла посреди едва освещенного незнакомого жилища и чувствовала себя словно в ином измерении. Из Цитадели вампиров в Праге она попала в совершенно другой мир — знакомый и неизвестный, располагающий и влекущий к себе и в то же время, вызывающий настороженность.

В помещении было холодно, почти как на улице, и пахло чем-то едва различимым, незнакомым. Девушка выдохнула — изо рта вырвалось облачко пара. Взяв со стола свечу, Фреда огляделась: комната довольно просторная с низким потолком, с двумя дверями, ведущими в другие помещения. У стены напротив располагался камин, сложенный из дикого камня с каминной полкой из массивной, необработанной доски. Широкий диван и кресло, накрытое чем-то вроде куска темного меха. Но больше всего заинтересовал камин. Фреда подошла к нему, пригляделась — кто-то предусмотрительно сложил внутри топки горку поленьев. На миг задумалась, потом расстегнула молнию на внешнем кармане своей дорожной сумки, достала оттуда журнал, который брала с собой, вырвала из него несколько листов, скомкала их и поднесла к пламени свечи. Глянцевая бумага загорелась очень неохотно. Фреда аккуратно, стараясь не затушить слабый огонек, подложила бумагу в камин и присела рядом на корточки. Когда пламя разгорелось достаточно и охватило тонкие деревянные щепки, а затем и поленья, с облегчением выдохнула, довольная, что справилась с задачей.

Когда Метте вернулась в дом, заноса в дом поток морозного воздуха, в комнате было уже немного теплее и светлее.

— Смотрю, вы уже осваиваетесь, — заметила новая знакомая, расстегивая свой жакет. — Камин есть и в спальне, давайте его тоже разожжем. Я проверила генератор, он в рабочем состоянии, но надо ему устроить прогон, и сделать это лучше днем. Включим его завтра. Здесь также имеется солидный запас газа, так что проблем со светом, теплом и приготовлением пищи не будет. А вот с водой сложнее — ее мало. В кладовой несколько канистр с питьевой водой. Но если захотите что-то еще, то придется брать снег и топить его на огне.

— Все понятно, — отозвалась Фреда, — А теперь не скажете — зачем меня сюда привезли? И почему именно сюда?

Метте изобразила в ответ сдержанную улыбку и пожала плечами:

— Все, что мне сказали — это доставить вас сюда в целости и сохранности, присматривать за вами и помочь, если помощь потребуется. А ответов на ваши вопросы у меня нет. Спросите обо всем у Рейна, — ответила рыжеволосая вервольфица.

— У кого спросить? — удивилась Фреда.

— У Рейна, — ответила Метте, — У Вагнера.

— Почему вы называете его Рейном? — не поняла Фреда.

— Потому что его так зовут. Рейнхард — Рейн.

Ах, да, и правда, ведь у "Голема" есть вполне удобоваримое имя!

— Хорошо, спрошу у Ре... Вагнера, — проговорила, не решившись попробовать "на вкус" непривычное звучание имени вампира, — завтра же и спрошу.

И спросит. Телефон для связи Вагнер выдал ей перед отъездом, настоятельно попросив прибор беречь.

— У вас особое отношение к телефонам — вы любите их калечить и забывать там, где забывать не следует, — прокомментировал Регент.

. — Вот и славно, — ответила Метте, — а теперь давайте устраиваться отдыхать. Не знаю, как вы, а я устала.

Новая знакомая быстро показала Фреде остальные помещения в доме, из которых девушка разглядела только спальню. Они разожгли там камин, Метте набросала на кровать кучу одеял и пледов, извлеченных из большого шкафа, стоящего здесь же в комнате и сказала:

— Все, устраивайтесь на ночлег, но учтите — будет холодно. Так что укутайтесь с головой и присматривайте за камином по возможности, а то, если он погаснет совсем, вы окоченеете. Я лягу там, — она кивнула в сторону гостиной, — на диване. А завтра мы разберемся со всем остальным.

Фреда была уже на все согласна, поняв, что тоже ужасно устала. Она скинула куртку и сапоги, натянула на себя еще один свитер и толстые носки и легла на кровать. Сжалась под горой пледов, ощутив себя крошечной в этом незнакомом домишке, стоящем посреди снегов и скал.

Завернувшись в плед с головой, накрылась еще двумя толстыми одеялами и стала смотреть на горящий в камине огонь.

Пляшущие языки пламени, уютное потрескивание дров навели дремоту, веки Фреды отяжелели, смежились, и она погрузилась в сон.

...Ей снились покрытые снегом скалы.

Все залито солнцем и дышит удивительным покоем и тишиной. Она словно плыла над этой картиной и где-то вдалеке видела большой дом, прочно стоящий на склоне, поросшем низкими искривленными елями. Картинка была будто бы нарисована акварелью — мягкая, слегка размытая, но все на ней вполне различимое.

Вот видна узкая извилистая дорога, ведущая от дома вниз по склону. На ступеньках крыльца замерли три силуэта — два маленьких и один побольше.

Что-то внезапно нарушило ее плавный полет над этим видением. Неведомая сила словно рванула спящее сознание, оно устремилось вперед, неудержимо потянулось к дому и к его обитателям.

Глава 13. Белая магия грез

Глава 13. Белая магия грез

"Не затыкай ушей — и то, что нужно, само подаст голос.
Не зажмуривай глаз — то, что нужно, само покажется".
(«Дэнс, Дэнс, Дэнс», Х. Мураками)

К утру камин погас, и комната совсем остыла.

Зарывшись в ворох незнакомо пахнувших одеял, Фреда погрузилась в свое ночное видение и начисто отключилась от реальности. Цепкие объятия сна затянули ее сознание в неведомые измерения, не позволив отстраниться, выскользнуть и прервать поток сменяющихся "акварельных картинок"; теплых, нежных и мягких, зовущих стать их частью, порождающих непреодолимое желание протянуть руки и удержать все эти видения, как нечто материальное.

К счастью или к сожалению, но большую часть своих грез она не запомнила. При пробуждении возникло ощущение, которое бывает, например, когда хочется прижать к груди старый альбом с фотографиями, хранящими самые ценные воспоминания...

Веки словно сковало хрупким льдом, ресницы покрыло инеем.

Фреда приложила ладони к глазам, подозревая, что прикосновениями растапливает и стирает застывшие ночные слезы. Инстинктивно нащупала висящий на груди Custos и сжала его в руке. Металл был теплым, и чуть выпуклая "чаша" легла в ладонь правильно и надежно, посылая ответный, почти осязаемый импульс одобрения этому прикосновению.

Этим утром она проснулась в чужом доме, в выстуженной комнате, практически осознав, что у нее больше нет желания и причин чему-то удивляться или что-то отвергать.

Это ведь не реалити-шоу, а она не сторонний наблюдатель, это жизнь и все, что в ней происходило или происходит, было и будет частью ее самой.

Фреда закуталась в одеяло и встала с кровати. Первым делом снова разожгла камин, благо в кованной дровнице имелся солидный запас поленьев. Затем надела теплую куртку, натянула шапку и вышла из спальни.

Диван, на котором она ожидала увидеть спящую Метте, был пуст. Похоже, что и в доме ее новой знакомой не было. Фреда огляделась.

Камин вовсе уже горел, согревая просторную комнату. Пахло хвойной древесиной и свежим кофе.

Пол помещения укрывала толстая циновка, у дивана брошена еще и шкура какого-то зверя. Кроме дивана здесь имелся деревянный стол, три стула вокруг него и большое кресло, стоящее напротив камина. Пространство от камина до двери, ведущей в спальню, занимали комбинации деревянных шкафчиков и полок. Справа от входной двери располагался проем. Фреда заглянула туда, обнаружила кухню и еще одну дверь, ведущую в санузел.

Дом небольшой, простой и никаким образом не вызывающий ассоциаций с магией, вампирами и вообще чем-то сверхъестественным. Обычный рыбацкий или охотничий домишко, таких в этих краях полно.

Фреда вышла на крыльцо и остановилась.

Ясный, морозный день, бледное чистое небо, белый снег везде и повсюду. Бесконечная гряда заснеженных елей позади дома, а туда, куда был обращен вход в дом — скалы и серебристая неподвижная водяная гладь фьорда.

Никого вокруг, тишина и покой. И во всем — волшебство первозданной природы и сила, таящаяся даже в тишине...

А еще удивительное ощущение безопасности и безмятежности. Необыкновенно приятное, желанное чувство, почти забытое. Фреда разрешила себе лишь чуть вдохнуть это ощущение, как редкий, приятный аромат, не позволяя расслабиться, сохраняя долю недоверия.

Много позже, вспоминая это свое первое утро, проведенное в безлюдном, уединенном месте где-то на берегу Тронхеймс-фьорда, Фреда уверилась, что именно в это мгновение что-то окончательно поменялось для нее. словно бы перевели невидимые стрелки на пути, направив ее в иную сторону.

До Рождества оставалось два дня. Наверное, впервые в своей осознанной жизни она будет отмечать этот праздник вдали от всего привычного, от всех, кого знает, вне суеты и традиционных забот. Но самое интересное, что она совсем не испытывала сожаления по этому поводу.

Метте, явившаяся откуда-то из-за дома, приветливо пожелала Фреде доброго утра и сообщила, что ближе к вечеру уедет.

— Вернусь двадцать седьмого, в крайнем случае, днем позже. Оставляю вас одну со спокойной душой: генератор исправен и уже работает. Можете включить калорифер. Запас топлива и дров для камина здесь солидный. В изобилии имеются продукты, канистры с питьевой водой и прочее, что может пригодиться, — отрапортовала Метте. — Комплект ключей от дома и пристройки лежат на каминной полке. Располагайтесь, привыкайте, если возникнут вопросы или проблемы — в вашем смартфоне есть номера мой и Вагнера. Но я уверена, что все будет хорошо.

И Фреда была уверена в этом. Она ответила Метте улыбкой и кивком головы.

— Я не пропаду, не сомневайтесь, — добавила, испытывая неожиданно приятное волнение от того, что остается здесь одна.

После завтрака Метте еще раз показала и рассказала, что и как работает, и где хранятся запасы. До вечера они провели время с пользой, общаясь на разные темы, но избегая одной — Вагнера и вампиров. Перед самым отъездом, стоя у машины, рыжеволосая норвежка, пристально глядя на девушку, сказала:

— Вы не могли не догадываться, что оказались здесь не просто так.

— Догадываюсь, — согласилась Фреда. — У меня последние недели всё «не просто так». Спасибо Вагнеру, — усмехнулась она.

— Ничего не бойтесь, — словно не слыша ее иронии, продолжила Метте. — Это место особое, оно окружено надежной защитой, здесь вас никто не потревожит. Здесь — только мир и тишина, а все опасности где-то там, далеко отсюда, — она коротко кивнула коротко стриженной головой за свое плечо.

— И что это значит? — нахмурилась Фреда.

— Только то, что я сказала, — пожала плечами женщина.

— Метте, откуда вы знаете Вагнера? И вампиров вообще? — вопрос этот не давал Фреде покоя, так и вертелся на языке с того самого момента, как она осталась с новой знакомой один на один.

— Ну, вампиры для меня не тайна, — улыбнулась рыжая. — Сами понимаете, мой вид тоже не самое обычное явление в этом мире. А Вагнера... Его я знаю довольно давно. В всяком случае, достаточно для того, чтобы с уверенностью повторить вам — ничего не бойтесь.

Не глядя на девушку, Метте открыла дверцу машины.

— Кстати, в доме на столе я оставила кое-что для вас, — добавила она, запрыгнула на водительское место, махнула на прощанье рукой, и, надавив на газ, резко рванула с места, обдав снежными брызгами, вылетевшими из-под колес.

Машина, повернув в сторону шоссе, скрылась за деревьями, и Фреда вернулась в дом.

Она сразу увидела на столе красную картонную коробку с крышкой, открыла ее и с минуту разглядывала содержимое. Не спеша достала из коробки бутылку вина, судя по всему, довольно старого. Следом за бутылкой извлекла две книги, посмотрела названия и начала смеяться.

"Нортенгерское аббатство" Джейн Остин и "Грозовой перевал" Эмили Бронте. Вагнер, (нет сомнений, что "презент" от него) однако, шутник, если полагает, что подобная литература — именно то, что ей сейчас нужно.

Каким непостижимым образом этот вампир оценивает ее потребности и пристрастия, оставалось для Фреды загадкой.

Он не удосужился пояснить, почему, предупредив, что она не может покидать Цитадель в Праге без "высочайшего позволения", вдруг отправляет ее в ледяную ссылку и именно сюда. А заперев в одинокой избушке, заметенной снегом, вампирский маг полагал, что она будет коротать время, потягивая древнее вино из замшелой бутылки и обливаться горячими слезами, читая историю ненормальной, разрушительной любви Хитклифа и Кэти.

Отсмеявшись, Фреда покачала головой и продолжила осматривать оставшееся в коробке.

Кроме вина и книг там нашлись контейнеры со свежими фруктами, коробка дорожущего шоколада Delafée, и... тщательно упакованные связки рождественских фонариков и сверкающих гирлянд.

Фреда рассеянно посмотрела на разложенные на столе "дары", присела на стул и задумалась, устремив взгляд в окно. Все эти предметы, которые передал для нее Вагнер, должны были вызвать какую-то ответную реакцию с ее стороны.

И они вызвали, совершенно определенно.

Так бывает, когда вдруг непроизвольно начинаешь предчувствовать что-то, но при этом четко осознаешь, что никаким даром предвидения не обладаешь. Эти предчувствия работают, как маячки, которые исподволь, необъяснимо и незаметно направляют туда, где наши телесные оболочки, мысли, чувства и поступки должны оставить свой след. И всё это вместе станет частью чего-то вроде звена огромной цепи, связывающей и скрепляющей всех и всё в этом мире. И, наверное, не только в этом.

С этими мыслями Фреда отправилась спать, и до утра ее отдых не тревожили больше ни сны, ни мысли, ни предчувствия. Лишь сохранялась внутренняя уверенность в том, чем ей заняться завтра.

Утром, умывшись и позавтракав, она тепло оделась и направилась в пристройку, которую ей вчера показала Метте.

В основательном, прочном помещении располагался генератор и аккуратно, в идеальном порядке, хранились запасы топлива для него и дрова для каминов. Здесь же стоял

огромный железный ящик с песком, два больших огнетушителя и целый арсенал инструментов. Вооружившись быстро обнаруженной ножовкой, Фреда направилась к зарослям елей. Проваливаясь в снег, она медленно, но уверенно и даже с азартом и удовольствием продвигалась вперед. Добредя до посадок, остановилась, полной грудью вдохнула чистый, морозный воздух и огляделась. Увидев неподалеку возвышавшуюся над сугробами верхушку почти совсем заметенной ели, двинулась к ней.

Откопав совсем небольшое деревце руками, Фреда быстро справилась с тонким стволом с помощью ножовки.

Вернувшись, она первым делом отыскала в пристройке ведро и наполнила его песком из металлического ящика, добавив сверху снега. Елка надежно разместилась в ведре и обрела свое место в доме, в гостиной, между окном и камином.

Фреда украсила деревце мелкими фонариками, опутала душистые веточки парой переливающихся золотистых гирлянд и отступила назад, любуясь результатами своих стараний.

Раскрасневшаяся, взмокшая, она даже не заметила, что не сняла куртку, так была увлечена своим занятием. Запах оттаявшей в тепле хвои наполнил комнату, навевая ощущения по-настоящему осязаемой сказки, ожидания чего-то волшебного, но вместе с тем вполне реального. Так умеет чувствовать ребенок, который, становясь старше, все это забывает. Но на самом деле эти чувства никуда не уходят, нужно только позволить им снова оттаять и ожить, как ожил аромат леса и хвои в тепле дома.

Проведя остаток дня в полной тишине и неспешных размышлениях, Фреда начала понимать, для чего отшельники забираются в самые отдаленные уголки мира, ища одиночества.

Оставаясь совершенно один, где-то в максимальном отдалении от суеты, начинаешь ощущать себя частью этого мира. Отшельникам в этом помогала медитация, йога, самые мудрые знания и учения, а ей, Фреде, помогали отсутствие страха и обретенная вера в незримую силу, наполнявшую всё вокруг. Стоит только позволить этой силе наполнить и себя, прислушаться — и обязательно получишь что-то ценное взамен. Что-то такое, о чем и не подозреваешь.

Фреда понимала, что может продолжить сомневаться, бунтовать и сопротивляться. Но больше не хотела этого делать. Потеряв все, к чему привыкла, она точно знала, что уже обрела что-то другое. Оставалось только найти реальное подтверждение этому. Хотя, кое в чем ей уже таковые подтверждения не требовались. Кое-что она осознала наверняка. Осознала, хоть и не сразу поверила себе, а поверив — испугалась.

Не в силах больше сидеть на месте и справляться с разом нахлынувшими мыслями и ощущениями, Фреда снова оделась и выскочила на улицу. За проведенные в доме часы погода изменилась. Небо покрылось тучами, сквозь которые едва проглядывал лунный диск. В этих местах темнеет рано, и сейчас на улице был уже ранний вечер, немного пасмурный и от этого серебристый, монохромный, лишь закатное солнце расчертило небо ярко-оранжевыми мазками.

Фреда двинулась к краю скального выступа, у подножия которого переливалась вода фьорда. Спускаться не стала, остановилась на самом краю, подняла голову и посмотрела сначала на темнеющее небо, а затем вдаль, туда, где, сообразно ее географическим познаниям, располагались многочисленные острова, начиная от сурового Свальбарда и заканчивая самыми крошечными, безымянными, представляющими собой лишь одинокие

скальные выступы среди ледяных вод.

Туда и только туда вдруг потянула ее незримая сила. Коснувшись груди, где приятной надежной тяжестью ощущался Custos, она вспомнила свой недавний сон, в котором она парила над каким-то мирным пейзажем.

Улыбнувшись приятным ощущениям, неизменно возникающим, когда она вспоминала этот сон, Фреда внезапно поняла, что отчетливо видела лица тех, кто возник в ее сне — мальчик и женщина. Очень похожие друг на друга, светловолосые и синеглазые.

А еще там была девочка, такого же возраста, что и мальчик. И в этой девочке Фреда теперь безошибочно узнавала саму себя.

... Долго ничем не нарушаемая тишина словно бы скапливалась под темными сводами ритуального зала и начинала вибрировать, создавая монотонный звук, похожий на гудение.

Человеческое ухо никогда ничего бы не уловило, но вампир ощущал любое колебание окружающего пространства, и даже тишина могла ему многое сказать.

Вагнер опустил на колени на каменный пол и поставил рядом с собой небольшой сосуд, наполненный прозрачной жидкостью. Вонзив клыки в запястье, быстро стряхнул в чашу несколько тяжелых капель крови. Прозрачная жидкость мгновенно стала опаловой и словно загустела, приобретя сиропообразную консистенцию.

Окуная в полученную субстанцию палец, вампир стал чертить на темных каменных плитах пола какие-то знаки, располагая их по окружности. Лицо его застыло, глаза неотрывно следили за появляющимися знаками, губы что-то едва слышно шептали. Закончив наносить последний знак, замкнувший круг, Вагнер вытащил из-под полы пиджака небольшой сверток и положил предмет в самый центр окружности из символов. Свертком оказался тонкий свитер из мягкой светлой шерсти. Ворот свитера был покрыт засохшими бурыми пятнами, и вампир аккуратно расправил его так, чтобы пятна оказались сверху. Затем снова прокусил запястье и, продолжая что-то шептать, капнул своей кровью на свитер.

Вверх, с тихим шипением, словно на шерсть попала искра пламени, а вовсе не кровь, взметнулась длинная и тонкая струйка дыма. Вагнер подался вперед, крылья его прямого носа дрогнули, и он втянул дым в себя. Голова вампира чуть запрокинулась, глаза закрылись. На миг он замер неподвижно, пропуская через себя силу ритуала, подчиняя себе, заставляя работать, и погрузился в мир, который приоткрывала перед ним магия.

Через минуту он открыл глаза, на лице его было написано разочарование и облегчение одновременно.

Ничего нового он не узнал. Проводя ритуал Шепот истины уже третий раз, он не увидел ничего, о чем магия не поведала ему прежде. Свитер Фреды со следами ее крови, в котором она была в день происшествия в музее, как нельзя лучше подходил для ритуала. Именно кровь могла рассказать ему о девушке больше, чем что-либо, но кровь "молчала", скрывая все тайны, которые, несомненно, имелись.

Вагнер увидел то, что уже видел дважды: неясные картины, мальчик и девочка, которых обнимала молодая женщина со светлыми волосами, стоя на пороге дома среди снегов. У девочки были зеленые глаза Фреды, и она смеялась. А дальше — ничего, словно поезд, в окне которого мелькали картины прошлого, вдруг заехал в непроницаемо темный туннель.

Обрывочные, нечеткие образы, скорее всего, были единственным, что на сегодняшний

день хранилось в сознании Фреда из её прошлого, до того, как она оказалась в приюте. И дело явно не только в непрочных детских воспоминаниях, стертых пережитым стрессом от потери родителей.

Кто-то надежно закрыл самую прочную память — "память крови" — непроницаемой завесой, наложив сильное заклятие. Такое сильное, что Вагнер пока не знал, как снять блок, ничего не нарушив. А нарушить можно многое. Как правило, если грубо и неосторожно прервать связь, установленную между магией и человеком, запускался механизм, который мог привести к непредсказуемым последствиям. Потеря разума, разрушение личности или гибель подвергнувшегося такому воздействию были среди возможных вариантов.

Немногие обладали достаточной силой и талантом, чтобы накладывать заклинания, блокирующие или стирающие воспоминания и даже часть сущности. Если с Фредой это сделано намерено, то наверняка имелась весома причина для такого вмешательства.

Но прежде, чем разбираться с тем, кто и зачем это сделал, он должен узнать о Фреде все, что возможно узнать, не нарушая влияния магии. И выполнить это нужно предельно осторожно и прежде, чем она вспомнит вдруг сама или ее заставят это сделать.

Ею заинтересовались Аспикиенсы, которые также могут воспользоваться ритуалом Шепота истины, желая узнать сокрытое в новом адепте, которым являлась Фреда. Правда для этого им придется добыть ее кровь...

О ней настойчиво спрашивал Краус, решивший, что девушка может представлять интерес и для него.

И хотя в прежней жизни Фреды и крылись все ответы, защитить девушку было важнее, чем узнать ее прошлое.

Вагнер рассчитывал, что именно там, где Фреда сейчас находилась, и где прошла большая часть ее детства — в Норвегии — должна проявиться та сила, которая возродит ее истинную сущность так, чтобы не сработал своеобразный сигнал тревоги, способный известить неизвестного заклинателя, что в некогда оказанное им воздействие пытается вторгнуться сторонняя сила.

Фреде надо обрести себя, не обнаруживая опасного пути к своему сокрытому прошлому.

Первый шаги уже сделаны — у Фреды есть Custos, и она находилась там, где ее никто не найдет, и ничто не мешает воспринимать меняющуюся реальность, как должное, как часть ее самой.

Вагнер может помочь в этом, но лишь совсем чуть-чуть.

Глава 14."...Средь ночи огонь мой горит."

"...Средь ночи огонь мой горит"

"Идешь ли ты, друг мой, дорогой земной

Иль в Царстве Предвечном вкушаешь покой?

Огонь мой не гаснет средь стужи и тьмы,

Не здесь, так на небе, но встретимся мы".

(перевод песни Сольвейг, найден в Интернете)

В комнате было тепло, пахло дымком от полыхающих в камине дров и хвоей от стоящей в углу елки. Днем Фреда обнаружила за дверцами одного из шкафчиков и извлекла на свет компактную стереосистему и коллекцию дисков: классическая музыка и метал во всех его видах и стилях, от той же классики до трэша. Странноватая, противоречивая подборка.

Выбирая диск для вечера Сочельника, Фреда пожелала нагрузить свои ощущения по полной. И слушая сейчас негромкие, чистые и нежные звуки песни Сольвейг, понимала, что попала в точку.

Она коротает праздничный вечер в одиночестве, где-то в заснеженной Норвегии, на скалистом берегу фьорда и ждет. Нет, она ждала вовсе не Пера Гюнта, но чего-то, что непременно должно произойти. А точнее, уже произошло, но должно получить очевидное подтверждение. Как цунами, незримо зарождаясь колебаниями где-то в недрах земли, накатывало затем видимой, неподвластной контролю стихией.

Время приближалось к полуночи. На столе стояли зажженные свечи, блюдо с фруктами, и откупоренная бутылка вина, присланная Вагнером. Фреда обвела комнату взглядом, спохватившись, зажгла на елке фонарики и вышла на кухню.

Днем она решила, что раз уж это Рождество не похоже ни на какое другое, что ей приходилось отмечать в своей жизни, то и встретить праздник нужно соответственно. В домике, как и сказала Метте, действительно имелся солидный запас продуктов, и Фреда отважно испекла в маленькой электрической духовке хлеб, чего не делала ни разу в жизни. Добавив к нему присланный ей сыр, отнесла угощение на стол в гостиную.

Усевшись на стул лицом к камину, налила себе вина и сделала маленький глоточек. Ей

очень понравился бархатный, чуть терпкий вкус рубинового напитка, и Фреда выпила весь бокал. Пробегая по горлу, винопревращалось в жидкое тепло, согревая изнутри.

Все казалось правильным и спокойным, и на время Фреда совершенно забыла, что находится посреди снегов одна, за окном почти непроглядная темнота, а всё, что еще оставалось от ее прошлой жизни теперь отодвинулось очень и очень далеко.

И вдруг нестерпимо захотелось услышать живойголос, хоть с кем-то поговорить. В руках сам собою оказался телефон, сама собой нажалась кнопка быстрого вызова.

— Фреда? — Вагнер ответил после первого же звонка, голос его прозвучал негромко, спокойно.

— Поздравьте хоть вы меня с человеческим Рождеством, Вагнер, — выдала с ходу. — Это же не противоречит каким-нибудь вашим вампирским или магическим принципам?

— Не противоречит. Примите поздравления, — отозвался вампир, — хотя, мне кажется, я уже в некотором роде поздравил вас.

— Ах, да! — воскликнула Фреда. — Вино, шоколад, книги и фонарики.

— Вы не любите шоколад? Я не угадал с вином? Или с книгами?

— Скорее не угадали с фонариками, — усмехнулась она, — к старому вину, швейцарскому шоколаду, свежим фруктам и классическим дамским романам фонарики не подходят совершенно.

— Зато они подходят к вашему Рождеству, — заявил Вагнер. — А позвольте спросить, что, по-вашему, подходит к перечисленному выше?

— Ну, не зна-аю, — протянула задумчиво. — Вино, коробка шоколада, слезоточивый роман. Это набор для одинокой старой девы, заедающей и запивающей несбывшиеся мечты. К нему больше подходит кресло-качалка и кружевной платочек для утирания потока слез.

— Вот как, — задумчиво проговорил Вагнер. — В таком случае, действительно вышел прокол с моей стороны.

Фреда почему-то представила, что пока он говорил, на его губах мелькала тень улыбки.

Низкий голос в динамике звучал мягко, вкрадчиво и слегка вибрировал урчанием сытого зверя. Фреда даже возомнила, что он рад слышать ее. Но, кажется, радоваться он давно разучился, или эта эмоция, как и многие другие, попросту умерла вместе с его человеческой сущностью.

Сознавая, что в эту Рождественскую ночь пытается заменить потребность в общении

иллюзией, она поморщилась и вздохнула.

— Что-то не так? — тут же раздался вопрос. — Вам нехорошо?

— Мне? Мне никак. Я одна на краю света и мне не с кем разделить привычные с детства ощущения самого волшебного праздника, — горько усмехнулась она. — Зачем вы сослали меня сюда? Я почему-то послушно сижу в глуши и пью в одиночестве...

— Мне жаль, что вы расценили ваш отъезд, как ссылку. Это в корне неверно, — своим привычным менторским тоном заявил Вагнер. — Вы нуждались в том, чтобы сменить обстановку. Но пятизвездочный отель где-нибудь на Ривьере вряд ли уместен сейчас. Вас ищут, вы забыли? И не только человеческим властям от вас что-то надо.

— Да помню я, помню. И от этого мне не сказать, как мерзко...

— Я могу вам чем-то помочь прямо сейчас?

— Не знаю. Может быть, и можете. Развлеките меня как-нибудь. Ведь здесь нет ни телевизора, ни радио. Странно, как еще телефон работает...

— Развлечь? И как же? — не меняя серьезности тона, спросил Вагнер.

— Ну, например, расскажите, почему Метте называет вас Рейном, — выпалила Фреда.

— Видимо потому, что меня так зовут, — без заминки ответил вампир.

— Вас зовут Вагнер, — упрямо повторила она и зажмурилась, не понимая, зачем все это говорит.

— Мое имя Рейнхард, я говорил вам, — терпеливо отозвался ее собеседник. — И, честно говоря, я не понимаю, чем вас это может развлечь.

Сейчас он нажмет кнопку отбоя, прерывая ничего не значащий, абсолютно несерьезный разговор, который не мог быть ему интересен ни в коей мере, а мог только досаждать.

Но Вагнер оставался на линии, а Фреду "понесло" дальше...

— Рейн — это уменьшительное от Рейнхард. Вас невозможно называть... уменьшительным от имени. Это было бы слишком... причудливо.

За нее говорил хмель, ударивший в голову. Ведь она допивала уже второй бокал вина, ничем не закусывая. Поспешно забросив в рот две виноградины, Фреда быстро раскусила сочные ягоды и теперь заедала их кусочком свежее испеченного хлеба. А хлеб-то удался, словно она пекла такие буханки всю жизнь.

Сумбур, творящийся в голове, неожиданно развеселил Фреду, и она тихонько хихикнула, забыв, что все еще держит телефон, и собеседник все прекрасно слышит.

— Что же здесь вам кажется причудливым? — поинтересовался Вагнер. — То, что у меня имеется уменьшительное от моего полного имени? Или то, что меня можно им называть? Или то, что меня им назвала Метте?

— Что за вино вы мне презентовали, Вагнер? — Фреда резко сменила направление беседы, словно не слыша вопросов. — Оно совершенно растворило мне мозг. Лучше прекратить нашу светскую беседу, пока еще не поздно и я могу что-то соображать. Я во хмелю могу много чего наговорить... Спасибо за поздравления, на которые я напросилась, и за присланный вами презент. Прощайте, Вагнер!

— Постойте, — снова тон почти приказной, чеканный, — разве так уж ваш мозг, э-ээ... растворен, что вы не в состоянии поддержать нашу светскую беседу еще минуту?

— Но мы не беседуем! — возмутилась Фреда. — Вы все время меня о чем-то спрашиваете, а сами не отвечаете почти ни на один мой вопрос.

— На какой же ваш вопрос я не ответил сейчас?

— Почему Метте называет вас уменьшительным вариантом имени? Это как-то...

— Причудливо, да.

Он усмехнулся или ей послышалось? Фреда тряхнула головой.

— Нет, в ее устах это звучало как раз не причудливо, а очень... по-дружески, что ли. Почти нежно, знаете ли... — сказала и тут же осеклась. Господи, что она несет! Что за зелье было в этой бутылке?

— А как вас называли ваши друзья? — поинтересовался вампир.

— Фред, Рика и даже Фредди. Но ни один из этих вариантов своего имени я не люблю.

— Хм...А какой же вариант вам по душе?

— Фреда. И никак иначе, — уверенно заявила она.

— В таком случае, еще раз с Рождеством вас, Фреда, — произнес Вагнер, и от звука его голоса, ставшего вдруг еще более низким, бархатистым, вкрадчивым, по коже девушки побежали мурашки.

— Еще раз спасибо... Рейн... — ответила Фреда и тут же нажала кнопку отбоя.

Быстро положив, почти бросив, телефон на стол, будто он обжег ей руку, она уставилась на прибор. Что это сейчас такое было? С кем она говорила целых пять минут ни о чем? Её собеседник просто не мог быть тем самым Вагнером, с которым ее путь пересекся несколько недель назад.

На миг показалось, что он сейчас зачем-то перезвонит, и она снова услышит его голос, который звучал как урчание огромной дикой кошки и будоражающей вибрацией отдавался в каждой клеточке тела...

Отмахнувшись от несуразных мыслей, Фреда решительно закупорила бутылку вина, отломила от буханки солидный ломоть, взяла самое красивое яблоко и перебралась на диван. Устроившись поудобней, принялась медленно жевать хлеб с яблоком вприкуску и смотреть на огонь в камине, изредка переводя взгляд на светящуюся огоньками елку и на темноту за окном. Воображение ее отключилось, работало только восприятие данной, сиюминутной реальности, которое жадно впитывало звуки, запахи и ощущения этой особенной рождественской ночи.

Не понимая многого из того, что чувствовала и переживала, Фреда начала просто доверять себе.

Задремав на диване под тихо звучащую музыку Грига, она растворилась во всем, что ее сейчас окружало. Растворилась настолько, что когда сквозь полусон почувствовала что-то, не испугалась и не удивилась, потому что ждала, хоть сама и не знала чего...

Сон мягко удерживал в своих объятиях, а реальность проникала сквозь сновидения. Все смешивалось, переплеталось, насыщало сознание четкими образами. Образы в свою очередь сливались в единое действие, наполненное смыслом и чувствами.

...Снова она видела крепкий и надежный бревенчатый дом на склоне горы. В обособленности его расположения не было ощущения затерянности и одиночества. Наоборот, все это походило на маленький, защищенный мир, населенный кем-то особенным, наполненный спокойствием надеждами его обитателей.

Сознание устремилось к дверям дома: надо заглянуть внутрь, увидеть тех, кто там находился...

...В следующий миг Фреда уже ощущала саму себя, дремлющую на диване, освещенную отблесками пылающих в камине дров. Она чувствовала чье-то присутствие прямо за дверью дома. Не двигаясь с места, прислушалась.

Страх не было, только волнение, от которого чуть сбивалось ровное дыхание. Дверь открылась, и кто-то тихо зашел, приблизился, ступая неслышно, чтобы не потревожить. Фреда уже не спала, но продолжала притворяться спящей. Она чувствовала, как от движения

незваного гостя шевельнулся воздух, как кто-то медленно осторожно, чтобы не испугать, склонился к ней. До нее долетел запах, кажущийся странно знакомым — аромат покоя, безмятежности и чистоты. К ней наклонялись все ближе, легко и ласково коснулись волос...

...Фреда сделала шумный, судорожный вдох и резко села на диване. Широко распахнутыми глазами обвела комнату, понимая, что по-прежнему здесь совершенно одна. Сон казался предельно реальным, и такими же настоящими ощущались прикосновения, запахи, звуки.

Фреда быстро спрыгнула с дивана, схватила куртку, натянула теплые, высокие сапоги и выскочила на улицу.

Зимняя ночь такая тихая, что слышно, как потрескивали под гнетом снега ветки елей. Фреда побежала в сторону фьорда, оглядываясь на ходу по сторонам. Она быстро двигалась, глубоко проваливаясь в сугробы и с трудом вытягивая ноги, чувствуя, как снег забивался в сапоги и сразу начинал таять.

Добравшись до места, где начинался спуск к воде, остановилась, тяжело дыша. Взгляд ее устремился туда, где открывался выход из фьорда в море.

Фреда приложила руку к груди и чуть сильнее прижала Хранитель. Прикосновение амулета к коже ощущалось теплым и пульсирующим, словно живым.

Что-то заставляло вглядываться вдаль, искать зрительного и эмоционального контакта с тем, что находилось сейчас вне поля видимости, но душой и сердцем становилось все более понятным и близким...

Глава 15. Паутина дорог

Паутина дорог

"Дорога каждому своя,
И жить не просто без упрека.
Что ты не знаешь, знаю я,
А если вместе — очень много".
(автор Храм души)

Холодно, темно, пусто.

Но он не ощущал холода, прекрасно видел в темноте и привык к пустоте.

Дом все так же стоит целый и невредимый. Лео не продал его, регулярно оплачивая необходимые счета, и сохраняя в тайне, что владелец именно он.

От прошлого остались только стены: все вещи, вплоть до мелочей, всю мебель он уничтожил еще тогда. За прошедшие годы испарились все запахи, напоминавшие тот мир, который здесь некогда существовал.

Лео поднялся по тихо скрипнувшей под его шагами лестнице на второй этаж и вошел в комнату, которая когда-то была спальней Мэдисон. Бревенчатые стены и низкий потолок, перечерченный массивными балками, показались ему гробом, в котором похоронена не только часть прошлого, но и частица его самого со всеми несбывшимися ожиданиями и упущенными возможностями.

В доме не осталось ничего, напоминающего о Мэдди и детях, но для Лео здесь все говорило, шептало, кричало об их присутствии. Ему не нужно прижимать к лицу предмет одежды, хранящий слабый аромат, чтобы вызвать в своей памяти образ любимой женщины. Он и так видел ее повсюду. Призраки прошлого следовали за ним и возникали в сознании по первому желанию.

Он и сейчас видел Мэдисон, стоящей посреди комнаты.

Она расчесывала длинные, потемневшие в суровом климате пряди, изящно склоняя голову набок. До Лео долетал тонкий аромат трав, которыми всегда пахли ее волосы.

Она выглядела совсем девчонкой, капризной, строптивой, упрямой. Именно такой, какой он хотел видеть ее.

Вампир застыл посреди пустого помещения и смотрел в одну точку, теряясь в догадках — играло ли с ним его воображение или на мгновение почти реальным сделалось то, что хранила память.

Видение никуда не исчезло, но начало меняться. Контуры фигуры Мэдисон дрожали, искажались и изменялись, как отражение на водной глади. И перед глазами Лео уже стояла другая девичья фигура — такая же стройная, но выше и шире в плечах. Гордую голову венчала копна отливающих жемчугом волос.

Лео быстро закрыл и открыл глаза — видение исчезло, не оставив после себя ничего. Перед ним снова лишь пустая комната в пустом доме.

Он не был здесь двадцать лет, но поиски Леоны-Фреды привели его сюда снова. Все усилия разыскать ее в Праге оказались напрасными. Местное сообщество вампиров надежно

хранило свои тайны и никуда не впускало любопытствующих чужаков. Естественно в открытую спрашивать вампиров о человеческой девушке по имени Фредерика Андерссон, он не мог и не собирался, а все те сведения, которые смог разузнать, не открыли ему больше, чем уже рассказал Тайлер Вуд.

Фреда вдруг исчезла из своей человеческой жизни практически бесследно. При этом она числилась в розыске полицией как отъявленная мошенница и к тому же подозреваемая в причастности к убийству. Сам Лео столкнулся с ней при странных обстоятельствах, благодаря которым узнал, что девушка жива и каким-то образом связана с местными вампирами-магами. Информации немного и вся она получена почти случайно, но этого достаточно, чтобы засомневаться в правильности того, что он сделал когда-то и начать выяснять, что же произошло и происходит.

Стоя среди голых стен, символизирующих "утраченные иллюзии", вампир представить не мог, что в эту самую минуту, не так уж и далеко отсюда на берегу фьорда стояла Фреда-Леона. И если провести воображаемую нить по направлению взгляда девушки, то она привела бы к одному из островков архипелага в Норвежском море, к одиноко стоящему на склоне горы дому, в котором сейчас и находился Леонар Борегар и призраки прошлого.

...Как часто мы просто не замечаем, что то, в чем мы нуждаемся больше всего, находится совсем близко. Мы всматриваемся в недостижимые горизонты, а достаточно просто повернуть голову, протянуть руку или набрать номер телефона. Вовремя сказанное слово, озвученное чувство — и утраченных иллюзий было бы куда меньше...

...Вернувшись в дом, Фреда стряхнула с себя снег и остатки наваждения, сразу же стащила промокшие сапоги и поставила их у камина. Другой обуви у нее не было, а сапоги будут сохнуть долго.

Фреда быстро сменила носки на сухие и теплые, щедро плеснула в бокал вина и залпом выпила терпкую жидкость. Затем, поворошив угли в очаге, подложила сверху увесистое полено, придвинула кованную каминную решетку, сбоку поставила сапоги и отправилась на кухню — следовало выпить горячего чаю, пока простуду не схватила. Для полноты ощущений не хватало разболеться в этой избушке.

Внезапно кольнувшее предчувствие не просто насторожило, а заставило подскочить на месте и броситься обратно в комнату. Ошеломленная Фреда, не понимая, что вызвало тревожное ощущение, обводила взглядом гостиную. Вроде ничего не происходило, но где-то на периферии зрения наметилось изменение. Огонь в камине вдруг оглушительно затрещал и взвился вверх, как ослепительный парус, запуская дьявольскую цепочку действий.

Из камина, сбив и опрокинув прочно стоящую решетку, словно живое вырвалось охваченное пламенем полено, а за ним, шипя и искря, на пол осыпались раскаленные угли. Полено, перелетев решетку, докатилось до расстеленной на полу циновки, коснулось ее края и остановилось, сделав свой ход в игре "огненные салочки". Циновка охотно приняла эстафету и начала резво разгораться в месте соприкосновения с охваченным огнем деревом. Еще немного и вспыхнет вся, как прошлогодняя трава на поле.

Испуганная Фреда вскрикнула, выругалась, как матрос, и заметалась по гостиной. Отфутболила подальше сапоги, схватила совок, чтобы сгрести и забросить обратно угли, одновременно безуспешно пытаясь этим же совком оттолкнуть горящее полено от плетеного коврика. И вдруг резко остановилась, прекратив свой дикий танец, вскинула свободную

руку, словно собралась дирижировать невидимым оркестром и...

Все, что горело — погасло. Уголь на полу, полено, циновка, горящая на столе свеча и даже пламя в камине — все потухло мгновенно, словно на каждое проявление огня накинули невидимый плотный покров.

— Определенно, я это могу, — с уверенностью произнесла еще ошеломленная Фреда.

Она обвела место сражения со стихией удовлетворенным взглядом, ничуть не сомневаясь, что именно ее воздействие стало причиной внезапного отступления огня. Сердце забилося чаще: одно дело теоретически почти согласиться, что обладаешь какими-то интересными способностями, о которых и не подозреваешь, и совсем другое — по-хозяйски, со знанием дела использовать эти таинственные силы.

Соприкосновение со сверхъестественным не вызвало немедленного отрицания и оторопи, только вопросы. Отчего это полено так быстро разгорелось и вспыхнуло? Как могло буквально выпрыгнуть из очага? А коврик что, пропитан чем-то горючим?

Впрочем, ответы на эти вопросы, она уже, кажется, знала.

"Смирились?" — как-то спросил ее Вагнер. Голос его отчетливо раздавался и сейчас в ушах Фреды.

Теперь да, почти смирилась.

Завтра нужно позвонить Метте и попросить, чтобы та привезла какие-нибудь ботинки. На всякий случай.

Полено и уголь Фреда водворила туда, где им и положено быть, камин снова разожгла, придвинув к нему кованую решетку, за ней на безопасном, но достаточно близком расстоянии поставила сапоги — досыхать.

Добрый огонь снова пылал, согревая и даря ощущение уюта, а вовсе не опасности. Фреда перебрала стопку компакт дисков, обнаружила альбом "Hammerfall", прибавила громкости и, впитывая льющийся из динамиков аудио-допинг, принялась уничтожать остатки происшествия, яростно зачищая подпалины на полу и на подгоревшей циновке.

"Будто я застрял между двух миров..." — доносились до ее слуха слова одной из композиции.

А она застряла или уже понимает, какое место занимает во всем этом?

Отдышавшись, Фреда приглушила пережитое потрясение остатками вина. И на исходе этой более чем странной рождественской ночи снова ужасно захотелось услышать голос Вагнера, и не в своем воображении, а наяву, пусть хотя бы и в динамике телефона.

...Вагнер движением руки загасил горящий в каменной чаше огонь. Клубящийся дымок стал медленно таять, унося образы, которые только что были видны в серовато-голубой завесе, еще вьющейся над остывающим пеплом. Разрушилась ментальная связь, протянувшаяся сквозь пространство. Затраченные на ритуал силы растаяли вместе с дымом магического огня, но все было не напрасно.

Небольшое вмешательство в действительность на расстоянии должно было подтолкнуть Фреду к использованию своих возможностей, что и произошло. И как почувствовал вампир — действовала она, почти полностью осознавая то, что делает. Вовремя почувствовала, откликнулась, не испугалась, не смутилась, не сомневалась.

Все сложнее было настраиваться на восприятие Фреды. Многократно использованные вместе "компоненты" — магия и окропленный кровью девушки свитер — утрачивали силу взаимодействия, истончавшуюся с каждым разом, с каждым ритуалом и вскоре невозможно

будет установить связь, позволяющую плести и сооружать тонкие и сложные ментальные конструкции. Магическая составляющая требовала подпитки. Свежей крови.

И чего-то, что будет нести в себе бОльший потенциал, нежели предмет одежды.

— Ты там совсем рехнулся, Лео, — обреченно заключил Тайлер Вуд. — Спрошу просто для того, чтобы спросить. Ты уверен, в том, что собираешься делать?

— Уверен, — процедил Лео сквозь по — волчьи выпирающие клыки. — Дай мне адрес и занимайся своим делом. Тебя никак это не коснется, обещаю.

— Чего б стоили твои обещания... — пробормотал Вуд. — Адрес высылать на электронную почту или запомнишь так?

— Никакой почты. Говори, я все запомню.

— Тогда перезвони через какое-то время, я уточню сведения, — и Тайлер снова отключился, не дожидаясь ответа Лео.

... Дороги, как ленты бесконечных эскалаторов, снова уносили куда-то. Но лучше двигаться, чем застыть на месте и окаменеть от разочарования и многовековой усталости.

Из Норвегии вампир совершил перелет в Швецию, и на исходе ночи его самолет приземлился в аэропорту Умео. Пребывание в этом городе Лео не собирался обозначать перед местным вампирским сообществом и останавливаться в Убежище. Значит, надо самостоятельно найти надежное и безопасное место, где можно укрыться днем.

Просмотрев информацию в аэропорту, Лео выбрал маленький недорогой отель, часть номеров в котором располагалась в полуподвальном этаже. Если принять некоторые меры предосторожности, вполне подойдет.

Город еще погружен в сон, на улицах тихо и спокойно, свежий, чистый снег покрывал все и дарил ощущение безмятежности.

Лео вошел в двери четырехэтажного здания, стоящего в тесном соседстве с другими домами, совсем неподалеку от ратушной площади. Прямо напротив двери — стойка ресепшен, за ней — милая девушка с веснушками на носу и распущенными по плечам пшеничными кудрями. Она округлила глаза, увидев заходящего в двери высоченного привлекательного парня с убранными в хвост длинными волосами.

Одет в парку, стройные и мускулистые ноги обтянуты джинсами, заправленными в мощные высокие ботинки, через плечо небрежно перекинута сумка. Лицо — глаз не оторвать, и, похоже, ему это прекрасно известно. Он улыбнулся девушке, посылая такой взгляд, что у нее перехватило дыхание и непроизвольно приоткрылся рот, а по нижней губе непроизвольно прошелся влажный язычок.

Девушка, наконец, взяла себя в руки, приветливо и бодро улыбнулась, изобразив на лице "я вся внимание", но при этом продолжая одаривать Лео томным взглядом. Быстро оформив прибывшего гостя (естественно представившегося вовсе не "американским вампиром" Леонаром Борегаром), выдала ключи:

— Минус-первый этаж, ваш номер — от лифта прямо и налево, — промурлыкала она по-шведски, указывая на лифт.

Умео город вовсе не маленький, и в нем царила особая атмосфера. Из-за расположенного здесь одного из самых крупных университетов Швеции население города

почти на треть состояло из студентов. Не город, а один большой кампус. Недорогие отели, хостелы, съемные квартиры, бары и клубы наполняли город, делая его доступным для проживания и времяпровождения студенческой братии. Не удивительно, что для этого использовались все имеющиеся в наличии полезные площади, в том числе и подвальные помещения.

Минус-первый этаж, как и следовало ожидать, лишен окон. Но во всем остальном этаж (как и отель в целом) производит вполне достойное впечатление — все чисто, по-икеевски лаконично и просто. Панели, имитирующие светлое дерево на стенах, софиты в черных металлических плафонах на потолке, эстампы на стенах, похожие на пьяные творческие эксперименты студентов местного факультета искусств, ковровое покрытие густого сливового оттенка и такого же цвета двери в номера. Казалось, что прямоугольники дверей "вырастают" из пола, являясь его непосредственным продолжением. Оптическая иллюзия позабавила Лео, пока он шагал по коридору.

Осмотревшись в небольшом, но чистом и удобном номере, вампир плотно задернул шторы на узком окне, расположенном под самым потолком. Достав из сумки моток скотча, надежно закрепил ткань по периметру рамы, а сверху еще добавил развернутую многостраничную газету.

Исключив даже ничтожную вероятность попадания в помещение солнечного света, вампир принял душ и, улегшись на неширокой кровати, мгновенно погрузился в глубокий, но чуткий сон, как уставший воин в перерыве между битвами.

За несколько дневных часов он полностью восстановил силы и готов был снова вскочить на "ленту эскалатора", чтобы двигаться дальше, и едва наступили сумерки следующего дня, он отправился по нужному адресу.

...На окраине города, по обе стороны широкой и длинной улицы расположились двухэтажные таунхаусы. В одном из них, если верить сведениям, полученным от Вуда, жил некто по имени Эйвин Ульриксенн. В прошлой жизни — Джейк Саттон, сын Мэдисон и родной брат Фредерики-Леоны.

Возможно, узнав что-то про Эйвина, Лео сможет понять природу странных ощущений, преследующих его последнее время. Вампиру казалось, что сквозь него проходит мощный, неотвратимый поток. Он неся, будоража, электризуя, не позволяя ничего удержать, чтобы понять и почувствовать, и оставлял после себя только вопросы. А точкой старта этого потока стала неожиданная встреча с Леоной-Фредой.

Сама же девушка вырвалась откуда-то из иной реальности, как птица, вылетевшая из шапки фокусника. Он сбежал тогда, ничего не спросив, не узнав, и теперь разыскивал ее, сам не зная зачем. Но уж точно не потому, что разволновался насчет ее благополучия.

Лео быстро нашел нужный корпус в ряду кирпичных коричнево-серых домов-клонов. Под общей крышей — два входа, два симметрично пристроенных гаража. И соответственно две проживающие через стенку семьи. Пытаться войти в дом нет смысла, но можно посмотреть и послушать, держась чуть на расстоянии.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Зайдя с обратной стороны домов, вампир увидел протянувшуюся параллельно главной улице узкую аллею, обсаженную деревьями. Несколько лавочек, занесенных снегом, казались печальными и одинокими в свете неярких фонарей. Лео выбрал одну, расположенную ближе всех к дому и дальше от фонаря, стряхнул с нее снег и присел.

Одетый в парку с капюшоном, закрывавшим лицо, джинсы и ботинки на толстой подошве, он ничем не выделялся из числа прохожих и никто не обращал на него внимание. Лео терпеливо сидел и смотрел на горящий в окнах свет, стараясь выделить из заполнившего уши многоголосья людского бытия то, что может представлять интерес. И, наконец, он услышал.

— "Эйвин, ты будешь ужинать?" — прозвучал по-шведски юный женский голос.

Лео, сосредоточившись на произнесенном имени, сразу уловил, как изменилась эмоциональная окраска там, откуда доносились слова. Смятение, недовольство, раздражение, и все это понеслось следом за простым вопросом. Чьи-то скрытые эмоции рвались наружу, но сдерживались усилием воли.

— "Я сначала пройдуся", — негромко раздалось следом. Теперь говорил молодой мужчина. Приятный баритон звучал спокойно, и лишь чуткий слух вампира уловил в нем вибрации раздражения.

— "Пойти с тобой?"

— "Не надо. Если ты голодна, не жди меня — ужинай".

— "Нет, одна не буду. Я подожду. Только скажи приблизительно, когда вернешься, чтобы я поставила разогревать. Или позвони", — смиренно, сдержанно, стараясь не переходить некую грань, отозвалась девушка, но голос ее чуть заметно дрогнул.

Диалог звучал буднично, словно заученная формула, повторяемая из зараз в раз.

Лео поднялся с лавочки и вернулся на главную улицу. Вороша рыхлый снежок носами ботинок, он не спеша шагал по узкому тротуару вдоль домов, всем своим видом являя образец праздно прогуливающегося. Пройдя вперед, вампир перешел на противоположную сторону улицы, остановился и повернулся. Из подъезда дома, где жил парень по имени Эйвин, вышел молодой человек. Узкие синие джинсы, объемная куртка, шея замотана ярким полосатым шарфом, в который молодой человек прятал нижнюю часть лица, выставив на всеобщее обозрение непокрытую, бритую "под ноль" голову. При отсутствии волос глаза особенно выделялись под нахмуренными бровями, взгляд был устремлен вперед, словно юноша видел впереди некую цель, которую собирался штурмовать.

Эйвин (Лео не сомневался, что это был именно он) прошел мимо вампира, в конце улицы свернул, и, прибавив ходу, направился к морю. Держась на расстоянии, Борегар незаметно следовал за юношей. Дойдя до берега, парень, осматриваясь на ходу, стал двигаться вдоль прибрежной полосы. Найдя неосвещенный и наиболее удаленный от домов и дороги участок пляжа, юноша остановился.

Он замер, засунул руки в карманы куртки, опустил голову, еще больше спрятав лицо в шарф и выставив бритую макушку навстречу ветру. Он стоял так близко к воде, что его ботинки заливало едва заметным колыханием ледяных волн. Лео, затаившись неподалеку, наблюдал за парнем.

А тот тем временем присел на корточки и погрузил обе руки в холодные воды моря.

Долго Эйвин не менял позы, не вытаскивал рук из ледяной воды. Наконец, медленно выпрямился во весь рост и...стал снимать одежду. Раздевшись до трусов, парень решительно стал заходить в море — все дальше и дальше.

Когда вода достигла груди, Эйвин изогнулся гибким сильным телом, как дельфин, занырнул, прорезав темную поверхность воды на небольшую глубину и поплыл прочь от берега.

Лео, застыв в немом удивлении, смотрел на удалявшегося юношу, на расстоянии чувствуя, что тот находится на грани человеческих возможностей, едва выдерживая ледяное

прикосновение волн. Но парень уплывал все дальше, и, кажется, не собирался возвращаться.

Глава 16. Пролился свет

Пролился свет

"Есть причина, по которой ты выбрал то, что с тобой сейчас происходит. Держись, пройди через это наилучшим образом, и в скором времени ты поймешь эту причину".
(Ричард Бах «Бегство от безопасности: Приключение этой души»).

Рождество Фреда провела, практически не покидая домика, только однажды быстро пробежала в домашних кожаных мокасынах по протоптанной в снегу дорожке за дровами и тут же вернулась. Она жевала, читала, переслушала почти всю имеющуюся коллекцию дисков, выпалась до одурения.

К вечеру, когда сапоги просохли, смогла выйти и прогуляться до берега.

Ночь была волшебной, словно сошедшей с классической Рождественской открытки. Темно-синее небо усыпано звездами, луна отражалась блистающей дорожкой на спокойной поверхности воды. В чистом морозном воздухе растворено нечто, вызывающее почти детское ощущение восторга. И это можно вдохнуть, почувствовать внутри себя.

Фреда смотрела в глаза ночи и не боялась. Она совсем одна, среди снега, скал и лесов, на многие километры вокруг и без возможности выбраться отсюда. Последние недели ее вынуждали подчиниться чьей-то злой воле и принять свою участь, какой бы она ни была. А там, откуда она приехала, не осталось ничего прежнего. Но, тем не менее, что-то еще способно вызывать у нее неподдельный восторг.

Она достала из кармана телефон, зубами стянула с руки перчатку и быстро набрала: «Я хочу вернуться».

Фреда смотрела на экран телефона, но сообщение не отправляла. Так и не решившись, пошла обратно в дом. Скоро должна вернуться Метте, хотя и не факт, что для того, чтобы сопроводить обратно в Прагу.

Здесь в Норвегии, где прошло ее сиротское детство, Фреда, вопреки ожиданию, обрела уверенность, осознала, что не стоит страшиться прошлого и не доверять настоящему. Её стали посещать воспоминания, но они не ранили, не причиняли боли.

Появились новые грезы о незнакомой реальности, и ей очень хотелось, чтобы это была именно реальность, а не вымысел или игра воображение.

Молодая женщина, синеглазый мальчик и зеленоглазая девочка. Девочкой вполне могла быть она сама, а кто те двое?

Фреде хотелось зайти за черту, снять пелену таинственности со снов и видений. Но вот что на самом деле страшило, так это узнать, что это всего лишь сны и таковыми были всегда.

А еще в ней самой приоткрылось что-то совершенно новое.

Она думала о Вагнере, вызывала в памяти его голос и черты лица.

Видела силуэт, нарисованный воображением — разворот широких плеч, безукоризненно сидящие пиджаки и джемперы на идеально сложенной фигуре. Закрытый, холодный, невозмутимый. Вампир. Но...

Но что-то было в нем, возможно, какие-то проскальзывающие крупинки, оставшиеся от

прежней человеческой сущности, и именно их она принимала за нечто настоящее. Может быть, грубо оторванная от привычной жизни, Фреда просто обманывалась, инстинктивно тянулась к чему-то, как потерянный ребенок. А Вагнер был единственной ниточкой, связующей ее с миром. Единственный, с кем она вообще могла поговорить...

Еще она думала о высоком длинноволосом вампире, которого встретила в ночь посещения заброшенной усадьбы. Он странно повел себя, исчез, едва услышав ее имя. И встретился тогда, когда она нашла свой Custos. Одно с другим вряд ли было как-то связано, но Фреда почему-то была уверена, что связь имелась.

Складывая и вычитая, переставляя и выстраивая так и этак все последние события, девушка все больше убеждалась, что в этом всем существует некая гармония, имеется смысл, который был ей пока не ясен.

Размышляя, Фреда брела от берега фьорда, миновала дом и двинулась к заснеженной равнине туда, где поодаль сплошной темной грядой протянулись ели. Она снова шла, проваливаясь в снег, чувствуя, как он попадает в сапоги, тает...

Фредерика почти дошла до чернеющей в ночи полосы леса, когда увидела, как впереди, подобно лампочкам в мигающих гирляндах, стали попарно загораться огоньки. Два, шесть, десять...

Их становилось больше и больше с каждым мгновением, и Фреда поняла, что это никакие не огоньки, а глаза. Хищные, сверкающие в ночной темноте глаза диких зверей — волков, цепью выстраивающихся вдоль деревьев. Они выходили из зарослей, останавливались и смотрели на человека, не двигаясь и не издавая звуков.

Фреда тоже остановилась и без страха наблюдала за образовавшимся на границе леса строем крупных мощных животных. Диких и опасных. Но она совсем их не боялась.

«Они не причинят мне вреда», — уверенно подумала она, кладя руку на грудь и плотнее прижимая через куртку к телу Custos.

— Вы не тронете меня. Вы здесь не для этого, — прошептала она одними губами, неотрывно глядя на волков, которых было уже не меньше двух десятков.

Словно в ответ на ее тихие слова несколько животных чуть склонили свои гордые головы, издавая тихие звуки, похожие на ворчание. Остальные просто стояли, затем развернулись и стали удаляться обратно в лес. Последним ушел один из самых крупных волков, но перед тем как скрыться в темных зарослях, задержался и оглянулся, бросив на девушку взгляд горящих в ночи глаз.

Фреда, с трудом вытягивая из сугробов ноги, вернулась к дому. Стоя на крыльце и игнорируя холод, пробирающийся во вновь промокшие сапоги, опять достала телефон и решительно нажала кнопку быстрого набора.

— Вагнер? Я хочу вернуться, — сказала она.

... Осторожно, словно боясь повредить, он отложил телефон на стол, и некоторое время смотрел в одну точку перед собой.

Она хотела вернуться, но само по себе это желание ничего особенного не означало, ведь люди (и не только люди) со слепой покорностью не смирялись с ситуацией, подобной той, в которой оказалась Фреда. Они бунтовали, спорили, пытались торговаться или всеми способами противостоять обстоятельствам. И мало кому из людей (а тем более молодых людей) понравилось бы коротать время в одиночестве, да еще и в праздничные дни.

Главное было то, КАК она это сказала. Искренне, уверенно, словно не стерпит никаких возражений, найдет способ вырваться из заснеженного "плена" и самостоятельно добраться до Праги. Поставила перед фактом, а не просила позволения.

Фреда готова вернуться, а он не был готов к ее возвращению, хоть и хотел ее увидеть. И так болезненно и бесспорно было это желание, что мешало мыслить и существовать в прежнем режиме.

Необходимо, чтобы все прошло, испарилось, перегорело, как бывало много раз за семь столетий, но на этот раз все иначе. Сейчас разум, тело и почти истлевшие волокна, оставшиеся от некогда живой души ожили неведомо где хранящейся памятью. Не смутным человеческим дежа-вю, когда казалось, что нечто подобное уже переживалось и ощущалось. Нет, это были конкретные и однозначные ощущения, означавшие что-то до боли знакомое. Совсем, как в его человеческой жизни, когда он был не один и чувствовал себя счастливым.

Фреда вернется и попадет в новый водоворот событий, которые сгущались и назревали, как грозовые тучи. И сейчас он уже понимал, что одного желания защитить ее и научить владеть своими силами совсем недостаточно. Она поверила в свои силы, но теперь нужно научиться, не колеблясь, применять их, когда ей будет угрожать очевидная опасность. Она должна научиться не только самостоятельно ориентироваться, но и жить в новых условиях.

Крауса он не опасался. А вот Смотрящие и Магистры...

Их обойти и обмануть невозможно.

Если Аспикиенсы — Смотрящие что-то заподозрят, проявят более пристальный интерес к девушке, то непременно доложат об этом квартету Доминис, а уж тем неведомы церемонии и сомнения.

Четверка, управлявшая Орденом Творящих кровь — это безэмоциональные, истлевшие изнутри и невообразимо изменившиеся снаружи человекоподобные оболочки, наполненные магией, безграничной силой и инстинктивным стремлением увеличивать свое могущество. Они испытывали, изучали, препарировали всё, что вызывало их интерес, тщательно просчитывая возможность использования. То, что не проходило их тестирование или в итоге не признавалось полезным, то неузнаваемо искажалось в процессе и затем уничтожалось, как балласт или мусор.

Схема, отработанная веками, механизм движения вперед, целью которого было бесконечное нарастание силы и могущества. Такова их персональная эволюция.

Если Фреда их заинтересует, они определяют ей такую судьбу, о которой невозможно подумать без содрогания.

За время отсутствия своей подопечной Вагнер не успел толком узнать, что назревало в их сообществе. Краус скупал участки земли вокруг Праги и с одержимостью коллекционера всякой-всячины приобретал старинные книги и свитки.

Происшествие в музее наделало много шума в вампирском и человеческом сообществах. И Смотрящие не снижали интереса к событиям, хотя все, казалось бы, уже было улажено.

Контакт с вышестоящей властью и регулярные отчеты перед Аспикиенсами входили в круг обязанностей Регента Пражской Цитадели. И здесь Вагнер сумел выработать определенную схему поведения. Он выживал, как выживает существо, вынужденное обитать в чужеродной и даже враждебной среде, постепенно привыкая и ассимилируясь, но сохраняя при этом основу своей индивидуальности.

Вагнер был уверен, что сможет утаить от Аспикиенсов и Крауса "опасную" правду об экстраординарных способностях Фреды, но даже того, что о ней уже было известно

достаточно для того, чтобы Фреде устроили жестокие испытания. И если она их пройдет и выживет, то ее примут в Цитадели как мага-ученика уже на постоянной основе, и непременным условием этого станет обращение в вампира.

Создателя назначат Аспикиенсы, и вовсе не обязательно им станет опекающий сейчас Фреду Регент.

Вампир Рейнхард Вагнер ни при каких условиях не хотел, чтобы Фреда стала таким как он. Но в данном случае выбора ни у него, ни у нее не было: если добровольно вампиром она стать не пожелает, ее обратят силой. Остаться НЕвампиром, противозаконным и опасным носителем магии крови ей не позволят.

... Метте вернулась раньше.

Фреда не стала рассказывать ей про свои приключения. Она утаила, как сражалась с огнем и про встречу с волками. Хотя несколько раз показалось, что рыжеволосая норвежка с особым интересом посматривает на нее. Возникало чувство, словно им известно нечто общее, но ни одна из них не заговорит про это первая. Ощущение усилилось, когда Фреда вспомнила, что ее новая знакомая — вервольф.

— Собирайтесь, ваше изгнание окончено. Вагнер велел вести вас обратно, — бросила прямо с порога Метте.

Фреда за пять минут побросала вещи в сумку, не забыв книги, подаренные ей Вагнером, последний раз окинула взглядом свою волшебную обитель, и вот уже они ехали по шоссе в аэропорт Тронхейма.

В Прагу девушки вернулись одним из дневных рейсов.

Фреда была уверена, что сейчас-то точно сможет отследить путь от аэропорта до Цитадели и узнать, наконец, где та расположена. Но не тут-то было.

Проследить внятно она смогла только дорогу до центра. Остальную часть пути Метте петляла по улицам, заезжая на окраины и кружа там по дворам и переулкам. В итоге они вынырнули на какой-то безлюдной улочке и въехали во двор, похожий на квадратный колодец, стенами которого являлись пристроенные друг к другу старые кирпичные здания. Направив автомобиль в арку между домами, Метте подрулила к входу в подземный паркинг, располагавшийся под двухэтажной пристройкой к одному из домов.

Миновав ряды автомобилей, они спустились на уровень ниже и непостижимым образом, словно пройдя через невидимый портал, оказались в совсем иной части парковки.

Выйдя из машины, Фреда узнала тихий и пустынный гараж Цитадели.

Там Метте, ничего не объясняя, проводила девушку к лифту, подождала, пока та войдет в него и быстро попрощалась.

Знакомые помещения встретили привычной тишиной и отсутствием обитателей. Неудержимо захотелось сразу же направиться в библиотеку и увидеть там стоящим у камина или сидящим в кресле Вагнера, но сейчас была середина дня, и в это время Регент никогда не появлялся в библиотеке.

Фреда потащила в свои комнаты, где приняла душ, перекусила чаем с купленными в аэропорту круассанами и завалилась спать.

Проснувшись ближе к вечеру, бодрая и отдохнувшая. Вымыла голову, тщательно высушила феном и уложила непокорные волосы, выпила чашку ароматного кофе и отправилась в библиотеку. Вежливость требовала поздороваться со здешним хозяином —

Вагнером и доложить ему о своем приезде. Хотя она не сомневалась, что он уже в курсе.

Время было еще ранее по вампирским меркам — всего пять вечера.

Фреда шла знакомыми коридорами, делала привычные повороты в нужных местах и наконец, оказалась в библиотеке.

Камин холоден и пуст, даже золы не было в нем. Пустой оказалась и библиотека, то есть всё в ней оставалось по-прежнему — стеллажи, книги, диваны и кресло — не было лишь Вагнера. Слегка разочарованная Фреда, раздумывая, покрутилась на месте и покинула комнату. Выйдя в коридор, направилась привычным путем, в холл с арочными проходами, но где-то в середине пути, там, где нужно было свернуть, уверенно пошла прямо.

Она шла, пока в торце неожиданно удлинившегося коридора не уперлась в двухстворчатую дверь. Потянув ручку, не надеялась, что дверь поддастся, но тяжелая створка послушно приоткрылась, являя в проеме скудно освещенный кусочек какого-то помещения. Фреда раскрыла дверь шире — перед ней оказался еще один коридор, поуже и темнее, чем тот, где она сейчас находилась. Стены отделаны потемневшими от времени деревянными панелями с укрепленными на них тускло горящими, тронутыми патиной бронзовыми светильниками.

Фреда шагнула вперед и прикрыла за собой дверь. После недолгого раздумья направилась налево, в ту часть прохода, что казалась длинней и терялась в полумраке. Она не задавалась вопросом, куда направляется, ее влекло обычное любопытство.

Дойдя до конца, Фреда обнаружила проход с ведущей вниз металлической винтовой лестницей. Спускаясь по ней, девушка постаралась очистить свой разум и просто шла, зная наверняка лишь одно — она обязательно куда-нибудь придет.

Лестница, словно располагавшаяся в круглой каменной башне, уводила все ниже, поворачивая по часовой стрелке. Наконец, Фреда ступила на выложенный камнем пол и оказалась в мрачном пространстве неопределенной формы и размера, скудно освещенном единственным светильником возле лестницы. Звуки гулко отражались от каменных стен и сводчатого потолка, тонувшего во мраке. Остальное пространство погружено в темноту, и Фреда почти ничего не могла разглядеть, лишь где-то впереди различала редкие пятна света, словно там горели свечи. Можно продвигаться от пятна к пятну, надеясь куда-нибудь прийти, или вызвать шар света и осмотреться получше, но Фреда почему-то отмела эту возможность и пошла в произвольно выбранном направлении.

Решив, что оказалась в обширном подземелье, она передвигалась от одной свечи, закрепленной в канделябре на стене, до другой, и так дошла до возникшего в каменной стене проема, с льющимся из него слабым, мерцающим светом.

Фреда осторожно заглянула в проем, стараясь не обнаружить свое присутствие, и застыла, оцепенев и онемев от каскада чувств, накатывавших одно за другим.

В большом, а может быть и в очень большом зале — его неразличимые границы тонули во тьме — походившем на помещение средневекового замка, где все было сплошь из гладкого темного камня, на полу был начертан большой светящийся круг. За пределами этого круга расставлены каменные столбчатые опоры, с укрепленными на них чашами, в которых курился синеватый дымок, пластичный и однородный, как волнуемая ветром тонкая ткань. Присмотревшись, Фреда увидела, что круг состоял из внешней и внутренней окружностей, пространство между которыми заполняли загадочные знаки и символы, испускавшие равномерное свечение. На некоторой высоте от пола свет от круга смешивался с дымом из чаш и уходил ввысь в виде сияющего столба с извивающимися в нем прожилками

перламутровой мглы.

Первоначальное удивление и любопытство Фреды сменились высшей степенью изумления, когда внутри столба света она разглядела фигуру, парящую в воздухе.

Двигаясь в плавной, едва заметной амплитуде, словно мягко пружиня вверх-вниз, метрах в трех от пола завис обнаженный мужчина.

Фреда широко раскрыла глаза и невольно приоткрыла рот, узнав в этой странной инсталляции Вагнера.

Абсолютно голый, с откинутой назад головой и поднятым вверх лицом, он казался призрачным изваянием с совершенными формами. Широкие прямые плечи, мускулистый торс, переходящий в узкие бедра и сильные, стройные ноги. Руки опущены вдоль тела и повернуты ладонями вперед.

Кожа его приобрела голубоватый оттенок, глаза были закрыты, лицо застыло. Он, наверное, пребывал в каком-то трансе, полностью отключившись от внешнего мира, а Фреде показалось, что она видит Вагнера мертвым и ее передернуло от этой мысли.

Фреда продолжала стоять и смотреть, не в силах отвести взгляда и, понимая, что заглянула куда-то за невообразимые пределы, куда и не мыслила заглядывать никогда и ни при каких обстоятельствах. Она даже не подозревала о существовании чего-то подобного. Просмотренные по телевидению шоу талантливых иллюзионистов не в счет — то была лишь иллюзия, и Фреда это прекрасно понимала, хотя и восхищалась визуальными эффектами и мастерством исполнителей.

Но сейчас никаких иллюзий не было, все происходило наяву, с реальными, физически ощутимыми сильнейшими энергетическими волнами, идущими от завораживающей инсталляции в виде красивого обнаженного мужского тела, легко и свободно парящего в столбе света и танцующей пелене дымка. И это был Вагнер. Тот самый, которого она до сих пор видела всегда облаченным в его безупречные пиджаки и джемпера и с непроницаемым лицом.

— Рейн... — прошептала Фреда одними губами.

Глава 17. Мир, в котором нет стен

Мир, в котором нет стен

«В этом мире есть другие силы, помимо злой воли...»

(Властелин колец)

Ошеломленная, она отступала назад, пока не уперлась в стену. Над головой задергалось и затрещало пламя укрепленной в канделябре свечи.

Фреда вздрогнула, стряхивая оцепенение, и быстро пошла по коридору, продвигаясь в полумраке скорее инстинктивно, чем осознанно.

Мысли беспорядочно метались, сердце трепыхалось в груди, а на сетчатке глаз, казалось, навечно отпечатались недавно увиденное. Фреда добежала до лестницы, взлетела по ней, пронеслась по коридору до двустворчатой двери, проскользнула через приоткрытую створку и, резко выдохнув, припала спиной к дверному полотну с обратной стороны.

...Вагнер уже вышел из транса, когда заметил присутствие затаившейся Фреды. Он продолжил удерживать себя в прежнем состоянии, чтобы не спугнуть девушку: то, что она увидела и так достаточно ошеломило ее.

Когда она сбежала, и ее торопливые шаги смолкли, вампир опустился на пол, вышел из круга, подобрал с пола и натянул свободные черные штаны. Затем яростно прокусил свое запястье и, окуная в струйку крови пальцы другой руки, принялся покрывать красной жидкостью символы, начертанные между кругами. Каждый символ, полностью покрытый кровью, переставал сиять, словно выключался. То же манипуляции вампир проделал и с кругами. Затем Регент горстями зачерпывал из чаш еще горячий пепел и бросал его на продублированный кровью рисунок. Когда начертанное полностью покрыла серая зола, все письмена разом исчезли, словно ничего и не было. Не осталось и малейшего следа ни крови, ни пепла, только чистые каменные плиты пола.

Теперь необходимо восполнить потерю крови и снова можно существовать.

До следующего раза.

Фреда вернулась в свои комнаты, двигаясь на автопилоте. Не могла понять, что же шокировало, потрясло, ошеломило ее больше — наблюдение за невероятным сверхъестественным действием в таинственных чертогах или же полная нагота Вагнера.

С существованием магии, как и мира сверхъестественного в целом, она уже смирилась. Ханжой или невинной простушкой, задержавшейся в развитии, точно не была, а вид красивого обнаженного мужчины вызывал у нее, прежде всего, эстетическое удовольствие, а не чувство неловкости. Но Вагнер, которого она привыкла видеть предельно невозмутимым, отстраненным и застегнутым на все пуговицы, привел ее в полнейшее замешательство. Оказалось, что под сюртуками и пиджаками скрывалось вовсе не противоестественное и отталкивающееся, лишенное половых признаков существо, а безупречно сложенное, привлекательное мужское тело, вполне способное вызвать эстетическое удовольствие у нормальной женщины.

Не зная, чем себя занять, чтобы хоть как-то приглушить яркость картинок, намертво отпечатавшихся в сознании, она какое-то время просто бродила взад-вперед по комнатам, пока не раздался сигнал телефона.

— С возвращением, Фреда.

Она знала, что услышит в трубке Регента, но все равно вздрогнула от звука его голоса.

— Если вам не трудно, спуститесь в библиотеку.

Вежливый, невозмутимый, как обычно. Только сказал «если вам не трудно». Почему ей должно быть трудно? Раньше он никогда так не говорил, просто «жду вас в библиотеке» и все.

Достав из холодильника бутылку с апельсиновым соком, Фреда залпом выпила больше половины, перевела дух и направилась в библиотеку.

— Вы выглядите отдохнувшей и посвежевшей, — этими словами встретил ее Регент.

«А вы выглядите одетым. И другим...», — пронеслось в голове у Фреды.

Он стоял там, где она и ожидала его увидеть, у вновь привычно пылавшего камина. Идеально сидящие черные джинсы и черно-белый джемпер подчеркивали стройность его фигуры и гордую осанку. V-образный вырез приоткрывал сильную шею и ямку между ключицами...

На бледном лице выделялись глаза, из которых почему-то исчезло фантастическое сияние, но радужки по-прежнему были глубокого цвета индиго. Как вулканический закат. И в самом Вагнере что-то неуловимо изменилось.

— Рад вас видеть.

Сказано просто, почти формально.

— Как ни странно, я тоже рада...вернуться, — отозвалась Фреда.

Возникла пауза, во время которой они смотрели друг на друга.

— Будете спрашивать? Экзаменовать? Снова проведем какие-нибудь испытания на магическом полигоне? — вдруг выпалила Фреда, с вызовом вскинув голову.

От движения головы на ее волосах ожил шелковистый отблеск, как перламутр на поверхности жемчужины. Вздернутый подбородок позволил увидеть больше нежной, смуглой шеи, приоткрыв то место, где едва заметно пульсировала жилка.

Вагнер, сохраняя внешнюю невозмутимость, медленно завел руки за спину и с силой сжал кулаки.

— Никаких испытаний, никаких расспросов, — спокойно ответил вампир, — есть темы для бесед, но не сегодня. Хотите прогуляться?

Не ожидая подобного вопроса, Фреда недоверчиво воззрилась на Вагнера.

— Прогуляться? На какие-нибудь развалины или снова кружить по городу, глядя на улицы из окна машины?

— Что-то типа того. Одевайтесь...

— ...поудобней и потеплей... — закончила за него фразу, выходя из библиотеки.

Улыбка тронула губы Вагнера, и взгляд его скользнул по удаляющейся фигуре Фреды. Руки почти потянулись, чтобы удержать, привлечь к себе, снова ощутить близость гибкого тела. Как в ту ночь, когда он утащил ее из-под носа полиции.

...Они проехали неспящий центр города и направились на юго-восток.

— Уж не в Пругоницы ли едем? — спросила Фреда, всматриваясь в окно машины.

— Сюрприза не получилось, — ухмыльнулся Вагнер, — угадали.

— Я не гадала, а предположила. Сколько раз была там, но ни разу ночью. Чем не сюрприз!

Вампир в ответ чуть склонил голову.

Большой Пругоницкий парк, раскинувшийся рядом с Гостиваржской плотиной, был великолепен в любое время года. И, как оказалось, в любое время суток.

Ночное небо, луна и звезды, замершие, погруженные в зимний покой фонтаны, влажно блестящие камни альпийских гор, темные очертания замка Сильва-Тарука добавляли этому романтическому месту, таинственного готического очарования.

Водопадики, изогнутые мостики, заросшие аллеи, множество вечнозеленых рододендронов — сказочная страна, куда можно попасть, если только очень сильно верить в чудеса.

Вагнер припарковал машину у входа в парк, выбрав наиболее темное место среди деревьев, и вышел из автомобиля. Фреда в нетерпении выскочила одновременно с ним. Она все еще ждала подвоха, почти уверенная в том, что сейчас ей устроят очередное испытание на прочность и устойчивость к разного рода проявлениям сверхъестественного. Гостиварж — одно из самых ее любимых мест в Праге, и увидеть его ночью, словно приоткрыв с другой, неизвестной доселе стороны, было чем-то неожиданным, вызвавшим настоящий восторг. Это ощущение почти развеяло неприятный осадок подозрительности и недоверия.

Вагнер тем временем вытащил что-то из багажника и подошел к девушке.

— Давайте пройдемся, — сказал он, легким кивком головы указывая направление движения. Фреда заметила, что в руке он держит... корзину для пикника.

— Э-мм, у вас там ингредиенты для какого-нибудь зелья? — поинтересовалась девушка. — Или горючее для файерболов?

— Ни то, ни другое, — невозмутимо откликнулся вампир.

— Лаконично, как всегда, — с укором заметила Фреда.

— Упрекаете в постоянстве? — иронично поинтересовался Вагнер.

— Одобряю вашу неизменность, — ответила ему в тон. — Когда хотя бы приблизительно знаешь или можешь предположить, чего ожидать, существуешь как-то уверенней.

— Неизменность? Хотели сказать предсказуемость. Неужели я настолько предсказуем? — голос Вагнера прозвучал так, словно он был ужасно доволен.

— Ну... не настолько, — откровенно смутилась Фреда, вспоминая то, чему недавно стала свидетелем.

Они не спеша шагали по центральной аллее абсолютно безлюдного, наполненного тишиной парка. Редкие фонари и полная луна на малооблачном небе неплохо справлялись с темнотой. В последние дни погода стояла совсем не декабрьская, скорее походила на осеннюю, и никак не навевала ассоциаций с предновогодними днями.

Выпавший снег почти весь растаял, влажный воздух насыщен густыми, терпкими ароматами прелой листвы и земли, холодной воды, мха, травы и сырых камней. Фреда и Вагнер молча шли мимо мокрых скамеек, печальных пустых клумб и спящих фонтанов, затем свернули к деревянному мостику, прошли чуть вперед и оказались на темной, пролежавшей среди зарослей, аллее. Где-то совсем близко журчала вода, кричала ночная птица, перелетая с дерева на дерево.

Неожиданно Вагнер решительно взял Фреду за руку, и, потянув девушку за собой, свернул с дороги в сторону, прямо в заросли деревьев. Фреда на миг замешкалась, удивленно

взглянув на то, как сильная ладонь вампира охватывает ее чуть дрогнувшую руку, и шагнула за ним — скорее доверяя, чем покоряясь.

Пройдя среди деревьев, они оказались на берегу быстро текущего ручья с каменистым руслом. Вагнер остановился, коротко взглянул на Фреду и, словно неохотно, медленно выпустил ее руку, скользнув пальцами по гладкой коже.

Девушка почувствовала ощутимый укол сожаления: ее руке было уютно и спокойно в его прохладной крепкой ладони. Жаль, что длилось это так недолго...

— Зачем мы здесь? — спросила Фреда, не очень надеясь на ответ.

— Садитесь, — ровным голосом сказал Вагнер.

Она оглянулась и увидела огромный пенёк, оставшийся от давно спиленного дерева: он успел потемнеть, стал словно отполированным, а по бокам оброс толстым слоем мха.

— Он мокрый, если я сяду, то быстро замерзну, — Фреда приложила ладонь к поверхности пня.

Вампир молча снял свою куртку и бросил ее на пенёк.

— Садитесь. И не смотрите на меня так — я-то не мерзну.

— А куртка — это ерунда, — добавил он, прочтя немой вопрос в пристально смотрящих на него зеленых глазах. — Не будьте такой щепетильной, присаживайтесь.

Фреда не стала спорить и села, Вагнер пристроился прямо на холодной и влажной поверхности пня рядом, но не слишком близко. Они сидели, не соприкасаясь, и каждый смотрел перед собой. Она смотрела, как блестит бегущая в ручье вода, отражая ночное небо и свет луны, и еще не осознавала, что поверхность ручья стала вдруг словно закипать. В разных местах возникали маленькие гейзеры, которые выплескивались вверх фонтанчиками и пропадали. Фреда удивленно посмотрела на вампира, но тот остался невозмутим, словно ничего не замечал, продолжая сидеть в расслабленной позе: одна нога чуть согнута, стоит на выпирающем из земли корне, рука небрежно лежит на колене. Ничего не спросив, Фреда продолжила наблюдать за разыгравшейся перед глазами водной феерией.

Фонтанчики вырывались и распадались в воздухе на миллионы брызг, сверкающих в свете луны. Их становилось все больше, они сливались, образуя более крупные фонтаны, взлетающие выше и превращавшиеся в водяные фейерверки. И вдруг вода в ручье одним большим гейзером взметнулась на десяток метров вверх и... рассыпалась на кружевное снежное облако.

Снежинки кружили в воздухе, медленно оседая на воду, на подгнившую мокрую листву и тут же таяли. Фреда, онемевшая от восхищения, с приоткрытым ртом и широко распахнутыми глазами проследила, как снежное облачко долетело до них и припорошило волосы, ресницу, одежду.

Подставив руку, девушка поймала несколько снежинок, и те мгновенно растаяли. Вагнер сделал то же самое, и Фреда увидела, как на его раскрытой ладони лежат идеальной формы снежные звездочки и... не тают. Это было невероятно красиво, но у чуда имелась пугающая и при этом печальная сторона.

Холодный, как лед, неживой, вот каким был Вагнер.

Но Фреда не испугалась, не испытала неприятия, понимая истину по-своему, видя во всем этом больше, чем могла объяснить словами.

Она протянула руку и приложила к ладони Вагнера свои пальцы. Теплое прикосновение мгновенно растопило снежинки.

И обожгло вампира.

— Спасибо. Это было красивое зрелище, — искренне сказала она.

— Вы видели другую сторону магии, наименее пугающую, покорную, управляемую, — отозвался Регент.

— Я так и поняла, — ее губы тронула мечтательная улыбка. — Покажете что-нибудь еще?

— Подумайте о том, что хотели бы увидеть. Во что хотели поверить.

Фреда устремила задумчивый взгляд в темноту.

В этот же миг, где-то на периферии ее зрения возникло слабое свечение. Фреда огляделась и не сразу заметила, что светятся ее руки. Сначала свет был призрачно слабым, чуть голубоватым, но постепенно становился все ярче. Затаив дыхание, она медленно подняла руки, держа их перед собой ладонями вверх. Свечение, как прозрачные перчатки обтекало запястья, кисти и тонкие пальцы, и вдруг стало медленно перемещаться, подниматься вверх, выстраиваясь в подобие вырастающих из ладоней лучей. Лучи состояли из кружащихся в фантастически прекрасном танце крошечных звездочек, которые вспыхивали, гасли и загорались снова.

— Ах... — выдохнула Фреда, поднимая полные восторга глаза на Вагнера, безотрывно наблюдавшего за ее лицом.

Глядя на вампира сквозь сияние, она видела, как в его радужках цвета индиго танцуют отражения сверкающих звездочек, и замечала в глазах Регента не только это, но и что-то еще, отчего сладко заныло в груди.

Тем временем сияние стало менять оттенок, переходя в теплый, красноватый спектр. Голубые звездочки на глазах превращались в огненные искры, сам свет становился огнем, и вот уже в девичьих ладонях пылало настоящее пламя.

Фреда вскрикнула, инстинктивно дернула руками, пытаясь стряхнуть огонь, дыхание ее участилось, в глазах появился страх. Она почти поддалась панике, но, снова увидев глаза Вагнера, успокоилась. Он смотрел на нее так, словно одобрял и восхищался.

Ею, а вовсе не огнем на ее ладонях.

— Оно не обжигает, — пораженно прошептала Фреда.

Поводила руками из стороны в сторону, подняла их выше, став похожей на символическое изваяние, державшее чаши с пламенем. Только никаких чаш не было и огонь полностью подчинялся ей. Она сжала пальцы, пряча пламя в горстях, и оно тут же потухло.

— И в самом деле, слушается меня, — прошептала, разглядывая ладони.

— Огонь слушался вас всегда, но вы не знали об этом. Теперь знаете, заметил Вагнер. — Не забывайте и не бойтесь. И хватит фокусов на сегодня, — заключил он, поднимая с земли корзину для пикника и открывая ее.

Вагнер извлек круглую коробку, похожую на те, в которых продают торты и снял с нее картонную крышку.

— Вот, попробуйте — это настоящий Линцкий тарт. Не какая-то подделка из местных кондитерских.

Глаза Фреды расширились, и она только переводила удивленный взгляд с Вагнера на то, что лежало под крышкой коробочки: на аккуратные, равные по размеру кусочки пирога с джемом, украшенные сверху решеткой из теста и миндальными "лепестками".

— Пикник и цирковое представление в ночном парке. И правда сюрприз! — проговорила все еще удивленно, но невольно начиная улыбаться. — Линцкий тарт? — переспросила она. — Настоящий? Прямо из Австрии?

— Настоящий и прямо оттуда, — кивнул Вагнер и добавил. — Я родом из Линца. И хотя этот пирог был изобретен значительно позднее того, как я покинул родной город, все равно это дает мне право представлять, что я принимаю вас у себя в гостях, угощая фирменным блюдом моей родины.

— Но я живу в вашей Цитадели, разве там вы не хозяин, который принимает меня в гостях? — заметила Фреда.

— Цитадель — не мой дом, и там все иначе, — отрезал Вагнер. — Сейчас ночь, а этот парк — дом, в котором нет стен. И я относительно свободен, пока властвует ночь. А сейчас здесь чувствую себя дома больше, нежели в стенах Цитадели. А это, — он указал на торт, — кусочек моей родины.

— Вы австриец? Но кажется, говорили, что из Германии?

— Я родился в Австрии и там же был обращен. Прекрасно помню время, когда Фридрих 3 сделал Линц столицей, хотя и очень ненадолго. Затем я уехал в Германию и провел там большую часть своего существования.

Слушая его, Фреда осторожно взяла хрупкий кусочек лакомства и откусила. Пирог таял во рту, поражая насыщенным и в то же время нежным джемово-лимонно-миндальным вкусом. Не заметив как, она доела весь ломтик торта и потянулась за вторым. Это действительно очень вкусно, и отказаться от еще одной порции лакомства было невозможно.

Не желая выглядеть оголодавшей обжорой, Фреда надеялась, что ночь скроет ее неловкость. Вампир больше не говорил, а она забыла, что его зрение позволяет различать все даже в полной темноте. Вагнер опустил голову, чтобы не смутить девушку прямым взглядом и смотрел сейчас на нее, не в силах отвести глаз. Он видел, как ее белые зубы откусывали кусочки пирога, она медленно изящно жевала и проглатывала. Розовый язычок деликатно мелькал между гладких губ, слизывая крошки.

Фреда увлеклась созерцанием завораживающе прекрасной ночной природы и поглощением необыкновенно вкусного лакомства, погрузилась в свои ощущения, впитывая каждый нюанс: запахи, звуки, вкус. Ощущение близости Вагнера...

Очнулась, почувствовав, что вампира рядом нет. Фреда взволнованно заозиралась, не сразу заметив Вагнера стоящим в стороне у самого ручья. Она положила недоеденный кусочек торта обратно в коробку и подошла к нему.

— Я веду себя, как невоспитанная героиня сказки — сижу не пеньке и ем пирожок, забыв обо всем, — сказала она, приближаясь к Вагнеру.

— О чем же вы забыли? — спросил он, не поворачиваясь.

— Поблагодарить вас. Спасибо. За этот ночной парк и настоящий Линцкий тарт. И за Норвегию. За самое чудовое Рождество в моей жизни. За все.

— Вы все приняли и поняли правильно, — отозвался Вагнер. — Вы — исключительная, — добавил он тихо.

— Если все действительно так, то меня это ничуть не радует, хоть я и начинаю привыкать, — отозвалась Фреда.

Она развернулась и медленно побрела вдоль берега, вороша ботинками прелую мокрую листву. Вагнер подался за ней, удержал за запястье, но тут же отпустил, заметив в глазах Фреды напряжение и тревогу. Он смотрел на нее так, будто хотел что-то сказать, а может быть и говорил в эту самую минуту, но так, что слова были слышны ему одному. Но Фреда хотела их слышать тоже. Она шагнула ему навстречу, протянула руку и положила вампиру на предплечье. Следом и вторая ее рука удобно устроилась на другом согнутом локте вампира.

Они стояли и смотрели друг другу в глаза, и он держал ее, словно не давал упасть.

Что-то схожее с уже хорошо знакомым внутренним навигатором включилось в ней. Уверенная в том, что делает, она шагнула еще ближе, и, не отнимая рук, прильнула к Вагнеру всем телом. Он замер, боясь спугнуть, не веря, что она первая сделала шаг. Но это было именно так, и сейчас она стояла, доверчиво прижавшись и положив голову ему на грудь. Он чувствовал тепло и мягкость ее тела, чистые и живые ароматы кожи и волос, биение сердца.

И лавину самых невероятных и живых чувств, разрывающих изнутри и грозящих вырваться наружу.

Фреда шевельнулась, а Вагнер замер, ожидая, что волшебство происходящего будет безвозвратно разрушено, но девушка лишь мягко высвободила одну свою руку и обвила его шею. Вагнер почувствовала легкое прикосновение пальцев у себя на затылке. Она поглаживала, перебирала короткие волосы над шеей, касалась кожи, вызывая у него безрассудную, невообразимую, всепроникающую ответную реакцию.

Прилагая немыслимые усилия, чтобы сдерживаться, он лишь обнял свою спутницу за талию и сильнее прижал к себе, касаясь щекой ее затылка, впитывая аромат и тепло. Фреда подняла к нему лицо, зеленые глаза серьезно и внимательно изучали его, а пальцы продолжали легко касаться шеи, чуть проникая за ворот джемпера.

— Ты хоть понимаешь, что делаешь со мной? — прошептал Вагнер.

— Теперь понимаю. Я надеялась, я хотела, чтобы было именно так, — ответила она ему.

Он видел и знал, что она говорит искренне, что уверена в своих действиях и ничего не боится. И от этого чувствовал себя безгранично счастливым и совершенно несчастным.

— Нет, ты даже не представляешь... — низкий, чуть с хрипотцой голос прозвучал у нее над ухом, вызывая чувство, похожее на внутреннюю приливную волну густой патоки, расплавленной карамели, жаркого солнца, поселившегося где-то в солнечном сплетении.

Он обхватил Фреду обеими руками, приподнимая над землей, прижимаясь губами к ее шее под подбородком. Она запрокинула голову, открываясь без страха и недоверия, затем приблизила свое лицо к нему, и Вагнер на самом деле, в этой реальности, а не в своих снах и фантазиях, ощутил, как теплые, сладкие губы скользнули по его жадным, ждущим, дрогнувшим от восторга губам. Он накрыл ее рот своим, пробуя на вкус, сначала осторожно, не торопясь, затем чуть сильнее, настойчивей, проникая языком в теплоту и влагу ее рта, с привкусом миндаля, джема и лимона.

Фреда обнимала Вагнера за шею уже обеими руками, ее тонкие пальцы сжимались и разжимались у него на затылке, лаская, словно притихшего дикого зверя, а губы не отрывались от его губ.

Тормоза готовы были отказать, но она чувствовала, что они не зайдут сегодня дальше. Вокруг не было стен, но какие-то стены все же существовали, и с этим стоило считаться. Но кое-что она знала точно: одна стена сегодня рухнула окончательно, позволяя сделать шаг навстречу чему-то важному и стоящему дорожке многих благ этого мира.

Глава 18. Бежать и прятаться

Бежать и прятаться

«Обними меня, и пусть вокруг поднимается ветер и бесконечно падают звезды, пусть рождаются новые миры и сгорают древние боги, пусть... Но между нашими телами, спрятанное молчаливыми объятьями, останется то, что одним своим существованием оправдывает все». (Аль Квотион)

Шагая рядом, они возвращались к машине той же дорогой. Ночь подходила к концу, набежавшие тучи почти скрыли луну и погасили звезды. Заметно похолодало и в воздухе запахло снегом.

— Я видела тебя. Там, в каменном зале. Что это за место? Оно огромное! Это Цитадели? Как и где там такое помещается?!

— Сколько вопросов сразу, — усмехнулся Вагнер. — Да, это все в Цитадели. Ты обнаружила нижний уровень. Цитадель не просто строение с набором помещений. Это именно Цитадель. Крепость только для посвященных, скрытая ото всех, устроенная так, чтобы удержать внутри всю магию, что там творится и не впускать что-то или кого-то извне.

— Ты парил в столбе света. Что это было?

— Это был всего лишь я, — он коротко взглянул на нее, — и я знаю, что ты меня видела.

— И больше ты ничего не скажешь мне? — Фреда взяла его руку, повернула ладонью вверх и провела по холодной коже пальцами. — Ты вампир, ты маг, на твоих ладонях не тает снег, и ты голый паришь в столбе света. Чего-то более странное сложно не только встретить, но даже вообразить...

— Что показалось тебе особенно странным? Моя нагота? — поинтересовался Вагнер, тоже проводя по руке Фреды пальцами, и у нее задрожали коленки от этих легких прикосновений. — Возможно, для тебя это был сюрприз, но я устроен, как все мужчины.

"Если бы как все..."

Фреда зажмурилась, ослепленная внезапно вспыхнувшим в голове изображением: Вагнер, нагой и совершенный...

— Я... заметила, — отозвалась сдержанно. — Но ты опять увливаешь от сути, а мне хотелось бы немного больше понимать некоторые вещи.

Она остановилась, удерживая его за руку, развернулась к нему.

— Твой мозг и твоё восприятие уже закалились за века взаимодействия с ненормальным и невыносимым. Ты существуешь во всем этом, а меня-то, как котенка в ведро, бросили в этот омут всего несколько недель назад, а я не согласна быть слепым котенком, — горячо заговорила она. — Не представляю, и не хочу думать о том, как долго мне придется пребывать в подобных обстоятельствах, но любой оставшийся отрезок времени не желаю ходить, словно пришибленная и каждый раз чуть ли не умом трогаться от удивления или неожиданности... Ты понимаешь, о чем я говорю? — спросила, заглядывая в его необыкновенные глаза.

— Понимаю, — ответил Рейн. — Теперь представь, что тебе невыносимым и

невообразимым кажется любое проявление магии, а мне — то, что ты сейчас рядом со мной. Никуда не сбегала, не боишься меня. И я могу прикасаться к тебе...

Не дав возможности Фреде ни ответить, ни осмыслить сказанное, он обхватил ее кольцом рук за плечи и за талию, притянул, словно припечатал к себе и неспешно, жадно поцеловал в губы. На пару мгновений объятие стало болезненным для нее, до того сильно он сжимал, но Фреда поняла и почувствовала, что иначе сейчас просто невозможно.

Нечто, заключенное в них обоих рвалось наружу, стремилось обрести свободу, чтобы где-то вонне соединиться крепко и надежно, став целым и неразделимым, более сильным.

— Здесь, в ночном парке я... верю, — проговорил Рейн, нехотя, с усилием разжимая объятия.

— Веришь? — выдохнула Фреда. — Во что?

— В нас. Но в Цитадели все поменяется.

— Почему? Почему ты так говоришь? Почему в Цитадели все поменяется?

Вагнер слышал и чувствовал, как билось, ускоряясь, ее сердце. Как горячая кровь с шумом неслась по ее венам, согревая, наполняя жизнью. Он ощущал эти процессы, незаметные обычному человеку, и сознавал, что для него это всего лишь механика, которую он сам легко может остановить, прервать в любой момент и тогда...

Он смотрел на Фреду, как одержимый, пожирая ее взглядом. Наверное, так выглядят самоубийцы перед прыжком с крыши. Его взгляд встревожил девушку, она сделала глубокий вдох, будто собираясь с силами, и коснулась рукой его щеки. Нежное, мягкое прикосновение, но с заключенными в нем твердостью и уверенностью, с теплом и лаской в недрогнувшей руке.

— Я все объясню тебе, — проговорил он, прижимаясь щекой к ее ладони, пытаюсь впитать, удержать, запомнить это прикосновение, как самую большую, чудом вдруг восполненную потребность, — но не сразу и не сейчас. На данный момент ты обладаешь всем необходимым багажом знаний и умений, чтобы двигаться вперед. Если я расскажу тебе больше, ты будешь просто сбита с толку и начнешь пытаться «подгонять» себя под обстоятельства. Это будет совершенно противоестественно и, поверь, ни к чему хорошему не приведет. И это еще мягко сказано.

— Я понимаю и не понимаю, о чем ты говоришь, — отозвалась Фреда, — но, мне кажется, я уловила главное. Ты не хочешь помешать мне понять и решить что-то самостоятельно, без помех, стороннего вмешательства, какого-то воздействия на мои решения и всякое такое. Так?

— Я же говорил — ты необыкновенная, — покачал головой Рейн, не в силах отвести от нее взгляда, — все правильно понимаешь.

— Норвегия и этот затерянный в снегах домишко. Ты ведь отправил меня туда именно для этого? Чтобы я сама что-то осознала, верно?

Вампиры стараются избегать лишних прикосновений, особенно к людям, это становится не просто привычкой, а закрепляется на уровне инстинкта, но Вагнер не мог не прикасаться к Фреде, желал этого постоянно. И сейчас крепко взял ее за руку, и они снова двинулись по дороге к выходу из парка.

— На свете есть места, в которых некоторые события и явления могут происходить совсем иначе, чем во множестве других мест, — заговорил Рейн. — Например, у кого-то рожденного там или попавшего туда и на тончайшем уровне совпавшего с энергетикой этих особых зон человека может открыться необычный дар. Или же бывает так, что в такое место

попадет кто-то с уже имеющимся, но по каким-либо причинам дремавшим талантом, то в случае совпадения с энергетикой места дар проявится. Если же возникнет диссонанс, то включение сработает непредсказуемо, и способность может проявиться искаженно, например, утратив созидательное начало, станет опасной одержимостью. Ты понимаешь, о чем я говорю? — он слегка сжал ее ладонь.

Ощувив ответноежатие, удовлетворенно кивнул и продолжил:

— Такие места на Земле сами по себе имеют особую энергетику, они как нервные узлы, в которых сосредоточено то, чего нет больше нигде, и они оказывают сильнейшее влияние на организм, событие, явление в целом. И все эти точки предназначены для чего-то своего и у каждого существа — только свои, и их нелегко найти и просчитать. Тот домик в Норвегии — одна из таких областей на земле. По моим расчетам это место идеально подходило тебе по всем показателям. В ней именно для тебя сошлись временные, географические, энергетические, эмоциональные и прочие составляющие величины. Там ты могла отпустить свои сомнения, свои страхи, избавиться от неприятия происходящего и осознать свою сущность.

— Тот домик принадлежит тебе?

— Нет, но это не имеет значения. Я лишь вычислил местность и попросил Метте подыскать что-нибудь подходящее в определенных границах. Что и было сделано.

— Метте называла тебя Рейном, — проговорила Фреда, косясь на Вагнера. — Вы близкие друзья?

— Она надежный партнер, в курсе некоторых дел, знает правила и понимает, как и что нужно делать, — ответил он, и губы его дрогнули в легкой улыбке. — Между нами нечто вроде прочного соглашения, не переходящего за определенные рамки. И еще взаимные обязательства за несколько услуг, оказанных друг другу в разное время. Но нас не связывает дружба.

— Она сказала, что знает тебя довольно давно, и что мне не стоит бояться. Она, кажется, доверяет тебе, — заметила Фреда.

— В моем мире доверие умирает вместе с человечностью, — невозмутимо отозвался Вагнер. — А не бояться было бы неправильно в корне. Бойся, но управляй своим страхом. Подчини его себе, и не позволяй это сделать ему.

Он резко остановился, дернул Фреду на себя, разворачивая ее, как в танце, и снова прижал к себе. Она почувствовала его губы на своей щеке: мягкое, долгое прикосновение, словно он пытался согреться теплом ее кожи...

Оба замерли, прижавшись телами, так тесно, как только было возможно, и некий энергообмен происходил между двумя этими существами, такими разными по своей природе. Они видели и чувствовали мир по-разному, но, возможно, это было более правильно. Ведь в этом случае можно, оставаясь собой, дополнить недостающее и стать частью единого целого.

Каждый может оказаться для кого-то Custos'ом — Хранителем сущности.

— Прошу тебя, Фреда, — хрипло зашептал Рейн ей в волосы, — прошу, не пытайся узнать больше, чем тебе удастся самостоятельно постигать на сегодняшний день. Все пока идет правильно, с нужной скоростью. И я приложу все усилия, чтобы так и оставалось. Но помни, что я сказал. Я подчиняюсь Смотрящим, они болезненно любопытны, реагируют на любое проявление магии, и от них практически невозможно что-то скрыть. Не нужно давать их любопытству лишнюю пищу. И все, что я тебе сказал и показал сегодня, я могу сделать

только в одном из таких мест, как этот парк. Но ни в Цитадели. Только не там.

Вагнер погрузил пальцы в ее густые волосы, провел, мягко и медленно, убирая блестящие пряди с лица. Фреда замерла, теряясь в неожиданной нежности прикосновения. И вдруг что-то изменилось: он собрал в кулак ее волосы, сжал и потянул, запрокидывая ей голову.

— И еще одно, — заговорил он неожиданно жестко, глядя ей прямо в глаза. — В Цитадели ты сможешь попасть только туда, куда я позволю тебе попасть. Но теми же возможностями обладают Смотрящие и Магистры. Запомни это и помни всегда, везде и при любых обстоятельствах. И будь очень осторожна. Постоянно. Ты поняла меня? — он переместил руки на плечи Фреды и слегка встряхнул ее.

— Поняла. Я буду осторожна.

— Если бы я смог, я спрятал бы тебя ото всех... И от всего... — Рейн привлек Фреду к своей груди.

Она физически ощутила, как его шепот проникает ей в уши, растворяется под кожей, насыщает каждую клеточку тела. Она впитывала его слова, как лекарство, от которого зависела жизнь.

— Как бы я не хотел и не старался, я не в силах влиять на очень многие вещи. Иногда моих возможностей хватает только на "фокусы", как ты их называешь, способные лишь отвлечь, обмануть, на время скрыть что-то. Но только не от тебя. От тебя — никогда, — он говорил это, и Фреда чувствовала, как напряглось его стройное, сильное тело, как руки крепче стиснули ее, и она невольно охнула, чуть прогнувшись назад. Рейн мгновенно ослабил объятия ровно настолько, чтобы не делать ей больно, но не отпустил.

— Сегодня я показал тебе это место, находящееся поблизости от нас, в нашей реальности. Это — своего рода временное убежище, где правда не искажается, и я могу быть хоть на время свободным от некоторых обязательств, — продолжил он. — Не забудь это.

— Не забуду, — твердо заверила она. — Есть и другие такие места?

— Уверен, что есть, — проговорил он, целуя ее макушку, — и я вычислю их обязательно. Нужно лишь немного времени.

Она шевельнулась в его объятиях, подняла лицо и прикоснулась губами к его подбородку. Рейн замер, прикрыв глаза, а поцелуй, легкий, как мимолетное дуновение теплого ветра, скользнул ниже, к его шее, задержался там. Прикосновение нежных девичьих губ, ее легкое дыхание оставляли исчезающие следы на его прохладной коже.

Они стали метками, особыми знаками, жар от которых проникал глубоко и растекался по жилам, создавая иллюзию жизни.

...Острое зрение Лео позволяло отчетливо видеть плывущего Эйвина.

Юноша двигался быстро, красиво и мощно, как морское животное, удаляясь все дальше от берега, пока совсем не скрылся из виду.

Парень явно не просто занимался экстремальным зимним плаванием, больше это походило на какую-то одержимость. Или экзекуцию. Мало кто из обычных людей решится на такое, а решившись, вряд ли выдержит так долго низкую температуру и заплывет в ледяной воде настолько далеко.

Лео не почувствовал в Эйвине присутствия чего-то сверхъестественного, хотя знал точно, что тот по рождению являлся не вполне человеком. Энергетика его была, как у

обычных людей, и все же что-то с ним не так.

Борегар решил ждать, сколько понадобится, чтобы узнать, как можно больше. Он только надеялся, что ему не придется лезть в воду и выступать в роли неожиданного спасителя самоубийцы.

Прошло немало времени и наконец, на горизонте вновь возникла крошечная точка, теперь приближавшаяся к берегу. Эйвин возвращался, ничуть не снизив скорости движения. Его сильное тело ритмично возникало над водой и вновь исчезало в фонтане брызг.

Эйвин доплыл, выбрался на берег, натянул одежду прямо на мокрое тело и, больше не задерживаясь и не глядя по сторонам, двинулся с пляжа в сторону своего дома. Лео продолжал наблюдать за ним все это время. Он определил, как предельно понизилась температура тела молодого человека, а учащенное сердцебиение стало неестественно замедленным. Лицо юноши словно замерзло: ни один мускул не шевельнулся, челюсти сжаты, взгляд потемнел и не выражал ничего.

Лео не мог сейчас уловить эмоциональное состояние Эйвина: парень словно отгородился холодной непроницаемой стеной, за которой едва теплилась жизнь. Он быстро шагал к своему дому, спрятав лицо в шарф до самых глаз, и выставив навстречу холодному ветру бритую голову. Эмоции его отключились, сердце билось все также замедленно, и ритм ничуть не ускорился от быстрой ходьбы.

Эйвин дошагал до дома, и скрылся в подъезде, а вампир быстро занял свой прежний наблюдательный пункт: на темной аллее позади дома.

Лео слышал звуки, поначалу абсолютно обыденные: стук шагов, скрип двери, дыхание. Парень, войдя в дом, был заледеневшим в буквальном и переносном смысле. Он ощущался вампиром, как человек, почти лишенный чувств, если не считать какого-то болезненного удовлетворения и нарастающего предвкушения чего-то. Ледяная вода будто предельно охладила его не только снаружи, но и изнутри.

Леонар Борегар мог утверждать сейчас с уверенностью: с сыном Мэдисон что-то творилось, и юношу явно нельзя даже отдаленно причислить к разряду живущих без забот.

Восприятие вампира содрогнулось, словно от внезапно налетевшей взрывной волны, когда он понял, что стало происходить за стенами квартиры, где жил Эйвин.

...Эйвин шел по почти пустой улице, как и многие вечера до этого и снова сомневался — сработает ли на этот раз? Он зашел в дом, открыл дверь и замер на миг в прихожей, ожидая, не нахлынет ли эта жуткая, изнуряющая, выворачивавшая наизнанку и взрывающая мозг лавина?

...Что-то случилось с ним несколько недель назад. Внутри вдруг образовалась черная дыра, которая неудержимо притягивала, засасывала и поглощала эмоции окружающих людей.

Он не сразу это понял, первые пару дней полагая, что сходит с ума.

Если сказать, что это был кошмар наяву, значит не сказать ничего. За день он переживал желания, порывы и чувства, которые не переживали сотни людей вместе взятые за всю свою жизнь. Эйвин на разных уровнях и в разной тональности, поверхностно и глубоко, искренне и притворно чувствовал, ощущал, испытывал: любил и ненавидел, жалел и презирал, страдал и пребывал в безумной эйфории, стремился помочь и познал желание убивать, боялся и радовался, хотел есть, мучился от бессонницы, волновался и злился.

И все это одновременно и каждую эмоцию с полной силой пропуская через себя. Он и в самом деле едва не сошел с ума, когда в панике мчался домой в первый вечер, а вдогонку за ним, как ураган, неслись чувства каждого прохожего. Ворвавшись в дом, где до сего момента они вполне счастливо жили вместе с Линной, он захлопнул дверь и... окунулся в эмоции своей девушки, проникшие в него мгновенно, словно вода в рыхлую почву.

Он метался по дому, как смертельно раненый зверь, не находя покоя и тишины.

И чем неистовей становились его чувства, тем сильнее реагировала Линна, испугавшись за него. Её эмоции наслаивались на его собственные, усиливали их и так до бесконечности, пока он с диким ревом не выбежал из квартиры и не понесся по дороге. Он бежал, как сумасшедший, шарахаясь от людей, потом свернул с улицы и помчался к морю. Пляж был почти пуст, если не считать пожилого мужчины, не спеша прогуливавшегося по берегу с собакой.

Эйвин побежал до кромки моря и, упав на колени, зачерпнул горсть ледяной воды. Плеснув себе в лицо и почувствовал слабое облегчение. Переводя дыхание, юноша опустил руки в воду и держал их до тех пор, пока они заледенели так, что потеряли чувствительность.

И тогда, подчиняясь неясному порыву, Эйвин стал сбрасывать одежду прямо на камни. Раздевшись до трусов, вошел в воду и поплыл. Удаляясь от берега, он удалялся от людей и переставал ловить поток посторонних эмоций. В воде у него словно отрасли крылья, и он все плыл и плыл, забыв о том, что море ледяное, и что такое купание может плохо кончиться. Тело охлаждалось, сердце колотилось как сумасшедшее, гоня горячую кровь, включая на полную режим выживания в экстремальных условиях.

Он плыл, переставая чувствовать свое тело, машинально совершая движения, и ощущая, как вместе с переохлаждением начинает притупляться боль, рвущая изнутри. Цунами эмоций отступало, организм переключался на инстинктивную потребность просто функционировать, восстановить баланс и затраченные на движение и сохранение нормальной температуры тела силы.

Эйвин выбрался на берег, оделся и пошел домой, поначалу вообще ничего не чувствуя. Тело просто онемело, мокрые волосы превратились в ледяной шлем, кож уголовы стянуло до ломоты в висках, а внутренняя дрожь вызывала ощутимую физическую боль. Постепенно от движения кровь побежала быстрее, стала раскаленной лавой, и Эйвин чувствовал, что в попытке согреться, его организм словно отключился от всего прочего, не столь жизненно важного сейчас.

Все встреченные им прохожие оставались просто шокированными его видом людьми, а не ходячими передатчиками эмоций. Он не слышал и не ощущал ничего. Эйвина накрыло ни с чем несравнимое облегчение, перешедшее в эйфорию, и чувства эти были не чужими, а его собственными.

Он ворвался в дом, кинулся к растерянной и напуганной Линне, подхватил ее на руки, целовал и сжимал в объятиях с таким неистовством, словно делал это в последний раз в жизни.

Они рухнули на кровать, и Эйвин навис над девушкой, жадно вглядываясь в искаженное испугом лицо. Он пытался понять, не обманулся ли, решив, что ледяное купание приглушило его внезапно обретенную эмпатию.

А Линна, замерев в ужасе и панике, наблюдала за Эйвином и видела только безумный взгляд, посиневшие губы, бледную до оттенка пепла кожу и покрытые коркой таявшего льда, мокрые волосы.

Нависавший над ней одержимый незнакомец с пугающим взглядом не был ее Эйвином. Первым порывом стало оттолкнуть его и бежать без оглядки, но что-то мелькнуло в глазах юноши, словно он внезапно пришел в себя. Не успела Линна осознать, что к чему, как Эйвин обрушил на нее новый каскад жадных поцелуев, одновременно нетерпеливо срывал с них одежду, неистово гладил ее тело, собирая руками тепло.

Неимоверное возбуждение охватило Линну, она застонала, обхватывая юношу руками, прижала к себе, впилась ногтями в его спину, подалась навстречу. Что бы с ним ни было, сейчас она не хотела этого знать и не чувствовала ничего, кроме иступленного животного желания близости.

Эмпатия очнулась в Эйвине в тот момент, когда он вошел в Линну одним сильным толчком. Его собственная неистовая и неконтролируемая похоть, раскалившееся до предела возбуждение слились с прорвавшимися в его восприятие эмоциями и ощущениями подруги, усиливая их многократно.

Они трахались, обходясь с телами друг друга так, словно это были механизмы, запрограммированные только для одного — получать наслаждение любой ценой. Или способом.

Оргазмы их слились в один мощный, как ударная волна, унося обоих за пределы человеческих ощущений.

С той же ночи Эйвин регулярно брил голову, решив раз и навсегда проблему мокрых волос после купаний в ледяном море.

...Все повторялось каждый вечер на протяжении последних недель.

С застывшим взглядом, полным отчаяния и запредельной усталости, заполненный чем-то чуждым до самых краев, он возвращался домой. Метался как дикий зверь в стенах жилища, отказываясь ужинать, говорить и вообще делать что-либо. Затем уходил и возвращался бледным как полотно от холода или каких-то невыносимых страданий, которыми не желал делиться. И одержимый похотью.

Линна все яснее понимала, что они с Эйвином проваливаются в бездну, где каждый из них по отдельности был бесконечно одинок и потерян. Они оживали только, занимаясь любовью. Вернее сказать, это не было занятием любовью. Они словно истязали друг друга, пытаясь забыться и спрятаться каждый от своего кошмара.

И чем дольше это продолжалось, тем меньше она понимала причины происходящего, тем меньше хотела эти причины узнать и тем страшнее ей становилось.

Глава 19. Все оставляет след

Глава 19. Все оставляет след

"Горький опыт — самое необходимое в жизни знание".
(Белый олеандр)

В холле Цитадели Вагнер молча отдал Фреде коробку с остатками линцкого тарта и ушел, ничего не сказав.

Поднявшись к себе, она почувствовала себя растерянной Алисой, внезапно вернувшейся из Страны Чудес. Она даже начала сомневаться, а было ли все то, что было: каменные чертоги, свет, Вагнер и ночной парк. Машинально, не чувствуя вкуса, выпила чашку чая и повалилась спать, ощущая себя абсолютно вымотанной.

Веки действительно стали тяжелыми, глаза закрылись, тело расслабилось и выровнялось дыхание, но... сон не пожелал прийти. Сознание словно дождалось, когда Фреда останется один на один с собой и выдало подробный разбор всего, что она пережила за последние часы.

Она заново просматривала картины чудес, виденные наяву, и переживала ощущения от того, что открылось ей сегодня. Все чувства включились, наперебой предлагая окунуться в еще свежие воспоминания.

Фреда ощущала прикосновение рук Рейна, то, как он обнимал ее, словно хотел защитить, как смотрел на нее, думая, что она не замечала его взгляда и понимала, что подобный взгляд ловила на себе прежде и не раз. Она вспомнила касание его губ и силу поцелуев, обоняние ясно улавливало аромат — смешение горьковатых запахов мха и древесной смолы, растворенных и подхваченных холодным ветром, — ставшим теперь для нее опознавательным знаком, что Рейн где-то совсем рядом, якорем, тянувшим к нему. Так пахла его кожа и короткие взъерошенные волосы, приятно щекотавшие ее ладони.

Все ощущения были такими реальными, что Фреда приоткрыла глаза и осмотрелась — не находится ли вампир где-нибудь поблизости.

Ей стало нехорошо, когда вспомнила, что сравнивала его с Големом, пустым и отстраненным, бездушным глиняным чурбаном. Теперь сравнение было совсем иным. Если уж продолжать фантазировать, то ближе всего его образ походил на пробудившееся от волшебного сна изваяние из холодного гладкого камня, ожившую скульптуру какого-то мифического персонажа, потерявшегося во времени и пространстве и оказавшегося в чужом для него мире.

Как и она сама.

Копаясь как-то в каталогах на работе, Фреда долго разглядывала альбомы по античному искусству. Внимание привлекло изображение скульптуры боргезского воина. Устремленное в застывшем движении стройное, сильное тело, приготовившееся дать отпор невидимому врагу невидимым же, вернее, утраченным мечом и обороняясь утраченным где-то во времени щитом.

Но то было застывшее изваяние, а Рейн — он совсем другое... Он крепко обнимал ее, был напряжен, как стальной трос, но она чувствовала в нем внутренний трепет, а губы его

хоть и прохладные, но были живыми и требовательными и быстро согрелись поцелуями.

Мгновенно пронеслось видение: Рейн, озаренный призрачным светом, линии и формы красивого, стройного, почти совершенного тела казались необыкновенно четкими, словно действительно высеченными из камня.

Камня, который хотелось согреть.

Разворот прямых широких плеч, рельефные мышцы груди и пресса и то, что она прекрасно рассмотрела внизу живота, меж узких бедер...

Фреда, пытаясь прогнать наваждение, заворочалась, свернулась калачиком, подтянув колени к груди, но не смогла укрыться от желания почувствовать это тело без одежды наяву и прильнуть к нему со всей силой.

Custos на груди послал прямо в солнечное сплетение вполне осязаемую волну тепла. Ощущение, как ни странно, стало уже привычным, хотя и не перешло в ряд заурядных и незаметных. Фреда накрыла амулет ладонью и погрузилась в сон.

...Она стала ближе, но их по-прежнему разделяли не только стены и уровни здания.

Открывшись Фреде, он сделал опасный шаг. Опасный, прежде всего, для нее.

Многое оставалось непонятным, и Рейн не хотел допустить роковую ошибку, которая заведет их на территорию, где он окажется бессилен что-то сделать.

До сих пор у него получалось, но произошли перемены, и сейчас, как никогда, он не должен позволить себе утратить даже малую часть того контроля, который вырабатывал столетиями, приспособливаясь существовать так, как существует сейчас.

Он не может ей ничего рассказать, но и оставлять девушку в полном неведении нельзя. Особенно после тех новостей, что ждали его по возвращении: Аспикиенсы извещали, что желают лично взглянуть на нового адепта — человека.

Вряд ли она уже сейчас вызвала их повышенный интерес чем-то конкретным, но вероятность, что такое случится весьма велика.

Если Аспикиенсы почувствуют хоть долю того незаурядного дара, которым обладала Фреда, они вцепятся в нее мертвой хваткой. Она являлась сильным сенсором и владела пассивной контрмагией, умея обращать проявленное к ней враждебное воздействие против самих нападавших. Из таких получаются идеальные солдаты и шпионы. Узнав это, Аспикиенсы сразу же доложат о Фреде Доминис, и тогда — неминуемое обращение и полное рабское подчинение Ордену до скончания веков. А уж подчинять они умели.

Вагнер мог бы научить ее, как следует поступать, чтобы этого не случилось. Если бы только у них было больше времени. Фреда не поддавалась зачарованию и могла закрываться от ментального контроля. Но получится ли у нее это со Смотрящими?

Неоднократно прибегая к помощи магии, Вагнер пытался заглянуть туда, где в недоступных скрытых сферах зарождалась и скапливалась энергия, которая затрачивалась на свершение возможных событий. Он надеялся получить пусть и не прямые ответы, но хотя бы увидеть линию направления нужного движения, узнать, где находится отправная точка. Но ничего не смог прояснить. Все линии странным образом переплетались, изгибались, теряясь во временном и энергетическом хаосе: ни начала, ни конца, ни направления.

Планы Вселенной остались сокрыты, а он раз за разом рисковал навести Аспикиенсов на опасные вопросы, ведь любое использование каждым из Регентов магии крови не могло оставаться вне их введения: расход магии столь же ценен для вампира как и расход крови. И

Смотрящие требовали подробных отчетов, которые были ничем иным, как глубоким ментальным сканированием, во время которых каждый Смотрящий мог без труда отследить, как и на что тратилась магическая энергия Регента или любого другого, владеющего магией.

Кроме единой линии крови всех членов Ордена связывало еще и нечто вроде общего подсознания. Связь была практически постоянной, и освободиться от этого «поводка» практически невозможно. Все обрывалось лишь с наступлением окончательной смерти, но общая цепь, или даже паутина не нарушалась никогда.

Столетиями Вагнер изучал, оттачивал и учился скрывать все грани своего таланта и глубину своих познаний.

Маг — это не вечный двигатель, генерирующий «волшебство», беря все необходимое из себя. Маг — это, прежде всего, ученый, который умеет использовать скрытый потенциал окружающего мира для своих целей. И любое проявление магии — это исследование, эксперимент, опыт, который не исчезает в никуда, а непременно оставляет свой след во Вселенной.

Отголоски каждого магического действия оставались в окружающем мире и в маге, и могли быть «прочитаны» так же, как криминалисты изучали преступление по невидимым на первый взгляд следам. Таким образом можно было узнавать скрытое даже о самом маге.

Чтобы отвести пристальный интерес или подозрение Смотрящих и даже Доминис, Вагнер обучился ритуалу, действующему как «опустошение». Погружаясь в транс, он избавлялся от тех следов применения магии, о которых хотел умолчать.

Очищал разум и тело, становясь пустым даже ментально.

Сам ритуал тоже являлся проявлением магии, да еще и одной из самых сильных, но Вагнер узнал способ нейтрализовать и это, применяя на задействованных в ритуале символах и кругах свою кровь и пепел, основой которого был прах живого существа, не связанного с магией. Но при этом энергетика существа должна быть очень сильной, чтобы скрыть то, что скрыть требовалось. Чаще всего для этой цели использовались останки животных, испуганных, больных, покалеченных при жизни, а иногда это были люди.

По его воле Фреда стала свидетелем проведения именно этого ритуала, застав парящим в столбе света.

Но он допустил огромную ошибку, проведя очищение до прогулки в парк, а не после.

В нем не осталось следа магии, которую он хотел утаить от Смотрящих, но он был снова полон: откровением, свидетельствующим о его интересе и пристрастии к девушке и именно это он хотел скрыть от Аспикиенсов сильнее прочего.

Если Смотрящие почуют что-то, то устроят проверку и ему, и ей. Но это может произойти и без всяких подозрений, а просто потому, что по природе своей привыкли все контролировать и подчинять.

Он может предпринять кое-что и проверку пройдет, а вот Фреда почти наверняка нет.

Каждый раз, проводя опустошение, он затрачивал на это столько ресурсов и собственной крови, что остро нуждался в немедленном их восполнении. Для этого требовалась "подпитка" от живых.

И не только кровью.

Несмотря на то, что ночь почти закончилась, он вполне еще успевал найти за оставшееся время на тихих пражских улицах какую-нибудь "искательницу приключений", если знать, где их искать. Подойдет, например, железнодорожный вокзал. Один из ближайших — Masarykovo Nadraží. На этой старой станции, расположенной в центре города,

наверняка окажется та, которая поможет ему решить проблему.

Вагнер добрался до станции в считанные минуты. В длинном проходе вокзального терминала с огромными арочными окнами сидели в ожидании несколько человек.

Люди застыли в этот предрассветный час, как усталые тени на лавочках, с оклеенными информационными листами спинками. В такие моменты, как сейчас, когда не было времени на придирчивый выбор, Вагнер довольствовался тем, что попадалось. На вокзалах постоянно находили пристанище бездомные, пьяницы и забредавшие погреться и передохнуть ночные бабочки. Но сейчас никого, даже отдаленно напоминавшего кого-то из данных категорий граждан, он не заметил.

Но наметанный взгляд все же отыскал подходящую кандидатуру: далеко не юную, прилично выглядящую особу, которая сидела, скрестив тонкие ноги и уткнувшись в мятую книжонку.

Секунды понадобились, чтобы присесть рядом, быстро подчинить хрупкое сознание, изображая для возможных свидетелей дружескую беседу и, подхватив под костлявый локоток, препроводить в укромное место. Сидящий неподалеку мужчина скользнул по ним равнодушным взглядом и снова погрузился в свои мысли и ожидание.

...Кровь ее была с привкусом извести, словно женщина одержимо спасалась от остеопороза, потребляя кальций в невероятных количествах. Хрупкое и болезненно тонкое тело податливо обмякло в его руках.

С брезгливым равнодушием привалив жертву к стене, он задрал на ней юбку, грубо раздвинул худые ноги дамы резким движением своего колена и отвернулся в сторону, чтобы не видеть ее остекленевших, мутноватых, как у рыбы, глаз.

Яростно прокусив сухую кожу на шее, Вагнер глотал и синхронно глоткам вколачивал себя в незнакомку, думая, что было бы почти забавно в такой момент захлебнуться кровью, как отвращением к самому себе...

...Всё, что мы переживаем, и с чем соприкасаемся, пусть даже и мимолетно, уходя, оставляет свой след...

Фреда проснулась около полудня, приняла продолжительный, обжигающе горячий душ, тщательно вымыла волосы, а потом, стоя у запотевшего зеркала, долго рассматривала себя. На плечах заметны синеватые пятна — напоминание о силе объятий Рейна, а от мыслей о его поцелуях в районе солнечного сплетения словно завращалась карусель, разгоняя волны тепла по всему телу.

Полдня она слонялась по комнатам, пыталась читать и смотреть телевизор, который включила впервые за все время пребывания в Цитадели. Потом просто сидела на диванчике в гостиной, неторопливо доедая остатки торта и задумчиво гоня крошки по дну коробки.

После звонка с просьбой спуститься в холл, Фреда заставила себя немного задержаться, а не мчаться вниз мгновенно со всех ног.

Он уже ждал ее, стоя посреди холла.

— Иди за мной, — сказал Вагнер, едва увидев её, тут же развернулся и направился в один из арочных проемов.

Фреда послушно двинулась за ним, стараясь игнорировать укол разочарования от того, что он даже не посмотрел на нее, а его голос прозвучал бесцветно и равнодушно.

Она шла, чуть отстав, не спуская глаз с его прямой спины. Скользнула взглядом по четкому очертанию твердых скул, когда он чуть повернул голову, словно для того, чтобы проследить, идет ли она за ним, и совсем не обращала внимания, куда и каким путем они двигались по этим бесконечным путаным коридорам.

Вампир остановился у двери, похожей на ту, что вела в комнаты, где жила Фреда. Войдя первым, подождал, когда она войдет следом, тщательно закрыл дверь и лишь потом повернулся к ней.

— Надеюсь, ты помнишь, о чем мы говорили? — обратился он к Фреде.

Она машинально кивнула, и замерла, погрузившись в бездну его глаз. Мгновенно позабыв свое разочарование и растерянность, теперь она видела только этот взгляд, безотрывно следящий за ней, полный жадного внимания и еще чего-то, что вызывало тревожный отклик.

С минуту они просто стояли и смотрели друг на друга, и между ними словно шел безмолвный диалог, во время которого Фреда интуитивно прислушивалась к себе, начиная понимать, что молчание также важно, как и слова.

Уметь молчать и видеть несказанное глазами, слышать тончайшие вибрации малейших изменений в окружающем пространстве, ощущать всей поверхностью кожи, каждым нервом — это как инстинкт хищника.

Но дело не только в умении различать чувства и эмоции, в этом был еще больший смысл. Смысл, в котором заключено возможное решение каких-то важных вопросов, умение избегать опасностей, предчувствуя их заранее и на расстоянии.

Словно шла тонкая настройка некоего сенсора, который должен срабатывать при малейшем изменении или приближении чего-то.

Фреда прекрасно помнила, что Цитадель — территория отнюдь не дружественная, и надо быть очень осторожными. Она бегло осмотрелась. Вагнер привел ее в помещение, похожее на то, где обитала она: маленькая гостиная с диваном и телевизором, только вместо кухонного уголка с плитой, шкафчиками и прочим, лишь небольшой холодильник с дверцей из темного дерева.

— Я вижу, что ты все верно поняла, — сказал Вагнер.

Он шагнул ближе и взял ее за руку, пальцы Фреды тут же отозвались ответным пожатием. Захотелось накрыть его руку второй своей рукой, словно согревая, но она не решилась это сделать. Рейн усадил ее на диванчик, сам присел рядом.

— В этой части Цитадели можно говорить более или менее свободно. Мы в крыле жилых помещений для адептов-вампиров, здесь сейчас никто не обитает, и я сделал так, что нас никто не найдет и не услышит, — пояснил Вагнер, — но лишь на какое-то время.

Удерживая наполненный смещением чувств взгляд Фреды, вампир продолжил:

— Выслушай меня внимательно. Аспикиенсы хотят видеть тебя, и если они решат, что ты представляешь интерес для нашего Ордена, то немедленно доложат о тебе Магистрам. А это означает неминуемое обращение.

— Обращение? Что это значит?

— Обращение в вампира. Живой не может быть членом Ордена.

— А я и не стремлюсь становиться членом вашего Ордена! Ни под каким предлогом! — воскликнула Фреда. Она рывком высвободила мгновенно похолодевшие от волнения пальцы

из руки Рейна и горячо добавила, — и уж тем более вампиром быть не хочу! Ни за что!

— И я не хочу этого для тебя, поверь, — Рейнхард снова завладел рукой девушки, и прикосновение немного успокоило ее. — Я знаю, о чем говорю. Сам был обращен именно потому, что изучал магию и знал алхимию и об этом случайно узнали мои нынешние сородичи.

Фреда пораженно уставилась на него.

— Тебя обратили против твоей воли?

— Именно так, — холодно подтвердил он. — Мой отец был лекарем при дворе герцога, правившего в Линце в конце 14 века. Кроме медицины он изучал алхимию и серьезно интересовался магией: разыскивал и приобретал книги, свитки, атрибуты, ингредиенты и прочее, чтобы на практике изучать это искусство.

Магию всегда расценивали, как весьма сомнительное и опасное занятие, что уж говорить про те времена. Я тоже так считал, волнуясь за судьбу отца, но ровно до того момента, пока Вагнер-старший не стал посвящать меня во все, что узнавал и умел сам. Я с десяти лет изучал медицину, в пятнадцать уже успешно врачевал, параллельно стал интересоваться алхимией чуть ли не больше своего родителя, а прочитав почти все, имеющиеся у нас книги по магии, очень скоро сумел сварить свое первое зелье. Очень, между прочим, действенное.

— Пряма Северус Снейп, — фыркнула Фреда сквозь нервный смех.

Уже знакомое (потому что часто посещало ее в последнее время), и от этого еще более противное ощущение ползущего по спине липкого холодка, заставило ее вздрогнуть всем телом, несмотря на попытку разбавить напряжение шуткой.

— Почти в точку. Особенно, если учесть, что я тоже, в некотором роде, вынужден служить своему Волан-де-Морту, — попытался подыграть девушке Рейн, но лишь вызвал у нее напряженный взгляд и новую дрожь.

Увидев, что состояние Фреды так поменялось, Вагнер замолчал, придвинулся к ней ближе и бережно обнял.

Это было неправильно — прикасаться к ней, так опасно сокращать дистанцию нельзя, во всяком случае, здесь и сейчас. Но она сразу же прильнула к нему мягко, податливо и доверительно, словно влилась в объятия, устроившись самым естественным образом в кольцо его рук. А значит, все было уместно, правильно и вовремя, невзирая ни на что.

Нет правил без исключений и это одно из них.

От размышлений его отвлек ее, ставший неожиданно бодрым, голос.

— Только сейчас до меня дошло. Ты что, на полном серьезе читал про Гарри Поттера?

— Более того — в библиотеке есть все книги Роулинг, и две — первая и третья — с ее автографами, полученными мною лично, — охотно сообщил Вагнер.

Фреда покосилась на него, думая, что он шутит, но увидев совершенно невозмутимое лицо Рейна, не сдержалась и рассмеялась, представив невозмутимо-надменного вампира-мага, читающим книжки про маленького волшебника.

А он, обнимая девушку, ощущал, как ее страх, словно нити едкого дыма, истончается и улетучивается, принося облегчение им обоим. Он мог бы успокоить ее, как тогда, когда впервые увидел, но не стал этого делать. Больше никакого влияния, она сама должна научиться владеть собой и своими чувствами.

Боялась она не его, но он знал, что может вызвать эта эмоция у Фреды. А что если она испугается Аспикиенсов и устроит им более чем наглядную демонстрацию своих талантов?

Достаточно вспомнить гуляш из вампира Оливера, оставшийся от него в музейном подвале.

Сейчас надо убедить Фреду, что страх — любой страх — это слуга, а не господин. Ей необходимо научиться управлять им, а иногда и просто заглушать любыми доступными способами. Но тогда получался своеобразный замкнутый круг.

Она должна стать практически бесстрашной, находясь среди вампиров. Но для человека страх является нормальной эмоцией, отвечающей за самосохранение. Освободиться от него означало избавиться от здравого смысла, умения распознавать опасность и лишиться прочих полезных навыков, помогающих выживать.

На эмоциях, тонкой уникальной сенсорике, судя по всему, и базировались все способности Фреды, и если их приглушить, неизвестно, как это снова повлияет на ее природную сущность.

Фреда повернулась к вампиру и сказала уже серьезно:

— Расскажи, кто и почему обратил тебя.

— Расскажу, но не сейчас, — ответил он твердо.

Она безмолвно согласилась, понимая, качнув головой. Рейн неохотно ослабил объятия, но она вдруг прильнула к нему сильнее, удержала, обвивая шею рукой, прикоснулась к его щеке, проведя по ней потеплевшими пальцами. Прикосновение напомнило совершенно забытые ощущения того, как весеннее солнце своими лучами согревало лицо, когда он был еще человеком. Что бы там не утверждали его сородичи, желая выглядеть убедительно невозмутимыми и неподверженными слабостям, подобные эмоции иногда проступали и накрывали даже самых «овампирившихся», мешая правильно ощущать свою нынешнюю сущность. А это было для вампира не просто некомфортно, но и опасно.

Рейн поцеловал Фреду в макушку, и, заставив себя разжать руки, отодвинулся на противоположный край дивана. Помня для чего позвал ее, он немедленно стал говорить обо всем, что ей следовало знать перед визитом к Аспикиенсам.

Говоря о страхе и необходимости уметь его контролировать, а не подавлять, он осознавал, что ставит перед Фредой нелегкую задачу: она еще и силами своими владеть толком не умела, а тут требовалось гармонизировать сверхъестественные способности и вполне естественные человеческие инстинкты.

Он говорил и сквозь звучание слов осознавал всю иронию того, что они с Фредой находились в абсолютно схожем положении. Чувства к ней сами по себе были приватной частью его сущности, но они пробуждали в нем внешние сентиментальные проявления, которые не были предназначены для посторонних глаз, и ему следовало, как и Фреде, научиться с этим существовать.

А научиться владеть собой и своими эмоциями обоим нужно за оставшийся до визита к Смотрящим один день. Завтра он обязан отвести Фреду в резиденцию к Аспикиенсам и официально представить ее, как нового адепта Творящих кровь.

Движение

"И пусть мы идём вслепую — зато не стоим на месте".

(А. Марион, Тепло наших тел)

— Какого дьявола ты приперся, Вуд? — с усталым раздражением поинтересовался Лео, увидев Тайлера, входящего в его номер после короткого стука в дверь. — Я же сказал, что тебя это все никаким боком не касается.

— А я решил, что касается. И плевать мне, что ты сказал, — отрезал незванный гость.

Тайлер уселся в кресло на металлическом каркасе, обитое черной искусственной кожей и вытянул ноги.

— Этот внезапный интерес к детям Мэдисон поначалу показался мне твоей очередной блажью, но все, оказывается, не так уж и просто, — сказал Вуд. — Не знаю, что успел узнать ты, но я могу рассказать все, что известно мне на эту самую минуту. Тебе интересно?

— Выкладывай, — отозвался Лео, с прежним раздражением.

— Сначала Леона, — заговорил Вуд, игнорируя недовольство собеседника, — сейчас она снова в Праге и...

— Что значит «снова»? — вскинул бровь Лео.

— Это значит, что, даже находясь в розыске, она по подложному паспорту на несколько дней уезжала в Норвегию, провела там Рождество, а сейчас вернулась. Если хочешь больше подробностей, то, пожалуйста — она летела рейсом до Тронхейма, а там словно исчезла. Мы так и не смогли выяснить, где она была все те дни.

— Откуда сведения?

— Все оттуда же. Независимые информаторы. Каждый раз новые, как мы и договаривались, чтобы не возникало лишних вопросов и ненужной заинтересованности. От тебя, как ни странно, тоже бывает очевидная польза. Точнее от твоих денег, которые поистине творят чудеса, если их правильно и вовремя применить.

Лео пропустил сарказм Вуда мимо ушей.

— Когда, говоришь, она была в Норвегии? — нахмурился он.

— Улетела перед Рождеством. Пара дней, как вернулась обратно. Вижу, ты этого не знал, — с удовлетворением заключил Тайлер.

— Я сам сюда прилетел пару дней назад из Норвегии, — проговорил светловолосый вампир, и на его застывшем лице не отразилось никаких эмоций. — Я был там... В доме на острове.

Вуд с минуту очень внимательно смотрел на Лео.

— Не знаю, что и сказать, — проговорил он, пожав плечами. — С некоторых пор я твердо верю, что случайных случайностей не бывает. Все совпадения — это предопределенность.

— Философия, Вуд, дело хорошее, но, в данном случае, ни о каких случайностях уже и речь не идет. Нас всех куда-то тащит. Ну, тебя — не знаю куда, — сказал Лео, бросив на собеседника небрежный взгляд, — а вот Леону, Джейка и меня точно куда-то понесло.

Похоже, случилось то, что «написано мелким шрифтом в каждом договоре».

— Ты о чем?

— Я про обряд, который мы провели. Ведьма тогда сказала, что ограничивает заговор «четырьмя элементами». И постоянное действие наложенного заклинания можно гарантировать, только если о нем будут знать и помнить не больше двух живых и двух НЕживых. Помнишь?

— Ну, естественно помню! — отозвался Тайлер. — Но мы все условия соблюдали. О том, что было сделано, знаем только мы трое — я, ты, и ведьма. Двое вампиров и человек. У нас еще «запас» оставался. На одного живого...

Лео поднялся с кресла, которое занимал все это время, прошелся по номеру и, исчезнув из поля зрения, остановился где-то за спиной своего гостя.

— А кстати, ты за все эти годы что-нибудь про ту ведьму слышал? — спросил Вуд. — Сейчас она бы нам очень пригодилась. Ей может быть известно, что происходит.

— Не думаю, что она в курсе, — холодно заметил Лео.

— Даже если и не в курсе, она может разобраться. Нам следовало держать с ней связь все эти годы, ты не находишь, что это огромное упущение с нашей стороны? Мало ли что с ней произошло! Может она сама вдруг стала вампиром. Что, кстати, меня бы не удивило. Тетка влезала в такие немыслимые дебри со всей этой ее магией, что и представить жутко, — продолжал рассуждать Вуд. — Или она могла проболтаться кому-нибудь о ритуале. Ведь могла же рассказать, случайно или намеренно. Тогда условия нарушаются и...

— ...И нечего тыкать пальцем в небо, — оборвал его Лео. — Это все лишь предположения.

— Верно, нечего гадать. Надо узнать все наверняка, — доставая свой смартфон, отозвался Тайлер.

— Не трудись никуда звонить. Я точно знаю, что та ведьма не стала вампиром и никому ничего не рассказывала. Её давно нет в живых, и умерла она раз и навсегда, окончательно и бесповоротно, — отчеканил Борегар.

— Это называется «приехали». Значит, поинтересоваться о том, что происходит теперь точно не у кого, — нахмурился Тайлер. — Но, если вспомнить, сколько пришлось ее уговаривать провести ритуал, и как она возмущалась и сопротивлялась, то вполне возможно, что ведьма не хочет иметь с этим ничего общего и просто решила «исчезнуть» таким вот изощренным способом — инсценировав свою смерть.

— Она ничего не инсценировала, Вуд, — все так же из-за его спины отозвался Борегар.

— Но откуда тебе так точно это известно? И почему об этом не знаю я? — допытывался гость. — Ты что, вскрывал ее могилу и идентифицировал останки?

— Вроде того.

Тайлер Вуд повернулся назад и проговорил:

— Твоя уверенность так сильна, что этому есть только одно правдоподобное объяснение: её смерть — твоих рук дело.

Лео в ответ издал странный звук, словно хотел что-то сказать, но передумал.

— Ты все же редкий выродок, Борегар, даже по вампирским меркам.

— Да как тебе угодно. Но согласишься, это существенно снизило риски, — усмехнулся двухметровый вампир с лицом надменного и капризного юного красавца.

— Не будет странно, если та ведьма стала каким-нибудь неупокоенным духом. И это, кстати, как раз и нарушало бы условия — это уже трое НЕживых, а не двое, — мрачно

проговорил Тайлер.

— Духом, говоришь? А что, если во время проведения обряда и в самом деле было трое НЕживых? — отозвался Лео.

— Не мели бред, Борегар. Там были только мы с тобой, — полуобернувшись к Лео, раздраженно бросил Вуд.

— Если не считать прах Мэдди, который был со мной.

— Ты чертов сбрендивший извращенец... — процедил сквозь зубы Тайлер. — Притащить прах матери на ритуал, в котором ее детей лишали их прошлого и их сущности... Такое только в твою больную голову могло прийти.

В номере снова повисла тяжелая тишина.

— Но даже если и так, то прах не может соответствовать понятию НЕживой? Это просто останки. И ничего больше. Мэдди нет. Она ушла. Окончательно и бесповоротно. Или?.. — Вуд с ненавистью уставился на Леонара. Глаза его стали абсолютно черными, рот сжался в жесткую линию. — Или я чего-то не знаю?

— Не кипятись, лопнешь, — небрежно бросил Лео, выдвигаясь, как айсберг из-за спины Тайлера и присаживаясь на край кровати. — О гибели Мэдисон ты знаешь всё, кроме одного нюанса, в который я не считал нужным тебя посвящать. Судя по всему, Мэдди была еще более... необычной, чем можно было себе вообразить. Её останки... — он вдруг поперхнулся, произнося это, но тут же продолжил, — не похожи на обычный пепел. Или прах, который остается от нас, вампиров. Это было что-то голубое, блестящее, как звездная пыль и шелковистое, как пыльца. Что, согласишься, мало похоже на просто человеческие останки. Я собрал пепел, и первые годы носил всюду с собой. Теперь храню в надежном месте. И не знаю, это бред, конечно, но с недавних пор я периодически ощущаю ее присутствие. Иногда вполне отчетливо... вижу.

— Видишь, конечно. В своем воображении, — еще более мрачно бросил озадаченный Вуд.

Но увидев, как Лео медленно покачал головой, изменился в лице.

— Видишь... как призрака? — осторожно спросил Тайлер.

Леонар, похожий сейчас на ледяное изваяние с непроницаемым лицом и застывшим взглядом, монотонно проговорил:

— Я вижу ее, почти как живую.

Вуд словно бы ничему не удивился и только тихо произнес:

— Чего-то такого от нее следовало ожидать. Даже в... смерти.

Оба вампира помолчали, вспоминая каждый свое.

— Ты носил ее прах с собой, и он был с тобой во время церемонии, — задумчиво повторил Тайлер Вуд после паузы. — Но вряд ли останки могут считаться нарушением условий наложения заклинания, — заключил он. — А если и считаются, то почему же тогда с детьми Мэдисон стало что-то происходить только сейчас, столько лет спустя?

— Не знаю, — медленно покачал головой Лео, — и спросить теперь не у кого. Но надо разобраться.

— Согласен, и разбираться будем вместе, — заявил Тайлер, проводя рукой по коротким светлым волосам. — Тебе еще интересно, что известно мне?

— Действительно, мы отвлеклись. Давай, говори.

— Леона-Фреда сейчас снова в Праге, как я уже и сказал, — продолжил Вуд. — Постоянно живет в Цитадели, которая принадлежит Ордену Usum sanguinem. Творящие крове

или творцы крови, так это, кажется, можно перевести. Одним словом, это что-то вроде секты или клана вампиров-колдунов, владеющих помимо прочего магией крови. Цитадели обнаружить практически невозможно, если не быть туда приглашенным хозяином — Регентом.

— Все это я уже знаю, — перебил его Лео. — Меня интересует, как она попала к этим вампирам и почему там осталась. Об этом что-нибудь знаешь?

— А тебе известно, почему ее разыскивает полиция? — продолжил Тайлер, словно не слыша вопроса Леонара.

— Какое-то мошенничество с документами на вывоз ценностей из страны. Что-то еще про гибель мужчины в музее. Слушай, Вуд, говори уже, если что-то действительно знаешь!

— Мужик в музее умер вроде как естественной смертью — сердце. Но на месте его кончины нашли смартфон девчонки, а вот документы, которые она должна была ему передать, куда-то пропали, — продолжил Тайлер. — На работе Фреда считалась добросовестным, исполнительным и перспективным молодым сотрудником. Она сама могла стать экспертом. Но если документы и подделывала — что, судя по всему, полнейший бред-то такое в одиночку проворачивать практически невозможно. И вот самое любопытное — тело мужика нашли в подвале музея утром следующего дня. Ни капли крови, никаких следов насилия, борьбы или еще какого криминала. Вообще ничего — чисто. Охрана ничего не знает, никого не видела. Знаешь, когда такое бывает?

— Когда поработают вампирские чистильщики.

— Не просто чистильщики, а маги, которые всякие такие штуки используют, вроде превращения крови в воду, имитации целостности плоти, «мирной» смерти и тому подобное. Я о таком только слышал, но не встречался никогда.

— Зеленый ты еще, Вуд, — небрежно отозвался Лео, который по человеческим меркам выглядел на десяток лет моложе Тайлера, а на деле был старше почти на восемь веков. Он устремил задумчивый взгляд куда-то мимо собеседника и добавил, — потому и не слышал. Это древнее колдовское искусство, его маги-вампиры практикуют давным-давно. Просто со временем все это ушло в тень, но, конечно, не было забыто. Мне вот интересно, что за документы приносила Фреда и почему их не нашли. Расклад весь очень уж похож на то, что Фреду подставили. Кто и зачем? Понятно, что ее смартфон подбросили уже после того, как на месте поработали чистильщики. Не могли же они его не заметить? И надо еще выяснить, кто именно забирал девчонку из музея. Про одного я уже знаю — некий Вагнер. Что-нибудь знаешь о нем?

— Рейнхард Вагнер — Регент Цитадели Ордена в Праге, — ответил Вуд. — О нем есть материал в исторических архивах. Он сын Игнациуса Вагнера, известного тем, что был врачом и алхимиком при дворе герцога Родерика Линцкого. Еще подростком, благодаря отцу, Вагнер-младший обучился медицине и даже практиковал вместе с родителем. Изучал алхимию и магию. Да так успешно изучал, что к тридцати годам превзошел папашу и знал и умел много такого, чего простым смертным знать и уметь не положено — типа все той же магии крови — чем, скорее всего, и обратил на себя внимание магистров вампирского Ордена *Usus sanguinem*. Маги-вампиры никогда и никому не позволяли проникать на их территорию и постигать то, что должно быть известно только им одним.

Есть непроверенная и неподтвержденная информация, что Вагнера-младшего, якобы, обратили на глазах отца. Папаше в назидание, чтобы больше не совался, куда не следует. Вот интересно только, отцу потом чердак подчистили или так отпустили?

— Не все ли равно, — заметил Лео, — после того, что он мог увидеть, никто бы ему все равно не поверил, сочтя полоумным. Если только он им не стал на самом деле.

— Вполне вероятно, что так и случилось, — отозвался Вуд. — У Вагнера-младшего на тот момент была жена и двое детей, оставалась еще мать и братья с семьями. Так что его отцу было, что еще терять. После обращения сына Вагнер-старший немедленно бросил практику, заперся в своем доме и прожил остаток дней, практически не выходя и ни с кем не общаясь. О нем так ничего больше и неизвестно, нет даже точной даты смерти. Ну, а Вагнер-младший официально для всего мира умер, как ни странно, в результате пожара.

— Предположим, что и Фреда заинтересовала Регента чем-то таким, что входит в круг интересов Ордена, — заметил Лео. — Вряд ли они стали бы забирать к себе девчонку, только из-за того, что она подделывает документы или оказалась случайным свидетелем чего-то.

Он мимолетно вспомнил, при каких обстоятельствах сам встретился с девушкой.

Тайлер согласно кивнул и сказал:

— Про Эйвина я знаю лишь то, что уже говорил тебе — он живет, где и жил со своей подругой. После окончания местного Университета работает в одной крупной компании по разработке цифровых технологий. Никуда последнее время не выезжал. Ни в чем таком странном или криминальном, вроде бы, не засветился. А ты что-нибудь выяснил?

— Не знаю, общается ли он с вампирами, но парню сносит крышу от эмпатии, которую он не может контролировать. Пытается, но то, что творит для этого, нормальным никак не назовешь, — ответил Леонар.

— А эмпатия, по-твоему, это нормально? — невесело усмехнулся Вуд. — Отправимся прямо к нему?

— Встречаемся на улице, — сказал Лео, поднимаясь с кресла и направляясь к встроенному шкафу, где висела его куртка.

Сегодня все было особенно плохо.

Эйвин уже совсем не мог отличить, что из терзавших его эмоций, действительно принадлежит ему. В конце концов, выйдя утром из дома, юноша смог ясно осознать только одно «свое» желание: свалиться посреди улицы под ноги прохожих и дать им себя затоптать, принимая это с благодарностью, как величайшее облегчение.

Потому что он, против своей воли поглощая чужие эмоции, и без того уже чувствовал себя абсолютно и окончательно раздавленным.

За последние недели юноша создал искаженный параллельный мир, в котором пытался существовать, наблюдая мир реальный через мутные стекла своего одержимого состояния.

На работе он взял отпуск, напридумав кучу причин и не сказав об этом Линне. Каждое утро он все раньше поднимался и уходил, делал вид, что отправляется на работу. Сам же, словно загнанный зверь, метался по пригороду, отыскивая места, где почти не было людей, и отсиживался там до тех пор, пока не нужно было возвращаться будто бы с работы. На обратном пути он совершал свой обязательный «ледяной заплыв», привыкнув к холоду и находя в нем очень кратковременное, неправильное и болезненное, но все же облегчение.

От друзей Эйвин отдалился, перестав даже объяснять причины для своих отказов

встречаться с ними. Но с Линной все было еще хуже: от нее спрятаться он больше не мог, а главное и не хотел.

Эйвин смиренно решил, что больше не хочет и не может прилагать усилия, чтобы держаться.

Кое-как пережив Рождество, юноша теперь просто ждал, когда навалившееся на него «проклятие» раздавит его окончательно. Или разорвет изнутри, как жуткая тварь в старом фильме «Нечто». Чужие эмоции темным смерчем кружили в нем, затемняя рассудок, с каждой минутой все больше делая его просто обезумевшим и безликим мешком с костями.

Почему это происходило с ним? Первые дни он еще задавался этим вопросом, теперь ему было все равно. Протянуть еще немного, шевеля ногами и руками, дыша и пережевывая пищу. По привычке и чтобы не напугать Линну еще больше. Хотя больше уж явно некуда.

Повергая любимую девушку в ужас своим поведением, давно вышедшим за рамки даже ненормального, он продолжал регулярно терзать ее еще и физически, принуждая к близости с одержимостью маньяка. Эйвин точно знал — она никогда и ни за что не хотела быть с ним так, но уступала каждый раз, и он чувствовал, как его напор и «похоть злая» пробуждают в ней точно такие же ответные чувства.

А еще отвращение и страх, растущие с каждым разом.

И желание сбежать от него.

И жалость, и снова страх...

...Эйвин пришел на берег раньше обычного. Пляж был пустым: мокрый снег, который начал валить еще днем, сейчас сыпал сплошной пеленой и разогнал всех любителей прогуляться перед сном и подышать свежим морским воздухом. Закрытое низкими тучами небо почти слилось с темными водами моря, стерев линию горизонта и превратив перспективу в клубящуюся мрачную бесконечность.

Молодой человек долго всматривался вдаль, словно искал что-то или прислушивался к чему-то. Безлюдный пляж стал его убежищем, где он временно обретал тишину. Ни мыслей, ни эмоций. Сейчас внутри него было почти пустота — наполненная тонким трепетом, затихающей вибрацией, как еще едва звучавшая, слабо подрагивающая струна.

А перед глазами — темная, клубящаяся даль за пеленой водянистых хлопьев снега...

Она звала, привлекала, обещала еще больше покоя — навсегда, безвозвратно...

Эйвин стал раздеваться, не спуская глаз с поверхности воды. Раздевшись, провел руками по бритому черепу, расслабленному лицу, стирая вместе с таявшим на теплой коже снегом, следы сомнений. Пошел в воду, размеренно ступая в ритме сердца, которое билось медленно и спокойно. Зайдя по грудь, поплыл, широкими мощными гребками продвигаясь вперед. Холодная морская вода приняла его, как своего, обтекала красивое, тренированное тело, снова делая юношу похожим на морское существо.

Эйвин плыл, решив не возвращаться на берег.

... Лео и Тайлер стояли, как две неподвижные молчаливые тени, и смотрели на удаляющуюся все дальше фигуру юноши, совершавшего свой экстремальный заплыв.

— Он каждый день делает это. Доводит себя до состояния, при котором притупляются или вовсе отключаются ощущения и эмоции, уступая место естественным инстинктивным потребностям организма — согреться, стабилизироваться, выжить, — проговорил Лео. — А придя домой, глушит это еще и диким сексом.

Вуд покосился на Борегара и промолчал, продолжив следить за уплывавшим все дальше парнем.

...Эйвин как всегда просто совершал движения — механические, размеренные.

Он плыл, пока были силы, пока он вообще думал про то, что эти силы у него есть. Берега уже не было видно вообще, осталось лишь чувство направления, откуда он приплыл. Потом он перестал думать и об этом и отключился, словно кончился заряд в батарее. Движения его замедлились, он остановился, лег на спину, раскинув руки и устремив взгляд в черное небо.

Мокрый снег падал на лицо и уже таял не сразу, так снизилась температура тела юноши. На долю мгновения мелькнула мысль, что он столько дней творит с собой такое без подготовки и тренировки и до сих пор не заболел. Раньше его бы это удивило, насторожило, может даже испугало. Но теперь ему было плевать. Черное небо над ним, черная водяная бездна внизу, тьма внутри него самого — какая разница...

Эйвин полегал на спине, медленно вода руками в толще воды, потом перевернулся на живот, бросил последний взгляд туда, где был берег и нырнул.

Масса воды сначала податливо расступалась, принимая тело юноши, и смыкалась над ним. Затем все изменилось: вода стала сопротивляться, норовя вытолкнуть Эйвина наверх, легкие все сильнее покалывало от необходимости выдохнуть и вдохнуть новую порцию воздуха, инстинкты выживания не желали сдаваться, приказывая начать всплывать. Однако юноша продолжал погружаться. Вода была темной, он словно нырял в чернила, но ему и не нужно ничего видеть. Главное, что он ничего больше не чувствовал, кроме одного желания — поскорее опуститься на дно и остаться там навсегда. Глубже, еще глубже...

Достигнув дна, парень выпустил застоявшийся в легких воздух гирляндой пузырьков и... перевернувшись в воде, словно тюлень, мощно оттолкнулся ногами и начал подъем на поверхность. Он устремился вверх, как торпеда, и не сразу почувствовал, что при толчке от каменистого дна в ступню ему что-то резко и глубоко впилося. Когда он почти достиг поверхности, боль пронзила его, да так сильно, что он тут же потерял контроль, забил руками, попытался извернуться и нащупать то, что терзало его ногу.

Эйвин инстинктивно открыл рот, чтобы издать крик и одновременно вдохнуть воздух, но лишь позволил горькой ледяной воде хлынуть в горло и мгновенно перекрыть дыхание. И он снова, камнем стал погружаться в чернильную бездну, ослепленный и оглушенный паникой и все возраставшей пульсирующей болью.

Он еще успел почувствовать, как его вдруг вытолкнуло из толщи воды, с невероятной скоростью подхватило и потянуло куда-то. Перед затухающим взглядом мелькнуло бледное, размытое лицо с темными, как черный дым, глазами.

Глава 21. Фреда в Стране кошмаров

Фреда в стране кошмаров

"Если вы идете сквозь ад — идите не останавливаясь".

(У. Черчилль)

Каждый из детей Мэдисон Саттон двигался навстречу своей собственной бездне.

Джейк-Эйвин, отчаявшись, пытался дать поглотить себя.

Леона-Фреда, победив сомнения, решила остаться в этой самой бездне существовать на равных.

«Когда будешь говорить с каждым из них по отдельности и со всеми вместе, смотри сквозь них, но не прямо в глаза. Периодически отводи взгляд. Они должны думать, что ты боишься».

«Я, правда, боюсь».

«Так и должно быть. Но не бойся их самих. Будь осторожна и внимательна, но всеми силами гони страх, который вызовут сами Смотрящие».

«Чего же тогда мне бояться?»

«Бойся, что солнце погаснет. Что весна не придет. Что сломаешь каблук. Вспомни какой-нибудь случай или фильм, который тебя напугал. Вспомни любой свой страх. Что угодно, но не бойся Аспикиенсов. Ты не должна испытывать страха к ним. Это самое важное. Они ничего тебе не сделают. Поверь мне, я это знаю наверняка».

«Верю. Я все поняла, и не буду бояться их».

«Умница».

Фреда знала, что должна пройти через это. Иного варианта просто не было.

Сбежать никуда она не могла, да и не хотела больше бежать, а оставаться в странном и чужом мире можно только на определенных условиях, которые диктовать будет не она.

Сутки спустя после их разговора, уже знакомый лимузин с непроницаемыми окнами отвез ее и Вагнера к Аспикиенсам. Фреда не видела дороги, не знала, кто ведет машину, скрываясь за темным стеклом, отделяющим пассажирский салон от водителя.

Дорога прошла в молчании. Вампир и девушка сидели, не касаясь друг друга, и каждый думал о своем. Фреда прокручивала в голове разговоры, которые они вели последние часы. Она запомнила все, что говорил Регент, и постаралась уложить наиболее важное в своем сознании, так, чтобы в нужный момент обратиться к подсказкам, ничего не забыть и не растеряться. Как перед экзаменом, только теперь не в Университете, а в Школе сверхъестественного выживания, где большее значение имели не твердые знания, а умение доверять своим инстинктам.

Фреда понимала, что Рейн рассказал и объяснил ей далеко не все. За столь короткий срок научиться чувствовать себя уверенно в присутствии древних вампиров-магов, да еще находясь на их территории — задача невыполнимая. Вагнер не скрывал этого, а Фреда и сама не питала никаких иллюзий.

Рейн сказал, что интерес Аспикиенсов к ней уже не случайный, и ни в коем случае не нужно даже пытаться их как-то обмануть.

«Веди себя естественно и запомни главное — они будут знать все, что ты чувствуешь. Все твои эмоции. И это плохо. Но они не смогут прочесть твои мысли. И это настолько хорошо, что никакое чтение эмоций уже не выглядит серьезной проблемой».

«Откуда ты знаешь, что они не смогут прочесть мои мысли?»

«Знаю. Проверял и не раз. У тебя очень мощный ментальный блок. И это снова плохо: подобный дар их непременно заинтересует. Аспикиенсы, как маги, сильнее меня, но вряд ли даже им удастся заглянуть в твоё сознание. Люди с такой защитой — большая редкость».

«Да. Я редкая птица» — (насмешливо и горько).

«Ты — единственная» — (искренне и серьезно).

Лимузин плавно выполнил пируэт, меняя направление, мягко затормозил и остановился. Фреда и Вагнер вышли из машины в подземном паркинге, снова удивившем девушку своей обычностью: бетонный пол с унылой разметкой, бетонные колонны, подпирающие низкий потолок, тусклое освещение. Словно парковка в каком-нибудь торговом центре, а не в обиталище древних вампиров. Короткая дорога к двери лифта, подъем на два уровня и они оказались внутри «чего бы то ни было», где обстановка уже ни в коей мере не напоминала казенный и безликий антураж парковки. Здесь царила сплошь элегантная, сдержанная современная классика, как в каком-нибудь приватном клубе или шикарном особняке.

И ничего, даже отдаленно напоминавшего мрачные, готические интерьеры, в которых по навязчиво укоренившейся в сознании «традиции» должны обитать вампиры. От лифта они, все так же храня молчание, прошли по коридору, миновали холл, снова коридор и в торце остановились перед большой дверью из темного дерева.

Дверь представляла собой сплошное полотно без ручки и видимых зазоров. Вагнер провел пальцами по стене справа от двери, что-то едва слышно щелкнуло, и от гладкой поверхности стены плавно отделился и выехал прямоугольник размеров с книжную обложку. Верхняя часть прямоугольнику отодвинулась в сторону, открыв расположенную под ним панель с дисплеем и двумя рядами сенсорных кнопок с непонятными символами.

«Современные технологии на службе вампиризма», — подумала Фреда и тут же вспомнила:

«Смотри вокруг себя, старайся замечать все, что увидишь. Доверься своим впечатлениям, прислушивайся к ним. Удивляйся. Удивление — сильная эмоция, она поможет тебе чуть сбить с толку Аспикиенсов, не вызывая лишних подозрений. Почувствуй себя снова Алисой в Стане чудес».

Стоя рядом, Фреда наблюдала, как Вагнер быстро набрал на панели комбинацию символов, и под рядами кнопок открылось маленькое круглое углубление, в центре которого заметен выступающий примерно на сантиметр предмет, похожий на заостренный конец узкого кинжала. Вампир поднес к острию руку, надавил на него пальцем, и в углубление стекла и исчезли, словно в воронке, капли густой крови. Дисплей загорелся голубым, сбрасывая символы и сопровождая свечение звуковым сигналом, какие издает пропускная

система в аэропортах или банках. Вагнер снова набрал комбинацию символов.

— Дай руку, — отрывисто сказал он и, не дожидаясь, пока Фредаотреагирует, взял за кисть и проделал с ее пальцем те же манипуляции, крепко удерживая, пока капельки крови не упали в отверстие.

После мимолетного колебания Рейн поднес похолодевшую руку девушки к своим губам и быстро слизал оставшиеся капельки крови, запечатывая ранку.

За те несколько коротких мгновений, пока это происходило, Фреда успела лишь вздрогнуть, но вовсе не от резкой боли, а потому, что гораздо явственнее и сильнее боли ощутила нежные, чувственные прикосновения языка и губ Вагнера.

Их взгляды встретились, и она задержала дыхание: невероятные фиолетово-синие радужки вампира вдруг снова стали темными, как вулканический закат*. Он смотрел на нее, будто хотел что-то сказать, и Фреда ясно поняла — ей на самом деле почти все равно, что ждет за этой дверью. Но не потому, что она утратила осторожность или здравый смысл, а потому, что поняла, ради чего готова пройти через все, что ей предстоит пройти.

Еще один сигнал дисплея вернул в действительность. Тяжелая дверная панель бесшумно отъехала в сторону, пропуская посетителей.

Вагнер первым сделал шаг вперед и... тут же исчез с глаз Фреды, словно растаял в воздухе. Девушка автоматически шагнула следом за Регентом, и еще не понимая, что произошло, замерла, обводя глазами помещение, в котором оказалась. Она не заметила, как дверь сомкнулась за спиной, отрезая путь назад.

Большая квадратная, хорошо освещенная комната с высоким потолком, отделанная в белых, светло-серых и шоколадно-коричневых тонах. Напротив входа — огромный камин из белого с серыми прожилками мрамора, похожий на ворота, в проеме которых разведен огонь. В таком пылающем монстре вполне можно зажарить слона.

Посреди комнаты, на темном паркетном полу лежит большой белый ковер с изысканным бежевым и серым рисунком. На ковре полукругом стоят три массивных кресла, обитых темно-лиловой тканью. Прочей мебели немного: несколько стульев вдоль стен, пара кофейных и столько же консольных столиков. Все элегантно, лаконично и вполне безобидно — никакой нарочитой таинственности или гнетущей мрачности.

Фреда бегло осмотрела помещение, и перевела взгляд на присутствующих в комнате. Два кресла были заняты; в них сидели мужчины, одетые так, словно только что вернулись с поля для гольфа. Светлые брюки, мокасины из мягкой кожи, пуловеры-поло — синий на одном и бордовый на другом. Еще один мужчина в темном костюме и шелковой рубашке без галстука, стоял чуть в стороне, небрежно засунув руки в карманы брюк и распахнув полы пиджака. Этот выглядел успешным бизнесменом, утомленным долгим обязательным приемом.

Фредерика сразу поняла, что видит перед собой Смотрящих.

Все трое спокойно и вполне дружелюбно смотрели на нее. А у Фреды промелькнула единственная мысль, что она не может определить по человеческим меркам даже примерный возраст каждого из них.

С гладких чистых лиц были стерты все признаки, позволяющие оценивать их с этой позиции. Каждому Аспикиенсу, будь они людьми, можно дать и двадцать пять, и сорок, и больше.

Быстро переварив первое впечатление от визуального знакомства со Смотрящими, Фреда мысленно переключилась на то, что интересовало ее больше, чем прочее: куда исчез

Вагнер?

Мгновенным откликом не немой вопрос возникло чувство, что он по-прежнему совсем близко. Она не видела его, но ясно ощутила тонкий, едва уловимый запах холодного ветра, горьковатого мха и терпкой смолы: совсем как тогда, в парке. Аромат мелькнул и растаял, словно Вагнер быстро прошел где-то рядом.

— Прошу вас, проходите, — раздался голос одного из Смотрящих, того, что стоял. Он неторопливо прошел к стене, взял один из стульев и поставил его напротив расположенных полукругом кресел.

— Присаживайтесь, — вежливо сказал он, и занял место в третьем кресле.

Фреда, путаясь в том, что на самом деле испытывает явственное — настороженность или недоумение — прошла к предложенному стулу и села. Один из Аспикиенсов, похожий на джентльмена-гольфиста в синем пуловере, встал и удалился к камину. Снова перед ней сидели двое, а третий стоял в стороне с отстраненным видом.

— Расскажите о себе, — обратился к ней тот, что в костюме. Голос вежливый и какой-то безликий — сразу не запомнишь.

Фреда выдала основную информацию про себя, которую Смотрящие наверняка уже знали. Во время ее рассказа один вроде как слушал, а Бордовый пуловер казался безучастным и сидел, устремив взгляд перед собой, откинувшись на спинку кресла и вытянув ноги в дорогих коричневых мокасинах.

Весь из себя скупающий плейбой, не хватало только пузатого коньячного бокала в бледной руке.

Все больше чувствуя некоторую абсурдность происходящего, Фреда начала сильнее тревожиться. Что-то зарождалось не в ней, а неведомо где, и надвигалось, еще незримое, почти неосязаемое, но предвещавшее о себе усиливающимся напряжением. Так перед грозой или ураганом становится ощутим перепад атмосферного давления. Со стороны казалось, что Фреда явилась на какое-то прослушивание или собеседование, но находясь внутри ситуации, сама она понимала, что села на что-то вроде американских горок, пристегнулась и медленно тронулась вперед: ни сойти, ни остановиться.

Аспикиенс в костюме немного подался вперед, словно хотел что-то сказать. Фреда вопросительно взглянула на него и тут же почувствовала, будто кто-то ловко ухватил за некую внутреннюю ниточку, закрепленную в глубине ее натуры, и потянул, пытаясь вытащить наружу нечто скрытое ото всех. Но вытащить не получилось, зато удалось удержать, цепко, упорно, стискивая в ледяной хватке. В области солнечного сплетения что-то заворочалось, чуть быстрее забилося сердце, дрогнули руки, инстинктивно сжимаясь в кулаки на коленях. Этот ее произвольный жест не укрылся от Аспикиенсов, и Фреда увидела, что все трое, не отрываясь, смотрят на нее. Чувствуя себя мышкой в лабораторном лабиринте, девушка старалась сдерживать нарастающую панику. Сдерживать хотя бы до тех пор, пока точно не поймет, чего именно боится — самих Аспикиенсов или неизвестности, готовящей ей сюрпризы.

"Не бойся их..."

Голос Рейнхарда прозвучал в голове шепотом ветра. Или на самом деле это было лишь всплывшим в памяти обрывок их разговора?

Смотрящий, что стоял у камина, вернулся и сел в кресло, вампир в костюме перестал таращиться на нее. Сидящий Синий пуловер тут же встал и ушел вглубь помещения, скрывшись из поля зрения Фреды. Волосы на голове девушки чуть шевельнулись, когда он

неторопливо прошел мимо нее. Что это было — движение воздуха или инстинктивное неприятие того, что кто-то стоял за спиной?

Или это Custos, спрятанный в волосах, подавал только ей предназначенные сигналы?

"Они не должны увидеть твой Custos, но тебе ни в коем случае нельзя его снимать. Custos необходимо спрятать так, чтобы он был незаметен".

"Его можно спрятать под блузку или свитер. Его не будет видно"

"Он довольно крупный и будет замечен через ткань. Даже если они не поймут, что это такое, амулет все равно привлечет внимание".

"Я могу расстегнуть цепочку и надеть в виде пояса с пряжкой на джинсы. Сверху прикрою свитером".

"Не годится. Они отсканируют всю тебя и при первой же возможности обратят внимание на столь оригинальный аксессуар".

"Тогда я спрячу его в... В волосах".

Рука Рейна скользнула в ее необыкновенно густые пряди, отливающие перламутром. Быстрым, легким прикосновением, чуть задержавшись, он дотронулся до нежной шеи, маленького уха и убрал руку.

"Подойдет. Вполне подойдет. Покажи, как ты сделаешь это".

Фреда сняла амулет, висевший на шее, расстегнула цепочку, поколдовала, подтягивая и укорачивая ее. Приподняла тяжелые пряди на затылке, несколько раз обвила их цепочкой и расправила волосы так, чтобы они закрыли Custos. Волосы у Фреды были не слишком длинные, доставали только до плеч, но их было так много, что объем без труда скрыл амулет, оставив видимой только цепочку.

Позднее она еще поэкспериментировала, и ей удалось сделать так, что цепочка не сползала, закрепленная маленькими заколками, а Custos стал невидимым, скрытый внутри гладкого узла волос на затылке.

И позже Фреда поняла, что Вагнер неспроста одобрил вариант спрятать Custos именно в волосах.

— Может быть, у вас есть вопросы? — любезно обратился к ней один из Смотрящих.

— Я не уверена, что знаю, о чем нужно спрашивать, — ответила она.

— О чем хотите.

— Ну, мне, например, интересна область применения нанотехнологий, — Фреда понимала, что дерзость и ирония не уместны здесь, но слова вырвались помимо ее воли, а обратно, как известно, вылетевшее слово не воротишь.

— О, нанотехнологии! — отозвался Смотрящий, что стоял сейчас где-то позади нее. — Это магия современной науки, невероятная, многообещающая. А магия как таковая — это нанотехнология мира сверхъестественного. Хотите быть причастной ко всему этому?

— Не особо, если честно, — не колеблясь, ответила Фреда, не поворачивая головы.

Фразеологизм "чувствовать затылком" обрел свой истинный смысл, когда буквально физически ощутила пристальный взгляд стоящего позади Аспикиенса.

— Как это говорят — "аппетит приходит во время еды". Вы еще не поняли всех возможностей, что могут открыться перед вами, — заметил Костюм.

— Я стараюсь есть, только когда голодна, — вежливо отозвалась Фреда.

— Магия для вас пока что незнакомое, экзотическое блюдо. Вы не можете полностью оценивать что-то, не отведав этого на вкус. Разве не так? — раздался снова голос, стоящего

за спиной.

— В некоторых странах едят саранчу, червей или тухлые яйца. Оценивать это на вкус мне не хочется совсем, — парировала Фреда. — Никогда и ни при каких обстоятельствах.

Смотрящих, что сидели напротив нее, казалось, позабавил ее ответ. На их бледных лицах с ровной и гладкой кожей без морщин и складочек синхронно промелькнули тени улыбок.

— А что, если возникнут обстоятельства, при которых вам просто нечем будет питаться, кроме червей и саранчи? Как быть тогда? — спросил Синий пуловер.

Тут же заговорил Бордовый пуловер:

— Разве не разумно будет в этом случае побороть брезгливость и упрямство?

— Разве ради того, чтобы выжить, порой не приходится совершать нечто такое, что и в голову не приходит в иное время? — подхватил Костюм.

— Разве ради древнейшего и самого мощного инстинкта — инстинкта выживания — существа не отказываются порой от своих убеждений и привычек? — снова заговорил Синий.

— Особенно, если эти убеждения уже опровергнуты обстоятельствами, — тут же продолжил Бордовый.

— Неужели вам даже не интересно узнать, как может измениться ваше мнение о магии и тех привилегиях, которые дарует владение этим всемогущим искусством? — тут же вступил Костюм.

— Присоединяйтесь к нам, и у вас будет возможность оценить это...

— Рассматривайте это как взаимовыгодное сотрудничество...

— Мы знаем о ваших талантах.

— Мы можем научить вас большему.

— И вы обретете нечто еще более весомое.

— Бессмертие.

— Отсутствие каких-либо нужд.

— Управляемую силу.

— Наше покровительство.

Один безликий голос вторил другому, слова Аспикиенсов отражались от стен, улетали высоко под потолок и возвращались в уши Фреды многократным эхом, навязчиво проникая прямо в сознание. Ей мучительно захотелось зажать уши и закричать, заглушая эти голоса.

"Будь осторожна и внимательна... Доверься своим впечатлениям, прислушивайся к ним. Почувствуй себя Алисой в Стране Чудес..."

Она-то уже чувствовала себя Алисой (и не в первый раз), но вот Аспикиенсы никак не тянули на белых кроликов, за которыми она бы пошла из чистого любопытства. Или на Чеширских котов, которых стала хотя бы слушать.

— А как же выбор? — воскликнула она. Голоса тут же умолкли, воцарилась тишина и Фреда увидела, что все трое Смотрящих стоят перед ней, как строгие учителя перед провинившейся школьницей, робко присевшей на краешек стула.

— Выбор? — хором отозвались вампиры.

— Да, выбор. У меня он есть?

— Конечно же, у вас есть выбор, — ответил Смотрящий в элегантном костюме. Он

приблизился к Фреде и подал ей белую, гладкую, словно восковую, руку в приглашающем жесте.

После секундного колебания Фреда протянула свою руку в ответ, но Аспикиенс не позволил прикоснуться к себе. Не убирая руки, он, сохраняя расстояние, сделал пару шагов назад, увлекая за собой.

Она двинулась за ним, все так же вытянув вперед руку, словно слепая. Фреда смотрела в лицо вампира, а боковое зрение улавливало происходящие вокруг изменения.

Стены из светло серых с белым стали черными, и тьма, отделяясь от них словно черный дым, начала стекать вниз и двигаться к центру помещения. Вскоре остался лишь небольшой участок, не потонувший в темноте — белый ковер на полу с тремя стоящими на нем креслами и всеми присутствующими в помещении.

Фреда напряглась, понимая, что "аттракцион", на который ее насильно усадили "прокатиться", уже набрал скорость, а впереди ожидали самые крутые виражи.

"Будь осторожна и очень внимательна..."

Снова, в который раз, вспомнив эти слова Вагнера, она быстро окинула взглядом то, что еще не поглотила темнота: Аспикиенсов, безмолвно стоящих перед ней, камин с затухающим огнем за их спинами и островок света на полу под ногами. Может быть, в комнате просто выключили свет, для пущего драматизма оставив лишь один направленный сверху софит. Фреда запрокинула голову, чтобы убедиться или опровергнуть это предположение, и громко вскрикнула.

Потолка не было, сверху зияла черная бездна, уходящая в бесконечность. Плотная и тягучая, пучина мрака не просто нависала над головой, она медленно двигалась по стенам вниз, как смола, покрывала пол и подползала к самым ногам.

Крик Фреды унесся вверх и мгновенно стих, будто утонул в густом и липком мраке. Девушка перевела дыхание, сглотнув комок, подступивший к горлу, и увидела, что Аспикиенсов больше нет перед ней, исчезли их кресла и стул, поставленный для нее. Она стояла одна посреди оставшегося островка света.

Фреда сделала вперед робкий шаг, затем второй, а свет двинулся за ней, сопровождая, как луч невидимого прожектора. Впереди было видно только мерцание раскаленных углей в камине, по которым еще проскакивали всполохи почти угасшего пламени.

Она открыла, было, рот, чтобы окликнуть кого-нибудь, но остановила себя, понимая, что любые обращения в темноту бесполезны. Лучше не тратить зря дыхание и не нагружать впустую голосовые связки, вполне возможно, что еще придется ими воспользоваться на полную катушку, когда захочется поорать от страха.

"Где же ты, Вагнер? Что мне делать сейчас? "

Под сопровождение вопросов без ответов Фреда двигалась к камину, и не сразу заметила, что пламя в нем разгоралось сильнее с каждым ее шагом. Сейчас уже почти прогоревшие дрова снова пылали вовсю, источая жар и громко потрескивая. Но огонь горел как-то странно — свет от него не распространялся за пределы камина. Сжав волю в кулак, Фредла осторожно оглянулась и... ничего не увидела: за ней, как и везде вокруг, было непроглядно темно.

"Подвал в старой усадьбе!" — вспомнилось вдруг.

Тогда она тоже оказалась в темноте и призвала свет, который освещал ей путь. Фреда сосредоточилась, подняла руку перед собой ладонью вверх, и тотчас возникло знакомое уже сияние, которое, набирая силу, превращалось в яркую сферу.

«Этого от меня и ждут — посмотреть, что я умею. Ну, так вот — получите!»

Она огляделась, пытаясь сферой осветить пространство вокруг. Но темнота поглощала свет подобно черной дыре.

Стало по-настоящему жутко, и в ответ на ее изменившееся состояние сфера начала затухать и вдруг буквально взорвалась прямо перед лицом с оглушительным хлопком. Фреда вскрикнула, отпрянула, трясая кистью руки, и натолкнулась на что-то спиной. Резко обернувшись, подавилась собственным криком, застрявшим в горле. Позади нее, в снова возникшем из ниоткуда луче света, медленно раскачивалось... тело. Опутанное толстой цепью, спускавшейся прямо из темноты, оно с размеренной амплитудой отдалялось и снова приближалось, почти касаясь ее. Фреда отступила, во все глаза глядя на подвешенного и постепенно понимая, что узнает его. В безжизненной фигуре на цепях она узнала парня, которому принесла документы в тот злополучный вечер в музей. Его звали Детмар, и она прекрасно запомнила густые темные волосы, выразительные, постоянно улыбающиеся губы, чуть широковатые скулы. И его серые глаза, искрившиеся обаянием, а сейчас мертвые и потухшие. Одежда на нем была та же, что и тогда, в музей, к груди приколот бейджик.

Фреда глубоко вдохнула, уговаривая себя, что это только иллюзия. Ведь она точно знала — Детмар умер, тело его забрала полиция, и он уже давно похоронен.

В противовес ее здравым мыслям тело вдруг задержалось, словно кто-то наверху рванул за оглушительно загремевающие цепи. Руки и ноги парня, как у жуткой марионетки, совершали беспорядочные, несогласованные движения, цепи громыхали все громче, и это продолжалось до тех пор, пока, к ужасу Фреды, тело не сорвалось и не рухнуло на пол, драматично застыв в изломанной позе в луче света.

Жуткий спектакль, где она была единственным зрителем. Или участником?

Фреда смотрела на лежащего мужчину и в полном оцепенении наблюдала, как тот зашевелился. Сначала он просто подергивался, затем повернул голову и попытался приподняться, издавая при этом совершенно жуткий стон, полный запредельного страдания. Фреда невольно подалась вперед, желая помочь, и в этот миг из темноты в круг света шагнул кто-то еще. Высокая фигура в черном пальто до пят. Длинное бледное лицо и почти белые глаза. Тот самый вампир, который укусил ее в музей и которого она... Убила?

Монстр остановился над телом Детмара, уставил на Фреду свои мертвые бесцветные глаза, полные ненависти, и оскалился, словно голодный зверь, защищающий свою добычу. Вампир зарычал, шире раскрывая рот, из которого, как лезвия торчали клыки. Фреда замерла, но не отступила. Монстр, неводя с нее жутких глаз, протянул к лежащему на полу мужчине руки со скрюченными пальцами и ухватил его, как хищная птица хватает свою жертву когтями. Он поднял Детмара и, не обращая внимания на то, что тот продолжал стонать и шевелиться, поднес его к раззявленному рту, впился клыками в шею и рванул. Детмар дернулся всем телом и издал пронзительный крик, который тут же превратился в захлебывающийся хрип.

— Нееет! — закричала Фреда.

Не думая, что делает, она подскочила к вампиру и вцепилась в ненавистное лицо ногтями точно так же, как он вцепился в свою жертву.

Монстр завыл, от злобы или от боли, и выпустил из когтей и клыков тело, которое терзал. Тот, что когда-то был Детмаром, мешком рухнул на пол, а Фреда успела заметить, что на месте горла у молодого человека зияет кровавая дыра, из которой толчками вытекала кровь. Кровавые пузыри вздувались и лопались, разлетаясь мелкими каплями...

За те доли мгновения, во время которых все это пронеслось перед глазами Фреды, она даже забыла, что по прежнему стоит, вцепившись Белоглазому Монстру в лицо. Уставившись на него в немом оцепенении, она с ужасом и запредельным отвращением, увидела и услышала, как ее пальцы, с отвратительным чавканьем, погружаются в плоть вампира, как в гнилое мясо.

Полилась густая, темная и холодная кровь, испачкавшая пальцы. Вампир издал утробный рык и рванулся к Фреде.

Она инстинктивно стиснула пальцы сильнее, давя податливую плоть Монстра, как испорченный фрукт, и с усилием удержала руки вытянутыми, не позволяя ему приблизиться к себе. В следующий миг она наблюдала, как вампир оседает на пол, превращаясь в растекшуюся вонючую лужу чего-то омерзительного, и эти останки покрывают лежащее неподвижно на полу тело Детмара.

Фреда не закричала, не бросилась бежать, ее даже не стошнило. Она застыла, оцепенела внутренне, но продолжила совершать какие-то действия, подчиняясь неведомому подсказчику. Первым делом зажмурилась на миг, снова открыла глаза и убедилась, что на полу уже нет никаких останков. Однако в круге белого света, где только что она видела белоглазого вампира и его жертву, теперь что-то возникало, сплетаясь из полупрозрачного белесого дымка, как тонкое кружево или паутина.

Силуэт с неясными контурами, который мог быть и фигурой человека и чем-то еще, мерцал и переливался, словно под толщей воды.

Фреда наблюдала за этим мерцанием, не в силах отвести глаз, и постепенно начинала видеть в размытом образе человеческий силуэт. Мужской силуэт. Она не понимала, кто это, сознание ее словно бы знало его, и в то же время это был незнакомец. Силуэт то вытягивался, становясь выше и стройнее, то обретал иные очертания, чуть ниже и поуже в плечах, то вдруг вырастал заметно мощнее и выше, напоминая кого-то незнакомого, но того, кого она определенно уже встречала.

Постепенно Фреда начала понимать, кого она может увидеть, наблюдая за метаморфозами неясного образа. И словно подстраиваясь под ее предвкушение, мираж стал обретать более четкие формы. Он все так же не переставал меняться, мерцать и искажаться, но все чаще фиксировался на одном четко проступающем контуре. Стройное, мускулистое мужское тело, вытянутое в напряженную струну. Еще миг и перед ней возникнет Вагнер...

"Нет! Родная, не делай этого! Не думай о нем. Отключи свои воспоминания, не выдавай своих желаний. Не делись тем, что запрято глубоко в тебе".

Незнакомый женский голос раздался прямо в голове, и среди мешанины невнятных образов чутье выхватило из потока только один — светловолосая женщина из сна.

Фреда послушалась призрачного голоса и с нечеловеческим усилием стряхнула оцепенение. Но избавление от иллюзий не стало наградой за ее старания. Следом за отступившим онемением, накатила неконтролируемая паника, порожденная ощущением

неизбежной трагедии.

Подтверждая ее предчувствие, мерцающий контур на полу, так и не воплотившийся в четкий образ, вдруг судорожно изогнулся, словно в предсмертном страдании и превратился в четко видимое тело. Но сейчас у ног Фреды лежал освежеванный труп, и, несмотря на то, что он был залит кровью и лишен кожи, девушка успела понять, что тело принадлежит кому-то, кто ей бесконечно дорог. Или очень скоро может стать таковым.

Издав долгий отчаянный вопль протеста, Фреда захлебнулась плотной липкой темнотой, проникшей в горло, лишившей возможности дышать и говорить и запечатавшей внутри самый сильный ее страх.

Фреда обессилено припала на одно колено рядом с тем местом, где мгновение назад видела окровавленное тело и пожелала сейчас только одного: стать «кисейной барышней», падающей в обморок по любому случаю. Однако спасительного забытья не случилось, разум по-прежнему сохранял ясность, а все чувства обострились до предела. Вокруг нее будто скопилось электричество, от которого покалывало кожу и шевелились волосы. Фреда почувствовала, что затылок стал теплым, словно его нагрело солнцем.

«Ты знаешь, что делать», — раздалось тихо в ее голове.

Она даже не поняла, кому из двух, звучавших в ее сознании голосов, принадлежал именно этот голос, но прислушалась к словам.

Фреда провела рукой по узлу волос, в котором был спрятан Custos, и твердо встала на ноги. Подняв перед собой руку ладонью вверх, снова призвала светящуюся сферу, сомневаясь поначалу, что у нее это выйдет. Но все получилось — шар света сиял над ладонью в полную силу.

Не раздумывая, она подбросила его и запустила вверх, как мяч. Шар взлетел, превращаясь в световую комету и прошивая непроглядную темноту.

«Ты справилась», — услышала она голос Вагнера, в тот самый миг, когда свет залил все вокруг.

Глава 22. Следующий шаг

Следующий шаг

Жизнь становится намного интереснее, когда мы отбрасываем нашу убежденность во всезнании и встаём перед дверью, ведущей в тайну.

Фред Алан Вольф

Тайлер Вуд склонился над мокрым, посиневшим Эйвином, лежащим без сознания на камнях.

Голова юноши была повернута в сторону, изо рта и носа вытекала вода, но он дышал, пусть и отрывистыми, короткими и не глубокими вдохами, но Тайлер слышал, что легкие его чисты. Разобравшись с этим, вампир более внимательно осмотрел парня и заметил кровь, скопившуюся на камнях под его правой ногой. Что-то блестящее глубоко врезалось в ступню молодого человека. Тайлер уцепил пальцами предмет и тут же отдернул руку, словно его ужалила змея.

Озадаченный вампир ниже склонился к ступне юноши. Предмет, впившийся в ногу Эйвина, был залит кровью, но Тайлер ясно разглядел что-то похожее на тонкую пластину из светлого металла, сантиметров шесть-семь в ширину у основания и сужающуюся в той части, что вонзалась в ногу. Штуковина, словно бритва, прорезала ступню, уходя глубоко в плоть, и вызывала сильное кровотечение. Возможно, штукавина сделана из серебра или какого-то его сплава? Иначе, отчего вампир ощутил столь жгучую боль, резкую, как удар электрическим разрядом. Вуд посмотрел на кончики своих пальцев, которыми притронулся к предмету, но следов ожога, как от серебра, на них не обнаружил.

Предположив, что ему могло показаться, Тайлер снова прикоснулся к выступающему краю пластины. И снова его руку отбросило, прошив резкой болью до самого плеча.

— Ловишь мух, Вуд? — раздался за его спиной голос Лео.

— Ты достал машину, Борегар? — в ответ поинтересовался Тайлер.

— Стоит на парковке прямо за ограждением. Так чего ты руками-то махал? Шаманишь?

— Парню в ногу какая-то хрень впилась, и очень глубоко, рана сильно кровоточит. Хотел вытащить, пока он в себя не пришел и не начал орать. А это, чем бы оно ни было, вытаскиваться не хочет.

— Кусается и упирается? — усмехнулся Лео, не подозревая, насколько близок к истине.

— Вот именно, кусается, — обернувшись, серьезно ответил Тайлер. — Действует почти как серебро, но резче, мощнее.

Увидев, что Вуд вовсе не шутит, Лео наклонился к ноге Эйвина и внимательно посмотрел.

— Держи его ногу, я попробую вытащить это, — бросил он.

Цепко ухватив предмет двумя пальцами, Лео резко дернул его, одновременно отбрасывая в сторону. С металлическим стуком предмет приземлился на камнях, где-то возле сваленной в кучу одежды Эйвина. Тайлер ясно услышал, как скрипнул зубами и зашипел Леонар, когда взялся за пластину и рванул ее.

— Да ты могуч, Борегар, — заметил Вуд.

— Сам знаю, — отозвался Лео, с интересом разглядывая свои пальцы. — И я хотел бы знать, что за фигня это была. Ты прав, оно действует сильнее серебра и как-то по-другому.

Вампир подошел к лежащему на камнях предмету, покрытому кровью, и поддел его носком ботинка. Предмет подскочил и, звякнув, снова упал на камни.

— Хм... Похоже на треугольник из какого-то металла, — пробормотал Лео.

— Эй, иди сюда, — позвал его Тайлер, — парень приходит в себя.

Услышав слова Вуда, Лео вернулся к ним, прокусил свою ладонь, сдавил, собрав немного крови и, наклонившись, припечатал руку к ступне парня. Рана закрылась и стала затягиваться на глазах. Эйвин застонал, вздрогнул, зашевелился, пытаясь открыть глаза. Тайлер подобрал куртку юноши и накинул на него сверху.

— Эй, парень, ты как, встать можешь или тебя тащить?

...Зрение вернулось первым, и в темноте он различил склонившееся над ним бледное лицо молодого мужчины с темными глазами. В следующее мгновение мог слышать слова, обращенные к нему и почувствовать еще резкую, но быстро стихающую боль в правой ноге.

Над головой темное небо, под ним... Нет, не ледяная бездна воды, а камни. Твердая почва. Берег. Кажется, он тонул и его спасли.

Эйвин глухо простонал и попытался приподняться, но смог лишь перевернуться на бок, полностью обессиленный. Из горла вырвались хриплые слова:

— Вы вытащили меня... Спасибо...

— Благодарность принята. А теперь давай, поднимайся. Пойдем отсюда, тебе надо срочно согреться, надевай-ка куртку скорее, — сказал его спаситель, сидевший перед ним на корточках.

Эйвин перевел взгляд и увидел еще одного мужчину, стоявшего чуть в стороне. Высоченный, совсем молодой парень, с длинными, падающими на широкие плечи, светлыми волосами, мокрыми от снега. Он просто молча смотрел на юношу.

— Нога... Что-то врезалось в ногу... — проговорил Эйвин, когда ему удалось приподняться, опираясь на локти. Камни впивались в кожу, но юноша не обращал на дискомфорт внимания. Посмотрел на свою ногу и увидел кровь.

— Твоя нога в порядке, — заметил тот, что присел возле него. — Давай же, накинь куртку, я помогу тебе встать,

Юноша не ощущал холода, но послушно натянул куртку, не спуская глаз с ноги. Он видел кровь, но не чувствовал ничего. Как такое могло быть? Ведь в воде боль от ранения показалась сильной настолько, что он потерял контроль и начал тонуть. Эйвин подтянул ногу к себе и провел рукой по ступне, потом по второй. Испачкал руку в еще свежей крови, но снова ничего не почувствовал.

— Странно... Я точно помню, что поранился. Было очень больно.

— Ты действительно поранился. Но ледяная морская вода сотворила чудо — и кровь остановила, и ранку промыла. Заживет, как на собаке, ничего страшного, — нетерпеливо и раздраженно подал голос высокий незнакомец. — А вот это, кстати, тебе в ногу и воткнулось.

Он поддел носком мощного ботинка что-то лежащее на камнях и подкинул к юноше.

Эйвин взял в руки металлический треугольник и покрутил его, разглядывая.

Лео с Тайлером переглянулись.

— Ну, теперь вставай, одевайся в темпе. Надо уходить отсюда, — обратился к нему

высокий блондин. — А штуковину эту прихвати. На память, — добавил он.

Эйвин, не раздумывая, засунул треугольник в карман куртки.

Он встал, пошатываясь, натянул брюки, сунул ноги в кроссовки, не надевая носков, подобрал толстовку, и, комкая ее, пробормотал:

— Спасибо еще раз. Я пойду...

— Пойдешь, только с нами, — отозвался высокий. — Мы тебе подвезем. Надо же убедиться, что не зря тебя из воды вытаскивали. Вдруг ты по дороге отключишься или еще чего. Пойдем, наша машина совсем недалеко, на парковке.

Эйвин покосился на мужчин, колеблясь. Этот длинный пацан был явно моложе его самого, а разговаривал и держал себя так начальственно и напористо, что возражать ему как-то не хотелось. Больше всего Эйвину хотелось улизнуть отсюда как можно быстрее и забиться в какую-нибудь нору.

Но тут до него дошло — он абсолютно не чувствует эмоций этих парней. словно напасть, мучившая и изводившая его последние недели, вдруг исчезла также внезапно, как и когда-то появилась.

— Ты справилась. Садись в машину, — жесткий голос, почти приказной тон.

— В какую машину? — машинально проговорили губы Фреды, пока сама она никак не могла взять в толк, что произошло, и с чем она справилась.

С трудом прорвавшись сквозь оцепенение, она, как в тумане увидела, что стоит возле лимузина на подземной парковке. Никаких Аспикиенсов, темноты, жутких видений и прочего. Рядом Вагнер, открывает для нее дверь лимузина, чуть подхватывает под локоть, подталкивает и нетерпеливо повторяет:

— Садись в машину.

Фреда покорно забралась в салон лимузина, чувствуя себя словно под действием сильного снотворного. Посмотрела на свои руки, лежащие на коленях — пальцы подрагивали, и дрожь стала передаваться всему телу. Когда Вагнер уселся напротив нее, и лимузин тронулся с места, Фреду трясло так, что ее зубы громко отбивали степ.

Она обхватила себя руками, стиснула челюсти, и исподлобья посмотрела на вампира. Он не сводил в нее глаз, но в ответ только приложил палец к губам, глазами указывая на перегородку, отделяющую водителя от пассажирского салона. Фреда кивнула, машинально подняла руки к голове, высвободила из узла волос свой Хранитель и надела его на шею.

Глубоко вздохнула, стараясь немного расслабиться, откинулась на спинку сидения и прикрыла глаза. Пережитый кошмар мгновенно атаковал ее, ворвавшись в голову кадрами из ужастика: лощеные, манерные Аспикиенсы, готовая пожрать все и всех темнота, Детмар — кошмарная марионетка, Белоглазый, распадающийся на гниющие останки, окровавленное тело у ее ног...

Она дернулась, невольно издала тихий стон и тут же открыла глаза. Рейн смотрел на нее напряженным, внимательным взглядом. Губы его шевельнулись, и Фреда разобрала безмолвное: «Все хорошо. Ты справилась».

Он уже третий раз повторял это, но девушка пока ничего не понимала и не чувствовала, кроме полной опустошенности и бессилия. Немой вопрос, растерянность отразились на ее лице, и Рейн, не говоря ни слова, взял руку девушки, чуть сжал, поглаживая большим пальцем. Спокойствие стало медленно растворяться в ней, как сахар в воде. Фреда

благодарно улыбнулась и в ответ сжала его руку, быстро поднесла ее к своей щеке и приложила к теплой коже. Глаза вампира мгновенно приобрели необыкновенную глубину насыщенного цвета темного индиго, губы приоткрылись, он едва сдержался, чтобы не броситься к ней, обнять, ощущая ее теплое тело, тесно прильнувшее к нему.

... Они вернулись в Цитадель, которую Фреда сейчас восприняла, как дом родной. Она вошла в холл с арочными проходами, и Вагнер увидел, как блестят ее глаза и с каким облегчением перевела дыхание.

Не удержавшись, он рывком притянул ее к себе, крепко обхватил руками податливое тело и прошептал на ушко:

— Ты справилась, Фреда. И ты выиграла нам время.

— Ты обнимаешь меня, прямо здесь... — пробормотала она, прижимаясь к нему. — Нельзя же... И я ничего не понимаю. Ты знал, что со мной происходило? Ты видел? Они испытывали меня? Я прошла испытание?

— Ответ «да» на все твои вопросы. Остальное — потом и не здесь, — коротко и тихо ответил Рейн, с явным нежеланием выпуская ее из объятий. — Сейчас иди и хорошенько отдохни, выспись.

— Я не смогу уснуть. Эти кошмары, что я видела... какой уж тут сон, — вздохнула она, и стала неспешно подниматься по лестнице, бормоча под нос, — удивляюсь, как я еще умом не тронулась. А может как раз и тронулась...

Изнemoжение и опустошенность давали о себе знать, надо было хотя бы попытаться отдохнуть и чуть прийти в себя, "подлечить" раненое сознание.

Рейн больше не окликнул и не попытался остановить ее, но смотрел вслед, раздумывая, пока Фреда не скрылась из глаз на следующем лестничном пролете. Тогда, поколебавшись мгновение, Вагнер взбежал по лестнице следом за ней, у входа на этаж остановился, повернувшись в сторону лестницы, что-то прошептал и сделал перед собой жест рукой, словно стирал с запотевшего окна капельки влаги. Воздух перед ним загустел, дрогнул, как абсолютно прозрачное желе, едва заметное искажение промелькнуло, и все снова успокоилось.

Вагнер догнал Фреду у дверей комнаты, подхватил, приподнимая над полом, и впился долгим, жадным поцелуем в приоткрывшиеся от удивления губы.

Фреда на миг замерла от неожиданности, но тут же обвила шею Рейна руками, забираясь теплыми пальцами в короткие пряди волос на затылке, и ответила на поцелуй, скользнув язычком между его гладких губ.

Она с готовностью и нескрываемым трепетом прильнула к нему, одной рукой поглаживала шею мужчины, второй все крепче обнимала. Фреда глубоко вдохнула его запах — чистый, прохладный, как ветер, чуть пряно-горьковатый. Она взволнованно, нетерпеливо пошевелилась в его объятиях, и тихий стон вырвался из ее горла, когда ощутила реакцию Рейна на их близость.

Он был возбужден, тело его напряглось, мускулы рук и плеч затвердели, как стальные, объятия становились все крепче, поцелуи требовательней. И все же он контролировал себя, а Фреда чувствовала, как и тогда в парке, что определенные границы не будут перейдены здесь и сейчас. Однако, физически чувствуя, как вибрирует внутри него рвущаяся наружу энергия, могла только догадываться, чего стоил ему этот контроль.

— Подозреваю, что от такого воздержания рано или поздно может наступить окончательная смерть, — будто в ответ на невысказанное Фредой хрипло проговорил он ей в

губы, прерывая их долгий поцелуй. — Не хотел тебя пугать, давая понять, как же хочу тебя. Но хотел, чтобы ты это знала.

— Теперь знаю, — улыбнулась она, глядя на него затуманенными желанием глазами, — знаю, не боюсь, хочу, чтобы так и было. Хочу тебя...

Радужки Рейна полыхнули сине-фиолетовым сиянием, он снова приблизил губы к ее рту, прошептал «Это безумие, но ты так сильно нужна мне...» и жадно поцеловал глубоким, очень долгим поцелуем, пока она не начала чуть задыхаться.

— Возвращаю твои сладкие губы только потому, что тебе нужно дышать, — проговорил Рейн, бережно опуская Фреду на пол.

Не спуская с него сияющих глаз, она привстала на цыпочки и тихо сказала ему на ухо:

— Я слышала тебя там. Чувствовала твой запах... Знала, что ты где-то рядом. Спасибо... — и поцеловала его в щеку, затем скользнула губами ниже, прижалась в нежном, дразнящем поцелуе к шее. Он напрягся, крепкие ладони властно легли ей на бедра, чуть притянули к себе. Его эрекция уперлась в низ ее живота, Фреда подалась навстречу, прижимаясь на миг, и тут же мягко отпрянула, отступая от Рейна. Он не стал удерживать ее, лишь продолжал смотреть, не сводя с Фреды потемневших глаз.

Поворачивая ручку двери, она тихо проговорила:

— Помню все, что ты говорил мне, — и добавила тише, — и теперь знаю, как выбросить из головы все кошмары. Знаю, что буду представлять, засыпая...

Она быстро проскользнула за дверь, щелкнул замок.

Для Вагнера в Цитадели не существовало закрытых дверей, тайных комнат и прочих мест, куда он не мог бы попасть. И лишь за эту дверь, похожую на десяток других таких же, он не мог сейчас войти.

Рейнхард медленно отступал от двери Фреды, пока не уперся спиной в стену напротив. Откинул голову, устремив глаза в потолок и стиснул зубы, не давая хриплому крику вырваться из груди.

Он ни за что не хотел избавляться от того, что сейчас наполняло его: тепло гибкого тела, которым она поделилась, проникшее в самую его сущность, чуть хриловатый голос, еще звучавший в его ушах, аромат ее волос и кожи, вспоминая которые, он тут же твердел и готов был выть, как дикий зверь, от поглощавшего его желания и жажды близости с ней. Такой близости, которая может быть только с ней и больше ни с кем и никогда.

И это вовсе не бред, не самообман и не сказки, он знал, что так и есть.

Веками вырабатывая предельный самоконтроль, помогавший скрывать то, что не предназначено для посторонних, Вагнер научился прекрасно распознавать природу своих ощущений, с легкостью определял их ценность для своего существования. От лишних и ненужных избавлялся сразу, прочие собирал и хранил глубоко в себе. Происходящее с ним сейчас было из разряда «наивысшей ценности», а значит, это никоим образом нельзя было подвергать даже минимальному риску.

Но как тогда действительно не умереть только от осознания, что к ней нельзя прикасаться так, как ему хочется? Как унять жажду, что сильнее жажды крови, да еще, если он точно знал, что она готова и хочет ответить ему взаимностью?

Вагнер медленно сполз по стене на пол и с минуту сидел, не шевелясь, раздумывая, прислушиваясь к себе.

Приняв решение, он легко поднялся на ноги, ловкий и гибкий, как пантера, и двинулся по коридору клестнице. Экран, что он сотворил, закрывая их с Фредой от возможных

любопытных «глаз и ушей», задрожал и испарился, когда он прошел сквозь него.

... Фреда стояла под обжигающим душем и рыдала в голос, даже не старалась унять истерику. Она то плакала, то начинала смеяться, как одержимая. Потом успокаивалась и снова начинала смеяться и плакать. Вспомнив, что завтра, а точнее уже сегодня, 31 декабря, осознала, что лишена возможности хотя бы приблизительно «нормально» отметить Новый год и снова горько рассмеялась.

Но тут же вспомнила губы Рейна на своих губах, его твердое тело, прижавшееся к ней. Что-то горячее и терпкое, как расплавленный шоколад, заполнило ее изнутри, растекаясь по всем венам. Фреда скользнула руками по своему телу, касаясь гладкой кожи. Затем открыла дверцы душевой кабинки и посмотрела в висящее напротив зеркало. Когда пары горячей воды рассеялись, в зеркале возникло ее отражение.

Она рассматривала себя, поворачиваясь и изгибаясь, провела ладонями по прямым плечам, по гибкой талии и стройным бедрам, приподняла тяжелые мокрые волосы, открывая шею, разглядывая высокие груди, округлые и налитые, с нежно розовыми ареолами сосков.

Висящий на шее Custos, который она не снимала даже, когда принимала душ, оттенял ее смуглую кожу. Светлый, чуть светящийся круг лежал как раз в центре солнечного сплетения. Фреда приложила ладонь к амулету и мгновенно представила, как губы Рейна целуют ее, руки ласкают, его крепкое тело требовательно и властно вжимается в нее... И поняла, что сойдет с ума, если не перестанет об этом думать. Или если этого не случится на самом деле.

Вагнер сказал, что она справилась и выиграла им время. Фреда так пока и не поняла, с чем она справилась, но точно знала, на что она хотела бы потратить выигранное время, а дальше — будь, что будет.

Глава 23. My moon, my man...

My moon, my man...

Take it slow
Take it easy on me
Shed some light
(из песни feist)

Фреда проспала весь день, ни разу не пошевелившись, не изменив позы, не запомнив снов, но точно знала, что сны снились, и в видениях она снова переживала все испытанное у Аспикиенсов.

Проснувшись, посмотрела на экран смартфона и не сразу поняла, что уже почти вечер. Она совершенно утратила правильное ощущение времени, ложась спать под утро и просыпаясь к закату, словно вампир.

— Первый шаг к возможному обращению сделан, — невесело прокомментировала она, поднимаясь с постели. Тело ломило так, будто она участвовала в марафонском забеге, кружилась голова, но в остальном самочувствие было вполне приличным, особенно, если учесть, чего ей пришлось натерпеться накануне.

После четырнадцати часов сна вряд ли скоро снова захочется спать. А жаль, ведь тогда ей придется провести новогоднюю ночь, тупо пялясь в телевизор в этих четырех стенах. Больше заняться будет нечем, и выйти никуда нельзя. И уж точно Вагнер не повезет ее на прогулку по новогодней Праге (размечталась!), ведь он, выезжая с ней в город, всегда стремился избегать многолюдных улиц, а сегодня все улицы города станут такими. Скорее следует ожидать, что кто-то или что-то уже уготовили ей новые «экзамены на выживание» и еще одну бодрую ночь.

Заранее скучая, Фреда умылась, оделась, долго билась с волосами, которые никак не хотели укладываться в приличную прическу. Она не до конца их высушила, перед тем, как лечь спать и вот теперь копна волос, действительно напоминала копну, торчащую непокорными вихрями во все стороны.

Ужасно захотелось есть. Заглянула в холодильник, отметив, что он снова пополнен свежими продуктами. За все время своего пребывания здесь, в Цитадели, она ни разу не встретила никакой obsługi, представления не имела, кто убирал в помещениях и регулярно заполнял холодильник. Она знала, что некто сидит за рулем лимузина, но ни разу не видела таинственного водителя. Вагнер как-то упоминал, что здесь есть еще постоянные обитатели, но ничто ни разу не указало на чье-то присутствие.

Однако учитывая, что Цитадель отнюдь не являлась простым местом, удивляться чему-то было не разумно. Кажется, тут можно бродить годами и каждый раз попадать в разные помещения, как в параллельные миры. Вспомнить хотя бы, как она нашла ту каменную залу, в которой увидела Вагнера. Фреда чуть не поперхнулась тостом, когда память услужливо предложила ей снова полюбоваться незабываемой картиной.

Сигнал смартфона, возвестивший о полученном текстовом сообщении, отвлек от размышлений.

Три слова «Сейчас в холле» заставили взбудоражено забегать по комнатам, делая сразу сто дел — яростно водить щеткой по волосам, снова пытаться их урезонить, обуваться, приплясывая, и надевать куртку.

Переводя дыхание, девушка проверила, взяла ли смартфон, подхватила свою сумочку, разыскала в кармане мятные пастилки и, затолкав одну в рот, спустилась в холл.

Вагнер уже ждал ее, за ним она проследовала на парковку Цитадели. Там он молча, указал ей на темно-синий кроссовер BMW, который она до этого не видела, придержал для нее дверь, и сам сел за руль. Он все еще молчал и даже не смотрел на нее, а Фреда ждала, пока они покинут пределы Цитадели и ничего не спрашивала.

Сегодня не только машина другая, но и сам Вагнер был совсем не такой, как всегда. В джинсах и короткой кожаной куртке с неизменным, повязанным с элегантно небрежностью шарфом (сегодня полосатым от Missoni, а не клетчатым от Burberry, как обычно) он выглядел словно бы моложе, если такое понятие вообще применимо к вампиру, застывшему в возрасте обращения.

Однако к огорчению Фреды, он оставался молчаливым и отстраненным. Даже больше, чем прежде, когда она еще сравнивала его с Големом. Этот вампир, нежданно-негаданно переставший быть для нее монстром из сказок, и так не отличался многословием и искрометной приветливостью, а сегодня являл собой просто образец холодной отчужденности.

Фреде стало так невыносимо тоскливо, когда в ответ на ее осторожные взгляды не последовало вообще никакой реакции — он просто не обращал на нее внимания.

И это было как-то чересчур.

Несколько часов назад он смотрел на нее так, будто хотел проглотить целиком, целовал, как в последний день существования мира, а сейчас вез неизвестно куда, не трудясь даже слова сказать. Разочарованная, она тихонько шмыгнула носом, нахмурилась и, скрестив руки на груди, отвернулась от Вагнера.

Стекла в этой машине были не затемненные, что тоже не вполне обычно, но Фреда больше не старалась понять, где именно расположена Цитадель и просто равнодушно, без всякого интереса и ни во что не вникая, смотрела в окно. Минувя особенно шумные и многолюдные сегодня улицы Праги в праздничном освещении, они выехали на Розвадовское шоссе и двинулись на запад от города на предельно допустимой скорости, храня прежнее обоюдное молчание.

— Ничего так и не скажешь? — не выдержала Фреда, когда они проехали Рудну. Вагнер долго не отвечал.

— Прости, но я не знаю что нужно, или что я должен говорить сейчас, — отозвался он.

— Могу я узнать, куда мы едем?

— Формально мы едем к тебе.

— Ну, конечно, теперь-то все ясней ясного! — проворчала Фреда. — И чего я вообще спрашиваю Вашу таинственную магическую светлость, когда и так все понятно.

— Даже понимая природу твоего сарказма, я пока больше ничего не могу пояснить, — в голосе Рейна слышались нотки, за которые Фреда ухватилась, как за спасительную ниточку — теплые, терпеливые, с проскальзывающей ответной иронией. — Насколько я успел понять, ты лучше воспринимаешь, когда убеждаешься во всем сама. Потерпи, осталось недолго, и мы приедем на место, а там все увидишь.

Он бросил на спутницу короткий взгляд, заметил, как она снова недовольно

нахохлилась и затеребила пряди непослушных, находившихся сегодня в очаровательном беспорядке волос. Быстрым движением, в котором чувствовалось раздражение, она пропустила пряди сквозь пальцы и отвела их назад, открывая маленькое ухо. Вагнер снова уставился на дорогу.

— Фреда, наклонись ко мне, — сказал он вдруг очень серьезно.

Она недоверчиво покосилась на него, и нехотя наклонилась к Рейну.

— Ближе, — велел он, не отрывая глаз от дороги и придерживаясь прежней скорости.

Фред пожала плечами и придвинулась еще. Когда ее волосы коснулись его лица, он шепнул:

— Еще чуть ближе.

Она послушалась, и в следующее мгновение Рейн быстро повернулся и поцеловал ее в ушко, на миг скользнув в него языком.

Маленький гейзер зародился где-то внутри, вырвался из самых глубин ее чувственности, обдал жаром, вызывая неконтролируемую дрожь возбуждения. Фреда не отпрянула, подчинившись импульсу, она отогнула шарф на шее Вагнера и приникла губами к местечку за его ухом. Ежик коротких волос щекотал лицо, она закрыла глаза, на мгновение уткнулась носом в шею Рейна, вдыхая его запах, скользнула губами по четко очерченной скуле, к твердому подбородку и медленно отстранилась, чуточку не добравшись до приоткрытых в нетерпении, ждущих ее губ.

— М-мм... с тобой шутки плохи, милая, — хрипло проговорил Рейн, невольно подавшись навстречу ее теплым губам, — так можно и не доехать...

Пряча улыбку, вызванную непостижимым восторгом, Фреда подумала, что же действительно она творит — дразнит семисотлетнего вампира-мага, который везет ее неизвестно куда.

Это игра? Или уже нет?

...Внедорожник несся вперед на головокружительной скорости. Когда они проезжали мимо городков и поселков, за окном мелькали фонари и светящиеся окна домов, повсюду запускали фейерверки, звучала музыка, затем они снова ехали мимо темных полей и лесов, пока не свернули с трассы на неширокую второстепенную дорогу. Машина мчалась по Высочине — краю, где среди старых замков и крепостей, холмов, долин и лесов протекала полноводная Сазава.

Доехав до развилки, Вагнер притормозил и свернул на проселочную дорогу, обсаженную по бокам деревьями. Вскоре впереди показались редкие огни фонарей, и они въехали в маленький населенный пункт: здание фермы в стороне на пригорке, десятка три домов, дорога, она же единственная, чистая и пустая улица в поселке. Фреда смотрела на мирный пейзаж, на свет в окнах домов и замирала от охватившего ее покоя, реального и свободного, как легкий ветерок.

На улице никого не видно: жители отмечали праздник в стенах своих домов.

— Где мы? — тихо спросила она, пока машина, тихо шурша по дорожному покрытию, подъезжала к окраине поселка.

— Деревенька Жит рыбник. Двадцать семь населенных домов, семь пустующих, магазин с крошечным кафе, ферма и где-то семь десятков жителей, — спокойно отозвался Рейн.

— А почему называется так Жит рыбник — Живой пруд? — поинтересовалась Фреда.

— Сейчас всё увидишь.

Впереди, на отшибе чуть поодаль от остальных домов, на фоне ночного неба возвышалась старая пожарная колокольня: широкое кирпичное основание высотой в два этажа и такой же высоты деревянный верх башенкой, где в открытых с четырех сторон проемах четко виден контур неподвижного колокола под остроконечной крышей. Они подъехали к колокольне, и рядом с ней Фреда увидела заросший кустарником одноэтажный дом с закрытыми ставнями окнами. Чуть поодаль за домом блестели воды не успевшего покрыться льдом небольшого озера. Лес подступал к озеру, оставляя свободный доступ к берегу только со стороны поселка, а прямо от колокольни к озеру вела широкая тропа с глубокими колеями от колес.

Вагнер завел машину в заросли возле домика и остановился. Посмотрев в окно, сказал:

— Эта старая колокольня — всё, что осталось от пожарной станции, которая обслуживала несколько окрестных деревень еще с начала прошлого века. Воду пожарные брали из этого пруда. Отчасти потому его и называют Живой, спасающий жизни. А еще ходит байка, что в этом пруде полно рыбы и какую не запусти, она начинает здесь усиленно плодиться и размножаться.

Фреда перевела удивленный взгляд на Вагнера и произнесла:

— Как странно и чудно слышать от тебя такую... простую житейскую историю. Но даже ее ты умудряешься рассказывать абсолютно менторским тоном. Ты это знаешь?

— Догадываюсь, — отозвался Вагнер и нарочито строго скомандовал, — приехали, выходи.

Усмехнувшись, Фреда выпрыгнула из машины. Она вдохнула чистейший, пахнущий морозцем и лесом воздух, и от восторга чуть не запрыгала на месте.

Вагнер вытащил из багажника какую-то коробку, подхватывая ее одной рукой.

— Пойдем, — бросил он, направляясь по узкой, ведущей к дому дорожке, поросшей мерзлой травой. Вокруг было темно и тихо, некоторая отдаленность дома от прочих строений, невысокий деревянный забор с основанием из природного камня и густой кустарник усиливали ощущение обособленности.

Фреда слышала, как едва-едва слышно звенит, словно тихо напевает, старый колокол на вышке.

Рейн дошел до крыльца дома, достал что-то из кармана куртки и протянул девушке:

— Держи, это твое, — сказал он, кладя ей на ладонь ключи. — Открывай, — и кивнул головой на дверь с большим навесным замком.

Решив, что еще повременит с вопросами и удивлением, Фреда покопалась в замке, открыла его, сняла с петель и решительно толкнула тихо скрипнувшую дверь домика. Бросив короткий взгляд на Вагнера, шагнула внутрь.

Внутри темно, холодно и пахло старым деревом, сухими травами, немного пылью или известью. Не похоже, что в доме кто-то жил или недавно бывал здесь. Фреда остановилась у порога, обернулась к Рейну, продолжавшему стоять снаружи, и вопросительно посмотрела на него.

— Пригласи меня войти, — сказал он.

— Что за церемонии? — вскинула удивленно брови.

— Этот дом принадлежит тебе. Я вампир и без твоего приглашения не могу в него войти.

Фреда открыла рот, желая задать вопрос, но передумала и просто сказала:

— Заходи, пожалуйста.

Рейн шагнул за порог, поставил коробку на пол и закрыл за собой дверь. Щелкнул замок, они оказались в полнейшей, непроглядной темноте. Фреде мгновенно показалась, что их накрыла та ожившая, тяжелая, словно смоляная тьма, что окружала ее на «экзамене» Аспикиенсов. Она задохнулась, задрожала и тут же оказалась в объятиях Рейна. Он прижал ее трепетавшее тело к своему, сильному и надежному, укрывая от страхов в кольце рук, что-то зашептал на ушко, успокаивая.

Они стояли так бесконечно долго, пока она не почувствовала облегчение, не поверила в реальность происходящего здесь и сейчас, не испытала радость от того, что Рейн рядом и снова обнимает ее. А он, тонко чувствуя ее состояние, ждал и обнимал, водя руками по спине. И едва уловил перемены в ней, наклонился, нашел ее губы и поцеловал — глубоко, настойчиво, неторопливо.

Оторвавшись от губ Фреды, он крепко взял ее за руку и потянул за собой. Она доверчиво двинулась за ним, по-прежнему ничего не различая в полной темноте. Вагнер переместился по помещению, остановился, мягко развернул Фреду за плечи, и она ощутила, как его тело прижимается к ней сзади, укрывая спину. Руки Рейна образовали круг объятий, губами на секунду он прижался к ее макушке. Потом чуть отстранился, ей показалось, что-то прошептал, и помещение залил мягкий свет. Фреда увидела, что на небольшом столе прямо перед ними одновременно вспыхнули несколько толстых свечей.

Ничуть не удивившись произошедшему, Фреда огляделась: небольшое помещение с белеными стенами, на потолке — часто расположенные, темные деревянные балки. Мебели почти нет, только стол, кресло-качалка с плетеной спинкой и старая низкая этажерка со стопкой то ли журналов, то ли тетрадей. Справа за клетчатой занавеской проход еще куда-то, а слева... Фреда взяла руки Вагнера, крепче обвила ими себя и вместе с ним развернулась налево.

— О, это волшебно... — проговорила она, разглядывая печь, в необыкновенно красивых, узорчатых коричнево-сине-зеленых изразцах. Ими же была выложена и стена за печкой.

— Волшебно? — переспросил Рейн, наклоняясь к ее уху.

— Волшебней всякого волшебства, потому что сделано человеческими руками, — отозвалась Фреда. — Я видела, как делают такие изразцы из простой глины. Не молодой уже человек с грубыми руками. Никакой штамповки, все штучно; делают рельеф, расписывают вручную, покрывают глазурью, секрет которой хранят в поколениях, как секрет лака скрипок Страдивари, потом обжигают в печи. Мне нравится, — заключила она, поворачивая голову к Рейну.

Он словно этого и ждал. Нетерпеливо поймал ее губы, и, целуя, глубоко и жадно, снова развернул к себе, крепко держа за плечи. Фреда обхватила его за талию, переместила руки ниже, с замиранием сердца коснулась крепких ягодич, чуть надавила, приближая к себе, и издала тихий полувздых — полустон, почувствовав, как в низ ее живота уперлась твердая выпуклость. Не думая отстраняться, повела бедрами и тут же была сильнее притиснута к телу Рейна, а из горла его вырвался глухой низкий, рокошующий звук.

Тело Фреды покрылось мурашками, сердце ускорилося, сбиваясь с ритма, дыхание участилось.

— Хочу...тебя... — прохрипел Рейн, чуть оторвавшись от ее губ.

Он быстро расстегнул ее куртку, руками пробрался под свитер, коснулся гладкой теплой кожи. Пальцы на секунду вдруг по-хищному сжались, почти больно впились в спину Фреды.

Она ахнула, а Рейн прижал ее к себе сильнее, поцеловал, глубоко проникнув языком в задыхающийся от возбуждения сладкий рот и...отступил.

Фреду качнуло, она посмотрела на него, и в ее взгляде не было вопросов, недоумения, непонимания или возмущения. Настроенная на одну волну с ним, она уловила правильность происходящего. Этот снова сработавший в вампире контроль явился чем-то уместным и обязательным сейчас.

Еще чуть-чуть и она бы не выдержала, превратившись в гарпию: завизжала, протестуя, и бросилась на него сама, сдирая одежду с них обоих. От нарисованной воображением картины Фреду окатило волной мучительного возбуждения, лишая возможности говорить: горло точно сожгло, полыхнувшим изнутри жаром нерастраченного желания.

Вагнер отступил, но продолжал держать ее за руку. Шагнул к креслу-качалке, сел в него и потянул Фреду за собой. Она охотно устроилась на коленях и в объятиях Рейна, положила голову ему на плечо и замерла. Вампир, обнимая, что-то снова очень тихо прошептал поверх ее головы, и в печи запылал огонь. Всполохи его ясно были видны сквозь прорези в чугунной дверце топки.

— Послушай меня, Фреда, — заговорил Рейнхард хриплым голосом, который ощутимо изменился, зазвучав на низких, наполненных чувственностью, нотах. От одного этого бархатного тембра Фреда снова ощутила, как подступает та самая жаркая и терпкая, как горячий темный шоколад волна, в которую превращались все ее чувства рядом с Вагнером.

— Ты должна в полной мере понимать и помнить, что я вампир. Я использую магию, как люди используют соль в пищу. Я пью кровь живых, могу не рассчитать свою силу и почти все забыл о смертной жизни, — продолжил Рейн.

Он повернул голову, Фреда подняла глаза, и они посмотрели друг на друга, устанавливая понимание, безмолвно делясь готовностью говорить и слушать. Его радужки сейчас сверкали, как кристаллы аметиста, сквозь которые проникал яркий луч света.

— Если мы... станем близки, мы оба переступим черту, за которой начнет создаваться еще не существующий мир, — продолжил Вагнер. — Ты войдешь туда, где тебя будут постоянно и очень пристально рассматривать, слушать, пытаться проникнуть в твои мысли и эмоции, будут даже обнюхивать. А ты будешь пахнуть мной, нашей близостью, моим и твоим возбуждением. Вот как сейчас. Ты чувствуешь?

Фреда вдохнула, посмотрела на Рейна серьезными, глубокими, как два зеленых озера глазами и кивнула. Действительно вокруг них витал аромат, смешавший в себе запахи их обоих. Никогда прежде она не ощущала ничего подобного и так явственно. Это совсем не походило на искусственный запах духов. Это был аромат их сущностей; ее — свежий, легкий, наполненный жизненным теплом и ванильной сладостью юности, и его — чистый, пряно-горьковатый, чувственный запах прохладного, свободно парящего ветра.

— Все очень скоро узнают про нас, потому что это невозможно скрыть. Мы оба вызовем любопытство, станем уязвимы. И в этом во всем как-то придется выживать. И я не смогу жениться на тебе по человеческим обычаям, чтобы по закону объявить своей и неприкосновенной для других. В моем мире это не работает. Ты понимаешь меня? — Рейн сильнее сжал объятия, слегка тряхнув Фреду.

— Я слышу тебя и понимаю, — отозвалась она, — но я никогда не жила так и не испытывала ничего подобного. Ты сам сказал, что я лучше воспринимаю что-то, убеждаясь в этом сама, а не беря на веру со слов. Почему сейчас должно быть иначе? Ты предупредил меня, я приняла к сведению. Кстати, замуж за тебя я и не собиралась.

Услышав, как он хмыкнул, она чуть придвинулась к нему и продолжила:

— Но всегда же бывает «здесь и сейчас». Вот ты, вот я. Вот этот дом, который теперь мой. Я так понимаю, ты нашел еще одно «особое» место?

Вагнер кивнул в ответ.

— Так воспользуемся этим. И, насколько я знаю, если этот дом мой, то вампиры сюда могут войти, только если я их приглашу. Так?

Рейн снова кивнул.

— Это правило распространяется на Аспикиенсов?

— Ну, в общем и целом, да, — отозвался Вагнер. — Но не стоит рассчитывать на это, как на надежную защиту. Всегда можно пустить в ход магию. И потом, кроме вампиров, есть еще люди и веры всех мастей и видов. Есть колдуны и ведьмы.

Он замолчал, раздумывая, затем продолжил:

— Я нашел это место и сделал ритуал-привязку, соединив вымышленное имя, на которое куплен дом, и твою личность. Узнать об этом сложно, но более сильный, чем я, маг справится, если что-то заподозрит и заинтересуется. Машина, на которой мы приехали, тоже твоя. Ты сможешь теперь выходить из Цитадели и свободно перемещаться, соблюдая осторожность, конечно. Помни, тебя все еще разыскивает полиция. Но об этом мы еще поговорим позже.

— Позже, — эхом повторила Фреда, привставая и опираясь на его грудь. — Из тебя то слова не вытащишь, то ты вдруг становишься тошнотворно многословным в самый неподходящий момент, — заметила она. — И всегда оставляешь что-то на «позже».

Рейн улыбнулся, и эта улыбка озарила его лицо, нарисовав на гладкой чистой коже морщинки возле глаз и в уголках губ. Фреда затаила дыхание, глядя на него, как на чудо: такие морщинки бывают только у людей, которые любят улыбаться и делают это от души. Возможно, в своей человеческой жизни Рейн таким и был.

— И это еще не все, что я должен сказать, Фреда, — улыбка его потухла, когда он снова заговорил. — Возможно, после того, что ты узнаешь, тебе захочется отозвать приглашение для меня, дожидаться утра и уехать отсюда, куда глаза глядят. И я не стану препятствовать.

Тревога дикой кошкой заскреблась где-то в душе. Фредерика нахмурилась, ничего не говоря, ожидая, что вампир продолжит начатое сам.

— Ты очень заинтересовала Аспикиенсов. Они не вполне поняли природу твоих способностей, были заинтригованы тем, что не смогли прочесть твои мысли. И возжелали, чтобы ты осталась в нашем Ордене.

— Хочешь сказать, что меня приняли в ваш Орден?

— Принятие в Орден означает, что испытания пройдены, экзамены сданы и к кандидату больше нет интереса, как к кандидату. Ты принят. Существовай дальше, будь послушным, соблюдай правила, выполняй приказы, — сказал Вагнер. — Но твои испытания еще не закончены, ты не прошла уровень адепта и не была обращена. И, тем не менее, Аспикиенсы готовы считать тебя причастной к Ордену. Такое редко, когда делалось даже для обращенных, только для особо одаренных из них. Ты же попала в это исключение, будучи живой, человеком.

— Я же не вполне человек. Ты сам говорил. Может, в этом дело?

— И в этом тоже. В тебе намешано немало кровей, в том числе и сверхъестественных. И отчасти поэтому Смотрящие решили не спешить с твоим обращением. Это я и имел в виду, говоря, что ты выиграла время. Аспикиенсы предполагают, что ты можешь утратить свои

ценные способности, или они непредсказуемо изменятся, если станешь вампиром, а они не успеют выяснить все, на что ты способна. Они хотят понаблюдать за тобой, — Вагнер снова легко потрянул девушку и горячо сказал, — но ты ничего никому не должна. Можешь отказаться от всего и уйти. И я помогу тебе скрыться.

— Нет, — замотала головой Фреда. Волосы взметнулись вокруг ее головы, обдав Рейна тонким чистым ароматом.

Стиснув объятия сильнее, он добавил похолодевшим голосом:

— Это еще не все. Они не дали приказа обратить тебя, но хотят установить кровную связь с тобой.

— Что это значит? Ты должен выпить моей крови?

— А ты должна будешь выпить крови того, через кого устанавливается связь. Обычно обмен кровью скрепляют специально подготовленным ритуалом, созданным только для конкретных участников «договора», — отозвался он. — В результате твой непосредственный наставник будет всегда знать, где ты и что с тобой, сможет чувствовать твою силу, обостренно воспринимать твоё состояние. Возможно, даже читать мысли. А через него об этом смогут узнать Смотрящие и те, чья сила превосходит их силу.

— Магистры?.. Но что это значит? — взволнованно заговорила Фреда. — То есть, если ты выпьешь моей крови, а я твоей, то Аспикиенсы смогут через тебя... Или если не ты, то?..

Она отшатнулась, резко выдохнула.

— ...или моим наставником и кровной связью можешь стать вовсе не ты. Куда проще и эффективней, если...

Она не договорила, и взгляд её словно примерз к лицу Вагнера.

— Да. Или я или кто-то из Смотрящих. Связью становится кто-то один и навсегда. Они склоняются ко второму варианту, — бесстрастно проговорил он, став вдруг прежним, заледеневшим, почти каменным.

Он был таким всего пару секунд, но Фреда успела почувствовать, как внутри него свивалась в тугую комок какая-то скрытая сила. Она пульсировала, сжималась, подобно ядру сверхновой. Но однажды процесс зайдет слишком далеко, и что-то произойдет... Фреда потрянула головой, прогоняя пугающие мысли.

Вагнер снова прочел её состояние, наверное, даже понял, что она уловила в нем то, чем он не собирался делиться ни с кем, и это вызвало у нее страх, а он не мог вернуть все назад, не мог отменить то, что спровоцировало её состояние.

Фреда едва сдержалась, чтобы не прижаться к нему так, чтобы попытаться буквально влипнуть в грудь Вагнера, стать его сиамским близнецом. Или его Custos'ом.

И не отделяться никогда.

Он почувствовал и это. Сразу оттаял, провел рукой по ее плечу, коснулся затылка, привлекая ее снова к себе на грудь.

— Ничего из этого нельзя допустить, — заговорил Рейн. — Но это замкнутый круг, из которого почти нет выхода. Если связь возникнет между мной и тобой, Смотрящие все равно будут все знать и ощущать, контролируя нас обоих. И, так или иначе, захотят заполучить тебя. Они, как абсолютные каннибалы, питаются не только кровью и плотью, но и эмоциями, желаниями и страстями других. То есть тем, чего давно уже нет у них самих. Они пустые. Мы все пустые. Не живые, не мертвые, не злые, не добрые. Если про человека говорят, что он то, что он ест, то про вампиров можно сказать, что мы такие, как мы едим. Со злобой и жадностью, желая убить. Или же просто утоляя голод, но не стремясь

причинить вреда.

Для Аспикиенсов, Магистров и вообще вампиров-магов, существование — это постоянная подпитка от сторонних, живых и неживых источников. Они, как черные дыры — поглощают все без остатка и безвозвратно. И становятся сильнее. Когда ты увидела меня в подземелье Цитадели в столбе света, я совершал действие, которое помогает мне существовать в этом мире и не быть сожранным и переваренным нашей сущностью и традициями. Не стать тем, кем являются Аспикиенсы и Магистры, с их запредельно равнодушной алчностью, безучастностью ко всему, кроме собственной пустоты, воплощением которой они являются. Только контроль и этот ритуал, который я оттачивал и применял веками, помогают сохранить недоступную для них, не искаженную магией часть моей сущности. Технически это помогает избавляться не только от следов магии, о применении которой никому не следует знать, но и от более глубокой, приватной энергии, порожденной тем, что я чувствовал, о чем думал и чего хотел. Только в этом случае при ментальном контакте Аспикиенсы не могут прочесть во мне того, о чем я не хочу им рассказывать. По сути это действует, как магическая гомеопатия — лечение подобного подобным. Магия маскируется другой магией, а опустошение происходит ради того, чтобы не стать пустотой, пожирающей всё и всех. Цель — очиститься и заполниться вновь, но уже другим. Тем, что дает иллюзию... нет, не так, не иллюзию, а временное ощущение жизни.

Рейн медленно провел руками по напряженным плечам и спине Фреды и добавил:

— Есть у этого действия и иное назначение. Каждый раз, думая о тебе и желая тебя так, что едва не терял контроль, я вынужден был проводить ритуал. Словно сдирал с себя кожу и выворачивался наизнанку, давая Вселенской энергии вырвать, унести и развеять все, что испытывал к тебе. Но едва я видел тебя, как снова наполнялся этими чувствами. С еще большей силой, заново осознавая, как хочу тебя всю, без остатка. Создав связь с тобой, я продолжу это делать, чтобы не позволить Аспикиенсам ничего узнать или почувствовать.

— Это... больно? Тебе от этого больно? — дрожа, проговорила Фреда.

— Больно расставаться с тем, что я ощущаю к тебе. Больно быть пустым и осознавая при этом, чего лишаешься. Но видя тебя, наполняясь всем, что связано с тобой снова, я готов проделывать это бесконечно. Оно того стоит.

— Так не должно быть... — прошептала она.

— Да, так не должно быть, — согласился он с горечью. — Нельзя отказываться от чего-то бесконечно дорогого, чтобы оно не досталось никому. Если между нами возникнет связь, то тебе придется тоже научиться скрывать это ото всех. Поэтому я и говорю, что ты должна уйти и больше не погружаться в мой больной, искаженный мир. Отзови приглашения, я исчезну. Ты дождешься утра и сможешь скрыться. В машине, в бардачке для тебя приготовлено все необходимое — деньги и документы. Есть те, кто способен помочь тебе укрыться в надежном месте, а я сделаю так, чтобы про тебя все забыли. И полиция, и Краус, и Аспикиенсы.

— Почему ты не сможешь скрыться вместе со мной? Сделай так, чтобы забыли про нас обоих... — прошептала Фреда.

— Не выйдет. Мою связь с этим миром не разорвать. Ее нельзя скрыть, нельзя прервать ничем, кроме окончательной смерти. Я не смогу затеряться навсегда. Даже самая сильная магия здесь не справится. Именно поэтому Магистры и Аспикиенсы, дьявольски уставшие за века от всего, неизменно сидят на своих постах. Единственное, чего они не могут сделать — это снять с себя полномочия и добровольно прервать однажды созданную связь, замешанную

на древней крови и сильнейшей магии. С веками эта связь становится только прочней. И так со всеми нами.

— Боже мой... — выдохнула Фреда. — Вы не существуете, а изводите себя. Вся эта сила, это же не власть — это оковы. Вы — обреченные, рабы, без права на свободу. И ради чего? В этом всё настолько неправильное, аномальное... Какой-то запредельный кошмар, этот твой мир...

Она посмотрела в глаза Рейна, провела пальцами по открытому лбу, взяла его лицо в ладони и сказала;

— Я никуда не побегу, я останусь. Этот дом — маленький кусочек мира, уже созданный тобой для меня. Ты приглашен сюда, и приглашение останется в силе... И связь... Ты должен создать связь. Не они. Только ты... Под любым предлогом.

Рейн жадно ловил каждое слово, его глаза считывали изменение в выражении лица Фреды, обостренное восприятие впитывало каждую ее эмоцию. Она была искренна с ним, и оттолкнуть ее снова, означало...

Для него это был бы конец всего, что он так бережно помнил, собирал и хранил в себе веками.

— Аномалия — это когда я не могу прикоснуться к тебе, не могу показать, как хочу тебя. Вот что действительно неправильно. А вот это, — он коснулся губами ее дрожащих губ, — единственно правильное. И это... — руками Рейн, стараясь не коснуться Custos'a, пробрался под ее свитер, быстро и ловко расстегнул бюстгальтер.

Гладкие прохладные ладони переместились вперед, накрыли крепкие груди, пальцы коснулись сосков, медленно провели по затвердевшим под его касанием вершинкам. Фреда тихо ахнула, чуть выгнулась, подаваясь навстречу рукам Вагнера.

Рейн крепче прижал девушку к себе, утыкаясь лицом в ее шею. Она почувствовала его приоткрытый рот, язык на своей коже, там, где бился пульс. Она вздрогнула, ощущая, как что-то чуть царапнуло нежную кожу пониже уха, потом было снова влажное прикосновение языка. И снова, снова... Пока она не перестала бояться этого, поняла, что он не сделает ей больно...

Вагнер, удерживая Фреду за талию, продолжал кружить пальцами другой руки то по одной напряженной шелковой вершинке, то по другой. Выписывал пламенеющие следы, сжимал, гладил, чуть потягивал, перекачивал между пальцами и снова кружил, кружил, сводя ее с ума.

Фреда извивалась на его коленях, тихо стонала, все больше теряясь в ощущениях. Откинув голову на его плечо, повернула лицо, приникла губами к твердому подбородку, чуть лизнула, прикусила... Точно так же, как это делал он.

Рейн что-то произнес, таким низким, рокошущим голосом, но Фреда не поняла слов, только почувствовала, как от его тембра разлилась в венах новая волна пылающего желания.

Та рука, что удерживала ее поперек талии, переместилась ниже. Рейн ловко расстегнул пуговку и молнию на ее джинсах, и Фреда сквозь дурман непрекращающихся ласк, оплетавших грудь, ощутила прохладную твердую ладонь на своем животе.

Ладонь скользнула ниже, пальцы пробрались под трусики, неотступно проследовали дальше.

Он медленно погладил, проникая сначала очень осторожно, касаясь бережно, прислушиваясь к ее реакции. Когда она сама подалась навстречу его руке, разводя бедра, Рейн стал настойчивей. Он уже не ждал, не останавливался. Он вел ее за собой, направлял

поток возмужавшего возбуждения, раскрывая нежные складочки, ритмично скользая пальцами между ними, чувствуя соки ее желания, горячую влажную плоть, готовую принять его.

Фреда завела руку назад, вцепилась в его волосы, потянула, приближая его лицо. Он с готовностью приник к ее губам и поймал ртом протяжный стон девушки, когда она забилась в его объятиях, инстинктивно прижимая крепче его руку, подарившую ей первую волну ослепляющего наслаждения.

Вагнер подождал, пока она чуть успокоится, перестанет вздрагивать в его объятиях, и встал, с грохотом отодвинув кресло. Бережно и крепко держа свою драгоценную ношу, понес ее куда-то.

В полумраке она видела его, переливающиеся всеми оттенками фиолетового глаза и мелькавшие где-то на периферии затуманенного страстью зрения темные балки на потолке.

Они напомнили шпалы на длинной дороге, по которой она собиралась отправиться в несуществующий еще, но где-то уже зарождавшийся мир.

И дорога эта вела в один конец.

...В непроглядной темноте и тишине Рейн бережно уложил Фреду на что-то мягкое, пахнущее, как высушенное на морозе белье, поцеловал в уголок губ и куда-то исчез. Фреда, оглушенная и ослепленная пережитым оргазмом, часто дышала, курсируя сознанием где-то в параллельном пространстве, но, медленно возвращаясь и, перестав ощущать близость Вагнера, начала прислушивалась к тому, как он перемещается в темноте и через секунду увидела его в свете внезапно вспыхнувшей свечи, стоящей на табурете возле стены напротив.

Фреда привстала и огляделась. Она лежала на широкой, громоздкой кровати с изголовьем из толстых резных досок. Ложе было накрыто чистым, приятно пахнущим покрывалом, похожим на льняное. Непонятно, каким образом удалось втиснуть это ложе в столь небольшое помещение, где кроме табуретки в изножье кровати и высокого узкого комода с множеством ящиков в углу больше не могло бы втиснуться ничего.

Чудо-печь оказалась расположена в двух комнатах: общая стена, покрытая изразцами с двух сторон, и две топки с чугунными дверцами в разных помещениях. От кровати до печки места оставалось ровно столько, чтобы ложе не загорелось. Вагнер стоял у стены, повернувшись к печи, и, словно только от его взгляда, в топке тотчас запылал огонь. В комнате быстро стало заметно теплее.

— Волшебник моей личной страны, — прошептала Фреда, наблюдая за вампиром.

Он повернулся к ней, снял куртку и шарф, оставшись в серо-фиолетовой шелковой рубашке и узких джинсах, идеально сидящих на стройных, сильных бедрах. Опустившись на кровать рядом с Фредой, он наклонился и долго смотрел на нее, опираясь руками по обе стороны от ее головы. Затем нагнулся ближе, коснулся губами ее лба, виска, прикрытых век. Касавшиеся нежной девичьей кожи губы Рейна становились теплее и требовательней. Фреда потянулась к нему, и он поцеловал ее — соприкосновение губ, движение переплетающихся языков, звуки, зарождающиеся в груди — все смешивалось, соединялось, проникало друг в друга.

Фреда, сознание которой словно ненадолго отключилось, даже не заметила, как он сбросил одежду. Лишь когда перестала ощущать его поцелуи и тяжесть напряженного тела, она будто очнулась и увидела его стоящим у кровати, совершенно обнаженным. Отблески пламя свечи оттеняли гладкую, как атлас, бледную кожу, абсолютно чистую, без шрамов и

изъянов. И лишённую растительности.

Красивый, почти идеальный, он действительно напоминал античную статую. Игра света и тени делала рельеф его мышц ещё более четким. Он стоял и смотрел на неё, а Фреда не могла пошевелиться, и только ощущала, как в ней нарастает и изливается за все пределы единственно верное сейчас желание: быть с ним, целовать его, ощущать всей кожей и чувствовать в себе...

Подтверждая, что мысли и желания материальны, их тела откликнулись в унисон вырвавшимися наружу импульсами, которые где-то вовне столкнулись, соединились, обрели невероятную силу, и, став чем-то одним, обрушились на них снова, проникая внутрь каждого, опалая нервы, беря под контроль рассудок и эмоции.

Рейн опустился на колени на кровать и, не отрывая сиявшего в темноте взгляда от Фреды, стал мучительно неторопливо снимать с неё одежду. Она дрожала не от холода, а от всего, что переполняло её: от того, что видела его так близко обнажённым, сильным, безупречно красивым, от того, что каждое его прикосновение едва не сводило с ума, заставляя рассудок пылать и плавиться, подчиняясь какой-то первобытной силе.

Единственная возможность не быть пустым — покориться этой силе, принять её, раствориться в ней и поделиться с тем, кто важен и дорог. Оба — и Фреда, и Рейн — знали и чувствовали это одинаково.

Он медленно раздевал её, словно разворачивал особо дорогой и долгожданный подарок. Снял с Фреды сапожки, поцеловал узкие ступни. Переместившись выше, взялся за пояс её джинсов, чуть спустил их, приник губами к подрагивающему животу, потянул джинсы ниже, отмечая каждый сантиметр обнажавшейся кожи поцелуем.

Фреде казалось, что губы Рейна стали такими горячими, что почти обжигали. Она приоткрыла рот, дыхание вырывалось тихими короткими стонами, сердце билось о ребра, как пойманная птица в клетке. Фреда запрокинула голову и сжала пальцами покрывало, когда Вагнер подбородком чуть приспустил её трусики и прижался губами внизу живота, затем медленно продвинулся ещё ниже, замер, задержался там, и Фреде показалось, что он глубоко вдохнул её запах. Она судорожно выгнулась навстречу его ласке.

Рейн поднял лицо, посмотрел из-под полуопущенных век, и рывком стянул джинсы с её ног. Ладони его прошли по золотисто-смуглым девичьим ногам, рисуя плавные линии — от тонких щиколоток к круглым, как у ребенка, коленям, выше, к гладким бедрам и снова спустились вниз. Рейн поцеловал её колени и, придерживая их, осторожно развел в стороны, устраиваясь между её бедер.

Фреда все крепче вцеплялась в покрывало, словно боялась, что взлетит. Скорее всего, так и случилось бы, задумайся она об этом сейчас...

Рейн стянул с неё свитер вместе с уже растянутым бюстгалтером, отбросил их куда-то. Затем приподнял Фреду и легко, бережно передвинул, уложив выше к изголовью. Они смотрели друг на друга, словно стояли на краю обрыва перед прыжком, и ей казалось, что между ними почти явственно, почти зримо светясь и мерцая, перетекает какая-то энергия, обволакивая их тела, делая их чем-то единым. И чем дольше сохранялась иллюзия, тем сильнее она физически ощущала это.

— Красавица... моя... — сорвалось с губ Рейна.

Руки его легли на её плечи, заскользили вниз, накрыли груди, дрогнувшие под его

прикосновением. Соски снова напряглись, стали чувствительней в тысячи раз, а он, поняв это мгновенно, наклонился, приподнял ладони и нежно лизнул кончики ее грудей, а затем подул на них. Фреда глубоко вдохнула, прикусив губу, и обхватила его за шею, притягивая ближе к себе.

Он издал тихий смешок, полный удовлетворения, и накрыл вершинку правой груди ртом, чуть втянул, скользнул языком. Пальцы Рейна ласкали вторую грудь, поглаживая, сжимая то нежно, то сильнее. Мягкость губ, легкие покалывания от касания клыков, движение влажного языка и настойчивых пальцев — калейдоскоп ощущений на нежной коже сосков окончательно лишали остатков самообладания и способности хоть как-то здраво мыслить.

С трудом оторвавшись от того, чем был так занят, Рейн, нависая над ней, проговорил:

— Мне легче было в свое время поверить в существование магии, чем в то, что я наконец-то с тобой. И все так, как я представлял. Как хотел и хочу ласкать тебя... дотрагиваться до тебя... везде... целовать каждый сантиметр твоего прекрасного тела.

Слушая его, Фреда опустила глаза и увидела, как, касаясь ее живота, чуть подрагивает его твердый член с красивой аккуратной головкой и проступающими через тонкую кожу венами.

Вагнер проследил за ее взглядом, и в воздухе разлился дурманящий аромат их желания — терпкий и сладкий. Фреда потянулась и коснулась эрекции Рейна, проведя по атласной длине, скользнула пальцами по идеальной округлости головки.

Рейн дернулся всем телом, подавшись навстречу ее прикосновению. Не сводя с лица Фреды взгляда, стянул с нее трусики, наклонился, придерживая ее разведенные ноги.

Почувствовав его губы и проникновение языка, Фреда не сдержала крика и скоро содрогнулась в ослепительной вспышке оргазма. Второго из всех, что последуют за ним.

Телесные ощущения затопили обоих, и их сознание, отключившись от всего постороннего, сосредоточилось только на том, что ощущали тела, помогая острее и глубже воспринимать ласки и растворяться в непрестанно нараставшем желании.

Возбуждение наполняло их, и будто перетекало из одного в другого, электризуя каждый нерв. Вагнер получал от Фреды тепло жизни, а она от него — силу и уверенность.

Всплыв откуда-то из сверкающей бездны, в которой парила, Фреда снова увидела над собой лицо Рейна, его губы, блестящие от ее сладкой влаги, светившиеся желанием глаза. Фреда попыталась что-то сказать, но смогла лишь с трудом сглотнуть и сделать длинный вдох. Грудь ее затрепетала, и Рейн, снова прикинув к нежным округлостям жадным ртом, подался вперед, просунул руку под поясицу Фреды, приподнял и вошел в нее долгим, плавным движением, заполняя собой.

Фреда окончательно отпустила свой контроль витать где-то в облаках и словно со стороны слышала, как из ее груди вырвался крик экстаза. Вопль слился с низким, приглушенным рыком Вагнера. И звук этот вызвал вибрацию во всем ее теле, окутал, как темный бархат снаружи и проник внутрь, как редкая драгоценная приправа, добавляя ощущениям нечто запредельное.

И Фреда, вцепившись в плечи Рейна и двигаясь с ним в одном ритме, зашептала слова, которых не помнила потом, но которые запомнил Вагнер. Она передавала их с поцелуями и вздохами, а он поглощал и наполнялся ими.

Глава 24. С Новым годом, с новым миром

С новым годом, с новым миром

"Каждая проходящая минута — это ещё один шанс всё изменить".
(к/ф "Ванильное небо")

В полумраке маленькой, жарко натопленной комнаты, на большой кровати, поверх смятого, сбившегося покрывала, тесно прижавшись друг к другу, лежали двое.

Все в мире по-прежнему имело свои свойства, ко всему можно было подобрать определения, оценить и измерить, но невозможно найти слов, способных описать то, что чувствовали эти двое.

Фреда приникла к Рейну, положив голову ему на грудь, закинув согнутую в колене ногу на бедра. Легко поглаживая спину девушки, он замер, чувствуя, как ее тепло проникает в него, а легкое, вновь ставшее размеренным, дыхание касается кожи.

— Я думала, что мне кажется. Но, Боже мой, ты и в самом деле... теплый!.. — потрясено выдохнула Фреда, обнимая Рейна и водя руками по его телу.

— Ты согреваешь меня... — прошептал он, зарывшись лицом в ее спутанные волосы, — я могу заставить свое сердце снова биться... для тебя.

Фреда почувствовала, как под ее рукой в груди вампира зарождается и становится все сильнее и четче ритмичный глубокий звук биения живого сердца.

Какое-то время она потрясенно слушала, потом приподнялась, посмотрела в лицо Рейна, приоткрыла рот, словно хотела что-то сказать, но передумала и снова прилегла на его грудь. Вагнер почувствовал, что она словно бы напряглась.

— Не надо думать ничего лишнего, — сказал он.

— Лишнего? Что ты имеешь виду?

— Ты думаешь сейчас, не было ли все, что мы ощущали только магией. Или иллюзией. Или, как ты говоришь, фокусами. Ведь так?

— Откуда ты знаешь, о чем я думаю сейчас? — уклончиво отозвалась она. — Ты говорил, что не слышишь моих мыслей.

— Я не слышу твоих мыслей, верно. Но я чувствую твоё состояние, улавливаю, когда оно меняется

— И? Всё было... только магией? — спросила она.

Он хмыкнул, прижался губами к ее макушке, задержался, вбирая запах волос и, наконец, ответил:

— Да. Всё было именно магией, но не магия сотворила это с нами, — его рука скользнула по ее спине, легла на попку, чуть сжала.

Фреда почувствовала, как ее тело сразу отозвалось на его прикосновения.

— Я могу заставить свою кровь бежать по венам быстрее и разогреть мое тело, могу принудить сердце биться, имитируя жизнь, — прошептал Рейн, настойчивей лаская ее, тесней прижимая к себе. — Но никакая магия не способна заставить тебя чувствовать вот так... — Его рука, лежащая на ее попке, опустилась ниже, пальцы скользнули между ягодиц, медленно проникли внутрь горячего влажного лона...

Фреда прикусила губу, застонала, бедра ее плавно задвигались в заданном его пальцами ритме.

— Если только этого не сделают мои пальцы... мои губы... мой язык. И ты снова готова для меня... — шептал он, прижимаясь губами к ее пылавшему лицу. Не прекращая ласки, он взял свободной рукой ее руку и положил на свою возбужденную плоть. — А я готов для тебя... Чем не магия? Не волшебство создает это, а мы, наши тела, наше возбуждение, наше обоюдное желание создают волшебство. Это действительно магия. Бессмертная и всемогущая.

Рейн прервал ласку, и Фреда нечетко, как сквозь марево расплавленного воздуха, увидела, как он поднес блестевшие от ее влаги пальцы ко рту и медленно облизал, не сводя с нее глаз.

Потом подхватил Фреду и легко переместил, усадив на себя. Они смотрели друг на друга, когда она привсталала, взяла в руку его напряженный член, направила в себя и, соединившись с ним, начала плавно двигаться. В груди Вагнера зародился и сорвался с губ глубокий звук, похожий на выдох. Он обхватил бедра Фреды ладонями, включился в ритм, задвигался вместе с ней, направляя, словно в танце.

Фреда то возносилась куда-то на волне приближающейся кульминации, то снова погружалась в густой, как мед океан возбуждения, когда Рейн, чуть замедлял их общий ритм, почти замирал, не давая ей достичь вершины, а затем опять начинал подъем. Сладкая пытка, в конце концов, превратилась в переполнявшую ее, медленно текущую лаву блаженства.

Рейн подался навстречу, сел, прижимая Фреду к себе, глубже проникая в нее. Она ухватила за него, чувствуя, как под ладонями перекачиваются твердые напряженные мышцы его плеч. Одной рукой он поддерживал Фреду под бедра, второй убрал ее волосы, отклонил голову девушки чуть в сторону и уткнулся лицом в изгиб между шеей и плечом. Губы и язык заскользили по теплой бархатистой коже.

— Сделай же...это... — выдохнула она, и, положив руку на затылок Рейна, прижала его голову сильнее к себе.

Он укусил ее в момент, когда оргазм расплескался в ней ослепительным сиянием и бурной пульсацией, стал кипучей волной и жарким ветром, подхватил и унес куда-то, где она парила, ощущая себя живым сосудом, доверху наполненным блаженством.

Она не помнила или просто не поняла боли от укуса, а в какой-то миг, почувствовав лишь жадные ритмичные движения его губ и языка, и услышала его тихий стон наслаждения, с которым он пил ее.

Когда все немного успокоилось, и Фреда медленно опустилась из палящего марева в реальность, она увидела совсем близко перед собой лицо Рейна и его рот, испачканный ее кровью. Она облизнула припухшие губы и потянулась к нему.

— Я чувствую, как ты все еще пульсируешь там... все еще сжимаешь, ласкаешь меня своим телом... не отпускаешь... — прошептал он.

— А я чувствую тебя... И не хочу отпускать...

Он поцеловал её, страстно, ненасытно, глубоко. Потом отстранился.

— Смотри на меня, — сказал он и медленно приоткрыл рот.

Она заворожено наблюдала, как обнажились его белоснежные клыки, между влажных губ мелькнул язык, Рейн резко прикусил его, заставляя Фреду вздрогнуть всем телом. Его рот наполнился кровью, и Вагнер снова впился в ее губы поцелуем.

Она почувствовала густую влагу и движение его настойчивого языка, проникающего

между ее губ. Рот Фреды наполнился, и она инстинктивно сделала глоток. И еще один, и еще: терпкий, чуть солоноватый вкус, непохожий ни на что...

Она глотала кровь ВАгнера, а он целовал ее и поил собой и снова задвигался в ней, а она снова начала подъем туда, откуда не стала бы возвращаться, если бы только могла...

...Лео шагал первым во главе маленькой процессии.

Они не стали обходить ограждение между пляжем и парковкой, а двинулись напрямую. Эйвин с вполне осознанным и нескрываемым удивлением смотрел, как двое его спасителей перемахнули через полутораметровый забор, почти не опираясь на него, словно взлетели. Сам он смог только подтянуться на трясущихся руках и тяжелым мешком перевалить свое тело на другую сторону. Человеческая физиология заработала в полную силу, и когда его напористо усадили в салон старого обшарпанного Фольксвагена, юноша и не думал сопротивляться, а был занят тем, что усиленно стучал зубами и трясся от холода и пережитого стресса.

Высокий сел за руль, второй устроился рядом с парнем, и машина сразу двинулась к выезду с парковки.

— Ничего другого не нашлось, кроме этой колымаги? — проворчал сидящий рядом с Эйвином незнакомец, обращаясь к высокому.

— Кроме этой — ничего. Зато быстро и без проблем, — невозмутимо отозвался тот.

Не вникая, о чем идет речь, Эйвин почувствовал лишь смутное беспокойство. Больше всего ему сейчас хотелось свернуться в тугий комок дрожащей плоти и забыться сном часов эдак на тридцать. А лучше вообще больше не просыпаться.

Зубы Эйвина клацнули особенно громко, и оба его спасителя одновременно посмотрели на него. Высокий — в зеркало над лобовым стеклом с внимательным любопытством, а сидящий рядом с ним — с сочувствием.

Причем и любопытство, и сочувствие Эйвин определил чисто визуально, а не «хлебнул» чужих эмоций всем существом, как раньше. Он в самом деле ничего не чувствовал извне, если не считать ужасного дискомфорта, холода и полной разбитости. Но это были только его ощущения.

А куда его, собственно говоря, везут?

Юноша поднял тяжелую голову и посмотрел в мутное окно. На улице, несмотря на позднее время, заметно оживленной обычного, а город расцвечен огнями. Из кафе, мимо которого они проезжали, со смехом и криками высыпала группа людей.

— Что...там происходит? — проговорил Эйвин.

— Новый год называется. Праздник такой, — отозвался высокий блондин с водительского места.

Эйвин обессилено закрыл глаза и уткнулся лбом в стекло. Он всегда любил Рождество и Новый год. Традициями приемной семьи, в которой он воспитывался, свято соблюдались все праздники, и это укрепились в молодом человеке, стало одной из тех вечных ценностей, которые хранятся особо бережно и передаются следующим поколениям.

Последние недели, пребывая в кошмарном омуте, он не замечал течения времени, вообще ничего, забыл обо всех праздниках, о традициях, о том, что помнил и ценил. Он оставил Линну одну в Новогоднюю ночь, а сам решил...

Эйвин заскрипел зубами и пару раз стукнулся лбом о холодное стекло.

— Худо тебе? — участливо поинтересовался сидящий рядом.

— Поганей не бывает, — еле ворочая языком, проговорил парень. — А куда мы едем?

— Наконец-то ты задал этот вопрос, — отозвался нахальный и длинноволосый. — К тебе мы едем, куда же еще.

— А...А откуда вы знаете...

— ...где ты живешь? — закончил за него фразу высокий. — Давай сделаем так. Мы довезем тебя до дома в целости и сохранности, а там поговорим.

— О чем поговорим? — онемевшими губами произнес юноша.

— Поверь, нам есть, о чем поговорить, — заявил молодой блондин. — Хотя бы о том, что с тобой творилось последние дни.

— Но...откуда вы... знаете?..

— Послушай, Эйвин, не беги впереди паровоза, — долговязый бросил на парня короткий колючий взгляд и снова стал смотреть на дорогу. — Но ты уже большой мальчик и даже сейчас можешь сложить два и два. Раз я знаю, как тебя зовут, и где ты живешь, то вряд ли интересовался этим из праздного любопытства. Согласен?

Этот молодой парень разговаривал с ним так, будто собирался поставить его в угол за тупость.

— Предположим, — ответил Эйвин. — Вы интересовались моей жизнью? Следили за мной? Зачем?!

— На два первых вопроса ответ «да», — сказал блондин. — Мы наблюдали за тобой всю твою жизнь. Зачем? Это уже другой расклад. Скоро все узнаешь.

Темноволосый, что сидел рядом с Эйвином, бросил свирепый взгляд на высокого, будто хотел пробить взглядом дырки в его затылке и что-то зло проворчал себе под нос.

— Всю мою жизнь... — устало повторил парень. — А сколько тебе лет, если не секрет?

— Не столько, насколько я выгляжу, — ухмыльнулся юный наглец.

— Значит, можно считать, что школу ты уже закончил, — равнодушно проговорил Эйвин, чувствуя, что ему даже удивляться и возмущаться не хватает сил.

— Я знал твою мать, — проговорил сидящий за рулем.

— Вы знали Хельге? Учились у нее? — спросил юноша, чуть оживившись.

— Я знал твою... биологическую мать, не приемную, — проговорил длинноволосый. — Давай обо всем, когда приедем. Разговор будет не короткий. И, наверное, не простой.

— Надеюсь, ты не мой единокровный младший братишка, — пробормотал Эйвин, прикрывая глаза. — Потому что, судя по всему, нелады с головой — это у нас может быть наследственное.

Длинноволосый заржал и прибавил скорости.

Молодой человек не нашелся, что еще сказать. Эти двое выглядели, мало сказать, что странными даже с учетом того, что все в его жизни последние недели было более чем непростым.

Откровенно говоря, больше всего парню хотелось сейчас сбежать от своих спасителей, куда глаза глядят, а не вести с ними какие-то бредовые разговоры. Идею выскочить из машины на ходу он отбросил сразу же, попробовал разложить все по полочкам, прикинуть так и этак, но уставший от неимоверного напряжения мозг просто не справился с такой задачей. Эйвин покорился обстоятельствам и решил пока плыть по течению.

Немного не доехав до дома Эйвина, Лео притормозил и сказал Тайлеру:

— Вылезай, бери парня, и подождите меня. Я быстро отделаюсь от машины и

присоединюсь к вам.

Тайлер помог юноше выбраться, или, скорее, действительно помог: железной хваткой прихватил за предплечье и не отпускал, пока Лео не вернулся, уже пешком, без машины.

В сопровождении двух мужчин, как под конвоем, Эйвин плелся домой, издав издали видя, что свет в окнах его квартиры не горит. Чувствуя, как заныло от жуткой тоски сердце, парень ввалился в подъезд дома и, едва переставляя ноги, поднялся на три ступеньки к дверям квартиры. Звонить не стал, зная уже, что Линны дома нет. Как нет у него и ключей, которые он совершенно забыл взять, а может быть потерял где-то, пока раненым зверем метался по городу.

— Ключи... — хрипло выдавил Эйвин, когда его сопровождающие вопросительно воззрились на него, остановившись возле двери.

Блондин без лишних раздумий невозмутимо пнул дверь ногой в огромном ботинке, и та распахнулась, ударившись об ограничитель. Скрежет замка и сила, с которой дверь отлетела внутрь, красноречиво говорили о мощи, с которой двери придали ускорение.

Затем высокий бесцеремонно подхватил парня под локоть и втащил его в темноту и тишину квартиры, приговаривая:

— Хозяин вперед.

Тайлер возмущенно-вопросительно уставился на Лео, а тот в свою очередь растянул губы в нахальной улыбке и красноречиво выгнул брови.

— А теперь не будешь ли так любезен пригласить войти моего... эмм... друга. Он такой щепетильный, не может посещать чужой дом без персонального приглашения, — проговорил Леонар Эйвину.

Парень пожал плечами, не имея ни желания, ни сил чему-то удивляться, и сказал, обращаясь к Вуду:

— Проходите.

Не зажигая света, высокий первым прошел в гостиную и застыл на фоне окна темным неподвижным силуэтом.

— Свет зажигать не будем пока. Знаешь, где твоя девушка? — спросил он у Эйвина.

— Н-не знаю... ушла... — пробормотал парень, оглядывая комнату.

Света уличных фонарей, проникающего сквозь не задернутые шторами окна, вполне хватало для того, чтобы комната не тонула в темноте, и в ней можно было свободно ориентироваться. Пошатываясь, Эйвин метнулся в спальню, толкнул раздвижные дверцы шкафа, дернул за ручку ящика, в котором всегда аккуратно лежало белье Линны.

— Ушла... — повторил он в никуда, сглотнув колючий комок, подступивший к горлу.

Почти все вещи девушки были на месте, не хватало лишь кое-чего, но юноша знал, что Линна ушла, только удивился, почему она не бросила его раньше. Жаль, что они расстались так... В их последний раз он был с ней особенно яростным и нетерпеливым... Он по-прежнему ощущал только свои эмоции, и сейчас его собственной тоски хватило бы с лихвой, чтобы утонуть в ней.

— Скорби придашься позже, — нетерпеливо окликнул его из гостиной высокий блондин. — Иди сюда, начнем наш нелегкий разговор. Это сейчас поважнее будет, поверь мне.

Эйвин дернулся, словно его хлестнули, зажал уши руками и закрыл глаза. Где-то в глубине души он надеялся, что когда снова что-то увидит и услышит, то все происходящее с ним просто окажется кошмарным сном.

А тем временем в гостиной Тайлер придвинулся к Лео и тихо проговорил:

— Ты, все-таки, запредельный циник, Борегар, — и добавил еще тише. — Его девушка — твоя работа? Когда успел только?

— По пути, пока машину добывал, — просто ответил Лео. — По-твоему лучше было бы, если бы она осталась здесь, и они бы устроили споры и разборки? Они уже оба натерпелись, а так девушка ничего не помнит и пребывает в блаженном неведении.

— Я ничего не сказал насчет девушки. Здесь ты сделал все верно, — огрызнулся Вуд, — но с парнем можно и помягче.

Лео не удостоил его ответом.

Эйвин вышел из спальни, безучастный, похожий на бледного призрака. Он мешком свалился на диван и сказал:

— Выкладывайте, что там вы хотели.

Лео и Тайлер уселись по обе стороны от юноши.

— Послушай, Эйвин. Я знаю, что тебе пришлось очень нелегко последнее время, — заговорил Леонар. — О том, что и почему происходит с тобой, меня не спрашивай, ничего ответить сейчас не смогу. Но по некоторым, очень весомым причинам, хочу во всем разобраться и, если получится, то прекратить это. Дело в том, что все это в той или иной степени затрагивает и меня.

— У вас... те же проблемы? — нахмурился юноша.

— Ну, можно сказать и так. Мои проблемы связаны с твоими проблемами.

— Как связаны? Почему вы сказали, что знали мою биологическую мать? — заговорил парень осипшим голосом. — Говорите, что следили за мной всю мою жизнь. Мне будет двадцать пять. Сколько же было вам, когда вы начали за мной «следить»? Мы что-то в роддоме не поделили, лежа в соседних люльках? Или что? Так кто вы такой? Кто вы такие оба?

— Вопросов много, ответов на них вообще великое множество, — отозвался Лео. — На один я тебе отвечу прямо сейчас. Я не твой единокровный братец, так что успокойся. Но пусть моя молодость тебя не вводит в заблуждение. Я буду постарше, чем ты можешь себе вообразить, просто хорошо сохранился. О твоей настоящей матери я действительно могу рассказать. Я хорошо знал ее.

— Что с того, что знали? — пожал плечами Эйвин. — Я ее не знал. Ничего о ней не помню. Совершенно ничего. И при чем здесь она...

Все замолчали. В квартире стало очень тихо, только слышно было, как на кухне едва слышно урчит холодильник, а с улицы доносились голоса и музыка. Привычные звуки уже шагнувшего в новый год мира.

— А скажи-ка, Эйвин, как ты смотришь на то, чтобы уехать отсюда? — задал вопрос Лео.

— Уехать? — бесцветно повторил юноша. — Куда?

— Да так. Просто прокатиться. За границу, например. Скажем, в Норвегию.

Эйвин все слышал и прекрасно понимал, но смысл сказанного добирался до него откуда-то издалека. Он устало вздохнул, подумывая всерьез, а не выгнать ли ему этих странных спасителей прямо сейчас.

Парень автоматически засунул руки в карманы и вскрикнул, напоровшись пальцем на металлический треугольник, про который совершенно забыл. Эйвин выдернул руку и засунул палец в рот. Он слизнул выступившую из довольно глубокой ранки кровь и, бормоча под нос

проклятия, вынул из кармана штуковину, которая второй раз за сегодня пустила ему кровь.

Раздраженно повертел в руках треугольник, хотел его бросить на столик перед диваном, но остановился, случайно натолкнувшись на взгляд сидящего рядом с ним Лео. А тот словно задеревенел, напрягся и не спускал светящихся в темноте, как у хищника, глаз с предмета в руке парня. Юноша перевел ошарашенный взгляд на второго незнакомца. Тот выглядел почти так же, как и его высокий приятель: застыл и не сводил горящих глаз с треугольника. Парень перевел взгляд на штуковину в своей руке и тут же подхватил вирус оцепенения.

Эйвин держал треугольник раненой рукой. Из проколотого пальца выступала кровь, попадала на гладкую металлическую поверхность предмета и медленно, не оставляя следа... просачивалась внутрь.

Штуковина поглощала кровь, как губка.

— Что за хрень! — Эйвин вскочил на ноги и отбросил от себя треугольник, как змею. — А вы? Вы оба, кто такие?!

Лео яростно зыркнул на парня и оскалился, показав клыки. Юношу словно что-то толкнуло в грудь, он шарахнулся назад и впечатался спиной в стену.

...Когда расплавленный солнечный свет перестал плескаться в ее теле, чуть утих, но не угас совсем, Фреда смогла перевести дыхание, глубоко вздохнула и перевернулась на живот. Одной рукой она нащупала лежащий где-то в стороне на просторном ложе Custos, сжала его пальцами и подтянула к себе. Она не помнила, когда амулет соскользнул с шеи, скорее всего это произошло, когда Вагнер раздевал ее.

Она распласталась на кровати, повернув лицо к Рейну, а он лежал на боку, опираясь на согнутую в локте руку, и смотрел на Фреду.

— Твои глаза... — проговорила она. — Они цвета индиго. Сине-фиолетовые.

— Так и есть.

— Вижу, что так и есть, — усмехнулась она, — но это не обычно.

— Происхождение Александрии*. Слышала о таком феномене?

Вагнер протянул руку и провел пальцами по спине девушки — от шеи, по позвоночнику, до крестца. Ладонь Рейна легла на ее попку. Фреда шевельнулась, и проговорила:

— Если продолжишь так делать, я... — она не нашла слов, поэтому просто потянула покрывало и накинула на себя край.

— Ты — что? — поинтересовался Вагнер, не убирая руку.

— Умру от переполнения оргазмами, — она сняла его руку со своего тела, поднесла к губам и поцеловала ладонь. — Я же человек, Рейн, мне нужно немного отдохнуть. Забыл?

— Невозможно быть с тобой и не быть в тебе, — проговорил вампир, но более настойчивым не стал. Услышав его слова, Фреда блаженно улыбнулась.

— Так что за Александрия такая? И какое отношение это имеет к цвету твоих глаз? — снова спросила она.

— Так называется генетическая мутация, довольно редкое явление. В результате у человека не растут на теле волосы, кроме волос на голове, бровей и ресниц, а глаза приобретают фиолетовый оттенок.

— Так вот почему у тебя там нет волос... — она посмотрела на его пах и тут же зажмурилась, увидев какой очевидный отклик вызвал ее взгляд в теле мужчины.

— Да, у меня их нет поэтому, — усмехнувшись, ответил Рейн.

— Женщина бы позавидовала такому, — хмыкнула Фреда.

Они замолчали, и Фреда почувствовала, что засыпает. Сон потихоньку затягивал ее в свою глубину, тело тяжело, говорить больше не хотелось. Как сквозь вату до нее донесся голос Вагнера.

— Фреда, я должен сказать тебе кое-что сейчас.

Она встрепелулась и попыталась удержаться на плаву, не погружаясь в омут забытья.

— Что? Говори же, не томи...

— Мы обменялись кровью, и между нами установилась прочная связь. Но без проведения ритуала эта связь не будет иметь силы, укрепленной магией. Она будет другой. Только нашей, между мной и тобой. Понимаешь, о чем я? — Серьезный голос Рейна почти совсем вернул ее в реальность.

Фреда приоткрыла глаза.

— Понимаю. Между мной и тобой.

— Но через меня Смотрящие все равно смогут ощущать тебя. Не так сильно, как после ритуала, который связал бы всех, но все же смогут. Они узнают о нас. Рано или поздно, но узнают.

— И пусть узнают, — пробормотала Фреда. — Ты должен закончить это, проведя ритуал. Пусть знают, что я уже связана с тобой. И отцепятся от меня.

Вагнер посмотрел на Фреду, в глазах его плеснулось что-то скрытое, что прорвалось из самых глубин.

— Мы все сделаем как надо, как будет правильно, — тихо проговорил он. — Верь мне.

Рейн придвинулся к ней, погладил по голове, поцеловал в щеку и прошептал:

— А теперь отдыхай, моя девочка... И с Новым годом тебя.

Она улыбнулась и прошептала в ответ:

— И тебя. С Новым миром. Нашим миром...

*Происхождение Александрии — Фиолетовый цвет глаз имеют люди, которые подверглись генетической мутации, носящей название «происхождение Александрии». При рождении такие люди обладают обычным цветом глаз — синим или серым. Но после полугода цвет глаз начинает меняться в сторону фиолетового. Этот процесс занимает порядка шести месяцев. В период полового созревания цвет этот углубляется до темно-фиолетового или фиолетово-синего и остается таким. Это происходит вследствие появления двойного ряда генов. На само зрение такой цвет никак не влияет. Зато он может повлиять на сердечные заболевания у «фиолетовоглазого» человека. Объяснение данного феномена не имеет научного подтверждения.

Конец первой части.

Часть 2. Глава 1. "Как корабль назовете..."

Часть вторая

Глава 1. "Как корабль назовете..."

"Каждый в пределах своей пусть остается судьбы"

Овидий

Все поначалу двигалось, как в театре теней: черно-белый мир, ни лиц, ни красок, одни смутные контуры мебели, светящиеся прямоугольники окон и силуэты незнакомцев на их фоне. Слышно, как сквозь вату, видно, как сквозь туман.

Ошеломленный Эйвин наблюдал, как его незваные гости, внезапно оскалившиеся по-звериному, вновь синхронно обрели вполне человеческий облик. Длинноволосый блондин сдержанно, но настойчиво попросил осторожно поднять "кровожадную" штуковину и положить на столик. Эйвин, отлепившись от стены, автоматически выполнил просьбу. Потом прошагал к дивану и уселся на него в позе послушного мальчика.

Некоторое время все трое смотрели как треугольный предмет на столике загадочно поблескивает в свете уличных фонарей. Молчание нарушил высокий блондин;

— Снова вскакивать, махать руками и орать не станешь?

Эйвин хотел ответить, попытавшись проглотить комок в горле, но, не справился и только отрицательно помотал головой.

— Ну, тогда для начала прими тот факт, что мы не совсем люди.

— Не люди? — голос Эйвина сорвался на хрип, и он закашлялся. — Только не говорите, что пришельцы.

— Почему же не говорить? — долговязый парень криво усмехнулся.

Ухмылка оголила длинный белый клык, совсем как у волка. Взгляд Эйвина прилип к этой ухмылке, словно она загипнотизировала его своим «животным обаянием».

— Мы как раз и есть пришельцы. С того света, — добавил он бодро. Потом на миг задумался.

— Слушай, Эйвин — обратился он к парню, поморщившись, — а может у нас получится пропустить всю эту херню, вроде «так не бывает, я в это не верю, вы сошли с ума, я вызову полицию» и так далее. До бесконечности. До истерик. Поверь, это будет пустой тратой времени, которого у нас в обрез. И напрасной тратой драгоценных остатков твоих и без того потрепанных нервов.

— А... можно как-то поточнее? Ваши слова как-то слишком... пространны, — прохрипел Эйвин, сглатывая.

— А поточнее будет так — мы вампиры, — заявил длинный парень. — Эй, там, на шхуне! Ты меня слышишь? — вдруг рыкнул он, увидев, что Эйвин впал в ступор.

Юноша вздрогнул, и смог только приоткрыть рот.

— Вампиры, значит... — выдавил он.

— Они самые. Только не говори, что тебе легче поверить в свою стихийную эмпатию, чем в существование вампиров, — сказал ему Лео.

— Я ничего такого и не собирался говорить, — мотнул головой Эйвин. — Вы, конечно,

уж очень похожи на чокнутых. Но и я недалеко ушел...

— Да ты нас далеко обогнал в плане чокнутости, уж поверь, — сообщил ему Лео. — Делать многокилометровые заплывы в ледяной воде, чтобы отключить восприятие. Это ты гениально придумал. Лучше бы уж сразу в прорубь головой.

— Борегар, полегче! — рявкнул Тайлер.

— А чего церемониться? Парень и сам знает, что творил. И чем быстрее эту болячку сдерем, тем лучше. Ну что, ты готов к конструктивному общению с выходцами с того света? — обратился он к юноше.

Эйвин снова глубоко вздохнул.

— Ну, если я вас слышу и вижу, и вы не плод моего свихнувшегося сознания, тогда я к общению готов, — уже более уверенно отозвался юноша. — Выкладывайте, что у вас есть.

— А ты мне почти нравишься, — одобрительно сказал Лео. — Тогда слушай, а заодно прикидывай, что возьмешь с собой в поездку. Быстро, четко. И не забудь загранпаспорт, — заявил он.

Первым делом незнакомцы еще раз подтвердили, что они вампиры, заявили, что не причинят вреда, представились, повторили, что оба знали его биологическую мать. Высокий, назвавшийся Лео, заявил, что подробности рассказывать сейчас не будет, только «немного обрисует ситуацию».

Далее последовала краткая информация о наличии у Эйвина здравствующей родной сестры-двойняшки и неких странностях, вдруг приключившихся с ними обоими. Если верить его словам, то недели бурного помешательства, окунувшие Эйвина в ад, оказались ничем иным, как приступами неконтролируемой эмпатии, а к его неизвестной сестре совсем не просто так проявляли интерес вампиры-маги.

Как бы это не звучало, но уж если с ним случилась эмпатия, то почему бы, в самом деле, его спасителям не оказаться вампирами, а где-то на белом свете не отыскаться и его потерянным родственникам.

— Судя по всему, с твоей сестрой и с тобой что-то этакое стало происходить в одно время, — заключил Лео.

— Ясно, — Эйвин покусал пересохшие губы. — Не хотите для начала рассказать, почему это вдруг мы с сестрой оказались порознь и ничего друг о друге даже не знали? И почему вам... вампирам все это так интересно? И уж если на то пошло — кто мы и откуда? И почему я должен узнать про сестру теперь, когда происходит вся эта хрень?!

— Нет сейчас времени расписывать подробности, — отрезал Лео. — Все потом.

— Потом, это когда?

— Когда доберемся до Норвегии. Там вы родились и жили в детстве. Вот, кстати, тебе и ответ на вопрос откуда вы. Собирайся! Возьми запас теплой одежды, документы, деньги, сколько есть.

— Налички мало, — просипел Эйвин, с трудом поднимаясь с дивана и направляясь в спальню, — только кредитки. И я хочу одну оставить Линне...

— Благородно. Но сомневаюсь, что она придет сюда за кредиткой, — отозвался вампир.

— Я позвоню ей и скажу... и оставлю записку. Она же придет... за вещами...

— Сейчас праздники. Не надо сегодня никому звонить и записки оставлять не нужно, — снова донесся до Эйвина голос долговязого. — А сейчас настоятельно прошу собраться поскорее. До восхода мы должны быть на месте.

— Но у меня работа... — попытался возразить юноша.

— С работой и девушкой разберешься позже, — отрезал Лео раздраженно.

Эйвин вздрогнул от его приглушенного рыка и едва сдерживаемой ярости, отчетливо слышимой в голосе.

— Я быстро, — прошелестел парень, чувствуя, что ноги вдруг стали дрожать и подгибаться. — И почему я позволяю всему этому происходить...

Кажется, у него начался озноб.

Борясь с искушением послать всех и всё подальше, завалиться на кровать в позе эмбриона и отключиться, юноша побросал в спортивную сумку кое-какую одежду, белье, взял свой iPad, все флешки, в том числе и с информацией, нужной ему по работе. Шатаясь, поплелся в ванную, где, не зажигая света, накидал в дорожный несессер зубную пасту, щетку, бритву, что-то еще из косметики и лекарств, хранившихся в зеркальном шкафчике. Вытряхнул из баночки прямо в рот две таблетки тайленола и проглотил их, запив водой из-под крана.

Увидев Эйвина, похожего на призрака, в дверях спальни с сумкой в руках, оба его гостя хмуρο переглянулись,

— Возьми-ка эту штуковину с собой, — скомандовал Лео, мотнув головой в сторону стола, на котором лежал серебристый треугольник. — Занятная это вещьца и я очень хочу знать, что это такое.

Эйвин, покосившись на штуковину, сходил в ванную за чистым полотенцем, завернул предмет в него и убрал в сумку, заложив одеждой. Двое его новых знакомых наблюдали за действиями парня с одобрением.

Затем оба незваных гостя опять, как по команде, заняли места по обе стороны от парня и, чуть притиснув, почти вынесли на улицу.

Дорогу в аэропорт и посадку в самолет Эйвин практически не помнил, разве что момент, когда проходил паспортный контроль, и требовалось, чтобы одухотворенное, красивое и молодое лицо на фото совпадало с тем мертвенно бледным, совершенно потухшим образом, коим он являлся сейчас.

Полет в удобном кресле полупустого салона самолета и приземление тоже прошли, как в тумане. Затем была неизвестный временной отрезок, занятый поездкой на машине, и путь по воде на большом катере.

Ледяная вода за бортом все звала, как старый друг и враг...

Движение по водной глади и мерное покачивание едва не погрузили его в гипнотическую дрему, но Эйвин не позволил себе поддаться, подставляя пылающее лицо холодному ветру. Лео и Тайлер почти всю дорогу молчали, лишь поглядывали на парня и обменивались короткими взглядами друг с другом. Рядом с ними было некомфортно, и искушение сбежать не покидало юношу.

Впрочем, так же, как и досада, вызванная тем, что позволил распоряжаться собой, как неодушевленным предметом, таким мешком с хламом, который неизвестные ему мужики, назвавшиеся вампирами, перетаскивали, как и куда им вздумается.

Но, если подумать — зачем кому-то играть с ним в игры, лишённые смысла и затевать все эти хлопотные спектакли с переездом? Чего с него можно взять?

Да и хотели бы убить, не стали бы вытаскивать из воды.

Хотя ведь маньяки и сумасшедшие разные бывают...

Эйвин покосился на своих спутников, сидевших напротив, и увидел только два бледных застывших, непроницаемых лица.

Небо начинало чуть светлеть, когда они добрались до берега какого-то скалистого острова, склоны которого были покрыты снегом и редкими порослями искривленных невысоких елей. Неровный каменистый берег уходил направо и налево, обозначая границы острова, но, не давая представления о его размере. Огни пристани освещали дощатый причал на высоких сваях и здание, похожее на большой красный сарай под серой металлической крышей. Вдалеке виднелись огни поселка, расположенного вдоль прибрежной линии на разных уровнях; малоэтажные дома стояли чуть выше, на склонах, и ниже — на отлогом берегу, подступая к воде.

Эйвин остался с Тайлером неподалеку от пристани, когда Лео куда-то ненадолго исчез, а затем снова появился, подрулив к ним на компактном внедорожнике. Молодой человек не дожидаясь, пока его снова погрузят в машину, уселся сам, заняв место позади водителя.

Они двинулись по улице, пролегавшей через поселок к горе и постепенно забиравшейся на нее. Узкая дорога петляла по склону, поднимаясь все выше. Лео вел машину уверенно и аккуратно, ловко следуя изгибам пути.

С изменением высоты ветер становился все сильнее, пошел снег, а дорога то пролегла по краю отвесной пропасти, освещаемая луной, то вдруг они оказались на отрезке пути, проложенному по широкому склону, между низкорослых сосен и елей.

Через несколько минут Лео затормозил, прижав машину к каменистому выступу, на котором росла разлапистая искривленная сосна. Сосна одиноко возвышалась над обрывом, будто печальный наблюдатель, вечность вглядывающийся вдаль.

Эйвин выглянул в окно — узкая дорога впереди оказалась завалена камнями и снегом. По ней не то что проехать, но и пройти невозможно.

Чуть вдалеке видны контуры то ли строения, то ли нагромождение камней: разобрать в темноте, да еще и за снежной пеленой, взметаемой ветром, было сложно.

Не дожидаясь команды, парень вышел из машины. Тайлер достал из багажника сумку Эйвина и еще какой-то багаж, а Лео окинул юношу оценивающим взглядом.

— Дальше не проехать, дорога перекрыта. Так что придется еще немножко по-летать, — проговорил вампир, и прежде, чем Эйвин успел что-то понять, сдал его талию в мощном борцовском захвате, и...взмыл с ним вместе вверх.

Эйвин успел только открыть и закрыть глаза, почувствовать, что выдох застрял где-то у него в груди, а Лео вместе с ним уже ловко опустился на засыпанное снегом крыльцо большого, одиноко стоящего, бревенчатого дома.

Приземлившись, вампир отпихнул парня от себя, чем мгновенно привел того в чувство. Лео тут же стал копаться в кармане своей парки, звенеть извлеченными на свет ключами и открывать замки на двери.

— Заходи, — бросил он и первым шагнул внутрь. Следом за Эйвином неслышно вошел Тайлер с сумкой и большой картонной коробкой.

Внутри было темно, тихо, пахло холодом и... отсутствием жизни. Дом большой, пустой и словно погружен в летаргический сон.

Едва перешагнув порог, Эйвин содрогнулся всем телом, уловив будто бы отголоски того, что здесь еще витало в воздухе, что хранили стены, и чем когда-то было наполнено пространство.

Здесь жили, любили, ждали и берегли.

Здесь заботились, дорожили и надеялись.

Он чувствовал это, как свое собственное, как знакомое и пережитое. Это похоже на

воспоминание и в то же время проникает словно бы извне, а не зарождается внутри.

— Здесь... Здесь мы жили? — спросил юноша. Он стоял в темноте и впитывал нахлынувшие ощущения, словно умывался чистой водой.

— Да, — не сразу отозвался Лео. — Вспомнил или догадался?

— Скорее почувствовал, — ответил Эйвин. — Я ничего не помню.

— Ясно. Ну, проходи, осваивайся, — сказал вампир и продолжил после паузы, — электричество пока отключено, но завтра я все улажу. Едой для тебя и себя мы запаслись, воды мало, но на улице полно чистого снега. Камин растопим. С мебелью и прочими бытовыми удобствами придется как-то устроиться постепенно — дом пустой совершенно. Хотя нет, на кухне есть мебель и что-то еще. Кухня налево, можешь осмотреться, а я пока займусь камином.

Почувствовав себя на удивление уверенно и спокойно, Эйвин двинулся налево и без труда нашел широкий проем в стене, ведущий в просторную кухню-столовую. Приходилось действовать больше на ощупь, но стандартное расположение подвесных шкафчиков, столешницы, тумб, стола и стульев помогли сориентироваться. Вскоре через проем пробился рассеянный свет — Лео растопил камин. Тишина наполнилась звуками: потрескиванием дров, приглушенными шагами, скрипом половиц.

Эйвин нашел в кухонном шкафу большую керамическую миску, зачерпнул в нее чистого снега прямо у крыльца и поставил миску у камина. Снег быстро подтаивал, и юноша с наслаждением отпивал прохладную талую воду.

Эйвин впервые за долгое время вдохнул полной грудью и невольно улыбнулся, почувствовав облегчение. Здесь, за сотни километров от дома и привычной жизни, в незнакомом, занесенном снегом, одиноко стоящем доме на горе, в компании двух... вампиров?

После этого немного может показаться еще более странным.

...Они втроем сидели на полу у камина, и Эйвин слушал, чувствуя, что информация валится на него, словно град из булыжников, не позволяя увернуться.

Узнавая историю своего появления на свет, парень словно погрузился в просмотр фантастического фильма. В его роду были ведьмы, его мать, обладавшая уникальными способностями, любила человека-волка, а ее единственными друзьями были вампиры. Потом эти же самые вампиры укрыли ее, беременную, в одиноком доме на севере Европы, и они вместе с сестрой родились и жили в этом доме уединенно, но спокойно и счастливо первые пять лет своей жизни.

Цена за безопасность матери и детей была уплачена весомая. Но, наверное, есть на свете вещи, ради которых можно отказаться от многого.

Лео замолчал, и в доме снова стало тихо. Тайлер поднялся, чтобы подложить дров в камин. Леонар тоже встал, подошел к одному из окон, повозился, открывая и распахивая ставни. На какой-то миг в успевшее нагреться помещение проникла волна морозного воздуха. Быстро захлопнув окно, Лео остался стоять возле него, глядя вдаль — в комнату проникал бледный предутренний свет.

Эйвин тоже смотрел, как рассвет становится все ярче, заливая прояснившееся небо розоватым сиянием.

— Вы не боитесь солнечного света? — нарушил молчание Эйвин, глядя на прямую спину и разворот мощных плеч вампира.

— Что, засомневался, что мы и правду вампиры? — хмыкнул Лео, не поворачиваясь. — Солнце опасно для вампиров, но не в этом доме. Окна здесь с защитой от ультрафиолета.

— Значит, живя в этом доме, вы могли смотреть на солнце?

— Могли и смотрели, каждый раз, — он бросил быстрый хмурый взгляд на Тайлера. — Здесь мы могли спать ночью и бодрствовать днем, и вообще чувствовать себя до тошноты... почти людьми, — ровным голосом отозвался Борегар. — А больше ты ничего не хочешь спросить?

— Я спрошу, — ответил юноша, — как только смогу немного уразуметь, что все рассказанное вами действительно имеет хоть какое-то отношение ко мне.

— Ты рос в приемной семье. Помнишь, как тебя усыновили?

— Мне было семь, когда меня усыновили. Что-то я помню, что-то нет. Только со слов воспитателей в приюте знаю, что потерял родителей в раннем детстве, а других родственников не нашлось. Было странно, что я ничего не помню о том, что было до того, как мне исполнилось пять. В приюте сделали вывод, что это вследствие психологической травмы, но теперь мне кажется, что на то имелась иная причина, и она вам известна. Ведь так? — обратился он к спине Лео.

Вампир ответил ему легким наклоном головы, и юноша продолжил:

— В целом у меня осталось стойкое ощущение, что я воспитывался в родной семье. Мне не на что жаловаться. Мои родители были уже не молодыми людьми, когда взяли меня. Своих детей у них не было, точнее, была дочь, но она погибла за много лет до того, как появился я. Мне повезло, что я попал к ним. Теперь уже их обоих нет: отец умер давно, матери не стало два года назад. Для меня они были и останутся единственными родителями, которых я знал и любил.

Эйвин посмотрел на нахмуренного Тайлера, который непрестанно ворошил чугуном крюком с деревянной ручкой дрова в камине и молчал, не вступая в разговор.

— Так как же получилось, что нас с сестрой раскидали по разным странам, и мы ничего не помним о том, кто мы такие? — заговорил парень. — Вы сказали, у матери не было родственников. А у отца? У них не возникло желания поинтересоваться судьбой осиротевших детей? — вопросы посыпались сами собой, и Эйвин говорил так, будто не ждал ответов от кого-то, а хотел найти их сам.

Долговязый блондин повернулся к парню.

— Чтобы рассказать все, понадобится немало времени и твоя ясная голова, — сказал Лео. — Предлагаю сделать перерыв и отдохнуть.

— Шутите? Какой отдых, после того, как вы навалили на меня столько всего? — нервозно усмехнулся Эйвин.

— Нормальный отдых. Поверь, тебе он необходим. К тому же, если ты обратил внимание, здесь тебе крышу, похоже, не сносит от приступов эмпатии. Возможно, в этом имеется интересный нюанс...

— А поподробнее?

— А поподробнее потом, — отрезал Лео. — Нам, кровососущим, тоже не помешает подкрепиться и отдохнуть. Кстати, в коробке полно человеческой еды, отнеси-ка ее на кухню, разберись там, — скомандовал вампир.

— Издеваетесь? — вскинул брови Эйвин.

— Не шучу и не издеваюсь, — невозмутимо ответил Борегар. — Я только выгляжу молодо, но мне от рода больше десяти веков. Так что не мешало бы тебе слушаться

старших, — он улыбнулся одними губами и сразу помрачнел.

— В детстве ты был очень серьезный, невозмутимый и молчаливый пацан. Хозяйственный такой, деловитый. Твоя мать удивлялась тому, что вы с сестрой совсем не похожи. Она непоседа, любопытная, пяти секунд на месте не могла усидеть, как ураган носилась, все раскидывала и разбрасывала, а ты ходил за ней и терпеливо наводил порядок.

Короткий экскурс в неизвестное прошлое вызвал приступ острого раздражения. Эйвин скрипнул зубами и легко вскочил на ноги.

— Ну и к чему это вы? Похоже на сентиментальные воспоминания занудного дядюшки. Пойду, разберу, — проворчал он, подхватывая стоящую на полу картонную коробку.

Лео довольно усмехнулся ему вслед.

В коробке оказались продукты и сверток, плотно закрученный в целлофан. Его Эйвин трогать не стал, подозревая, что в нем может находиться. Для «кровососущих».

Глядя на упаковку свежего хлеба, нарезанного сыра и ветчины, Эйвин вдруг почувствовал, что зверски проголодался. Торопливо соорудил себе огромный многослойный сэндвич и жевал его, сидя за кухонным столом и раздумывая над тем, что следует делать теперь — настоять, чтобы дядьки-вампиры рассказали всё сейчас же или действительно отдохнуть сначала.

Ответ пришел сам собой. Усталость взяла свое, когда адреналин окончательно испарился, еда и тепло расслабили и разморили, и юноша задремал прямо за столом, уронив голову на руки.

Вампиры не стали тревожить его. Лео поднялся на второй этаж, а Тайлер остался внизу, в гостиной, присев на пол возле прохода в кухню и привалившись спиной к стене.

Все трое снова сошлись, когда короткий зимний день уже близился к закату.

Уселись за кухонный стол, и Лео рассказал юноше про их жизнь в этом доме и историю гибели Мэдисон.

— Когда-то Мэдди, кхм... то есть ваша мать согласилась, что будет лучше уехать как можно дальше, жить в уединении, по крайней мере, пока все не успокоится и точно не выяснится, обладаете вы с Леоной какими-то особенными талантами или нет, — говорил Лео. — Вы с сестрой стали проявлять странности года в четыре. Мэдди начала дергаться, ведь держать вас всю жизнь взаперти стало казаться не самой правильной идеей. Несмотря ни на что, я думаю, она надеялась, что когда-нибудь все наладится, и вы сможете вернуться в большой мир. А пока она обучала вас дома и изредка вывозила в поселок. Местные думали, что у вас с сестрой аутизм или какое-то там иммунное заболевание, потому вы и живете уединенно. Никто здесь толком не понимал, что это такое, но и вопросов особо не задавали.

— И все же «здесь» — это где? — спросил Эйвин. — Норвегия? Но где именно?

— Мы в Норвежском море, на небольшом острове к востоку от побережья. Таких клочком каменистой суши здесь множество. На острове — поселок, в котором жители занимаются в основном рыболовством. Жизнь тут течет неторопливо и размеренно, а люди не заражены суетой большого мира. Этот дом я... Словом, этот дом был предназначен специально для Мэдисон и вас, — ответил вампир.

— Ясно, — отозвался юноша. — Ну, а как получилось, что нас с сестрой разлучили, дали другие имена и мы начисто забыли, кто мы есть? Вообще-то, в пять лет дети обладают уже достаточным запасом памяти. Я же не помню ничего. И, кстати, где сейчас моя сестра?

— Мы добрались до момента, откуда начинаются вопросы не только у тебя, — заметил Лео. — Но кое-что я поясню. После гибели вашей матери изменилось абсолютно все. Вы остались одни. Естественно встал вопрос, что делать с вами. У вашего погибшего отца имелись родственники, но Мэдисон не общалась с ними и ничего не сказала им о вашем рождении. Она и слышать не хотела о том, чтобы вы к ним попали.

— Но почему? — удивился Эйвин.

Взгляд Лео стал усталым, каким бывает взгляд у изрядно пожившего человека, которому в какой-то момент больше всего хочется просто покоя и тишины.

— Все, что я сейчас скажу, ты естественно подвергнешь сомнению. Но доказательств у меня нет. Так что хочешь — слушай, хочешь — нет.

— Я выслушаю, — спокойно отозвался Эйвин. — Выслушаю все, что скажете.

— Отлично, — кивнул Лео. — В таком случае я скажу. Люди-волки — это особый обособленный клан, — монотонно начал он. — Со специфическим укладом, своеобразными традициями и способами выживания. И с очень непростой непредсказуемой генетикой. Старшая дочь вашего отца, от первого брака попала в поганую историю потому что обладала кое-какими особенностями.

Лео кратко рассказал историю Джейка и его дочери от первого брака.

— И родственники ничем помочь не смогли и не придумали ничего лучше, чем сделать из отца и дочери наживку, заставив их рисковать жизнями, — отчеканил Лео. — Мэдисон такой участи для вас не желала. Поэтому предпочла принять нашу помощь.

Он помолчал, тяжелым взглядом исподлобья изучая Эйвина.

— Ну что, достаточно весомый аргумент непростого решения вашей матери? — поинтересовался он, наконец.

— Весомый, — кивнул Эйвин. — Давайте дальше.

— А дальше, после гибели Мэдисон, вопрос об отправке вас обратно в Америку даже не стоял. К тому же сбывался кошмар Мэдди — в вас стало проявляться нечто необычное.

— Например? — нахмурился Эйвин.

Лео посмотрел на Тайлера, словно передавая ему эстафету в разговоре.

— Ты временами словно слышал, видел и понимал больше, чем остальные, — сказал Вуд. — Мэдисон мне говорила пару раз, что только подумает о том, что нужно сделать, а ты либо заговариваешь про это, либо делаешь. Здесь многое приходилось делать самим. Однажды она сказала, что весь день думала о том, чтобы заменить масло в машине, не произнося это вслух и не обсуждая этого с вами, с детьми. Закрутилась и так и не сделала ничего. Так ты вечером поинтересовался у нее «Мам, а ты масло поменяла?» Тебе тогда еще и пяти не исполнилось, — рассказал Тайлер, глядя прямо на Эйвина.

— И что это такое было со мной? — спросил Эйвин. — Телепатия, как у биологического отца? Ничего подобного сейчас я не чувствую...

— Понятия не имею, — покачал головой Леонард.

— Допустим, не имеете, — устало вздохнул парень. — А что сестра?

— Она... — снова вступил Тайлер. — Она была, как барометр окружающего пространства. Как парфюмер с обостренным обонянием ко всему на свете. Ей все было интересно. Неутомимая, везде лезла, во все совала нос, но ни разу не попала в неприятности с этим своим любопытством, не поранилась, не набила шишку, будто заговоренная. Она отскакивала от падающего с крыши снега или сосульки за секунду до их падения. Как-то весной, примерно за год до гибели матери, ты бродил снаружи. Снег таял и стекал вниз по

склонам, а ты ушел от дома и пошлепал по дороге, ведущей к поселку, таращился на текущие ручьи. Леона была дома с нами, как вдруг выскочила за дверь и понеслась за тобой. Она оттащила тебя за шиворот за миг до того, как с уступа скалы, прямо туда, где ты стоял, сорвался водяной поток вперемишку с камнями. Благодаря ей твоя голова осталась цела, и тебя не смыло вниз.

— Да уж. Непростые мы оказались сиротки. Ну и что сделали добрые дяди вампиры, когда нашей матери не стало? — тон Эйвина изменился.

Брови Леонара сошлись к переносице, глаза приобрели льдисто-голубой оттенок и он ответил:

— «Добрые дяди вампиры» не могли взять вас себе человеческих щеночков и воспитывать по своим «добрым вампирским понятиям». Поэтому я принял решение дать непростым сироткам шанс жить в этом мире нормальными жизнями нормальных людей, став самыми обычными детьми. Жить человеческими жизнями, не соприкасаясь ни с чем сверхъестественным и не проявляя никаких экстраординарных способностей. Вы не были бы никому интересны и вас не стали бы искать и пытаться использовать. Именно этого больше всего боялась ваша мать. А помня судьбу вашей сводной сестры, то вообще все рисовалось довольно печальным. Так вот, поразмыслив, я уговорил одну ведьму наложить заклинание, которое стирало у вас память о прожитом и о вас самих. Вы начинали жить, словно с нуля, ничего не зная, не помня. Более того, и все ваши странности были заблокированы в новых, созданных ритуалом личностях. И все, кто мог знать вас, исключая участников ритуала, также забывали о вашем существовании.

— То есть для всех, кто знал или когда-либо встречал Мэдисон Саттон, у нее словно никогда и не было детей? — уточнил Эйвин.

Лео медленно наклонил голову.

— Никто и так не знал, что у нее были дети, кроме жителей этого поселка. А в результате ритуала все событийно-временные линии, связанные с тобой и твоей сестрой были стерты из жизни каждого, кто хоть как-то соприкоснулся с вами.

— Что же это за ритуал за такой? И что нарушилось сейчас? — лицо Эйвина накрыла тень, глаза — синие, как у его матери — стали почти черными.

— Я мало смыслю в магии, но знаю, что этот ритуал сложный и неограниченно мощного воздействия. Замешан на крови, действует наверняка и только на тех, кого касается.

— На крови? Чьей?

— Вашей. Моей. Того, кто ритуал проводит и еще одного, посвященного, — Лео мотнул головой в сторону Тайлера.

Вуд ответил Лео тяжелым взглядом.

— Только для нас двоих ваше существование осталось никоим образом не измененным фактом.

— А та ведьма, что проводила ритуал? — спросил Эйвин.

— Ведьма умерла вскоре после того, — невозмутимо ответил вампир.

— Из-за ритуала? — нахмурился юноша.

— Возможно. Она знала, на что шла, — отвечая Эйвину, Лео в упор встретил издевательски-вопросительный взгляд Тайлер. — И не надо заводить шарманку о том, что это я ее... уговорил. Он, в конце концов, согласилась — и это факт. Она знала, чем для нее это может обернуться и это тоже факт. Остальное лишь домыслы.

Леонар говорил, обращаясь скорее к Вуду, нежели к Эйвину, и юноша, заметив это, с

любопытством поглядывал на свирепые лица вампиров.

— Осталось не так много того, что мне известно и понятно, — продолжил Борегар спокойнее. — Предвосхищая твои вопросы, я просто дорасскажу, что знаю. Итак, нерушимость заклинания могла гарантироваться только строгим соблюдением определенных условий при его создании. Мы все условия соблюдали и ритуал сработал.

Снова почувствовав взгляд Тайлера, Лео проигнорировал его и продолжил:

— Что-то нарушилось сейчас, спустя время. У тебя проснулась бурная эмпатия, с которой ты не справляешься. А кстати, сейчас ты что-нибудь чувствуешь?

— Странно, но... Ничего. Все словно отключилось, — пожал плечами юноша.

— Может быть ты не чувствуешь только наших эмоций, эмоций вампиров?

— Я почти ничего не ощущал и когда мы были в аэропорту, и в самолете, и дальше тоже, — отозвался юноша. — Хотя мне сложно с уверенностью утверждать, потому что я явно был не в себе, словно в тумане.

— Ладно, пусть так. Поживем-увидим, — изрек Лео и продолжил. — Твоя сестра, которую сейчас зовут Фредерика, живет в Праге. Несколько недель назад она попала в странную историю, в результате чего ее разыскивает полиция, подозревая в причастности к убийству, подделке документов и еще в чем-то там. Ко всему прочему Фреда как-то связана с вампирами, владеющими магией крови. Есть такой древний Орден вампиров, которые собирают и объединяют всех, кто обладает способностью к колдовству или какими-то неординарными способностями, замешанными на магии и всяком таком. Так вот я хочу выяснить, что пошло не так и, по возможности, как-то исправить. Тебе это интересно? — обратился Лео к Эйвину.

— А что, у меня был или есть выбор? — огрызнулся юноша.

— То есть можно считать, что ты даешь согласие и примешь участие? — не отставал вампир.

— К чему вдруг спрашивать мое согласие? — Эйвин изобразил удивление. — Если верить вам, я уже давно принимаю участие во всем этом... бреде. И раньше никто согласия не спрашивал.

— Я бы и сейчас ничего спрашивать не стал, — заявил Лео, ничуть не смутившись. — Только вот вы уже большие детки, приходится с этим считаться. В память о вашей матери. И к слову говоря, — я не жалею о том, что сделал. И не нуждаюсь ни в чьем понимании и одобрении.

— Это точно, — процедил сквозь зубы Тайлер Вуд, не отрывая взгляда от поверхности стола.

Эйвин невесело усмехнулся и пожал плечами.

— Да я и не сомневаюсь. Сделанного, как говорится, не воротишь, — сказал он. — Скажите, а чем плохи были наши прежние имена? Почему вы решили отнять у нас даже их, ведь нас все равно никто не помнил и не знал? Ну, фамилию еще понятно, а имена...

— Новая жизнь — новые имена, — отрезал Лео. — Вы оставались в Европе — тебя увезли в Швецию, сестру оставили в Норвегии. Имена и фамилии не должны были вызывать вопросов о происхождении. Присматривая за вами все эти годы, и обмениваясь информацией, мы придумали для вас символические обозначения, происходившие от новых имен. Ты был Джейком, стал Эйвином, на древнескандинавском твое новое имя звучит Eyvindr и переводится, как счастье, удача. Либо ey (остров) + vindr (ветер). Мы и называли

тебя Ветреный Остров. А Леона стала Фредерикой. Fredrikke — fridu «мир, безопасность», riki — богатый, могущественный вождь, правитель. Её мы звали Мирный Правитель. Чем плохо? Знаешь поговорку — «как корабль назовешь, так он и поплывет». Вы отправились в новое плавание по новой жизни с сильными знаковыми именами.

Вампир замолчал, когда обратил внимание, что Эйвин тихо смеется. Плечи юноши чуть тряслись, с губ срывались приглушенные звуки, но глаза при этом были совсем невеселыми.

— Моя приемная мать преподавала в Университете Умео филологию. Знаете, чем она особенно увлекалась? — Эйвин задал вопрос, на который сам же тот час и ответил. — Изучала происхождение имен, названий и прочего. Я много от нее набрался еще в детстве. Так вот я знаю, что мое имя можно трактовать следующим образом: eu — это вы правильно сказали, переводится, как остров, а вот vindr — это еще и кривой, искривленный, неправильный. Какова ирония — был Джейком*, а стал — Искривленным, Неправильным Островом. И правда — знаковое имя для новой жизни!

*Джейк/ Jake — используется как самостоятельное имя, но изначально уменьш. форма от John (др. — евр. имени (Йоханан) — «Яхве милостив»)

Глава 2. Тени прошлого, призраки настоящего

Тени прошлого, призраки настоящего

"Одна сущность обнаружится в другой сущности,
одна сущность возобладает над другой сущностью,
одна сущность подчинит другую сущность".
("О природе и тайне")

Приглушенное жужжание, раздававшееся прямо под ухом, вытолкнуло Фреду из глубокого сна, и она, не раскрывая глаз, нащупала рукой источник навязчивого звука — телефон. Вагнер, видимо, вытащил его из кармана ее куртки и оставил на подушке рядом.

— Я все еще чувствую твой запах и вкус... — услышала она, поднеся прибор к уху.

От низкого, словно обволакивающего тембра его голоса, сладко заныло внизу живота.

Фреда тут же вспомнила слова, что произносил этот голос минувшей ночью, вспомнила губы, с которых эти слова срывались, и что эти губы творили с ней...

Невольно зажмурилась и подтянула ноги к животу, задержав дыхание. Внутри ожила и двинулась по венам густая, горячая карамель пробуждающегося желания...

Если так на нее подействовал один лишь голос Рейна, то, что она испытает, вновь увидев его, прикоснувшись, вдохнув знакомый, волнующий запах?

— Перестань так говорить, — прошептала она, чуть задышавшись, — я плавлюсь, как мороженное на солнце, от одного твоего голоса.

В ответ раздался короткий смешок.

— Это хорошо, — удовлетворенно заметил он.

— Хорошо? И только?

— Больше всего мне хотелось дожидаться, когда ты проснешься и быть в этот миг рядом с тобой. Снова почувствовать себя в тебе, ощутить тепло твоей кожи и твой волшебный сладкий, чистый запах. Услышать, как ты стонешь... увидеть, как прикусываешь припухшие влажные губы, когда я...

— Прошу, замолчи! — выдохнула Фреда. — Нельзя же так... Ты заводишь меня этим сексом по телефону, а сам так далеко. Я шевельнуться не могу, тело словно мне не принадлежит, губы и правда болят, и не только губы... Но если бы ты был сейчас рядом, я бы не стала возражать и придумывать всякое, типа головной боли...

— Фреда... — прорычал он.

А она вдруг испугалась, что он тотчас и правда рванет к ней, а, судя по всему, сейчас был день.

— Я бы тоже хотела проснуться рядом с тобой, но помню все, что ты мне говорил, — торопливо заговорила она. — Не сомневайся, мои мозги не расплавились, и я все прекрасно соображаю.

— Я в тебе не сомневаюсь, — откликнулся он. — Я звоню напомнить, что ты можешь оставаться в доме до сумерек. Ключи от дома, от машины и еще кое-что я оставил на столе. Выспись, отдохни, но прошу — не открывай ставни на окнах и не выходи на улицу до того,

как начнет темнеть. На дом наложено маскирующее заклинание, никто не увидит припаркованную на участке машину и ничего не услышит, даже если ты вздумаешь громко петь. Но магия будет разрушена, как только ты покинешь пределы участка.

— Поняла, — серьезно ответила Фреда, — выходить не буду.

Он молчал, и она вдруг начала беспокоиться.

— Рейн?

— Фреда, не забудь — у тебя все еще есть выбор и время его сделать, — сказал он.

Сердце сжалось и заныло, словно он силой вынуждал ее делать этот выбор прямо сейчас.

— Я его уже сделала, — отрезала она. — Я вернусь в Цитадель. Но как найти ее? Я так и не поняла, где она находится.

— Ты найдешь, — проговорил Вагнер. И Фреда уловила в его голосе напряжение. — Вспомни, что я тебе говорил. Но все же... не спеши, подумай, — и, не дав ей возразить или начать возмущаться, тут же продолжил, — а теперь отдыхай. А я целую тебя, и... — он прошептал фразу, от которой кожа девушки запылала, словно к ней снова прикасались губы и руки Рейна...

...Вагнер отложил смартфон и откинулся на спинку кресла. Вернувшись в Цитадель под утро, он заперся в Синей гостиной и несколько часов просидел за столом, вспоминая то, что миновало очень давно, и что стало прошлым совсем недавно.

Он оставил мирно спящую Фреду в домике на краю маленькой деревушки, уверенный, что там она будет в безопасности.

Ровно до того момента, пока не вернется сюда, в Цитадель.

Она все еще могла бы уехать и скрыться, но он был уверен, что она вернется, как вернулся, возвращался, и будет возвращаться он. Возвращаться, чтобы снова скрывать, изворачиваться, терпеть и выживать, сознавая, что из этого круга не вырваться, не убежать, не скрыться. Она назвала это рабством.

Так оно и было. Он — лишь раб, скованный своей природой, кровной связью и магией навеки. Можно смириться или порвать оковы, приняв окончательную смерть.

Затянув Фреду в свой мир, он при любом раскладе обрекал ее на незавидную участь: она тоже будет пытаться выживать и станет заложницей обстоятельств, вечной рабыней, как и он. Будет обращена или нет, она не смирится, не сломается и будет искать выход. Как искал его сам Вагнер и еще многие.

У него позади и впереди были столетия, он мог еще ждать, искать и тешить себя иллюзиями. Но Фреда — смертная, ей отпущено совсем немного времени. Будет ли возможным то, что стало зарождаться между ними?

И все же вампир Рейнхард, талантливый сын давно покинувшего этот мир гениального лекаря, алхимика и мага-самоучки Игнациуса Вагнера, надеялся, что когда-нибудь сумеет сделать то, что не смог сделать его отец.

Обретя бесценные знания, Вагнер-старший так и не смог достойно применить их на практике.

Вампир Рейнхард Вагнер едва помнил, как был живым в прошлом и ничего не хотел знать о своем будущем. Он продолжал существовать в настоящем, застыв в своем состоянии на семь веков. Его оболочка статична и мертва, но его сущность все еще жила и надеялась, хотя с каждым годом, с каждым днем становилось все сложнее сохранить это в себе.

Существуя по инерции, подчиняясь инстинкту выживания, он сам чувствовал, как все тоньше становится ниточка, связывающая его с прежней человечностью.

"Одна сущность обнаружится в другой сущности, одна сущность возобладает над другой сущностью, одна сущность подчинит другую сущность".

Эти слова из древнего алхимического трактата стали заклинанием, которое он твердил себе в моменты сомнений, в такие минуты как сейчас. Но это были лишь слова, которые хоть и несли смысл, но ничего не могли изменить. Теория, воплотить которую на практике невозможно.

Для этого требовалось так немного, всего лишь песчинка, но ее нужно отыскать в целой Вселенной.

Все пути, по которым мы идем, тянутся из прошлого.

За века меняются слова и привычки, запахи и звуки, законы, обычаи и мода. Неизменная лишь цель — найти свою верную дорогу. Но прокладывать эти дороги начинаем вовсе не мы, мы лишь продлеваем их, выстраивая отведенный нам отрезок по-своему. И все пути в этом мире переплетены в невидимую глазу, неосязаемую сеть.

Развернувшись вместе с креслом от стола, Рейн устремил взгляд на картину на стене. Темный мир был все так же темен. Источники света по-прежнему не могли ничего в нем изменить.

...14 век. Чума шествует по Европе, одерживая одну ужасающую победу за другой. Новые и все более страшные вести о продвижении мрачного кортежа Черной смерти доносятся из разных стран, усиливая не утихающие страх и панику. В маленьких и больших городах вырастают чумные столбы, а население беспощадно и неудержимо сокращается. Чума не жалеет никого и никому не позволяет одержать над собой верх.

В те времена Игнациус Вагнер, лекарь австрийского эрцгерцога Родерика Линцкого, творил настоящие чудеса, диагностируя и исцеляя самые жуткие болезни.

Врачуя тела, Игнациус не забывал и о более тонкой материи — душе. Он научился не замечать границы возможностей, которые предлагал этот мир. Искусный медик обращался к знаниям и опыту, накопленным не только медициной, он также страстно изучал алхимию и даже магию. Вагнер верил в невозможное и черпал возможности в невероятном.

Эрцгерцог высоко ценил заслуги Игнациуса и не только поощрял его нетривиальные исследования, но и всячески оберегал его, создавая все условия для полного погружения в работу. Помимо предоставленной в распоряжение придворного лекаря прекрасно оборудованной лаборатории, Родерик щедро финансировал закупку редких книг и свитков, сырья, материалов, инструментария и ингредиентов для проведения изысканий и создания чудодейственных лекарств. Будучи человеком не глупым и практичным, Его светлость заботился о том, чтобы об исследованиях никто не узнал. Не приведи Господи, если слухи о том, что при его дворе практикуют алхимию и магию, доберутся до короля и до Святой Церкви.

Тем временем Вагнер все сильнее погружался в изучение неведомого и сверхъестественного. Лекарь обнаружил, что многие слухи и легенды на самом деле вовсе не выдумка.оборотни, вампиры, призраки, фейри и прочие сущности являются реальной

частью этого мира, тысячелетия соседствуя с людьми. Практически бессмертные, наделенные уникальной природой существа были неуязвимы к человеческим болезням и иным телесным слабостям, а некоторые, такие, как фейри и оборотни, даже могли иметь с людьми совместное потомство. И почти каждый такой отпрыск был наделен каким-нибудь редким даром или способностью.

Игнациус Вагнер, получив тайное одобрение и поддержку своего хозяина, проводил весьма рискованные эксперименты.

Заключив договор с одним из надежных «охотников на нечисть», лекарь постоянно получал в распоряжение свежий материал для проведения своих рискованных опытов. Так он обнаружил чудесное влияние крови вампира на человеческий организм. Экспериментируя с пропорциями, соединяя естественную природу различных жидкостей и материй с энергией магических ритуалов и алхимическими процессами, Игнациус искал новые лекарства и снадобья, в том числе и от Черной смерти.

В процессе своих рискованных исследований он узнал, что возможности применения вампирской крови, (а также порошка из клыков оборотней, призрачной эктоплазмы и прочих сверхъестественных ингредиентов) гораздо шире, чем создание лекарств от пусть и страшных, но все же обычных болезней. И, продолжая изучать и постигать, постепенно добился совершенно потрясающих результатов.

Настолько невероятных, что пока сам Вагнер не совсем осознал, каким образом можно использовать плоды экспериментов и в некотором роде даже опасался их. Особенно после того, как увлекшись опытами с кровью вампира и полученным после алхимической очистки порошком из высушенной эктоплазмы, он создал настой, одной капли которого хватило, чтобы оживить мертвого мотылька.

Неподвижно распростертый на тонкой пластине из полированного камня мотылек вдруг затрепетал, вспорхнул и заметался под высоким сводчатым потолком лаборатории, судорожно взмахивая светящимися в полумраке крыльями, с которых отделялись и осыпались вниз частички призрачного сияния.

А затем исчез... пройдя сквозь толстые каменные стены, будто просочился наружу. Игнациус распахнул узкое окно и ошеломленно наблюдал, как воскресший мотылек удаляется в темноту, мерцая, словно иллюзорная звездочка.

Вагнер был одержим не только медициной. Еще одной его страстью была любовь к жене и детям. К тому времени, когда из Вены пришло страшное известие о новой волне эпидемии чумы, в семье лекаря ожидалось прибавление. Его жена Грета, была беременна четвертым ребенком.

Не дожидаясь, пока Черная смерть подступит к Линцу, эрцгерцог вместе со своим семейством и придворными укрылся в одном из своих отдаленных замков, надеясь переждать там пандемию.

Родерик, конечно же, взял своего лекаря с собой и позволил тому забрать свое семейство, включая двух нянек для детей.

Черная смерть очень быстро добралась до Линца, но за толстыми каменными стенами замка, где укрылся эрцгерцог, все было мирно и более или менее спокойно. Ровно до того момента, пока у жены Игнациуса Вагнера одновременно с первыми схватками не появились и симптомы страшной болезни.

Лекарь скрыл от Его светлости начавшуюся болезнь жены, сославшись на то, что у Греты очень тяжелые роды. Отослав нянек с детьми в отдаленные покои, Вагнер отказался

от помощи повитухи, находившейся в замке, и заперся вдвоем с женой в комнате по соседству с лабораторией. Отчаявшись еще что-либо предпринять, на свой страх и риск он дал Грете одно из полученных им снадобий, основой которого была кровь вампира.

Раньше он опробовал лекарство только на зараженных крысах, сейчас же перед ним была его обожаемая супруга, производившая в страшных муках на свет их дитя, а значит, вылечить он должен сразу двоих. Больше суток он наблюдал, как извивается в муках его Грета, то впадая в беспамятство, то снова начиная кричать и бредить. Болезнь оставляла все более очевидные следы на ее лице и теле, а роды ослабляли организм, а Игнациус мог только ждать, не в силах больше ничем облегчить страдания супруги. Он мысленно уже пожертвовал своим еще не родившимся отпрыском, процесс появления на свет которого совпал со страшной болезнью матери. Вагнер готов был потерять дитя, но не жену.

Эрцгерцог, панически боявшийся эпидемии, заподозрил что-то, и ежечасно посылал своих людей справляться о состоянии жены Вагнера. Те, наслушавшись из-за закрытых дверей стонов и криков, возвращались с неизменным ответом: «Роды затянулись. Роженица мечется в горячке». Уверенный, что лекарь что-то скрывает, Родерик готов был уже выставить Игнациуса и его семью прочь из замка, когда Вагнер, наконец, позволил войти в покои, где проходили роды. Там всеобщему взору предстал сам лекарь, сиявший от счастья и облегчения, и его обессиленная, но вполне живая супруга с новорожденным младенцем на руках.

Мальчика назвали Рейнхардом*, решив, что это имя как нельзя лучше будет соответствовать ему, учитывая, что успел испытать младенец в процессе появления на свет.

Благополучно завершившиеся роды жены Вагнера и рождение его сына стали последним радостным событием в замке. Уже на следующий день оказалось, что чума проникла за каменные стены — заболели сразу несколько человек из свиты эрцгерцога и четверо слуг.

Родерик Линцкий, не раздумывая, велел выставить всех больных за ворота, оставив несчастных погибать в мартовском лесу. Но столь жестокая мера не смогла остановить распространение болезни. Еще через два дня заболела дочь самого эрцгерцога. Родерик Линцкий почернел от бессильного отчаяния, и тогда Игнациус сказал своему хозяину, что может помочь, признавшись, что вылечил свою жену и не дал погибнуть еще не родившемуся ребенку. На тот момент испуганный, почти утративший здравомыслие эрцгерцог готов был на все, лишь бы спасти обожаемую дочь. Родерик, казалось, даже пропустил мимо ушей тот факт, что эпидемия в замке, возможно, началась с жены самого Вагнера. Его Светлость дал согласие на применении снадобья.

Лекарство снова сработало, а Его Светлость под страхом смерти велел Вагнеру держать в строжайшей тайне причину исцеления своей дочери. Он запретил применять лекарство на других заболевших, кроме своей семьи. К счастью, больше никто из близких Родерика Линцкого или его лекаря не заболел. Всех прочих, кого цепко ухватили костлявые руки Черной смерти, или у кого только заподозрили появление симптомов, эрцгерцог велел выдвирать за ворота замка и сжечь сразу, как только они умрут.

Когда эпидемия отступила, измученные, испуганные люди даже не вспомнили то, как правитель Линца поступил с несчастными больными. В те времена столь жестокие меры не были редкостью.

Родерик Линцкий оценил заслуги своего лекаря, щедро наградив того. Его светлость был страшно доволен, что остался единоличным тайным обладателем чудесного снадобья,

способного уберечь от чумы. Впечатленный способностями Вагнера, эрцгерцог возжелал, чтобы тот продолжил свои исследования и пообещал всяческую поддержку.

Между Эрцгерцогом и Игнациусом Вагнером возникало все больше таинственных разговоров, в которых ключевыми становились понятия «вечная молодость», «полная неуязвимость», и даже «бессмертие» и «воскрешение».

Игнациус неизменно вспоминал ожившего мотылька. Чем стало это существо? Где находилось сейчас? Как мир принял это создание, и как эта новая сущность воспринимала это мир?

Шло время. Вагнер продолжал врачевать при дворе эрцгерцога Линцкого, и параллельно вел свою исследовательскую работу. Его младший сын, Рейнхард, рос здоровым ребенком, хотя с младенчества отличался тем, что был более молчаливым и спокойным, чем прочие дети в его возрасте. Примерно к шести месяцам Игнациус заметил и еще некоторые отличия в мальчике. Цвет глаз, данный ему при рождении, вдруг стал меняться. Серо-голубая ясная радужка приобретала фиолетовый оттенок, а к трем годам глаза ребенка излучали завораживающее сияние темного индиго.

Изучив гору литературы, Игнациус нашел упоминание о данном феномене. Происхождение Александрии — изменение в человеческом организме, которое затрагивало не только цвет глаз, но несло некоторые другие особенности. Явление было редким и больше никакой информации об этом нигде не нашлось. Отец решил особенно пристально наблюдать за мальчиком, замечать и описывать все изменения, что будут с ним происходить.

...Прошное не хотело отпускать.

Представляя события, известные ему со слов и из записей отца, по рассказам матери и обрывочным воспоминаниям братьев и сестры, Рейнхард снова и снова понимал, что невозможно узнать затерявшуюся во времени истину, нельзя ничего изменить и исправить.

Все, что потеряно — потеряно безвозвратно.

Но день сегодняшний гнал его назад, заставлял обернуться и посмотреть на давно минувшие события.

Найти связь между ушедшим и наступившим. Поймать и скрепить нити прошлого и настоящего и ничего при этом не перепутать, не задеть и не нарушить.

А еще быть рядом с Фредой. Удержать ее, не погубив и не сломав. Но возможно ли это?

Рейн совсем не был в этом уверен.

Вагнер не мог заставить себя встать с кресла и спуститься на нижние уровни Цитадели. Сама мысль о том, чтобы добровольно вырвать и отдать небытию то, чем наполнила его близость с Фредой, ощущалась, как пытка.

Он — словно вулкан, а человечность в нем была подобна лаве, живой и пылающей, в особые моменты вырывающейся из глубин его сущности. Но, извергаясь наружу, лава застывала, превращаясь в слой вулканического стекла, безжизненный и непроницаемый. Наступит день, когда он перестанет оберегать то малое, что еще оставалось в нем от человечности, и доминирующая вампирская сущность поглотит все без остатка. Пока еще он сопротивлялся, но все яснее понимал, что делает это по привычке, нежели продолжая верить в возможность что-то изменить.

Бессмысленно противоречить своей природе. Он — Не живой и Не мертвый.

Он ничто.

Тени прошлого снова окружили его, увлекая туда, где все когда-то закончилось и началось вновь...

Маленький Рейнхард рос, не давая повода для беспокойства за его душевное и физическое здоровье. Наоборот, он казался смышленнее своих старших братьев и сестры и много умнее и крепче прочих своих сверстников.

Лет с пяти он стал проявлять интерес к занятиям отца. Больше, чем прогулки и игры мальчику нравилось проводить время в лаборатории, рассматривая блестящие приборы, емкости с непонятным и пугающим, но притягательным содержимым и старые толстые книги с загадочными рисунками и схемами.

В семь лет, научившись грамоте, он стал читать отцовские книги сам, пока еще мало, что в них понимая. Он наблюдал за работой отца, иногда подглядывал за тем, как тот врачует своих пациентов, смешивает травы или другие ингредиенты, проводит алхимические опыты.

К десяти годам, Рейнхард уже знал свойства сотен веществ, изучил анатомию и овладел основами алхимии. В тринадцать стал отличным диагностом, получив разрешение присутствовать во время приема некоторых больных.

Набираясь практического опыта в медицине от мудрого родителя, Вагнер-младший стал проявлять повышенный интерес к алхимии и магии. К пятнадцати годам он мог создавать заклинания и мастерски совмещать их с результатами алхимических процессов и практической медициной. И проделывал он все это не хуже, чем его многоопытный отец. При этом юноша давно понимал важность сохранять тайну о том, что творилось в лаборатории.

Когда ему исполнилось восемнадцать, оба Вагнера уже практиковали вместе, прославив чудодейственными лекарствами далеко за пределами Линца, что крайне не нравилось Его светлости, желавшего оставаться единоличным пользователем талантов теперь уже семейства Вагнеров.

Про Родерика Линцкого давно ходили самые разные слухи. Эрцгерцог словно перестал стареть, и не был подвержен хворям. Упорно поговаривали, что это заслуга его лекаря, якобы придумавшего рецепт снадобья, которое продлевает жизнь и отменяет старение. Похоронив свою жену, эрцгерцог женился вновь, на девушке младше его внуков. На тот момент ему было семьдесят шесть, а выглядел он моложе иных сорокалетних.

Рейнхард к восемнадцати годам стал не только замечательным доктором, но и в совершенстве освоил алхимию и постиг многие тайны магии. Однако в отличие от отца, он с огромной осторожностью использовал свои знания на практике. Лишь в самых сложных случаях он применял ингредиенты сверхъестественного происхождения и магические ритуалы, считая, что даже познав и покорив неведомое, заходить, а иногда и заглядывать за некоторые пределы не стоит. Никогда не знаешь наверняка, каковы могут оказаться последствия.

Будучи свидетелем некоторых экспериментов, проводимых отцом, Рейн только тверже уверовал, что у них нет права таким образом вмешиваться в природу человека. И не только человека.

К тому времени, как Вагнеру-младшему исполнилось двадцать, у него была уже собственная практика, а пациентами становились люди самых разных сословий. Рейнхард никому не отказывал в помощи, чем заслужил неодобрение Родерика Линцкого и даже

собственного отца.

Однажды он был вызван в дом торговца к его заболевшей супруге. Переступив порог комнаты, где находилась больная, Рейнхард сделал шаг навстречу своей судьбе.

Светловолосая и бледная женщина на кровати словно светилась в полумраке. Тонкую кожу покрывали бисеринки пота, под глазами залегли тени, волосы цвета бледного золота разметались по груди подушек.

Энгила, его ангел. Женщина, которую он полюбил с первого полувзгляда, нарушив сразу все законы. Как врач он не имел права влюбляться в свою пациентку, как мужчина не должен был желать жену другого, как представитель дворянства не мог связать свою жизнь с женщиной из более низкого сословия.

Непреодолимые препятствия лишь обострили его желания добиться невозможного. Десять лет спустя, уже будучи счастливо женатым, имея от любимой женщины двоих детей, Рейнхард вспоминал тот самый первый миг, когда увидел ее впервые. Тогда он не столько подсознанием или инстинктом, а почти физически ощутил понимание момента: вот ОНА перед ним, единственная, желанная и кроме нее ему не надо больше никого. Ради того, чтобы обладать ею, быть с ней рядом, он готов на все.

Серые и холодные тени прошлого расступились, будто давая небольшую передышку перед тем, как снова нахлынуть толпой.

Спустя семь столетий, увидев Фредерику, Вагнер снова почувствовал то, что было утрачено, казалось бы, безвозвратно.

Между Энгилой и Фредой пролежала пропасть, и не только временная. Они были совершенно разными во всем, но нечто объединяло их.

И не только то, что при первой встрече Энгила была больна, а Фреда ранена и обе нуждались в помощи. Не только то, что обе были напуганы и находились там, где не хотели быть: Энгила в доме нелюбимого мужа, которого боялась и не уважала, Фреда — на территории похитивших ее, совсем не дружественно настроенных вампиров.

Этих женщин объединяло то, что силой своего желания он вольно или невольно затянул обеих туда, где жизнь их круто менялась и подвергалась опасности.

Рейнхард узнал Энгилу, будучи молодым человеком, и его жизненный опыт был совсем не богат. Он толком еще не представлял, а значит и не страшился тех сложностей, что могли встать на пути их сближения.

Фреда была моложе почти на семь столетий, и в их случае именно она не имела представления о многом. Он же наоборот отчетливо сознавал, чем могут обернуться их зарождавшиеся отношения, чуждые миру, к которому он принадлежал.

Этим женщинам следовало бежать от него, но ни ту, ни другую он не хотел отпускать. Энгилу он покинул не по своей воле. Фреде осознанно дал шанс уйти и скрыться. Но и тогда, и сейчас он не переставал тайно надеяться, что все может быть иначе.

Глупые, призрачные надежды...

Вагнер прикрыл потемневшие до чернильно-фиолетового оттенка глаза, скрипнул стиснутыми зубами.

Хотелось снова слышать ее голос, легкое сонное дыхание. Прикоснуться сначала нежно и осторожно, затем обнять, крепко и жадно, тесно прижимая к ней, и замереть, купаясь в живом тепле ее гибкого стройного тела.

Он почти почувствовал, как она задрожит, словно струна, сердце ее забьется быстрее,

участвует дыхание. Он знал: близость с ним не вызвала у Фреды ни страха, ни сомнений, только нескрываемую, неподдельную страсть.

И доверие.

Она отвечала взаимностью, так, как ему хотелось, и дарила то невероятное, во что веришь с осторожностью, будто боишься спугнуть или разочароваться.

Но что могло быть между ним, существом, почти избавленным от всего человеческого и ею, прекрасной и живой, наполненной светом и всеми надеждами этого мира?

Все будет до поры, пока не случится час X, который имеет миллионы вариантов развития и ни один не зависит от их желаний.

И все же драгоценные капли настоящей радости, что дарила близость с Фредой, опускались в опустевшееместилище его утраченной души, как редкие монетки в копилку. Радость эту пока не омрачало даже осознание того, что о многом он умолчал, не предоставив ей всех аргументов для того, чтобы она действительно могла сделать выбор. Но он боялся, что его доводы будут восприняты её пылающей душой совершенно обратно.

Она не испугается опасности нырнуть в омут с головой. И тогда ему останется только проклинать себя и свое существование.

Вампиры не подвержены чувству вины. Хищник не чувствует сожаления перед своими жертвами, подчиняясь инстинкту выживания. Но хищник не охотится впрок, только ради того, чтобы когда-нибудь не остаться голодным.

Регент и вампир-маг прекрасно понимал это, но поступал по-своему. Вагнер-человек готов был покарать себя за содеянное.

Тени прошлого колыхались по углам темной комнаты, смешиваясь с мраком, делая его гуще и непроглядней. Знакомые и неизвестные гости из прошлого снова надвигались, вынуждая слушать их шепот, чувствовать, как холод заползает в его и без того остывшее сердце...

...Прошло десять лет с того дня, как он встретил Энгилу. У них получился счастливый союз, в котором родилось двое любимых детей. Рейнхард по-прежнему практиковал, сменив отца на посту придворного лекаря эрцгерцога. Вагнер-старший пребывал в добром здравии, несмотря на солидный возраст, но теперь больше занимался научными изысканиями, чем врачеванием. И изыскания эти все дальше уводили престарелого Игнациуса за пределы человеческих прав и возможностей. Все больше времени посвящал он тому, чтобы постигать загадочный, скрытый от людей мир сверхъестественного и его обитателей.

Особенно его интересовали вампиры и свойства их крови. Некогда бывшие людьми, эти существа и в новой своей ипостаси сохраняли много общего с человеком, были подвержены страстям и эмоциям, но утрачивали почти все прижизненные физиологические процессы. Они существовали, как часы, которые шли, несмотря на то, что механизм их не работал. И двигателем этого механизма была кровь, потребляемая от живых и чудесным образом перерабатываемая в организме вампиров в нечто невероятное, позволявшее им существовать, наделяя неуязвимостью и силой.

Игнациус втайне от сына и всех остальных продолжал щедро оплачивать услуги охотников за нечистью, поставлявших ему редкий «живой» материал для его исследований.

Очерстевшая со временем душа старого лекаря и одержимого ученого уже не воспринимала вампиров и иных подопытных существ как созданий чувствующих и думающих. Он обезвреживал их, препарировал и подвергал иным экспериментам, не думая о

том, что причиняет страдания.

Одержимый поиском чего-то, что крылось за всем непостижимым и, объясняя свои действия поиском возможности использовать это во благо людей, Вагнер-старший заходил все дальше, разрушая себя и свое сознание, балансируя на грани, за которой была темнота.

Рейнхард почти уверился, что отец теряет рассудок на почве своей псевдонаучной деятельности, но все попытки остановить старого доктора ни к чему не привели. Игнациус, имевший огромный опыт вести тайные деяния, виртуозно скрывал следы своих экспериментов.

Если бы он вовремя осознал, что не только сам вступает на опасную территорию, но и тянет туда своих родных и близких, то, возможно, смог бы остановиться. Но пока все сходило ему с рук, приносило удовлетворение и тешило самолюбие, порождая иллюзии о всемогуществе человеческого разума. Его разума, способного открыть тайну, овладев которой, он сделает человеческое тело неуязвимым к старению, болезням и травмам. Пока же все его снадобья на основе крови вампира действовали лишь временно, хотя и излечивали, и омолаживали исправно.

После смерти Родерика Линцкого место эрцгерцога занял его старший сын. Гораздо более ограниченный и нетерпимый ко всему непонятному, Его Светлость отличался от отца отношением к странному старому лекарю. Новый правитель опасался целителя, давно подозревая того в связях с «нечистой силой».

Но младший сын доктора, Рейнхард Вагнер, пугал эрцгерцога больше, чем его сумасшедший отец. Молодой красавец с пронзительным взглядом сине-фиолетовых глаз был талантлив, успешен и счастлив. Новый эрцгерцог убедил себя, что все эти качества даны молодому целителю незаслуженно.

Не желая потерять молодого врача, как придворного лекаря, способного творить чудеса своим искусством врачевания, эрцгерцог мечтал придумать способ избавиться от него, как от предмета изводивших и разрушающих его, злых и завистливых мыслей.

По соображениям эрцгерцога Вагнер должен остаться его врачом, но не должен вызывать восхищение и уважение и обладать женщиной, красота которой подобна ангельской. Его Светлость не отличался умом, не нашел счастья в браке со знатной особой и понятия не имел, как держать себя, чтобы вызывать благоговейное восхищение подданных. Зато всем этим обладал его придворный лекарь.

Однажды Игнациус Вагнер получил от своего поставщика нечисти редкий экземпляр — вампира, обладавшего магической силой. Давно выяснив способы, как обезвреживать разную нечисть, Вагнер-старший сковал вампира серебряными цепями и надел ему на голову серебряный обруч. Прикосновение этого металла к коже кровососов обездвиживало, ослабляло и вызывало эффект, схожий с действием кислоты на кожу человека, позволяя не опасаться нападения. С учетом же того, что вампир обладал и сверхъестественными способностями, старый лекарь использовал также и магическую защиту от него.

Игнациус хотел выяснить есть ли различие крови вампира, владевшего магией, с кровью «обычного» вампира. Прodelывая свои эксперименты, Вагнер-старший щедро и не церемонясь, забирал драгоценную жидкость у подопытного.

— Не там и не так ищешь, старик, — прошелестел серыми губами слабеющий вампир, наблюдавший за действиями лекаря.

— Откуда знать тебе, что я ищу? — не отрываясь от своего занятия, откликнулся Игнациус.

— Все ищут одно и то же — власти над своими слабостями, — усмехнулся вампир.

— Не власти я ищу, а истины.

— Любые знания — это власть. А известно ли тебе, старик, что «Алхимия изменяющейся жизни — единственная истина»? Чтобы стать обладателем подобной истины, нужно принести жертву. Огромную жертву. А что даешь ты взамен той природе, в которую вмещаешься? Какова твоя плата за познания, которые добываешь, силой вырывая, ворую их у мира, к которому не принадлежишь? Или ты уверовал, что во всех мирах такое дается просто так, лишь по желанию?

— Желания помочь человеку нуждающемуся — вот моя цель, — презрительно ответил Игнациус. — Я годы положил на ее достижение и многое постиг. А плата... Не тебе, вампир, говорить мне о цене. Истина бесценна.

Скрипучий смешок вызвал дрожь у старого ученого.

— Вот именно, старик, вот именно. Истина бесценна. Но ты еще далек от нее. Твои опыты лишь вызывают волнение в иных сферах, нарушают заведенную гармонию, но не открывают тебе истины. Чтобы добыть ее, надо погрузиться в процесс целиком: своей кровью и плотью, своим разумом и сердцем. Поделиться душой, сущностью и самым дорогим, что есть у тебя. Что особенно дорого тебе, старик, в этом мире? Твои родные или истина, которую ты ищешь?

Игнациус застыл на миг, пронизанный гневом и страхом, затем ответил:

— Не пугай меня, вампир. Мои родные здесь не причем, и страхов в своей долгой жизни я натерпелся достаточно. Теперь уже ничего не боюсь. Все в мире взаимосвязано, я знаю это. В процесс своих изысканий я вкладываю и сердце, и душу, делюсь своей кровью, рискую и сомневаюсь. Но твердо знаю — я смогу найти то, что уравновесит природу человека и природу сверхъестественного. Так должно быть, это неизбежная ступень постижения тайн мироздания, которую не миновать ни вам, ни нам. И доказательство тому уже есть, ведь некоторые сверхъестественные существа могут создавать потомство с людьми. И отпрыски эти являют собой нечто новое, уникальное, вмещающее в себя особенности обоих родителей. Но это богопротивно! Наверняка есть иные, менее мерзкие способы достижения этого? Я уже близок к тому, чтобы узнать их, и твоя кровь поможет мне.

— Кровь? О, да! Кровь поможет, — загадочно пробормотал вампир и добавил, — а ты действительно близок, старик. Очень близок и все же многое так и не понимаешь. Как не понимали тысячи ищущих до тебя и как не поймут те, кто придет после тебя. Все мы ищем истину, а найдя ее, не знаем, что с ней делать, как использовать. Ты думаешь, что знаешь, но это иллюзия. Вариантов множество и каждый неповторим и применим только для особого случая. Для определенной сущности. «Одна сущность обнаружится в другой сущности, одна сущность возобладает над другой сущностью, одна сущность подчинит другую сущность», — едва слышно забормотал вампир. — Найти эти сущности — вот главная задача. А это почти невозможно, даже если знаешь что именно ищешь...

Кровь тяжелыми каплями продолжала стекать из надрезов на руках вампира в емкости, стоящие на полу. Игнациус установил в каждый разрез серебряные скобы, препятствовавшие заживлению ран. Слабея с каждым мгновением, вампир повернул к ученому ставшее серым, как сумеречная тень, лицо и добавил:

— И помни о цене, она тоже у каждого своя, и ты ее еще не заплатил, но этот миг придет... Скоро...

Старый ученый остановился и задумчиво смотрел, как силы покидают вампира,

прикованного высокому столу, установленному посреди лаборатории. Он прервал свои опыты с кровью и уселся за письменный стол, чтобы записать все, что услышал от вампира.

Для чего он это сделал, Игнациус и сам не смог бы ответить определенно. Все цитаты, что приносил вампир, были ему известны из древних алхимических трактатов. Но нежить добавил этим цитатам некий смысл, который до сей поры не был очевиден и ускользал. В тот миг слова кровососа вызвали у старого ученого лишь тень страха и негодования, но позже он все поймет. И ничего не сможет уже исправить. А пока он решил, что нужно найти еще одного вампира, обладавшего магическими способностями и тщательно изучить это существо.

...Годы счастья пронеслись, как один солнечный день.

Трусливая, затаенная, как застарелая обида, зависть и глухая злоба эрцгерцога Линцкого не могли омрачить Рейнхарду времени, проведенному с любимой женой и обожаемыми детьми при дворе Его Светлости.

Рейнхард вел себя мудро и осторожно, не давая лишних поводов для обострения явной неприязни правителя. Тот был действительно труслив и опасался предпринимать что-либо против своего ненавистного лекаря, страшась, что тот сделает нечто, идущее в разрез с его долгом врачевателя. Отравит, заколдует, заразит Черной язвой. Иссохший завистью мозг эрцгерцога изнывал от бессильной злобы и рисовал самые невероятные картины.

Игнациус Вагнер продолжал заниматься своими изысканиями, все больше времени проводя в своей лаборатории, которую несколько лет назад из дворца эрцгерцога перенесли в одну из пустующих башен фамильного поместья Вагнеров. Иногда старый ученый сидел там безвылазно по несколько дней, запершись, и лишь что-то невнятно отвечал через дверь, когда домашние справлялись о нем, принося еду и питье.

Рейнхард был более всех обеспокоен за отца, зная, что тот занимается весьма рискованными опытами. Сколько раз сын наблюдал, как глухой ночью к дальним воротам их поместья подъезжала повозка, и мрачный возница что-то затаскивал в башню, где обосновался его отец.

Рейн пытался сотни раз поговорить с отцом, вразумить того бросить свои опасные эксперименты, не искушать судьбу и посвятить старость заслуженному покою. Игнациус лишь бормотал, что он уже «очень близок и ему нужно еще немного времени».

Однажды Игнациус просидел в своей башне безвылазно неделю, не открывая дверей никому из слуг и членов семьи. Он почти не прикасался к еде, которую ему приносили, лишь просил больше чистой одежды, не возвращая грязную для стирки. Из-за закрытых дверей порой доносились странные звуки и омерзительные запахи, узкие окна лаборатории озарялись яркими вспышками света. Вздуроченная семья не знала, что и думать, и Рейнхард снова отправился к отцу.

Молодой человек велел всем родным отправиться в свои покои и не беспокоиться, заверив их, что все уладит.

Он быстро шел через темный пустой двор поместья, и на миг ему показалось, что за ним кто-то следует. Рейнхард огляделся, но увидел лишь тени на каменных стенах от голых ветвей деревьев, трепетавших на холодном февральском ветру. Вдруг показалось, что порыв ветра пробрался прямо внутрь него, остудив сердце недобрым предчувствием. Рейн поспешил в башню, бегом преодолевая просторный двор по вязкой грязи, смешанной со снегом.

Он почти достиг входа на нижний уровень башни, когда тело его впечаталось в каменную стену и его сковало внезапным необъяснимым параличом. Дыхание резко прервалось, грудь нестерпимо сдавило, гася зародившийся крик. Ноги приподнялись над землей, а чьи-то крепкие, словно каменные пальцы впились в его лицо и повернули в сторону. Как сквозь туман Рейн увидел перед собой два серых, как пасмурное небо, глаза, лишенных зрачков. Бескровное лицо, почти скрытое капюшоном, большой рот с выступающими... клыками?

Позади этого видения маячили черные тени, похожие на высокие человеческие силуэты в длинных плащах с капюшонами. Ледяные пальцы снова отвернули лицо молодого человека в сторону, не давая ничего толком разглядеть, и над ухом раздался бесстрастный голос:

— Не кричи, не вырывайся и никто не пострадает. Помни о своих родных.

Его с поразительной легкостью, словно он бел бесплотен, потащили по узкой каменной лестнице наверх башни. Перед дверью лаборатории остановились, ноги снова коснулись пола, и голос над ухом прошипел:

— Если не хочешь, чтобы пострадал твой отец или еще кто-нибудь, просто постучи в дверь, подай голос и не делай глупостей.

Его тряхнули для убедительности, и Рейн кивнул, насколько позволяла сковавшая его мертвая хватка незнакомца.

Он постучал в дверь и окликнул отца, потом еще раз, с трудом сдерживая страх, парализовавший разум. Донеслось приглушенное бормотание, шаркающие шаги, и дверь приоткрылась. Кто-то выступил из-за спины Рейна, закрывая ему обзор, он услышал, как еще один незнакомец шепчет что-то его отцу. Игнациус бесцветным, едва слышным голосом пробормотал что-то вроде приглашения войти и Рейна втолкнули в лабораторию. Мельком он успел увидеть безжизненное, застывшее лицо отца, продолжавшего с остекленевшим взглядом безучастно стоять в дверях.

Тот, кто держал молодого лекаря, ослабил хватку, но ледяные пальцы теперь впились в его горло, перекрывая дыхание и едва не протыкая кожу.

В лаборатории царил разгром, воздух был насыщен жуткими запахами, от которых слезились глаза и першило в горле. Весь каменный пол и стены были исчерчены алхимическими и магическими символами. На столе посредине лаборатории лежало тело, походившее на освежеванный труп. И все, все залито кровью. Рейнхард заметил кровь также и на одежде, руках и лице отца.

Теперь в полумраке лаборатории Рейн смог немного прийти в себя и увидел тех, кто притаил его сюда. Трое незнакомцев, двое в длинных черных одеяниях с капюшонами, лица закрыты масками в виде птичьих клювов, как у Чумных докторов.

Третьего, что держал Рейна, молодой человек хоть и не видел сейчас, но знал, что тот был без маски.

Один из незнакомцев подошел к отцу Рейнхарда и снова что-то прошептал старику в лицо. Ученый будто очнулся от забытья и обвел присутствующих непонимающим, растерянным взглядом, в котором с каждой секундой все отчетливей отражался панический ужас.

— Твои недозволенные игры закончились, старик, — ледяным голосом проговорил незнакомец, стоявший до сих пор чуть в стороне. — Мы долго терпели твои бесчинства, позволяли тебе запускать руки, куда не следует, наблюдали за тобой и твоими

экспериментами. Теперь пришло время это прекратить. Ты свою миссию выполнил, старик.

— Кто вы такие? О чем вы говорите? — повысил голос Игнациус и обратился к сыну, — Рейнхард, это ты привел сюда этих господ, чтобы снова пытаться помешать мне?! Как ты мог, сын!

Незнакомец, что заговорил со старым ученым, усмехнулся:

— Да ты и в самом деле почти выжил из ума. Но у нас нет времени на попытки все тебе втолковать и прояснить твой помутившийся рассудок. Просто смотри и слушай, старик. Прочувствуй все то могущество, к которому ты так стремился. Смотри, как можно с легкостью изменить человека, сделать его неуязвимым, не подверженным старению, практически бессмертным. Или получи еще одну жертву для своих опытов. Ты ведь этого хотел? И предупреждаю, если ты хоть дернешься, хоть пикнешь или попытаешься что-то предпринять, в надежде помешать нам, ты заплатишься за это остальными членами своей семьи. Первыми будут твои обожаемые внуки.

Не давая опомниться и понять смысл сказанного, тот, кто держал его сына, откинул капюшон, открывая мертвенно бледное лицо с хмурыми глазами, и впился в шею Рейнхарда, рыча, как бешеный зверь.

Тело Рейна дернулось, с губ сорвался хриплый стон боли, из прокушенного горла на одежду полилась кровь, которую незнакомец пил бесконечно долго, жадно и мощно сглатывая. Затем вампир оторвался от горла молодого человека, явив глубокую рваную рану, словно от укуса дикого животного, впился клыками в свое запястье и приложил его к бледным губам Рейна.

Густая вампирская кровь стекала в приоткрытый рот, отравляя организм. Прodelывая все это, вампир неотрывно смотрел на объятых ужасом старика-ученого, застывшего в бессилии что-либо предпринять.

Обескровленное тело Рейнхарда рухнуло на пол, Игнациус рванулся к нему, но холодная рука вцепилась в его худое старческое плечо.

— Сделай только шаг и все твои родные умрут, — прошипел вампир. — Стой, старик, и смотри, какова твоя цена поисков истины.

Игнациус застыл и только смотрел, как еще трепетали веки сына, скрывшие его удивительные глаза, как чуть подрагивала грудь, как из окровавленного рта вырвался последний долгий выдох, и Рейнхард затих.

— Получи, старик, — сказал вампир в маске и пнул тело Рейнхарда в сторону его отца. — Завтра он восстанет вампиром. И не просто вампиром, а одним из нас — вампиров-магов. Мы — Смотрящие, принадлежим к древнейшему Ордену Творящих кровь. Мы храним наши тайны уже много столетий. Не ты первый суешь нос туда, куда смертным соваться недозволено. Мы долго терпели. Ты препарировал наших братьев, надеясь что-то отыскать. Мы позволяли тебе это делать, поскольку считали своего рода компенсацией за те людские жертвы, которых убивали и убиваем мы. Равновесие, которое установлено не нами и не вами, а самой Вселенной. Именно Равновесие — та сила, что объединяет наши миры. Но отныне твой лимит исчерпан. Ты превратил свои забавы в нечто недозволенное, зайдя за все мыслимые границы.

— Мой сын... позвольте подойти к нему, — прохрипел старик, — он мертв?..

— Да, мертв. Но тебе решать, старик, каким мертвецом он будет. Можешь прямо сейчас отсечь ему голову, а можешь дожидаться утра и посмотреть, как он сгорит в утреннем свете. Еще возможен вариант — жди, пока он обратится, и используй его, как образец для своих

экспериментов. Или, если он тебе действительно дорог, сразу отдай его нам. Он талантлив, из него получится ценный собрат для нашего Ордена. Так что решаешь, старик?

— Я...мне... Я не знал... так не должно было быть... простите меня... позвольте хотя бы... проститься с ним... — Игнациус едва стоял на подгибающихся ногах. Сердце сжалось в груди, пронизав все его существо парализующей болью.

Старый ученый двинулся к неподвижно лежащему на полу сыну, протягивая к нему трясущиеся руки. Он упал перед ним на колени и ощупал бездыханное тело, осматривая разорванное горло, приподнимая веки, прикладывая ухо к неподвижной груди. Старик зарыдал.

— Прости меня, Рейн... — сквозь слезы отчаянно шептал он, склонившись к мертвому сыну. — Мне следовало слушать тебя... Прости, мой мальчик... Когда-то я спас тебя и твою мать, а сейчас...

Старик с трудом поднялся на ноги и проговорил:

— Если мой сын — цена, которую я должен вам, то забирайте его. Но обещайте, что не тронете мою семью. Пожалуйста... — с мольбой прошептал он.

— Не тронем. Пока, — отозвался вампир, который пил кровь Рейна. — Но если хоть что-то, что ты успел узнать, просочится через эти стены, если ты снова только подумаешь заняться своими опытами, то знай — мы явимся снова, и тогда уже никто из твоей семьи не уцелеет. А сейчас, жалкий, безумный старик, тебе лучше покинуть это место. Если, конечно, ты не готов еще умереть.

Один из вампиров легко поднял тело Рейнхарда и понес его прочь, Игнациус, как призрак, двинулся за ним. Двое незваных гостей остались в его лаборатории. Когда старый ученый спустился из башни вниз, вампир, несший Рейна, уже исчез, а через узкие окна лаборатории прорывались всполохи разгоравшегося огня.

Игнациус стоял на пронизывающем ветру и смотрел, все сильнее и ярче становится пламя, в котором сгорают все его надежды и понимал, что никогда не сможет простить себе смерти Рейнхарда. Он так и стоял, не чувствуя холода, когда две черные тени покинули башню, рванулись к нему и, окружив, зашептали наперебой:

— Случился пожар...

— ...когда ты уже покинул лабораторию...

— ... ты не знал, что тебя ищет твой сын...

— ...вы разминувшись с ним...

— ... и он погиб в огне...

— ...останки его найдут на пепелище...

— ...а если захочешь, можешь рассказать правду...

— ...тебя все равно сочтут сумасшедшим...

— ...так, что живи и помни...

— ... у всего есть цена...

— ... и у каждого — своя...

Игнациус закрыл глаза, поняв, что его наказали, оставив в живых, вынудив помнить и сознать. Он застонал и уже не увидел, как черные тени растаяли в темноте. Схватившись за сердце, старик рухнул в месиво из снега и грязи.

*Рейнхард — от древнегерм. имени Raginhard (Reginhard): ragin, regin (решение, закон,

судьба, рок) + hart, hard (сильный, стойкий, отважный),

Глава 3. Добраться до поворота

Добраться до поворота

Иногда истина не имеет значения, главное, что тебе она известна.
(к/ф Город грехов)

За огнем в обеих топках никто не следил, но он продолжал ровно и сильно гореть, уютно потрескивая за резными чугунными дверцами.

Фреда проснулась в жарко натопленной комнате. Откинув простыню, потянулась, провела руками по обнаженному телу. Она выпалась, отдохнула. Тело ощущалось... насыщенным. Напитанным удовлетворенной страстью, гармонией ожидаемого и полученного, чисто физическим удовольствием, от одного воспоминания о котором начинало что-то трепыхаться в районе солнечного сплетения, а низ живота сладко ныл.

Фреда поднялась с кровати, обошла весь домик, нашла маленькую кухню, санузел, где не работал слив старого «фарфорового друга», но рядом весьма предусмотрительно стояло ведро, доверху наполненное водой. Девушка оделась, удивляясь, что совсем не чувствует голода, а ведь ела она почти сутки назад, как раз перед тем, как уехать сюда.

Часы на телефоне показывали начало третьего. На улице был день, но совсем скоро начнет смеркаться и тогда она сможет поехать к нему, к своему вампиру.

«Своему вампиру»? Она и впрямь так думает о Вагнере, скучает по нему?

До каких же немыслимых пределов в такой короткий срок изменилась ее жизнь? Она переспала с вампиром-магом и теперь, словно привороженная им, рвалась оказаться на опасной для нее территории, лишь бы рядом, лишь бы прикоснуться, оказаться в его крепких руках, почувствовать, как он, вопреки своей природе, делает ненужный вдох, чтобы впитать, впустить внутрь себя ее аромат, как возбуждается и словно оживает...

— Как все это возможно?.. — прошептала Фреда, опускаясь в кресло-качалку, которое дернулось и закачалось с тихим скрипом, успокаивая, словно колыбель.

Она посидела, осматриваясь, отмечая без удивления, что и свечи на столе горят все также, не тая и не уменьшаясь. Фреда поднялась, подошла к столу, на котором стояла коробка и лежал плотный конверт. В коробке оказались упакованные в контейнеры закуски, а также вода и сок. А в конверте обнаружилась солидная сумма денег, водительские права, паспорт на новое имя и подробная автомобильная карта Европы. Рядом лежали ключи от машины и от дома.

— Я же сказала, что никуда не побегу, — пробормотала вслух, запихивая бумажки обратно в конверт, но ключи положила в кармашек джинсов.

Промаявшись еще час и немного перекусив, решила, что пора ехать.

Фреда подошла к входной двери, прислушалась, обвела прощальным взглядом гостеприимный домик. Здесь действительно был создан совершенно новый мир, будто изолированный от всего, что ждало снаружи. Фреда приложила руку к Custos'у, висевшему на груди. Амулет потеплел под прикосновением, подтверждая ее ощущения.

Взялась за ручку двери и опомнилась

— Огонь в печи! Нельзя оставлять!

Она подошла к изразцовой печке и присела на корточки перед дверцей топки. Задумалась на мгновение, собираясь с мыслями, и повела рукой, словно успокаивая огонь. Язычки пламени послушались, как верный пес команды хозяина, и погасли. То же самое Фреда проделала с огнем в печке в спальне и горящими свечами.

Довольная собой, взволнованная предвкушением скорой встречи с Рейном, она покинула домик. Снаружи серые сумерки опускались на округу. В домах уютно светились окна, но на улице не было никого. Деревня казалась безлюдной.

Фреда снова уловила тишайшее протяжное пение колокола на башенке пожарной вышки, будто кто-то играл невидимым смычком на незримой струне, звучавшей высоко и печально.

Усевшись за руль, заволновалась, ведь хоть она и умела водить, но своей машины у нее не было, и рулить ей не приходилось с тех самых пор, как получила права. Однако руки все вспомнили быстро, подсознание уверенно руководило действиями, подавая нужные команды. Доверившись самой себе, Фреда повернула ключ в зажигании и мягко тронулась с места, выруливая из-за скрывавшего машину кустарника на дорогу.

На свободном шоссе быстро освоилась с управлением кроссовером, и помчала вперед. Сумерки все гуще окутывали поля по бокам дороги, скрывали видневшиеся вдалеке холмы, очертания которых на гаснущем небе выглядели как декорации в театре теней.

Проехав пару километров, Фреда обратила внимание, что позади движется серый седан. И, кажется, ехал он за ней, соблюдая расстояние, уже довольно давно, чуть ли не от самой деревеньки. Где-то внутри кольнула тревога, но страха не вызвала.

Фреда плавно нажала на газ, увеличивая скорость. Продолжавший ехать за ней автомобиль так же увеличив скорость, сокращая расстояние между ними. Фреда еще поднажала: скоро должен быть поворот на основное шоссе, где движение будет оживленней и там преследовавший ее автомобиль затеряется и не станет действовать на нервы.

Словно прочитав ее мысли, водитель серой Audi также прибавил скорость и стремительно приближался, забирая к разделительной полосе, явно намереваясь обогнать. Фреда с облегчением выдохнула, списав свои подозрения на паранойю. Она снизила скорость и сместила траекторию движения к обочине, пропуская машину.

Седан нагнал ее и стал нахально прижиматься, все больше тесня к обочине, одновременно сигнализируя миганием фар. Фреда удивленно взглянула в окно и увидела за рулем серой Audi рыжеволосого водителя. Женщину.

— Метте?! — воскликнула Фреда, вцепляясь в руль крепче.

Водитель седана наклонилась, выглядывая в окно со стороны пассажирского сидения, и, встретившись взглядом с Фредой, сделала красноречивый жест рукой, указывая направо к обочине.

Фреда мягко нажала на тормоза, стараясь все делать аккуратно, но за продуманными осторожными действиями начинающего водителя крылось беспокойство. К чему бы Метте нагонять ее на дороге так настырно? Что-то случилось? С Вагнером?

Audi тем временем уже затормозила на некотором расстоянии впереди и из нее выскочила Метте, бегом направляясь к остановившемуся неподалеку кроссоверу.

— Метте! — воскликнула Фреда, выпрыгивая из машины навстречу знакомой. — Вот уж не думала вас встретить здесь и сейчас. Только не говорите, что это случайность.

— Да разве похоже на случайность то, как я гналась за вами и таранила бок вашего

красавца? — вместо приветствия отозвалась рыжеволосая норвежка. Одета в короткую кожаную куртку с меховым воротником и узкие джинсы, женщина-волчица выглядела обманчиво хрупкой. И чем-то очень озадаченной и раздраженной. Короткие рыжие волосы торчали сердитым ежиком на ее голове, а тонкие брови хмурились над светлыми глазами.

— Что-то случилось? — поинтересовалась Фреда, чувствуя, как порыв морозного ветра пробирается за шиворот, отчего кожа головы и шея покрылись мурашками.

— Куда вы едете, Фреда, если не секрет? — не отвечая на вопрос, поинтересовалась Метте.

— В Прагу. Возвращаюсь в Цитадель.

Не зная, стоит ли ей вообще отвечать норвежке, решила, что все же ничего такого не будет, если она скажет правду.

— Прошу вас, выслушайте меня, Фреда. Выслушайте, не перебивая, — заговорила Метте, сверля девушку тревожным взглядом бледно-голубых глаз. — Когда доедите до поворота на Развадовское, сворачивайте от Праги в противоположную сторону и чешитек границу.

— К границе чего? Области? — не поняла Фреда.

— Страны. И я вас провожу, — серьезно отозвалась Метте.

— Так. Все понятно, — выдохнула Фреда, — это Вагнер вас попросил? Я же сказала, что никуда не поеду! Не по-е-ду! Я возвращаюсь в Прагу. В Цитадель.

— Глупая вы голова! — нетерпеливо воскликнула рыжая, всплеснув руками. — Не думала я, что придется вот так еще встретиться с вами, и не думала, что вы и... Вагнер зайдете так далеко. И так скоро. Вам следовало притихнуть, как мышке, стать незаметной, а не в койку с ним прыгать.

Фреда опешила и уставилась на Метте потемневшими глазами.

— Ушам своим не верю. Ваше-то какое дело, куда и с кем я прыгаю? Откуда вы вообще узнали про... койку?! Какого черта происходит? Вы следите за нами, ревнуете, что ли? — Фреда с легким налетом гадливости смотрела на норвежку, еще минуту назад казавшуюся ей весьма приятной особой.

— Ревную? Это так примитивно, — поморщилась Метте. — Нет, я не ревную. Судьба милостива — уберегла от того, чтобы проникнуться к этому хитрожопому вампирюге каким-то там чувствами. У нас с ним долгое взаимовыгодное сотрудничество. Честное, без подстав. И каждая сторона свои условия выполняла исправно. Но я твердо помню, что не стоит переходить грань. А вот вы перешли. И очень зря. Вы думаете, будто я лезу не в свое дело, но я скорее уши себе отгрызу, чем промолчу о том, что должна сказать. Выслушайте меня, пожалуйста, а потом можете высказать свое фи, если будет такая необходимость или желание. Договорились?

— Допустим, — отозвалась Фреда, понимая, что уйти, не дослушав Метте, она не сможет, нопосле сказанного норвежкой что-то безвозвратно изменится. — Говорите, что хотели.

— Вы еще помните ту ночь в музее, когда ваша жизнь круто повернулась? — поинтересовалась рыжеволосая.

— Как забыть.

— Пробежимся кратко: полиция завела на вас дело, связав с подделкой документов в магистрате и пропажей бумаг, которые вы принесли в музей. На месте убийства того парня нашли ваш телефон. А телефон, вероятно, кто-то подбросил туда уже после того, как

вампи́рские чистильщи́ки уничтожи́ли все следы.

Фреда слушала и чувствовала все сильнее разгорающееся желание бежать прочь, зажав уши.

«Не слушай!» — вопило ее сознание, и ему жалобно и скорбно подпевало сердце. Лишь душа притихла, затаилась, словно приготовилась принять удар, который вот-вот может быть нанесен.

— Вагнер вас и подставил, — мрачно проговорила Метте. — Если думали, что услышите не это, то прошу прощения. Телефон подложил он уже после того, как все убрали. Он убирал, между прочим. Они мастера все подчищать. Кровь в водицу превращают, растерзанные в клочья трупки ремонтируют искусно. Телефон ваш наверняка он же и нашел, а когда все ушли, подбросил его обратно.

— Откуда вы все это знаете? — выдохнула Фреда.

— Знаю, — мрачно заявила Метте. — У меня свои источники. Приходится обзаводиться поддержкой, если есть нужда вести дела с вампиром, да еще с таким, как Регент. Не говорила бы, если бы не знала наверняка, что он это сделал.

— Зачем? — только и смогла проговорить Фреда, с трудом разлепив губы.

— Да просто все! — воскликнула Метте. — Чтобы не дать вам вернуться в мир людей, изолировать от прежней жизни и использовать ваши таланты для этого их ненормального Ордена. Это их цель. Они так существуют. Нет в их мире простого и нет сложного. Нет плохого и нет хорошего. Как нет Добра и Зла. Есть интересное, выгодное и полезное. Они собиратели, добытчики. Все свое существование они пьют не только кровь, но и сидят на этаким подсосе от прочих интересных, что можно поиметь от людей. Вагнер не с вами с первой так поступает. Вы многих обитателей Цитадели встречали за то время, что находитесь там?

— Никого не встречала, — бесцветным голосом откликнулась Фреда. Она пыталась сосредоточиться, подключить свои инстинкты, интуицию, чтобы хоть на мгновение, неясной вспышкой озарения ощутить — правду говорит Метте или нет. Но все ее инстинкты словно уснули..

— И неспроста. Вам и не давали соприкасаться ни с кем, обрабатывая потихоньку в одиночестве. От других адептов можно получить информацию, которая сбивала бы с толку, породила сомнение, заставила посмотреть на ситуацию по-иному. А вас индивидуально уломали. Это звучит двусмысленно и грубо, но я знаю, о чем говорю. Так они поступают с особо ценными кандидатами в члены их драгоценного Ордена.

— Тогда зачем же Вагнер сам предложил мне уехать из Чехии? — вскинулась Фреда. — Он дал деньги и документы, чтобы я могла уехать и скрыться от этих тошнотных Аспикиенсов! От Ордена! Зачем ему это делать, если он меня собирался и собирается использовать?

— Гм... — нахмурилась Метте, — а вот такой нескромный вопрос — вы с ним кровью обменивались?

Фреда яростно тряхнула головой, и ее отливавшие жемчужным блеском волосы при свете полной луны казались покрытыми инеем.

— Впрочем, можете не отвечать, — поспешно добавила Метте. — Просто знайте: если обмен кровью состоялся, то никуда вы от него не денетесь до скончания века. Вампир-маг способен привязывать к себе человека, даже не обращая его, а только обменявшись с ним кровью. Такова их природа, такова сила их крови.

— Ну, а как же ритуал? — не глядя на Метте, проговорила Фреда. — Ведь, чтобы связь заработала как надо, нужен ритуал...

— Сам обмен кровью — это ритуал. Сама их кровь — это магия. Они с момента создания пропитаны ею. Сила крови всех, состоящих в Ордене такова, что не нужно никаких заклятий и прочей магической шелухи, чтобы создать пожизненную привязку. И, кстати, если обмен состоялся во время секса, то эта связь еще прочнее и полнее. Она уже основана на чем-то более интимном. На мощной индивидуальной энергетической составляющей, которая возникает только при сексуальном контакте. И чем старше вампир, тем сильнее эффект, — мрачно ответствовала Метте.

Фреда нахмурилась, засунула руки в карманы и поежилась на зимнем ветру. Она молчала, сдерживая рвущееся возмущение, решив выслушать все, что ей скажет рыжая нахалка.

— Они так метят особенно интересных из тех, кого хотят сделать себе подобными, — продолжила тем временем норвежка. — Лично мне трудно назвать это любовью, искренней привязанностью или чем-то таким. Почти всегда такие меченые становятся одержимыми своими хозяевами. Кровь вампира-мага на некоторых вообще действует как галлюциноген, как наркотик. Думать о своем хозяине, хотеть его, стремиться к воссоединению снова и снова — вот какими они могут стать. Хотя бывают и редкие исключения. У некоторых проявляется устойчивость, вроде иммунитета. Иногда связь возникает на время, а потом исчезает. А кто-то вообще не усваивает кровь вампира-мага, отторгая её после приема. У вас ничего такого не...? — и она замолчала, увидев, как сверкнули в темноте глаза собеседницы.

— Почему вы все это мне говорите? — процедила Фреда. — Там, в Норвегии вы мне сказали, чтобы я не боялась ничего и... его. Почему сейчас?..

— Потому что тогда я еще не знала всего про вас. Следовало бы, конечно, предостеречь еще тогда, но я не думала, что все с вами так далеко зайдет. Да и вы мне были безразличны. Так, очередное поручение. Ответная услуга за услугу Вагнера. — Метте вскинула голову и оценивающе воззрилась на Фреду. — Вы мне понравились. Я хотела вас предупредить позже, но не успела. Вы не безлика, не овца, какими были все прочие... — Метте замолкла.

— Так вот, что вы имели в виду на самом деле, когда говорили, что я первая за много лет, кого Вагнер направил в такое место... — Фреда, прищурившись, посмотрела на Метте. — До меня были и другие... овцы. Но вы мне так и не ответили, зачем по-вашему он сам предложил мне уехать и скрыться? Я не понимаю...

— Да что тут непонятного! — вспыхнула Метте. — Это проверка вашей связи. Насколько она прочна, как действует. Не будьте вы, в самом-то деле, овцой, Фреда! Вы бы все равно или сами вернулись, или он бы вас без труда отыскал и снова препроводил в Цитадель под свое бледное крылышко.

— Но он предложил мне сбежать еще до того как...

— И вы думаете, что это проявление благородства, которое вы пробудили в его спящей мертвым сном душе? — фыркнула Метте. — Вампиры — страшные хитрецы по своей природе. Это, милая, пиар — ход, чтобы набрать очков в свою пользу, еще больше уверить вас в своем бескорыстии. Заставить вас максимально расслабиться, перестать бояться и сомневаться в искренности его «добрых» намерений и чувств. Так вы действительно расслабились и поверили ему настолько, что улеглись к нему под холодный бочок, надеясь согреться. Добровольно, надо полагать. Он — манипулятор. Они все манипуляторы. Если не зачаровывают, превращая ваш мозг в кашу, так играют с вами, словно кошка с мышкой. На

вас ведь зачарование не действует? Тогда побегайте по крысиному лабиринту, а они понаблюдают. Да не сверкайте на меня глазами! Я говорю с вами откровенно. И если нет еще связи на крови, то все равно что-то есть. Не знаю... Метка какая-то...

— Какая же это... гадость, — Фреду затошнило от отвращения и разочарования.

Она глубоко вдохнула, настраивая себя на равновесие и пытаясь унять бурю в душе и горячку, охватившую сознание. Рука потянулась к Custos'у и... она тут же отдернула ее.

Чем на самом деле был этот амулет? Вагнер сказал ей, что это Хранитель сущности, а эта штука могла быть чем угодно. Возможно, это какой-то Подавитель воли или Контролёр разума. Или что-то вроде отслеживающего устройства.

Послав ее в тот заброшенный дом, Вагнер мог каким-то образом заранее подложить туда эту вещицу, а потом наплести историю про таинственное обретение Хранителя сущности. Устроил ей квест в духе бойскаутских игр «Отыщи клад», а она, как последняя идиотка, купилась и добровольно нацепила на себя эту хрень, как собака ошейник.

Фреда рванула воротник куртки и решительно сняла цепочку с подвеской с шеи. Зажав амулет в кулаке, сунула его в карман, но, передумав, обернулась к открытой машине и, подавшись в салон, перегнулась через водительское сиденье и бросила его в бардачок.

— Не стану спрашивать, что там у вас, — заметила Метте, — но что бы там ни было, если это дал вам Вагнер, лучше от всех его даров избавиться. А теперь, даже если вы мне не поверили, прошу вас, уезжайте из Чехии. Садитесь в мою машину, я переправлю вас в Германию без проблем. А там наши подхватят вас и помогут во всем.

— Наши? Кто это «наши»? — Фреда, стуча зубами, облизнула заледеневшие на ветру губы.

Мысли кружились в голове вихрем. Слушать Метте она больше не желала, но тянула время, чтобы хоть немного прийти в себя.

— Мы подошли к сути нашего разговора. С нашими вы уже встречались. В Норвегии, — Метте не спускала глаз с лица собеседницы. — Волки, помните? Вагнер сказал вам, что я вервольф, но это не совсем так. Я потомок вервольфов и людей-волков. Слышали о таких?

Фреда отрицательно помотала головой.

— Это очень древнее могущественное племя носителей уникальных знаний и способностей. Их немного осталось. Некогда грозный и сплоченный клан распался, и чистота их крови была нарушена связями с другими расами и существами. Вопрос выживания. Говорят, что старейшины клана были так озабочены чистотой крови, что дело дошло до инцестов. И, как следствие, началось вырождение. Чтобы прекратить это и остановить вымирание один из бунтарей покинул клан, нарушил все устои и женился на человеческой женщине. От него началась побочная линия людей-волков. Вот к ней я и принадлежу. Волки в Норвегии, которых вы видели, признали вас своей. Потому я и здесь. В вас течет наша кровь. Вы не помните, кто ваши родители?

— Нет, совершенно не помню.

— В общем-то, это ничего бы не изменило. Наши почуяли в вас родную кровь, это определяется безошибочно, если знакомство с чужаком происходит в ипостаси волка. А значит вы действительно наша. Будь я волком, когда встретила вас впервые, я бы тоже наверняка учуяла родича, принадлежность к нашей расе, — Метте попыталась улыбнуться, но, встретив взгляд Фреды, нахмурилась.

— Почему же они мне не дали понять о нашем родстве еще тогда? Ведь знали, что я там сидела по велению вампира.

— Знали, конечно. Я все рассказал им, и они пожелали на вас посмотреть. Но после этого вы так быстро оттуда сбежали, что мы не успели решить, как лучше с вами поступить, — ответила норвежка. — Вы рванули в Прагу, как ужаленная, а я эти дни искала способ к вам подобраться и все рассказать, пока не поздно. Но все же опоздала.

— Мы вместе возвращались. Вы меня в Цитадель подвозили, — сквозь зубы проговорила Фреда. — Почему даже тогда не намекнули хотя бы?

— Да нечего было намекать, — дернула плечами Метте. — Я же говорю, ничего на тот момент еще не было известно наверняка. Мы не знали точно, кто вы и что с вами делать. Ничего не подготовили, чтобы переправить и укрыть вас...

Она замолчала, отвернувшись и посмотрела куда-то в темноту.

— Я знаю, вам сейчас погано, — продолжила она, — и что вы запутались и не верите ни одному моему слову. Вы сейчас склонны верить своим чувствам и Вагнеру. А мне мерзко, что я вылила на вас ушат холодной воды, но поверьте, если бы не было весомых оснований, я бы не стала ничего подобного делать.

— Стали бы делать и не такое, если бы по каким-то чертовым причинам я вам понадобилась, — огрызнулась Фреда, с презрением глядя на Метте. — Откуда мне знать, может вы хитрее и изощреннее Вагнера и его поганных Смотрящих. Как можно доверять кому-то?

— Верно мыслите, — одобрительно заметила рыжая. — Но тогда просто выберите меньшее зло: стать вампиром и вечность подчиняться извращенным законам мира кровавой магии и мертвецов или рискнуть и направиться навстречу неизвестности.

— И что из этого меньшее зло?

— То, где вы остаетесь сама собой и не будете коротать бесконечность в мрачных вампирских казематах. Так что решаете? Едем со мной? Или рванете в Цитадель?

— Что делать с машиной? — уйдя от ответа, Фреда кивнула на кроссовер.

— Пусть остается здесь. Если она нужна Вагнеру, он ее подберет. Или купит себе десяток новых. Для него это не проблема, — ответила Метте.

— Ну, хорошо, даже если я уеду, как же быть с кровной связью? Вы ведь говорите, что это навсегда.

— Мы знаем способы, как избавиться от этого. Не впервые. Способы непростые, иногда болезненные, но действенные, — уверенно ответила Метте и подбадривающе улыбнулась. — Теперь, когда мы точно знаем, кто вы и что с вами, можно решать вопросы конкретно, а не тыкать пальцем в небо.

Фреду сотрясала нервная дрожь. Она обхватила себя руками и задумалась.

— Ладно, поехали. Вы — зло, Регент — зло. Кажется, я ничего не теряю, а меняю одну головную боль на другую. Только подождите минутку, я хоть в себя приду, — Фредерика ощущала легкое головокружение и угнетающую, высасывающую все эмоции пустоту, образовавшуюся внутри.словно Черная дыра вдруг возникла как раз в том месте, где еще недавно висел Custos — в районе солнечного сплетения. Её сущность определенно испытывала нужду в нем, чем бы он ни был... И теперь ее это безмерно пугало.

— Хорошо. Я все понимаю. Посидите спокойно пару минут, но не больше. Не стоит терять время, чем быстрее мы отправимся в путь и избавим вас от... всего, тем лучше и надежней.

Метте отошла от девушки, направившись к своей машине, стоящей неподалеку. Фреда, пошатываясь, забралась на сиденье кроссовера и сникла, как пустая оболочка.

Ненужная. Обманутая. Выпотрошенная. Опустошенная.

Опустошенная!

В голове словно вспыхнула, взорвалась и опалила перегоревшая лампочка, разлетевшись острыми осколками, ранившими ее сознание. В очереди, состоящей из вспышки, пронзительной боли и поглотившей все темноты, мелькнул и погас какой-то образ. Сердце скакнуло к горлу, потом ухнуло вниз, затрепыхалось, как кролик, пойманный в силки, и Фреда получила подсказку от своей, наконец заработавшей интуиции.

...Метте отошла от девушки, села в седан и, достав из кармана телефон, сразу же сказала в него, не набирая номера и не нажимая никаких кнопок:

— Нас хорошо было слышно? Я сделала все, что смогла. Думаю, можно считать, что задуманное удалось. Она поедет со мной, и я глаз с нее не спущу..

...Лео стоял на крыльце и смотрел, как вместе с сумерками на гору опускается густое и пышное, как взбитые сливки, облако. Вскоре ничего не было видно уже в десятке метров, правда, для его зрения это не являлось помехой. Стало так тихо, словно округу накрыло ватой, холодную кожу вампира стало покалывать от микроскопических капелек влаги.

Лео вернулся в дом. Тайлер стоял у камина, уставившись в свой айфон, Эйвин, как пришитый, сидел на кухне за столом и что-то изучал в своем айпаде. Обоих- человека и вампира- затянуло в мировую информационную сеть в поисках полезных сведений. Вторые сутки они, как одержимые рыскали в Интернете, стараясь разузнать что-то о магии, в частности о ритуале, что был проведен с Фредой и Эйвином в детстве и о его возможных последствиях. Поисковики выдавали миллионы заманчивых вариантов, но почти все вели в пустоту. Дурацкие развлекательные псевдо-магические порталы с тиражированными гаданиями, приворотами. Пугающие своей наглой претензией на достоверность мрачные ресурсы, где якобы, обитали «истинные» маги, вампиры, демоны и прочие. Виканские сайты, форумы, где собирались чокнутые, оторвавшиеся от реальности. Эзотерические магазинчики и онлайн консультации от «настоящих колдунов».

Все это была сушая чепуха, но даже в этом ворохе шелухи они надеялись отыскать ниточку, за которую можно уцепиться.

— Туман опустился неслабый, — заявил Лео, проходя в дом, — как раз подходяще, чтобы покинуть этот гостеприимный остров незаметно. Отправляюсь прямо сейчас.

Тайлер поднял голову и посмотрел на возвышавшегося посреди комнаты вампира.

— Как ты собираешься ее искать? Будешь обнюхивать всю Прагу? — поинтересовался он.

Лео в тысячный раз пожалел, что проболтался о том, что запомнил запах Фреды. Похоже, этот нюанс не давал Вуду покоя. Злил его, раздражал неимоверно.

— Если надо, буду обнюхивать, — бросил ему Лео. — Но есть еще способ, который стоит попробовать. Местный королек. Или Эрцгерцог, как он у них зовется. Он просил меня об услуге, я ему тогда отказал, чем, кажется, обидел честолобивого юнца. Теперь вот вернусь и покаянно предложу свои услуги взамен на его маленькое одолжение.

— Попросишь узнать о Фреде? — спросил Тайлер.

— Предполагается, что да, — спокойно кивнул Лео, — но напрямую спрашивать и о чем-то просить, конечно, не буду. Сначала прошу почву. И есть там еще одна интересная

персона, что может быть полезной. Правая рука Эрцгерцога, его советник, некто Оз. Серый кардинал. С ним тоже можно попробовать поговорить тет-а-тет. Думаю, за определенную сумму он что-то расскажет.

Длинноволосый вампир повернулся и посмотрел на Эйвина, сидящего на кухне в круге света, льющегося из подвешенного к потолку переносного фонаря с длинным проводом. Сегодня Лео запустил генератор, мощности которого им вполне хватало, чтобы вся их немногочисленная электроника исправно работала и подзаряжалась, в доме горел свет, и функционировала микроволновка. Эйвин внимательно смотрел на Лео и слушал его, оторвавшись от экрана планшета.

— Есть там у них еще один занятный персонаж, — подал голос юноша. — Что-то вроде представителя закона и исполнительной власти при правителе.

— Знаю, о ком говоришь, — кивнул Лео. — Но продолжай.

— Зовется он Руперт. Просто Руперт, как кличка собаки, и состоит при Эрцгерцоге Краусе охранником, палачом и еще Бог знает кем.

— Мне все это известно. Что еще?

— Ничего особенного. Просто еще один объект, которому что-то может быть известно. Выглядит крайне злобным и тупым, — юноша развернул к Лео планшет и показал снимок на экране: огромный, как шкаф, субъект, одетый в длинный безразмерный плащ. В руках гигант сжимал тесак, длиной с весло каторжной галеры, а шириной с доску для серфинга. На грубом лице (или скорее морде) никакого внятного выражения, лишь звериный оскал. Глаза угрожающе горели красным. Но во всей позе чувствовалась некая постановочность, рекламность — мол, смотрите и трепещите.

— Колоритный дяденька, — хмыкнул Тайлер, заглядывая в проем кухни и тоже любясь картинкой на экране. — Смотри-ка, Борегар, как раз для тебя задачка. Ты любишь с такими беседы вести.

— Ага, такой «орешек» мне по вкусу. Люблю тупых и могучих, — в тон ему ответил Лео. — Его тоже возьму на заметку.

С этими словами вампир легко взбежал по лестнице на второй этаж и вскоре вернулся, одетый в длинное стильное пальто, под которым был мягкий тонкий свитер и отменно сидящие брюки из дорогой шерсти. Волосы Лео убрал в аккуратный хвост, стянув его кожаным ремешком, в руках держал элегантный мужской портфель-папку из дорогой кожи. Выглядел он как солидный и представительный, но очень молодой бизнесмен.

— Я пошел, а вы продолжайте искать. Следов нигде не оставляйте и будьте на связи, — проговорил он.

Не дожидаясь ответа, Лео открыл дверь на улицу, впусив клубящееся облако тумана в дом, и исчез за порогом, словно растворился в молочно-синей, подкрашенной цветом наступавшей ночи, дымке.

Глава 4. Взгляд в пустоту

Взгляд в пустоту

«— Эти обычные чувства и мысли — источник всех твоих проблем, — заявила она».
(Тайша Абеляр, Магический переход)

Метте отключила мобильник и резко выдохнула. Разговор с Фредой прошел в состоянии азарта, и норвежка только сейчас стала понимать, в чем именно приняла столь действенное участие.

Возможно, стоило отказаться брать на себя столь щекотливую миссию — вмешиваться в чью-то судьбу. Но что сделано, то сделано.

Пора напомнить Фреде, что им нужно ехать. Метте открыла дверцу, вышла из машины и замерла, когда мимо нее, набирая скорость, проехал синий кроссовер BMW, за рулем которого сидела Фреда.

Глядя стремительно удалявшейся машине вослед, Метте снова достала из кармана телефон и набрала номер:

— Она все-таки сбежала. Думаю, едет в Прагу. Мне отправляться за ней? — спокойно проговорила она.

Получив ответ, женщина, спрятала мобильник, уселась за руль своего седана и двинулась в сторону Праги.

Фреда мчалась по шоссе, полностью поглощенная процессом езды. Ни буйства мыслей после откровений Метте, ни паники, ни отчаяния — все это улеглось. Осталась лишь ярость. Она, как вода в горячем источнике — кипела где-то в глубине, норовя выбросить вверх мощный фонтан-гейзер, который опалил бы ее, но, прорвавшись, принес бы некоторое облегчение. Сейчас же эта статичная пылающая «сердцевина» погрузила ее в состояние, похожее на тяжелую лихорадку, затопив и поглотив все прочие ощущения.

Освоившись с вождением, Фредерика маневрировала в потоке машин, как опытный и уверенный в себе водитель. Постоянно поглядывая в зеркало заднего вида, замечала следовавшую за ней машину Метте. Серая Audi маячила позади, и Фреда поднажала, обгоняя несколько машин, увеличивая с седаном расстояние.

Она не даст себя остановить. Ни за что. Она все сделает и решит по-своему, не будет овцой на веревочке.

Въехав в Прагу, удостоверилась, что машины Метте нигде не видно. Кружа дворами и переулками, Фреда проехала к центру и оттуда начала движение с совершенно конкретной целью — найти Цитадель.

Ею руководила только интуиция — в машине не было GPS с заложенным в память маршрутом прямо к главному входу вампирского логова, а Вагнер ей так ни разу даже не намекнул, где приблизительно Цитадель находится. Помня лишь, какие районы они проезжали накануне, двигаясь к выезду из города, Фреда повторяла тот же маршрут в обратном порядке.

Несколько дней назад, когда Метте везла ее из аэропорта путаным путем, они в итоге

оказались в районе старых кирпичных многоэтажных особняков, с тихими улицами и просторными внутренними дворами. Сейчас Фреда медленно ехала, наугад выбирая, куда свернуть и, наконец, въехала в арку между двумя четырехэтажными домами с фасадами, украшенными лепниной и колоннами. Кажется, именно здесь она была с Метте несколько дней назад.

И все же, что за игру затеяла норвежка? Времени, проведенного один на один, им хватило бы на подробную откровенную беседу. Почему она даже не намекнула ей?

Фреда устала гадать и строить предположения, она просто хотела ясности для себя.

В безлюдном внутреннем дворе, похожем на большой колодец, посреди располагался фонтан, вокруг него стояли лавочки, заметенные снегом. Еще одна арка, вела со двора на другую тихую улицу. Именно на той улице обнаружился въезд в подземную парковку, проехав которую до конца, и миновав странный невидимый переход между реальностями, Фреда оказалась в паркинге Цитадели.

Всю дорогу до цели ею руководило уже знакомое чутье, способное отличать истинное направление от ложного, чувствовать в пространстве отголоски магии и подсказывать ключевые точки, с которых начинались ответы на невысказанные вслух вопросы. Скрытый магической пеленой проход в торце парковки был невидим глазу, но манил и звал, обозначившись в восприятии, как маячок.

Остановив BMW, Фреда выскочила из него, громко хлопнув дверью, и быстро прошла к лифту. Оказавшись в холле, она, слушая только свой внутренний навигатор, отбросив сомнения и желание поддаться негодованию и гневу, двинулась путем, которым однажды уже следовала. Неслась по коридорам, минуя повороты, рывком открывала двери и резко захлопывала их за собой, будто перекрывая пути к отступлению. Ноги мелькали по ступенькам лестницы, ведущей на нижний уровень, и вот уже она бежала по каменным плитам темного подземелья Цитадели, туда, где некоторое время назад увидела Вагнера в столбе света. Фреда домчалась до проема, ведущего в каменную залу, и остановилась, переводя дыхание, унимая бешено бьющееся сердце.

Вагнер был там. Босой, одетый только в черные трикотажные штаны, низко сидящие на бедрах, он заканчивал заполнять символами начертанную на полу двойную окружность, то и дело окуная руку в большой сосуд со светящейся перламутром жидкостью. Содержимое каменных чаш, расположенных по кругу, дымилось, и с каждым мгновением дым становился все гуще, превращаясь в плотную, однородную пелену.

Фреда шагнула вперед, проходя в огромное, мрачное помещение, напоминавшее пещеру со сводчатым потолком и высоченными колоннами по периметру.

Вагнер прервал свое занятие, обернулся. Серьезная сосредоточенность на его лице не изменилась, ни один мускул не дрогнул, в глазах ничего не отразилось.

Сердце девушки сжалось

— Фреда, — проговорил он, направляясь к ней. — Ты вернулась.

Гордо выпрямленная спина, разворот широких плеч, твердые мускулы груди и пресса — он двигался с неторопливой и надменной грацией хищника, уверенного в своей силе. Четко очерченные губы не выдали ни намек на улыбку или недовольство. Ничего.

Она предпочла бы увидеть на лице Вагнера удивление, горечь, досаду, злость, ярость. Что угодно, только не это мертвое безучастие.

— Вернулась, — эхом отозвалась она, стараясь сдержать дрожь в голосе.

Он подошел ближе, не сводя с нее потемневших до черноты глаз.

— Рад видеть тебя, — сказал без намека на радость. — А сейчас иди к себе, отдохни. Позже увидимся.

— Ты... ты только начинаешь? — спросила она, кивнув в сторону круга.

— Я готовлюсь. Прошу, Фреда, ступай. Тебе не нужно быть здесь, — твердо сказал он.

Фреда не двинулась с места.

— Можно мне остаться? Я не буду подходить, не стану мешать, буду стоять здесь, тихо, как мышь, — она зачарованно смотрела на все ярче светящийся круг. Символы переливались от сумрачно-серого до ярко-бирюзового, выравнивая свое сияние в сине-голубом спектре, соединяя его в единый световой столб.

— Нет, — отрезал вампир. — Ты должна уйти. Это не для тебя и не для твоих глаз.

— А что для меня? — спросила, поднимая на Регента влажные зеленые глаза. Они казались глубокими заводями, полными печали.

— Не понимаю вопроса, — лицо Вагнера осталось непроницаемым, напоминая прежнего Голема. Нет, не прежнего — истинного.

Он им был всегда и оставался сейчас.

— Забудь, — обронила Фреда. Она на миг прикрыла глаза, не давая заполнявшему ее отчаянному разочарованию излиться в потоке ненужных слов или еще хуже — слез.

— Что случилось? — нахмурился Вагнер. — Что произошло за те несколько часов, что мы не виделись? Я чувствую твоё настроение — ты беспокойна, встревожена. Почему?

— Чувствуешь моё настроение? Это... кровная связь, которую мы создали?

— Вампиры считывают эмоциональное состояние людей и других существ и без кровной связи. Я уже говорил тебе, — голос Вагнера стал заметно холоднее, тьма заполнила взгляд. — А кровная связь усиливает восприятие.

— Пусть так, — выдохнула она, — тогда скажи, когда тыкрепишь нашу связь ритуалом? Не хочу, чтобы обмен кровью был напрасным, и я досталась бы кому-то из Смотрящих.

— Ты не достанешься никому из Смотрящих, не бойся. Поверь мне, мы успеем провести ритуал, время ещё есть. — Вагнер изучающе смотрел на неё. — Ты поэтому так разволновалась?

— Да, и поэтому тоже, — кивнула, чувствуя себя почти хорошо, от того, что смогла сдержаться и не дать бушующим эмоциям проявиться в полной мере. Не сейчас, ещё не время. Она должна выяснить ещё кое-что.

Нет, даже не выяснить, а прочувствовать на себе.

— Не волнуйся, мы все сделаем, как нужно. Ступай к себе, а я должен начать, иначе придется проводить подготовку заново, а это весьма хлопотно и занимает много времени, — нетерпеливо сказал вампир. Он направился к кругу. — Уходи, Фреда — бросил на ходу, полуобернувшись, и она заметила тень гнева на его лице.

Свечение символов тем временем превратилось в один мощный и яркий столб света, льющегося под своды залы и тонувшего где-то высоко во мраке. Послышался ровный гул, словно заработали невидимые турбины, и воздух вокруг светового столба завибрировал.

Фреда попятилась назад, и, выходя из залы, увидела, как Вагнер остановился у границы круга, замер, опустив голову и коснулся пояса брюк. Одно движение и единственный предмет одежды, бывший на нем, упал на каменный пол, оставляя вампира обнаженным.

Фреда сделала пару шагов по коридору, но тут же решительно развернулась.

— Я никуда не пойду! Я остаюсь, пока ты делаешь это! — крикнула, забегая снова в

зал. — Что бы ты этим не делал, — добавила тише.

Вагнер, только вступивший в круг, резко обернулся на ее голос. Лицо его неузнаваемо исказила гримаса ярости, тело напряглось. Он зарычал, как зверь, который еще не бросился, но предупреждал, чтобы от него держались подальше.

— Убирайся! — рявкнул он, стоя в круге. Его тело плотно «обнимал» свет, затекая даже в глаза, прорезая темное индиго белесыми грозowymi вспышками. Когда он крикнул, сияние вырвалось из его рта, словно он резко выдохнул сгусток, похожий на шаровую молнию. Свет пропитывал тело вампира, проникал внутрь него, и это было жутко и завораживающе одновременно.

«Я не должна уходить! — твердила про себя Фреда. — Мне нужно остаться, чтобы... чтобы понять». Хотя она сама толком не знала, что должна понять.

...Сидя в машине на шоссе после всего, что рассказала ей Метте, Фреда чувствовала лишь пустоту. Словно из нее разом с силой вырвали все, чем наполнилась ее жизнь последнее время.

Прежнюю себя она уже почти забыла, начиная привыкать к тому, как круто все изменилось для нее и в ней самой. Возникший на пути Вагнер вызывал не однозначные, но понятные чувства, в которые она сначала не хотела верить. И дело здесь вовсе не в его притягательности, не в том крышесносном сексе, который у них случился. Не бывает такого притяжения между существами, такого волнения, зарождавшегося внутри самого естества, если дело только в сексуальности. Это было похоже на страстную нужду друг в друге, на потребность давать, а не забирать, на готовность доверять и немного... на любовь.

Если только все это не порождено магией.

А ведь был миг, когда она засомневалась, а он почувствовал это и поспешил разуверить в том, что нет ничего магического в происходящем между ними. Она тогда поверила безоговорочно. И верила до того момента, пока Метте не развернула ее веру на 180 градусов. Неужели и, правда, все ее чувства к Вагнеру ни что иное, как искаженное магией, искусственно вызванное восприятие?

В машине она решила, что изолирует себя от всех, кто влияет на нее. Нет, не сбежит и не спрячется где-нибудь на необитаемом острове, а выстроит внутри себя собственную Цитадель, в которую откроет ход только для себя самой, для своих решений и своих выводов. Пока не разберется, что есть правда для нее, а что — навязанное извне, искаженное состояние разума и души.

Не исключено, что Вагнер, отравленный магией крови еще при обращении, мог и не сознавать того, что чувствует девушка, того, как она пытается мыслить. Он был настолько самоуверенный в своем опыте и мощи, что не станет особо волноваться о том, что она начнет пробираться к истине собственными путями, невзирая на то, что эти пути ей заказаны. Он наверняка уверен, что ей это не под силу. Она же плевать хотела на все его правила, привычки и самоуверенность.

И на все законы и запреты мира, к которому он принадлежал.

Если он войдет в этот столб света, она войдет с ним. И выяснит, что там происходит, что можно почувствовать, что увидеть. Если этот процесс лишит ее всех чувств, эмоций, воспоминаний и даже частицы ее самой, то пусть так и случится. Опустошенная, силой затянута в мир, где все искажено, где нечему и некому верить, она начнет все заново. Станет сильнее, наберется опыта. Но не будет покорной и молчаливой. А если потребуется

навсегда принять недоверие, как основу нового существования, она сделает и это. Недоверие не так уж и плохо, оно способно помочь избежать горьких разочарований.

Её используют? Что ж, она попытается извлечь пользу из обстоятельств, стать мудрее и сильнее. Закалиться и обрести броней, под которую никто и никогда не заберется.

Фреда вернулась в Цитадель, вспомнив рассказ Вагнера о том, как он вынужден избавляться от мыслей и эмоций, относящихся ко всему, что хочет скрыть от Смотрящих и Магистров, от всего чуждого вампирам-магам. Ритуал Опустошения, как он называл его. Зачем он ему, если на самом деле никаких недозволенных чувств и порывов у него нет? Он врал либо ей, либо Аспикиенсам. Либо это парение в столбе света нечто совсем другое, о чем она представления не имела. Может, это не опустошение никакое, а сеанс связи со Смотрящими или Магистрами.

Почему-то ее сознание прицепилось к этому, упорно и навязчиво, побуждая узнать больше. Фреда привыкла слушать свой внутренний голос, послушалась его и на этот раз. Пока еще предчувствие ее не подводило.

— Я сказал, убирайся отсюда немедленно! — оглушительный рык вампира исторгся из самых глубин природы Вагнера, слился с гулом, исходящим от столба света и превратился в звуковую волну, докатившуюся до Фреды и едва не сбившую ее с ног.

— Не уйду! — она прижалась к стене, благодаря холодный камень за поддержку. — Мы связаны с тобой, помнишь! — дерзко крикнула она, с вызовом вскидывая голову. — Мы обменялись кровью. Меня теперь прет от тебя, как от косяка. Ты же сам говорил, что Аспикиенсы все узнают о нас и тогда будет очень плохо, и что я должна буду делать то же самое, что столетиями делаешь ты, защищая свои секреты. А я не хочу, чтобы они узнали мои секреты. Хочу научиться жить, как живешь... существуешь ты. Хочу к тебе, туда.

Она вскинула подрагивающую руку, указывая на столб света.

Вагнер пару секунд стоял, вперившись в нее горящим взглядом, сжимая челюсти. Через сомкнутые губы проглядывали удлинившиеся клыки.

— Хочешь сюда, ко мне? — он шагнул из круга к ней. Голос его, казалось, был соткан из жестких и колючих кристаллов льда. — Что ж, давай, — сказал вкрадчиво, и это по-настоящему напугало Фреду.

Она невольно поднесла руку к груди, желая коснуться Custos" а, но вспомнила, что оставила его в бардачке машины. Вагнер метнулся к ней, схватил за предплечья, стискивая пальцы до боли.

— Ты дерзкая и упрямая, упорно не желаешь понимать, чего стоит бояться и к чему нужно относиться с большим почтением. А от чего необходимо держаться подальше, не требуя объяснений, а просто приняв, как данность, — он встряхнул ее, как куклу. — Давай, малышка Фреда, окунись вся без остатка в мой мир. Будем считать, что ты окончательно сделала свой выбор. Самостоятельно. И дороги назад нет.

Она молчала, объятая ужасом от того, что видела перед собой того самого мужчину с которым совсем недавно добровольно делилась жизненной энергией, теплом своего тела и души. Того, кому готова была дарить слова, полные самых искренних чувств. И шептала их, захлебываясь восторгом и блаженством.

Сейчас перед ней стоял Некто неузнаваемый, холодный и безжалостный. Она смотрела на застывшее в гневе лицо, с оскалом безупречно белых зубов с выступающими, как у тигра, клыками. Глаза казались налитыми темной кровью и ненавистью. Вагнер прикасался к ней,

и его пальцы прожигали сквозь слои одежды невыносимым холодом, как сухой лед. И сердце Фреды, вместо того, чтобы биться чаще от волнения и страха, замедлило ритм, словно поток крови, бегущий по венам, застывал от идущего от Вагнера запредельного холода.

Не дав ей опомниться, Вагнер рванул Фреду за собой, грубо подтаскивая к магическому кругу. Столб света загудел громче, басовитей, дым в каменных чашах за клубился, становясь похожим на пепельные облака, курящиеся над вулканами.

Фреда вздрогнула, когда от одного движения руки вампира ее одежда и обувь отделилась от тела и ворохом упали на пол. Ошеломленная, она стояла на ледяных камнях пола голая и босая, не понимая, каким образом это произошло.

— Ты все еще хочешь туда? — хватая ее за запястья и подтаскивая к себе, прорычал Вагнер.

Фреда упрямо кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

На его лице возникла злая и голодная усмешка. Не стирая этого выражения и не сводя с Фреды глаз, вампир резко поднес ее руку ко рту и глубоко вонзил в запястье клыки. Не обращая внимания на ее крик боли, Вагнер грубо перевернул и сдавил девичью руку, позволяя крови из ранок стекать в центр круга. Кровь тонкими багряными нитями медленно растекалась от центра в стороны, добираясь до символов, смешиваясь с ними, проникая в них и исчезая.

Вагнер снова по-звериному безжалостно прокусил тонкое запястье Фреды, намеренно причиняя больше боли. Поняв это, она сдержала крик, лишь зажмурилась крепче и стиснула зубы. Регент обходил чаши, грубо таская Фреду за собой, и в каждую сцеживая немного ее крови, и дым над курильницами становился все гуще.

Вампир шагнул в круг первый и рывком затащил в него Фреду. Он замер, переместил руки с ее запястий на плечи и, неожиданно притянув к себе, впился холодным и жестким, испачканным кровью ртом ей в губы. Фреда всхлипнула, запрокидывая голову назад, открывая незащитную шею. Вагнер рычал, царапая ее губы клыками, грубо проталкивая в рот настойчивый и жадный язык. Она не сопротивлялась, не вырывалась, и когда он отпустил ее, лишь дрожала всем телом, охваченная отчаянием и болью.

Смотрела в искаженное неистовым голодом лицо Вагнера, встретив его полный ярости взгляд.

Фреда почувствовала, как ноги отрываются от пола, и она поднимается вверх, будто что-то сначала подтолкнуло её снизу, а затем зафиксировало в парящем положении, лишая свободы движения.

Вагнер завис напротив нее. Он закрыл глаза, подсвеченное сиянием круга лицо вампира застыло. Он превратился в статую — неподвижную и безжизненную. Голова Фреды закружилась, она зажмурилась, вдруг почувствовав себя уязвимой, абсолютно незащищенной перед какой-то силой, неподвластной пониманию. Эта сила сначала с любопытством взидала на нее, прощупывая с нездешним холодным всепроникающим вниманием каждый ее нерв, каждую клеточку обнаженного тела и открытой перед неизвестностью души.

Разом лишившись всех пяти чувств, Фреда окунулась в пустоту. Функционировало только ее сознание, которое в панике искало способ дать привычные определения тому, что происходило. Но ничего даже отдаленно привычного во всем этом не было.

Нечто необъяснимо чужеродное бесцеремонно и напористо проникало в нее, перебирая ее мысли и каждую эмоцию, как четки, выискивая что-то среди них. Каждое такое «прикосновение» вызывало поначалу дискомфорт, затем превращалось в болезненные

уколы, и вот уже Нечто, отыскав что-то в ней, цепко ухватилось за это и рвануло. Кровь и боль окутали сознание, опалая каждый нерв. В глубине сущности зародился крик, который она не могла исторгнуть, лишенная такого права.

Что отняли у нее так грубо? Воспоминание? Чувство? Какой она будет без этого, с незаживающей кровоточащей раной, оставленной взамен?

Снова включился жадный поиск. Нечто искало, чем бы поживиться, запуская липкий страх в ее душу и сердце, как хирургический инструмент, ковыряя им, надрезая, делая уже не просто больно, а невыносимо, нестерпимо. Лишенная возможности сопротивляться, Фреда переносила непереносимое, отвечая на действия неизвестной силы внутренним противостоянием: своего рассудка, своей воли и всем тем, чем так дорожила. Даже если она лишится своих чувств, даже если ее тело и разум покинет память об этих чувствах, она все равно останется собой.

И не уступит никому того, во что верит.

Неведомая сила замерла на миг, заинтересовавшись противоборством Фреды. Ледяное любопытство сменилось намерением проверить на прочность. «Острие» вошло в сердце глубже, подцепило там что-то, рвануло, отделяя нечто ценное от самой человеческой сущности...

В эпицентре нестерпимой боли где-то в глубинах сознания, возникло чернильное облако ужаса и растеклось, затапливая ее всю...

Затем что-то потянуло вверх, в бесконечность. Там должна быть Свобода. Избавление. Или Смерть, что сейчас приравнивалась к Свободе и Избавлению. Только бы это кончилось...

Движение вверх вдруг прекратилось и Фреда, очутившись на неведомой высоте, полетела вниз.

... Она очнулась на холодных плитах пола в темном зале подземелья Цитадели.

Лежала, не имея ни желания, ни сил даже дышать. Сознание включилось почти сразу, сердце билось медленно, устало, но билось, значит, она жива. Рука вцепилась во что-то. Фреда попыталась повернуть голову, преодолевая не боль, а отсутствие умения двигаться — попытка движения расценивалась телом, как нечто чужеродное.

Её изменило настолько, что она уже совсем не она?

Однако движение все же удалось, и она затуманенным взглядом увидела, что рука ее лежит на ворохе собственной одежды.

Чувства возвращались постепенно, но все же возвращались. Она могла видеть, и уже ощущала свое дыхание и слабый стук сердца. Она слышала тишину и чувствовала холод камня под собой. Обоняние улавливало легкий запах дыма и крови. В зале было тихо и пусто. Вагнер исчез, исчез светящийся круг и столб света. В чашах больше не курился дым.

Фреда приподнялась, прикусив до боли губу. Но этой боли она даже обрадовалась — она жива и все еще чувствует себя той самой Фредой. Так что же изменилось?

Ответом на ее мысленный вопрос стало четкое осознание — что-то вторглось в потаенное хранилище ее разума и души, где обитало самое дорогое, ценное. То, что никогда не подвергалось никаким сомнениям и изменениям. Теперь ее «сокровища» отсутствовали. Все исчезло, было вырвано насильно, развеяно в неизвестности. Она все помнила, знала, чем именно обладала, но больше не владела этим.

Пустота вокруг, пустота внутри. Невыносимая, кровоточащая, незаживающая.

Фреда села, опираясь на дрожащую руку, и завывала, как раненое животное.

...Она не могла подняться еще довольно долго. Сидя на полу, кое-как надела джинсы и пуловер, обуться не сумела — не справилась с задачей натянуть сапоги. Поднялась на трясущихся ногах, подхватила оставшуюся одежду и поплелась из темной залы.

По дороге раз пять опускалась на пол и отдыхала, переводя дыхание, затем вставала и двигалась снова, держась за стены.

Не было ни мыслей, ни желаний, ни эмоций: в душе и сознании осталась выжженная пустыня, реальность воспринималась, как мираж. Тошнота подступала к горлу и сводила спазмами живот.

Фреда добралась до своей комнаты, где бросила одежду прямо у двери, рухнула на кровать и мгновенно провалилась в сон, похожий на вакуум.

Не проснулась, а очнулась, будто вышла из затяжной комы. Состояние ее почти не изменилось, двигаться было все так же сложно. Она сползла с кровати и, шарахаясь от стены к стене, побрела в ванную. Вид "фарфорового друга" организм воспринял, как приглашение — Фреда рухнула на коленки перед ним, и ее вывернуло наизнанку. И еще раз, и еще... Пока исторгала свои внутренности, в голове проносились картинки-вспышки — раскадровка всех последних событий.

Душ и чистка зубов привели в чувство, но снова отняли силы. Переодевшись в чистое, Фреда снова упала на кровать и пролежала без движения, глядя в потолок еще какое-то время.

Чуть оправившись, поднялась, все еще ощущая слабость.

Неужели Вагнер, оказываясь в круге, каждый раз ощущает такое?

Или это представление специально для нее?

Фреда содрогаясь и отчаянно борясь со вновь подступившей тошнотой, подошла к одежде, брошенной на пол. Обыскав карманы, не обнаружила телефон. Не было и сумки — ее она, скорее всего, забыла в машине.

Двигаясь медленно, но уже довольно уверенно, накинула куртку и вышла из комнаты.

Она обошла все запутанные коридоры Цитадели, побывала в библиотеке, сжав зубы, снова спускалась в подземелье. Телефон так и не нашла, как и следов пребывания Вагнера. Камин в библиотеке не горел, а пепел давно остыл.

Фреда спустилась в паркинг. BMW стоял на том же месте, где она его оставила.

Забравшись на водительское место, обнаружила свою сумку, лежащую на сиденье рядом. Телефона в ней не было, зато нашелся небольшой квадратный конвертик с запиской внутри:

"Пивоварня Страговского монастыря, 21 час, сегодня"

Фреда взглянула на часы на приборной панели автомобиля, показывавшие двадцать две минуты девятого.

Она поедет по указанному адресу, хотя и понятия не имела, от кого записка. Но что-то ей подсказывало, что это снова была Метте, и на этот раз Фреда не станет сбегать от нее. Все, что хотела, она выяснила для себя.

Кроссовером она воспользуется только для того, чтобы выбраться из Цитадели и отъехать подальше, а потом поймает такси.

Custos по-прежнему был в бардачке. Фреда сгрэбла амулет и бросила в сумку, сама не зная, зачем это делает. На его место положила конверт, оставленный Вагнером с

документами и деньгами. Проверила свою наличность — не густо, но на такси и кружку пива хватит.

Повернув ключ в зажигании, направила машину на выезд из кошмара.

Глава 5. Безграничное терпение, вечное ожидание

Безграничное терпение, вечное ожидание

"Когда в запасе вечность, думаешь, что не совершишь ошибок. Но это не так".
(сериал «Быть человеком»)

Некоторое время назад

...Вагнер задержался, сидя в Синей гостиной в окружении теней прошлого и неясных призраков настоящего.

Все, что с ним происходило здесь и сейчас, не являлось просто воспоминаниями. Он не вспоминал, а ощущал, что его экзаменовала сама извечная и изначальная Природа, законам которой он беспрекословно подчинялся. Его проверяли на прочность убеждений, на целостность его сущности, усугубляли сомнения, давили на болевые точки, бередили старые раны и наносили новые. Он уперся в непроницаемую стену, и пройти дальше можно было, лишь дав ответ по всем пунктам.

Столетия назад

... Рейнхард не знал сколько времени миновало с того момента, как он был обращен. Он утратил всё, кроме способности мыслить. Но с большим удовольствием погрузился бы на самое дно забвения, распрощавшись с рассудком.

Спасительное забвение не приходило, наоборот, все чувства возвращались многократно обостренными, и он стал походить на оголенный нерв.

Оказавшись насильственно перемещенным из мира живых в мир тьмы, после мучительного периода адаптации в новой ипостаси, Рейнхард потихоньку уравнивал себя в новом состоянии, что, однако не было смирением.

Он довольно быстро научился держать под контролем жажду крови и теперь изучал еще одну способность, что даровала ему его новая природа вампира — магию. Но не ту магию, которую он так осторожно практиковал, будучи человеком, обдуманно и взвешенно пользуясь книгами, а истинную Силу, Энергию Всего на Свете, заложенную в Бытие и Небытие, которая не может быть прописана словесно и обличена в заклинания-правила.

Магия была в самой его крови, изливалась с кончиков пальцев, сочилась из пор, извергалась в случайных движениях. Она поначалу не поддавалась осмыслению и контролю, но Вагнер быстро осознал это и начал учиться управлять ею.

Смотрящих заинтересовала способность новообращенного так осмысленно подходить к особенностям его изменившейся природы. Они с любопытством следили за его очевидными успехами в покорении специфических проявлений натуры вампира-мага. У подавляющего большинства на овладение контролем уходили десятилетия, либо они не достигали его вовсе. Новичок стал справляться уже несколько месяцев спустя.

Обретя более или менее уверенную способность управлять своей изменившейся сущностью, однажды он смог уловить момент и как-то ночью, когда Смотрящие в полном

составе отбыли по каким-то важным делам, пробраться на территорию маленького фамильного замка оставленной им семьи. Он хотел только убедиться, что его родные ни в чем не нуждаются. Если повезет, мимолетно взглянуть на жену, официально считавшуюся вдовой, и на осиротевших детей. Увидеть отца, если тот еще жив. И мать. Всех.

Он преодолел расстояние от Вены до Линца в считанные минуты. В ночи беспрепятственно приблизился к замку, окруженному тишиной и темнотой, и остановился в густой тени, глядя на темные окна и не решаясь к ним приблизиться. Вскоре бесшумно открылась одна из дверей, ведущая в подсобные помещения усадьбы, и оттуда кто-то вышел, опираясь на трость. В согбенной фигуре Вагнер узнал своего постаревшего отца.

Вампир застыл в тени деревьев, желая остаться незамеченным. Он почувствовал одновременно и боль, и облегчение: отец жив, но подходить к нему нельзя. Ожидая, что Вагнер-старший скоро уйдет, Рейнхард сжал кулаки, боясь не сдержаться и окликнуть старика.

— Сын... — словно в ответ на его мысли тихо раздалось в ночи. Слабый голос Игнациуса прозвучал так неожиданно, что вампир едва не рванулся с места.

— Сын, я знаю, что ты здесь, — старик не видел его, но совершенно определенно знал о его присутствии. — Я знаю, что ты слышишь меня. Покажись, прошу. Я ждал тебя все эти месяцы, ждал каждую ночь. Мне так много нужно сказать... Рейнхард, прошу, это крайне важно. Я так страшно виноват перед тобой и хочу хоть что-то исправить... Прощу, покажись, поговори со мной.

— Откуда ты узнал, что я здесь? — Рейнхард выступил из тени.

— Я поставил метки по периметру усадьбы, — срывающимся от волнения голосом проговорил старик, делая навстречу сыну несколько неверных шагов. — Когда ты пересек их, я получил сигнал о твоём появлении. Это несложная магия. И не опасная.

— Ты не исправим, отец. Если Смотрящие узнают, что ты снова практикуешь магию, они выполнят свои угрозы, — сжав зубы, горестно проговорил Рейнхард. — Ты забыл? Они угрожали всей семье. Они не лишили тебя памяти потому, что ты не должен забывать этого. Никогда.

— Я ничего не забыл, — обреченно покачал головой старик. — И я больше не практикую, а метки не являются чем-то непозволительным. Они не больше, чем... — старик поднял голову, и указал куда-то вверх, на остроконечную крышу центральной башни усадьбы, — ...чем флюгер на крыше. Только подаёт сигнал о приближении вампиров. Тебя, сын... Я ждал тебя... — повторил старый лекарь.

Рейнхард не мог задерживаться долго, не должен был вступать в контакт ни с кем, даже с отцом, который знал его истинную судьбу. Он какое-то время смотрел на морщинистое лицо старика.

— Моя семья? Жена? Дети?

— Они живы, здоровы и ни в чем не нуждаются, — быстро проговорил отец. — Твоя мать, братья и сестра тоже здравствуют. Не волнуйся... сын, — дрожащая рука поднялась и потянулась к нему, но старик отдернул руку, увидев, как заледенело лицо того, кто когда-то был его сыном. — Прости меня, Рейнхард. Прости, если можешь. Позволь мне сказать тебе то, что я должен сказать.

— Я должен идти, — Вагнер медленно отступал в тень, — мне нельзя было приходить сюда.

— Постой! — в голосе старика звучала боль. — Послушай меня, Рейнхард. Есть кое-что,

что ты должен знать.

Рейнхард замер.

— Все это время после твоей... после того, как... — старик задохнулся, не в силах произнести правильных слов. — После всего, что ты вынес из-за меня, я больше не занимался магией и алхимией. Больше не проводил своих изысканий. Лаборатория сгорела вместе со всеми плодами моего многолетнего труда — записи, книги, свитки... Все было уничтожено Смотрящими... они пригрозили мне смертью родных, если я снова начну свои опыты... Я поклялся ничего не делать и клятву сдержал. Но все это время я пытался по памяти восстановить то, чем занимался все долгие годы поисков. Я делаю новые записи и...

— Не смей этого делать, отец! Они узнают и не пощадят, — процедил сквозь зубы Рейнхард.

— Я знаю... знаю. Поэтому я записываю все, что удастся вспомнить, и тут же сжигаю это... в результате кое-что, остававшееся скрытым для меня все это время, вдруг стало обретать иные, более ясные очертания. Слушай меня, сын, и запоминай.

— «Одна сущность обнаружится в другой сущности, одна сущность возобладает над другой сущностью, одна сущность подчинит другую сущность», — торопливо заговорил старик. Дыхание его сбивалось, Рейнхард слышал, как глухо и быстро стучит изношенное сердце, как со свистом и хрипами проходит воздух через легкие. — Это ключ ко всему, сын! Нужно найти сущность, с которой можно образовать равновесие. А для этого необходимо создать Эгрегор* Изменения сущности.

— Отец! — оборвал старика Вагнер. — Ты бредишь. Остановись. Я должен уходить, а ты возвращайся в дом...

— Нет! Я в здравом уме, — с чувством воскликнул ученый. — Я знаю, что больше не увижу тебя и это единственный шанс сказать все, о чем я узнал. Тот вампир... я мучил его, а он насмехался и цитировал, не переставая... Он упоминал «Алхимию изменяющейся жизни» и многое другое. И это не просто цитаты из древнего учения, это — истина. Изначальная истина всего. Сущность можно изменить, если найдется что-то или кто-то, способное отделить от себя то, что возобладает и подчинит. Вампиру можно стать иным, если соединить его естество с чем-то живым, создать новое равновесие и поддерживать его. Для этого и нужен эгрегор.

— Что такое эгрегор? — бесцветным голосом спросил Рейнхард, не понимая, почему еще не перестал слушать старческий бред свихнувшегося от горя отца, и не ушел, заставив старика забыть обо всем.

— Эгрегор — это некая сила, чистейшая энергия, которая несет в себе заданную информацию, предназначенную для строго определенной группы существ. Эгрегор создается для четких целей и задач, которые будет строго выполнять, оберегая посвященных. Вампир и человек, например, могут создать такой эгрегор. Они могут объединить свои сущности, обменяться ими, разделить свои специфические особенности, сотворить новое равновесие и затем поддерживать его. Вампиры были когда-то людьми. Человеческая суть в вас... в них находится в бессознательном, летаргическом состоянии, но она не мертва окончательно. Я неоднократно убеждался в этом, проводя свои эксперименты. Нужно только найти способ разбудить, восстановить и затем сохранять её. Этот процесс и есть алхимия изменяющейся жизни.

— Где же найти этот всемогущий эгрегор? — мрачно усмехаясь, прошептал Рейнхард, к ужасу своему, чувствуя, что в словах отца действительно может скрываться та самая истина.

— Его нельзя найти, он не материален. Его создают при помощи желаний, энергии, силы, мудрости, и лишь тогда он становится чем-то почти реальным, — печально и тихо проговорил старик, качая головой. — И сделать это могут только те, кто совпадает в своих целях полностью. Только те, в ком нет противоречий и колебаний. Кто готов жертвовать и принять жертву. Рейнхард! — горячо зашептал старый ученый, — найди способ сделать это.

— Как?! — прорычал вампир. — Где искать того, кто захочет разделить свою сущность с вампирской?! Как узнать, кто сможет создать этот эгрегор?

— Я не знаю, — в бессильном отчаянии прохрипел старик, — но я уверен, что ты сможешь узнать. И тогда можно будет исправить... хоть что-то.

Игнациус снова потянулся к сыну.

— Ты должен защищать в себе свою человеческую природу, пусть она и покорена сейчас вампирской. Не позволяй ей окончательно зачахнуть и исчезнуть. Береги то, что дано изначально. Все еще может измениться, и ты будешь снова жить... Однажды такое уже случилось с тобой и твоей матерью. Поэтому ты такой особенный. Это не должно быть просто так. В этом есть смысл...

— Отец, ты не понимаешь, о чем говоришь, — прорычал Рейнхард, чувствуя, как рушится контроль, которому он так тщательно учился. — Нет никакого смысла, нет никакой возможности сохранить человечность. Жажда пожирает все... убивает... выжигает изнутри, превращая в оболочку, наполненную лишь остывшим пеплом... И это все, что остается от человечности... И от моей особенности.

Поняв, что сделал старому отцу невыносимо больно своими словами, обрисовав свои муки, Рейнхард сжал кулаки, стиснул зубы, чувствуя, как удлинившиеся клыки протыкают нижнюю губу. Ужас и отчаяние отразилось на лице Вагнера-старшего. Тот в свою очередь тоже осознал, что заставил сына надеяться на несбыточное, поколебал и без того шаткое равновесие, разрушил смирение и обретенный контроль. Может быть, стоило оставить все, как есть, не обрекая Рейнхарда на бессмысленные поиски способов бороться с уже свершившимся?

— Борись за каждую частицу... — все же прошептал старый ученый, отогнав мысли о смирении. Как врач он знал — чтобы излечиться, нужна решимость и настойчивость. Сдаваться нельзя. — Помни о том, что было дорого, что делало тебя необыкновенно добрым и милосердным. Ты врач, найди в себе силы и средство исцелять свою человеческую суть. Иногда лечение бывает крайне болезненным, но тебе ли этого не знать... И еще вот, возьми это, сын...

Сухие горячие руки старика коснулись ледяных пальцев Рейнхарда, что-то вложили в них.

— Что это? — равнодушно спросил Рейн, глядя на лежащую у него на ладони маленький продолговатый флакончик из темного матового стекла.

— Это частица тебя. Твоя человеческая кровь. Я сохранил ее с того раза, как мы с тобой занимались изучением свойств крови. Помнишь? — проговорил Игнациус. — Сбереги ее. Возможно, когда-нибудь ты найдешь ей применение.

Вагнер-старший помолчал и добавил:

— Ты должен помнить тот раз, когда я помог эрцгерцогу Родерику вернуть прежние силы и омолодить его организм. Помнишь, что я сделал?

— Помню, хотя был совсем мальчишкой, — отозвался Рейнхард. — Ты провел какую-то процедуру, соединив алхимию, магию и медицину. Ты заставил некую силу забрать у

эрцгерцога его немощь и наступающую старость. Ты очистил его, опустошил и будто бы наполнил вновь — здоровьем, молодостью.

— Заставь и ты эту силу забирать у тебя то, что тебе не нужно, — отозвался старый ученый.

— Что это за сила такая? — снова горько усмехнулся вампир. — Как достучаться до нее?

— Эта сила — сама природа, Вселенная. Она создала все сущее. Она владеет всем и заключает в себе всё. Она бесстрастна, но способна услышать твой зов. Проси у нее помощи и отдай все, что тебе мешает. Ты обладаешь всеми нужными знаниями, чтобы научиться делать это с собой. Но помни — иногда стоит отдать что-то очень дорогое, чтобы не допустить большего разрушения...

— Я уже отдал все, что мне было дорого, — прохрипел Рейнхард, прерывая отца. Он бросился вперед и схватил старика за плечи.

Вампир заставил отца забыть все, что он ему наговорил и стер из его памяти свой визит. Но сам ничего не забыл. Слова старого ученого навечно отпечатались в его мозгу. И с годами сказанное стариком только приобретало новый смысл, подтверждая, что тот был прав.

Сначала, следуя советам отца, он научился чувствовать себя созданием природы, и отдавать Вселенной часть себя, получая взамен возможность обновления и не становиться просто мертвой оболочкой.

Он добровольно отдавал то, что было особенно ценно — чувства, воспоминания, эмоции — но зато никто не мог больше узнать его секретов, и ничья злая воля не могла насильно лишить его того, чем он дорожил. Опустошенный, но очищенный, он все воссоздавал в себе снова, словно начинал чувствовать и существовать с нуля.

Ритуал не лишал памяти, но скрывал ее, словно вырывал страницы, с которых можно было считывать информацию. Затем страницы добавлялись вновь.

По прошествии столетий и другие слова Вагнера-старшего в некотором роде подтвердились даже с научной точки зрения, когда в 19 столетии был сформулирован принцип гомеостаза**.

Именно способность систем сохранять постоянство своего внутреннего состояния, восстанавливать и поддерживать равновесие и имела в виду Вагнером-старшим еще в 14-м веке. А если учесть, что поддержание гомеостаза подразумевает механизм обратной связи, то вывод отца о том, что некто живой может вызвать в мертвой природе вампира необходимые процессы для изменения (или оживления) становились практически научно подтвержденной теорией.

Но только теорией, ведь на практике никто никогда подобного не делал, потому что механизм этого действия существовал только в воображении. Не было никаких реальных средств, чтобы провести некую последовательность действий и добиться желаемого. И здесь ничего не поделать, даже в совершенстве владея алхимией, магией и медициной и зная, что такое эгрегор.

Рейнхард более семи столетий практиковал магию, но так и не смог понять, как использовать этот самый эгрегор для той цели, о которой говорил отец. А главное, как и из чего создать ту силу, которая способна запустить процесс изменения Сущности.

Эгрегор сам по себе являлся энергоинформационной сущностью, которую нельзя

сотворить из ничего по щелчку пальцев. Должна быть создана объединяющее намерение, цель. Цель была, но не было никого во Вселенной, кто мог бы её разделить с ним. И даже обрети он кого-то с подобным желанием, что послужит «топливом» самого процесса?

Все это наличествовало только в воображении, в теории, в предположениях. И нигде более. Иначе Магистры и Аспириенсы, тысячелетиями чахнувшие в своих оболочках, уже давно бы нашли способ изменить себя. Да и последствия подобной процедуры были непредсказуемы. Что станет с самим эгрегором, когда он выполнит свое назначение? Объединит, воссоздаст — а дальше? Не станет ли сама объединяющая сила «горьким лекарством», которое растворяется после приема без следа, исцеляя или же вызывая необратимые процессы и страшные побочные эффекты?

Вагнер сдвинул ледяными пальцами телефон, едва не сломав, и нажал быстрый вызов. Когда ему ответили, отрывисто произнес:

— Окажи мне услугу прямо сейчас. Не перебивай, прошу! — рявкнул он, услышав гневный возглас собеседника. — Я буду тебе должен. Буду должен всем вам. И я не подведу, ты же знаешь. Не подведи и ты. Это важно не только для меня. Это важно для нее и для всех нас, поверь. А теперь слушай. Я оставил Фреду...

Он говорил напористо, не давая себя перебивать. С каждым произнесенным словом, все отчетливей чувствовал, как растет его решимость, уверенность в своей правоте, и как все больше холодеет мертвое сердце, которое своим решением он добровольно подвергал пытке, зажимая его словно «испанским сапогом». Он обрывал нить, которая уже предельно прочно связывала его с Фредой. Он перерезал артерию, что давала ему возможность существовать на этой Земле, надеясь на что-то.

Вернувшись в свои апартаменты, Вагнер скинул джинсы и рубашку, в которых был с Фредой. Он торопливо и яростно скомкал вещи и бросил их в горящий камин. Огонь мгновенно поглотил легкую «пищу», превращая хлопок и шелк в пепел. На рубашке сохранился запах Фреды, он чувствовал его все время. Теперь все уничтожено огнем.

Но его кожа тоже хранила аромат Фреды, он пропитался им. Её теплом... Ему освежать себя? Поджечь?

Вагнер ограничился душем, в котором вода не смывала, а выжигала.

Натянув черные трикотажные брюки, вампир покинул свою спальню и отправился на нижний уровень Цитадели, в ритуальный зал: пора отдать Вечности то, что отныне ему не принадлежит.

Тысячи раз проведенный ритуал никогда не был и не станет привычкой. Каждый из тысячи раз это похоже на то, как чьи-то жесткие щупальца заползали в самые потаенные глубины его сущности, бесцеремонно копались, выбирали, а затем безжалостно вырывали с дикой и жадной радостью самые «лакомые» кусочки души.

На самом деле это было не так.

Вечность, Вселенская пустота или сама изначальная Природа вовсе не «радовалась», она была абсолютно бесстрастна, как и говорил его отец.

Она — вездесуща и возвышенна. Она отвечала на зов, если с ней могли связаться. Она брала, если ей предлагали, была непостижимо мудра и удивительно «разборчива», поглощая только то, что представляло особую ценность для дающего. Проявляла щедрость, даруя болезненное очищение и избавляя от тягот.

Вампир «кормил» вселенскую пустоту, не давая подобной пустоте поселиться в себе, не

позволяя существованию сделать его таким же, как те, кто обратил его в вампира. Надеясь восполнить утраченное, он позволял брать самое дорогое. Желая скрыть свои тайны, он делился ими с пустотой. Взамен своих жертв он очищался, получал шанс существовать дальше, избегая некоторых опасностей, до тех пор, пока он не сломается, не сдастся или что-то не изменится в его НЕжизни.

Например, он найдет то, что искал и ждал все это время.

И он, наконец, дождался, но слишком запоздало понял, что не имеет права на дарованный шанс. Если только он не готов стать палачом и принести в жертву ее, Фреду, как когда-то принесли в жертву его самого.

... Он не ждал, что она вернется. Рассчитывал, что Метте сможет увести ее и спрятать. Ему останется только нейтрализовать их кровную связь. Но Фреда вернулась, а он почти испугался, увидев ее на пороге залы. Он видел, что она сбита с толку, но все же не поверила до конца. Захотела во всем убедиться сама. Как мало он, оказывается, знал ее.

Смутить, напугать, прогнать ее не удалось.

Затащив Фредерику в круг по ее же желанию, он был груб и безжалостен. Вагнер надеялся, что его жестокая, нечеловеческая сторона натуры оттолкнет девушку, окончательно разрушит ее доверие и укрепит то, что он должен был посеять в ее душе — сомнения, страх, отвращение к нему.

Но почему так мучительно тяжело это делать? Что возникло между ними? Что именно он должен был разрушить? Слово, которое он не вспоминал и не произносил семь столетий, всплывало откуда-то из мглы, из холодного океана неверия и утраченных надежд.

Любовь. Чисто человеческая слабость.

Дыра, с которой начинается полное разрушение.

Или фундамент, на котором возводится что-то на века.

Он знал, как ей было больно, когда он рвал ее запястье, пуская горячую кровь, когда затаскивал в круг и отдавал пустоте, такую хрупкую и уязвимую. Он знал, как было невыносимо ей, живой и полной чувств, когда Нечто вырывало частицу ее самой.

Он выдерживал свои муки, но едва справился с ее страданиями. Вагнер бросил Фреду в ритуальном зале, утратившую связь с действительностью, опустошенную, обессиленную, словно прошедшую через адские жернова. Он знал, как плохо ей будет. В первый раз, проводя подобное с собой, он чувствовал, словно его выпотрошили, а затем залили внутрь кислоты, а ведь он был бессмертным и лишенным человеческой уязвимости и телесной слабости.

Вернувшись к себе, Вагнер получил вызов от Аспикиенсов — они срочно хотели его видеть. Что-то важное назревало, и Рейнхард с мрачной обреченностью осознал, что ему остается только надеяться, что Фреда все же покинет Цитадель, Прагу и страну вообще, пока он будет пытаться решить вопросы с Аспикиенсами.

Вагнер забрал телефон, который дал ей: она будет ему звонить, нельзя этого допустить. И хорошо, что его не будет, когда она очнется и попытается найти его в Цитадели. В том, что она именно так и поступит, он уже не сомневался.

Вампир положил в оставленную в машине сумку Фреды записку о встрече на пивоварне Страговского монастыря. Там тихо и это место удалено от любого обиталища пражских вампиров. Вагнер снова связался с Метте и договорился, что она дождется Фреду и увезет силой, если понадобится.

Попытка номер два должна стать успешной.

— За сутки она придет в себя. Но ты жди ее дольше, чем укажешь в записке. Жди до утра, стоя на дороге, возле монастырской стены, — сказал он. — Если она так и не появится, приезжай сюда. Пока меня не будет, в Цитадель тебе не попасть, даже в паркинг, но ты можешь ждать ее где-то поблизости, чтобы не пропустить.

— Сколько же мне ждать?! — взвилась Метте. — Услуги услугами, но у меня есть и свои важные дела и тебе это известно. Я не могу все время посвящать тому, о чем меня просишь ты.

— Я понимаю, и обещаю не злоупотреблять твоей любезностью. За мной будет долг, без срока давности, — твердо проговорил Рейнхард. — Прошу, не исчезай, будь на связи. Я вернусь, самое большее через сутки, найду ее, где бы она ни была на тот момент, и заставлю уехать отсюда любыми способами. Только дождись ее и увези. И тверди ей только то, что уже было сказано, — напомнил он. — В конце концов она во все поверит.

*Эгрегор — энергоинформационная сущность, которая создается группой людей, имеет свои цели и задачи и способна воздействовать на людей-членов группы и не только.

**Гомеостаз — (одинаковый, подобный) — саморегуляция, способность открытой системы сохранять постоянство своего внутреннего состояния посредством скоординированных реакций, направленных на поддержание динамического равновесия. Стремление системы воспроизводить себя, восстанавливать утраченное равновесие, преодолевать сопротивление внешней среды.

Глава 6. Что было, что будет, чем сердце успокоится

«Что было, что будет, чем сердце успокоится»

«Пора просыпаться, красавица».

(к/ф «Малхолланд-драйв»)

Фреда беспрепятственно выехала из ворот паркинга. Невидимая пелена, ограждавшая и скрывавшая вход в Цитадель от реального мира, мимолетно вызвала уже знакомое ощущение легкой дезориентации.

Когда проезжала через внутренний дворик, краем глаза заметила за фонтаном темный силуэт: кто-то, сгорбившись, неподвижно сидел на лавочке. Не задерживаясь, не всматриваясь, не раздумывая больше, Фреда покинула двор и тихий район.

Она доехала до Городской библиотеки, там оставила кроссовер и поймала такси до Страговского монастыря. Фреда попросила водителя после Манесова моста не сворачивать к Вояновым садам, а следовать путем, пролегающим через лесной массив. Водитель только пожал плечами: чем длиннее дорога, тем больше выручка.

На место Фреда прибыла с опозданием в пять минут. В баре пивоварни за каждым столиком кто-то сидел, но никого знакомого видно не было. Заметив, что посетители покидают столик, расположенный слева от длинной барной стойки, Фреда заняла освободившееся место, сев спиной к стене. Заказав подошедшему официанту кружку «Св. Норберта», принялась осматриваться внимательней: никто из присутствующих не проявлял к ней видимого интереса и не смотрел в ее сторону.

Чувствуя явную заторможенность мыслительного процесса и физическую слабость, Фреда потягивала пиво, хрустела солеными гренками и пыталась сообразить, что будет делать, если...

Если никто не придет.

Если придет тот, кого она видеть точно не захочет.

Если придет тот, кого она знать не знает.

Поразмыслив и прикинув, Фреда решила, что во всех трех случаях станет действовать по обстановке, прислушиваясь к своим инстинктам, но все равно в итоге ей придется куда-то бежать и прятаться. А прятаться ей негде.

Чего она ждала, явившись сюда? Самым верным было бы считать, что все мосты сожжены, и выкручиваться из всего нужно самой. Но каким образом это возможно, Фреда пока не представляла: ни денег, ни документов у нее нет, и она по-прежнему числилась в розыске.

И неужели ей нужно все же убедить себя, что все с Вагнером было лишь какой-то нелепой и жестокой фантаσμαгорией? От этой мысли содрогнулась, как от резкого дуновения лютото зимнего ветра, а поспешно сделанный большой глоток ледяного пива только усугубил ощущение.

От столь сильных разочарований не найти спасения. Ей никогда не оправдать свою глупость и легковёрность, никогда не смириться с тем, что она поверила в нечто, несуществующее на самом деле.

Никогда не понять, как прочувствованное ею могло быть обманом, вызванным чьей-то

прихотью, а не зародилось тайно ото всех в скрытых глубинах ее души и сердца.

Слабый голосок надежды попытался предложить ей в подробностях вспомнить то, что она ощутила в близости с Вагнером. Такое невероятное слияние тел, ставших единым целым, сплетенных не только взаимным желанием, но и обоюдным, очень тонким и глубоким пониманием и доверием, не могло быть полностью порождено силой какого-то колдовства. Не могло!

Или же не только могло, но так и было на самом деле?

Фреда снова жадно и отчаянно хлебнула из кружки. Поперхнулась, закашлялась, на глазах навернулись слезы.

До закрытия пивоварни оставалось сорок пять минут.

Лео двигался по улицам вечерней Праги. Он шел, укрывшись за поднятым воротником элегантного пальто, но прятался не от порывов резкого ветра, гнавшего навстречу охапки колючих снежинок. Ветер был ему не страшен. Он скрывал от прохожих свое красивое юное лицо, застывшее маской безмолвной ярости, способной напугать сильнее, чем выпущенные клыки.

Два вечера и две ночи он потратил на то, чтобы отыскать в городе Фредерику. Даже зная, где именно и у кого она находится, он не смог приблизиться к цели.

Прибыв в Прагу, Борегар связался с Озом, советником и доверенным лицом вампирского наместника Крауса. Оз, еще более загадочный и непростой, чем его широко известный тезка-волшебник, выслушал Лео и с обескураживающей любезностью сказал, что непременно передаст Его Светлости их разговор и просьбу господина Борегара.

Просьбы, собственно говоря, никакой не было. Лео обезличенно формально сообщил, что пересмотрел свой отказ оказать содействие эрцгерцогу Краусу в покупке участков земли под Прагой и, оценив взаимную выгоду, готов взяться за реализацию сделки.

Он не просил ни аудиенции, ни извинения, ему лишь было нужно как-то обосновать свое возвращение в Прагу и найти убедительный повод для того, чтобы любыми из доступных путей приблизиться к здешней вампирской верхушке. Лучшим вариантом вампиру по-прежнему казался Оз. В крайнем случае, он попытается обратиться к главе охраны наместника, хотя вести переговоры с этим исполином все равно, что пытаться взломать дверь в Хранилище Джи Пи Морган. Но внешность часто бывает обманчива.

Прибыв в Прагу второго января, Борегар через сутки встретился с Озом на нейтральной территории — в шумном человеческом клубе — и смог убедиться, что этот вампир знает и понимает гораздо больше, чем ему полагается.

В процессе долгого разговора собеседники обменялись двусмысленными ироничными намеками и завуалированными под остроты угрозами. Поклацав клыками, выяснили, что их личные интересы взаимовыгодно соприкасаются. В результате Лео получил информацию о том, где расположена Цитадель. Оз же, от оказанной заморскому гостю небольшой услуги, испытал «глубокую удовлетворенность» в виде вдохновляющей суммы денег, немедленно переведенной на один из его счетов, о чем быстро получил подтверждение.

Для себя Оз сделал простой, но занятный вывод, который, возможно, когда-нибудь еще пригодится — девчонкой интересовались слишком многие. Почему? До этого ему не было дела. Но чужой интерес к этой особе мог стать полезным для него еще не раз.

— Да, и кстати, — сказал Оз на исходе встречи с Борегаром, — я прекрасно понимаю, что вовсе не профессиональный интерес стал причиной вашего нынешнего появления в

Праге, что бы вы там ни говорили. Все, что от меня зависело, я выполнил — доложил Его Светлости ваше запоздалое предложение оказать таки ему услугу. И не мое дело, как вы будете выкручиваться, если Краус решит вашим предложением воспользоваться.

— Точно, не ваше, — охотно подтвердил Лео. — Есть еще какое-то "но", о котором вы не могли или не хотели сказать раньше?

— Угадали. Теперь, когда мы с вами так хорошо поняли друг друга, скажу, что в Цитадель вам никак не пробраться.

— Так уж и никак? — выгнул бровь Леонар.

— Никак, поверьте. Даже если вы найдете вход в нее, внутрь не попадете. Орден умеет создавать пространственные иллюзии, выстраивать магические барьеры и скручивать реальность в непроходимые лабиринты. Еще ни разу никто не смог войти в Цитадель без специального приглашения. А в то время, когда отсутствует Регент, войти в Цитадель чаще всего не может вообще никто, даже посвященные в Орден. Ну, кроме представителей их высшей власти — Магистров и Смотрящих. Сейчас, насколько мне известно, Регента как раз в Цитадели нет. И если...

— Понятно, войти туда нельзя, — отбросив формальную вежливость, нетерпеливо перебил собеседника Лео, — а выйти оттуда можно?

— В Цитадели содержат учеников только в период адаптации после обращения, или когда обучают особо одаренных, повышая уровень их способностей. Таких посвященных единицы. Некоторые адепты, уже прошедшие определенную ступень обучения, могут покидать стены Цитадели, имея специальный допуск. Это не бумажка с печатью, не электронный ключ и не гостевой бейджик, как вы понимаете. Это некая магическая метка, позволяющая беспрепятственно преодолевать барьер. Такая метка строго индивидуальна, она контролируется, является чем-то вроде маячка и полной свободы передвижения не дает, хотя и позволяет выйти и войти обратно. Есть ли такое разрешение у девушки, которая вас интересует, — Оз развел руками, — мне неизвестно. Члены Ордена предельно скрытны во всем, что касается их дел. Зато свои носы суют беспрепятственно везде, где им вздумается. Основное сообщество сородичей предпочитает с ними лишний раз не связываться. Слишком уж они непредсказуемы и себе на уме. Нагружены всякими тайнами и непонятностями по самое некуда, никогда точно не знаешь, врут они или виртуозно искажают правду. Человеческая девушка их заинтересовала. Не удивлюсь, если окажется, что ее уже обратили и сейчас тщательно изолировали на период адаптации. Орден всегда был жадным до наделенных особыми талантами, а в ней определено что-то такое имеется. Но в круг моих интересов она уж точно не входит. А вам — удачи в поисках.

И, оставив Леонара погруженным в мрачное молчание, Оз стремительно исчез, словно телепортировался прямо от столика, за которым они сидели.

За оставшиеся до утра пару часов Лео без труда нашел то место, где должен быть вход в Цитадель и вскоре убедился, что если Оз ему не соврал и дал верные сведения, то войти туда действительно невозможно. Уютный, мирный внутренний двор, окруженный старинными многоэтажными зданиями, имел два противоположных выхода на улицы через арки. Через одну из них Лео вошел, через другую вышел на соседнюю тихую улочку, застроенную такими же величественными особняками. Лео присматривался и прислушивался, ходил туда и обратно, не торопясь входить в подземный паркинг, в котором, по словам Оза и должен быть надежно скрытый проход в Цитадель.

Войдя, наконец, внутрь, вампир неспешно прошествовал вдоль рядов припаркованных

машин, пока не уперся в стену.

На краткий миг движение его сильного мощного тела словно замедлилось, встречая невидимую преграду, мягкое пружинящее сопротивление. Человек ничего бы не почувствовал, а вампир, с его обостренным восприятием окружающего мира, ощущал, будто уткнулся в невидимую мембрану. Усилия преодолеть преграду успехом не увенчались, и остаток ночи Лео провел, сидя на лавочке возле фонтана. Один раз через двор быстро прошла женщина, кутающаяся в меховой воротник куртки, и это совершенно точно была не Фреда. Вампир не сомневался, что ее бы он точно узнал.

Больше никто не входил и не выходил во двор и со двора. Округа словно вымерла, погрузившись в сон, в домах не светились окна. Обычные люди, лишаясь сна, часто тоскуют предраассветными часами от ощущения, что попали в безвременье, где никого и ничего нет. Вампиру Леонару Борегару подобное чувство тоже было прекрасно знакомо. Оно не раз подкарауливало и нападало на него с того самого дня, как ни стало Мэдисон.

В такие моменты Лео готов был выть от неизбывной злости и от остроты понимания, что упустил в своей НЕжизни нечто важное и ценное.

...На следующую ночь Лео побывал в доме Фреды и нашел ее квартиру опечатанной. А тот самый аромат, который никак не исчезал из его памяти, отсутствовал возле ее жилища, подтверждая, что хозяйка здесь давно не появлялась.

Остаток ночи он снова провел, сидя на той же лавочке у фонтана. Редкие прохожие проходили через молчаливый двор и исчезали в стенах своих домов. И никто из людей даже отдаленно не напомнил ту, которую он искал. Ярость от вынужденного бездействия и пустой траты времени то подступала, то откатывала, но Лео не мог поделать ничего, кроме как пребывать в томительном и пока бесполезном ожидании.

Позвонив Тайлеру, Лео узнал, что у них с Эйвином все в порядке, и они продвинулись в получении нужной им информации, но сведения эти не для телефонного разговора.

Если Тайлер не хотел говорить ничего по телефону, значит, они действительно узнали нечто интересное. Хорошо, хоть что-то где-то продвинулось.

Эйвин вызывал у Лео откровенную симпатию. Именно таким и должен быть сын Мэдисон.

Парень был вовсе не психованным размазней, как показалось поначалу. Несмотря на то, что ему крепко досталось, Эйвин держался молодцом, не выказывая страха или нетерпения, не истерил и не задавал лишних вопросов. Ко всему прочему юноша обладал крайне полезным талантом. Зарабатывая на жизнь профессией программиста, он оказался настоящим компьютерным гением, умевшим получить доступ туда, куда обычному пользователю никогда не добраться.

...Синий зимний вечер еще не уступил свои права ночи, в окнах домов горел свет, двор был тих и пуст, но до чутких вампирских ушей ясно доносились звуки вечернего города. Лео сидел на лавочке, вытянув длинные ноги и привалившись к спинке. Он прикрыл глаза, превратившись в одно обостренное восприятие, и пытался уловить в звучащей отовсюду «городской симфонии» что-то полезное. Вампир встрепенулся, резко повернул голову, на мгновение став похожим на филина, почуявшего добычу, когда через двор проехал кроссовер BMW. Он не слышал, чтобы машина приближалась откуда-то издалека, она появилась из арки, за которой располагался въезд в паркинг.

Лео успел проводить внимательным взглядом исчезающий из виду кроссовер и увидеть, что за рулем определенно сидела женщина: вампир заметил копну отливавших жемчугом

волос, обрамлявших бледное лицо. Похожие волосы он видел только у двоих за всю жизнь. Об одном обладателе такой шевелюры он предпочитал не вспоминать, вторую — не мог забыть.

За рулем сидела Фреда, в этом Лео не сомневался. Незаметно прячась в тени, вампир последовал за машиной. Теперь он ее не потеряет.

...Фреда допила пиво и слишком поздно поняла, что совершила ошибку. Ее организм, еще не пришедший в норму после эмоционально-магической встряски, отреагировал на хмель самым неприятным образом — голова поплыла, к горлу подступила тошнота. Фреда боролась с желанием метнуться в туалет и сунуть два пальца в рот, когда к ней подошел официант, любезно напомнил, что они закрываются через пятнадцать минут и поинтересовался, не желает ли пани еще чего-нибудь.

«Пани», стремительно теряя краску и без того бледного лица и прикрывая рот ладошкой, только покачала головой и попросила принести счет. Через минуту официант принес коричневую тисненую обложку, внутри которой был чек, флаер на бесплатную кружку пива при следующем посещении и пластинка мятной жвачки.

Первым делом Фреда развернула жвачку, затолкала ее в рот и, с наслаждением ощутив мятный привкус, чуть притупивший тошноту, полезла в сумку за деньгами. Рассеянно скользя глазами по чеку, замерла, зацепившись взглядом за дату, пробитую на бумажке внизу справа — 4 января.

Фреда обмерла: если верить указанному на чеке числу, она потеряла два дня.

Не имея мобильного, календаря, не включая телевизор, не слушая радио в машине и не читая газет, она совершенно выпала из действительности, пребывая в информационном вакууме все последние недели. Выходило, что она проспала не сутки, как ей казалось, а почти трое. А, следовательно, слово «сегодня», указанное в записке, могло означать и «вчера» и «позавчера».

Растерянность, досада, отчаяние — все накатило разом, и Фреду замутило еще больше. Дрожащей рукой она сунула деньги в книжечку, подхватила сумку и рванула к двери, на которой была прибита табличка с женским силуэтом.

В туалете "Св. Норберт" немедленно попросился наружу, и её вывернуло омерзительной желчью, а от горечи, наполнившей рот, тут же снова затошнило.

На лбу выступил холодный липкий пот, руки тряслись, а в зеркале над раковиной отражалось бледное привидение с потухшим взглядом. Умывшись и прополоскав рот, Фреда на подгибающихся ногах вышла в опустевший зал ресторанчика. Душный, насыщенный крепким пивным ароматом воздух снова вызвал рвотные позывы.

Фреда, сколько себя помнила, ни разу даже гриппом не болела, а тут чувствовала себя совершенно больной и разбитой, чуть ли не умирающей. Как во сне, борясь со страшной слабостью и шумом в ушах, она подошла к барной стойке и на оставшиеся деньги купила бутылку воды. На улицу выползла, не видя ничего вокруг от мерцающих в глазах «звездочек». Глоток холодной воды чуть разбавил мерзкую горечь во рту, но голову не прояснил.

Она плелась по тускло освещенной опустевшей автостоянке, с усердием ярого мазохиста размышляя, как могла докатиться до жизни бомжа вне закона, наделав глупостей и вляпавшись во все эти несуразности по самую макушку.

Фреда шла наугад, не глядя под ноги и по сторонам, смутно соображая, что может

сделать теперь, не имея денег, документов и связей, которые могли бы ей помочь. Лишь одно понимала отчетливо — возвращаться в Цитадель она не станет.

Можно выйти на улицу с оживленным движением, поймать такси и доехать до места, где она оставила BMW. В бардачке кроссовера лежал оставленный ею конверт с деньгами и документами на новое имя. Она могла бы взять оттуда немного в качестве компенсации за «моральный ущерб»...

Фреда размышляла о своих неясных перспективах и автоматически двигалась по обочине дороги вдоль монастырской стены. Инстинкт самосохранения подал невнятный сигнал тревоги, когда она отошла от ворот пивоварни. Показалось, что кто-то следовал за ней еще от ресторана, хотя, обернувшись, она никого не заметила. Мимо промчалась пара автомобилей, но заторможенная Фреда слишком поздно сообразила, что нужно было поднять руку и проголосовать.

Её сотрясал озноб, и продолжала мучить отвратительная тошнота. Запоздало подумала, что нужно было лучше поесть что-то легкое, а не заливать в себя пиво. При воспоминании о запотевшей кружке с пенной шапкой, ее снова скрутило. Фреда шарахнулась на обочину, уперлась рукой о ствол дерева и согнулась пополам, содрогаясь от спазмов в желудке.

В глазах снова потемнело, девушка обессилено привалилась лбом к шершавому стволу и стала сползать на землю.

Чьи-то руки подхватили ее, и сквозь дымку забытья Фреде показалось, что она плывет, не касаясь ногами земли... Невесомость, легкость...

Глаза не хотели открываться, подсознание отдало приказ расслабиться и не сопротивляться волшебным ощущениям. Холодный ветер обдувал лицо, принося несказанное облегчение, кто-то сильно, но бережно удерживал ее, а щека прижималась к чему-то мягкому, приятно и успокаивающе пахнущему пряной свежестью. Что-то такое неуловимо знакомое, очень и очень далекое...

Фреда блаженно улыбнулась и сдалась, понимая, что у нее не осталось сил сопротивляться.

...Находясь на грани того, чтобы окончательно очнуться от забытья, Фреда уже достаточно четко все слышала и ощущала, но все еще сопротивлялась тому, чтобы открыть глаза и посмотреть вокруг. Так не хотелось выныривать из глубин целительного сна без сновидений на поверхность реальности.

Она пошевелилась, пытаясь уловить стремительно ускользящую ниточку забвения и удержаться за нее. Кто-то коснулся ее лба холодной ладонью, провел по щеке.

Фреда невольно улыбнулась, и губы сами прошептали:

— Рейн...

— Ну, надо же, не вскакивает, не кричит «Где я?! Кто вы?!»

Высокий широкоплечий блондин, стоящий в дверях, говорил по-английски негромко и смотрел чуть насмешливо.

Окончательно очнувшись, Фреда окинула взглядом его, затем себя: она лежала на чем-то вроде футона на низких ножках, застеленного пледом. Вся одежда на месте, кроме куртки и сапог. Девушка медленно и осторожно привстала, принимая сидячее положение, огляделась — совершенно пустая комната, не считая её «ложа». Стены, полы, потолок

обшиты золотистым деревом, большое панорамное окно, за которым открывалась неопишуемая красота — склон горы, снег и морская гладь внизу вдалеке — всё в золотисто-коралловом рассветном сиянии.

— Я вас помню, — проговорила Фреда, — вы — тот самый десмод.

Блондин вопросительно вскинул бровь.

— Ну да. Летучая мышь-вампир. Так ты меня обозвала в нашу первую встречу, — ухмыльнулся он.

— Назвала. Не обозвала, — поправила его Фреда. — Со вступительной частью, можно считать, мы закончили? Теперь не поясните «где я и кто вы»?

Она еще раз обвела взглядом комнату.

— И сейчас что, уже день? — она удивленно уставилась на блондина. — Вы какое-то новое поколение вампиров, которые не боятся дневного света?

— Новое поколение окон с защитой от ультрафиолета, — пояснил вампир. Он прошел в комнату, присел на корточки у стены. Привычным жестом откинул назад длинные светлые волосы. Блестящие и густые, но явно давно не знавшие расчески.

— Ты, в самом деле, меня не боишься или это у тебя бравада такая? — поинтересовался блондин, внимательно разглядывая девушку.

Фреда поднесла руку к волосам, пригладила их и рассеянно пожала плечами.

— Не знаю. Понимаю, что надо бы беспокоиться или даже бояться, но вот... почему-то не хочется, — отозвалась она. — Может быть, я уже израсходовала весь отпущенный мне резерв страха. Или попросту устала чему-то удивляться...

Она спустила ноги на пол.

— Так объясните мне все или как?

— Объясню, — серьезно ответил блондин. — Меня зовут Лео, и бояться меня не надо, я зла причинять тебе не собираюсь. Ты сейчас не в Чехии и в этом доме тебя никто не тронет. Гарантирую. Это для начала, а прежде, чем продолжу, не хочешь чего-нибудь? Поесть? Попить? Умыться?

— Какая забота... — проворчала Фреда, осторожно вставая с футона. Ноги вполне держали, голова не кружилась, тошнота прошла — уже неплохо. И не было ни страха, ни удивления. Совсем как в тот раз, когда она очнулась в особняке вампирского наместника.

— Умыться и попить не помешало бы, — ответила, осматриваясь в поисках своих вещей.

Сумка, куртка и сапоги лежали рядом на полу аккуратной кучкой.

Фреда взяла сумку, порылась, доставая расческу и пудреницу.

— Где я могу привести себя в порядок?

Блондин снова ухмыльнулся и, направляясь к выходу, бросил:

— Пойдем.

Фреда шла за Лео, испытывая отчетливое deja-vu, что в этом доме она уже бывала. Чувство накатило не отдельными фрагментами, а целой совокупностью разных ощущений — расположение помещений, звуков, цвета гладкой золотистой древесины, вида из окон. Она точно знала, что была здесь, но не помнила когда и с кем.

В какой-то момент показалось, что она слышит энергичный, но ласковый женский голос, звонкий детский смех и топот маленьких ног по деревянным половицам. Фреда на миг затаила дыхание от того, как неожиданно уловила... Воспоминание? Видение? Чем бы это ни было, оно прошло сквозь нее уже знакомой теплой и уютной волной.

Они спустились на первый этаж в просторное помещение с большим камином из природного камня. Мебели и здесь не было, если не считать еще одного футона в углу у самой стены, аккуратно застеленного клетчатым пледом. Рядом на полу стояла большая спортивная сумка и мужские ботинки, по углам у стены располагались еще какие-то коробки, свертки, мотки проводов.

— Лагерь беженцев какой-то, — пробормотала Фреда, осматриваясь.

Только сейчас она заметила, что в проеме, ведущем в другое помещение, стоит и с напряженным вниманием смотрит на нее молодой человек. Незнакомец был высокого роста, с коротким ежиком волос неопределенного света, темно-синими, как предвечернее небо, глазами. Он хмурился, но не сердито, а, скорее, напряженно.

— Привет, — сказал парень. — Я Эйвин.

— Фреда, — она кивнула в ответ. — И сколько вас тут еще?

— С тобой теперь четверо, — раздался за ее спиной голос Лео. — Решили представиться по одному, чтобы особо не шокировать. Ты как?

— Ну, как видите, — Фреда повернулась к вампиру-блондину, — по-прежнему не кричу «Кто вы?!» и «Где я?!»

Губы Лео тронула тень улыбки.

— В таком случае, знакомься с еще одним обитателем нашего, как ты выразилась, «лагеря беженцев», — отозвался Борегар и добавил, — кстати, точно подмечено.

Из-за спины Эйвина появился еще один молодой мужчина. В стройном, чуть выше среднего роста русоволосом парне Фреда безошибочно определила вампира.

— Я — Тайлер, — представился тот, оставаясь стоять рядом с Эйвином. — Не бойся нас, мы мирные и тебя не обидим, — сказал он и сдержанно улыбнулся, но его темных глаз улыбка не затронула.

Фреда снова кивнула, но называть свое имя не стала, уже не сомневаясь, что оно и без того всем тут известно.

— Кофе будешь? — спросил Эйвин.

— Буду, — после секундного колебания ответила Фреда, решив, что ее желудок уже пришел в норму и чашку кофе можно себе позволить.

Она снова повернулась к Лео, и он тотчас указал ей на дверь, ведущую в санузел.

Приводя себя в порядок, Фреда размышляла.

«Я боюсь? Нет, вовсе нет. Я не шокирована и даже не удивлена. Я скорее заинтригована».

Мысли, подкрепленные интуитивными ощущениями, успокоили, заставив взглянуть на происходившие с ней странности не как на нелепые и ужасающие повороты судьбы-злодейки, а как на нечто закономерное, через что она непременно должна пройти. Только вот для чего все это нужно, пока понимания не было.

Четверть часа спустя она сидела на кухне, в единственном помещении дома с мебелью. За большим столом собрались все обитатели дома — трое мужчин и она. Мужчины наблюдали, как она пьет кофе из большой кружки и жует поджаренный в микроволновке тост с апельсиновым джемом.

Фреда ела, ничуть не смущаясь их взглядов, не спеша прихлебывала ароматный напиток и в свою очередь с любопытством поглядывала на каждого сидящего за столом.

Лео смотрел на нее с ироничным прищуром светло-голубых глаз, Эйвин был по-прежнему серьезен, но взгляд его заметно потеплел, Тайлер словно полностью погрузился в

свои мысли, но тоже время от времени бросал на девушку короткие задумчивые взгляды. Он казался отстраненным, чем-то опечаленным или озадаченным.

— Спасибо, отличный кофе. А теперь внимательно вас слушаю, — Фреда отодвинула чашку. — Хотелось бы знать, как я здесь оказалась? И где именно «здесь»?

— Территориальные воды Норвегии, небольшой остров, на котором расположен рыбацкий поселок. Неужели не помнишь, как мы добирались? — вскинул брови Лео.

— Не помню, — устало отозвалась Фреда. — Последнее, что помню, это как прощалась с «Норбертом» у обочины...

— «Прощалась с Норбертом»? — переспросил Эйвин.

— Пиво такое. Отличное пиво, между прочим, — пояснила Фреда, смутившись. — Но, видно, не для меня. Представляю, как это может выглядеть — девица перебрала и... Но я выпила всего одну маленькую кружку, и мне стало совсем нехорошо...

— Если быть точным, ты начисто отключилась, — сказал Лео. — Мы добирались сюда по воздуху, немного на машине и по воде. Ты почти всю дорогу то ли проспала, то ли пребывала в каком-то забытии. Двигалась, как автомат, когда нужно было чуть пройти, потом снова впадала в транс.

Фреда поморщилась, представив, как ее перетаскивали и перевозили, словно мешок.

— А как мы пересекали границу? У меня ведь нет документов, — она передернула плечами, вспомнив свое недавнее состояние.

— Говорю же — по воздуху. Как десмод с добычей, — ухмыльнулся Лео. — Мы прибыли вчера, едва успев до рассвета, и ты еще сутки спала, как убитая. Сейчас мы в доме, расположенном на склоне горы над поселком. Кроме нас поблизости никого нет.

Фреда вздохнула, не зная, что и сказать: слишком часто в последнее время она чувствовала себя беспомощной.

«Жизнь моя будто движется по замкнутому кругу, по которому меня водят на веревочке...» — подумала она.

Теперь она снова в Норвегии и опять не по своей воле. Так ли давно она сидела в домике на берегу фьорда и думала о том, как хочет услышать голос Вагнера. Как сейчас...

Она проглотила подкативший к горлу комок. Горький, как невыплаканные слезы, как обида и разочарование.

— У меня странные ощущение, что я уже когда-то бывала в этом доме, — Фреда откинулась на спинку стула, скрещивая руки на груди.

Все трое мужчин одновременно посмотрели на нее одинаково удивленно.

— Эти ощущения не обман, — ответил Лео. — Этот дом был твоим, здесь ты жила с рождения и до... До гибели вашей с Эйвином матери. Кстати, познакомься с ним еще раз — Эйвин твой брат.

Фреда резко выдохнула, прикрыв глаза, что-то прошептала одними губами и встала, с шумом отодвинув стул. Она решительно вышла из кухни и направилась прямо к входной двери дома. Мужчины тоже поднялись со своих мест и двинулись за ней.

Фреда выскочила на улицу, отбежала от крыльца и остановилась, повернувшись лицом к дому. Она смотрела, нервно покусывая губу, частое дыхание вырвалось на морозе облачками пара. Затем она вернулась в гостиную и остановилась, словно размышляя о чем-то. Мужчины молчаливо окружили ее.

— Я видела этот дом во сне и не раз, — проговорила задумчиво. — Это крыльцо и горы вокруг. Мальчик со светлыми волосами и синими глазами, — она повернулась к Эйвину, —

это был ты. И женщина, на которую ты похож... Мама. Я видела девочку и теперь понимаю — то была я, — она покачала головой. — Сказка какая-то, но я уверена, что это не бред.

— Не бред, а чистая правда, — подтвердил Лео. — Пойдем, присядем, я все объясню.

Они просидели на кухне за столом долгие часы. Фреда слушала и верила каждому слову, и чувствовала, как встают на место недостающие детали замысловатого пазла, в который превратилась ее некогда простая и понятная жизнь.

Она незаметно пересекла некую границу, и не только географическую. Она зашла туда, где никогда не думала оказаться. Вдруг обрела семью с такой непростой историей, соприкоснулась с чем-то, что неожиданно дало ей силы и заполнило пустоты.

Слушая, как Лео рассказывал про то, как вмешался в их с Эйвином судьбы, Фреда не испытывала ни сожаления, ни гнева, а думала, что сейчас пошла бы на такое... осознанно. Чтобы забыть Рейнхарда. Не знать его никогда. Душа горестно заныла, и Фреда крепче сжала скрещенные на груди руки, пытаясь защититься от ощущения, что к сердцу откуда-то извне тянется ледяная рука тревоги.

«Мне кажется... с ним что-то не так...»

«С ним всегда было что-то не так... Это часть его существования. Он рассказывал тебе, и в этом не было обмана».

«А всё остальное было обманом?»

«Ты задаешь вопросы **самой себе**. Сама и отвечай на них».

Фреда тряхнула головой, прогоняя эхо мысленного диалога, вихрем пронесшегося в голове, и обвела присутствующих растерянным взглядом. Она думала о Рейне постоянно, начиная понимать, что эта сторона ее жизни еще очень долго некуда не денется, а, возможно, будет существовать всегда параллельно с сиюминутной действительностью.

Фреда глубоко вздохнула, с некоторым усилием возвращая себя к теме разговора.

— Я знаю, что есть способы, которые подтвердят или опровергнут то, что вы мне сейчас наговорили, — сказала она. — Можно, например, провести генетическую экспертизу, чтобы установить наше с Эйвином родство. Можно поехать в Америку, в Арканзас, отыскать старый дом Мэдисон, поднять какие-то забытые архивы, в которых хранится информация о семье матери и до которых не добралась магия. Можно, в конце концов, прибегнуть к магии снова. Но я ничего этого делать не хочу. Я почему-то знаю, что все это правда.

Она посмотрела сначала на Эйвина, потом на Леонара и добавила:

— Хотите, верьте, хотите — нет, но у меня получается... — она замялась, подбирая нужное слово. — ...словом, это как интуиция, только не такая мимолетная, воздушная и неопределенная, что мелькает неуловимым иллюзорным ощущением и все. Это что-то более приземленное, четкое, как указание внутреннего компаса или навигатора. И в последнее время оно работает все чаще и уверенней.

— Значит, это никуда не делось в тебе, — проговорил Тайлер. — Что-то такое было в тебе с самого детства, словно у зверька, чувствующего окружающий мир более остро. Ты с младенчества прислушивалась к своим ощущениям комфорта и дискомфорта. Мы не раз замечали, что если тебе вдруг становилось плохо, ты начинала чудить или капризничать, то чаще всего потому, что как-то по-особенному чувствовала что-то или кого-то. Ты прекрасно ориентировалась в физическом состоянии и потребностях других, могла даже чувствовать

опасность или приближение радостных событий. А с некоторых пор, когда мы убедились в этом, то стали внимательней прислушиваться к тебе.

Тайлер рассказал ей случай, когда она спасла Эйвина от весеннего оползня.

— Ты росла жуткой непоседой, но ни разу не поранилась и не причинила вреда другим. Балансировала на грани, но словно кошка всегда приземлялась на лапы, оставаясь целой и невредимой, — заключил вампир. — Ваша мать всегда знала, что вы с Эйвином особенные, но так и не успела полностью узнать ваши способности. Она ждала и боялась этого.

Фреда внимательно слушала его.

— Не означает ли это, что я должна была как-то отреагировать на то, что случилось с нашей матерью еще до того, как она уехала из дома в тот день? — проговорила она. — Почему я ее не остановила? Я, конечно, ничего не помню, но...

Все примолкли, не зная, что сказать на это. Лицо Лео застыло, он прикрыл глаза, будто подавил болезненное ощущение. Потом открыл и уставился на Тайлера.

— В тот день я оставался дома с вами. Но ничего такого за тобой не заметил. Вы играли, возились совершенно спокойно, — отозвался тот.

— В день гибели Мэдисон меня здесь не было. Но, возможно, никто и ничто не могло предотвратить её гибель, — заговорил Лео заметно задеженным голосом. — Кое-что, а точнее многое просто должно случиться и все. Больше не задавай подобных вопросов ни себе, ни нам. И не бери на себя больше, чем можешь потянуть.

Последние фразы прозвучали почти грубо, но Фреда его поняла. Сама в полной мере ощущала, что значит постоянно задавать себе вопросы «А что если...? А почему?»

Ей показалось, что Тайлер недобро усмехнулся, услышав слова Лео. Она видела, как прищурились его темные, почти черные глаза и скривился рот. Эйвин тоже покосился на светловолосого вампира, но остался сдержанно серьезен. Пока они разговаривали, молодой человек не отрывался от экрана своего планшета, а пальцы его проворно порхали по сенсорным кнопкам клавиатуры.

Сама Фреда за все долгие часы их разговоров так и не перестала думать о Вагнере. В ушах непрестанно звучал его голос, ласкающий слух и кожу, будоражащий мысли. Сначала она пыталась игнорировать, пробовала закрыться, но скоро смиренно впустила мучительные ощущения прямо в сердце, которое всё сильнее ныло от тоски.

Надо было уединиться хотя бы ненадолго, попытаться без свидетелей посмаковать разочарование, проглотить острую горечь утраченного и несбывшегося.

— Пока наши разговоры не потянулись еще куда-то, мне бы хотелось переварить информацию. Ничего, если я посижу немного одна в той комнате наверху? — обратилась Фреда ко всем присутствующим.

— Конечно, — отозвался Тайлер. — Иди, тебя никто не потревожит. Отдыхай. У тебя столько времени, сколько тебе понадобится.

Фреда временами бросая на этого вампира случайные взгляды, видела, что тот не пропускал ни слова из того, что она говорила и, не отрываясь, смотрел на нее.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Благодарно улыбнувшись Тайлеру, она вышла из кухни.

В комнате наверху Фреда постояла у окна, наблюдая за тем, как день клонится к закату. Именно сейчас раздумывать ни о чем не хотелось, но внутренняя потребность подвести некие итоги все же была. С чего же начать? Со вздохом усевшись на футон, она взяла свою сумку и вытряхнула ее содержимое на плед.

«Начинка» девичьей сумочки составляла всё имущество, которым Фреда действительно обладала на сегодняшний день. Пудреница, расческа, блеск для губ, пачка одноразовых платочков, открытая упаковка леденцов с цитрусовым вкусом, блокнотик для записей, ручка, чехол от ее давно потерянного еще в музее смартфона и... Custos.

Увидев амулет, запросто примостившийся в кучке обыденных вещей, Фреда невольно отшатнулась, но не потому, что предмет все еще казался ей чужеродным и опасным, как она успела подумать о нем раньше. Хранитель напомнил ей о том, во что она хотела бы верить вопреки всему.

Колеблясь, Фреда протянула руку и коснулась амулета кончиками пальцев. Он опять показался теплым, словно живым. Это успокаивало и настораживало одновременно. Фреда более уверенно взяла Custos в руки и вытащила его из переплетения цепочек. Чуть выпуклый круг лег на ладонь, подобно маленькой чаше. Руке было тепло, а в матово-серебристой поверхности амулета отражалось ее лицо. Казалось, Custos воспроизвел образ самой Фреды, призывая вступить в некий диалог.

Вдруг разволновавшись, она стряхнула амулет с руки, как насекомое, хмуро покосилась на него, отвернулась и задумалась. Погруженная в свои мысли, не сразу отреагировала на тихий стук в дверь.

— Войдите, — встрепелась в ответ на повторно раздавшийся стук.

В комнату заглянул Эйвин.

— Прости, что беспокою, — он остановился в дверях. — Я пришел спросить, не нужно ли тебе чего-нибудь. И... вообще-то мне хотелось переговорить с тобой наедине. Просто дай знать, когда будешь в состоянии пообщаться.

— Да я и сейчас вполне в состоянии. Тем более с тобой, — отозвалась Фреда. — Мы ведь, вроде как, почти в одинаковом положении оказались. С кем же перетереть всё, как не с... товарищем по «непоняткам». Только не знаю, с чего начать.

— Я тоже не знаю, — улыбнулся Эйвин. И сразу в его лице появилось что-то мальчишеское и озорное.

— Ну, тогда начнем с того, что ты просто присядешь, — Фреда похлопала по футону рядом с собой.

Она обеими руками сгребла кучку вещей на самый край матраса, освобождая место.

Молодой человек пожал плечами, как бы говоря «почему бы и нет», собрался было присесть, и замер. Его взгляд скользнул по предметам, вываленным Фредой из сумки, и остановился на Custos'е.

— Это все твои вещи? — кивнул юноша на нехитрое имущество Фреды — По всему видно, что тебе собраться в дорогу не дали. Мне в этом плане повезло чуть больше.

— Последнее время меня вообще не спрашивали, хочу ли я в дорогу. Я жила в стойком ощущении, что меня подхватило ураганом и несет куда-то. Стараюсь расслабиться и просто посмотреть, куда «кривая вывезет», но получается плохо, — Фреда усмехнулась.

— Понимаю, — Эйвин снова посмотрел на вещи сестры. — Прости, что лезу не в свое дело, но я просто лопну от любопытства, если не спрошу, что это за штуковина такая? Металл какой-то странный... Вроде я что-то такое уже видел. Наверное, у меня отказал механизм идентификации предметов, даже предположений никаких нет...

Не дожидаясь, пока она даст ответ, молодой человек взял Custos.

Фреда, застыв с расширенными от удивления глазами, наблюдала, как он вдруг резко отбросил амулет и вскочил с футона, тряся рукой, словно его укусила змея.

Custos крошечным фрисби пролетел до стены, ударился об неё, упал на пол, чуть покачался там на выпуклом донышке и замер.

Глава 7. Холодно-горячо

"Холодно-горячо"

"Хаос в теории хаоса и есть порядок — и даже не просто порядок,
а сущность порядка".(с)

— Я... Эээ... — юноша ошарашено смотрел то на амулет, то на Фреду, — мне кажется... Подожди минуту, я сейчас! — воскликнул Эйвин и выскочил из комнаты.

Фреда чувствовала себя зрителем в цирке. Она не проронила ни слова, пока брат использовал ее Custos, как летающую тарелочку для собак, а затем убежал, ничего не объяснив. Она поднялась с футона, подобрала амулет, машинально стерла с него невидимую пыль и снова положила его к остальным своим вещам.

Вздрогнула от прозвучавшего за спиной возбужденного голоса Эйвина.

— Посмотри! Вот, — сказал он, протягивая ей раскрытую ладонь, — только не прикасайся. Просто смотри.

Фреда перевела удивленный взгляд с оживленного лица юноши на его ладонь, с лежащим на ней небольшим серебристым равносторонним треугольником.

— Ничего не напоминает? — поинтересовался Эйвин.

— А должно?

— Присмотрись получше. Этот металл... — парень чуть повернул ладонь под другим углом, и Фреда увидела скользнувшее по поверхности треугольника приглушенное до мягкой матовости серебристое сияние.

— Ну, металл, — повторила Фреда, глядя на руку Эйвина, — что с того, что металл? Эйвин, я не понимаю.

— Металл странный, словно все время теплый. Это не серебро, не платина, уж точно не алюминий, — пояснил парень, аккуратно беря треугольник за одну сторону и чуть поворачивая его снова и снова. — Переливается приглушенным, и каким-то плотным сиянием, — он указал на Хранитель Фреды, — совсем как твоя штукавина. Кстати, она меня

обожгла. И настолько ощутимо, что в руках не удержать.

— Обожгла? — Фреда с сомнением покосилась на амулет, мирно лежащий рядом с расческой. — Не знаю, что ты имеешь в виду, но...

Не успела закончить предложение, как Эйвин быстро приложил треугольник к тыльной стороне руки Фреды. Она пронзительно ойкнула и дернулась, инстинктивно прижав ладонь к...обоженному месту? Посмотрела на свою руку — никаких следов, но ощущение точно такое, как коснуться поверхности раскаленного утюга, только мозг среагировал на болевое раздражение быстрее и резче. И в подсознании отпечаталось строгим предупреждением избегать дальнейших соприкосновения с данным предметом.

— Почувствовала? — Эйвин с живым любопытством смотрел на нее. — Похоже на ожог, правда же? Круглая штукавина и треугольник «родственники», не иначе. Обжигают, если к ним притрагивается кто-то кроме нас, и сделаны из одинакового на вид материала. Тебе так не кажется? Кстати, не расскажешь, откуда у тебя этот кругляш?

— И снова какие-то нескончаемые загадки, — пробормотала Фреда, потирая все еще саднящее запястье.

Она опустилась на футон, и потянула за рукав брата. Оба присели рядышком, примолкли, прикидывая, с чего начать или как продолжить, подбирая слова, которые будут понятными.

Эйвин задумчиво потер небритое лицо, повозил рукой по чуть отросшему ежику волос на голове и сказал:

— Я умом понимаю, что есть вещи, которые существуют помимо наших знаний, желаний и потребностей. Но никогда не думал, что окунусь во что-то такое с головой. Раньше, если и приходилось с чем-то соприкасаться, то только на время, все равно, что фильм посмотреть или сон — увидел, поудивлялся и забыл. Теперь все не так. Я в самой гуще этого всего и мне ужасно некомфортно, странно, а местами довольно противно. Мой организм протестует, отказываясь верить, хотя некоторые вещи очевидны. Или кажутся таковыми.

Слушая его, Фреда наблюдала, как он размеренно крутит в пальцах треугольник. Движение выглядело привычно отработанным, как у тех, кто постоянно перебирает четки. Видимо, парень не впервые задумывался о том, о чем говорил и не впервые размышлял об этой странной вещице, крутя ее в руках.

— Мне сказали, что этот предмет называется Custos или Хранитель сущности, — заговорила Фреда.

Она поведала Эйвину историю о том, как нашла амулет, опустив некоторые детали (например, появление призрачного видения в заброшенном доме) и рассказала, что

чувствовала, когда носила его. Юноша слушал очень внимательно, время от времени поглядывая на треугольник в своей руке и на лежащий на пледе Custos Фреды. Затем он рассказал свою историю, не забыв упомянуть, что предмет в его руке способен поглощать кровь.

— Может быть именно тем, что этот треугольник попал ко мне и можно объяснить то, что моя стихийная эмпатия вдруг притихла и перестала сводить меня с ума, — заключил юноша. — Я же сижу рядом с тобой и не чувствую твоих эмоций. Если только я не пытаюсь притянуть версию за уши в попытке объяснить необъяснимое.

— Может, и пытаешься, — заметила Фреда, — но в этом явно что-то есть. Я теперь тоже понимаю, что все те фокусы, которые я вдруг начала творить, стали более осознанными и почти контролируемыми, когда я нашла Custos.

Она согласилась, что круг и треугольник действительно похожи внешне, словно детали чего-то единого. Во всяком случае, материал, из которого они были сделаны, на глаз казался идентичным, со специфическим плотным и мягким сиянием на гладких поверхностях. И размеры. Её амулет имел в диаметре сантиметров шесть-семь и треугольник Эйвина выглядел соответствующим, соразмерным. Фреда взяла свой Custos и, желая проверить свою догадку, поднесла его к треугольнику в руках парня.

Оба почти перестали дышать и ошеломленно замерли, почувствовав, как предметы... потянулись друг к другу.

— словно намагниченные, — пробормотал Эйвин, невольно отдергивая руку с треугольником. Сила притяжения тут же исчезла.

— Ага... — подтвердила Фреда, зажимая свой амулет в кулаке.

— Хм... круг или чаша, треугольник... — произнес Эйвин. — Это довольно популярные в магии символы. Пока я гулял в сети по колдовским сайтам, форумам ведьм и траволшебников много чего нахватался. Информации о символике там хоть отбавляй, не знаю только, насколько достоверной.

— Ну, в любой куче мусора можно отыскать нечто полезное. «Истина где-то там», — задумчиво процитировала Фреда. — Знаешь, Эйвин, я своей интуиции доверяю, и мне почему-то больше совсем не хочется, чтобы вещицы соприкасались, — хмуро добавила она.

— Что-то вроде того... — отозвался юноша. — Когда эта фигня впилась мне в ногу, кровищи было предостаточно. Я ее тогда подобрал и положил в карман. Точно помню — она была просто вымазана кровью, а не поглощала ее. А уже потом дома, после того, как я порезался второй раз, я своими глазами увидел, как это происходит. Да и вампиры это видели, так что на бред это мало похоже. Что бы это значило, а?

— Вопрос интересный, но ответа я не знаю, — передернула плечами Фреда. — И то,

что эти вещицы оказались у нас с тобой примерно в одно время, наводит на определенные выводы. Хотя и ничем не подтвержденные.

— Какие же?

— Ну, хотя бы такие, что это действительно что-то значит и как-то нас объединяет. Может и не только по-родственному. Ты, кстати, как? Веришь в наше родство?

Эйвин повернул к ней лицо, пристально посмотрел, губы его раздвинулись в улыбке, в глазах заплясали озорные искорки. Он взял из кучки вещей Фреды пудреницу, открыл крышку и поднес ближе к ее лицу.

— Смотри, — сказал он.

Фреда некоторое время просто изучала свое отражение в маленьком квадратном зеркальце, потом скользнула взглядом по лицу Эйвина. Юноша наблюдал за ней, продолжая терпеливо держать перед ней пудреницу.

У них обоих была чуть смугловатая кожа, похожий разрез глаз и высокие, четко очерченные скулы. И у Фреды, и у Эйвина густые темные ресницы во внешних уголках опускались вниз, отчего глаза казались чуть подведенными «стрелками». И явным признаком похожести был абрис нижней губы — в виде изогнутого лука, отчего посередине образовывалась маленькая ямка, придававшая рту чуть капризное выражение.

— Ну-у... — проговорила она, — что-то общее можно, при желании, наблюдать.

— Ты осторожна, — заметил Эйвин.

— Научена горьким опытом. Стараюсь не радоваться раньше времени, чтобы не разочароваться, — отозвалась Фреда. — Предположим, ты мне понравился, я к тебе прониклась сестринскими чувствами. А потом, раз — и окажешься каким-нибудь коварным мошенником.

По ее бледному лицу пробежала тень, уголок рта дернулся в болезненной гримаске, но она быстро овладела собой.

— Разумно, — кивнул юноша. — А потому не стану слишком настойчиво взывать к твоим сестринским чувствам. Буду осторожен, постараюсь заслужить доверие. И кстати, ты мне тоже понравилась.

— Рада, что это взаимно, — улыбнулась Фреда.

Эйвин встал с футона.

— Пойду я, пожалуй, — сказал он. — Тебе ничего не нужно?

— Машину времени, — хмыкнула она. — Я бы тогда вернулась на некоторое время назад. Но не для того, чтобы чего-то исправить, а чтобы еще раз взглянуть на кое-какие вещи более внимательно.

Они обменялись понимающими взглядами, и юноша вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Фреда не стала погружаться в раздумья и строить предположения. Она долго стояла у окна, вглядываясь в ночную темноту. На чистом небе высыпали звезды, напоминавшие снежинки, беспорядочно налипшие на темно синем холсте.

И все же звезды лишь казались расположенными хаотично. На самом деле они складывались в созвездия, являя собой вечную гармонию, сохраняющую изначальную сущность, хоть и чуть меняющуюся с течением времени.

"В моей личной Вселенной сейчас царит хаос. Но разве порядок не появляется именно из хаоса? Надо только постараться не дать сбить себя с толку, запутать окончательно, отвлечь от наиболее важного. Надо крепко ухватить и удержать то, что не должно затеряться и пропасть в неразберихе".

Фреда обхватила себя руками, вспомнив, как не так давно Рейнхард отвез ее в Пругоницкий парк и устроил маленькое шоу из танцующих гейзеров в протекающем ручье и фейерверк из снежинок. Всего одна снежинка, из мириадов разлетевшихся по воздуху, упала на его ладонь и не растаяла. Всего одну он поймал и удержал, не повредив ее хрупкость, не дав утратить первоначальную гармонию, сохранив симметричность и тончайшую красоту.

"Я хотела бы стать этой снежинкой. Ведь правда же?" — мелькнула горькая мысль.

Издав звук, похожий на смех, рвущийся сквозь подступающие рыдания, Фреда глубоко вдохнула и выдохнула. Поток теплого дыхания коснулся окна, и на стекле образовалось туманное пятно.

Фреда смотрела, как мельчайшие капельки влаги собираются в более крупные и начинают медленно стекать вниз.

В какой-то момент периферийное зрение уловило, как за пределами туманного пятна, словно по ту сторону окна, стал сплетаться оптическая иллюзия — неясный образ, постепенно принимавший очертания человеческой фигуры. Силуэт колебался и дрожал,

словно был виден сквозь толщу воды. Бледный, залитый лунным светом, он то отдалялся, то чуть приближался на невидимых волнах, не позволяя себя разглядеть. Нечто похожее она уже однажды наблюдала на испытании у Аспикиенсов.

Фреда замерла, боясь пошевелиться, и во все глаза смотрела, как фигура медленно, с явным усилием подняла руку и потянулась к ней. Бледная ладонь, гротескно увеличиваясь в размерах, приближалась к окну, пока полностью не закрыла силуэт. Крепкие длинные пальцы коснулись туманного пятнышка на стекле, оставив влажные отпечатки, и снова отдалились.

Фреда оцепенело наблюдала, как следы от пальцев превратились в водяные капли, которые вдруг стали стремительно окрашиваться багряным цветом и густеть на глазах. И вот уже по стеклу текли тягучие струйки крови; они искривляли свое движение, вычерчивая какие-то знаки или узоры, которые тут же исчезали без следа. Через миг от видения не осталось ничего, а поверхность окна снова была совершенно чистой. Скорее всего, это была лишь игра разыгравшегося воображения, но призрачную руку Фреда узнала.

Крепкая ладонь с длинными красивыми пальцами. Рука Вагнера.

Словно оглушенная внезапно накатившим ощущением надвигающейся беды, Фреда отпрянула от окна, заметалась по комнате, борясь с желанием бежать куда-то. Грудь сдавило, лишив возможности дышать. Ловя ртом воздух, девушка рванулась к двери и выскочила из комнаты в темноту коридора. Она налетела на что-то твердокаменное и едва не упала, оглушенная, но крепкие руки схватили ее за предплечья и удержали, не давая свалиться мешком. Дыхание восстановилось и стало резко вырываться из груди частыми толчками, от которых зашумело в ушах, и закружилась голова. Фреда дрожала всем телом, ноги подгибались в коленках, и если бы не крепкий захват удерживающих ее рук, она бы точно свалилась на пол.

— Я все время тебя где-нибудь ловлю, — заявил невозмутимый голос.

В коридоре этажа было темно, только справа чуть проникал свет, льющийся снизу, из гостиной. Электричество здесь явно сэкономили, но и без того было понятно, что она налетела на Лео.

— А я везде на тебя натыкаюсь... — пробормотала в ответ, чуть успокоившись и перестав трястись.

— Куда ты так спешила? — Лео ослабил хватку, продолжая лишь чуть придерживать.

— А куда я здесь могу спешить? — ответила Фреда вопросом на вопрос. — Вниз решила спуститься. Есть вдруг захотелось...

— Изголодалась ты, видать, изрядно, раз так неслась, — ухмыльнулся вампир. — Ну, пошли, Эйвин там что-то оставил тебе перекусить.

— Да я и сама дойду, — Фреда повела плечами, высвобождаясь из рук вампира. — Спасибо.

Руки Лео на миг задержались на ее плечах и мягко скользнули вниз. Пальцы вампира едва заметно дрогнули, словно сжались в нежелании отпускать, и он отпрянул от нее, отступая к стене.

Она быстро пошла к лестнице, ведущей на первый этаж.

Фреда услышала, как скрипнули зубы Лео, и как сквозь них хрипло по-французски вырвалось едва слышное:

— *Obsession diabolique...* *

Даже не зная французского, она поняла, что пробормотал Лео.

Увидев опрокинутое лицо вошедшей на кухню Фреды, Эйвин помрачнел, но не стал ничего спрашивать, а только показал на контейнер со спагетти.

Она благодарно кивнула и мысленно взмолилась, чтобы ее оставили на кухне одну. Фреда жевала чуть размякшее от повторного разогрева в микроволновке спагетти, щедро залитое соусом из картонной упаковки. Ела, не чувствуя вкуса еды, но четко ощущала соленый привкус собственных слез, которые глотала, не давая им пролиться из глаз.

Очередное видение нарушило готовность обрести равновесие и смирение. Её подсознание могло предательски вызвать фантом, возникший в окне, но Фреда чувствовала, что вовсе не подсознание играло с ней. Образ был посланием. Загадкой, которую следовало разгадать и как можно быстрее. Или это было прощание, щедро одобренное кровью, которой истекала ее раненая душа.

Фреда и сама не понимала, от чего хотелось плакать больше всего — от усталости и потрясений, следующих без перерыва, как подземные толчки прямо под ее ногами. От непонимания и бессилия. От утраченных надежд и разбитого сердца.

Или от злости, потому что не знала, как на все это повлиять и исправить.

Но если что-то не знаешь, то можно найти способ восполнить пробел, попытавшись узнать необходимое.

Закончив есть, Фреда налила себе чашку остывшего чая, который обнаружила в

большом керамическом чайнике. Зеленовато-коричневая жидкость имела резковатый запах, казавшийся знакомым. Сделала глоток и раздраженно поморщилась — редкостная гадость, как такое вообще можно пить.

— Эйвин! — позвала негромко, надеясь, что вместе с юношей не ввалится кто-нибудь из вампиров.

Парень вошел на кухню, напряженно глядя на Фреду.

— Что это за чай такой? — спросила она. — Никогда ничего противней не пила.

Лицо Эйвина мгновенно расслабилось.

— Это не чай. Это отвар сосновой коры, — ответил он.

— Зачем? — удивилась Фреда.

— Хм... Прочитал тут кое-что, решил попробовать. — сказал Эйвин. — На себе попробовать, не на тебе, — поспешно добавил он. — Как-то не подумал, что ты обнаружишь это варево. Извини, что не предупредил.

— Нет. Это ты извини, что сунула нос, куда не следует, — вздохнула девушка. — Мне следовало спросить тебя. Мало ли что тут может быть, в самом-то деле, не все же нужно сразу в рот тащить.

— Но все же, зачем тебе отвар? Если, конечно, не секрет.

— Не секрет, — Эйвин сел рядом с Фредой за стол. — Попалась информация, в которой утверждается, что отвар сосновой коры может возвращать утраченную память. Я подумал, что это может позволить вернуть стертые воспоминания.

— Да ладно! — воскликнула Фреда. Эйвин в ответ на ее восклицание выразительно посмотрел куда-то за ее спину и приложил палец к губам.

Фреда понизила голос и продолжила:

— Что, вот так просто — ободрал деревце, заварил кору, выпил и все вспомнил, разом излечив магическую амнезию?

— Конечно, все совсем не просто. Надо набрать коры с определенных деревьев. Затем заварить, произнося какую-то абракадабру, дать настояться четко обозначенное время и пить по строго предписанным указаниям, — на полном серьезе пояснил юноша. — Можешь потом посмотреть, я рецепт в айпаде сохранил.

— Я еще поверю, что так можно вылечить цингу или кашель, но вернуть память... —

Фреда скептически покачала головой.

— Ну, не вспомню ничего, так хоть витамина С в организм добавлю. Тоже неплохо, — улыбнулся парень. — Вреда не будет.

— Тоже верно, — согласилась Фреда. — Ты молодец, что пытаешься что-то предпринимать. Мне осточертело себя овцой чувствовать, а что делать, я пока не пойму.

Как жаль, что в книгах, которые ей давал читать Вагнер, не нашлось ничего полезного для них в данной ситуации. Возможно, плотая магическое чтиво том за томом, она просто ничего не запомнила, но, кажется, никаких практических советов, типа «как избавиться от бородавок» или «как вернуть утраченное» там точно не попадалось. Лишь тонны исторических фактов, общей информации о клане вампиров-магов и псевдонаучных доказательств существования магии и ее разновидностей. Еще попадались пространные описания обрядов и ритуалов, но это был не обучающий материал и не руководства для начинающих пользователей.

— А знаешь что, — произнесла Фреда. — Если уж кому и пить твоё зелье, то мне, а не тебе. Я недавно столько информации по всякому паранормальному поглощала, а ничего толком вспомнить не могу. Может что-то важное и полезное упустила. Так что давай, рассказывай, как это твоё пойло употреблять.

...Позже, после их разговора, Фреда немного прибралась на кухне, и, устало зевая, отправилась наверх. Лео заперся в одной из комнат на втором этаже и ни разу не появился в гостиной. Тайлер куда-то исчез почти сразу после того, как они рассказали все Фреде.

Эйвин какое-то время прислушивался к полнейшей тишине в доме, потом открыл в своём айпаде запоролённую папку и задумчиво уставился на открывшийся текст.

На небольшом экране был изображён круг, с вписанным в него равносторонним треугольником.

К рисунку прилагалась краткая информация "Символ возврата зла. Используется в контрмагии, как мечь за магическое нападения (негативное влияние) на человека. Не используется как ответ на зло, возникающее в обычной жизни. Для мщения используется энергия нападения вашего врага (врагов)".

Юноша несколько раз перечитал короткий текст и стер его, уничтожив следом за этим и саму папку.

На них с сестрой по сути и было совершено «магическое нападение», уничтожившее в детстве их прежнюю жизнь и часть их самих. Но почему-то Эйвин никак не мог считать, что это являлось именно тем «злом», за которое могли отомстить их объединённые в один Хранители.

*obsession diabolique (фр.) — дьявольское наваждение.

Глава 8. Зимний вечер в Ганновере

Зимний вечер в Ганновере

«Секрет сам по себе — ничто. Трюк, на котором он строится — вот что важно».
(к/ф «Престиж»)

Вагнер «гостил» в Ганноверской резиденции Аспикиенсов пятые сутки.

Отправляясь к Смотрящим для доклада еще в Праге, вампир считал себя подготовленным ответить на все вопросы и выдержать любые проверки.

Членов Ордена объединяла единая кровная линия, многократно усиленная магией. Вагнер даже не помышлял о том, чтобы скрыть обмен кровью с Фредой. Он заявил, что девушка ответила категорическим отказом на известие о принятии ее в ряды членов Ордена и бурно отреагировала на решение об обязательном Обращении. Человеческая строптивость, истеричность, непокорность нового адепта и связанные с этим риски для сообщества вампиров стали убедительным объяснением поспешному обмену кровью в обход одного из Смотрящих. Кровная связь была одним из основных способов привязки и контроля, и в таких случаях к нему прибегали без проволочек. Даже не являясь создателем и новообращенным дитя, любой вампир-маг, обменявшийся кровью с человеком, мог чувствовать часть себя в том человеке, и человека — в себе.

Аспикиенсы не выказали видимого недовольства и приняли объяснение. Они подробно расспросили Вагнера о девушке, уделив общему положению дел в Цитадели лишь толику внимания, подтвердив опасение, что Фреда вызвала у них особый интерес.

Отчитавшись, Рейнхард счел, что справился, не выдав своих личных мыслей и тайн. На этом все должно было закончиться, но формальный визит неожиданно затянулся. Смотрящие не торопились отпускать Вагнера, а затем заявили, что он отправляется с ними в их резиденцию в Германии под Ганновером. По прибытии на место сообщили, что Фреда исчезла в неизвестном направлении, и ее обязательно нужно найти и вернуть.

Несомненно, о побеге Фреды им стало известно еще в Праге, но там они ничего Вагнеру не сказали.

Согласно первоначальному плану, Метте должна была вывезти Фреду из страны и переправиться через границу. В этом случае девушки проследовали бы по территории Германии, и Аспикиенсы вполне могли узнать направление движения беглянки, используя магию. Но, видимо, где-то ее след терялся, и теперь Фреду можно было найти, только подключив кровную связь.

Рейнхарду оставалось надеяться, что девушки успели укрыться в безопасном месте, и кроме этой туманной надежды у него не было ничего. На время визита к Аспикиенсам запрещалось пользоваться любыми видами связи и исключались все светские контакты с внешним миром, поэтому все эти дни Вагнер не мог связаться с Метте,

И хотя ему страшно не терпелось узнать, как обстоят дела Фреды, он был не против задержаться возле Аспикиенсов и подробнее узнать их планы. По крайней мере, сейчас он точно знал, что Фреда покинула Цитадель и страну, ускользнув от Смотрящих.

Вангер рисковал открыться, дать почувствовать свои истинные эмоции, в том числе и

по отношению к Фреде. Аспикиенсов не шокировало бы известие о том, что Регент переспал с человеческой девушкой, они и не исключали такой вариант. Смотрящие ничему не удивлялись и ничего не осуждали, они просто делали то, что считали правильным и необходимым. Все прочее, если оно не являлось помехой их планам, они просто игнорировали или уничтожали без раздумий и колебаний.

Сородичи всегда потакали своим инстинктам, используя для этого людей.

Правящая верхушка Ордена исключением не являлась. Древние маги-вампиры, давно утратившие тонкости человеческого восприятия и не обремененные нравственными условностями, к поиску подходящих объектов для удовлетворения своих нужд подходили крайне рационально.

За тысячелетия Смотрящие словно превратились в одно триединое существо. Их потребности и желания чаще всего совпадали по времени и силе, а посему достаточно найти одну женщину, от которой можно получить и питание, и секс всем троим одновременно. Так проще и надежней. Чаще всего после таких «групповых упражнений» жертва не выживала, но одна жертва — не три. Аспикиенсам, видимо, казалось, что таким образом они поступают более целесообразно, разумно и... гуманно.

Представив, что на месте подобной жертвы вполне могла оказаться Фреда, Вагнер в полной мере осознал, насколько сложно будет сохранять сдержанность, находясь длительное время под пристальным наблюдением и контролем своих Покровителей.

Через французские окна эркера видна покрытая снегом лужайка. Вдалеке, по периметру обширного участка горят фонари, освещая сегменты внушительного и замысловатого ограждения из кирпича и толстых металлических прутьев.

Эркер занимал всю стену в просторной, со вкусом обставленной комнате, освещенной тремя настольными лампами на консольных столиках. Еще одним источником света была толстая свеча в массивном подсвечнике, водруженном на середину круглого стола, расположенного в пространстве эркера. Белая мраморная столешница крепилась на массивную центральную опору в виде огромного кубка из старой бронзы, украшенного сложным узором из переплетенных символов.

Свеча служила не для того чтобы добавить обстановке уюта и подчеркнуть очарование зимнего вечера. Зачарованная древней магией, она являлась поглощающей силой, которая заставляла всё, что будет произнесено за этим столом, оставаться здесь и не быть никем услышанным и узанным.

За столом сидели четверо мужчин. Трое Смотрящих походили друг на друга: одинаково противоестественно гладкие, бледные и неподвижные лица, немигающие, словно мертвые глаза. Четвертым был Вагнер, и он выглядел в этой компании, как очевидно правильный ответ в тесте на определение «лишнего элемента».

— Рейнхард, надо отметить, что в данной ситуации твое поспешное решение создать связь со строптивой девчонкой, оказалось очень своевременным, — сказал один из сидящих за столом — темноволосый, одетый в идеально сидящие черный пиджак, серые брюки и ослепительно белую рубашку. — Поэтому ты и здесь. Приступай к поиску немедленно. Используй любую магию, если нужно. О последствиях можешь не волноваться. Доминис мы берем на себя, они ничего не узнают. Владык не стоит волновать и посвящать во все наши хлопоты.

«Наши хлопоты? Так Доминис не в курсе того, что вы затевает? Интересно, чего вам

стоит держать в секрете свои замыслы...» — пронеслась где-то на периферии сознания крамольная мысль, и Вагнер тут же отогнал ее.

Рядом со Смотрящими легко стать вампиром-параноиком с манией преследования, постоянно ожидания ментального контроля с их стороны. Однако процесс подключения к сознанию не был непрерывным, и это давало возможность научиться отслеживать его.

Рейнхард сосредоточился на происходящем за столом.

Доброжелательность тона и спокойствие речи Смотрящего, которого звали Кассий, никогда не обманывала Регента

Именно Кассий был Создателем Вагнера, и за семь столетий их родства Рейнхард научился хорошо понимать своего Сира и остальных Аспикиенсов.

Любые эмоции были для древних вампиров-магов редкостью, поэтому предавались они им с особым наслаждением, смакуя каждый нюанс, как изысканное лакомство. Если они позволяли себе гневаться, то это было из разряда «умри все живое и неживое». Потеря чувств практически ничем не компенсировалась, потому они пользовались любой возможностью ощутить хоть что-то. Сейчас Кассий был в состоянии контролируемого азарта, как затаившийся в засаде охотник или хищник.

— Я найду ее, — твердо заявил Вагнер. — Девчонка никуда не денется.

Он старался сохранять невозмутимость, кожей чувствуя вибрации силы, что скапливалась в комнате, осязаемыми покалываниями оживляла отмершие нервные окончания и свивалась в энергетические жгуты, предупреждая о недопустимости быть пойманным на лжи, укрывательстве или неподчинении.

Спросить напрямую, какую судьбу уготовили Смотрящие Фреде, Вагнер не спешил. Гораздо больше можно прояснить в процессе беседы, наблюдая и слушая. Ясно одно — интерес Аспикиенсов к Фреде вызван не просто любопытством к её неординарным способностям.

Талантливых новичков было достаточно, чтобы создавать из них полезных членов Ордена, постоянно пополняя его ряды. Но действительно уникальных адептов Ордена за все семь столетий Вагнер мог сосчитать при помощи пальцев одной руки. И одним из них являлся он сам. Способности Фреды незаурядны, но кроме желания заполучить ее в ряды магов крови было и еще что-то, в чем Аспикиенсы решили ее задействовать.

Ожидая дальнейших пояснений, Рейнхард неприятно удивился, когда разговор неожиданно свернул в другую сторону.

— Ты в курсе, что крысеньш Эрцгерцог что-то снова затеял? — спросил Вагнера второй из Смотрящих, самый «молодой» из них — Скиллинг. Бывший воин-англосакс, обращенный в вампира в пятом веке, больше, чем за полтора тысячелетия не утратил своих стремлений к завоеванию всего и всех. Скиллинг являлся кровным «братом» Вагнера, так как у них был один создатель — Кассий.

— Это невозможно не заметить, — сдержанно отозвался Рейнхард. Эрцгерцог слыл весьма непредсказуемым и часто будоражил вампирское сообщество не только Чехии, но и всего Старого света какими-нибудь провокационными выходками. — Вечный мальчишка, он хочет быть заметным и как-то выделяться среди прочих правителей нашего Сообщества.

— Наместник не дурак, хоть и производит впечатление легкомысленного и заносчивого болвана с завышенным самомнением, — заметил третий Аспикиенс по имени Карл. — Не обманывайся на его счет, Рейнхард.

— Собственно, это еще одна из причин того, что ты находишься сейчас здесь, —

добавил Скиллинг.

— Что же происходит? — поинтересовался Вагнер.

— Краус активно ищет старые рукописи, — ответил Карл.

— Это не ново. Он всегда был равнодушен к разным редкостям, артефактам и прочему, — отозвался Рейнхард. — Краус болен собирательством, потому что иначе и не назвать его манию тащить все, что блестит. Он не коллекционер, он настоящая сорока. Скульптура, кальяны, живопись, свитки, рукописи, ювелирные изделия, модные шмотки всех времен и народов. Недвижимость. И этим область его интересов не ограничивается. Не удивлюсь, если узнаю, что Краус собирает еще и обертки от жвачки или фигурки слоников.

— Не спеши с выводами, Дитя, — подал голос Кассий.

Чувствуя, как обострились его инстинкты, Вагнер не позволял зарождавшемуся в нем предчувствию приобрести конкретную форму — эмоции или оформленной мысли — ведь это непременно почувствуют Аспикиенсы.

Нельзя чувствовать, нельзя размышлять, можно просто слушать, накапливая и складывая информацию. Пока у него все получалось, многовековая выдержка ему не изменяла.

— Так что же ищет наш наместник? — сдержанно поинтересовался Вагнер.

— Тебе, конечно, известно, что такое Эгрегор? — вдруг спросил Кассий.

Рейнхарду показалось, что его мертвое сердце вдруг превратилось в тяжеленный камень и ухнуло куда-то в темную бездну, полную первобытного ужаса, потащив его за собой, словно утопленника.

— Конечно, известно. Это энергоинформационная сущность, которая создается группой посвященных, — автоматически ответил Рейнхард, как на экзамене. — Каждый Эгрегор объединяет своих создателей, имеет определенные цели и задачи и способен воздействовать на членов группы и не только на них.

— Неучи и невежды путают эгрегор с созданием группового заклинания или ритуала, при помощи которого можно добиться той или иной цели, — заметил Кассий. — Эгрегоров бесконечное множество и они многообразны по своим возможностям. Но создать Эгрегор совсем не так просто, как придумать и произнести новое заклинание. Одного желания и владения магией недостаточно, чтобы объединиться для сотворения могущественной сущности. Даже правильно сформулировать идею может далеко не каждый, не говоря уже о том, чтобы запустить механизм действия конкретного эгрегора и заставить его работать правильно.

Кассий назидательно прочел эту небольшую лекцию о том, что Вагнеру было давно известно, и замолчал. За круглым столом воцарилась тишина, нарушаемая только тихими звуками музыки, несущимися из стереосистемы, установленной на тумбу между двумя книжными шкафами.

Альбан Берг и его мрачный "Воцтек"*. Очень уместно и своевременно. Достойная иллюстрация к тому, что творилось.

— Рейнхард, ты задаешь мало вопросов, хотя наверняка понимаешь, что ситуация не просто так требует твоего участия, — вдруг сказал Карл. — Мы все объясним. Так вот, Краус, судя по тому, что нам удалось узнать, ищет информацию об эгрегорах изменения сущности.

«Одна сущность возобладает над ругой сущностью...» — как эхо пронеслось в голове.

— Подобные эгрегоры — всего лишь недобрые мифы, которые будоражат умы вампиров, и не только вампиров, тысячелетиями, — твердо ответил Рейнхард, чувствуя, как

окончательно умирает его едва живая душа. — Но я уверен, что в большей степени наш вид давно перерос глупую веру в невозможное.

«Семь столетий прошло, а я как сейчас помню наш разговор с отцом об эгрегорах. И эта беседа не похожа на просто совпадение. Но почему, почему сейчас?!» — снова подало голос сознание.

Тревога нарастала, превращаясь в доносящийся откуда-то из прошлого жуткий звук, похожий на вопль банши, несущий самые дурные известия.

— Каждый миф произрастает на почве реальности, — возразил Скиллинг. — Ничего в этом мире не исчезает бесследно, — лицо Смотрящего в свете свечи стало похоже на мраморный барельеф. — Это один из принципов магии, но также и закон существования всех миров. Любое событие или идея, возникнув где-то в какой-то отрезок времени, навечно становятся частью Вселенной и никогда уже не уйдут в небытие. Они могут быть забыты, отодвинуты во мрак невежества, казаться потерянными, но все это лишь на время. И никогда, ни при каких условиях не могут быть уничтожены окончательно и без следа.

— Создание эгрегоров — обычная магическая практика, и мы пользуемся ею постоянно, — продолжил Кассий. — Сотворение Эгрегора, способного изменять сущность — это совсем другое. Это не наука, не искусство, не забава, вроде головоломки. Это высшее понимание, которое дается далеко не каждому. Но это тоже реальность.

— Ты знал, что твой отец очень близко подошел к пониманию этого? — спросил Карл, внимательно глядя на Регента мертвыми глазами с мутновато-синими радужками.

— Я знал, что отец многое постиг, — ответил Вагнер. — И мне, как никому другому, хорошо известна цена, которую пришлось за это заплатить. Игнациус пересек границы дозволенного в своих исследованиях. Я был против этого тогда, не считаю это правильным и теперь.

«Почему это всплыло именно сейчас?!» — пульсировало в мозгу Вагнера.

— И, насколько мне известно, все записи моего отца сгорели вместе с его лабораторией, — осторожно заметил он.

— Сейчас это уже не столь важно, — отозвался Кассий. — После пожара у твоего отца не осталось ничего из его работ. И Игнациус до конца своих дней соблюдал обещание, данное нам — под страхом смерти живущих родных и всех последующих потомков не заниматься больше исследованиями. Записи сгорели, но их содержание для нас не секрет. Не думаешь же ты, что мы не потрудились ознакомиться с тем, что успел изучить твой батюшка? Он не открыл ничего нового, все, что он узнал, для нас не являлось тайной. Но он вступил на территорию, на которой смертным делать нечего.

Вагнер не смог сдержаться и утратил контроль, позволив Аспикиенсам почувствовать свое состояние. Древние вампиры-маги тут же отозвались, жадно, как хищники, почуявшие раненую дичь. Их ментальные и энергетические нити потянулись к нему, бесцеремонно полезли в его сознание, прощупывая, изучая, и купаясь в волнах его эмоций.

— Ты встревожен, — заметил Кассий. — Но это объяснимо, дитя мое. Ветер, доносящийся из прошлого, порой волнует даже нас. Но не будем отвлекаться. — Создатель Вагнера, медленно оглядел всех присутствующих и продолжил: — Совершенно точно имеются печатные источники, в которых упоминается об эгрегорах изменения сущности. Именно их и ищет эрцгерцог. Тот человек, что был убит в музее, работал на Крауса. Он поставлял ему архивные материалы со всего света, содержащие информацию на эту тему.

— Наш Эрцгерцог умело играет роль легкомысленного повесы, а на самом деле он

хитер, как старый лис, — заметил Карл, моргнув тяжелыми веками, отчего стал похож на жуткого инфернального филина.

— Но с чего наместник вообще вздумал интересоваться этой информацией? — спросил Вагнер, даже не пытаясь скрыть искреннее недоумение.

— Трудно сказать, почему вдруг он так заинтересовался этим, — отозвался Скиллинг. — Возможно, заскучал и решил проверить достоверность мифов. Или случайно натолкнулся на упоминание в каком-то источнике. Ведь то, что узнал Игнациус Вагнер смог узнать и еще кто-то, только в другом месте и в другое время. Идеи не исчезают, и иногда появляются у нескольких человек, никак не связанных друг с другом. Как бы там ни было, но некоторые события вдруг совпали. И интерес наместника к данной теме не случаен.

— Но не хотите же вы сказать, что Краусу по силам осуществить ритуал создания такого Эгрегора! — воскликнул Рейнхард.

— Конечно же, нет. Но что помешает ему попытаться, — ответил Кассий. — Мы знаем об Эгрегорах все и даже больше, мы создаем их для разных целей. Но это вовсе не то же самое, как люди выпекают блинчики на завтрак. Мы лучше всех прочих знаем, как непросто это сотворить. Но Краусу это неизвестно, он полон одержимого желания попробовать.

— Мы пытались выяснить, как далеко зашел Краус в своих изысканиях, — продолжил Карл. — Для этого и подослали в музей Оливера, чтобы он забрал документы, но та девушка спутала все карты. А документы, судя по всему, все же достались Краусу. Не то чтобы нас это сильно беспокоило, но эрцгерцог как назойливая муха, которая лезет туда, куда не следует. Пока мы займемся им, ты, Рейнхард, должен отыскать девушку и доставить ее к нам.

— Девушка тоже как-то связана с этим? — взгляд Вагнера застыл, индиго радужек поглотила чернота.

— Девушка полезный объект с неплохим потенциалом, — уклончиво отозвался Скиллинг. — Но об этом рано говорить, сначала ее нужно найти.

Вагнер молчал, изо всех сил пытаясь не думать о Фреде. Он догадывался, зачем она понадобилась Аспикиенсам, но пока не мог обдумать свои соображения. Он напряженно замер и снова привлек к себе пристальное внимание всех трех Смотрящих. Они как локационные установки, мгновенно чувствовали любое изменение эмоционального фона и тут же пытались проникнуть в сознание, чтобы прочитать потаенные мысли.

Вагнер постарался выдать свое напряжение и нарастающую тревогу за чрезмерную озабоченность темой разговора. Пусть Смотрящие думают, что он шокирован тем, что его посвятили в эти тайны.

— Мы проследили ее путь и знаем, где именно она пересекла границу страны. Мы знаем, что она была не одна, — продолжил говорить Скиллинг. — Ей помогают какие-то вампиры, и они не члены Ордена. Кем бы ни были те вампиры — чужаками или подданными эрцгерцога — ситуация может стать неприятной и непредсказуемой.

Рейнхар на миг опустил глаза, скрывая взгляд, в котором могло отразиться его смятение. Фреда попала к вампирам-чужакам? Неужели она не с Метте?

— Мы не можем упустить прекрасную возможность по нелепым причинам, — сказал Кассий. — Крауса мы берем на себя, а ты находишь девчонку. На этот раз у нас должно получиться нечто большее, чем раньше. И ты присоединишься к нам, став четвертым в нашем вечном союзе, дитя мое.

*"Воццек" — «Воццек» (нем. Wozzeck) — экспрессионистская опера австрийского композитора Альбана Берга, признающаяся одной из вершин оперного искусства 20 века. Опера является характерным экспрессионистским сочинением. Музыка ее атональна, в ней использованы особо острые выразительные средства темброво-ритмического порядка, напряжённые сценические ситуации и поэтические тексты.

Глава 9. Другой берег

Другой берег

«Иногда ты должен принимать неправильные решения, чтобы посмотреть, кто с тобой, когда всё рушится». (П. Коэльо)

Фреда сжалась в тугой комок на футоне, обхватив себя руками и повернувшись на бок лицом к окну. Она то погружалась в дрему ненадолго, то снова просыпалась и слегка затуманенный взглядом следила, как над верхушками елей по небосклону медленно пробирается луна.

Из головы не шло недавнее видение бледной руки, оставившей кровавый отпечаток на поверхности стекла, словно такой же кровоточащий след был теперь и в ее сознании, а вместе с раненой памятью капельками крови истекала и душа.

Попытавшись отвлечься от гнетущих мыслей, Фреда сосредоточилась на внешних ощущениях. Но вовне было мало того, что способно задержать внимание: ни запахов, ни звуков, пустые стены и только полотно окна с лаконичным пейзажем за ним. Тем не менее, эта пустая комната в незнакомом доме не казалась чужой и неудобной. Наоборот, именно здесь она чувствовала себя почти безопасно, впервые за долгое время. В этих стенах находились еще два вампира и человек, и она их не боялась, делила с ними кров, хотя и не могла толком осознать, кем они на самом деле для нее являлись.

Значит, вот так это и бывает — внезапно обрести семью, которой, как она считала, у нее не было? Кто-то находит тебя в определенный момент жизни и говорит, кто ты и откуда и ты словно должен начать жить как-то иначе.

«Верить или не верить» больше не являлись основными категориями для суждений и оценки ситуации. «Принять или отвергнуть» — так теперь стоял вопрос.

Раньше, в прежней жизни «до музея» было так: верю, значит, принимаю, не верю, значит отвергаю.

Теперь же верить вовсе не означало принимать. А неверие во что-то или в кого-то не являлось больше поводом для того, чтобы все категорично отрицать.

Она поверила Лео и Эйвину, но никак не могла принять их теми, кем они, якобы, для нее были.

Она не доверяла больше Вагнеру, но поймала себя на мысли, что при этом не отвергает его самого. Но разве такое возможно?!

Что-то снова заныло в душе, жалобно и горько, словно тихо заплакал одинокий, всеми брошенный и забытый ребенок. Фреда крепко обхватила себя, вцепившись пальцами в предплечья, и зажмурила глаза.

Понимание того, что никогда больше не сможет почувствовать Вагнера так, как страстно желала, причинила нестерпимую боль. Мысль о том, что никогда больше не увидит его, почти убивала.

«Хотя бы еще раз увидеть его. Не задавая вопросов, ничего не говоря. Просто увидеть, заглянуть в глаза. Иначе мне не принять, не смириться...»

Желание накатило так сильно, что Фреда разволновалась, и сердце забилося в груди с

частотой барабанной дроби. Перевернувшись на спину, попыталась успокоиться, заставляя себя дышать медленно и размеренно. Глаза по-прежнему были закрыты, и она попробовала представить себя ритмично раскачивающейся в гамаке под сенью деревьев в летний день. Этот прием частенько помогал, когда нужно было совладать с волнением или паникой.

— Мне не с кем просто поговорить, не говоря уже о том, чтобы спросить у кого-то совета... — Фреда и не заметила, как мысли превратились в слова, сами собой сорвались с губ и растаяли, словно облачко теплого дыхания на морозе.

— Неправда. У тебя есть ты сама и лучше тебя никто не знает, как поступить.

Голос прозвучал тихо, но так отчетливо, что потрясенная Фреда на миг перестала дышать. Замерев, она приоткрыла глаза, глядя в темноту сквозь ресницы. В глубине комнаты, освещенной только рассеянным светом полной луны, она увидела призрачную фигуру. Фреда резко села, опираясь на руки за спиной, и спустила ноги на пол. Тело напряглось, став пружиной, готовой вскочить и броситься к двери, но инстинкты не подавали сигналов об опасности.

— Ты видишь меня, — раздался все тот же тихий голос.

Это был не вопрос, а утверждение, и Фреда уверенно отозвалась:

— Вижу. И не впервые.

— Ты знаешь, кто я.

— Не уверена, что могу утверждать наверняка, но предполагаю, что ты... Мэдисон.

Если ее нервная система дала сбой, и теперь она видит галлюцинации, то такие правдоподобные диалоги с видениями являлись совсем уж печальным признаком.

— Я не галлюцинация, — прозвучал ответ на мысли Фреды. — И сразу говорю — я не слышу мыслей, и не чувствую эмоций, как могла когда-то, но выражение твоего лица более чем красноречиво транслирует твои чувства.

Видение выступило вперед, и сейчас стали отчетливо видны полупрозрачные контуры изящной женской фигуры. Никаких призрачных балахонов, на силуэте прорисовывалась вполне обычная одежда — джинсы и майка. Будто сотканное из лунного света, видение казалось лишенным красок и объема, но в то же время выглядело вполне реалистично, если такое определение применимо к чему-то призрачному. Ниже среднего роста, стройная, почти хрупкая, длинные до поясницы волосы откинута назад, открывая высокий лоб и гибкую шею. Черты призрачного лица чуть размыты и плохо различимы.

— Тогда что же ты такое? Призрак? Дух? Фантом? — спросила Фреда.

— Честно говоря, сама не знаю, — отозвалось видение. — Я помню, как покинула этот мир, но во время перехода что-то произошло. Меня словно зацепило где-то на границе. Я не понимаю до сих пор, где именно нахожусь и почему соприкасаюсь с миром живых таким образом.

— Вампиры вообще не живые, но они чувствуют себя в нашем мире вполне неплохо, — сказала Фреда. — Почему бы не существовать и таким, как ты.

— Верно, — тихий смешок прозвучал, как одобрение. — Хотя от этого не становится яснее, «что» я такое.

— Чем бы ты ни была, я вижу и слышу тебя, если это, конечно, не сон. Можно спросить?

— Конечно, раз уж мы нашли способ общаться, — пожатие призрачных плеч и легкий кивок головы подтвердили слова. Длинные, серебристые пряди волос качнулись медленно и плавно, будто в воде.

— Ты и, правда, моя...мать?

— И Эйвина тоже, — ответ прозвучал без колебаний. — Я назвала вас Джейк и Леона. Лео дал вам другие имена и другие жизни. Я зла на него за это. И безмерно ему благодарна.

Фреде показалось, что видение произнесло эти фразы, как нечто, давно просившееся быть высказанным.

— Почему? — вскинула брови Фреда.

— Вы почти двадцать лет прожили нормальными человеческими жизнями, не помня горечи потери единственного родителя, — Мэдди качнулась, плавно переместившись в сторону, и продолжила, — и, насколько мне известно, практически ни в чем не нуждались. Вы выросли и выучились, затем неплохо устроились, причем благодаря своим собственным возможностям и талантам, и были далеки от всего сверхъестественного. Вам помогали и вас поддерживали хорошие люди. Это именно то, что любая мать желает для детей. Но вас лишили имен, наследия, родных, знакомых, и ваших сущностей. За это я просто обязана злиться на Лео. Но лишь чуть-чуть, ведь основная вина лежит только на мне — это я отвечала за вас, но оставила одних.

— Не по своей воле, виноват случай, — проговорила Фреда, облизнув пересохшие от волнения губы.

— Я обязана была подумать об этом.

— Не сомневаюсь, что ты думала и страшилась этого. Но иногда ничего нельзя изменить.

— Верно, но это слабое утешение, — горько усмехнулась Мэдисон. Её бесплотно-медленные покачивания стали резче и быстрее, словно дрожь. Тревогой пронизало воздух в комнате, не призрачной, а вполне реальной, неизменно ранящей и не дающей покоя ни в этом мире, ни в каком-то ином.

Фреда смотрела, как лунный свет проникает сквозь силуэт стоящего посреди комнаты существа, и вместо плотной тени на стене появляется скопление подрагивающих бликов и полупрозрачных пятен, как бывает, когда тусклый свет проникает сквозь мокрое стекло.

— Сейчас я здесь и чувствую, что многое нарушено, искажено, — продолжила Мэдди. — Я это знаю наверняка и понимаю, что не должна быть здесь и в таком... виде. Мне неизвестно, можно ли все исправить или привести в какую-то норму. Если для происходящего норма вообще существует.

Силуэт Мэдисон дрогнул и на какой-то миг почти утратил свою полупрозрачность, став телесно-плотным.

— Первый раз ты увидела меня в каком-то заброшенном доме, — сказала призрачная женщина. — Где это было?

— В Праге, — отозвалась Фреда.

— Я тогда толком еще не осознавала ничего, не понимала, где нахожусь. Была, как во сне, — продолжила Мэдисон. — Меня словно выдернуло из пустоты и куда-то настойчиво притянуло. Это был не первый мой контакт с этим миром, но первый более или менее... осмысленный. Я увидела тебя и осознала кто ты. Ты что-то искала в том доме?

— Я так думала.

— Ты нашла?

— Мне так казалось.

— Уклончивые ответы. Как бы там ни было, я подчинилась какому-то инстинкту, понимая, что должна была тебе что-то подсказать, как-то помочь. Ты помнишь, что я

сделала тогда?

— Помню. Ты указала мне направление. Но тогда я подумала, что ты мне пригрезилась, стала игрой света, тени и моего воображения.

— Это вполне естественно. Но будучи живой, я видела и не такое, уж поверь мне... — проговорила Мэдисон. — Чего уж говорить о странностях, если с определенного момента моей семьей стали вы с Эйвином и два вампира. Порой обстоятельства складывались так, что я почти перестала удивляться и пыталась извлечь пользу из всех странностей и непонятностей. Попытайся и ты.

— Не так давно я оказалась в одном... неприятном месте и услышала голос, — Фреда передвинулась на футоне, который довольно громко скрипнул деревянными ножками по полу, нарушив тишину. — Голос остановил меня в нужный момент, не дал совершить ошибку... Это тоже была ты?

— Кажется, меня не видит и не слышит никто, кроме тебя, Фреда, — призрачная собеседница обошла прямой ответ на заданный вопрос. — Пару раз мне казалось, что меня может видеть Лео. Но, кажется, это не так.

— Но тогда это была ты?

— Вероятно, да, — осторожно отозвалась Мэдисон. — Иногда мои визиты в материальный мир носят не совсем ясный для меня характер. Я сама будто сплю или прибываю в пограничном состоянии. Меня то тянет за грань, то снова, как рыбу, выбрасывает на берег этой реальности. И мне непросто ориентироваться...

Фреда нервно кашлянула, украдкой поглядывая на призрак, и снова задумалась, не является ли весь этот разговор лишь странной игрой ее подсознания.

— Но откуда мне знать, что сейчас ты не плод моего воображения и не сон, который породил мой нагруженный всякой всячиной рассудок? — хрипло проговорила Фреда.

— Не знаю и не могу дать подсказок на этот счет. Но что-то все чаще возвращает меня сюда и теперь держит поблизости от вас. В виде снов или видений, или еще чего-то. И я все отчетливей понимаю, что должна что-то сделать для вас всех. Но не знаю, что именно. Здесь определенно имеется какой-то якорь для меня, который держит и не дает унести в безвременье... — тихий голос призрака звучал по-человечески горько.

— Так много всего, что требует понимания и ответов, — тихо заметила Фреда. — С чего же начать?

— Мне кажется, так вопрос уже не стоит, — отозвалась призрачная Мэди. — Все уже начато, процесс давно запущен. Сейчас нужно действовать, но очень и очень осторожно.

— Как действовать? — невольно повышая голос, воскликнула Фреда. — В том-то и дело, что ни я, ни кто другой не знаем, что делать дальше!

— Тише, успокойся, — мягко проговорила женщина-фантом. — Я знаю, что тебе досталось в последнее время и есть нечто, что ты хотела бы прояснить в первую очередь. Вот с этого и начни.

— Но...как?! — выдохнула Фреда. — Я не могу отсюда никуда отправиться... Меня ищут и...и...

— ...и все же есть место, куда ты можешь отправиться...

Голос Мэдисон вдруг затих, она рывком повернула голову, бросив взгляд на закрытую дверь. Полупрозрачные пряди длинных волос медленно, совсем не в такт резкому движению, колыхнулись, напомнив водоросли в глубине вод. Фреда невольно тоже посмотрела на дверь, но когда повернулась обратно, призрак уже исчез. В этот самый миг луна зашла за гору, и в

комнате стало совсем темно.

Не заданные вопросы, не высказанные слова, застряли в горле. Фреда тщетно вглядывалась в темноту помещения, выискивая в сгустке мрака хотя бы слабый намек на присутствие там призрака. Беззвучно что-то шепча, она вся сжалась, сосредоточившись на желании вновь услышать то, что уже прозвучало, но...

— Да очнись же! Что с тобой?!

Голос звучал негромко, но требовательно. Кто-то сильно тряс ее за плечи, а по лбу почему-то стекали холодные струйки. Еще одно ледяное прикосновение к виску вызвало раздражение.

Зрение прояснилось, и Фреда увидела, что из открытой двери в комнату проникает рассеянный свет, сама она по-прежнему сидит на футоне, перед ней склонился Лео, а рядом с ним стоит Эйвин. Вампир тряс ее за плечи, а Эйвин, с перекошенным от волнения лицом, прикладывал ко лбу и щекам девушки полотенце, в которое, судя по всему, был завернут снег.

— Какого черта?! — воскликнула Фреда, отмахиваясь от непрошенной заботы, и порываясь подняться с матраса.

— Это ты нам объясни, какого черта здесь происходит? — повысил голос Лео. — Я слышал, как ты что-то бубнишь. Сначала подумал, что ты с Эйвином разговариваешь, но его храп доносился с первого этажа. Мне стало интересно, уж прости. На стук в дверь ты не ответила, а продолжила говорить. Ну, я и заглянул в комнату и увидел, как ты сидишь, смотришь стеклянными глазами в темноту и что-то бормочешь... Я, конечно, не из пугливых, но меня такое настораживает. Ты как, в норме?

Фреда вдруг как-то обмякла, глубоко вздохнула, исподлобья посмотрела на вампира, затем на брата и сказала:

— В порядке. Сны беспокойные снились, приступ лунатизма, наверное, случился от эмоционального переполнения, — проговорила, невольно покосившись туда, где совсем недавно видела призрак Мэдисон (или думала, что видела?) — Много всего произошло, нервишки шалят, мозги не справляются и все такое.

Она перевела взгляд на Эйвина, у которого с лица не сходило выражение беспокойства, и виновато улыбнулась ему, словно прося извинения за то, что снова нарушила зыбкий покой обитателей дома. Выхватив из рук брата полотенце с комком снега, прижала его к своему лбу, и сказала, обращаясь к Лео:

— Отвези меня на материк. Можешь? Я объясню, куда именно.

Перед самым рассветом Фреда забылась сном на час или чуть больше. Проснувшись, быстро спустилась вниз. Проходя мимо спящего в гостиной Эйвина, подумала, что чувствует себя так, будто знает этого парня давным-давно. Это, конечно, не доказывает, что он ее брат, но в их ситуации с доказательствами дело обстояло вообще непросто.

Поверить или просто принять.

Пошарив на кухне в поисках съестного, Фреда обнаружила коробки с хлопьями, молоко, сок, кофе, упаковку с дюжиной яиц и банки с консервами, среди которых нашла жестянка с ветчиной. Через двадцать минут на кухню, заполненную аппетитными запахами, заглянул заспанный Эйвин. Привычно потирая ежик волос на голове, парень наблюдал, как Фреда накрывает стол на две персоны.

— Как ты умудрилась сварганить яичницу? Плита ведь не работает, только

микроволновка, — поинтересовался он.

— В микроволновке и сделала, — отозвалась Фреда. — Не велика премудрость, освоена со студенческой поры. Садись за стол, все готово.

Они сидели напротив друг друга, и пили по второй чашке кофе.

— Не знал, что в микроволновке можно готовить яичницу, — сказал Эйвин. — Получилось очень даже вкусно.

— Когда я училась и жила в кампусе, мы готовили в микроволновке абсолютно все, — ответила Фреда.

Она допила свой кофе, сполоснула и убрала чашку.

— Я хочу прогуляться, — сказала она, вставая.

— Пойти с тобой? — Эйвин вскинул голову, брови его озабоченно сошлись к переносице.

— Нет, лучше покопайся снова в Сети, может, найдешь еще что-нибудь полезное.

В дверях Фреда остановилась и спросила, кивнув на стол:

— А где твое варево из сосновой коры?

— Выбросил, — пожал плечами Эйвин и улыбнулся, отчего его лицо сразу стало открытым и милым. Белые зубы блеснули в два ряда, вызывая невольную ответную улыбку у Фреды.

— Ясно, значит, ты решил прервать эксперименты по зельеварению.

Она ушла, а Эйвин, подождав, пока стихнут ее шаги, поднес чашку с остатками кофе ко рту и пробормотал:

— И без зелья все станет ясно...

...Фреда вышла из дома впервые за все время, что находилась здесь. Меньше недели прошло с того момента, как она покинула домик в деревеньке под Прагой, а ее жизнь за столь короткий срок снова круто изменила направление.

Не спеша, она обошла дом вокруг, разглядывая его от фундамента до крыши. Попыталась представить, что когда-то жила здесь, бегала по склону среди низких елей, залезала на каменные уступы, носилась по дороге вниз и вверх. Память молчала, не собираясь давать никаких подсказок и оживлять картины прошлого, но это было и не нужно. Внутренним состоянием покоя и умиротворения Фреда понимала, что это место ей не чужое. Во снах или в реальности — не важно — главное, что сомнений в достоверности этих чувств у нее не было.

Ночью, когда она попросила Лео отвести ее на материк, Фреда еще не вполне четко понимала, что именно она собиралась делать.

Она вспомнила, что рассказывал ей Вагнер об «особых местах» на земле. Не вдаваясь в размышления о том, правда это была или ложь, Фреда интуитивно ухватила за мысль, вспомнив, что одно такое место находится совсем неподалеку, здесь же, в Норвегии.

Там она провела странное Рождество, встретила волков, которые могли быть ее родичами. Там впервые почувствовала, что думает о Вагнере не как о монстре.

Может быть, попав туда снова, она сможет найти ответы на некоторые свои вопросы и развеет хотя бы часть гложущих ее сомнений.

Пустой тратой времени будет сидеть здесь и ждать, пока Лео, Тайлер и Эйвин разберутся хоть в чем-то, ведь ничем конкретным помочь им она не могла. Призрак Мэдисон, если он существует, сможет найти ее где угодно, и это подтверждалось уже неоднократно. И к тому же, ей не придется пересекать границу и рисковать быть пойманной

полицией.

Ну, а если кровная связь действительно работает, то Вагнер быстрее сможет найти ее в том месте. По крайней мере, Фреда надеялась именно на это. Что будет после того, как он найдет ее, она сейчас не думала. Ей просто хотелось понять, как глубоко она заблуждается, и насколько сильно позволила себя обмануть.

Что сделает Вагнер, если найдет ее? Заберет в собой силой и заточит в Цитадели? Обратит в вампира против ее воли, как когда-то поступили с ним? Отдаст Смотрящим?

Все это Фреду совсем не пугало, хотя она и понимала, что должно было бы пугать.

Больше всего волновало, что если с ней случится какая-то неприятность, Лео и компания бросятся ее разыскивать и выручать и сами попадут в беду. А Фреде совсем не хотелось становиться причиной больших проблем для кого-то.

Но она должна попробовать.

— Отвези меня на материк? Можешь? Я расскажу, куда именно.

— Куда это — на материк? — вскинул бровь Лео, нависая над Фредой, как лохматый шлагбаум.

Лицо этого вампира было чересчур красивым. И глядя на него вблизи, Фреда откровенно робела. Интересно, что творилось с девицами, когда этот высоченный красавец был живым и представлял собой один из лучших образцов потенциального продолжателя рода?

Фреда кашлянула, беря себя в руки.

— Где-то на берегу Тронхеймс-фьорда, — ответила, отважно глядя на вампира. — Я узнаю место, если... — замялась она.

— Могу я спросить, что ты там забыла? — поинтересовался вампир, не скрывая недовольства.

— Ответы на некоторые вопросы. Только не проси рассказывать подробнее, — поспешно добавила она. — Мне действительно нужно туда. Очень-очень нужно.

— Очень-очень не вовремя, — заметил Лео.

— В самый раз, — парировала дерзко. — И у меня есть пара вопросов на... на вампирскую тему.

— Вампирскую тему? — Лео склонился еще ниже, пристально глядя на Фреду. Длинные волосы упали, обрамляя красивое молодое лицо. — И что за вопросы?

Фреде надоело ощущать себя нашкодившей кошкой, забившейся в самый угол на сиротливом матрасе.

— Мы можем поговорить прямо сейчас? — спросила, вставая и выпрямляясь перед Лео.

— Почему бы нет. Так что у тебя за вопросы?

— Как работают кровные узы? — и уточнила, чуть понизив голос. — Между смертными и вампирами.

Краем глаза увидела, как нахмурился Эйвин, и ей стало ужасно неловко. Хорошо, что в помещении было довольно темно. Но у парень явно обладал утонченным чутьем и врожденным тактом. Он взял из рук Фреды мокрое полотенце с растаявшим снегом и вышел из комнаты, не глядя на нее. Девушка бросила вслед Эйвину благодарный взгляд.

— Ты обменивалась кровью с вампиром? — сквозь зубы проговорил Лео, буравя ее пронзительно голубым, светящимся в полумраке, взглядом.

— Это не ответ на мой вопрос, — огрызнулась Фреда.

— Как посмотреть, — он обдал ее холодом. — И кто же он?

— Не твое дело! — Фреда с вызовом уставилась ему прямо в глаза. Губы сжаты, крылья изящного носа трепещут от гнева.

Она вдруг стала ужасно похожей на Мэдисон в минуты злости, какой Лео запомнил ее. Вампир моргнул, прогоняя наваждение.

— Так уж получилось, что теперь я в некотором роде отвечаю за вас с Эйвином... снова, — проговорил он.

— Неудачная попытка номер два, — перебила его Фреда. — Один раз ты уже не справился с ответственностью, не стоит брать на себя лишних обязательств снова. Тем более, мы с Эйвином уже большие детки и не нуждаемся в ничьей опеке.

Лео застыл, глядя на Фреду, и громко скрипнул зубами.

— Поосторожней, детка. Я никогда не напрашивался вам в дядюшки, — процедил вампир, не разжимая челюстей. — Не стремлюсь им быть и сейчас. Но так уж вышло, что по моей вине или в результате ошибки, но мы снова оказались связаны некими узами. И уж точно не менее серьезными, чем те, что так заботят тебя сейчас.

— Откуда тебе знать, что именно меня заботит! — прошипела Фреда, подаваясь вперед всем телом.

Дерзкая, натянутая, как струна от злости и раздражения, она стояла близко от него, и ее аромат, запомнившийся с их первой встречи, окутывал Лео.

Она пахла не как Мэдисон. Она выглядела не как Мэдисон. Она во всем была другая, дочь чужака, который своим появлением разрушил все.

И Фреда была копией своего отца.

Если бы не рождение детей, Мэдди не нужно было бы скрываться здесь.

И тогда она не погибла бы в этих горах.

Но если бы не смерть Джейка, Мэдди никогда бы не доверилась Лео.

От этих «если» у вампира помутнело в глазах.

Фреда была частью той, которую он тайно любил и не мог забыть. И в чем уже не боялся признаться самому себе.

И все же, стоящая перед ним девушка была сама собой.

В голове Лео многое путалось с тех пор, как он разыскал детей Мэдисон. Раздражение, досада изводили его. Ему казалось, что он попал в болото: пока не тонет, но и выбраться не может. Он не знал, как ему вести себя с Эйвином и особенно с Фредой. Почему «особенно»? Да потому что она вызывала в нем нечто, что он предпочел бы не ощущать.

Лео втянул в неподвижную грудь воздух и с усилием сглотнул, поглощая аромат Фреды вперемешку со своей злостью и горьким привкусом необъяснимой ревности.

Только вот кого он ревновал и к кому?

Этого Лео тоже не мог понять и бесился еще больше и яростней.

А, может быть, это от того, что он учуял в ней кровь той сволочи, что привязала ее к себе?

Фреда напряглась, увидев, как дернулось его горло, и недобро сузились глаза.

— Это был тот вампир-маг, к которому ты попала после музея? — спросил Лео.

— Перестань допрашивать меня! — огрызнулась она.

В любое другое время, в другой жизни, будучи вампиром Лео Долговязым, он бы и не подумал допрашивать ее. Он бы просто припечатал девчонку к стене и заставил замолчать, слушая только свой основной инстинкт.

Он бы использовал ее, как средство от раздирающей боли и отчаяния. От ярости вызванной тем, что ничего нельзя исправить и вернуть назад. Он бы наплевал на то, кем была Фреда, и просто взял ее, как вампир и как мужчина, добавив к текущей по ее жилам крови вероломного Регента, свою, более древнюю и сильную кровь, которая заставила бы Фреду видеть, слышать и чувствовать его всегда и повсюду.

Но эта девушка — дочь Мэдисон, а значит ничего из того, что пронеслось в его помутившемся сознании, он никогда не позволит себе сотворить.

Никогда и ни за что.

— Это не допрос, — спокойней сказал Лео. — Если ты обменялась кровью с вампиром, то не надейся, что все мысли и чувства, что ты считаешь своими, на самом деле твои. Кровь вампира — это яд и лекарство, наркотик и афродизиак. Чем старше вампир, тем сильнее кровь. Ты можешь видеть галлюцинации и эротические сны. Твои чувства могут обостряться в тысячи раз. Ты можешь начать путать реальность и самые бредовые видения.

Фреда нервно сглотнула, не отрывая взгляда от лица Лео. Ей совсем не нравилось то, что она слышала сейчас. И Лео это знал и чувствовал.

И пусть вампир слегка сгущал краски, но в данный момент он считал это абсолютно правильным.

Пусть эта шальная девчонка уразумевает, на что подписывается.

— Вампир, выпивший из тебя, будет знать, что с тобой и где ты, — продолжил он. — А если обмен кровью произошел с вампиром-магом, умножь всё это в сотни раз.

— Значит, он сможет меня найти, даже не зная, где я нахожусь?

— Ему и не нужно знать, достаточно чувствовать тебя. И он найдет. Это ты хотела услышать? И именно этого ты хочешь?

— Да, этого, — коротко и спокойно ответила Фреда. — Так ты отвезешь меня на материк?

Полет и ожидание

«Боязнь высоты — недоверие к себе,
ты сама не знаешь, когда можешь вдруг прыгнуть».
(Дж. Фитч, «Белый олеандр»,)

С наступлением сумерек того же дня, Лео покинул свою комнату на втором этаже, в которой запирался на день, и никому не сказав ни слова, куда-то исчез. Через час он вернулся с большим, плотно набитым, пакетом. Небрежно вывалив содержимое сумки на футон Фреды, он сказал, не глядя на девушку:

— Вот. Здесь более подходящая, чем твоя, одежда и еще кое-что, что может тебе пригодиться.

Он порылся в ворохе, вытащил сверток из коричневой бумаги, обернутой скотчем, и одним движением разорвал упаковку.

— Что это? — спросила Фреда, разглядывая какие-то пузырьки и продолговатые коробочки.

— Коллоидное серебро и то, куда его можно заправить, — пояснил Лео.

— Заправить?

— Открой, — вампир сунул ей в руку одну коробочку.

Фреда открыла и не без опаски вытряхнула на ладонь... ручку. Вполне обычную, заурядную ручку, какую можно купить в любом канцелярском магазине.

— Нажми на кнопку, — велел Лео. — Только осторожней.

Фреда послушно нажала, как и ожидалось, выскочил стержень. Вот только наконечник стержня был гораздо длиннее и острее обычного, и скорее походил на шило.

— Внутрь заправляется содержимое пузырька, — Лео взял ручку, раскрутил, разделяя на две неравные части, — здесь резервуар, вмещает одну бутылочку коллоидного серебра. При нажатии на кнопку выскакивает острое и впрыскивается жидкость. Хватит, чтобы на какое-то время ослабить и вывести из строя вампира. Новообращенного можно сильно покалечить сразу, особенно, если всадить такую ручку в глаз, в область сердца или в сонную артерию. Сильного вампира этим не завалишь, но точно отвлечешь и доставишь ему несколько неприятных минут. А если быстро воткнуть штуки три такие ручки, и желательно в лицо, то можно ожидать впечатляющего эффекта.

— И... что будет, если... воткнуть это вампиру в лицо? — поморщившись, спросила девушка.

— Концентрированное жидкое серебро действует на вампиров, как кислота на людей. Если попадешь в глаз или близко к нему, можно ослепить — глаз лопнет и вытечет, — с невозмутимым равнодушием пояснил Лео. Фреда с отвращением рассматривала ручку и не замечала, что Борегар следил за ее реакцией. — Всадишь в горло — будет захлебываться собственной кровью. Короче говоря, это неплохое средство от вампиров. Здесь пять таких ручек, нужно зарядить все. Разложи их по разным местам — в куртку, в сумку, в карманы и держи наготове. Может пригодиться.

Фреда кивнула, не глядя на Лео. Воображение уже нарисовало ей Вагнера, утыканного «ручками» — ослепшего, хрипящего, с кровавыми провалами вместо глаз и дырой в горле, из которой хлестал фонтан крови, и свисали ошметки кожи. Фреду затошнило, и она закашлялась, морщась от отвращения и ужаса.

Лео холодно посмотрел на нее.

— Будь готова кушать реальность большой ложкой, девочка. Это не игры, — произнес он. — Все вампиры злые и нехорошие.

— Я заметила, — буркнула она.

Фреда кожей ощутила, как Лео раздражен.

— Пока будешь одеваться, я отдам ручки Эйвину, пусть заправит, — сказал вампир, беря пузырьки и коробочки. — А ты собирайся, если не передумала искать на свою задницу приключения.

Он вышел из комнаты, а Фреда лишь сердито посмотрела на его широкую спину и тихо вздохнула.

Лео зол на нее, это понятно, но было и еще что-то в его бурной реакции на ее решение отправиться на материк. Гадать о причинах и раздумывать на эту тему времени не было, поэтому она быстро собралась и спустилась вниз.

Заправленное жидким серебром «оружие» было уже готово, и Фреда, под пристальным контролем Леонара, разложила ручки: одна отправилась в сумку, две в карманы джинсов, еще две в карманы куртки.

Эйвин вопросов не задавал, только попросил быть осторожной и вручил свой смартфон.

— Вот, возьми. Я удалил все номера и оставил один в быстром наборе — номер Лео. Периодически отзванивайся или шли смс-ки. А если не сможешь говорить, или случится еще что-то непредвиденное, просто отправь пустое текстовое сообщение, можно на адрес моей электронной почты — айпад включен постоянно. А если от тебя долго не будет известий, мы за тобой примчимся.

Эйвин обнял Фреду на прощанье, стиснув ее сильными, накачанными руками. Братские объятия оказались очень крепкими и Фреда охнула.

— Ой, прости, — Эйвин смутился и выпустил девушку.

Фреда в ответ улыбнулась и поцеловала его в щеку. От Эйвина почему-то пахло морской водой и бергамотом. Наверное, он недавно пил чай Эрл Грей, который, судя по всему, предпочитал всем остальным напиткам — початая упаковка такого чая стояла на столе в кухне.

Новая теплая куртка, свитер, ботинки, рукавицы и шарф пришлись как нельзя кстати в путешествии, что Фреда чуть позже смогла оценить в полной мере.

Они с Лео вышли на крыльцо, вампир грубо обхватил Фреду руками и притиснул к себе так, что она уткнулась лицом в его каменную грудь, едва дыша.

— Держись, — коротко сказал он.

Фреда ощутила рывок, и земля пропала из-под ног. Плотная волна ледяного ветра окатила ее, лишая дыхания, проникая за воротник куртки и надувая ее парусом. Фреда оцепенела, боясь пошевелиться и посмотреть вниз. Она сильнее вцепилась в Лео и почувствовала, как он ловко натянул ей на голову капюшон куртки.

— Спасибо, — пробубнила она, не поднимая лица.

Этот жест тронул ее и немного снял напряжение, которое явственно ощущалось после их ночной ссоры. В какой-то момент Фреда даже испугалась, увидев в глазах вампира нечто

недоброе и опасное. А с той минуты как он согласился доставить ее на материк, Лео не смотрел в глаза девушке и ни о чем не заговаривал.

Судя по свисту ветра и напору его потоков, летели они очень быстро. Через какое-то время, Фреда немного расслабилась и решила повернуть голову. Открыть глаза она смогла не сразу — встречная волна ледяного воздуха словно припечатала ей веки. После определенных ухищрений, удалось посмотреть на мир, сильно прищурившись.

Они неслись в ночных небесах, над чернильной гладью Норвежского моря. Берег материка был хорошо виден, вскоре Фреда могла уже различить огни и ленты дорог, так, как их бывает видно с самолета.

От у нее вырвался нервный смешок.

— Что? — басовитый голос Лео раздался одновременно откуда-то сверху, над ее головой и прямо под ухом, из глубин его широкой и твердой груди, к которой Фреда прижималась. — Тебе нехорошо?

— Все нормально, — проговорила она, повышая голос, потому что сама себя слышала плохо из-за шума ветра. — Просто до сих пор я летала только на самолетах. А сейчас чувствую себя, мягко говоря... странно.

Лео ничего не ответил, только поудобней перехватил тело девушки, плотнее прижав к себе.

Они достигли Тронхеймс-фьорда, и Лео направил движение вдоль изрезанной береговой линии.

— Будем искать твою избушку с высоты, так будет быстрее, — сказал он. — Я чуть замедлюсь. Сможешь что-то разглядеть?

Она кивнула в ответ, мазнув щекой по ткани его куртки.

Лицо обжигало ледяным ветром, глаза слезились, но Фреда старалась ничего не пропустить, тщательно выискивая в темных очертаниях пейзажа что-то знакомое.

Утратив ощущение времени, она сосредоточилась на поиске нужного места. В темноте её зрение плохо различало детали расстилавшегося внизу пейзажа, и он стал казаться одинаковым. То и дело попадались одиноко стоящие домики, но не один из них не был тем, что искала она.

Лео не задавал вопросов, но, завидев издалека какое-то строение, чуть снижался, давая Фреде возможность рассмотреть лучше. Затем снова поднимался выше и продолжал путь.

Наконец, что-то показалось неуловимо знакомым: небольшая скала над водами фьорда, напоминавшая уменьшенную копию Языка тролля, изгиб берега с некрутым подъемом, широкая полоса густого леса, отрезавшая заснеженный участок берега от дороги. И почти утонувший в снегу бревенчатый дом с пристройкой.

— Это здесь, — выдохнула Фреда, не веря своим глазам.

Они опустились на землю вдалеке, и Лео придержал девушку, давая ей возможность твердо встать на ноги. Она, молча, наблюдала, как он внимательно всматривался в дом и окружающее пространство, принюхивался к воздуху, слушал что-то неуловимое.

— Поблизости никого нет, — сказал Лео. — Надо проверить домишко, но не хочу оставлять тебя одну.

— И не надо оставлять. Я иду с тобой, — и она первая шагнула вперед, проваливаясь в снег выше колена.

Лео невозмутимо выдернул ее из сугроба, приподнял, прижав к себе одной рукой, и поплыл над землей, не касаясь ногами снега. Было немного жутко так двигаться, как

призраки в страшном кино, и в то же время куда приятней, чем нестись в черном ночном небе, захлебываясь потоками ледяного воздуха.

По мере приближения к домику, сердце Фреды колотилось все быстрее, и в какой-то момент она поняла, что заледеневшими пальцами крепко сжимает в кармане куртки ручку, заправленную жидким серебром.

Судя по отсутствию следов на снегу вокруг дома, здесь никого не было уже какое-то время. Окна избушки темнели черными квадратами, ступеньки крыльца почти скрывались под пушистыми шапками снега.

Лео, по-прежнему держа Фреду, завис сбоку у дома, разглядывая его, словно сканируя насквозь.

— Как думаешь попасть внутрь? — спросил он, задумчиво глядя на дверь. — У тебя есть ключ?

— Ключа нет, — Фреда нервно покусывала губу, только сейчас начав задаваться вопросом, а правильно ли она поступает, притащившись сюда.

— Не подумай, что пугаю или стану отговаривать здесь оставаться, — сказал Лео, — но у этого места странная аура. Лично мне здесь не нравится.

— Это особое место, — отважно заявила Фреда, сама не веря в то, что говорит. — Так и должно быть.

— Ну, ну... — криво усмехнулся Лео, сверкнув клыками. — Как ты и сказала, ты уже большая девочка, тебе видней.

Презрительная ирония в тоне вампира Фреде не понравилась, и она заворочалась в его хватке.

Лео мягко приземлился на чистый от снега участок деревянного настила под навесом у самой двери и отпустил Фреду, легонько отпихнув ее от себя.

— Я не прошу меня понимать, но и злиться на меня не надо, — сказала она. — Я должна это сделать. Спасибо, что помог.

Вампир бросил на нее нечитаемый взгляд.

— Это все гораздо больше, чем я готов был на себя взять, — заметил он и тут же добавил. — Так что с дверью?

— Ну, надо найти способ открыть ее, — пожала плечами Фреда, радуясь, что вампир сменил тему разговора.

Лео положил одну руку на дверную ручку, второй уперся в косяк и едва заметным движением потянул дверь на себя. Фреде показалось, что он не приложил почти никаких усилий. Но в замке что-то громко треснуло, и дверь открылась. Лео поколдовал с замком, убирая внутрь погнутый «язычок».

— Ну, все. Снаружи не будет заметно, что дверь повреждена, если ее плотно прикрыть изнутри, — проговорил вампир, критически оглядывая результат своих манипуляций.

Фреда глубоко вдохнула, только сейчас ощутив, что отступать некуда.

— Возвращайся обратно, и еще раз спасибо тебе... — сказала она, повернувшись к Лео. Голос ее заметно дрогнул, но не от страха, а от того, что поняла — сейчас Лео исчезнет, и она снова останется одна.

Странно, но за последние дни она уже привыкла к мысли, что больше не одинока.

Вампир внимательно посмотрел на нее.

— А ты не будь дурой, — бросил он и, прежде чем она смогла что-то ответить, исчез, словно растворился.

Фреда вошла в темное нутро дома и закрыла за собой дверь на задвижку. Окна были задернуты шторами, и пришлось передвигаться ощупью, первым делом опуская еще и деревянные жалюзи на каждом окне. Ориентируясь в уже знакомой обстановке, нашарила на каминной полке коробку со спичками и свечи. С горящей свечой заглянула во все помещения, убедившись, что в домике ничего не изменилось с тех пор, как она покинула его, и нет никаких следов пребывания кого-либо.

Камин Фреда решила не разжигать — дым из трубы может привлечь ненужное внимание издалека. Придется сидеть в холоде и почти полной темноте.

Сидеть и ждать неизвестно чего и неизвестно сколько, терзаясь страхами, сомнениями, к которым добавилось еще и неприятное осознание, что дерзко вторглась в чужое жилище.

Очень скоро Фреда начала дрожать: холод в нетопленном доме пробирал посильней, чем мороз на улице, а возможности согреться были крайне ограничены.

На кухне имелась маленькая плита, работавшая от газового баллона. В тот раз плиткой пользоваться не пришлось, но сегодня это стало спасением. Фреда вскипятила целый чайник и заварила большую кружку крепкого чая, благо здесь что-то еще оставалось из запасов продуктов. Наташив из спальни пледов, она забралась с ногами на диван в гостиной, укуталась с головой и медленно пила чай, грея о чашку руки. Приятное тепло стало разливаться по всему телу, и Фреда задремала.

Очнулась, как от толчка, дернувшись всем телом.

Волнение, граничащее с паникой, прилило так стремительно, словно где-то внутри прорвало плотину самообладания. Фреда подтянула к себе свою сумку поближе, нащупала в кармане куртки ручку с жидким серебром и напряженно замерла, прислушиваясь.

Никакие звуки не нарушали тишины. Пламя свечей чуть подрагивало, бросая на стены золотистый отсвет.

Повинуясь внезапному порыву, Фреда нашла в сумке свой почти забытый Custos, который не носила все эти дни. Показав его Эйвину, она снова спрятала амулет в сеть из цепочек и убрала во внутренний кармашек сумки.

Сейчас она надела на шею подвеску и чуть прижала к груди металлический диск. Показалось ей или нет, но в то же мгновение паника вроде бы отступила.

Метте сказала, что Custos вполне может быть чем-то вроде зачарованного маячка. Возможно, амулет работал таким образом, когда его носили. Если это позволит Вагнеру отыскать ее, пусть так и случится. И побыстрее.

... Лео сидел на скале, издалека наблюдая за домом, где осталась Фреда.

Вампир не чувствовал ничьего присутствия и почти поверил, что ожидания девушки будут напрасны: она просидит впустую пока не потеряет терпение, не окоченеет, и тогда он вернется за ней и заберет домой.

Домой, где ей самое место.

Времени на то, чтобы вернуться до рассвета, осталось в обрез. Раздираемый бессильной яростью, Лео колебался между тем, чтобы наплевать на глупую одержимую девчонку и уйти или же рвануть к дому и утащить ее с собой. Вампир поднялся во весь рост, укрылся в тени каменных уступов и замер, не сводя пристального взгляда с сиротливо стоящего среди снегов домишки. Он тянул до того момента, пока его инстинкты не стали подавать сигнал тревоги — приближался рассвет, пора возвращаться или искать укрытие.

Плевать. Что бы там ни было между Фредой и тем вампиром-магом, он не будет

вмешиваться. Пусть разбирается сама, иначе он снова окажется крайним.

В конце концов, он пытался сделать для строптивой дочери Мэдисон все, что в его силах. Но, наверное, он переоценил свои возможности или не способен понять, что и кому действительно нужно. Он себя самого почти перестал понимать.

Лео сорвался со скалы и устремился в темное ночное небо.

Очень хотелось удобней устроиться на диване, плотнее укутаться в пледы, свернуться клубочком, сохраняя драгоценное тепло, и хоть немного подремать. Но расслабляться было нельзя. Ожидание и неизвестность заставляли быть начеку, прислушиваться и вглядываться в темноту.

Время шло, и ничего не происходило. Фреда достала смартфон и отправила на номер Лео лаконичное сообщение "Все ОК". Часы на экране показывали 6.30 утра. В это время на улице еще совсем темно, но вряд ли в оставшееся до рассвета время что-то произойдет.

От этих здравых и логичных размышлений Фреда ощутила себя спокойней и уверенней. Она прилегла, устраивая голову на подлокотнике дивана и, почти сразу заснула.

Сон был недолгим, и поверхностным, но позволил отдохнуть и частично снять напряжение с тела и разума.

Фреда поднялась с дивана, потягиваясь и разминая ноги, и побрела на кухню. Нашла в шкафчике банку с остатками кофе. Пока на маленькой плитке закипал чайник, чуть отодвинула штору на окне и приподняла уголок жалюзи. Наступившее утро было мутным и серым, как расплзшийся туман. Тяжелые облака плотно закрывали небо и, похоже, что скоро начнется снегопад.

Помешивая в большой кружке темный ароматный напиток, Фреда задумалась о том, насколько на самом деле беспомощно и глупо выглядит эта ее попытка что-то прояснить в сплетении обстоятельств.

Она не центр вселенского заговора, не особенная избранная, и уж точно не хотела устраивать вокруг своей персоны шумиху и впутывать других, далеких от ее личных проблем. Тогда ради чего она все это затеяла?

Ужасно неуютно становилось от этих мыслей, все чаще посещавших ее.

«Не будь дурой» сказал ей Лео. Она и не хотела быть дурой, и овцой на веревочке тоже.

Фреда поставила недопитую чашку на стол, потянулась к телефону — отправить сообщение Лео с текстом «Забери меня вечером». День она как-нибудь еще промается, но еще одну ночь проводить здесь уже точно не хочет.

Едва палец тронул экран, и сенсоры смартфона готовы были откликнуться на прикосновение, как ее собственные внутренние сенсоры среагировали на что-то. Холодный воздух в помещении задрожал, из комнаты на крошечную кухню ворвался порыв ветра, будто внезапно распахнулась дверь на улицу. Пламя свечи, стоящей на столике рядом с плитой, вытянулось горизонтально и погасло.

Фреда вздрогнула, сильнее вцепилась в края пледа, удерживая его на плечах, другой рукой полезла в карман куртки за «оружием».

Задержав дыхание, вжалась в стену на крохотной кухне, и притаилась, вслушиваясь в то, как явственно менялось что-то в воздухе, в тишине и окружающей темноте.

Сильное, неприятное и знакомое ощущение. Как тогда, в коридорах Цитадели или на испытании у Смотрящих.

Только Фреда собралась выглянуть в гостиную, как во входную дверь что-то грохнуло с

такой силой, что лязгнула задвижка и заскрежетали петли. Девушка зажала рот рукой, чтобы не закричать. Снова наступила тишина, полное беззвучие, словно дом вдруг накрыло непроницаемым колпаком. Даже уши заложило, как от перепада давления.

Фреда отлепила дрожащее тело от стены и на цыпочках пошла в комнату.

В гостиной царила крошечная тьма, обе свечи, что горели в комнате, погасли.

Торопливо нащупав коробок со спичками на каминной полке, там же нащупала свечи и зажгла первую попавшуюся в руки. Следом запылала свеча на столе.

Прогнав темноту, Фреда почувствовала себя чуточку лучше.

Едва она успела перевести дух, объясняя шум за дверью внезапным порывом ветра, нагонявшего непогоду, как дверное полотно снова задрожало, и послышались скребущие звуки. Определенно — за дверью кто-то или что-то было. И это мог быть кто угодно — незнакомые люди, хозяева дома, волки, которых она встретила здесь неподалеку. Это могла быть и Метте, знавшая о доме и о том, что Фреда исчезла из Праги.

Девушка решила открыть дверь.

Решив открыть дверь, вытащила из кармана куртки ручку, заряженную серебром, уперла палец в кнопку, приготовившись атаковать, и отодвинула задвижку.

Дверь приоткрылась, и в лицо бросилась взвесь из снега и каких-то колючих осколков. Фреда инстинктивно прикрыла лицо рукой, сквозь пальцы, наблюдая за беспорядочно и яростно мечущимися в воздухе снежными хлопьями, вперемешку с чем-то серым, похожим на мелкие камушки, устилавшие прибрежную полосу. Странный буран был не типичен для этих мест. Фреда с трудом различала что-то на расстоянии вытянутой руки. Она хотела уже нырнуть обратно в дом, но вдруг плотная масса, наполнявшая воздух, стала замедлять свое кружение, рассеиваться, и, наконец, осела на земле грязным слоем. Все стихло, а сверху, с затянутых облаками небес, теперь медленно и мирно сыпал обычный белый снег.

Фреда задрала голову вверх и смотрела на небо, удивленно приоткрыв рот.

Она не сразу заметила, как у самых ступеней зашевелился наметенный сугроб. Из него протянулась бледная рука в обрывках какой-то ткани, затем показалась голова и торс, тоже облаченный в лохмотья.

Над телом появился густой пар, на глазах превращавшийся в дым с характерным запахом горелой плоти. Фреда, онемев от ужаса, смотрела, как тело медленно приподнялось и рухнуло, утопая в снегу, затем снова задвигалось в жуткой, ломаной пластике, рывком забрасывая себя выше на ступеньки крыльца, под навес, ближе к двери.

Кожа существа на глазах чернела, словно обугливаясь от невидимого глазу огня, а вскоре и в самом деле явственный огонь стал прорываться пробежавшими всполохами. Завороженная жутким зрелищем, Фреда не заметила, как монстр протянул руку и вцепился ей в лодыжку. Девушка с визгом отскочила к двери, высвобождая ногу из хватки чудовища, и услышала:

— Фреда...

Обгоревшая, лишенная волос голова приподнялась, и на почерневшем лице сверкнули глаза цвета индиго.

Фреда колебалась лишь миг. Потом подхватила упавший плед и быстро набросила его на пламенеющее тело.

Схватив Вагнера за руки, она рывком втянула его в дом и захлопнула дверь.

Dominion

"...чтобы управлять желаниями сердца, нет нужды в чародействе".

(М. Сандему)

Она упала на колени перед дымящимся свертком, стащила плед и неловко, с усилием, перевалила вампира на спину.

Покрытый обугленной коркой с головы до пят, он неподвижно лежал, как кошмарный черный манекен. Удушающий запах горелой плоти распространился по комнате. Фреда до боли закусила губу, стараясь не дышать, и попыталась непослушными дрожащими пальцами приподнять то, что было веками вампира.

Абсолютно черные радужки, которые еще минуту назад светились темным пурпуром, сейчас выглядели словно тоже сгоревшими и погасшими навсегда.

— Ты же не умер, черт тебя побери? — проговорила, сражаясь с паникой, сдавившей горло.

Она отдернула руки, не зная, что делать и можно ли вообще к нему прикасаться.

Не нужно обладать никакими специфическими познаниями в медицине, чтобы определить, что ожоговое поражение тела вампира равнялось практически ста процентам. Люди при таком не выживают. А как обстоит дело с вампирами?

Кажется, встречая окончательную смерть, эти существа превращаются в прах или типа того. Хотя, случай в музее продемонстрировал еще один вариант кончины вампира, куда менее... эстетичный.

Но если Вагнер до сих пор не стал ни прахом, ни кровавой кашей, то можно считать, что он все еще был где-то по эту сторону.

— Очнись... очнись, — бормотала она, — подай какой-нибудь знак. Что мне делать с тобой?

Фреда наклонилась ближе, пытаясь уловить в нем хоть какое-то ответное движение или звук. Отчаяние и злость смешались в ней, заглушили здравый смысл, призывая к действию лишь первобытные инстинкты.

Она уже не чувствовала ни холода, ни ужасного запаха, не обращала внимание на почти полную темноту в доме — одну свеч снова задуло ворвавшимся в дом порывом ветра, а оставшаяся гореть давала слишком мало света.

Фреда вскочила на ноги, бросилась на кухню, схватила первый попавшийся нож и вернулась в гостиную.

Снова опустилась на колени перед Вагнером и стянула с себя куртку. Секундное колебание и, решительно задрав рукав свитера, она провела ножом по запястью. Охнув от плеснувшей кипятком боли, Фреда выронила нож, и поднесла кровоточащую руку к покрытым черной коркой губам вампира.

Тяжелые капли падали на обугленную плоть, но сквозь сжатые губы не проникали. Фреда, едва не плача, преодолевая запредельный ужас и отвращение, хотела прикоснуться к подбородку вампира, чтобы надавить и силой открыть его рот. Но не решилась, боясь, что

нарушит видимую целостность, почувствует что-то, что не должна чувствовать, прикасаясь к Рейну.

Трясущимися пальцами она дотронулась до рта вампира. Чуть разлепив его опаленные губы, поднесла руку ближе, направляя густую теплую кровь. Вагнер никак не реагировал и не глотал.

— Пей же, мать твою! — закричала Фреда. — Я не знаю, что еще сделать. Пей!

Зарывав от злости, Фреда решительно просунула пальцы между губ вампира и грубо протолкнула их, раздвигая стиснутые зубы, шире раскрывая его рот.

Сжав кулак порезанной руки, усилила поток крови и втиснула запястье между зубов Вагнера.

И опять какое-то время ничего не происходило. Фреда готова была уже взвыть от боли, пульсирующей в руке и удушающего отчаяния, когда челюсть вампира шевельнулась, и он сделал слабое глотательное движение.

Фреда замерла, уставившись на Вагнера. Глаза хоть и привыкли к полумраку, но различить, менялось ли что-то в черном силуэте, было почти невозможно.

Сначала вампир просто слабо глотал, не двигаясь и не издавая ни звука, затем в его груди зародился хриплый стон, как у голодного и больного пса, которому дали миску с едой. Спустя бесконечно тянущиеся секунды, Вагнер чуть сильнее сжал руку девушки зубами. Его клыки удлинились, но лишь надавили на кожу, не протыкая.

Рейнхард чуть повернул голову, и Фреда увидела, как приоткрылись его глаза. Они все еще были абсолютно черными и словно слепыми, неподвижными. Но вскоре цвет радужек стал меняться. Как в кристаллах флюорита к черноте примешивался чернильно-фиолетовый и пурпурный, сверкнул лиловый и бледно-фиалковый оттенок. Фреда заворожено наблюдала за игрой цвета в радужках Рейнхарда, и не сразу поняла, что он, не переставая пить, вполне осмысленно смотрит на нее. А в комнате стало много светлей, что и позволило ей различить все происходящее.

И источником света была она сама. Продолжая кормить вампира, она бессознательно удерживала на ладони второй руки сгенерированный непонятно когда сияющий шар.

— Господи Боже, — прошептала Фреда. — Если ты смотришь на меня и пьешь, значит ли это, что уже не собираешься превратиться в горстку пепла или растечься мерзкой кровавой лужей?

Голова вампира качнулась из стороны в сторону, что, видимо, означало «нет». Фреда почувствовала, как его язык лизнул кожу на саднящем запястье, и Вагнер медленно отстранился от руки девушки, нехотя выпуская её.

Фреда бессильно осела на пол, сверкающая сфера мгновенно сжалась до маленького, едва светящегося пятна и погасла. Оттолкнувшись ногами, девушка отодвинулась от вампира подальше и посмотрела на свою руку — порез затянулся, оставив тонкую красноватую полоску на коже.

Вагнер лежал все так же неподвижно, повернув голову и, не сводя с Фреды взгляда, а облик его менялся на глазах.

Спекшаяся корка медленно исчезала, обугленные струпья, покрывавшие все тело вампира, пропадали без следа. Появлялась бледная гладкая кожа, стали различимы знакомые черты лица и четкие, скульптурные формы сильного стройного тела. Сейчас было видно, что его волосы и брови сгорели и пока не восстанавливались, как обновленные кожные покровы.

Рейнхард задвигался, хрипло простонав, с усилием повернулся на бок. Попытался

привстать, опираясь на руку, но не сумел и снова опустился на пол, обессилено прикрыв глаза.

Фреда наблюдала за ним, дрожа всем телом, затем медленно, нерешительно придвинулась ближе. Протянула руку, коснулась его плеча.

Вампир тут же открыл глаза, уставившись прямо на нее.

— Спасибо... — прохрипел он.

— Ты горел, — сказала она.

— Я в курсе, — из горла Вагнера вырвался резкий, скрипучий смешок.

— А ты в курсе, что сейчас день?

— Так и было задумано, — вампиру, наконец, удалось приподнять верхнюю часть тела, опираясь на локти. — Спасибо за кровь. Это — ценный дар. После всего...

— Объяснишь? — Фреда будто не обратила внимания на его благодарность. — Или снова будешь рычать на меня, как бешеная собака? Или напускать туман таинственности и недомолвок?

— Объясню. Но сначала чуть восстановлюсь и кое-что сделаю, чтобы можно было говорить относительно спокойно. Прости, милая. Дай мне немного времени, — и он снова растянулся на полу.

Его обнаженное тело подрагивало, подчиняясь процессу восстановления.

— Что мне сделать? — спросила Фреда. — Чем еще помочь тебе?

— Ты сделала все возможное. И даже больше. Твоя кровь вернула меня, — проговорил он. — Остальное сделают холод и темнота. Здесь в доме вполне подходящая обстановка.

Фреда поднялась, зажгла еще одну свечу на камине и вышла в соседнюю комнату, в которой она ночевала в прошлое свое пребывание в этом доме. Заглянув в бельевой шкаф, Фреда взяла пару простыней и полотенце.

На кухне налила из чайника горячей воды в миску, развела ее холодной и вернулась в гостиную.

Расстелив на полу одну простыню, Фреда сказала:

— Сможешь перебраться на нее? Под тобой много...сажи. И коврик обгорел.

Вагнер передвинулся на простыню. Фред снова опустилась перед ним на колени, намочила полотенце в воде.

— Тебе не будет больно, если я... прикоснусь вот этим? — спросила она.

— Кожа еще не восстановилась окончательно, но больно не будет. Мне будет приятно, — ответил вампир.

Она начала с лица Рейнхарда, осторожно прикладывая мягкую влажную ткань. С удивлением обнаружила, что брови и волосы вампира тоже стали отрастать, сейчас его голову покрывал короткий ежик, совсем, как у Эйвина.

Вспомнив брата, девушка вздохнула.

Снова смочила и чуть отжала полотенце, коснулась плеч Вагнера, провела по груди, стирая последние следы, оставленные огнем.

— Это... было ужасно... кошмарно и запредельно, — проговорила она. — Я ждала, что ты найдешь меня, но не думала, что увижу тебя в виде... барбекю.

— Прости, что напугал.

— Да, напугал. Я уже подумала, что ты... склеишь лапы, или как там у вас это называется... и я не успею сказать, какая же ты сволочь.

Из горла вампира вырвался глухой звук, похожий на кашель.

Он покорно лежал, вытянувшись во весь рост, предоставив себя заботе девушки, и наблюдал за ее руками, за тем, как она осторожно прикасается к нему.

Фреда прошла влажной тканью по его бедрам и ногам, заставив скрипнуть зубами. Она старалась не смотреть на то, что не было сейчас скрыто одеждой, но предательское зрение все равно уловило, что тело вампира реагирует на ее прикосновения. Она видела, как он сглотнул, и его горло дернулось.

Фреда раздраженно бросила мокрое полотенце в миску, развернула вторую простыню и небрежно прикрыла ею Вагнера.

— Вот, завернись, — сказала она. — Сможешь перебраться на диван?

Вагнер тяжело поднялся, обернул бедра простыней и грузно опустился на диван, откинувшись на спинку. Из-под прикрытых век он наблюдал, как она собирает простыню с пола, бросает ее в камин. Туда же отправился плед в подпалинах и грязное отжатое полотенце.

Фреда взяла миску, вышла на кухню, там выплеснула грязную воду в раковину и еще раз отправила короткое сообщение на номер Лео — «Все ок».

— Я так понимаю, найти меня было несложно? — спросила, вернувшись в гостиную и усаживаясь на стул возле стола. — Но почему днем? Я была здесь с ночи. Не можешь без фокусов?

— Не могу, — кивнул вампир. Он вытянул длинные ноги, потер ладонью грудь — его поза и жесты были такими человеческими, что Фреда на секунду забыла, кто он на самом деле. — Ты ведь тоже без них уже не обходишься.

— С кем поведешься, — проворчала Фреда. — Ну, раз уж ты здесь, может, расскажешь, что творится.

Вагнер бросил на нее серьезный взгляд и поднялся на ноги. Выглядел он теперь вполне нормально, но стоял, широко расставив ноги и чуть покачиваясь от слабости.

— Нужно обезопасить это место, — сказал он, заметив, как Фреда нахмурилась, глядя на него. — Кое-что я уже сделал снаружи, но надо закончить.

Он подошел к входной двери, прокусил свою ладонь, приложил руку к дверному полотну и что-то прошептал. Под ладонью вампира раздалось потрескивание, тихое шипение, и на двери остался слегка вдавленный отпечаток со следами крови.

То же самое вампир проделал с каждым окном в доме и даже с камином.

— Теперь можно говорить, — сказал Вагнер, возвращаясь к дивану.

Кажется, манипуляции отняли у него еще больше сил. Рейн ниже сполз с сиденья, положив голову на спинку, уронил руки на сиденье и закрыл глаза.

— Я создал Доминион — защищенное убежище, — пояснил он. — Никто — ни маги, ни смертные, ни другие существа — не услышат нас, не почувствуют проявление магии и какое-то время нас будет практически невозможно здесь найти, — пояснил он. — И никто сюда не сможет проникнуть снаружи. Но, чтобы это работало, как надо, нам нельзя выходить, нельзя открывать дверь и окна.

— Какое-то время? Сколько же? — поинтересовалась Фреда, начиная нервничать.

Оказаться запертой с Вагнером в этом домишке не казалось ей привлекательной идеей. Хотя, разве не этого она хотела с самого начала, когда собиралась наведаться сюда?

— Сутки или чуть больше.

— То есть, до следующего утра, — проговорила Фреда. — Ну, лично мне этого времени хватит.

— Хватит для чего?

— Чтобы задать вопросы и выслушать ответы. Я здесь для этого. Ты ведь нашел меня потому что...

— ...потому что должен был найти, — Вагнер открыто посмотрел на нее. — Я выполняю приказ Смотрящих. Ты нужна им. Я знаю, что ты здесь по своей воле, но это лишь облегчило мне поиски, — жестко отчеканил он.

Фред хмуро и недоверчиво посмотрела на него. Что-то липкое и холодное зашевелилось внутри. Фреда подобрала с пола куртку, надела, обхватила себя руками.

— Ну, в общем, я не особо-то и обольщалась... — начала говорить, но осеклась, прочистила горло и спросила, — и зачем я им понадобилась?

Вагнер откинул голову, устремив взгляд в потолок.

— Хм, в двух словах и не скажешь. Но если попытаться... Словом, они хотят использовать тебя в ритуале.

— Сварить в котле с кровью? Хотелось бы поподробней.

— Подробней будет звучать так: Смотрящие хотят позаимствовать у тебя некую энергию, разделив ее между собой, — отозвался вампир, сохраняя ровный тон и невозмутимое выражение лица. — Они заберут сущность, делающую тебя живой. И мне оказана честь, — он криво усмехнулся, — поучаствовать в этом.

Он постарался доступно объяснить ей, что такое эгрегор, и каким образом его собираются использовать Аспикиенсы.

— Паранормальное переливание кро...э-ээ, сущности, энергии жизни. А я — донор, — севшим голосом проговорила Фреда. — Звучит бредово, но ты так серьезно про это говоришь... И что станет со мной в этом случае? И во что превратятся Смотрящие?

— Ты перестанешь жить. А Смотрящие, объединенные идеей и результатом ритуала, создадут некий альянс, став практически непобедимыми и защищенными от влияния извне. Они надеются таким образом эволюционировать, вернуть себе утраченные тысячелетия назад возможности живых, оставаясь при этом в практически нетленных телах и при своей силе магов.

— Радужная перспектива, ничего не скажешь, — пробормотала Фреда. — Ладно, теперь я почти заглянула в кошмарное будущее. Честно говоря, звучит как очередной бред.

Она помолчала, хмуря брови.

— Я хочу задать и другие вопросы, — наконец, сказала она.

— Спрашивай, — не колеблясь, отозвался вампир.

— Все, что сказала про тебя Метте — правда?

— Правда от начала и до конца.

— Ты даже не спросил меня, что именно она говорила. Откуда ты можешь знать, если не сам ее об этом попросил? — прищурилась Фреда.

— Все верно. Я её и попросил, — кивнул Вагнер, проводя пятерней по голове.

Волосы отрасли и стали такими, как прежде — короткие, торчащие вызывающим, но привлекательным «ежиком». Фреде хотелось коснуться взъерошенных прядок, проследить кончиками пальцев к затылку, провести по гладкой коже сильной шеи, тронуть губами его четко очерченный подбородок...

Она вспомнила, как он реагировал на ее прикосновения...

Фреда тряхнула головой, прогоняя наваждение. Её снова затрясло и уже непонятно от чего больше — от холода, или от волнения.

— Я так и знала, — заявила она, подходя к дивану и беря лежащий там плед.

Она завернулась в него и, стуча зубами, вернулась на свой стул.

— Ты замерзла, — заключил Вагнер, — и ослабла, дав мне кровь. Здесь есть какая-нибудь еда для тебя?

— К-кофе и ч-чай, — стуча зубами, проговорила Фреда. — П-пойду, подогрею чайник. Мне от одного взгляда на тебя становится еще холоднее.

Рейнхард окинул себя непонимающим взглядом.

— Я не в смысле каких-то там сантиментов, — поспешно добавила она, выходя из гостиной. — Просто дико видеть голого мужика в выстуженном домишке. Я мерзну, а ты сидишь, как ни в чем не бывало.

— Ну, я-то не мерзну, — отозвался Вагнер. — И если у тебя нет ничего, чем бы я мог еще прикрыться, то извини — никак больше исправить это не могу. Ты же знаешь, что моя одежда сгорела.

— Накинь хотя бы плед, для видимости, — повысив голос, проговорила она из кухни, — там, на диване лежит еще один.

Фреда прикусила щеку изнутри и зажмурила глаза, страшась, что голос выдаст ее с головой. Вовсе не по причине холода волновал ее неприкрытый вид Вагнера. Видя его почти обнаженным, она не могла прогнать из головы картины их близости.

...Текущий по венам жар от касания тел, ослепительный свет в момент кульминации, соединение губ, слова, что они шептали друг другу...

И всё, абсолютно всё, что говорила и чувствовала она, было совершенно искренним.

Ожидая, пока закипит чайник, Фреда насыпала кофе в чашку, отыскала в шкафчике початую пачку соленых крекеров. Подсохшие, не очень аппетитные, но сойдут, чтобы немного притупить голод. Как же она не подумала про еду, отправляясь сюда? Если честно, то она вообще мало, о чем подумала.

Когда вернулась, держа в ледяных пальцах кружку с кофе, в гостиной было значительно светлее и... теплей. Освещенность объяснялась просто — Вагнер зажег еще три свечи и расставил их по всей комнате. А вот повышение температуры в нетопленном доме естественными причинами Фреда объяснить не смогла.

Вагнер сидел все там же на диване, накинув на плечи плед и прикрыв себя от шеи до колен.

— Снова фокусы? — поинтересовалась, отхлебывая кофе.

— Куда же без них, — иронично отозвался он. — Фокусы — моя вторая натура.

— А какая первая? — спросила Фреда, кинув на него быстрый взгляд.

— Первую я почти не помню. Я тебе об этом рассказывал. Трудно сохранить в себе человеческое уже не будучи человеком.

— Мой телефон в музее подбросил ты?

Вагнер медленно кивнул.

— И я же навел полицию на подозрения о твоей деятельности в Магистрате по подделке документов. Это было несложно.

— Зачем тебе нужно было меня подставлять? Ты ведь тогда ничего не знал про меня, — вскинулась Фреда.

— Вот именно, не знал. Я выполнял приказ Аспикиенсов, — пояснил вампир. — Тебе уже известно, что любое проявление магии крови или подозрение на ее применение, никогда не остается без их ведома и внимания. Когда Смотрящие узнали, что случилось в музее, да еще и с участием человека — кстати, вампир Оливер, которого ты уничтожила, был их посланником — то велели сделать так, чтобы я забрал тебя в Цитадель под любым предлогом. К тому моменту, как я прибыл на место происшествия, там шныряли шестерки Крауса. Они искали документы, которые ты принесла в музей, а тебя уже отправили в резиденцию наместника. Зато твоя сумка была у Оза, смартфон они тоже нашли. Я незаметно вытащил телефон и оставил его после зачистки где-то там в коридоре.

— И это для того, чтобы не дать мне вернуться в мир людей, где я отныне становилась разыскиваемой преступницей? — спросила Фреда, сердито хрустя крекером.

— Именно так, — наклонил голову Вагнер. — Краус заинтересовался тобой. Забрав тебя, я заставил его волноваться. Ведь он ничего не успел выяснить у тебя и не знал, насколько правдивы слухи о твоей причастности к подделке документов в Магистрате. У него свои источники для этих целей и он стал суетиться, узнавая, кто еще в курсе его дел, если вдруг какая-то неизвестная мошенница имеет доступ к бумагам, которые так нужны ему.

— Но я-то никакого отношения к этому не имею, — заметила Фреда.

— Да, но Краус об этом не знал, а потому слегка утратил бдительность и позволил Смотрящим чуть больше узнать о его замыслах, — отозвался вампир. — Аспикиенсы были весьма довольны.

Казалось, что Вагнер говорит все это с каким-то особым чувством, словно перемалывает слова сжатыми зубами. Ноздри его прямого носа чуть раздувались и дрожали, как от сдерживаемого гнева или отвращения. Устало косясь на него, Фреда допила кофе и сняла куртку — в комнате стало совсем тепло. Девушку разморило, она зевнула, потерла усталые глаза — бессонные часы, проведенные в напряжении, начали сказываться.

— Тебе надо отдохнуть, — сказал Вагнер. — Он похлопал рукой по дивану рядом с собой. — Иди сюда, а я займу твое место на стуле. Подремли немного.

Фреда красноречиво посмотрела на него, иллюстрируя невысказанную вслух фразу: «Ага, щас. Так я здесь и разлеглась».

— Я не трону тебя. Знаю, ты не доверишь мне, но я не причиню вреда, — в ответ на ее молчание сказал Рейнхард.

Он поднялся, сбросив плед, подошел к девушке и присел перед ней на корточки. Фреда видела, как под плотной, гладкой, как атлас, кожей перекачивались мышцы. Она снова едва сдержалась, чтобы не коснуться его, почувствовать силу и твердость плеч и рук.

— Не причинишь, конечно, тебе ведь надо доставить меня Аспикиенсам живой и здоровенькой, а то из хилой много не выжмешь, — отозвалась, снова зевая и прикрывая рот ладонью.

— Все верно. Из тебя, хилой, мало, что можно выжать, — Вагнер положил руки ей на колени, скользнул ладонями к бедрам.

Фреда посмотрела на его руки почти равнодушно, внешне никак не отреагировав на прикосновение, и спросила:

— Что такое мой Custos на самом деле? Ты специально подбросил его в тот дом, чтобы я как идиотка, лазила там, ломая ноги, и думая, что ищу нечто важное? С его помощью можно отследить мое местоположение, узнать что-то? Как-то контролировать меня?

— Вопросы, что называется, по-существу, — заметил Вагнер. — Но почти все ответы были перед тобой в книгах, которые я давал тебе читать в Цитадели. Ты была невнимательна. Ладно, отвечаю по порядку. Custos- это действительно Хранитель сущности. И он действительно позволяет себя найти только тому, кому принадлежит. Все Custos'ы возникают, когда время их появления совпадает с каким-то важным моментом в жизни потенциального владельца. А место непредсказуемо, но всегда там, где будет находиться обладатель амулета в определенный отрезок времени и в определенном эмоциональном состоянии. Понимаешь, это должен быть знаковый момент жизни. Так что — нет, я ничего не подбрасывал в тот дом.

Вагнер смотрел на Фреду, ожидая, когда она примет эту информацию. Или отвергнет ее правдивость. Она промолчала, и он продолжил:

— Вообще, любой Custos — это проводник в энергетический мир. Он имеет конкретную форму в нашем, материальном мире, но несет в себе сущность, заложенную в мире сверхъестественного. Поэтому, ответом на твой вопрос о том, можно ли тебя отследить или контролировать, будет следующее — с его помощью можно усилить твою энергию, и по ней тебя можно действительно найти. Но лишь тот может это сделать, кто имеет с тобой особую связь — родственную или ментальную, или же... — он запнулся и продолжил, — но, как мы выяснили, ментальному контролю ты не поддаешься. А вот насчет родственников, — Вагнер выразительно посмотрел на девушку. — Может быть, где-то кто-то и есть, кто умышленно или невольно тянет свои энергетически-генетические нити к тебе сквозь пространство и время.

— Родственную, ментальную, или? Что ты имел в виду этим «или»? — спросила, следя за лицом вампира.

— Я имел в виду нечто гораздо более глубокое и существенное, — явно не желая углубляться, ответил Рейнхард.

— Ты говоришь о кровной связи? — не сдавалась Фреда.

Вагнер посмотрел на нее долгим немигающим взглядом, от чего ей стало не по себе.

— Отчасти.

— Я знаю, что обмен кровью может создать сильную связь. И что кровь вампиров-магов много сильнее крови обычного вампира, — она отвела глаза и стала водить пальцем по поверхности стола, чертя какие-то узоры. Вагнер наблюдал за движением ее тонкого пальчика с аккуратным коротким ногтем и хмурился все больше. — А если обмен состоялся во время секса, то связь становится еще прочней из-за энергетической составляющей, которая возникает между... партнерами. И чем старше вампир, тем сильнее связь.

Она не спрашивала, просто договорила то, что стало ей известно, и снова посмотрела ему в глаза. Лицо его было так близко — тени лежали на четких высоких скулах, вокруг светящихся чистым индиго глаз и по-мужски красивого рта. К которому так хотелось прижаться губами... Вагнер не отвел взгляда, и она ответила ему тем же.

— Все верно, — подтвердил он.

Больше говорить он явно ничего не собирался

— Скажи, из всего того, что мне наговорила Метте, всё было правдой?

— Кое-что было... не вполне правдой, — уклончиво ответил Рейн. — Я должен был сделать так, чтобы ты уехала, — упрямо добавил он.

— Ты уже знал мое решение об отъезде до того, как вернулся в Прагу — я сказала, что не поеду. Что изменилось за те часы, что мы не виделись?

Вагнер ответил не сразу. Он сжал ее бедра, так, что она вздрогнула. Потом нехотя убрал руки, выпрямился во весь рост, и отошел в сторону. Фреда скользнула взглядом по его плоскому мускулистому животу, сглотнула и отвела глаза.

— Я сделал огромную, роковую ошибку, так глубоко затянув тебя в мой мир. К тому моменту, как я вернулся в Цитадель, меня уже ждал вызов к Аспикиенсам для доклада. Я решил, что пока буду у них, выиграю для тебя время. Я позвонил Метте и попросил ее об услуге. Ты должна была бежать от меня без оглядки. И никогда не возвращаться.

— После разговора с Метте, я готова была бежать, но меня что-то словно дернуло. Я решила вернуться.

— И напрасно. Возвращение было уже твоей ошибкой, — вампир раздраженно поправил простыню, делая ее короче и туже обтягивая тканью узкие бедра. Высокий и стройный, он был похож на античную скульптуру атлета в набедренной повязке.

Фреда окинула его взглядом с головы до ног, любуясь сильным телом с рельефом мышц под гладкой кожей, и боролась с желанием встать, подойти, прикоснуться, обнять...

— Ну, оно было бы ошибкой, если бы не позволило мне кое-что прояснить для себя, — отозвалась Фреда. — В том луче света, в подземелье Цитадели, я почувствовала то, что невозможно сказать словами. Это как выпить чистейшей тоски и печали и заесть горькой правдой.

Вагнер шагнул к ней, хотел, что-то сказать, но Фреда перебила его, добавив:

— И если бы я уехала с Метте, то не встретила бы кое-кого... очень неожиданного и важного для меня.

Вампир замер, взгляд его застыл, устремленный в одну точку, уголок рта дернулся. Он поднял сжатую в кулак руку и резко провел костяшками по губам, будто стирая рвущиеся слова, которые не хотел произносить.

Сердце Фреды скакнуло в груди, всколыхнув чувство удовлетворенности и наполнив ее теплым и ясным ощущением маленькой победы. Над собой, над обстоятельствами.

И над Вагнером.

Оставались и сомнения, и гнетущая тяжесть на душе, но все же стало как-то проще.

Так бывает, когда принимаешься собирать сложный пазл из тысячи крошечных кусочков. Поначалу кажется, что ни за что не поймешь с какого фрагмента начать. Но потом получается отыскать несколько частей и постепенно вокруг них и начинает складываться вся картинка.

В тяжкие или просто неоднозначные моменты жизни Фреде было комфортнее пребывать в зоне ироничного недоверия к внешним обстоятельствам, что давало возможность с особым вниманием отнестись к своему внутреннему восприятию ситуации. Теперь же разграничивать ее собственный мир и окружающую реальность становилось все сложнее.

Очередной раз оказавшись запертой в четырех стенах с Вагнером, в какой-то момент Фреда подумала, что игры в вопросы-ответы ей больше неинтересны.

Он страшно упертый, и будет держать ее на расстоянии. Из него клещами не вытащишь то, что она хотела от него услышать. И не просто хотела, а знала, что он может ей это сказать. Чувствовала — в нем есть то самое, ради чего она творит все эти «да не будь ты дурой» поступки и упрямо лезет в пекло.

Но он предпочитал торчать на границе своего персонального ада и самоотверженно следить, чтобы Фреда эту границу не нарушала.

Она устало вздохнула.

Надо просто выбираться отсюда. На улице день, Вагнер вряд ли будет преследовать ее. Она как-нибудь дойдет до дороги, поймает попутку и доедет до первого населенного пункта. Свяжется с Лео и Эйвином и попросит забрать ее с наступлением темноты.

Фреда погрузилась в свои размышления, и не сразу услышала, что Рейн снова заговорил.

— Аспикиенсы настояли, чтобы я уехал с ними в Германию, — он снова накиннул себе на плечи плед, словно в попытке отгородиться, и отошел в темный угол комнаты. — Все это время я провел там с ними. Они вели твой след, а затем потеряли. Сказали, что тебя сопровождают какие-то вампиры.

— Говорю же — все сложилось неожиданно, — отозвалась она. — Записка в моей сумке о встрече в пивоварне была от тебя?

— Записку положил я. И снова попросил Метте помочь. Она должна была ждать тебя долго, — сухо ответил Вагнер. — Кто те вампиры?

— Метте совсем не нравится выполнять твои поручения, — Фреда будто не слышала его. — Ты это знаешь?

— Догадываюсь. Так ты не пошла на ту встречу?

— Пошла. Только двумя сутками позже назначенного. После того, как я побывала в луче света в Цитадели, я почувствовала себя заживо выпотрошенной и вырубилась, потеряв счет времени.

— Черт, я должен был предположить, что ты все это очень плохо перенесешь... — с досадой пробормотал вампир. И начал медленно, беспокойно кружить по комнате, не приближаясь к Фреде.

— Телефон ты забрал?

— Да. Расскажешь, с кем ты уехала из Праги?

— Нет, не расскажу, — покачала головой Фреда.

Вампир нарезал круги, пряча лицо в тени, простой клетчатый плед выглядел на нем, как мантия. Если бы это был кто-то другой, а не Вагнер, Фреда могла бы подумать, что он психует или злится.

Но выводить из себя Регента в её планы не входило. Снова появилась мысль незаметно подобраться к двери и выскочить наружу.

Сколько они проговорили? Пора отправить еще одно сообщение. Приятно сознавать, что у нее есть вполне реальная связь с миром за этими стенами.

— Я налью себе еще кофе, — сказала Фреда, стараясь не смотреть на Вагнера.

На кухне быстро отправила сообщение и плеснула в чашку немного ароматного напитка. В гостиной уютно: пламя свечей бросало теплый отсвет на обшитые деревом стены, от дурного запаха не осталось следа и приятно пахло кофе. Фреду вдруг охватило странное безразличие насчет того где и с кем она находилась. Она зевнула и передернула плечами, невольно покосившись на Вагнера — сейчас снова начнет уговаривать ее вздремнуть.

Вампир прекратил свое движение, посмотрел на нее.

— Думала, опять начну укладывать тебя спать? — уголок его рта приподнялся.

— Ты прямо насквозь меня видишь.

— Ты меня тоже, как оказалось.

— Значит, кровная связь действительно работает, как электронный чип? — спросила она, меняя тему разговора.

— Ну, в общем и целом — да, — сдержанно откликнулся он, — при условии, что ты остаешься где-то в этом измерении. Я чувствую свою кровь в тебе, чувствую магию. После того, как ты побывала в круге в Цитадели, связь на время исчезла. Потом она вернулась вновь, но значительно более слабой, лишенной... специфических оттенков. Если бы ты не оказалась здесь с осознанной целью дать себя обнаружить, то я искал бы тебя дольше. Но все равно, нашел бы, — упрямо повторил он.

Вагнер подошел ближе, долго и пристально смотрел на нее.

— Через меня Смотрящие могут чувствовать тебя, следить за тобой. Правда, не отчетливо, не в полной мере, но достаточно, чтобы быть в курсе твоего состояния, передвижения и прочего. Сейчас их восприятие искажено зачарованиями, но скоро чары перестанут действовать.

Его лицо было так близко, что она только смотрела и почти не слышала, о чем он говорил. При переполнении всей этой магической мутью у нее просто сработал аварийный слив, и Фреда отключилась, отказываясь дальше воспринимать информацию.

Она видела перед собой только мужчину, а не вампира или мага. А она просто женщина, у нее чувства и желания обычной женщины, и они ничем не искажены, для нее они ясны, как день. Захотелось вскочить, топнуть ногой и крикнуть: «Хватит! Давай просто сбежим куда-нибудь, где нас никто не отыщет».

Но разве такое возможно? Вот он, так близко, а она даже прикоснуться к нему не может.

— Ты говорил, что Аспикиенсы чувствуют любое проявление магии? — очнулась она, стараясь говорить ровным голосом. — Разве сейчас они не могут узнать, что ты применил чары?

— Они знают, — уверенно заявил он. — Но, во-первых, они дали мне разрешение применять магию в случае необходимости для твоих поисков, а во-вторых, с тех самых пор, как я практикую Опустошение, моя связь с ними хоть и не исчезает совсем, но на время становится не достоверной. В такие моменты я для них, как кривое зеркало — отражаю не совсем то, что есть на самом деле.

Вагнер, словно помимо своей воли, вдруг потянулся к Фреде, но остановился. Руки его дернули и смяли края пледа. Фреда проследила за его жестами, перевела взгляд на лицо, а он тут же снова отвернулся, продолжая говорить, говорить...

— Даже Аспикиенсты и Доминис вынуждены подчиняться законам природы. То, что по их древним жилам течет кроваво-магический коктейль, не отменяет того, что они, прежде всего, вампиры. День не их время, сейчас они отдыхают и не следят за всем с особым тщанием, как обычно. Дневной стазис распространяется на всех сородичей.

— И поэтому ты так рисковал, появившись здесь среди дня?

— Риск того стоил. Это позволило выиграть время, а еще обезопасить территорию снаружи и замести следы. Кстати, замести еще и в буквальном смысле.

— Тот странный буран на улице — твоих рук дело?

— Да, благо погода сегодня подходящая. Снежная пелена немного смягчила действие дневного света, иначе «барбекю», как ты выразилась, приготовилось бы куда быстрее. Словом, все было продумано, — небрежно заявил вампир.

Фреду передернуло от воспоминания о том, что представлял собой Вагнер, когда вползал на крыльцо некоторое время назад.

Как же хотелось положить руки ему на плечи, притянуть к себе, прижаться, уничтожив

расстояние между ними и почувствовать его реальным и невредимым. Но что потом? За защищенными стенами дома мир не изменился, и там не найти покоя, к которому стремилось и всегда будет стремиться ее человеческое сердце.

Словно уловив ее настроение, Вагнер снова беспокойно двинулся по комнате, скрываясь за спиной Фреды.

— Ты отдашь меня Аспикиенсам? — важный для нее вопрос она задала почти равнодушно.

Он мгновенно остановился.

— А если скажу, что ни за что не собираюсь отдавать тебя Аспикиенсам, ты мне поверишь? — Рейнхард подошел сзади, уперся руками о спинку стула, на котором она сидела, нагнулся и приблизил губы к ее ушку. — Если я скажу, что не собираюсь отдавать тебя вообще никому, ты сможешь услышать в этом только то, что я говорю? Сможешь не искать никакого тайного смысла или подозревать меня в сверхъестественном коварстве?

Вряд ли прозвучавшие вопросы были риторическими.

— Еще вчера я бы хотела поверить твоим словам, — проговорила она, — но сейчас мне почти все равно, что ты говоришь. Это только слова, хотя и они порой значат многое.

— Правильно. Прежде всего, ты должна верить только самой себе, я это всегда говорил. Ответы в свое время приходят сюда, — одна прохладная рука коснулась ее лба, — но сначала зарождаются здесь, — рука переместилась и легла на грудь девушки, пониже ямочки между ключицами.

Под свитером у нее был надет Custos, и он находился гораздо ниже того места, где лежала ладонь Рейна, и Фреда почувствовала, что сейчас в нее проникает тепло от руки вампира, а не от амулета, как бывало прежде.

— По моим примитивным человеческим понятиям, хоть что-то должно быть очевидным без долгих самокопаний, мистических искривлений и многозначительных недосказанностей, — сказала Фреда.

Рука вампира соскользнула, оставив ощущение пустоты.

Тишина невидимым и невесомым покровом укутала их на мгновение.

Громкое потрескивание задрожавшего пламени свечи на каминной полке заставило Фреду вздрогнуть и резко повернуть голову. Вагнер наблюдал за ее напряженным лицом.

— Слишком много помех, и я понимаю, что никакие слова не развеют твои сомнения и не возродят доверия, если оно вообще между нами возможно, — заметил Рейн.

— Ты нуждаешься в доверии? — спросила Фреда.

— Я забыл, что это такое.

— А я знаю, что такое доверие. И тебе доверяю, — заявила она просто и серьезно. — Поэтому я здесь. И хотя по-прежнему не знаю, что ожидать от тебя, но зато знаю, чего хочу сама.

— Чего же ты хочешь?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Остаться с тобой.

Рейнхард застыл, словно выключился.

— Ты не поняла про Смотрящих и их виды на тебя? Или ты свихнулась? — проговорил вампир после долгой паузы, глядя в лицо Фреды.

— Хуже. Я, похоже, влюбилась.

От ее слов он шарахнулся назад, будто она ткнула ему пальцев в глаз. И тут же снова

исчез из поля зрения, переместившись куда-то за ее спину.

— Вот это реакция настоящего мужика на признание ему в любви, — заметила Фреда. — Не бойся, я не брошусь на тебя и не стану рвать на сувениры. Но если действительно хочешь доверия, то я уйду отсюда с тобой, — отважно продолжила она. — Если врешь и опять играешь в какие-то свои игры — лучше убей. Потому что я все равно увяжусь за тобой. А если смоешься или снова придумаешь что-то, чтобы оттолкнуть — буду искать и докапываться до правды. Но я знаю правду. Я уверена, что ты чувствуешь ко мне то же самое, что чувствую к тебе я, — выпалила она.

Волосы на затылке Фреды шевельнулись, словно наэлектризованные — так она ощутила напряженное оцепенение вампира за ее спиной.

— Если заберу с собой, ты не будешь моей, — мертвым голосом произнес Вагнер. — Ты станешь добычей Смотрящих. И я не смогу спрятать тебя.

— Тогда обрати меня. Вампиром я им не нужна. Ну, если только в качестве еще одного новообращенного члена Ордена.

— Вампиром ты и мне не нужна, — сказал, как отрубил Рейн. — Я не стану... разрушать тебя.

— Тогда скажи, что тебе нужно? — с яростью выкрикнула она.

Фреда вскочила со стула, отошла к камину. Рука потянулась к свече, тонкие пальцы коснулись пламени, и она загасила его, не чувствуя, как опалило нежную кожу.

— Что тебе нужно? — повторила она. — Зачем оттолкнул меня, вынуждая бежать с Метте? Зачем приперся сюда днем, рискуя превратиться в стейк сильной прожарки? Зачем создал очередной маленький и бессмысленный Доминион посреди всей этой неразберихи?! Чтобы потом опять вынудить меня убегать куда-то и прятаться? Говоришь, что не хочешь отдавать меня Смотрящим, и я тебе верю. Но что дальше? Мне просто уйти? А ты вернешься и скажешь, что не нашел меня?

Она шагнула к столу, огляделась в поисках сумки и куртки. Вампир следил за ней взглядом, не двигаясь с места.

— Я запуталась и не понимаю тебя, — словно сдаваясь, выдохнула она. — Но ты не парься и забудь, что я тут наговорила. Я сама найду способ сделать так, чтобы прекратилась эта беготня и прятки.

— Во мне кровь Аспикиенсов, и один из них — мой Создатель, — заговорил Вагнер. — В тебе — моя кровь. Это мощная закольцованная связь. Понять ее сложно, если не ощущать в полной мере. Просто прими к сведению, что такая связь нерушима, пока звенья цепи не разорваны. Именно я проводник — то самое промежуточное звено между тобой и Смотрящими. Связь будет прервана, если не станет меня. И это будет работать даже при условии, что в тебе еще будет оставаться моя кровь.

Фреда замерла, чувствуя, как мерзкий, липкий ужас шевелится внутри, холодной змеей обвивая и сдавливая сердце. Она ощущала, как он копошится, устраиваясь поудобней, словно решая поселиться надолго.

Она нашла в себе силы посмотреть на Вагнера. Он мгновенно переместился к ней, встал вплотную и оттеснив ближе к углу за камином. Плед соскользнул с его плеч, открывая напряженные, как стальные канаты мускулы под гладкой кожей.

— Я не понимаю, — повторила Фреда тихо.

— Да что же тут непонятного? — голос вампира стал ледяным, глаза вдруг выцвели до самого бледного и холодного оттенка лаванды, а зрачки превратились в колючие черные

точки. — Ничего ты уже не сделаешь. Вот если бы ты не открыла дверь, или открыла чуть позже, если бы не затащила меня в дом и не дала мне своей крови, ты была бы уже свободна, — заявил он знакомым менторским тоном Регента.

— Как мило... — выдавила Фреда. — Значит, я упустила шанс прекратить все это?

— Выходит, что так.

— Ну, и пошёл к черту! — выкрикнула в сердцах.

Оттолкнуть его не получилось — вампир даже не качнулся, будто врос в пол. Фреда шагнула в сторону, пытаясь выскользнуть из узкого пространства, куда он загнал ее.

Неуловимым движением он бросился на нее, вцепился мертвой хваткой в предплечья и припечатал к стене, навалившись, как железобетонная плита.

— Иногда самое верное — рубить концы, не думая ни о чем, — проговорил он, касаясь холодными губами ее лба. — Обещаю, Смотрящим ты не достанешься...

Голос звучал отчетливо, бесстрастно и весьма гармонично дополнял тот ужас, что черным едким дымом клубился в душе девушки.

— Пошел... к черту... — задыхаясь, прошептала Фреда, в оцепенении глядя на неузнаваемое лицо Вагнера, нависшее над ней.

Он коротко хрипло рассмеялся.

— Не получится. Вампирам путь к дьяволу заказан. У нас ведь нет души, а значит, и взять с нас нечего.

Фреда попыталась оттолкнуть его, но Регент превратился в каменное изваяние, которое невозможно сдвинуть с места. Женский инстинкт предложил, прежде чем впасть в панику и ужас, попробовать воспользоваться верным средством против взбесившихся мужиков, распускающих руки — врезать ему коленом по яйцам.

Но, подтверждая очередной раз, что он всегда на шаг впереди, Вагнер вздернул руки Фреды над головой и сильнее навалился нижней частью тела. Она сдавленно вскрикнула, когда его колено грубо втиснулось между ее бедер, и он резко раздвинул ноги девушки, распластав, как лягушку, готовую к препарированию. Стальные бедра вампира вжимались, не позволяя шевельнуться, а широкая, твердокаменная грудь давила, лишая возможности дышать.

— Лучше не трепыхайся, или будет еще более неприятно, — звук его голоса эхом отдавался в голове. — Или ты все еще надеешься найти способ, сделать так, чтобы все прекратилось?

Перед глазами замелькали светящиеся точки, и тут же заработало какое-то сюрреалистическое слайд-шоу: причудливо окрашенные картинки из прошлого, настоящего и чего-то, чего никогда не было, и быть не могло.

Сквозь эту бессмысленную чехарду, как сквозь блестящее конфетти, она увидела, что Вагнер наклоняется к ней, раскрывая рот с удлинившимися клыками.

Вампир издал низкий утробный рык, который отозвался вибрацией во всем ее теле. Ослепительной вспышкой сработало жуткое дежа-вю — музей, подвал, белые глаза вампира-убийцы — и Фреда закричала от ужаса.

Снаружи сквозь стены дома проник звук — протяжный, печальный вой. Он слился с ее криком, усиливая его, превращая в плотный, нарастающий гул. Пламя свечей задергалось, затрещало, выбрасывая вверх длинные нити черного дыма, пол и стены задрожали, а на столе запрыгала кружка с недопитым кофе...

Глава 12. Мир, населенный нами

Мир, населенный нами

«Считают, что признаться в любви — это как сдаться в плен».

(Януш Вишневский, «Сцены жизни за стеной»)

Ослепшая и оглохшая от страха и ярости, едва дыша, Фреда наклонила голову, прижимая подбородок к груди в отчаянной попытке прикрыть шею, и ткнулась лбом в грудь вампира.

В этот же самый миг она поняла, что дрожат вовсе не пол и стены — дрожал Вагнер, сотрясаясь, как в лихорадке. Он по-прежнему наваливался на нее, но как-то обмяк, колени его подогнулись, голова тяжело упала Фреде на плечо. Он выпустил ее руки и медленно оседал на пол, съезжая по ее телу, как тяжеленный каток.

Фреда, освободившись из захвата, отпихнула вампира, и отпрыгнула в сторону, отрывисто дыша. Она схватила куртку и сумку, метнулась к двери, одновременно нащупывая в кармане джинсов ручку с серебряной «начинкой». Непослушные пальцы никак не хотели справляться с задвижкой, которую перекосило и заклинило. Фреда в отчаянии дергала скользкий металлический язычок, ломая ногти, в другой руке зажимала наготове «оружие».

Она в панике оглянулась на вампира, с содроганием ожидая нового нападения, и тут же остановилась, прекратив свои лихорадочные попытки справиться с дверью.

Вагнер неподвижно лежал на полу у стены, сложившись втрое, подтянув колени к груди. Его бледная ровного оттенка кожа странным образом менялась в неясном сиянии свечей. Фреда задержала дыхание, пригляделась, напрягая зрение, и увидела, что это кровь выступает из пор на коже вампира, словно он потел ею. Багряные бисеринки на теле сливались в более крупные капли, стекавшие струйками на пол.

— Я его убила... — проговорила Фреда вслух. Слова сорвались с губ чуть раньше, чем разум оживил в памяти кошмарную картину гибели белоглазого вампира в музее.

Тогда она и понятия не имела, что была виновна в кончине того кровососа, теперь же четко осознавала, отчего видит истекающего кровью Вагнера.

На мгновение Фреда замерла, невольно ожидая, что сейчас Регент развалится на ее глазах на кровавые куски, а затем бросилась к нему, все еще сжимая ручку с серебром и бессознательно занося свое оружие над головой.

Что-то было не так. Она всем своим растерянным и напуганным до предела существом чувствовала, что в нападении Вагнера было что-то неправильное.

Почему он бросился на нее? Неужели слетел с катушек от ее признания? Может, потерял контроль от жажды крови, не вполне восстановившись после того, как чуть не сгорел?

Мысли лихорадочно носились по лабиринтам догадок, ища верное направление.

Вагнер говорил ей, что того вампира в подвале она убила, неосознанно включив механизм самозащиты. И это может проявляться каждый раз, когда она будет сильно напугана и почувствует угрозу своей жизни. Если всё правда, и он знал это, то зачем же бросился на нее? Что он пытался с ней сделать?

Или вовсе не с ней?

— Ах ты, клыкастый ублюдок! Ты хотел, чтобы я это сделала с тобой! — воскликнула Фреда.

Она выронила ручку, заряженную серебром, и рухнула на колени возле него. Коленные чашечки стукнули о доски пола, боль от удара отдалась в затылке. Фреда, морщась и закусив губу, взяла голову вампира двумя руками и развернула к себе — кровь медленно сочилась из его глаз, рта, носа, ушей. Рукавом свитера девушка осторожно обтерла его лицо, вглядываясь в черты и страшаясь в любой миг ощутить под руками лишь останки.

— Конечно же, мне, идиотке, нужно бежать от тебя без оглядки. Но, кажется, это именно то, чего ты снова добиваешься. Так вот, хрен тебе, никуда я не уйду. Я попытаюсь задержать тебя на этом свете, а уж потом отпинаю хорошенько по твоей бледной заднице, согласно моей собственной воле и огромному желанию.

— Жду... не дождусь... — вырвалось вместе с бульканьем и хрипами из горла Вагнера, и он приоткрыл залитые кровью веки. Клыки мелькнули между губ, дрогнувших не в оскале, а в подобие улыбки.

— Сволочь ты, дикая... — в бессильном отчаянии простонала Фреда. — Я ведь тебя почти... добила. И ведь могла же...

— Могла... еще как... — снова прохрипел вампир, — ...что и требовалось... доказать... — и со стоном перевернулся на спину.

— Что еще доказать?! За каким хреном ты устраиваешь мне эти адские шоу?

Вампир не ответил, в груди его снова захрипело, горло свело спазмом, который тут же прорвался кровавым чахоточным кашлем.

Фреда отшатнулась в ужасе, затем решительно придвинулась ближе и задрала рукав свитера. Пальцами надавила на подбородок вампира, шире раскрывая его рот, и прорычала:

— Давай же, кусай! Я не собираюсь больше полосовать себе вены грязным ножом. В отличие от тебя, у меня пока нет желания кончать самоубийством, — и она приложила свою руку к его рту. — И инструментом для этого я тоже не стану...

Слова ее были услышаны. Вампир дернулся всем телом и широко раскрыл глаза, пронзив Фреду взглядом.

— Не смотри на меня свирепо, больше не сработает! Кусай, гад упрямый! — сердито повторила она.

Вагнер сомкнул челюсти, но клыки лишь надавили на кожу, не протыкая ее. Фреда в нетерпении резко дернула рукой, нанизывая свое запястье на клыки вампира. Она вздрогнула от мгновенной боли, но, когда Рейнхард начал пить, немного расслабилась. Она не смотрела на него: отвернувшись и закрыв глаза, почувствовала, как что-то покидает ее вместе с кровью, которой она снова делилась с Вагнером. Дурные, невнятные, бесполезные, исковерканные эмоции уходили, как яд, а вместо них появлялось уверенность и понимание.

Она за короткий промежуток времени развалилась на части и заново восстановилась в правильном порядке.

— Я могла тебя убить... — прошептала она, только сейчас начав сознавать в полной мере, чем могло все закончиться. — Ты ведь на это специально попросился? Прервать цепь...

Язык вампира медленно и нежно прошелся по ранкам на запястье, закрывая их. Он взял совсем немного крови, наверняка этого было недостаточно, чтобы быстро восстановиться, но он уже выпустил ее руку.

— Ты ругаешься, как матрос, — проговорил тихо. — И ты ошибаешься, я не собираюсь кончать с собой. Самоубийство — удел слабых. Я не настолько слаб. Особенно после того, что ты сказала.

— А я подумала, что ты как раз взбесился от моего признания. Или у вас, вампиров, это в порядке вещей?

— У нас любовь вообще не в порядке вещей. То, что ты сказала... я не ждал ничего подобного. Не верил, что такое возможно...

Он приподнялся, опираясь на напряженные руки.

— Не забывай, милая, я — вампир, а вампиры не живут. Мы существуем. Мы не чувствуем, а подчиняемся инстинктам. Не едим, а утоляем жажду. Не любим, а совокупляемся, — сказал он бесстрастным голосом.

— Как романтично... — беззлобно проворчала Фреда. — И очень отрезвляет.

— Я увидел тебя в поместье Крауса и вспомнил то, что моей природе помнить не положено. Ощутил невозможное, — продолжил говорить Рейн, не слыша ее замечания. — Ты вошла в меня, как в реку и растворилась навсегда и без остатка. Я чувствовал тебя каждый миг, даже когда не видел. Я мгновенно запомнил всю тебя, твой аромат, то, как ты двигалась, твой голос. Я думал только о том, как прикоснуться к тебе. Обнять, не отпускать и никогда никому не отдавать.

Фреда подняла глаза и смотрела на него, не особо веря тому, что слышит. Она видела, как двигаются его испачканные кровью губы, как сияют глаза, приобретая снова привычный чистый оттенок.

Слова звучали будто бы отдельно от всего, незамутненные, естественные и необходимые ей, как воздух, а ему — как кровь.

Фреда потянулась к нему, но он отстранился.

— Не трогай меня, пожалуйста. Не сейчас. Кто-то был очень прав, стараясь оградить тебя от соприкосновения с темной стороной этого мира, — заметил он. — Ты сказала, что запуталась, — Рейн покачал головой, прикрыл глаза, пряча плеснувшую в них боль. — А я всегда знал, что творю, и чем это обернется для нас обоих. Не мог не знать, потому что мыслю рационально, без человеческой эмоциональной шелухи. Природа моего вида избавляет нас от сантиментов. Я осознанно втянул тебя туда, откуда нельзя выбраться. А мои попытки все исправить тебе известны.

— Да, морочить голову ты умеешь, — устало проговорила Фреда. — Никогда не допускал мысли, что за своим упертым рационализмом ты многое не видишь?

Он посмотрел на нее, губы дрогнули в сдержанной улыбке.

— Допускать подобные мысли было ни к чему, пока не появилась ты. Теперь я вынужден многое пересмотреть, наперекор природе, — мягко сказал он. — А это, знаешь ли, непросто. Я был уверен в том, что делаю, но не видел всех возможностей. Но сейчас, благодаря тебе, начинаю понимать, что, наверное, кое-что можно сделать.

— Сделать с чем?

— Со всем. С нами. С Аспикиенсами.

— Я больше не хочу прятаться по зачарованным домишкам, — заявила Фреда решительно. — А в перерывах между прятками ты будешь изобретать и предпринимать все новые попытки что-то доказать или отпугнуть меня.

— Это не то, что я имел в виду. Зачем повторяться и ходить по кругу.

— Почему ты бросился на меня? — вскинув голову, сердито спросила она.

Вагнер уселся на полу в непринужденную позу, словно они были на пикнике у костра — колени согнуты, руки расслабленно и небрежно лежат на них. Он заговорил, открыто глядя Фреде в лицо, стараясь удержать ее взгляд, будто ему требовалось донести смысл сказанного, во что бы то ни стало.

— Ты должна была, наконец, почувствовать свою силу и убедиться, что умеешь и должна применять ее, когда возникнет такая необходимость. Никто не сможет причинить тебе физического вреда, если ты этого не позволишь сама. Это как энергетическая защита, необычайно редкое явление в мире паранормального. Не обладая активной, генерируемой магией, ты очень сильный контрмаг. Агрессия, направленная на тебя, любое посягательство на твою жизнь вызывает в тебе ответную реакцию. Я уже говорил, что ты используешь силу противника против него самого, в той же самой мере. Закон Ньютона, только звучит чуть иначе — сила противодействия равна силе действия.

— Что я сейчас сделала с тобой? — севшим голосом спросила Фреда.

— Ничего особенного, всего лишь ослабила, заставив истекать кровью, — невозмутимо отозвался вампир еще и улыбнулся при этом, что вызвало у девушки содрогание от острого желания пнуть таки его ногой.

— Но я тебе чуть не убила...

— Ну не убила же, — почти нежно сказал он. — Признаюсь, я хотел испугать тебя, но у меня не было намерений причинять вред. Ты ответила мне отпором, довольно мощным, но в наших обоюдных действиях не было угрозы смерти, — он помолчал и добавил задумчиво. — А если бы ты и не рассчитала немного свои ответные действия, тоже неплохо — уже освободилась бы от посягательств Аспикиенсов.

— Ты — больной на всю голову придурок, — заявила Фреда. Она встала с пола, решительно прошла в спальню и автоматически схватила с полки в шкафу полотенце.

Не глядя, прошагала на кухню. Там, все больше закипая от злости, снова налила в миску воды, бросила в нее полотенце и громко проговорила:

— Было бы неплохо, если бы ты как-нибудь оторвал свой зад от пола и притащил его сюда. Я больше не собираюсь устраивать тебе омовения на полу в гостиной. Приведи себя в порядок, будь любезен. Смотреть на тебя, покрытого поджаристой корочкой или в крови с головы до ног — то еще удовольствие...

Она выглянула из кухни и добавила, сверкая на него глазами:

— Вот пустить тебе еще кровь со всей силой противодействия твоей сволочной натуре я могу, не сомневайся.

— Я не сомневаюсь, но и ты про это больше не забывай, — отозвался Вагнер довольным тоном, что еще больше взбесило Фреду.

Она вылетела из кухни в гостиную, чуть не опрокинув едва поднявшегося на ноги вампира. Забегала по комнате, поглядывая на дверь в крепнущем желании уйти.

Подошла к окну, чуть отодвинула шторы, приподняла жалюзи — по-прежнему очень пасмурно, небо мутное и низкое, но снегопад прекратился. Вдалеке видна полоса леса. Деревья, присыпанные свежим снежком, замерли плотным строем. Среди ветвей вдруг наметилось движение. Не какое-то отрывистое мельканье пролетевшей птицы, прошмыгнувшего зайца или сиганувшей с дерева на дерево белки. Между елей ровной и длинной шеренгой неторопливо двигались тени. Сквозь туманную дымку блеснули парные зеленоватые и желтые огни, с веток осыпался снег, и тени исчезли. В тот же миг со стороны леса донесся тихий протяжный вой...

Фреда еще какое-то время вглядывалась в полосу леса, но больше ничего не увидела.

Опустив шторы, она осталась стоять у окна и не слышала, как Вагнер приблизился к ней. Его руки легли на ее талию, обвились вокруг нее. Спиной Фреда прижалась к крепкому телу, теплой макушкой коснулась подбородка. Рейн стоял неподвижный и напряженный.

— Ты хотела уйти. Иди, — проговорил он. — Я не задержу тебя, и больше не будет никаких фокусов.

Она молчала и не двигалась в его объятиях.

— Люблю тебя... — сказал он отчетливо. — Люблю так, что отдам за тебя все. Прошу уходи. Я скажу Аспикиенсам, что не нашел тебя.

— А дальше? — выдохнула она.

— Сделаю вид, что продолжу искать, стану тянуть время, пока наша связь достаточно не ослабнет, чтобы ее перестали четко ощущать Аспикиенсы. Со временем они потеряют к тебе интерес и найдут новый объект для осуществления своих планов.

— А ты?

— Буду существовать, как раньше. Другого для меня быть не может. Пойми это, Фреда. Я сломан и исковеркан, меня не исправить.

— Ты сказал, что мы можем еще что-то сделать? Это именно то, что ты имел в виду — предложить мне уйти и существовать, как раньше? — голос ее дрогнул, проседая до шепота, наполненного тоской. Её чистый природный аромат изменился, приобретая нотки горечи.

Она развернулась в кольцо его рук, без особого труда преодолевая его слабую попытку сопротивления, подняла лицо. Зеленые глаза, наполненные слезами, потемнели, как чистые озера в непогоду. Она смотрела на Рейна, не отрываясь, и видела то, что не мог или не хотел видеть он.

— Ничего не будет, как раньше. Я никуда не уйду, не могу оставить тебя. Не хочу даже вспоминать, каково это — не видеть тебя, не чувствовать, не касаться, быть далеко.

— Вот сейчас ты точно убиваешь меня... — прохрипел он.

— Это я могу, — отозвалась она. — Я даже смогла заставить тебя сказать то, что ты говорить не собирался. Ты признался, что любишь.

— Люблю... Не должен любить, но люблю. Не должен этого говорить, но говорю...

Вагнеру удалось смыть следы крови, даже с волос, но Фреда все еще видела его окровавленным, ощущала его дрожь, передававшуюся ей, когда он сползал на пол, теряя силы. Чужой, далекий, стоящий на другой, враждебной и опасной стороне, обремененный безмерно длинным существованием в темных лабиринтах непонятной ей вампирской природы и магии, и все же это был её мужчина.

Мужчина, встретить которого возможно лишь раз в одной из тысячи жизней.

Или не встретить никогда, а лишь мечтать о таком и видеть в грезах.

Но встретив и узнав, уйти, скрыться, отказавшись от него, а потом доживать остаток дней, стараясь смириться и забыть — не ее вариант. Если надо прогрызть или процарапать дыру в другое измерение, где можно быть вместе, то она это сделает.

Фреда порывисто и очень крепко обняла его. Она только сейчас поняла, что он стоит совершенно обнаженный, и ощутила ответную реакцию его тела на их объятия.

Она коснулась коротких влажных волос за его ухом, провела кончиками пальцев по гладкой коже под челюстью, очертила его подбородок, контур красивых сомкнутых губ. Вторую руку Фреда положила на его плечо, теплой, нежной ладонью скользнула по спине и

ниже. Прикосновения стали настойчивей, дыхание чаще, прерывистей.

Он издал жадный нетерпеливый стон, прижался лицом к ее щеке, губами коснулся ушка, что-то прошептал на немецком.

Руки Рейна начали движение по девичьему телу, даря невероятные ощущения, оплетая прикосновениями, как кружевами, создавая сети, в которые они оба попали по собственному желанию, а не по бесстрастной воле магии. Зарываясь в копну ее волос, забираясь под свитер, он соединил их губы, языки и пил ее дыхание вместе с ответными поцелуями...

— Так говоришь, Аспикиенсы чувствуют то же, что и ты и даже я? — задыхаясь, прошептала Фреда у самого его рта.

Он кивнул, в движении головой скользнув губами по ее приоткрытым губам.

— Тогда пусть захлебнутся от зависти к тому, чего у них никогда не будет. Чего им никогда не почувствовать самим, что бы они не предприняли в своей магической паранойе вернуть себе хоть часть настоящей жизни. Чтобы ощутить себя живыми, мало просто отнять у кого-то жизненную сущность.

Её рука проследовала по животу Рейна вниз, губы прижались к его шее, теплый язык скользнул по прохладной коже. Она питала его своим теплом и дыханием, доверием и любовью, искренним желанием быть с ним и решимостью не отступить и не отдавать никому то, что принадлежит ей по праву.

Она заставила его чувствовать себя живым без всякой магии.

Она снова оказалась притиснутой спиной к стене, и снова все его стройное сильное тело прижималось к ней. Но на этот раз в этом натиске не было никакой агрессии, только жажда обладания тем, что бесценно и необходимо. На этот раз все происходило правильно, так, как и должно быть.

Рейн снова забрался руками под ее свитер и плотную футболку, коснулся нежной кожи груди, пальцы скользнули по напряженным соскам. Фреда издала тихий чувственный стон, выгнулась навстречу его рукам, рот приоткрылся, ожидая ласк. И он поцеловал ее и продолжал целовать, долго и властно — то жадно и нетерпеливо, глубоко проникая в сладкий рот языком, то бережно и ласково, нежно касаясь мягкими гладкими губами ее губ.

Сознание Фреды было свободно, как никогда прежде. Груз проблем, давивший все последнее время, вынуждавший тревожиться, принимать какие-то решения, что-то оценивать и с чем-то мириться, сейчас был сброшен. Она просто воспарила над темной бездной, позволила себе чувствовать только то, что чувствовала на самом деле и теперь отдавала это тому, кого любила.

Рейнхард поцеловал Фреду особенно нежным и глубоким поцелуем, на секунду прижал ее голову к своей груди и опустил на колени. Она оперлась руками о его плечи, и смотрела, как он развязывает и снимает с нее ботинки, стягивает теплые носки. Он делал это так неторопливо и аккуратно, будто даже эти простые действия доставляли ему особое удовольствие, которое он хотел бы продлить и прочувствовать, прежде чем идти дальше.

Рейн не поднимал головы, не смотрел на нее, просто дотрагивался, даря обещания, направляя ее желания своими прикосновениями.

Он скользнул ладонями вверх по длинным ногам, погладил бедра. Пальцы мелькнули, расстегивая джинсы, поникли за пояс, потянули вниз.

Грациозно переступая обнаженными ногами, Фреда была спокойна и уверена. Она добила того, чего хотела — доверия.

— Если ты не хочешь брать меня с собой, тогда я заберу тебя, — сказала она отчетливо,

глядя на темную макушку Рейна, все еще стоящего перед ней на коленях с опущенной головой.

Он замер, поднял к ней лицо, посмотрел так, будто видел впервые и был ослеплен и ошеломлен.

— Теперь я знаю точно, — проговорила она, глядя в его глаза, — все это случилось для того, чтобы не ты, а именно я нашла тебя и взяла с собой.

Вампир качнулся вперед и уперся головой ей в ноги, проводя руками по бедрам, чувствуя ее близость и единственное желание — не отпускать.

И не дать ей отпустить себя.

— Любимая, ты сама не знаешь, что говоришь... — хрипло пробормотал он.

И поцеловал ее ногу, провел по коже языком, подбираясь ближе к развилке бедер. Нежно, но настойчиво протиснул руки между ее коленей, понуждая расставить ноги шире. Взглянув в лицо Фреды полным невысказанных чувств взглядом, припал ртом к ее лону.

Фреда вскрикнула, зарываясь пальцами в волосы Рейна и устремляя взгляд в потолок, на котором плясали тени от пламени свечей. Она унеслась за пределы всего тленного, полностью отдаваясь тому, что было единственно истинным и правильным.

...Перед закатом Фреда пошевелилась, с трудом разлепила веки. Вагнер обхватывал её рукой, прижимая к себе, и едва он почувствовал ее движение, как притиснул еще крепче, не давая отодвинуться даже немного. Они лежали на кровати в совершенно темной спальне домика, соединившись так, что повторяли изгибы тел друг друга. Голова девушки устроилась на предплечье Рейна, лицом он зарылся в ее волосы.

Он приподнялся, приблизился, склоняясь к ней. Она поняла, что он разглядывает ее. Рейн прекрасно видел Фреду в полнейшей темноте, в то время как она почти не различала его в едва проникавшем из гостиной отблеске свечей.

Фреда потянулась к Вагнеру, и он приник к ее губам, обнимая крепко, приподнимая и притягивая к себе ближе. Долгий поцелуй, бесконечная ласка, нежные, но требовательные касания рук, скользящих по телам.

Он разъединил их губы, осторожно уложил Фреду удобней, поворачивая на бок и снова прижимаясь к ее спине. Рукой скользнул по её бедру, согнул ей ногу в колене, приподнял, отводя чуть в сторону и вверх. Прикоснулся к ее лону, провел между складочек. Пальцы проникли внутрь в шелковистую влагу, ритмично задвигались. Прижав руку к низу живота Фреды, Рейн притиснул любимую к себе, соединяясь с ней и забываясь в ее протяжном стоне, сладком вздохе и ощущая только прогибающееся от наслаждения абсолютной наполненностью теплое тело.

И он снова почувствовал себя живым...

— Мне нужно позвонить, — прошептала она, спустя время. — Обо мне могут беспокоиться. Где моя куртка? В ней телефон...

— Кто беспокоится о тебе? — хрипло проговорил Рейн, напрягаясь.

Фреда улыбнулась.

— Моя семья. Оказалось, у меня есть семья, — ответила она, погладив его по руке, которая обнимала ее. — Я расскажу, но сначала мне нужно позвонить.

Он нехотя выпустил ее. Фреда встала, прошла в гостиную, подняла куртку, брошенную на пол, из кармана достала смартфон.

Сначала она хотела отправить смс, но подумала и решила позвонить.

Лео ответил после первого же звонка. Голос ровный, но с заметной ноткой нетерпения.

— Лео, это я. Со мной все в полном порядке, — торопливо проговорила она. — Забери меня так скоро, как только сможешь. Да, и прихвати с собой, пожалуйста... э-мм... какую-нибудь мужскую одежду — джинсы, куртку, ботинки. Все примерно твоего размера.

Глава 13. Ждать и догонять — нет хуже

Ждать и догонять — нет хуже

Мне бы только
Не продрогнуть на ветру
У последней двери.
Ненадолго —
Все из памяти сотру,
И ему поверю.
(«Что ты знаешь?», Мельница)

Сейчас

Время тянулось со скоростью больной старой черепахи, увязшей в смоле.

Фреда чувствовала взгляды Лео и Эйвина, пристально и неотступно следившие за ней, но никак не реагировала на эти внешние раздражители, оставаясь погруженной в свое ожидание.

Спасибо, хоть вопросов пока больше не задавали. Но в данном случае молчание говорило больше, чем слова. Суровый, пронизывающий, холодный, как ледышка, взгляд Лео. И глаза Эйвина — темные, как глубокие озера, настороженные, внимательные, следящие из-под нахмуренных бровей.

Везде, повсюду следуют за ней, наблюдают, пытаются оценить степень её нагруженности. Или просто раздражены ее беспокойством. Ей совсем не до этого, она сейчас не здесь, не с ними.

Начался новый отсчет, и все должно хотя бы для начала пойти в нужном направлении. Для уверенности в правильности сделанного выбора, для разгона всей ситуации. Ну, пожалуйста!

Фреда передвигалась по дому от окна к окну, выходила на крыльцо, стояла, глядя в темноту. /К.н.и.г.о.л.ю.б./нет/ Всматривалась в молчаливо застывшие черные камни, в проблески света, скользящие по поверхности холодного моря внизу у подножия скал. Слушала тишину, старалась унять тоску, все яростней вгрызавшуюся в сердце, и ждала.

Прошло больше двух часов с тех пор, как Лео принес ее обратно в дом на горе, а Вагнер до сих пор не появился.

Эти часы сделали ее больной и несчастной. Внутри души образовалась ледяная пустыня, где теперь гулял ветер тревожного ожидания и металась колющие осколки страха.

Без Вагнера она стала пустой. Перестав ощущать его рядом, лишившись возможности слышать, видеть, прикасаться к нему, Фреда едва не подвывала, как раненая волчица.

Время ползло, что-то приближая, а что-то отдаляя, нанося раны, но заставляя надеяться.

Несколькими часами ранее

— Вампир совсем близко, — сказал Рейн, указав кивком на дверь. — К дому он не сможет подойти, защита не позволит.

— Тогда я должна выйти, — заявила Фреда и решительно направилась к двери, по пути натягивая куртку.

Вагнер перехватил ее за руку.

— Постой, позвони ему для начала, убедись, что это действительно он. Когда ты откроешь дверь, чары будут нарушены.

— Знаю. Я помню, что ты говорил, — ответила она. В её глазах, голосе, жестах не было страха, одна лишь решимость.

Фреда набрала номер Лео. От его ответного громогласного «Да!» динамик смартфона загудел.

— Что за хреновина, Фреда! — прорычал Борегар. — Я не могу подойти к дому.

— Теперь уже можешь, — ответила спокойно.

Когда она выходила из дома, отпечаток ладони на дверном полотне стал блекнуть и, наконец, исчез, осыпавшись на пол хлопьями белого пепла.

Фреда вышла на крыльцо и сразу увидела высокую фигуру Лео, нарисовавшуюся у самого края каменистого спуска к берегу. Он широкими шагами отмерял расстояние туда и обратно, мечась вдоль невидимого барьера.

Увидев девушку, вампир сгустком тьмы переместился к дому и через миг поднимался по ступенькам крыльца. Решительно и бесцеремонно оттеснив Фреду, он первым вошел в дом и остановился, перекрывая дверной проем и зыркая по сторонам. Протискиваясь мимо него, Фреда готова была поклясться, что он нюхает воздух в доме, и при этом уголок его рта с тихим рычанием приподнимается, как у сторожевого пса, обнажая кончик клыка. Глаза холодные и колючие, как осколки льда.

Рейн предусмотрительно накинул на себя плед, в котором держался и выглядел с тем же достоинством, что и римский патриций в торжественном алом плаще. Он молча, встретил появление Леонара и сейчас даже в этом нелепом клетчатом пледе являл собой совершенный образец невозмутимости. Фреда отчетливо видела в нем того самого Регента — хранителя Цитадели, предельно сдержанного и абсолютно непроницаемого.

Она не хотела думать о том, что варилось в голове Лео, но гадать о мыслях, посетивших Борегара, и не пришлось — все отразилось на его лице мгновенно, словно плотину прорвало.

Два блондинистых, длинноволосых метра сначала, словно антенна или передатчик, неподвижно возвышались в комнате, сканируя пространство и присутствующих, улавливая малейшие нюансы. Затем всем внушительным корпусом развернулись к Фреде, передав одним лишь адресованным ей взглядом весь богатый спектр эмоций.

На какую-то долю мига она почувствовала себя букашкой, которую накололи булавкой, но очень быстро справилась с отвратным ощущением и позволила себе наполниться пофигистским безразличием с легкой примесью любопытства на тему «ну, посмотрим, что из этого получится».

Раньше Фреда успела рассказать Вагнеру историю встреч с Лео, начиная с самой первой, когда он помог ей в заброшенной усадьбе. Рейн внимательно выслушал, не выказав удивления, не задав вопросов, только заметил:

— Что-то я тогда уловил.

— Кто бы сомневался... — отозвалась она. — Почему ничего не спросил?

— В том, что я почувствовал, не было угрозы. А ты бы тогда сказала правду?

Она отрицательно покачала головой.

Также Фреда поведала своему вампиру и об Эйвине. Не упомянула только о том, что видит и слышит призрак матери. Эту информацию она решила приберечь. Инстинктивно чувствуя, что сейчас не время посвящать Вагнера во всё без исключения, она умолчала и о том, что у Эйвина есть предмет, похожий на ее Custos, и каким странным образом оба амулета проявляли себя.

Лео, не сводя с Вагнера взгляда, швырнул на диван пакет, что держал в руках, и на который Фреда до сих пор не обращала внимания.

— Вас надо знакомить, представлять друг другу или сами как-то справитесь? — пряча дурацкую нервную улыбку, наползавшую на лицо, заговорила Фреда.

После ее вопроса и наполненного раздражением и яростью жеста Леонара, Фреда и Рейн, как намагниченные, одновременно и совершенно синхронно переместились ближе друг к другу. Вагнер встал, чуть оттеснив девушку за себя и придерживая ее рукой. От его выпрямленной спины исходили волны напряженной энергии. Фреду на надо было закрывать от Лео, но она дала возможность Рейну показать, что к чему в их маленькой компании, а Борегару позволила полюбоваться композицией и чуточку переварить увиденное.

— Я догадываюсь, кто ты, — сказал Лео, сверля Вагнера взглядом. — Не понимаю пока смысла твоего присутствие здесь и в ее жизни в частности, — стрельнул он глазами на Фреду, — но в любом случае будет лучше, если ты для начала оденешься, — и высоченное чудо вечной юности и красоты небрежно мотнуло головой в сторону валявшегося на диване пакета.

Затем Лео смерил Рейнхарда презрительным взглядом сверху вниз и добавил:

— Надеюсь, это не традиция такая, принятая у вашего колдовского братства — разгуливать без штанов.

Фреде показалось, что в холодных вампирских телах стал закипать тестостерон. Девушка фыркнула, выскользнула из-за спины Рейна, прошла между мужчинами и взяла с дивана пакет с одеждой.

Демонстративно не обращая внимания на Борегара, она потянула своего вампира за руку, направляясь в спальню.

Вагнер сдвинулся с места с легкостью заржавевшего локомотива, но все же сдвинулся, одарив при этом Лео ответным взглядом, холодным, невозмутимым, и чуточку насмешливым. В какой-то момент у Фреды мелькнула чокнутая, мультяшно обрисованная мысль, что он сейчас сбросит плед и гордо удалится, в совершенстве своей наготы и мужской силы.

В спальне, под неотрывным и полным обожания взглядом Рейна, она самолично проинспектировала вещи, принесенные Лео, одобрила, разложила их на кровати, нежно поцеловала Вагнера в щеку и вышла из спальни. При этом они не обменялись ни словом, но были словно опутаны физически ощутимыми теплыми нитями, протянувшимися от одного к другому.

— Спасибо, Лео, — сказала Фреда, подходя к Борегару. — За все.

— Не за что благодарить, — раздраженно отрезал вампир. — Вместо благодарности более уместны были бы какие-то объяснения. Хочется понять, в чем я невольно принимаю участие.

— В том, что когда-то обещал моей матери, — тихо ответила Фреда.

— Я не так уж и много обещал вашей матери. И сейчас, хоть тресни, не возьму в толк, каким боком всё это, — он обвел глазами комнату, — относится к моим обязательствам перед Мэди.

Фреда невольно проследила глазами за направлением взгляда Лео, и только сейчас до нее дошло, ЧТО именно он увидел, войдя в дом. На полу — ковер, прогоревший в одном месте и заляпанный кровью в другом. В камине грязное полотенце и скомканная простыня со следами крови и сажи.

Фреда украдкой перевела взгляд за спину Лео, на небольшое зеркало, висящее на стене над маленьким столиком возле входной двери. И ужаснулась — волосы взлохмачены, словно руки Рейна только сейчас выпутались из густых прядей, в которые он вцеплялся, зацеловывая ее до беспамятства. Губы припухли и стали заметно ярче, лицо пылало, глаза переливались, как два дымчато-зеленых хризопраза. Она неловко кашлянула, прочищая горло, и дрогнувшими пальцами поправила ворот свитера — под ним наверняка найдутся и другие красноречивые «следы».

Возвышавшийся перед ней вампир закатил глаза.

— Подумать только, какое откровенно милое смущение. Прямо отличница, застуканная в школьной подсобке за легким петтингом, — проворчал Лео, проходя в комнату и усаживаясь на стул.

— Тебе миллион лет, в твоё время школьных подсобок не было. Откуда тебе знать, что в них происходит? — в тон ему проворчала Фреда.

— Мне миллион лет, сама же говоришь. Мне положено все знать. Все попробовать. И в моё время были подсобки, и в них тоже много чего происходило, — Борегар оскалился и окинул девушку вёдливым взглядом.

Под этим взглядом, как под прицелом двустволки, Фреда прошла к дивану и села.

Почему ей так неловко в его присутствии? Она взрослая женщина, но в самом деле чувствует себя школьницей, которая стыдится... Кого? Дядюшку? Покровителя? Друга?

— Не могу не поинтересоваться, дорогая, уж прости. Ты сюда чего так рвалась? Потрахаться захотелось без удержу? — наклонившись к ней ближе, вдруг спросил Лео.

Фреда дернулась, как от удара. Глаза под изломами бровей потемнели, губы презрительно сжались, тонкие ноздри затрепетали, она вся выпрямилась, едва не звеня, как задетая струна.

«Вылитая Мэдисон в гневе...» — глядя на нее, невольно подумал Лео.

— И потрахаться тоже. Только не пойму, какое тебе до этого дело? — прошипела Фреда. — Сам же сказал — ты мне не дядюшка. Так что трахаюсь, с кем хочу и когда хочу, тебе не докладывая. Это так, для сведения. А если по-существу, то я его люблю, и он в большой беде. Из-за меня.

— Ты определенно вылитая мать, — проворчал Борегар, откидываясь на спинку стула. — Посвятишь в страшные тайны? Что там за беды ты осыпала на невинную голову семисотлетнего вампира-мага? Сломала любимую волшебную палочку? Или ковер-самолет угнала?

Вагнер вышел из соседней комнаты, одетый в принесенные Борегаром вещи. Рейнхард был ниже Лео, не такой мощный и поуже в бедрах. Черные джинсы были ему чуть великоваты, но в синей толстовке и кожаной куртке Рейн снова стал выглядеть будто бы моложе, более непринужденно.

— Это Фреда в беде, а не я, — сказал Вагнер, садясь рядом с ней.

— Подошли шмотки? — с ироничной заботой поинтересовался Лео. — А теперь посвятите, что происходит вообще и что случилось здесь в частности.

Он посмотрел на Вагнера долгим взглядом:

— Ты горел, — вампир ткнул пальцем в подпалины на ковре. — Разгуливаешь днем? По какой же это острой нужде? А еще тебе прямо здесь основательно пустили кровь. И если это не ваши какие-то там сексуально-магические извращения, то я хочу знать все. Выкладывайте.

Рейнхард рассказал Лео все настолько подробно, насколько позволяло время, которого у них как раз и не было. Борегар выслушал внимательно, не перебивая, изредка поглядывая на притихшую Фреду.

А та наблюдала за ними и ловила себя на мысли, что со стороны общение этих двух мужчин смотрелось... занятно. Хулиганистый пацан Лео и выглядевший заметно старше и интеллигентней, Вагнер. Причем второй чуть ли не отчитывается перед первым.

— Я её забираю с собой, немедленно, — изрек Борегар, когда Рейнхард закончил свой рассказ.

Лео поднялся со стула, цапнул пятерней девушку за руку и рывком сорвал с дивана. Притянув Фреду к себе, обхватил ее огромной рукой, как ремнем безопасности, сделанным из ленточной стали и проговорил, чуть подавшись вперед к Вагнеру:

— Я обязательно выясню, сколько правды в том, что ты тут наплел. И какой твой реальный интерес во всем этом. А пока тебе в любом случае лучше держаться от нее так далеко, как это только возможно. Бери куртку и пошли! — рыкнул он Фреде и потащил ее к входной двери.

Сопротивляться двигающемуся, как ледокол Леонару было совершенно бесполезно, и Фреда даже не стала пытаться. Она повернула к нему голову и спокойной сказала:

— Отпусти меня, опекун долбаный. Я хотела просить у тебя помощи, а не заботы, которая больше похожа на насилие. Отпусти.

Она не дергалась, не вырывалась, только с раздражением повела плечами, и Лео остановился, ослабил хватку. Фреда выскользнула из его рук и спокойно подошла к Вагнеру. Теперь уже она встала перед ним.

— Рейн должен идти с нами. И это будет самое правильное. На месте мы сможем все обсудить подробней, и подумаем сообща, что можно сделать, — сказала она, обращаясь сразу к обоим вампирам.

— Да не будь ты такой душой, Фреда, — шагнул к ней Лео. — Твой вампир сам не скрывает того, что тебя могут в два счета отыскать через него. Я не знаю всей херни с магией, но то, что кровная связь очень мощная привязка, это я тебе уже говорил и повторяю снова. Это природный механизм, которому вампы не могут сопротивляться и не могут его игнорировать. А связь еще и подкрепленная чумовым сексом, это вообще нечто. Не имею понятия, как собирается твой «Гарри Поттер» это заглушить или нейтрализовать, но пока в тебе его кровь, а в нем твоя — вы оба на поводке.

— Тебе лучше отправиться с ним, — отозвался Рейн, пожимая руку Фреды. — Я вернусь к Смотрящим и скажу, что пока не нашел тебя. Это позволит нам выиграть время.

Фреда набрала полную грудь воздуха, развернулась к Вагнеру и решительно выдохнула:

— Ты опять за свое?! Сколько же можно, как ручному хомяку, крутить одно и то же

колесо? Нет! Ты отправишься с нами. Или я иду с тобой. Это не каприз, не блажь. Я знаю, с чем говорю.

Вагнер нахмурился, став мрачнее тучи, Лео зарычал, сделал еще один шаг по направлению к Фреде. Она встретила его резким, колючим взглядом, точно гвозди вколотила.

— Мать сделал бы точно так же. Она поняла бы меня и поддержала.

Лео замер на месте, что-то прошипел сквозь сжатые зубы.

— Хорошо. Предположим, тебе удалось сыграть на тонких струнах моей отсутствующей души, — выговорил он. — А дальше что? Ну, пойдет он с нами, ну поговорим мы обо всем. А потом? Даже он не знает, что делать! Что можешь придумать ты?

— Вот и решим сообща, — парировала Фреда, вскидывая голову.

— М-да... Упертость — ваша семейная черта, — пробормотал Борегар. — Только тут маленький нюанс. Я беру «на борт», — он похлопал себя по мощной груди, — только тебя одну. Без вариантов.

Лео посмотрел на Вагнера.

— Если не по воздуху, напрямую, то добраться до места можно только по воде и это не самый короткий путь. Надо искать катер и чесать без остановки.

Рейнхард промолчал, и Лео продолжил.

— На телефоне я покажу место. Если повезет, успеешь добраться и найти нас до рассвета. А если не повезет — тебе не привыкать, — и он с ухмылкой кивнул на прожженный коврик на полу. — И проблемы как ни бывало.

Фреда не выдержала и, метнувшись к Борегару, выпалила прямо ему в лицо:

— Втяни жало, Лео, хватит уже ядом исходить, а то в легком раздражении Вагнер и колдунуть может невзначай. Создаст какой-нибудь фаерболл и приземлит тебе на маковку. От магического огня у вампов волосы больше не отрастают.

В глазах Лео мелькнуло легкое удивление, он невольно вскинул руку, коснулся длинной пряди своих отливающих золотом волос, и вдруг рассмеялся так, словно был чем-то ужасно доволен.

— Маленькая кусачая муха защищает великого и ужасного Мерлина. Ты сама-то не забыла, что он вампир и к тому же маг, а ты всего лишь смертная девчонка? — проговорил Лео.

— Пока он заботится о тебе и делает все, чтобы оградить от опасности, я ничего ему не сделаю, — голос Вагнера прозвучал спокойно и решительно. — А целиком и полностью поддерживаю.

Он притянул Фреду к себе, обнял, поцеловал нежно и ласково и, заглядывая в глаза, сказал:

— Отправляйся с ним. Я обязательно найду тебя. Если получится, попробую снова переместиться, хотя не знаю, хватит ли сейчас на это сил. Если не хватит, отыщу катер и еще до рассвета буду у вас. Не волнуйся, милая.

Чувствуя, как Фреда напряглась в его руках, он прижался губами к ее уху и прошептал:

— Ты моя. Люблю тебя и хочу всегда... постоянно... Все сделаю, чтобы быть с тобой. Ты все еще доверяешь мне?

Она молча покивала, вцепившись пальцами в воротник его куртки.

Фреда не видела, что, говоря это, Рейнхард смотрел прямо в ледяные глаза Лео, и тот слышал каждое сказанное слово.

Сейчас

Лео с Фредой быстро добрались до дома на горе. Весь путь они проделали молча. Фреда, притиснутая к Леонару, погрузилась в полудремотное состояние и сквозь дымку сна почувствовала, как он крепче прижал ее к себе, перехватывая поудобней. Рука его поправила капюшон ее куртки, подтянула шарф, укутывая лицо.

«Кажется, я начинаю понимать, почему мама попросила его о помощи», — промелькнуло в голове.

Увидев просветлевшее лицо Эйвина, Фреда сразу забыла все самое неприятное, что произошло с ней за последние сутки. Парень, которого она уже с уверенностью считала своим братом, обнял ее по-медвежьи и чмокнул в макушку, проговорив:

— Я рад, что ты вернулась цела и невредима. Когда мои волосы отрастут, в них наверняка прибавится седины — я волновался за тебя. Не знаю почему, может быть в этом виновата моя чокнутая эмпатия, но меня основательно колбасило все это время.

Он отодвинул сестру от себя, какое-то время пристально разглядывал ее.

— С тобой все хорошо? — нахмурившись, спросил он.

— Со мной все хорошо, — уверенно ответила Фреда. — Я жива и здорова, и намерена поддерживать себя в этом состоянии. Но есть тема для разговора, она меня волнует, и, наверное, поэтому ты что-то чувствуешь. Скажи, твои ощущения — сильные? — спросила она.

— Совсем нет. Моя эмпатия вообще основательно стухла. Раньше от нее у меня мозг из ушей вытекал, а теперь временами воспринимаю только какие-то слабые помехи, идущие извне. Но сейчас они точно связаны именно с тобой. Что за тема для разговора?

— Я все расскажу. Давай подождем... кое-кого.

Ожидание затянулось и сводило с ума. Фреда даже не думала, что настолько не умеет ждать. Кажется, она всегда была достаточно терпелива, но только не сейчас.

Лео, глядя на нее, излучал раздражение высочайшей степени. Они с Эйвином уединялись на кухне, о чем-то переговаривались вполголоса, затем замолкали, снова смотрели на нее. В конце концов, устав наблюдать, как Фреда переходит от окна к окну и бесконечное число раз выбегает на крыльцо, вампир поднялся на второй этаж и заперся в своей комнате.

В этой пустой комнате Лео отгораживался от всего мира и зависал, сосредоточившись только на себе и своих ощущениях. Вызывал призраков прошлого и всматривался в них с одержимостью древнего, упертого, умевшего игнорировать боль от смертельных ран воина-аристократа, в жилах которого когда-то текла и кровь викингов.

Раньше. Когда-то. В другой реальности. На другом отрезке бесконечного полотна дороги в никуда, зовущейся его существованием, он встречал в этой комнате рассвет, зная, что где-то рядом Мэдисон. И представлял себя с ней в этом доме. Только он и она.

Если бы он решился это признать и дать им шанс.

Невероятное плюс небывалое. Он и Мэдди, он и рассвет. Но окна защищали от смертельного ультрафиолета, а возникшие чувства к человеческой женщине давали надежду, защищая от всего прочего: от ярости и жажды, бывших неотделимой частью его вампирской природы, от вечного одиночества и от глобального вымерзания остатков человечности.

И страшной, втиснутой в него подобно ржавому болту, усталости от тысячелетнего

«похода» во имя мнимого бессмертия. Плыть к берегам, которых нет, это вам не кругосветка, полная великих открытий. Это пытка, которая сначала вызывает эйфорию, затем дико раздражает, затем заставляет смириться, а все остальное бесконечное время выматывает и изводит, превращая в зверя. Или просто оставляет куском мертвой плоти, которым он, по сути, и являлся.

«Мать сделал бы точно также. Она поняла бы меня и поддержала».

Откуда она могла знать, как поступила бы ее мать? Но девчонка была права. Мэдисон именно так и поступала ради того, кого любила.

Слова Фреды заставили его развернуться назад и посмотреть в прошлое очень и очень внимательно.

Сейчас он сильно сомневался, что Мэдисон поддержала бы дочь, втрескавшуюся в вампира-сектанта. Она захотела бы защитить ее, оградить от опасности. А от Вагнера опасностью перло так, как несет дымом от костра до неба, в котором горят мокрые бревна. В этом Лео был уверен.

Борегар не владел магией, но очень твердо усвоил — от всей магической херни надо держаться подальше. В случае особой нужды её можно использовать, как разовую отмычку для доступа к каким-то невиданным сферам реальности, но не более того. Использовал, упал, откатился.

И притаился, ожидая пока шарахнет или не шарахнет.

А шарахало всегда, причем бывало, что доставало уже спустя время, за которое успеваешь успокоиться и расслабиться. Вот прямо как сейчас с Фредой и Эйвином.

Магия рискованна, опасна — всегда, везде и в любых дозах.

Девчонка была реально влюблена, увязнув в своей любви по самую лохматую макушку. Она изнывала, расставшись со своим вампиром. Лео ощущал, как мелкой дрожью трясется ее нежное нутро до самой последней жилки. Трясется от страха за старого и ушлого вампира-мага, от ужаса потерять его.

Леонар Борегар как капризный, заносчивый мальчишка хотел бы, чтобы когда-нибудь и Мэдисон Саттон чувствовала то же самое из-за него. Чтобы хотела его так же, как ее дочь хочет того вампира.

Хотела и ждала бы его каждый раз, как ждет сейчас та девушка внизу. И чтобы Мэдди была верна этим чувствам всю отведенную ей смертную жизнь.

Как Фреда.

И он слышал каждое слово, что говорил Вагнер девчонке.

Каждое гребаное слово, которое и он мог бы, но так и не решился сказать Мэдди.

Сейчас Мэдисон пребывала одна, где-то в темноте, там, куда ему не было доступа и откуда он не мог ее вытащить, как бы того ни желал. Лео точно знал, что иногда она прорывается сквозь небытие и совсем недолго находится рядом. Невидимая, неосязаемая, но все же существующая.

Что бы отдал он, если бы вдруг нашел способ вернуть Мэдди и попробовать начать сначала? Если бы получил шанс все исправить? Стал бы думать о том, что у цены есть мера? Ответы — всё и нет.

Где-то в пластах невидимой реальности, на самой границе его восприятия, началось движение — плавное, мягкое, как танец в воде.

Лео чувствовал, как покалывает нервные окончания, как теплеют ледяные кончики

пальцев, словно прикасаются к любимому лицу...

— Мэдди, малышка, что мне делать? Что бы сделала ты? Позволить ей творить то, что она хочет? Помочь рисковать жизнью?

Долетевшее до него «Да...» было не просто едва слышным словом, и не просто движением воздуха.

Это был ответ, влившийся прямо в его сознание теплом очевидности и понимания из самого дорого источника.

Из сердца и бессмертной души его ушедшей любви, которой он так и не сказал тех главных слов.

Глава 14. За морем, за рассветом

За морем, за рассветом...

«Просто какое-то время вам кажется, будто Бог о вас забыл, но вдруг вы обнаруживаете, что это неправда».

(Я. Вишневский, «Сцены жизни за стеной»)

Эйвин сидел за столом за своим айпадом, изредка поглядывая на Фреда. Не надо быть эмпатом, чтобы понять — ей явно ни до кого и ни до чего. В конце концов, то, что чувствовала сестра, принадлежало только ей. Он мог лишь предложить свое молчаливое сочувствие, а еще чай или кофе. Фреда отказалась от всего и снова вышла на крыльцо, а он сосредоточился на экране, где висел какой-то текст.

К ночи мороз ослаб, небо осталось затянуто плотными, разбухшими от влаги тучами. Когда они с Лео добирались сюда, то неслись сквозь низкие, похожие на намокшую вату облака, и внутри этого сырого холода было точно так же, как было сейчас внутри нее самой.

Фреда подставила лицо ветру и вместе с ночным воздухом, пахнущим свежим снегом с солоноватым морским привкусом, глотала собственные слезы.

За мгновения до того, как открылась дверь дома, и на крыльцо вышел Лео, она почувствовала что-то.

Она сорвалась и побежала по рыхлому снегу вперед, туда, где начинался спуск к поселку. Дорога оставалась в завалах из камней и снега выше человеческого роста.

Фреда затормозила неподалеку и смотрела, как через завалы по-суперменски ловко перемахнула темная фигура. Она подалась вперед, но тут же замерла, словно налетела на невидимое препятствие.

— Тайлер? Это вы? — голос девушки прозвенел, как колокольчик, сорвался и смолк.

Вампир удивленно посмотрел на нее.

— Да, я. Доброй ночи, — он разглядывал ее лицо, и хмурое недоумение все явственней отражалось на его собственном. — Что-то случилось?

Она только потрясла головой и, не говоря ни слова, кинулась обратно в дом сквозь плотные сугробы.

Промчавшись мимо Лео, оставляя за собой мгновенно тающий снежный тлен, Фреда взлетела по лестнице на второй этаж и закрылась в своей комнате. Дрожа от разочарования и осознания, что ведет себя, как неврастеничка, да еще и грязи в дом натащила, уселась на футон.

Сердце ныло от самой, что ни на есть, земной тоски, без примеси чего бы то ни было паранормального. Всё то по-бабски сентиментальное, что при разлуках и ожиданиях принято заедать шоколадками и засматривать слезоточивым кино, для Фреды вдруг превратилось в топливо, на котором работает механизм принятия решений. Нестандартных решений, в которых участвует не столько рассудок, сколько эмоции, руководимые интуицией.

— Ма... — тихо, безотчетно проговорила она в темноту. — Ма, как быть? Ты могла

просто сидеть и ждать?

Никаких визуальных образов и иных проявлений, только воображаемый шелест и шепот невидимых частиц, залетевших в мир реальный из небытия.

Но Фреда получила ответ:

«Никогда не могла усидеть на месте. Я совершала поступки и действия, думая не рассудком, а сердцем. Так было с Лео, так было и с вашим отцом. Джейк стал приманкой для монстров, чтобы спасти свою старшую дочь и меня. Сунулся в самое пекло, в буквальном смысле. И не думал о себе. Я осталась одна. И попросила помощи у Лео. От отчаяния, от безысходности, как думала тогда. И оказалась на краю света, где многое увидела иначе. Многое поняла. В том числе о Лео и о себе... Но я не успела ему ничего сказать. А должна была. Не упуская свой шанс, дочь. Ничто не сможет удержать тебя. Иди за своим сердцем и за своим мужчиной. Только будь осторожна...»

Фреда не могла сказать, откуда взялись эти слова — из собственной головы, или откуда-то еще, но они прозвучали, омыли взбудораженный разум, остудили разгоряченную беспокойством кровь, а саму её, готовую развалиться на части, скрепили сверхпрочным цементом.

Фреда спустилась на первый этаж. Трое сильных мужчин разом замерли и замолчали. Повернули головы, как по команде «равняйся».

Человек, вампир — без разницы. Все они одинаково болезненно воспринимали женскую истерику, эту обнаженную демонстрацию чувств. Каждый из троих был немного уязвлен той невольной ревностью и, может быть, завистью, что состояние Фреды вызвано чувствами к неизвестному чужаку.

Фреда обвела взглядом строй мужиков, потерявших дар речи, ловя себя на мысли, что они затаились и с опаской ждут, что она скажет или какой номер отколет. Но не потому, что её несвоевременные истерики для них помеха, а потому что им не все равно.

Мысль согрела и немного напугала. Ведь подобный расклад предполагал возникновение некой связи, ответственности друг перед другом, которую невозможно игнорировать. Теперь, что бы ни происходило с каждым из присутствующих, ей никогда не будет все равно. Как и им всем. Милая, маленькая «семейка» — вампиры, новоприобретенный брат-эмпат и сестра-«нечаянно-вампиров-убивашка», в вампира же безумно влюбленная.

У Фреды вырвался произвольный нервный смешок, она закашлялась в смущении.

— Ну, что вы уставились на меня? — сказала она всем троим. — Страшно стало от бабьей истерики? Еще бы под стол залезли...

Она прошла на кухню, налила себе чай Эрл Грей, так любимый Эйвином. Парень молча, протянул ей наскоро состряпанный сэндвич со свисающей между ломтей хлеба ветчиной и неровно торчащим сыром. Фреда впилась в него зубами, отхватила солидный кусок, прожевала, проглотила.

— Расслабьтесь. Я уже не психую, — добавила она спокойно.

И процитировала:

"I am a woman in love

And I'd do anything

To get you into my world

And hold you within

It's a right I defend

Over and over again

What do I do...?"

(Я влюблённая женщина

И сделаю всё,

Чтобы заманить тебя в свой мир

И удержать там.

Это моё право,

Которое я отстаиваю вновь и вновь.

Что я делаю?)

— На самом деле я знаю, что делаю, но из песни слова не выкинешь, — заметила она. — Имею право и попсиховать немного, нет? — задала риторический вопрос, обращаясь, прежде всего, к Лео, а тот только небрежно откинул длинные пряди назад и едва пожал широченными плечами, мол, «Да, на здоровье. Мне-то что...»

Повисшая пауза превратилась в неловкое молчание, но Фреда, как ни в чем не бывало, уселась за стол и продолжила поглощать сэндвич и чай. Остальные тут же оттаяли, тихо заворчали, заворочались.

— Сколько до рассвета? — поинтересовалась она.

— Меньше часа, — ответил Лео.

Фреда подняла на него глаза.

— Если за это время он не появится... — начала она.

— Я уже понял, — перебил ее вампир. — Отправишься на его поиски. Дудочка и крыса — это вы. Образно говоря.

— Я не крыса, вообще-то, но я не обиделась, — хмыкнула Фреда.

— Чего ж обижаться на правду, — отозвался Борегар. — Но тут еще непонятно, кто из вас кто.

Лео разглядывал покрасневшее лицо сосредоточенно жующей Фреды.

— И ты не спеши собираться в крестовый поход, — нехотя проворчал он. — До рассвета еще есть время. Он вполне может успеть.

Каково это, когда тебя ждут? Не чего-то ОТ тебя, а именно ТЕБЯ?

Когда в ожидании есть подлинная тревога, желание ускорить время и сжать пространство до двух точек, между которыми остается только провести кратчайшую прямую — «от тебя до меня».

Он уже не помнил такого, а, может, никогда и не знал.

Его рождению предшествовало традиционное ожидание желанного дитя. Но само появление на свет превратилось в жестокую пытку. Свирепствовала чума, и мать, носившая ребенка, подхватила смертельную заразу, передав ее не рожденному младенцу.

Он пробирался в этот мир, будучи обреченным, подвергая смертельной опасности себя и роженицу. Благодаря необыкновенному искусству врачевания отца, желавшему спасти, прежде всего, жену, все чудом обошлось, но пережитые страх и страдания ввелись в кровь и сознание родителей и ребенка, навсегда омрачив светлый миг явления новой жизни.

В день, когда он был обращен в вампира, Рейнхард навсегда исчез из жизни своих родных. Все, кроме отца, думали, что он мертв и приняли утрату, сказав «прощай». Отец знал правду, и ждал его. Но лишь для того, чтобы покаяться и передать навеки утраченному

сыну частицу тайны, которую не мог унести с собой. Слишком тяжким грузом была эта тайна даже для того, чтобы тащить ее в могилу.

Проще было свалить на другого. И разбирайся с этим, как хочешь...

И лишь теперь, спустя века мертвой пустоты и сотни тысяч разочарований, он знал, что его действительно ждут. По-настоящему, непритворно, желая его, нуждаясь в нем.

Тепло её кожи, рук, дыхания. Аромат, присущий только ей, меняющийся в зависимости от эмоционального состояния — от гнева, которому чуждо лицемерие и надрыв, до всепоглощающей любви. Едва уловимый переход, как жемчужно-радужный отблеск на крылышке стрекозы — от воздушной, утонченной сладости ванили до звонких, как пощечина, терпких, чуть горьковатых ноток.

Что-то действительно близкое, живое, настоящее. Связанное только с ней, желанной, покорившей его. Он держал ее в руках, прижимал к себе, целовал, впитывая каждый миг близости. И отпустил снова.

Вагнер не стал смотреть вслед уносившемуся все дальше и все выше Лео. Этот вампир жадно заграбастал Фреду, то ли оберегая, то ли предъявляя на нее какие-то неясные права, и унес, как стервятник добычу. Рейнхард видел, понимал и чувствовал, как Лео злился и как пытался сдерживать что-то, рвущееся сквозь гнев. Очень сильный вампир, старый, пытающийся существовать так, будто бы контролирует всё и вся.

Вагнер понимал его, ведь в этом они были похожи.

Чары, наложенные на дом и территорию вокруг, рассеивались постепенно, давая возможность справиться с вынужденным расставанием. Все, происходящее с Рейном днем должно было остаться за пределами ясной видимости Аспикиенсов. При правильном раскладе они могут даже не заподозрить, что он предпринимал какие-то действия в дневное время. А если и заподозрят, то тому найдется объяснение — да, я был охвачен азартом от поиска девчонки, и время суток не имело значения.

Как только включилась «беспроводная связь» со Смотрящими, их ментальные «щупальца» протянулись сквозь расстояние, бесцеремонно сканируя, проникая в каждый нейрон. Одно из самых мерзких и наиболее часто повторяющихся ощущений, что приходилось терпеть, будучи вампиром и Регентом. Полнейшее подчинение этому было установлено по умолчанию в момент обращения и подтверждалось, когда стал главой Цитадели.

Кровь Создателя, насыщенная магией, «заправляла» новообращенного, как вечное топливо, создавая мощную привязку. Многовековое сохранение целостности, нерушимости и неприкосновенности всего Ордена строилось на единстве сущностей его членов. И частицей этой единой сущности старшие делились с неофитами в момент посвящения.

Вагнер не раз задавался вопросом, что было бы с ним, если бы он не «обнулялся» раз за разом на протяжении столетий. Зависая в беспристрастной пустоте, куда сбрасывал лишний магический, мысленный и эмоциональный груз, он не только сцеживал яд, которым отравлялось его существование в ипостаси вампира-мага, но и отдавал самое ценное, чем ни за что не захотел бы делиться ни с кем.

Возможно, это могло бы длиться вечно, но он больше не мог чувствовать себя жуком, ползущим по петле Мёбиуса.

Смотрящие могли заглядывать повсюду и видеть всё. Но они оценивали увиденное и узнанное только со своей точки зрения. Со своей многовековой позиции всемогущих и

самоуверенных магов.

Именно этим и пользовался Вагнер, существуя в том мире.

То, что пыталось укрыться от Смотрящих, мгновенно вызывало повышенный интерес и стремительные действия по проникновению в самую суть.

Закрываться от ментального вмешательства бесполезно, сама попытка будет расценена, как подозрительный вызов, а притворство исключалось. Рейнхард спокойно позволил изучить свое состояние, предъявив подлинные чувства — стремления и решимость найти девушку. А все, что происходило, пока действовал Dominion, оставалось сокрытым. Даже обновленная кровь Фреды в его жилах могла восприниматься Смотрящими как усиленное магией стремление найти беглянку.

«Иду по следу. Продолжаю поиск» — вот главный рефрен, который надлежало слышать Смотрящим.

Его призывали немедленно вернуться. Он обязан доложить, как далеко зашли поиски, и заняться решением текущих дел. Отсутствие Регента на посту допускалось лишь на короткий срок, и было полностью подконтрольно Смотрящим.

Вагнер покорно участвовал в телепатическом «диалоге», не забыв упомянуть — девушка действительно находится под опекой вампиров-чужаков. С их помощью ей успешно удастся скрываться, замечая следы и заглушая кровную связь.

Микроскопический интервал в непрерывном двустороннем ментальном обмене дал понять — подтвердившаяся информация вызвала повышенный интерес.

Аспикиенсы не терпели вмешательства чужаков и это сыграло на руку. Вагнеру было даровано позволение не возвращаться сразу, а продолжить поиск и выяснение всех обстоятельств. Еще какое-то время. И он обязан быть на связи в любой момент.

Его боссы затеяли что-то запретное, рискованное и не станут больше никого в это ввязывать, а значит, никаких наблюдателей и псевдо-помощников не пошлют. С неизбежным «мозгокопанием» он что-нибудь придумает, главное, что теперь есть еще немного времени и возвращение уже не является неотложным.

Рассвет приближался. Силы, потраченные на поиск Фреды, на перемещение в дневное время и на зачарования, еще не восстановились полностью. А если учесть, что он горел и терял кровь, то все это в совокупности делало быстрое перемещение на большие расстояния невозможным. Надо было отдохнуть и восполнить потерю крови, но тратить время на сон и поиск способа утолить голод не имело смысла.

Кровь Фреды была так реальна в нем, струясь живым теплом по венам, и нарушать это ощущение он не стал бы ни за что.

Он остро чувствовал её на расстоянии. Нити их связи натянулись болезненно, словно обнаженные нервы.

Она мечется в ожидании, боится, но скрывает свой страх.

От усталости и нежелания подчиняться обстоятельствам глотает злые слезы, но одна накатывает на ресницы и дрожит, как капля чистой росы...

Он видел это почти реально, рисуя на темном небе образ Фреды. Нельзя разочаровать её, обмануть снова.

На этой части побережья фьорда отыскать какой-либо катер было не такой уж сложной

задачей, но все же требующей времени. Пришлось следовать вдоль линии берега, пока не нашелся одинокий рыбацкий домишко. Возле крепкого, сколоченного из потемневших досок маленького причала привязана синяя моторная лодка. Топливный бак пуст, в уключинах отсутствовали весла.

Не потревожив мирно спящих обитателей домика, Вагнер вскрыл сарай, обнаружил там весла, канистры с топливом, позаимствовал и то, и другое, и проследовал к лодке. Вампир, как гнилую нитку оборвал швартов и мощным толчком отпихнул лодку дальше от берега. Судно, чуть подпрыгивая, прочертило на поверхности воды длинную, расходящуюся в стороны линию, словно уже двигалось под мотором, и замерло, покачиваясь на солидном расстоянии от места швартовки. Оставшихся сил вампира хватило на перемещение с берега прямо в лодку. При помощи весел он быстро и бесшумно отгреб подальше, пока домик не исчез из виду. Заправив топливный бак, завел мотор и сел на скамью, правя к большой воде.

Покидая фьорд, он видел, как низкое плотное небо стало светлеть на востоке, возвещая о скором наступлении бледного зимнего рассвета.

...Скалистый островок, с расположенным на нем поселком, нарисовался впереди четким контуром на фоне продолжавшего светлеть предутреннего неба.

Зайдя с ненаселенной стороны этого клочка земли, Вагнер заглушил мотор и выпрыгнул из лодки прямо в ледяные воды. Мощным ударом проломил дно, проследил, как судно скрылось под водой, и направился к берегу.

Взбираясь по склону горы, он не знал точно, куда направлялся и ориентировался только на крепнущую связь с Фредой, спешил, все отчетливее ощущая ее волнение. Тело вампира, преодолевая скальные выступы, напрягалось почти по-человечески. В глазах рябило, как у истощенного и усталого смертного. Кожу болезненно покалывало от опасности приближавшегося рассвета

Одинокое стоящий дом найти не составило труда.

Вагнер, как марафонец, теряющий последние силы, подался вперед и вверх, переносясь над каменными выступами, за которыми видна была крыша и светящиеся на первом этаже окна солидного бревенчатого особняка.

...Фреда, вампиры, а по инерции и Эйвин, вдруг разом разрушили устойчивую мизансцену и ринулись в гостиную.

Девушка распахнула входную дверь: Вагнер стоял на крыльце, видя в освещенном прямоугольнике только Фреду, не замечая за ее спиной трех напряженных мужчин.

Вампир подался вперед и застыл. Фреда рванулась к нему, но Лео удержал ее грубым захватом поперек груди и как собачонку за ошейник оттащил назад. Она вцепилась в предплечье вампира-гиганта, пытаясь освободиться, но лишь взбрыкнула в тщетной попытке. В гневе почти зарычала, борясь с желанием впитаться в руку Лео зубами. Потом сникла, словно перестала обращать внимание на дикарские повадки Борегара.

— Входи же. Почти уже рассвет... — сказала она Рейну, и голос дрогнул едва заметно.

Вагнер не двинулся с места, а она уставилась на него в тревожном недоумении.

— Я не могу войти без приглашения хозяина, — отозвался Рейн.

Фреда, не понимая, обернулась к Лео.

Светловолосый вампир будто пребывал в невидимых боевых доспехах своего давнего воинского прошлого. Не для защиты, а для устрашения, как истинный боец, а не

бутафорский рыцарь с картонным мечом.

Напряженный, застывший с непроницаемым лицом, он смотрел только на Вагнера, будто надеялся силой воли и взглядом берсерка, отогнать нежеланного гостя далеко и навсегда с наибольшим ущербом. Борегар так сосредоточился на свирепом созерцании, что не обращал внимания на Фреду и ее попытки разжать его хватку.

Лео явно упивался моментом, видя, как меняются глаза Вагнера, наблюдавшего за ним. Блондин удерживает девушку по-хозяйски, просто потому, что мог так поступать, будто имел на это право.

Лео помнил их обмен взглядами, когда Рейн целовал Фреду на прощанье и сейчас отвечал на это.

— Лео! — Фреда, задрав голову, рывкнула прямо в лицо Борегару. — Почему он не может войти? Дом ведь твой...

— Не мой, — спокойно отозвался вампир, соизволив посмотреть на нее. — Дом принадлежит Эйвину.

Не теряя время на выяснения что к чему, Фреда посмотрела на брата. Её безмолвная просьба была очевидна. Под всеми взглядами, обращенными сейчас на него — одобрительным и самодовольным Лео, напряженным Тайлера, пронзительным и выжидающим Фреды — он не торопился, раздумывал и оценивал.

Она не винила Эйвина, которому наверняка много чего успел рассказать Лео. Да, брат хотел находиться в безопасности. Он вполне мог не пустить Вагнера в дом и вскоре тот встретит рассвет прямо здесь на крыльце. Мысль эта вызвала прилив сил и новую вспышку ярости.

С обстоятельствами она как-нибудь справится. Но как справиться с упрямыми, очередной раз решившими порулить ее жизнью, поковыряться там «очумелыми ручками», решая, как будет лучше для неё?

— Что происходит? Опять?! — прошипела она, рывком выворачиваясь из рук Лео.

Фреда повернулась к мужчинам лицом и отступила к двери, не сводя со всей троицы кипящего гневом взгляда.

— Разве мы уже не приняли решение? — проговорила она, натолкнувшись на хищный взгляд Борегара. — К чему всё это, Лео? Зачем терять время на этот цирк? Тебе заняться нечем? Прошу, не напрягайся ты так больше из-за меня. Я в суровом жизненном руководстве не нуждаюсь, а знаю и понимаю, чего хочу, и ради чего буду кусаться и царапаться.

Физиономия Борегара заledenела, словно его окунули головой в жидкий азот. Ткну пальцем, и он разлетится на куски от напряжения.

Оказавшись за порогом, Фреда встала вплотную к Вагнеру. Вампир осторожно положил руки на ее плечи, чуть сжал. Медленно и бережно погладил, проводя ладонями сверху вниз, словно стирая метки, оставленные прикосновением Лео. Фреда приникла к Рейну спиной, чувствуя спокойствие и уверенность рядом с ним.

— Эйвин?.. — снова посмотрела на брата.

На самом деле прошло не больше пары минут с того момента, как она увидела на пороге Рейна, но Фреде казалось, что все затянулось на часы.

Незнакомый вампир спокойно смотрел на Эйвина глазами такого немыслимого цвета, что этот deer purple пока что вызывал только дискомфорт, но вполне мог погрузить на самое дно непролазной депрессии.

Но, кажется, сестра этого не замечала и была настроена очень решительно. Если не

пригласить этого чужака, то она точно останется со своим вампиром, и в чем была, помчится искать для него укрытие в горах.

— Заходи, — проговорил парень, обращаясь к Вагнеру.

Лео недовольно зыркнул на Эйвина, словно надеялся, что парень еще поиграет в царя горы. Просто так, чтобы остальные знали свое место и не питали ненужных иллюзий.

Это только его привилегия.

Глава 15. Ночи для Солнца, дни для Луны

Ночи для Солнца, дни для Луны

Говорила сердцу Вечность,

О войне добра и зла,

Как жестока бесконечность,

И как истина важна.

(С.Хэлфаер)

...Дни перед неизбежным возвращением в реальный мир были сумбурными. Трое неполных суток равнялись целой жизни, даже, несмотря на ощущение, что все, собравшиеся в этом доме, всего лишь нелепые фигурки из коллекции абсурдов. Кто-то или что-то выхватил их из привычных обстоятельств, выставил на шаткую поверхность и забавлялся, передвигая, как вздумается.

Сон снова тянул на дно, и Вагнер покорно погружался в плотный дурман. Но он сознательно тревожил память, воспроизводя детали последних дней.

Он уже не там, не с ней. Он снова пуст.

И все только начиналось...

Фреда заводила его в дом, ни на кого не глядя, вцепившись в его руку сведенными нервной судорогой пальцами. Будь он человеком, ему, наверное, было бы больно.

Не выпуская его руки, без отвращения и колебания взяла два пакета донорской крови из холодильного ящика, стоящего на полу.

Вела по лестнице вверх под напряженными взглядами обитателей этого дома, который хранил ощутимую дымку прошлого, витавшую здесь повсюду. Его одежда промокла насквозь, успела заledenеть, теперь оттаивала в тепле, и с него текли струйки воды, оставляя лужицы на добротных деревянных половицах.

Они зашли в небольшую комнату, где ощущался неповторимый тонкий аромат. Фреда закрыла плотно дверь и только потом нехотя разъединила их переплетенные пальцы. Сдернула с футона шерстяное одеяло. Забралась на подоконник, зачем-то занавесила пледом большое окно. Знала, что окна в доме не пропускают ультрафиолет, но будто перестала доверять этому.

Одеяло перекрыло доступ рассеянному предутреннему свету, и комната погрузилась в темноту. Фреда подошла к Вагнеру, обняла, уткнувшись носом в его шею. Он чувствовал, как, пульсируя живым теплом, двигается от дыхания её грудь и гулко бьется сердце.

Оба молчали, обмениваясь перетекающей из одного в другого энергией соприкосновения. Случился тот самый «избыток чувств», от которого распирало так, что становились возможными взлет и парение. Не размыкая объятий, они удерживали друг друга в невесомости ощущений и одновременно твердо стояли на ногах.

— Я едва не тронулась, пока ждала тебя... — пробормотала Фреда, не поднимая головы. — Умом понимаю, что так нельзя, но...

Теплые губы двигались по его коже возле яремной ямки. Она почувствовала, как он сглотнул застрявший комоч невысказанных слов, и прижалась поцелуем к его горлу, одновременно стягивая с плеч вампира тяжелую, набухшую от воды куртку.

Она не видела почти ничего, он наоборот — прекрасно различал в темноте, но оба предпочитали сейчас просто ощущать близость друг друга.

Он положил ладони на ее лицо, приподнял и поцеловал в губы, нежно, ничего не требуя. Фреда ответила на поцелуй также нежно, делясь взаимной лаской.

— Люблю тебя... — проговорил он ей в губы, пробуя на вкус сладкий рот и эти слова, которые произносил за последние сутки столько раз, сколько не говорил за все семьсот с лишним лет своего существования. — Люблю...

Когда-то, будучи человеком, мужем и отцом, он, конечно, говорил все это, но никогда еще не ценил возможность чувствовать истинный смысл сказанного так, как сейчас.

Волнение Фреды стихало, откатывая волнами. Она отстранилась, зажгла маленький светильник, стоящий возле футона. Потом помогла Вагнеру стянуть свитер. Рейн сбросил ботинки, ногой брезгливо отодвинув их от себя. Девушка чуть прикрыла отяжелевшими веками глаза, когда поглядывала, как он снимает мокрые джинсы и остается нагим.

Фреда поспешно сунула ему в руки пакет с кровью, стала подбирать с пола одежду.

— Ложись сюда, — сказала она, указывая на свой футон. — Я принесу тебе еще плед.

— Плед, пожалуй, принеси. Но я лягу на полу, — отозвался Вагнер. — Я вампир, не забыла? Не мерзну, могу спать хоть на битом стекле.

— Ты должен нормально отдохнуть.

— Тебе это необходимо в первую очередь, — отрезал он, — а мне нужен плед, только чтобы прикрыться. — Я бы мог остаться в мокрой одежде или так устроиться, — он окинул себя взглядом, — но мокрая одежда будет испорчена, а ее отсутствием не стоит еще больше провоцировать вашего «Le Duce»*. Он и без того весь искрит. Вдруг надумает нагряться с обходом.

— Le Duce? — вскинула брови Фреда. — Лео?

Вагнер в ответ изобразил хищную улыбку, притянул девушку к себе и поцеловал, на этот раз жадно и глубоко.

— Ступай, — он отстранился, выпуская Фреду из объятий, — успокой своих телохранителей. Они там внизу затаились. Я слышу, как они звенят от напряжения.

Успокоиться нужно не только тем троим на первом этаже. Еще немного, и он не выпустит ее из комнаты. Оттеснит в угол, прижмет спиной к стене, сорвет с нее одежду, подхватит, сжимая ее теплые бедра, и возьмет, яростно и нетерпеливо. Видения налетели, как поезд, вырвавшийся из тоннеля, ослепили, почти затуманили рассудок.

Ноги девушки обвивают его талию... он входит в нее глубоко. Смотрит, как она запрокидывает лицо, прикусывает губы, сдерживая стоны. Он двигается в ней, снова и снова чувствуя, как пульсирует ее горячее, истекающее соками желания лоно в момент кульминации...

Вагнер подтолкнул Фреду к двери и отвернулся, укрывая бурную реакцию своего тела.

Разорвал зубами оболочку пакета с кровью и двумя долгими глотками прикончил омерзительно холодную кровь.

Жидкость плюхнулась в желудок, остужая несвоевременный накал и беспощадно напоминая, кто он есть.

...Фреда вышла за дверь с охапкой одежды в руках и, направляясь по коридору к лестнице, вдруг поняла, что всучила своему вампиру пакет с питьем прямо из холодильника. А надо было погреть в микроволновке до естественной температуры. Она видела, как это

делает Лео каждый раз. Фреда поспешила обратно.

— Дай я... — начала она, заходя в комнату.

И замолчала, увидев сидящего на полу Рейна с обрывками пустого пакета в руках. Вампир прислонился спиной к стене, положил руки на согнутые колени и уткнулся в них опущенной головой. Казалось, Вагнер уже спит, но затем он медленно приподнял голову.

— Извини, я даже не додумалась погреть это... — проговорила она.

Фреда явно раздосадована, смущена. Неужели жалеет его? Не хватало еще заблудиться в иллюзиях.

— Фреда, я могу выпить хоть ртуть, хоть мышьяк — без вреда. Правда, и без удовольствия. А пакетированная донорская кровь, честно говоря, остается гадостью грей ее или не грей, — сказал он равнодушно. — Её лучше глотать, как лекарство, не смакуя. Но... спасибо за заботу.

Фреда кивнула, покусав губу, и молча вышла из комнаты. Все поняла, умница.

Она спустилась на первый этаж, положила одежду аккуратной кучкой у камина в гостиной с намерением чуть позже развесить ее на перилах лестницы для просушки. Потом прошла на кухню, где за столом сидели мужчины, ожидая ее появления.

— Мы же договорились о том, что он сюда приедет. Так зачем было устраивать этот спектакль? — выпалила Фреда, обращаясь одновременно к брату и Лео.

— Никакого спектакля, — отрезал Борегар, — элементарная осторожность. За твоим вампиром могли следить, его могли сопровождать. Да мало ли еще что.

Он посмотрел на девушку с укором.

— Ты привела в дом не юного пацана с потными ладошками и шмыгающего носом от смущения во время знакомства с семейкой подружки. Он вампир, девочка. Старый и умный. Ему по статусу положено быть хитрым и скрытным, и он знает разные нехорошие фокусы, о которых ты и помыслить не можешь, — Лео откинулся на спинку стула, положил на стол сцепленные в замок руки. — Я знаю, что говорю, потому что сам вампир и имел дело с вампирами, владеющими магией. А проще говоря — я ему не верю. Уяснила?

Фреда кивнула, сопроводив кивок длинным вздохом. Все это она понимала и без наставительных пояснений «дядюшки». Но молчала и слушала. Исключительно в знак уважения к старшим.

К тому же, если бы не Лео, Вагнера сейчас здесь могло вообще не быть.

— Я отдал дом Эйвину, — продолжил Лео. — Насовсем. Вы оба имеете право на владение, но при нынешнем положении вещей **пока** законным владельцем будет только он. Объяснять, почему так, надо?

— Не надо, я все понимаю, — отозвалась Фреда.

— Ну и лады, — небрежно бросил Лео, вставая из-за стола. — Часа через четыре растолкай своего спящего красавца. Надо многое обсудить. Я тоже иду отдыхать, чего и всем прочим советую. Тайлер?

Вуд посмотрел на Лео.

— Воздержись от сна на пару часов, потом я тебя сменю. Позже все обговорим еще раз.

Всегда молчаливый Тайлер лишь кивнул в ответ.

Борегар вышел из кухни. Фреда наблюдала, как он остановился возле одежды, оставленной ею на полу. Посмотрел на вещи, сгреб их, размашисто шагнул к входной двери и, распахнув её энергичным рывком, вышвырнул одежду на улицу.

Обернулся, встретившись взглядом с Фредой.

— Сейчас дам другие шмотки, — буркнул он.

Поднимаясь по лестнице, Лео сжимал челюсти так, что чуть не раскрошил зубы, представив, как Вагнер снова ошивается нагишом рядом с девчонкой.

Челюсти едва не заклинило, а скрежет зубов выстрелом отдался в голове.

Чем больше Лео думал, тем лучше понимал, что этот гребаный Вагнер такой же, как и он. А потому и не хотел, чтобы такой мутный хмырь причинял боль Фреде.

Почти достигнув дна забытья, Вагнер повернул отяжелевшую голову. Фреда, тихо посапывая, глубоко и мирно спала, свернувшись клубочком на матрасе.

Она вернулась довольно быстро, неся плед и чистую одежду. На этот раз чужие мужские вещи пахли не Борегаром. Чистые, почти новые, серые спортивные штаны и темно зеленая толстовка, скорее всего, принадлежали тому молодому парню, её брату.

Фреда установила будильник на смартфоне, вкратце поясняя, что «Le Duce» не намерен

расслабляться, и собирает совет через четыре часа. Отчаянно зевая, она прилегла на фuton.

Вагнер расстелил плед на полу у противоположной стены, растянулся на нем, теша себя надеждой, что столь скромным расстоянием до предмета своих желаний, справится с бушующим искушением. Они оба напряженно замерли по своим местам, не разговаривая, прислушиваясь к самим себе и зыбкой утренней тишине в доме.

Вскоре все, кроме одного, спали, как бойцы в окопах в перерыве между битвами.

Чувствовать на себе недоверие и враждебность окружающих куда привычней, чем наблюдать дневной пейзаж за большими окнами.

Какое-то время Вагнер не обращал внимание на собравшихся за большим столом в кухне и просто смотрел в окно. Погода менялась, ветер рвал плотные тучи и гнал их прочь. Тяжелое небо становилось выше, прозрачней, меняя серую плотную влажность снеговых облаков на более светлую и легкую дымку.

Окна, не пропускающие ультрафиолет, не являлись диковиной в его мире, но совокупность всего, что окружало его здесь и сейчас, было совершенно новым эмоциональным опытом.

— Давай, выкладывай, что затеяли твои боссы, — резко потребовал Борегар, которому, наконец, надоело безрезультатно сверлить агрессивным взглядом незваного гостя, погруженного в спокойное созерцание деревьев за окном.

Вагнер остался непроницаем и невозмутим: близость Фреды окутывала такой мощной аурой доверия и любви, что это нейтрализовало все враждебные вибрации.

Рейнхард снова, уже более подробно и обстоятельно, пересказал все от истории приключений Фреды в музее до своего последнего ментального контакта со Смотрящими. Он умолчал о том, как девушка нашла Custos. Намеренно или просто считая это не относящимся к делу, сама Фреда уточнять пока не собиралась и ни во что не встревала.

— Аспикиенсы подозревали, что ее укрывают вампиры. Я не стал опровергать их предположение, — сказал он. — Они осторожны и не пойдут на открытый конфликт с чужаками, не состоящими в Ордене. Поэтому позволили мне отслеживать ситуацию, пока со стороны. Им любопытно, кто еще заинтересован в девушке и почему.

Лицо Лео, застывшее, как слепок суровой сосредоточенности, вдруг стало странно довольным, и он послал в сторону Фреды долгий прищур пронзительно голубых глаз.

— А что, это может оказаться очень даже кстати, — задумчиво проговорил он.

Вагнер понимал, о чем говорил Лео. У старого вампира более мощная кровь, и она могла сработать, как своеобразный глушитель для связи, установленной с Фредой через Рейна, создавая Смотрящим помехи в восприятии девушки.

От мысли, что к этому средству придется прибегнуть, у Вагнера в груди стала свиваться тугая пружина, которая еще чуть-чуть и распрямится, выбрасывая наружу внутреннего «демона».

Фреда заерзала на стуле, поглядывая то на Рейна, то на Лео, между которыми сейчас явно велся какой-то крайне напряженный безмолвный диалог.

— И почему эти Смотрящие и Доминис еще войной на весь мир не пошли, если они такие всесильные? — громко сказала она, озвучив внезапно пришедшую в голову мысль, лишь бы прервать молчаливую дуэль между Леонаром и Вагнером. На самом деле о маньячно-наполеоновских планах правителей Ордена ей знать совсем не хотелось.

— Их сила специфична, — ответил Рейн, мгновенно переключая внимание на Фреду. — А в сочетании с особенностью природы древнейших вампиров-магов, думаю, амбиций по завоеванию мира у них нет. Или же эти амбиции имеют несколько иную направленность. Доминис за тысячелетия владения мощной магией начисто разучились чувствовать себя частью этого мира, хотя и продолжают здесь существовать. Они оберегают свои телесные оболочки, в которых заключена мощь и свои тайны. На их статус никто никогда не покушался. Уединение, незыблемость, контроль — вот их Вселенная. Их Вечность.

— Но Смотрящие- то трепыхаются, значит, не настолько утратили амбиции? — заметила Фреда.

— С ними иначе. Но их цель тоже отнюдь не вселенского масштаба, а скорее местечковая, — вампир помрачнел. — И те, и другие стары, как мир, но в отличие от Магистров Смотрящие хотят эволюционных перемен, в которых Доминис — лишнее звено. Они стремятся установить в Ордене единовластие в трех лицах. Или в четырех.

— Зря ты говорил, что они начисто утратили все человеческое. Ведь мечтают же завалить начальство и усадить свои задницы на их кресла. Или троны. Так что, все как у людей.

Вагнер улыбнулся и согласно кивнул. Фреда не сдержала ответной улыбки. Лица Лео и Тайлера остались непроницаемыми, а Эйвин еще более помрачнел.

— Это все, и, правда, было бы почти забавно, не касайся непосредственно тебя, — охладил внезапный приступ «веселья» Лео, обращаясь к Фреде.

Она ответила ему коротким взглядом из-под ресниц.

— Люди выживают благодаря способности иронизировать в момент опасности, — отозвалась Фреда. — Не все же глотки рвать, иногда надо и расслабиться немного, чтобы справиться с новыми силами и чуть переварить ситуацию. И, как ты правильно заметил, все это касается непосредственно меня, а значит, у меня имеется полное право слегка ущипнуть бредовые обстоятельства за задницу. Ну, как разъяренную злую гиену, пока она в клетке.

— Это ты в клетке, — рыкнул Лео. — Не заметила еще?

— Как не заметить, — откликнулась Фреда.

Лео подвигал челюстями, как голодный аллигатор и одарил девушку таким же добрым, как у хищной рептилии взглядом.

— Послушай, Вагнер, — обратился он к Рейнхарду, — прежде чем строить стратегические планы, мне хотелось бы знать конкретней, в чем именно заключается тот ритуал, который намереваются провести Смотрящие. Можешь описать доступно?

— Доступно — это как "Алхимия и высшая магия для "чайников"? Суть нашей проблемы так запросто не изложить, — хмуро ответил Рейн.

— Уж постарайся как-нибудь, — парировал Леонар. — Я понятливый и меня сложно чем-то удивить, все переварю. Давай, излагай.

— Попробую. Не сомневаюсь, что, вы кое-что выяснили про меня и уже знаете, кем был мой отец, — начал он.

И впервые за семь столетий он рассказал историю своей человеческой жизни и обращения в нежить. Опуская некоторые слишком личные детали, он поведал о своем рождении во время чумы, об увлечении наукой, алхимией и магией своего бесспорно гениального отца и о его опытах над сверхъестественными созданиями.

— Особый интерес у Вагнера-старшего вызывали свойства крови. Но больше всего кровь вампиров и прочих существ. Вы что-нибудь слышали об **алхимическом эликсире**? — спросил он.

— Бред собачий, как по мне, — отозвался Лео. — Попыток создать уйма, и ни одной успешной.

— Не бред, — качнул головой Вагнер. — На этот счет существовало множество мнений у разных алхимиков во все времена. Мой отец считал, что алхимическим эликсиром или ферментом является человеческая кровь. Она же является эликсиром жизни для вампиров. Этот факт ты бредом уже не назовешь, ведь так?

Лео в ответ шевельнул бровями.

— Суть состоит в том, что законы природы едины для всего сущего, а значит свойства эликсира — едины для всех и действие его может быть оказано на любую сущность, — пояснил Рейнхард.

Он посмотрел на затихшего в напряжении Эйвина.

— Твой айпад имеет доступ в Сеть? — обратился он к юноше. Тот кивнул. — Найди — **«Изумрудная скрижаль»** Гермеса Триждывеличайшего, поищи труды Раймонда Луллия и упоминания о Фулканелли и его **«Тайнах готических соборов»**. Это доступные материалы.

Пока Эйвин занялся поиском, Вагнер продолжил:

— В тексте Скрижали изложена та самая суть. В ней говорится о **Едином Начале, объединяющем все сущее, одинаковое для неба и земли**, с помощью которого можно творить самые невероятные чудеса. И речь здесь идет не только о получении философского камня.

Хмурая складка между бровями Вагнера стала резче. Индиго глаз потемнело, когда он посмотрел на Фреду.

— Во все времена тысячи алхимиков и магов искали Истину в различных направлениях. Бывали и успешные изыскания. У моего отца они тоже имелись, но каждый раз успех являлся случайностью, а не закономерностью. Поиски эликсира, фермента, субстанции — как только это не называли — вызывал одержимость у ученых-алхимиков. И все они сходились в одном: в основе всех веществ лежит **Prima materia** или **первоначальная материя**, и она одинакова для всего сущего. **Сама же первоначальная материя является набором неких характеристик, которые останутся, даже если само вещество исчезнет.**

Вагнер накрыл ладонью руку Фреды, лежащую на столе.

— Аспикиенсы тоже собирали эти знания воедино, и нашли способ их применения. Подозреваю, что прежде, чем спалить лабораторию моего отца, они прихватили с собой что-то из его трудов. Насколько я знаю, они хотят использовать живую сущность в качестве Вещества первичной материи. **Вещество это везде и во всем**, но Смотрящим нужно не абы что. Их задача подняться на своей сущностью, обрести новые качества, достичь своеобразного совершенства, запустить эволюцию там, где она невозможна. И, по их мнению, Фреда как раз наделена всем подходящим для этого.

— Опять какая-то муть про «избранных» и «уникальных»? — выпрямился на стуле Леонар.

— Уникальных — да, но никаких «избранных». Это тебе не Матрица, — ответил Рейн, приковывая к себе льдистый взгляд Борегара. — Фреда для Аспикиенсов лишь материал. Одна из многих. Я недавно узнал, что они и раньше проделывали подобное и не раз.

Находили других, использовали в аналогичном действе, но эффекта либо не было вовсе, либо он был незначительный. Они учуяли в девушке большой энергетический потенциал. Она смертная, живая, но не вполне человек, в ней намешано много сильных кровей. Плюс у Фреды имеется способность аккумулировать энергию и отдавать ее с той же силой, с которой она ее принимает, а может даже и с большей. А вот это уже не рядовое качество.

Вагнер посмотрел на девушку, и она ответила ему спокойным взглядом. А какой смысл волноваться и переживать о том, что уже нельзя изменить? Она терпеливо ждала, когда окружающие ее мудрые мужчины перейдут к конкретно назревшему вопросу — что теперь со всей этой фигней делать?

— Аспикиенсы на этот раз решили изменить сам ритуал, предложив мне стать четвертым, — продолжил тем временем Вагнер.

— Поясни, — напрягся Лео.

Вагнер задумался на миг.

— Нужна ручка или карандаш, я нарисую для наглядности.

Эйвин подтолкнул лежащую возле него ручку через стол к Рейнхарду. Вампир взял из пачки салфетку и начертил на ней две линии, пересекающиеся под прямым углом.

— Крест — четыре стороны, четыре элемента — это алхимический символ горнила, испытания, — пояснил Ренхард. — Утверждается, что в **«горниле первичная материя терпит мучения и умирает, чтобы возродиться очищенной и одухотворенной»**. Недаром говорят **«нести свой крест, проходить горнило»**. Аспикиенсов всегда было трое, Доминис — всегда четверо. Метя на место Магистров, Смотрящие решили, что нужно полностью соответствовать схеме и добавить четвертого.

Рейн быстро проставил цифры от одного до четырех напротив каждого конца нарисованной им крестообразной фигуры.

— Сам же процесс проведения ритуала сродни прохождению лабиринта. А лабиринт — это символ работы в рамках Великого Делания, с двумя основными трудностями: пути к центру, где происходит борьба двух природ — живой и неживой — и пути к выходу из лабиринта.

Ручка снова замелькала по пористой поверхности салфетки, и вокруг креста стал появляться сложный концентрический узор. В центре узора, там, где пересекались прямые, он изобразил маленькую окружность и закрасил ее.

— Фреда — центр, несущий энергию жизни, — он указал на маленькую окружность. — Все остальные, — ручка переместилась на цифры по краям, — пожиратели этой энергии, и они во время процесса тоже неизбежно открывают свои магические сущности для смешения

и разделения их между собой. Но важно не только найти к центру правильный доступ, а и выбраться за пределы окружности, измененными. Одухотворенными.

Вагнер бросил ручку на стол, скрестил руки на груди и откинулся на спинку стула. Он снова посмотрел в окно, напротив которого сидел. Все остальные уставились на салфетку с рисунком. В тишине было слышно, как в каминной трубе завывал усилившийся ветер.

— Это своего рода **Жертвоприношение**, разделение жизненной сущности между всеми участниками ритуала, — нарушил молчание Вагнер. — **Вещество в центре должно обладать свойствами, способными связать четыре элемента.**

— Пятый, мать его, элемент, — проговорил Леонар.

— Абсолютно в точку, — отозвался Рейн. — Именно **Пятый элемент. Квинтэссенция всего, некая связующая сущность.** Парацельс считал человека квинтэссенцией бытия, созданного Богом.

— Куда ушли старые добрые времена, когда спятившие от древности вампиры, ловили ведьмочек и силой заставляли их создавать снадобье, чтобы понежиться на солнышке минут пять-десять. Вот оно было — одухотворение. А это... — хмыкнул Лео и щелчком поддел салфетку. — Это уже за гранью...

— Это еще более за гранью, чем ты думаешь, — согласился Вагнер. — Потому что здесь к алхимии подключается непосредственно магия. Призывая меня четвертым, Смотрящие намерены создать так называемый **Эгрегор, который будет полностью соответствовать задуманной цели и объединит все составляющие.**

— Что еще за хрень, этот Эгрегор? — скривился Леонар.

— Как звучит доступное для понимания определение, эгрегор — это энергоинформационная сущность, которая создается группой участников, имеет свои цели и задачи и способна воздействовать на других членов группы и не только. В данном случае, именно магический **Эгрегор своей силой замкнет крест в лабиринте, заключив в нем участников процесса.**

Вагнер снова подтащил салфетку и дополнил рисунок, начертив вокруг креста квадрат.

— Но, как я уже говорил, все известные теории и ветви алхимии, да и практической магии, опираются на идею существования некой сущности, субстанции. Только одних наименований у нее больше пятидесяти. И все из-за того, что **познание и процесс получения этой сущности сугубо индивидуальный и неопределенный.** В самой Фреде, как в «веществе» будут использованы лишь ее характеристики — жизненная сила, магия, кровь. Но не факт, что эти характеристики сработают как надо.

— То есть, заполучив девушку, Смотрящие могут и не добиться желаемого, — заключил Леонар.

— Именно так.

— Что будет с ней тогда?

— Ты плохо слушал, вампир? — Вагнер развернулся к Борегару всем корпусом и подался вперед. — В случае успеха само «вещество» исчезнет, останутся лишь его характеристики, «перелитые» в тела Смотрящих. Если ничего не получится — «вещество» исчезнет. И всё.

...Когда не знаешь всей силы врага, строить план сражений с ним — все равно, что возводить башенку из кубиков. Один тычок пальцем — и башенка развалится. Но если кубики останутся целыми, их можно будет снова сложить...

...Лео невнятно пробормотал что-то явно недоброе, перейдя на французский.

Поднялся со стула, тяжело прошелся по кухне, маяча за спинами притихших собеседников, и удалился, не сказав ни слова.

Следом за ним вышли Вагнер и Тайлер.

В доме холодным туманом расплзлась тишина.

Фреда сидела, утратив, казалось, интерес ко всему, усталая, но совершенно спокойная, будто уравновешенная (а может оглушенная?) неким осознанием момента.

Когда вампиры вышли, она поднялась из-за стола, стала возиться у кухонных шкафчиков, что-то доставала, открывала и нарезала. Эйвин смотрел на сестру, наблюдая за ее действиями, мирными, простыми, такими обыденными: ее руки ловко двигались, она что-то шептала себе под нос, иногда хмурилась.

Фреда приготовила для себя и Эйвина перекус и кофе, и они с братом молча жевали, сидя рядом. Эйвин был не из самых разговорчивых, и в какой-то момент ей стало казаться, что она это знала давно и ничего не имела против — молчать с Эйвином было на удивление комфортно. Ей самой нечего сказать, кроме, может быть, нелепого «Ой, как я всех озадачила...»

Но разве она этого хотела?

Фреда допила кофе, поднялась и бесшумно выскользнула из кухни, бросив благодарный взгляд на брата. Эйвин внимательно смотрел ей вслед, незаметно приложив ладонь к карману джинсов, где под тканью ощущался контур металлического треугольника.

В данных обстоятельствах каждому отведена своя роль. Ему тоже, но он пока не знал, какая именно.

Не знал, но непременно выяснит или поймет. А пока момент еще не пришел...

Вампиры держали совет в коридоре второго этажа.

— Что за хрен с горы этот ваш наместник Краус? — обратился Борегар к Рейнхарду.

— Непрост и непредсказуем, с большими запросами и амбициями. Но местное сообщество вполне им довольны и принимает его таким, каков он есть. А вот моим боссам

очень не нравятся энергичные изыскания эрцгерцога. Они никак не ожидали, что кто-то заинтересуется тем же, что так интересно им. А ты почему о нем спросил?

— А тебе известно, что Краус хотел купить ту заброшенную усадьбу, где я встретил Фреду в первый раз? — не отвечая Вагнеру, Лео снова задал свой вопрос.

— Я знаю, что он скупает недвижимость, — уклончиво ответил Рейн.

— А кстати, зачем там ошивалась Фреда тогда? Что искала по твоему поручению?

— Ну, скажем так — она искала свою силу, — без колебаний отозвался Вагнер. — Тогда она только попала в Цитадель, не верила ни во что, не хотела замечать очевидное, была растеряна. Объяснения она вообще не воспринимала. Отвезти ее в тот дом и погрузить в атмосферу, в которой проявились бы ее способности, на тот момент было единственным способом убедить девушку.

И снова о Custos' е он не сказал ни слова.

— Лихо. Учения в полевых условиях, значит, — усмехнулся Лео. — Правильно, чего с ней церемониться — за шиворот и как котенка в ведро.

Вагнер промолчал, на его лицо, как декорация в театре, опустилась ничего не выражающая маска, когда Лео продолжил:

— Ты же говорил, что любишь, так какого черта затянул девчонку в это ядовитое болото? Почему не отпустил еще тогда? Не сделал так, чтобы у Смотрящих пропал к ней интерес в самом начале?

— Чего ты хочешь, Борегар? Подробного объяснения? — из голоса Вагнера улетучились все оттенки, и исчез малейший намек на интонацию. — Тебе я никаких ответов давать не обязан. Если я кому-то что-то и должен, то только Фреде.

— Это верно, — прогудел Лео, — именно из-за тебя девчонка оказалась теперь в таком дерьме. Из-за твоих... чародейных прихотей. Ты потешился, а теперь вот надо брать лопату и разгребать.

— А это не ты запустил свои ручищи туда, куда соваться никому и никогда не следует? — понизив голос, проговорил Рейнхард. — Это не ты счел необходимым исковеркать судьбы Фреды и Эйвина? Кто теперь может знать, как сложились бы их жизни, не будь наложено то заклинание. Кстати, поганое, заклинание, ненадежное по всем статьям. Они должны были взрослеть, зная свои способности и учась существовать с ними. Ты вмешался в естественный ход, в самую природу.

Лео из-под тяжелых век смотрел, как двигается рот Вагнера. Каждое произнесенное слово он не столько слышал, сколько чувствовал, как летящий в него камень. И он не отбивал их в праведном гневе. Он сам закаменел, превратившись в скалу.

— Вы это серьезно? — раздраженно встрял Тайлер. — Вы, в самом деле, думаете, что сейчас самое время воздух сотрясать впустую? Мне куда как интересней послушать про то, что этот наместник собирает рукописи с алхимическими описаниями. Выходит, ему тоже известно довольно много, раз почитать общедоступные труды известных алхимиков он считает недостаточным. Ищет, значит, индивидуальный подход, особое видение темы.

— Так и есть, — подтвердил Рейнхард. — Когда я встретился с отцом, уже будучи вампиром, он говорил о том, чтобы «не пропустить истину в случайном», велел искать «крупницу во Вселенной», как он выразился.

— Полезное пожелание, ничего не скажешь, — заметил Борегар. — Но видно, ты в этом не очень преуспел.

«Ошибаешься. Я нашел целую Вселенную...»

— Я думаю, что хобби эрцгерцога и историю с музеем можно использовать. Нам нужно что-то, что переключит внимание Смотрящих с девушки. Хотя бы на время, — продолжил Лео.

Все трое переглянулись.

— Можно подбросить Смотрящим информацию к размышлению, — согласился Вагнер. Он потер костяшками пальцев подбородок.

— Но я не берусь предсказывать, что выйдет из подобной затеи и насколько попадутся на приманку Аспикиенсы. Они не...

Вампиры замолчали и одновременно повернули головы, услышав скрип деревянных ступенек лестницы.

— Совещаетесь? — подала голос Фреда, направляясь к ним по коридору. — Очень прошу, не тратьте время, чтобы придумывать варианты, как и где мне прятаться. Я хочу, чтобы Смотрящие отвязались от меня, — она посмотрела на Рейна, — и от тебя. Отвязались конкретно и навсегда.

— Хорошее такое, несбыточное желание, — заметил Лео, и в его тоне не было издевки или раздражения. — Может, пойдем и скажем — отвяжитесь от большого вампира и его маленькой подружки. Найдите себе другую игрушку. А то нажалуемся старшим.

Возникла короткая пауза, во время которой троица обменялась быстрыми взглядами, словно их одновременно посетила одна и та же мысль, пока оставшаяся невысказанной.

— У меня, кстати, тоже есть идея. Послушать не хотите? — сказала Фреда.

— Послушаем, конечно, — чуть ли не в один голос отозвались вампиры.

— Фальшиво звучит ваш «хор мальчиков». И что-то подсказывает мне, что не дождусь я, чтобы вы меня выслушали. Потому скажу здесь и сейчас, — голос Фреды сел от усталости. — Я подумала, что теоретически мы ведь тоже можем создать свой Эгрегор. Против Смотрящих, для того, чтобы сделать то, что нужно нам. Или я что-то неправильно поняла?

В глазах Вагнера плеснулась чернильная тьма, и он на миг прикрыл веки, а когда снова посмотрел на девушку, во взгляде его было нечто нечитаемое.

Никто, кроме него, не понял тогда, что произнесенное Фредой, являлось гораздо большим, чем просто предположением...

— Если сморозила что-то, то не обессудьте, — она зевнула, прикрываясь ладошкой, и пожимая плечами в ответ на молчание вампиров, — мне в какой-то момент показалось, что в моей идее есть смысл.

— Тебе бы отдохнуть, как следует, — осторожно заметил Тайлер.

Фреда вдруг поникла, тихонько вздохнула. Сейчас она стала выглядеть особенно хрупкой и измученной. Смуглая кожа побледнела, утратила теплый золотистый оттенок. Под глазами залегли темные круги, губы напряженно сжались. Она то и дело подавляла новые приступы зевоты и нервозно заводила за уши непослушные пряди взъерошенных волос.

— Я устала, и правда хочу выспаться, — покорно отозвалась Фреда. — Только мне не нравится, когда что-то касающееся меня, решается без моего участия. И никому не понравилось бы.

И с этими словами она развернулась и отправилась на первый этаж.

— Как добраться до ваших Магистров? — спросил Лео у Вагнера, как только шаги

Фреды стихли внизу.

— Тебе — никак. Доминис контактируют только со Смотрящими. Никогда не принимают вампиров со стороны, не устраивают аудиенций.

— Без исключений?

— Исключения крайне редки. В основном для глав государств. Или для мэров городов, где оседают члены Ордена, и намечается возведение Цитадели. Ты к главам государств или мэрам крупных городов какое-то отношение имеешь, дюк?

— Где они обитают? — Лео вздернул бровь, проигнорировав иронию Вагнера.

— Месторасположение их главной резиденции неизвестно никому, кроме Смотрящих, а на них наложен вечный запрет о разглашении, — ответил Вагнер. — Насколько я знаю, Доминис не сидят в одном убежище, а перемещаются. Я слышал о Париже и Вене. Есть резиденция где-то здесь, в Скандинавии.

— И что, все их норы только в Европе?

— Да, Орден в основном расположен в континентальной Европе. Мы не любим Новый свет и не доверяем пришлым оттуда, — заметил он, сверкнув глазами на Лео. — Крупных общин сородичей нет в Южной Европе и на островах. Есть разрозненные группы магов-отщепенцев, не признающих единое устройство и порядок. Они никому не подчиняются и селятся в основном в Южной Америке, Азии. Магистры предпочитают Центральную Европу. Смотрящие существуют по подобной же схеме. Я бывал только в трех их резиденциях — Ганновер, Прага, Вена. Но это все так, для общего развития. Эта информация ничем тебе не поможет. И я даже не буду тратить слова на то, чтобы объяснять насколько это бесполезная и абсурдная идея — подобраться к Смотрящим и попытаться уничтожить их. Но я по статусу имею доступ к Смотрящим. И Доминис займусь я сам, — заключил он в итоге.

— А если не выйдет?

— В любом случае вооружаться только этой идеей — безрассудно. А с другой стороны все настолько непредсказуемо, что выстраивать возможные комбинации можно до бесконечности, — ответил Рейнхард.

— Я тебе не доверяю, — заявил Борегар. — С этим как быть?

— Никак. В таком случае будем обоюдно руководствоваться принципом «не навреди».

— А то, что сказала девчонка, про эгрегор. В этом есть смысл? — спросил Лео.

Рейнхард ответил не сразу.

— Смысл есть, — мрачно сказал он. — Но, во-первых, создать эгрегор, да еще такой мощи, совсем не так просто. Точнее, очень и очень непросто. И, во-вторых, есть еще некий момент.

— Давай выкладывай, в чем загвоздка, — нетерпеливо проворчал Лео.

— Ничего нового я не скажу. Чтобы создать эгрегор, способный противостоять целям Смотрящих, нужно, по меньшей мере, представлять, как решаются подобного рода абстрактные задачи. Смотрящие стремятся использовать Фреду как батарейку. У нас будет совсем иная цель — защититься от воздействия Смотрящих. И именно эта цель и станет движущей силой нашего Эгрегора. Мы четверо должны будем объединиться — я, ты, — Вагнер кивнул на Лео, — Фреда и Эйвин. Мы — вампиры и люди — элементы различных природ. При создании эгрегора мы смешаем и объединим наши сущности. Это произойдет на подсознательном, энергетическом, а также на физическом уровне. И все это неразрывно свяжет нас навсегда.

Он вскинул голову и, глядя на Лео, добавил:

— Но каким образом это смешение произойдет, и во что мы превратимся в итоге — абсолютно непредсказуемо и не поддается никакому контролю. Ты готов на такое пойти? А взять на себя ответственность за людей?

Ответа не последовало.

— Мне придется скоро возвращаться в Прагу в любом случае, — продолжил Вагнер. — У меня еще сутки, может, чуть больше. И еще сегодня Смотрящие захотят получить порцию новостей. Нельзя, чтобы они просчитали мое точное местонахождение, но указать направление им можно. Для правдоподобия.

— Ты собираешься открыть им, где находишься? — нахмурился Лео.

— Примерно. И для этого мне нужен Тайлер, — Вагнер повернулся к молчаливому вампиру. — Поучаствуешь в маленьком спектакле?

— Смотря в каком, — отозвался тот.

— Попробуем исказить Аспикиенсам «сигнал», настроенный на Фреду и тогда можем действовать дальше.

...Все эти разговоры и сейчас звучали в его голове. Совсем, как у людей, замученных навалившимися заботами, когда не можешь выкинуть события из головы и прокручиваешь их снова и снова.

Через несколько часов он выйдет из своего дневного убежища в Цитадели и ступит на дорогу, направление которой весьма туманно. Вагнеру все яснее казалось, что это вовсе и не дорога, а нечто вроде движущейся дорожки, трэволатора, как в аэропорту — встал, и тебя поволокло по заранее заданному курсу. И выбора никакого вовсе нет, и если ты на эту дорожку встал, от тебя ничего больше не зависит...

Они с Фредой не могли найти время для себя, довольствуясь красноречивыми голодными взглядами украдкой. В доме, где она чувствовала себя защищенной, невозможно было урвать короткое уединение, простое объятие или поцелуй. И это притом, что тот, чьих объятий и поцелуев она так хотела, был рядом и вне враждебных стен.

После бесконечно долгих разговоров на кухне, после рассуждений, составлений планов, выстраивания предположений, опасений и споров Фреда почувствовала себя нагруженной и уставшей до предела.

Хотя все, о чем говорилось, касалось в конечном итоге ее, она так и не смогла занырнуть в этот омут с головой. Её разум очень выборочно подошел к загрузке информации. Что-то она не запомнила вовсе, а какие-то детали сами собой встали на нужные места и закрепились, предлагая ознакомиться с ними подробней, прочувствовать и прислушаться к ощущениям. И из этих ощущение произросли уже ее предположения. Например, про эгрегор.

Мужчины еще что-то решали, на нее уже никто не обращал внимания. Несколько раз она ловила себя на том, что едва не роняет тяжелую, словно налитую свинцом голову на стол. Вот теперь действительно пора отдохнуть.

В комнате на втором этаже, которую уже привыкла считать своей, она рухнула на диван и мгновенно заснула.

Пробуждение было похоже на продолжение волшебного сна — его губы на ее губах.

Рейн стоял на коленях возле матраса. Одну руку он осторожно просунул под ее голову, второй обхватил за талию. Объятие свило вокруг Фреды крепкое и надежное кольцо. Рейн погрузил лицо в ее спутанные волосы, вдохнул в неподвижные легкие мирный и сладкий аромат девичьего сна, безотчетно зашептал на ухо какие-то слова — что-то о том, как любит... никому не отдаст. Она это знала и без слов, потому что чувствовала его настоящего.

Но пока ее любят и хотят уберечь, она не будет лежать колодой, позволяя событиям вершиться без ее участия. Мысль промелькнула в сознании, как световой сигнал и до поры до времени затаилась где-то в глубинах разума.

Фреда приоткрыла глаза, улыбнулась, обхватила вампира за шею и притянула к себе.

— Лео стоит у дверей? — шепотом спросила она.

Вагнер с коротким смешком качнул головой.

— Нет. Он внизу, — тихо ответил Рейнхард. — Лео даст сначала отдохнуть Тайлеру, а потом поспит пару-тройку часов сам. Эйвин уже спит.

— Так Лео точно нет у дверей? — недоверчиво повторила вопрос.

— Говорю же, все внизу, я прекрасно слышу, как двое разговаривают, а парень похрапывает. Да и какая разница, вообще-то, пусть стоят, где хотят. Им надо привыкнуть к факту, что ты — моя.

Фреда прижалась губами ко рту Вагнера.

Он подался вперед, сжимая объятия сильнее, чуть приподнимая ее тело. Пока их губы то нежно пробовали, то ненасытно пили друг друга, рукой Рейн пробрался под футболку девушки и, сдвинув чашечки бюстгалтера, ласкал напряженные соски. Гладил, сжимал, чуть покручивая, снова гладил, сводя с ума невозможно сладкой пыткой. Фреда тихо стонала, ерзая в нетерпении и выгибалась навстречу пьянящим ласкам.

Рейнхард скользнул рукой по ее спине, ловко справился с застежкой, рывком задрал футболку вместе с бюстгалтером и приник ртом к ее груди. Фреда прижала тыльную сторону ладони ко рту, сдерживая звуки, рвущиеся с припухших губ.

Он гладил теплый живот, обрисовывал аккуратную раковинку пупка, заставляя вздрагивать всем телом. Рука Рейна опустилась ниже, быстро справляясь с пуговицей и молнией ее джинсов. Его ладонь и пальцы гладкие и нежные, но прикосновения к ее коже нетерпеливые и требовательные. Они подчиняли, лишали остатков самообладания, заставляли наплевать на осторожность и забыть, что в этом доме они не одни.

Сквозь подрагивающие ресницы Фреда туманно видела его темноволосую голову на своей груди, наблюдала, как ритмично двигалась его рука под тканью ее джинсов и трусиков, ощущала прикосновения там. Пальцы проникли внутрь, и она приняла его.

Фреда потянулась к нему, пробралась под мягкую ткань толстовки. Теперь её ладонь лежала на его напряженном животе, скользнула ниже, под эластичный пояс спортивных штанов. Рейн замер на миг, поднял голову и с усилием перехватил ее руку.

— Нет. Сейчас только ты... только для тебя... — хрипло прошептал он.

Фреда сильнее закусила губу, выдохнула:

— Я закричу...

— Кричи, — отзвался он. Глаза Вагнера подернулись аметистовой дымкой. — Я выпью твой крик, никто не услышит его кроме меня. А теперь расслабься... позволь мне прикасаться к тебе... — он накрыл своими губами рот девушки, словно запечатывая его.

Губы Рейна мягкие и гладкие, согретые соприкосновением с ее кожей. Его язык в

глубине ее рта двигался, ласкал, гладил. Рейн снова просунул руку ей под шею, прижал дрожащее от возбуждения тело к себе ближе, теснее. Сквозь поцелуи он шептал что-то такое, от чего она дрожала сильнее, отводила колени, извивалась, стонала...

Его пальцы двигались быстрее, делая ее бескостной, покорной возбуждению. Она сейчас эгоистична, откровенна и алчна в своем желании. Бедра девушки раздвинулись шире, приподнимаясь навстречу заданному им ритму.

Дневное светило стало ночным.

Её жажда — как пустыня. Она — Луна и песок. Он — Солнце и вода. Здесь и сейчас Фреда сияла отраженным светом, а Рейн согревал ее кровь, раскалял кожу, заставлял плавиться изнутри. Он питал и омывал ее, превращая знакомое ощущение блаженства в ослепительный океан колышущегося раскаленного марева.

«Мы подходим друг другу. Мы одно целое», мелькнуло в сознании.

При желании для всего находятся определения. Часто принято говорить, что в момент оргазма можно «разлететься на кусочки». Фреда не чувствовала ничего подобного. Наоборот, принимая то, что дарил ей Вагнер, и, даря ему, она стала чем-то целостным, правильным.

Не человек, а некая субстанция, тот самый безупречный Пятый элемент.
Совершенная материя.

Le Duce * — дук, герцог, высший не венценосный дворянский титул.

Глава 16. Escape*

Escape*

"Беспомощность — это видеть то, что ты не можешь исправить, что тебя не касается, но от чего тебе мучительно грустно".

(Вера Камша, "Кровь Заката")

В начале февраля запахло весной. Холодной, мрачной, суровой, почти как зима, но все же весной. Это были влажные и грубоватые ароматы начинавшей оттаивать почвы и оживающих деревьев, меняющегося ветра и первого ледяного дождя.

С того вечера, как Вагнер покинул дом на горе прошло около трех недель.

Накануне отъезда Рейна с острова Тайлер Вуд пил кровь Фреды. Смотрящие должны почувствовать ее кровь в другом, незнакомом вампире. Это могло подкрепить идею, что у нее есть покровители и подобраться к ней не так просто.

Вагнер сам, аккуратно, бережно, очень осторожно прокусил её запястье, стараясь не проглотить ни капли драгоценной карминной влаги, и, сжав зубы, смотрел, как густая ароматная кровь стекала в бокал. Он держал руку девушки так крепко, что на ней остались синяки, но Фреда смотрела на отпечатки его пальцев на своей коже, как на охранные менди**, магический татуаж, возникший от того, что он чувствовал к ней и за нее.

Тайлер будто окаменел, когда пил неповторимую на вкус кровь. Двигалось только его горло. Эйвин, не пожелавший смотреть на странную процедуру, похожую на дикий, варварский обряд, быстро оделся и вышел из дома.

Лео остался и наблюдал. За Вагнером, державшим руку Фреды и смотревшим на девушку голодными и больными глазами. За Вудом, с огромным усилием вливавшим в себя кровь.

Он хотел быть на месте Тайлера. Или Вагнера.

И понимал, что останется только на своем месте. Что бы ни случилось и как бы ни повернулись события.

«Мэдди, любимая, если ты слышишь меня, прости за все... Прости, что так поздно понимаю, как НЕ должно быть. Прости, что снова теряю себя. Но быть таким, каким я был с тобой и для тебя, я больше не могу. Да и незачем. Я бы хотел все исправить. Но просрал все шансы...»

Маленькое шоу, в которое превратилось питье ее крови, оставило Фреду практически безучастной. Она была спокойна и казалась равнодушной. На самом деле душа ее и мысли унеслись прочь, туда, где маячило что-то неуловимое, но крайне важное. Если бы она могла разглядеть ЭТО, если бы только сумела понять...

Как только Вуд проглотил кровь, Вагнер, не выпуская руки Фреды из болезненного захвата, вытащил ее из-за стола и опрометью бросился вместе с ней на второй этаж.

Там, в коридоре, он, как расшвырявший зверь, прижал Фреду к стене, накрыв своим

телом, и целовал, пока у нее перед глазами не замелькали светящиеся «мушки», и она едва не стекла на пол, утратив ощущения собственного тела, пространства и времени.

Только убедив самого себя, что она все еще принадлежит только ему, он выпустил Фреду из плена своих рук и губ. Некий нарушенный баланс между ними был восстановлен.

После этого Вагнер попросил Лео разрешения воспользоваться подвалом в доме. Он закрылся там на пару часов и вернулся спокойным и сдержанным, каким был обычно.

В тот же день, едва стемнело, Вагнер вместе с Тайлером переместились на юг Швейцарии. Рейнхард оставил Тайлера недалеко от границы с Италией, а сам вернулся северней, к Берну.

Выйдя на связь со Смотрящими, Вагнер доложил, в каком направлении движется Фреда вместе с «неизвестными» вампирами. Он рассчитывал, что их маленький обман был вполне убедительным, и Аспикиенсы непременно почуют девушку по следам ее свежей крови, которой питался другой вампир.

Оставалось только надеяться, что столь внезапное появление этих самых следов не заставит Смотрящих сомневаться в их достоверности. Но ничего иного они сейчас предпринять все равно не могли. Использовать сильную магию и вывозить Фреду с острова было нельзя.

В Норвегию Рейн вернулся один, а Тайлер проследовал дальше, в Италию, «нанося» на поверхность Земли ложный маршрут «движения» Фреды.

Перед отбытием в Прагу Вагнер договорился с Лео, что свяжется с ними, как только что-то разузнает. И только после этого они смогут действовать дальше.

Рейн отбыл в намеченное время и пропал.

Никаких вестей от него так и не поступило.

Первые пару дней после его отъезда были для Фреды тягостны, дальше начался кошмар. Тяжкие эмоции нагнетались, как приближающийся ураган. В какой-то момент она почувствовала, что с ее вампиром что-то случилось. Прилетевшая сквозь расстояние боль оглушила ее, укутала темным саваном отчаяния.

Первым порывом было ехать туда, где может быть он. Найти и спасти. Но Лео и брат удержали, уговаривая и успокаивая. Они явно ждали от нее необдуманных действий, не оставляли одну, оберегали день и ночь.

Башенка надежды, выстроенная из хрупких кубиков их планов и чаяний, развалилась до самого основания. Фреду заволокло в бездну, заполненную липким страхом, холодом и мраком неизвестности.

Поначалу она сопротивлялась, не давая затащить себя на самое дно, откуда не вырваться, где нет больше веры и нет желаний. Она еще ждала, еще надеялась.

Но время шло, и, спустя долгие дни, Фреда перестала держаться на плаву, отпустила саму себя, позволила утянуть на глубину. Однако боль и страх не утопили, не лишили сил. Они пленили ее, зафиксировали в точке, где все прежние желания и надежды были мертвы, но оставалось некое знание, что где-то в этом вакууме находился портал — единственный выход из пустоты, заполненной отчаянием. Но чтобы сдвинуться с мертвой точки, чтобы почувствовать верное направление, нужно было что-то понять и сделать.

Фреда постучала в дверь комнаты, за которой находился Лео. Дверь открылась, и

вампир отступил в сторону, пропуская девушку. Первый раз за все время пребывания в этом доме она переступила порог комнаты, где Леонар всегда запирался, отсиживаясь днем. Это была особая территория — спальня Мэдисон.

— Объясни мне, что чувствуешь, когда теряешь. Как понять, что кого-то... больше нет? — проговорила она.

Лео смотрел в ее погасшие глаза.

— Я не смогу дать тебе точный ответ. Я терял многих. Создателя, которого по-своему любил и уважал. Я чувствовал раздирающую боль от утраты словно части самого себя. Но это чисто по-вампируски, — говорил Лео. — Я потерял твою мать и чувствовал, как прерывается наша связь. Не только очень специфическая связь, которая устанавливается между вампиром и человеком в результате кровного единения, но и...

Он запнулся, поняв, что сказал лишнее. Это был первый раз, когда он почти озвучил, то, что так тщательно скрывал.

— Я давно поняла, что ты чувствовал к Мэдисон, — тихо сказала Фреда. — Я почти уверена, что и она тоже... Но почему ты молчал? Почему не признался ей?

Лео метнул на Фреду пронзительный взгляд, схватил свои длинные волосы в кулак, заводя их назад. И в этом взгляде и жесте было столько затаенной боли, что Фреда невольно отступила на шаг.

— Молчал, — глухо проговорил он. — Молчал, как последний кретин. Ждал чего-то, а может, не верил. Или не хотел верить. И все упустил.

Фреда видела, чего ему стоило это сказать. И не посмела больше тревожить его.

— Так вот, о чем мы с тобой говорили, — громче и спокойнее снова заговорил Лео, принимая свой привычный слегка надменный и задиристый облик, — о связи между вампиром и человеком. О той самой, которая обоюдно сильна, и принадлежит только двоим. Но вампиры чувствуют ее острее, четче. Люди так не ощущают. Между тобой и Вагнером тоже существует связь. Очень сильная. Может быть даже сильнее, чем я себе могу представить, но ты, прежде всего, человек, и что ты можешь почувствовать, если... если бы его не стало — я не знаю, — сказал Борегар.

Она медленно кивнула.

С нехарактерной для него нерешительностью Лео вдруг приблизился к ней, положил большую ладонь на плечо Фреды и мягко потянул к себе. Она покорно шагнула к нему и доверчиво приникла к сильной груди, разом обмякнув, словно ноги перестали держать. Вампир крепко обнимал девушку и смотрел куда-то поверх ее головы. Больше ничем помочь он не мог.

А если бы мог, то захотел бы?

Податливое, теплое тело Фреды застыло, прильнув к нему в осознанном, открытом доверии и инстинктивном поиске утешения, но мыслями она унеслась далеко. Он чувствовал это также четко, как и ее аромат — волнующий, нежный и сладкий, со ставшей слишком очевидной горькой ноткой печали.

Вся опасность, грозящая ей, отошла для нее на второй план или же вовсе утратила хоть какую-то значимость. Она не перестанет ждать Вагнера и очень скоро отправится искать его, и ничто и никто ее уже не удержит.

Лео держал слово, данное Вагнеру — никогда и ни при каких условиях никуда не отпускать Фреду. А если от него так и не будет известий, они должны будут, спустя какое-то время, вывести её в то место, которое подготовит Тайлер.

Вагнер знал, что мог не вернуться. И его возможная гибель для Фреды и для них всех была бы самым верным выходом.

Вот только она не примет это никогда. Отправится искать и выручать, даже если будет уже поздно и выручать будет некого. Лео понял это. И не собирался мешать.

А она уже неоднократно порывалась отправиться в Прагу. Знала, что Эйвин и Лео непременно последуют за ней, и понимала, что тащить их за собой в неизвестность, на опасную территорию, это огромный риск.

Потерять Вагнера и недавно обретенную семью — за пределами самых страшных кошмаров... Только это и сдерживало.

На протяжении минувших недель ничего не происходило. Тайлер Вуд, следуя ранее намеченному плану, проследовал через Италию до Туниса и оставался там, ожидая дальнейших указаний. Когда новостей от Вагнера не дождались, то решили, что Тайлеру все равно не стоит двигаться с места и возвращаться: не исключено, что Смотрящие все еще отслеживали и выжидали. Они, конечно, могли «увидеть» и реальную Фреду, но частица ее крови, текущая в венах Тайлера Вуда путала точность определения ее местонахождения. И пока девушка не двигалась с места, сидя в доме на острове, сохранялось зыбкое ощущение безопасности.

Леонар регулярно мотался в Прагу, Ганновер и Вену, пытаясь хоть что-то разузнать, но тщетно. Борегар хотел встретиться с Краусом, но наместник изволил отбыть в неизвестном направлении по неотложным делам.

Лео удалось связаться с Озом, но серый кардина после последней их встречи больше не был настроен делиться какой-либо информацией. Или же он никакой информацией и не обладал. Единственное, что Борегар смог у него разведать, так это отсутствие новостей о переменах или громких происшествиях в пражской общине вампиров. Ничего не говорилось и о возможной гибели Регента.

Из других источников Лео также не почерпнул никаких известий, сплетен или слухов об исчезновении или окончательной смерти кого-то из высокопоставленных вампиров.

Орден берег свои тайны, оставаясь скрытным и храня абсолютное молчание.

Борегар провел пару ночей, бродя неподалеку от того места, где находился тайный вход в пражскую Цитадель. Двор оставался практически безлюдным и спокойным, как и все подобные дворы в районе старой застройки. Несколько проехавших мимо машин, да редкие прохожие — все, что он видел.

Вчера Лео очередной раз отправился на континент. Эйвин и Фреда остались в доме одни. В связи с вступлением Эйвина в законные права владельца, теперь не было нужды так тщательно скрывать от местных жителей, что дом снова обитаем. Генератор уже работал, теперь заработало отопление и полноценная подача воды из котла. Они немного расчистили дорогу к поселку, чтобы можно было проходить к припаркованной за завалом машине. Были закуплены кое-какие необходимые предметы мебели и обихода.

Дом стал по-настоящему жилым, заполнился особыми запахами и звуками. Стены, простоявшие пустыми почти два десятка лет, снова впитывали происходящие события, наслаивая их в себе, как годовые кольца в деревьях.

После исчезновения Вагнера Фреда неоднократно мысленно и вслух обращалась к Мэдисон, надеясь снова увидеть ее. Но призрачная женщина больше ни разу не появилась. Раз или два ночами девушке казалось, что она чувствует ее присутствие, но, открывая глаза и окликаая, она получала в ответ лишь тишину. И крохотную каплю успокоения.

Дни превратились в один неопределенный отрезок времени. Существовая за гранью, Фреда двигалась, говорила, ела, пила, пыталась спать, и все это благодаря Эйвину, который ходил за ней, как за немощным ребенком. Она откликалась на его заботы только чтобы не обидеть брата, не рухнуть и не отключиться, так ничего и не успев узнать или сделать.

В один из хмурых февральских дней, ожидая очередного возвращения Лео с новостями или без них, они с Эйвином сидели на расстеленном возле камина одеяле. Парень налил себе и сестре по щедрой порции Балвини***, который недавно привез и добавил к их «человеческим» запасам Лео. Фреда взяла стакан, больше, чем на треть наполненный темно-янтарной жидкостью, покрутила его в руке и поставила на пол.

— Выпей, — сказал Эйвин. — В самом деле, выпей. Это для тебя сейчас как лекарство.

Она отрицательно покачала головой и поморщилась.

— Я должна ехать в Прагу, — сказала и торопливо добавила, — осознаю возможную опасность и то, что вы с Лео будете категорически против. Но я больше не могу, Эйвин, правда, не могу. И ничто не успокоит меня и не заставит смириться.

Парень вздохнул, отпил из своего стакана.

— Тогда надо ехать, — заключил он.

Фреда недоверчиво покосилась на брата.

— Я еще недостаточно тебя знаю, чтобы понять шутишь ты или нет, — нахмурилась она.

— А здесь уместны шутки, сестричка? Считаешь меня способным шутить в этой ситуации? — он сделал еще глоток. — Прощаю, но только потому, что мы действительно еще плохо знаем друг друга. И все равно обидно, что ты обо мне так плохо думаешь.

Фреда задумчиво посмотрела на огонь в камине, взяла стакан с виски и тремя глотками осушила его.

Слезы выступили на глазах, она задохнулась, закашлялась. Потом как-то съежилась, обхватила себя руками и... заплакала. Но это были вовсе не пьяные слезы и совсем уж не слезы облегчения. Это были слезы безысходности и решимости признаться себе в чем-то очень неприятном.

— Но почему я не сделала этого сразу, — прохрипела Фреда, давясь слезами. — Я же давно почувствовала, что с ним что-то случилось. А вдруг я могла что-то предпринять, а теперь уже поздно...

Слезы текли из ее глаз потоком, плач не искажал лица, лишь изменил тембр голоса и заставил дрожать губы. Она держалась изо всех сил, не давая себе возможности расклеиться окончательно.

Эйвин не знал, нужно ли ее утешать. Решив, что правильным будет не говорить пустых слов, юноша просто дал Фреде возможность выплакаться. Он подсел к ней ближе, обнял за вздрагивающие плечи. Она плакала и говорила что-то, и снова плакала. А потом вдруг затихла, вытерла нос рукавом, совсем, как ребенок, повернула к нему измученное, но чуть просветлевшее лицо и сказала:

— Мне страшно втягивать вас в это. Я не хочу, Эйвин. И не забывай, что мне не так просто нанести вред, особенно магический. Я отвечаю ударом на удар. Поэтому я поеду одна и...

— И не продолжай даже! — резко прикрикнул юноша. — Заканчивай причитать про «втягивать» и «поеду одна». Никуда ты одна не поедешь. Ты вообще не одна! У тебя есть мы. И объясни мне толком, что бы ты могла сделать раньше? Да и когда «раньше»? Неделью

назад? Десять дней? Вагнер не обговаривал никаких сроков, он просто сказал, что даст знать, когда все разведает. Да, у всего есть разумный срок. Времени прошло достаточно, чтобы позволить себе начать волноваться и даже паниковать. Но что ты могла, Фреда? Поехать и попасть в руки Смотрящих? Или полиции? Да и что бы ты делала без связей и поддержки? Стала бы бегать по городу и спрашивать что-то у случайно встреченных вампиров? Или записалась на прием к Смотрящим?

Фреда не смотрела на Эйвина, она слушала брата, опустив голову и разглядывая узор из разноцветных клеток на одеяле.

— Я поостерегусь утверждать, что твои способности возвращать направленную на тебя негативную энергию — это надежная защита, которая исправно сработает в любой ситуации. Вагнер тоже был очень осторожен в этом. И она не работает с людьми, а забывать, что ты все еще в розыске, не стоит.

Он помолчал, погладил сестру по руке.

— И, признаться честно, я совсем не уверен, что нам нужно ехать, — спокойней и тише продолжил Эйвин. — А если и ехать, то именно в Прагу. Как я понял, Смотрящие не сидят на месте и могут быть где угодно. Возможно, они и Вагнера таскают за собой. Но Прага — это отправная точка. Место, где все начиналось для тебя.

Он одним глотком допил виски, отставил стакан.

— А то, что ты почувствовала... Я не знаю, что это, но ощущение могло быть вызвано ожиданием, сильной тревогой, напряжением, в котором ты пребываешь. Я видел, что было с тобой, когда ты ждала его в прошлый раз. А сейчас все так сложно, непонятно и ты сама продолжаешь оставаться в опасности... Все обострилось в сотни раз. Ты как оголенный нерв.

— Но я все равно не хочу больше вас не во что втягивать, — упрямо заявила Фреда. — Пойми, пожалуйста. Я справлюсь, я ничего не боюсь, кроме одного — потерять снова всех.

— Я понимаю, — отозвался юноша. — Но как ты себе это думаешь? Ты хоть на миг можешь себе представить, что мы с Лео останемся сидеть, отпустив тебя одну? А если ты надумаешь смыться тайком, то неужели мы не рванем за тобой следом? Ты же сама такая.

Она нервно заерзала, стала оглядываться, словно прямо сейчас и готова была рвануть куда-то, но вскоре успокоилась. Взяла руку Эйвина, сжала широкую, крепкую и горячую ладонь. Его ответное рукопожатие, сильное, но бережное, успокоило и уравнило.

— Мы поедem и попытаемся что-то узнать и сделать, — он помолчал и добавил: — Я помню, как ты говорила про эгрегор. Мы можем попробовать его создать.

Фреда вскинула на брата заблестевшие глаза.

— Но как это сделать? Вагнера с нами нет... — прошептала она.

— Его с нами нет, но кое-что мы знаем и у нас есть цель. Это основа создания эгрегора. Мы не стремимся к тому, что задумали Смотрящие, никакой алхимии, никаких обменов сущностями. Мы не нарушим естественную природу, а лишь создадим защищенный круг, объединим силы, чтобы отвести опасность, — добавил брат уверенно. — Нас все еще четверо — ты, я, Тайлер и Лео. Мы попробуем. Воспользуемся объяснениями Вагнера, схемой, что он начертил. Ты уже читала материалы, которые я накопил в Сети. Я дам тебе почитать еще то, что нашел. Эти эгрегоры не такая уж и мудреность. Все, что находится в нашем измерении и может быть облечено в словесную, буквенную, знаковую или иную видимую форму, то может быть услышано, прочитано и понято. Мы с тобой, если даже что-то не поймем, то инстинктивно прочувствуем. По-своему, но прочувствуем. Твоя интуиция и

возможность концентрировать энергию придется очень кстати. И мы ведь не полезем на рожон, не пойдем штурмом на Цитадель или на Орден. Просто, оказавшись ближе к тому месту, где все началось, можно точнее сосредоточиться на цели. Будем тыкать пальцем в небо, и уповать на удачу. Но сидеть, сложа руки и, правда, больше нельзя.

Фреда смотрела на брата, слушала его и понимала, что другого варианта тоже не видит. Она благодарно и с безмерным облегчением обняла его. Эйвин прижал к себе сестру, с чувством чмокнул ее в лоб.

— Почему-то мне кажется, что дядюшка Лео возражать не станет, — невесело усмехнулась Фреда. — Только сначала я хочу наведаться на побережье Тронхеймс-фьорда. В то место, куда меня отвозил Лео в прошлый раз. Я хочу кое-что попробовать сделать. Поедешь со мной?

Эйвин, не колеблясь, кивнул.

— Тогда не будем тянуть. Отправимся завтра утром.

Лео, вернувшийся снова с отсутствием новостей, действительно принял их затею абсолютно спокойно. Он знал, что это случится и был готов.

...На следующий день, прямо с утра, Фреда и Эйвин наняли в поселке крепкий и быстроходный рыбацкий катер и отправились к домику на берегу Тронхеймс-фьорда, где вечером должны были встретиться с Лео.

...Вампир остался в опустевшем доме. Он неподвижно лежал на своем спальном месте, состоящем из толстого широкого матраса, удобной анатомической подушки и темно-синего пледа Glen Saxon.

Отдыхать надо с максимально возможными удобствами, даже будучи не совсем живым.

Но отдыха в последнее время как-то не получалось. Все перепуталось, исказилось. Бодрствовать приходилось и в дневные часы, спать урывками, не позволяя себе проваливаться в оцепенело-плотное вампирское забытие. Пару раз у него начинала идти кровь из ушей и носа. Биологический сбой давал себя знать и тем, что было ощутимо нарушено внутреннее равновесие.

Рваные эмоциональные всплески возникали как помехи в четкой радиоволне, на которую он был настроен на протяжении тысячелетия. Подавляя их, Лео морщился — не хватало еще на старости лет чувствовать «муравьев в штанах».

Природа взяла свое, и вампир погрузился в сон. Сначала поверхностный, напряженный, как у нерадивого солдата на посту, но затем он уплыл от берегов реальности довольно далеко.

...Так далеко, что увидел себя в пространстве, состоящем только из бело-сине-серых цветов. Невыносимо ярких, режущих даже его вампирский глаз.

Он стоял на белом. И, понимая, что «белое» является ничем иным, как снегом, не ощущал холода, словно сугробы вокруг были бутафорскими. «Синим» было небом. Но небом плоским и лоснящимся, как глянцево-натяжной потолок. «Серое» имело очертания и мощь огромной горной гряды, но контуры неустойчиво колыхались, как передвижная декорация.

Он стоял в какой-то точке этого непонятного фантасмагорического ландшафта, и абсолютно ясным для него было только одно — он ждал. И то, что он ждал, неотвратимо приближалось. Где-то вдалеке раздавался глухой, плоский звук, не оставлявший эха — от «гор» отламывались и падали в пустоту «куски».

«Небо» тускнело, покрываясь неровными пятнами.

Нетающий пенопластовый «снег», похрустывая, сам собой скатывался в липкие колючие шарики.

Мир менялся на глазах, но не этих сюрреалистических перемен ждал Лео.

Вокруг него распадалась «плоть» искусственной, обманной реальности, и сквозь этот распад проникало что-то подлинное, действительно существовавшее.

Леонар закрыл глаза, отключая визуальную составляющую своего восприятия, поднял лицо к «небу» и почувствовал, как за его спиной прокатилась теплая волна, и возникло что-то надежное, долгожданное, как сбывшаяся мечта. Если, конечно, он еще помнил, как ощущаются сбывшиеся мечты и не обманывал сам себя, считая позабытые, глупые человеческие чаяния возможными в его вампирской реальности.

Теплая волна обрела плотность, стала осязаемой. Что-то мягко прижалось к нему сзади, обвило за талию. Он слышал звук голоса, шепчущего неясные слова, ощущал аромат летних трав и цветов.

— Мэдди... — не веря себе, прошептал вампир.

Он резко повернулся и открыл глаза.

Она стояла перед ним. Во плоти. Такая, какой он запомнил ее — нежная светлая кожа, синие глаза, русые, не тронутые искусственным блондом волосы до поясицы. Его глаза точно определили рост, контуры и пропорции желанного тела.

— Я сплю... — невольно проговорил он.

— Пора проснуться, Лео, — сказала Мэдисон.

— Я сплю. Но ты такая... настоящая...

— Вот именно. Я — настоящая. Увидь меня, наконец, упрямый ты, вампирище, — мягко засмеялась она. — Вытащи меня, если еще хочешь этого. Или отпусти.

— Вытащить? — говоря, как автомат, Лео смотрел и не мог наглядеться. — Или отпустить?

— Повторяешь, как попугай. Не доходит смысл? Все ведь просто — я стою на якоре посреди океана, а давно пора прибиться к какому-то берегу или уплыть далеко-далеко.

— Якорь? — снова глупо повторил он.

— Мой пепел. Хватит хранить его. Это тлен, а не я сама.

— Я не могу.

— Ты сможешь. И должен. А чтобы ты поверил — вот...

Теплые, сладкие губы коснулись его губ. Такой невероятный, долгожданный и желанный вкус и аромат проникли в него, заполнили, потекли по венам. Согрели, заставили желать невозможного, поверить в несбыточное. В возможность вернуть утраченное навсегда...

...Он очнулся ошалевший, растерянный и... возбужденный. Скосил глаза на прикрытые пледом бедра.

Разум признавал, что все было вовсе не эротическим сном, но тело отреагировало по-своему. Тело не обманулось, воспринимая Мэдисон, как настоящую, реально существовавшую. Для него. И не только во сне.

*Escape — У слова escape несколько значений — побег, выход, бегство, утечка, спасение, избавление. Здесь можно трактовать как угодно, любой вариант будет верным.

**менди — роспись по телу хной

*** Балвини/ The Balvenie — коллекция шотландских односолодовых виски.

Глава 17. На полпути к лабиринту

На полпути к лабиринту

Владелец катера, который они наняли, не закрывал рта ни на минуту. Мужчина лет тридцати с обветренным лицом, широкой улыбкой и неуёмной жадой общения.

Всю дорогу он рассказывал малопонятные шутки и истории, стараясь перекрыть рев мотора и свист ветра в ушах. Фреда с Эйвином кивали головами, как дурацкие игрушки с отделенными от тел головами на пружинках. При этом девушка сомневалась, что брат все понял из непрерывного потока нечленораздельной норвежской речи. Прибыв в условленную точку Тронхеймс-фьорда, отпустили рыбака с Богом и облегченно вздохнули. Потом прошли пешком вдоль берега до места, где стоял домик.

— В дом заходить пока не будем. По крайней мере, сейчас необходимости такой нет, — сказала Фреда, останавливаясь неподалеку и оглядываясь.

Они взяли с собой по сумке, в которые сложили самое необходимое, в том числе и что перекусить. Перспектива таскать за собой багаж не выглядела особо радужной, но и оставлять сумки они не хотели. Тем более что в них находилось «оружие», которым снабдил их Лео. Те самые ручки, заправленные серебром. Также они разложили их по карманам одежды. Уверенности это не особо прибавило.

Вчера, дождавшись возвращения Леонара, она рассказала ему и Эйвину о том, зачем собиралась снова на берег Тронхеймс-фьорда. Оба слушали с одинаково скептическими выражениями лиц.

Она говорила про встречу с волками, про Метте.

— Готов поверить, что родственнички вашего отца расселились везде, где только можно, — заметил Лео, когда Фреда закончила говорить. — Насколько я знаю, та ветвь людей-волков, что удрала из Ирландии и обосновала свой клан, поначалу поселилась именно на севере Европы. Потом уже они разбежались по всей земле, в том числе и в Америку. Но я не слышал, чтобы род вашего отца очень любил шастать в зверином обличье. Многие из них вообще не могут оборачиваться. Видимо со временем что-то изменилось в их предпочтениях, да и генетике. Значит, говоришь, видела волков?

— Угу. И слышала, — подтвердила Фреда. — Метте из их числа и она знает Вагнера уже довольно давно, у нее может быть возможность что-то разузнать, куда-то пролезть. Словом, я не знаю точно, но хочу попробовать.

— А если она тоже как-то там связана со Смотрящими? — Лео посмотрел на Фреду своим излюбленным взглядом «стрел, пущенных исподлобья». — Может она какой-нибудь тройной агент?

— «Не может быть» кричать не стану, — вздохнув, проговорила Фреда, — но я верю Вагнеру, а он доверял ей.

Пористый и тяжелый снег налипал на обувь, и идти по нему было трудно. Брат и сестра дошли до леса, изрядно промолив ноги, но не ощущали холода, потому что оба были разгоряченными активным движением. Эйвин выглядел бодрым и совсем не уставшим. В доме на горе он каждый день выполнял комплекс сложных упражнений и носился вокруг

дома бесчисленное количество кругов, растираясь снегом. Фреда же хоть была не так тренирована, все равно чувствовала себя полной деятельной энергии. Наверное, сказывалась наследственность, ведь люди-волки были сильными и выносливыми.

— Вот здесь я видела их в прошлый раз, — сказала Фреда, останавливаясь у полосы леса.

— И? — Эйвин хмуро вглядывался в темные заросли елей. — Будем кричать «Волки! Волки!»? Или начнем шаманить?

Фреда растерянно посмотрела на него.

— Вот тут я как-то не подумала, — отозвалась она. — Мне кажется, что бы мы сейчас не кричали или не делали, стоя тут, все будет выглядеть... по-идиотски. Но что-то же сделать нужно и можно, чтобы привлечь их внимание? А ты ничего не чувствуешь?

Юноша задумался. Он первый раз за долгое время выбрался с острова. С новогодней ночи, когда Лео и Тайлер забрали его и увезли в Норвегию, он не бывал еще нигде.

— Чувствую, как вода хлюпает в ботинках. А больше ничего, — отозвался он чуть раздраженно.

— Сердишься? — почти весело поинтересовалась Фреда. — Братец, мы с тобой оба фрики! Может не надо ерничать, а действительно стоит пошаманить?

Он ответил коротким смешком.

— Ладно, фрик. Давай шаманить.

И оба застыли в молчании, не зная, что делать дальше.

— Метте! — вдруг звонко крикнула Фреда. — Метте, прошу, отзовись! Это я, Фреда! Пожалуйста, это очень важно! Эй, кто-нибудь!

Где-то вспорхнула птица, стряхнув снег с еловых лап. Больше крик Фреды никак не потревожил тишины и безлюдья.

— Господи, дико-то как, — проговорила девушка, — стоять вот так в глуши и драть горло, зовя кого-то из дремучего леса среди снегов и скал. Прямо страшная сказка.

— Ага. Гензель и Гретель — это мы, — поддакнул Эйвин.

Он набрал полную грудь остро пахнущего хвоей воздуха и на выдохе вдруг переменился в лице, словно его что-то осенило.

— А ну-ка, колдони! — быстро проговорил он.

— Колдунуть?! В смысле?

— Запусти свой файербол, или что там ты вызывала, когда бродила в темноте.

— Файерболы — это агрессивная энергетика, — серьезно проговорила Фреда, — у меня получаются светящиеся сферы.

— Очень мило, — Эйвин растянул губы в деланной улыбке, — тогда давай, надувай свою сферу.

Напряжение, сковывавшее обоих, вдруг куда-то улетучилось, и брат с сестрой стали смеяться. Сначала робко, считая веселье неуместным, затем смелее и громче. Вскоре они хохотали, привалившись друг к другу, пока в голосе обоих не послышались истерические повизгивания.

— Послушал бы нас кто со стороны, — с трудом выговорила Фреда.

— В данной ситуации именно это нам и надо, в некотором роде, — отозвался Эйвин. — Так попробуешь создать сферу?

— Ты на полном серьезе? — вскинула брови Фреда.

— Нет, это я чисто поржать, — укоризненно глядя на сестру, ответил парень. — Мы же

только для этого сюда и приехали.

— Да уж, я тебя действительно совсем не знаю, — заметила она. — Ты словно какой-то панцирь снял. Совсем другой сейчас.

Эйвин промолчал, и Фреда так и не поняла, как отнесся Эйвин к ее замечанию.

Она стянула перчатку, вытянула вперед руку ладонью вверх. Сосредоточилась. И сама чуть не села в сугроб от неожиданности, когда над ее ладоншкой без промедлений возник шар света, величиной с теннисный мячик. Шарик послушно разгорался и увеличивался, чуть подрагивая.

— Ух... — выдохнул Эйвин, глядя на сферу. — Ты даешь...

— И что теперь? — спросила она, держа сферу перед собой.

— Запусти ее в лес. Можешь?

— Говорю же, это не файерболл, который можно отфутболить. Сфера довольно статична, — начала Фреда, но потом осеклась и замолчала.

Она сделала жест рукой, мягко отбрасывая сферу. Та качнулась, подавшись следом за движением девушки, улетела чуть вперед, но тут же вернулась и осталась над ладонью, словно соединенная с ней невидимым поводком.

— Как привязанная, — заметил Эйвин. — А ну, давай еще разок.

Фреда сделала более резкий жест, сопроводив его мысленным посылом, что-то типа «Давай же, лети!» Сфера нехотя сорвалась с руки и отплыла вперед, где и зависла, начав чуть искрить и потрескивать, как маленькая шаровая молния. Сфера «сердилась»?

— Я тебя не прогоняю за ненадобностью, — пробормотала Фреда, — ты наш посланник.

Особо не раздумывая, она толкнула воздух по направлению к светящемуся шару. Сфера двинулась с ускорением, удаляясь в лес. Сверкнула среди ветвей и исчезла с глаз.

— Лихо, — искренне заметил Эйвин. — Ты крутой фрик, сестренка!

— Только не нужно шуточек, типа «с тобой можно не тратить на лампочки» и прочее, — беззлобно огрызнулась она. — Лучше скажи, теперь-то что делать?

— А теперь подождем.

Они стояли, вглядываясь в заросли, и ждали неизвестно чего. Ноги стали замерзать, веселье и непринужденность снова сменились напряженным ожиданием и тревогой. Фреда покусывала губы, начиная верить в то, что попыталась сделать что-то неразумное.

— Не надо, — произнес Эйвин, нарушая затянувшееся молчание. — Ты все правильно сделала.

— Ты что, мысли читаешь? — буркнула в ответ, почему-то совсем не удивившись словам брата.

— Нет. Но с тех пор, как мы уехали с острова, моя эмпатия, кажется, снова со мной, — ответил он спокойно. — Не такая, как была, гораздо более мягкая, и будто более послушная мне, но она вернулась. И я чувствую твой напряг. И то, как ты сокрушаешься.

— Сокрушаюсь? Нет, я не сокрушаюсь. Я начинаю закипать, братец. Как скороварка. И чувствую, что скоро что-то рванет во мне под давлением всего этого дерьма.

— А вот это здорово, — одобрительно заметил Эйвин и широко улыбнулся. — Пора начинать злиться по-настоящему. Возможно, именно твоей настоящей ярости и недостает, чтобы разобраться со всем этим раз и навсегда и получить то, что хочешь.

Фреду удивленно посмотрела на брата. С минуту она разглядывала его, будто видела впервые. Высокий, сильный, мускулистый, фигурой похожий на пловца. Видимо, так или

иначе, сказались его отчаянные экстремальные заплывы в ледяном море, отметив некой особенностью его внешний облик. Темно-синие глаза под низкими светлыми бровями. Сурово сжатые, но красиво очерченные губы, смугловатая, как и у сестры, кожа — наследство от их отца, Джейка. За прошедшие недели волосы Эйвина отрасли, они оказались светлее, чем у Фреды, почти блондинистыми, но такими же густыми и непокорно торчащими.

— Наверное, мы и в самом деле родственники, — сказала Фреда.

— А ты до сих пор сомневалась?

— Как бы там ни было, теперь уже точно не сомневаюсь.

Они постояли еще немного.

— Ноги замерзают, — пожаловалась девушка. — Не хватает еще заболеть. Может, пойдем в дом?

— Хорошая идея, — согласился Эйвин.

Так ничего и не дождавшись, они развернулись и направились к дому. Внезапно Фреда остановилась, быстро подняла руку, развернула ладонку и ловко, как фокусник, сотворила небольшой световой «мячик». Не колеблясь, с энергией и грацией метательницы ядра, запустила «мячик» в лес.

— Захотелось почему-то, — прокомментировала она, и они двинулись дальше.

У дома Фреда посмотрела на невозмутимого и спокойного Эйвина.

— Ничего не чувствуешь? — прошептала она, когда они остановились у крыльца.

— В смысле не чувствую ли чьего-то присутствия? Нет, ничего. Тишина.

Они поднялись по ступенькам. Дверь домика так и оставалась незапертой. В прошлый раз замок выломал Лео, видимо никто не потрудился починить его. И возможно потому, что с тех пор здесь никого и не было. И это в некотором роде даже успокаивало.

Эйвин открыл дверь, и они вошли внутрь. Боковое зрение выхватило в углу, в темноте помещения неясную фигуру, слабо освещенную через дверной проем. Эйвин мгновенно напряжился, инстинктивно выступил вперед, закрывая собой сестру. Фреда затаила дыхание.

— Я уж думала, вы так и будете торчать возле леса, пока не окоченеете, — раздался голос из темноты.

Фигура выступила вперед.

— Метте! — воскликнула Фреда. — Я удивлена, но удивлена ожидаемо.

— А вы, конечно, думали, что к вам на ваши вопли, истерический хохот и фейерверк из леса сбежится вся стая? — поинтересовалась рыжеволосая норвежка.

Она прошла мимо них, захлопнула дверь, закрыла ее на задвижку. Оказавшись в полной темноте, Эйвин и Фреда притихли. Через пару секунд раздался звук зажигаемой спички. Пламя осветило присевшую у камина Метте. Она ловко подожгла щепу, подождала, пока та разгорится, и выпрямилась.

Зажигая свечи на каминной полке, она бросала через плечо внимательные взгляды на брата и сестру. На брата, кажется, чаще и с большим любопытством.

— Ты — Эйвин, — прозвучал не вопрос, а утверждение.

— Когда-то был им, если верить всяким невероятным историям, — спокойно отозвался юноша.

— Чего в них невероятного? Или ты не понял до сих пор, в каком мире живешь?

— Понял. Но мне все еще нравится удивляться.

Скуластое личико, хитрый прищур светло-голубых глаз, которым она одарила его, тоже понравились Эйвину. И эта изящная голова с короткой стрижкой. Рыжий ежик. И худые, красивой формы ноги в узких джинсах. Тонкая, гибкая, сильная, как балерина, или нет, скорее, как изящная амазонка. Не юная девушка, лет тридцати, может еще чуть старше, но такая... притягательная. Хотелось смотреть и смотреть на нее, что он и делал, не смущаясь.

Интересно, как там Линна? Он вспоминал её все реже и все с большей отчужденностью. Он был виноват перед ней, но загладить вину возможности не было и не будет никогда. Лео постарался стереть из памяти девушки кошмары, связанные с ним, так пусть живет спокойно...

— Давайте сядем, и вы все расскажете, — предложила Метте.

Все трое заняли стулья вокруг стола. Фреда обвела взглядом комнату, сглотнула с трудом что-то, отдающее горечью. Ковер с подпалинами так и лежал на полу. Грязные полотенца и простыня догорали сейчас в камине. Кружка на столе, пледы на диване. Тот угол между окном и камином...

Не было только Вагнера.

Фреда рассказала рыжей волчице все, или почти все. Во время ее рассказа странной помехой были взаимные взгляды, которыми то и дело обменивались Эйвин с Метте. Острые, настороженные, как разогрев перед дуэлью, когда противники кружат друг возле друга, примериваясь.

Метте расстегнула короткий кожаный жакет на меховой подкладке. Облегающий свитер не скрывал очертаний ее небольшой, по-девичьи высокой груди. Эйвин моргнул, отвел глаза.

«Братец оголодал, не иначе. Что, в общем-то, не мудрено после более чем месячного сидения взаперти. Или здесь что-то другое?»

— О'кей, я все поняла, — сказала Метте, когда Фреда закончила излагать факты. — Гадкая история и ты, Фреда, вляпалась во все это по самую маковку. Да уж, видно от судьбы точно не уйти. Так что вы надумали делать? И что должны делать мы?

— Вы? — спросил Эйвин.

— Да, мы. Стая. Родичи. Твои и Фреды. Мы — дальняя родня вашего отца, Джейка, — Метте повернула к парню свою изящную головку. — На семейном древе располагаемся на разных ветвях, но происходим от одного корня и изначально подпитаны одной кровью. Тебе сестра разве этого не рассказывала?

— Рассказывала, конечно, но хотелось послушать еще, — оставаясь серьезным, сказал Эйвин. — Приятно сознавать, что где-то есть родня, хоть и незнакомая. Но вроде как никто не должен был знать о том, что мы родились? И мать хотела это скрыть, прежде всего, от родни отца. Так откуда же вы о нас знаете?

— В прошлый приезд сюда Фреды мы учуяли в ней свою кровь, — ответила Метте. — А потом и Вагнер кое-что приоткрыл, когда попросил забрать девушку. Остальное мы выяснили сами, сложив кое-какие детали. Ну и те, кто когда-то знал Джейка Келли, только взглянув на Фреду, сказали бы, что она его копия.

— Сколько в мире совпадений и случайностей, — хмыкнул Эйвин, — и бывают даже приятные.

Он выразительно посмотрел на Метте

Та склонила голову набок, глядя на парня в ответ, и холодное сияние ее светлых глаз стало теплее.

— Так что дальше? — повторила она вопрос.

— Мы вечером отправляемся в Прагу, — ответила Фреда.

— Вдвоем?

— С нами поедет еще один. Вампир.

Метте присвистнула, нахмурилась и заявила жестко:

— Я с вампирами не работаю.

— А как же Вагнер?

— Вагнер другое. Он исключение. И не самое приятное, между прочим. Это кандалы на моих руках и ногах. Я обязана ему, — отчеканила норвежка. — Но когда-нибудь я, наконец, расплачусь по всем счетам и забуду его, как кошмарный сон.

— Тот вампир был другом нашей матери, — сказала Фреда. — И он тоже исключение. Если бы не он, мы здесь, возможно, не сидели. Мы ему тоже обязаны и доверяем.

— Но не я, — упрямо повторила Метте и мотнула головой. — Если я еду с вами, то не стану его слушать. Я буду действовать сама, только ставя вас в известность.

— Так ты согласна поехать с нами! — воскликнула Фреда. — Господи, спасибо!

— Конечно, поеду, — фыркнула Метте. — Детей Джейка мы не бросим. Тем более, когда с вами творится такая хреновина. Ты уже знаешь, где остановишься в Праге?

— Не в Праге. В деревне Жит рыбник (Живой пруд), — ответила Фреда. — Помнишь там неподалеку мы с тобой встретились на шоссе?

Метте кивнула.

— На окраине, возле старой пожарной колокольни есть дом. Он принадлежит мне. Там и остановимся.

Норвежка внимательно посмотрела сначала на Эйвина, одарив его взглядом из-под ресниц, потом уставилась на Фреду.

— Не жалеешь, что не поехала тогда со мной? — спросила рыжая.

— Нет. Ни разу не жалела.

— Значит, так и должно быть, — кивнула та. — Теперь вот, что. Вы оставайтесь здесь. Грейтесь, и все такое. Я сейчас отправлюсь к нашим, все им расскажу. Они помогут, я не сомневаюсь. Сделать мы можем не так много, но тут уж выбирать особо не приходится.

Она застегнула жакет, подошла к двери.

— Здесь вряд ли ждут какие-то сюрпризы, но все равно сидите тихо и держите ухо востро, — велела она. — Я скоро вернусь.

Фреде показалось, что последняя фраза была адресована в большей степени Эйвину.

Когда она ушла, Фреда тронула Эйвина за руку.

— Братец, а как получилось, что ты не почувствовал ее присутствия в доме? Как же твоя эмпатия?

— Видимо, это один из сюрпризов моей эмпатии. Она ведь наполовину волчица? Или как-то так. Наверное, я не могу читать эмоции других существ. Ведь не чувствовал же я вампиров.

— Примем, как версию, — кивнула Фреда.

... В Прагу они прибыли часа за три до рассвета. Добирались обычным ночным рейсом, вполне подходящим и для вампира. К счастью, салон самолета был полупустым, и почти все пассажиры тихо дремали до самого приземления. Исключая двух девиц, которые весь полет тарасились на Лео и Эйвина и презрительно поджимали губы, когда встречались взглядами с Фредой и Метте. В аэропортах все прошло гладко, поддельный паспорт Фреды не вызвал и тени сомнения, также, как и сама личность девушки.

На многоярусной стоянке аэропорта Вацлава Гавела* их ждала машина. Все четверо проследовали за Метте, расселись по местам. Лео сразу занял место рядом с водительским.

Метте чуть ли не зарычала, глядя на него, но вампир и ухом не повел.

— Я поведу, — заявила Фреда, сдерживая невольную улыбку.

Метте колебалась пару секунд, потом запрыгнула на заднее сиденье и уселась рядом с Эйвином.

Они тронулись в путь. Дороги в этот ранний час были пустыми, и вскоре они уже ехали по Высочине, приближаясь к деревеньке Жит рыбник.

Фреда посмотрела в зеркальце над лобовым стеклом, бросила быстрый взгляд на сидящего рядом Лео. Стало немного легче, ведь она, и правда, была не одна.

...Они были вместе — здесь и сейчас.

Он держал ее в объятиях, мирно дышавшую, расслабленную.

Её глаза закрыты, губы чуть улыбались, пальцы нежно, медленно скользили по его плечу, шее, касались лица... Он поймал ее пальцы губами, поцеловал и приоткрыл веки, чтобы еще раз посмотреть на нее...

Но вместо любимого лица увидел только черную пустоту. И в этой пустоте нет ничего — ни звуков, ни запахов, ни ощущений.

Рассудок и незатухающая память играли с ним снова и снова.

Он — нигде и существовал только внутри самого себя.

Мертвая, неподвижная оболочка, заполненная кипящей болью.

Это все еще ОН или уже нет?

*Аэропорт Вацлава Гавела — международный аэропорт Праги, бывший Рузине, переименован в 2012 году.

Глава 18. Возвращение и знакомство

Возвращение и знакомство

«Загнанные в угол существа вполне способны за себя постоять.

Во всяком случае, попытаться.

Причем у них может оказаться много очень острых зубов!

Дай ты бог, чтоб не слишком».

(Джон Макдональд, «В плену подозрений»)

Маленький дом на краю села, скрытый густо переплетенным кустарником, выглядел абсолютно так, как она его запомнила.

И колокол на пожарной вышке в предрассветной тишине также едва слышно звенел на высокой печальной ноте.

Машину загнали в непролазные заросли боярышника, припарковав так, что ее не было видно с деревенской улицы и с подъездной дороги. В прошлый раз все было проще — работала маскирующая магия, наложенная Вагнером

Этот дом. Единственное место на земле, действительно принадлежащее ей. И Вагнеру. Их маленький мир. От понимания этого стало чуть проще дышать. Отчаяние, окутавшее ее существование темным едким дымом все последние недели, чуть притупилось. Теперь оно не терзало, не рвало изнутри, а тихо зазвучало непрерывной, болезненной мелодией тревоги, сливаясь с пением колокола.

В доме Фреда сразу же зажгла свечу на столе, огляделась.

Здесь ничего не изменилось. Можно вдохнуть воздух вместе с растворенными в нем воспоминаниями. Задержать дыхание и... продолжить существовать, довольствуясь тем, что есть в действительности.

Начисто забыв, что Лео надо пригласить, Фреда очнулась, только когда обратила внимание, как вампир топчется на ступеньках крыльца в хмуром нетерпении.

На мгновение вспыхнула искорка неуместного сейчас злорадства — а пусть побудет в шкуре Вагнера, которого он тогда не торопился пускать на порог.

Одним гигантским шагом вампир ступил внутрь, перекрыв собой дверной проем. Потолок в доме невысок, и Лео возвышался посреди комнаты, почти касаясь белокурой головой темных балок.

Фреде показалось, что в какой-то момент он принялся, а потом скользнул в проход, ведущий на кухню и в спальню. Вернулся с нечитаемым выражением лица.

Девушка предпочла не задумываться, что он там мог по-вампируски почуять.

Осмотрев новую «штаб-квартиру», четверка быстренько набросала план дальнейших действий.

Метте и Эйвин отправятся в Прагу, где у рыжеволосой норвежки была назначена встреча. По дороге они также купят все необходимое. Фреда и Лео останутся в доме.

Фреда изо всех сил сопротивлялась тому, чтобы сидеть снова взаперти и ничего не делать даже днем, когда вампиры не активны. За высказанное желание отправиться в Прагу она была награждена укоризненными взглядами и потоком убедительных и не очень доводов

о том, почему ей не стоит высовываться. И первый среди этих доводов — «тебя все еще ищет полиция». Боже, она все время про это забывала!

Эйвин и Метте укатили. Фреда с любопытством наблюдала, как загорелись глаза у брата, явно предвкушавшего поездку с рыжей один на один.

Лео медленно прошелся по небольшой комнатухе и тяжело опустился в кресло-качалку. Если бы он был человеком, его движения и внешний вид говорили бы о том, что он зверски устал или неважно себя чувствует.

Фреда оставила вампира в покое, прошла по домику, зажгла свечи, полюбовалась изразцовой печкой, которая так понравилась ей еще в прошлый раз и вышла из гостиной на кухню.

На кухне была лишь старая газовая плита, деревянная тумба с дверцами и две табуретки, на которых стояли пустое эмалированное ведро и небольшой тазик. В полу, там, где, видимо должна была быть раковина, торчала труба, заткнутая тряпкой.

Надо попробовать, работает ли плита. Фреда вышла в гостиную, чтобы взять спички, и остановилась, прижав руки к груди.

Лео по-прежнему сидел в кресле-качалке и казался спящим. Но даже в теплом свете свечей его лицо выглядело напряженным и мертвенно бледным, гораздо бледнее обычного. Голова неловко свесилась набок, распущенные волосы упали на лицо, рот сжат. Внешний вид Лео настораживал, а темная извилистая дорожка, выползавшая откуда-то из-под волос и двигавшаяся по щеке вампира, откровенно напугала. Не поняв, что это такое, Фреда тихо подошла ближе и пригляделась. «Дорожка» медленно удлинялась, двигаясь к шее.

— Лео! — вскрикнула испуганно.

Вампир мгновенно открыл глаза и вскочил на ноги, приняв оборонительную стойку.

— Что?! — рыкнул он, озираясь.

— Это с тобой что! — взволнованно проговорила Фреда. — У тебя... откуда-то... кровь, — она всмотрелась внимательней и с неподдельным испугом добавила, — у тебя из уха кровь идет. И... кажется из носа тоже.

Он одарил ее взглядом, в котором смешались злость и раздражение.

— Со мной все в порядке, — проворчал он нехотя. — Это нормальная реакция на сбой биоритмов.

— Жуткий вампирский недосып?

Она взяла его за руку и потянула за собой. Лео, опешив, сначала послушно двинулся за ней. Когда понял, куда она его тащит, остановился.

— Перестань, — он довольно грубо выдернул свою руку. — Я прекрасно посплю в кресле.

Фреда остановилась и уставилась на Лео злыми глазами.

— Тебе пледиком ножки прикрыть, дедуля? — ехидно проговорила она. — Не знала, что вампиры тоже мучаются от недосыпания и сбоя биоритмов, это для меня откровение. И насколько я понимаю, вас это тоже ослабляет. А оно нам сейчас надо, чтобы ты превратился в старую развалину с кровавыми соплями? Иди, ложись на кровать и спи, как положено спать вампиру!

Лео растянул рот, изобразив нарочито фальшивую улыбку, не затронувшую его усталых глаз.

— Насчет старой развалины, — он достал из кармана куртки платок и принялся вытирать с лица кровь, — между прочим, мой человеческий возраст помладше твоего

нынешнего будет.

Фреда коротко глянула на него, чуть улыбнулась.

— Ну, что-то такое я подозревала, глядя на тебя. А сколько же тебе было, когда...? Впрочем, не отвечай, я почему-то не очень хочу это знать, — тут же добавила она.

Пригляделась к бледному, измученному лицу вампира.

— Но сейчас ты выглядишь постарше. Основательно постарше.

— На все свои тысячу? — усмехнулся Лео.

— На тридцатник.

Вампир снова ухмыльнулся, но ничего не ответил. Он прошел в спальню, снял куртку, постелил ее на кровать, завалился сверху и демонстративно закрыл глаза.

— Все, иди отсюда. Не тревожь дедулю. Как вести себя ты знаешь. Если что — буди, — проворчал Лео.

Эйвин и Метте вернулись в середине дня. Ввалились в дом, взбудораженные и преисполненные энтузиазма, неся необъятные гроздья пакетов и свертков, которые пришлось затаскивать в дом в два захода.

Быстро разобрали продукты, запас донорской крови и чистой воды, две надувные походные кровати, пледы, подушки, одноразовую посуду, еще какие-то мелочи. Остальные приобретения бережно и с особым тщанием теперь раскладывались на столе в гостиной. Эйвин распаковывал и подключал новые девайсы к своему айпаду — подставку, клавиатуру, наружную батарею. Метте сначала занялась аптечкой, включавшей в себя невероятное количество перевязочного материала и лекарств, а затем начала осторожно вытаскивать из картонной коробки какие-то тщательно упакованные в пластик и оберточную бумагу пузатые и приземистые бутылки из темного стекла, напоминавшие те, в которых хранят физраствор. На каждой таре была наклеена этикетка с надписями на непонятном языке.

— Что это? — спросила Фреда и выразительно приподняла брови, ожидая ответа.

Метте прервала свое занятие, и некоторое время смотрела на девушку, словно раздумывая.

— Я не знаю, что это за хрень, — призналась она, коротко пожав плечами, и продолжила распаковывать и выкладывать. — Мне велели взять, довести в целости и сохранности, распаковать и аккуратно все выставить. Что я и делаю.

— Кто это велел? — прогудел басом Лео, входя в комнату.

Фреда посмотрела на него — после пяти часов дневного сна он выглядел значительно лучше. И никакой крови из носа и ушей.

— Мои дядя, — ответила Метте и, опережая следующие вопросы, продолжила, — те, кто попытается нам помочь. Скоро сюда нагрянет целая стая наглых и злых волков и будут чинить здесь самоуправство, — заявила Метте, в упор глядя на вампира. — Ты против?

— Естественно против, — спокойно отозвался Лео. — Чинить самоуправство здесь могу только я.

И он оскалился не хуже голодного волка.

Лео остановился, разглядывая заваленный стол. Взял из коробки на полу пакет донорской крови, рванул зубами упаковку и быстро выпил, выдавливая содержимое в рот, как завтрак космонавта.

— Посмотрим еще, что там за волки, — бросил вампир. — А это что за муть? — спросил он, указывая на ряд бутылок.

— Как я уже сказала Фреде — я не знаю, что это, — спокойно ответила норвежка. — Но мои дядья говорили что-то такое о нейтрализации крови вампиров-магов. Это, скорее всего, для... Фреды.

Метте покосилась на девушку.

— Ты и твои дядья с дуба рухнули, если думаете, что я позволю ЭТО использовать на ней. Во всяком случае, без вразумительных гарантий того, что эта бурда не причинит вред, — заявил Лео. — «Что хорошо для вида, то плохо для индивида». А вашему волчьему виду и падаль сожрать не влом...

Рыжая недобро прищурилась, покусала губу. Потом решила, что не станет обращать внимание на злого старого вампира, обремененного комплексом всемогущего контроля*.

«Индивид» застрял в оболочке ослепительно красивого парня, у которого «начинка» была, как у тухлявого древнего старца. От замеса на таких противоречиях, у кого хочешь характер испортится.

— Эти волки — мои близкие и их дальние родственники, — она кивнула головой на брата и сестру. — Они приедут, чтобы помочь, а не причинять еще больше вреда. Они помнят их отца Джейка и знают его историю. И хоть никогда не встречались с Фредой, но уважают их мать, которая умела доверять и отказалась от многого, пытаясь уберечь своих детей.

Закончив тираду, она продолжила свое занятие.

Лео остался внешне совершенно невозмутимым, и было непонятно, достиг ли выпад Метте своей цели.

— И, исходя из этой высокопарной чепухи, я должен вам доверять? — заключил вампир.

— Да, — не моргнув, ответила Метте. — А что, сейчас есть еще какие-то варианты?

Борегар презрительно вздернул бровь и промолчал.

Гроза прошла, так толком и не начавшись. Все занялись своими делами. Лео присоединился к Эйвину, который подключил айпад и снова что-то выискивал в Сети.

Пока мужчины вполголоса переговаривались, девушки ушли на кухню.

Фреда и Метте принялись быстро стряпать нехитрый обед. Старая газовая плита оказалась в рабочем состоянии, спасибо централизованному газопроводу.

— Как провели время? — спросила Фреда, раскладывая на тарелки подогретый полуфабрикат — тушеное мясо с густой подливкой, воздушные картофельные кнедлики и маринованную краснокочанную капусту.

Метте улыбнулась.

— С пользой и не без приятности. Твой брат классный. Мне нравятся умные и немногословные мужчины, — ответила она на обтекаемо заданный вопрос.

— Я с ним познакомилась недавно, но такое ощущение, что знаю всю жизнь, — отозвалась Фреда. — Он и в самом деле классный. И умный, и немногословный. Очень заботливый и юморной. Но, мне кажется, ужасно ранимый.

Девушки остановились и посмотрели друг на друга.

— Не обижай его, пожалуйста, — сказала Фреда, понижая голос до едва слышного шепота.

Метте ничего не ответила, только кивнула, и они понесли тарелки в комнату.

После плотного обеда, сдобренного половиной бутылки отличного пива, Фреду разморило. Увидев, как она клюет носом, Лео легким пинком загнал ее в спальню и уложил

на кровать. Она мгновенно заснула.

Проснувшись от гула голосов в соседней комнате.

Ставни на конах оставались закрыты, а в спальне не горело ни одной свечи, но, несмотря на это, в комнате не было совсем темно. Слабый красноватый отсвет лился откуда-то на стену напротив кровати. Печь не растапливали, чтобы не привлекать внимание жителей деревеньки. Однако и холодно тоже не было. И не только потому, что кто-то заботливо накрыл девушку одеялами. Фреда приподняла голову — в ногах кровати стоял электрообогреватель, и его световой индикатор вполне сносно справлялся с функцией неяркого ночника. В самом деле, она как-то и забыла, что в доме было электричество, которым можно было пользоваться, если включить пробки в щитке.

«Начинаю дичать, привыкая жить в условиях, далеких от прежней комфортной жизни», — подумала Фреда, вставая с кровати.

Пахло кофе и еще чем-то, незнакомым, навевавшим ассоциации с магазинчиком эзотерических товаров. Дымный, резковатый и тревожный запах примешивался к мирному и манящему аромату кофе.

Еще не вполне проснувшись, побрела в гостиную, и спросонья наткнулась на спину Лео, перегородившего проход из спальни. Комната была освещена электрической лампой, и Фреде пришлось прикрыть глаза, отвыкшие от яркого света. Она остановилась, щурясь на находившихся в комнате людей. За столом сидели Метте с незнакомыми мужчиной и женщиной. За их спинами у стены стояли Эйвин и еще один незнакомец.

Все что-то довольно активно обсуждали, и замолчали, увидев девушку.

— Фреда! — Метте вскочила и подошла к ней. — Иди сюда, познакомься.

Рыжая норвежка подвела ее к столу.

— Это — Айна, — она указала на женщину средних лет с темными, тронутыми сединой, волосами, убранными в тяжелый узел на затылке. Черты лица у незнакомки были резкими, немного угловатыми и взгляд им под стать — острый, внимательный, без тени улыбки. — Айна жена моего дяди Матиаса, — Метте повернулась к мужчине, сидящему за столом.

Айна и Матиас поднялись со своих мест и подошли к Фреде. Женщина оказалась совсем небольшого роста, метра полтора с парой добавочных сантиметров на подошвы прочных туристических ботинок. Она какое-то время изучала Фреду из-под низких бровей, словно разобрала на мелкие запчасти, заглянула внутрь и снова собрала, а затем, сгребла в объятия и похлопала по спине. Чувствительно похлопала, по-мужски.

— Рада видеть тебя, маленькая, — низкий голос с хрипотцой, звучал неприятно. — Я знала вашего деда, отца Джейка, — Айна выпустила Фреду из своих объятий, но тут же крепко ухватила девушку за руку и, казалось, отпускать уже не собиралась.

Айна назвала Фреду «маленькой», тогда как сама едва доставала ей до подбородка.

— Могу сейчас что-то путать, но кажется старый Келли приходился кузеном моему двоюродному дядьке по отцовской линии, — женщина нахмурила и без того суровые брови.

— Айна, ты ничего не путаешь, мы же это обсуждали. Ты все верно помнишь, — сказал Матиас, крепкий мужчина, чуть выше среднего роста.

Рядом со своей низенькой женой он выглядел почти великаном. Рыжевато-пегие волосы длиной до подбородка зачесаны назад, серо-зеленые чуть прищуренные глаза на обветренном морщинистом лице. Он тепло улыбнулся Фреде и потрепал девушку по плечу.

— Рады увидеть детей Келли, — сказал мужчина. — Мэгги, мать Джейка, не пожелала

близко знать с родней мужа и после их расставания вообще ни с кем не общалась. Она пропала бесследно, когда вернулась ее внучка, дочь Джейка. Просто исчезла вместе с девочкой. Жаль, что вы не можете познакомиться со своей сводной сестрой, — Айна покосилась на мужа и пихнула его локтем в бок.

— Перестань, дорогая, тут нет никаких тайн и семейных загадок, — мягко сказал Матиас. — Пусть дети еще раз услышат, что они не одни и у них есть родня. О молодой женщине, которая девочку тогда привезла, мы ничего не знали. Только годы спустя кто-то что-то припомнил. А сейчас вот оказалось, что на свете есть вы.

Мужчина, стоявший у стены вместе с Эйвином, тоже подошел к ним. Такой же крепкий, как Матиас, он был чуть выше ростом, заметно моложе и симпатичней. Скуластый, с рыжевато-каштановыми волосами и глазами, очень похожими на глаза Метте — светло-голубыми, сияющими.

— Я — Гард, — представился он и протянул Фреде руку. Его пожатие было крепким и горячим. — Что касается запутанного родства, то со мной все намного проще. Я прихожусь родным дядей Метте.

— Дядей? — не сдержала удивления Фреда.

— Ага, — улыбнулся он. — Мы с Метте ровесники, с разницей в полгода. Так уж получилось, что мои мать и сестра удумали рожать почти одновременно.

— У бабули случился стихийный рецидив бесшабашной молодости. Она родила Гарда в сорок восемь, — подала голос Метте. — В младенчестве мы были похожи, как близняшки. Мама или бабуля почти всегда гуляли с нами обоими одновременно. Пока одна гуляла, вторая отдыхала или занималась домашними делами. Очень удобно. Есть семейная байка про то, как однажды к бабушке подошла немолодая пара прохожих. Они сначала умилялись, глядя на нас, а потом, видимо, начинали лихорадочно соображать, почему это ребятишки так похожи внешне и при этом такие разнокалиберные — Гард крупный, я заметно меньше. Разница была особенно заметна в первый год нашей жизни. Гард уже сидел, а я еще не умела толком головы держать. На неуверенно прозвучавший возглас: «Какие чудесные близнецы!» бабуля спокойно ответила: «Да, действительно чудесные. Малыш такой шустрик, первым родился, а вот малышка на полгода подзадержалась с появлением на свет». Потом увидела, как шокированы супруги, которые были приблизительно ее возраста, и добавила: «Знаете, в нашем возрасте такое случается».

Фреда рассмеялась, почувствовав, как ее снова чуть отпустило напряжение. Эйвин ответил сестре теплой улыбкой, радуясь ее смеху. Кажется, даже Лео ничего не имел против глупой человеческой шутки. Девушка услышала, как он тихо фыркнул за ее спиной.

Но через минуту Фреде уже казалось, что маленькая история, рассказанная Метте, являлась не чем иным, как небольшой передышкой перед самой напряженной частью неизвестного действа.

Теперь, когда все незнакомцы представились, Фреда обратила внимание, что в углу комнаты стоит довольно большой предмет, замотанный пластиком, а все странные бутылки выстроены в центре стола попарно в каком-то очевидном порядке. Там же стояла круглая керамическая плочка, накрытая крышкой с отверстиями и из этих отверстий тонкими, едва заметными струйками просачивался дымок. Теперь стал понятен источник странного запаха в помещении.

Айна, все еще крепко державшая Фреду за руку, проследила за ее взглядом.

— Итак, маленькая, нам уже рассказали о твоих... эм, проблемах, — сказала женщина,

потянув девушку за руку и разворачивая ее к себе лицом. — Мы постараемся помочь и сделаем все, что в наших силах.

Фреда не успела ни рта раскрыть, ни кивнуть, как Айна усадила ее за стол, сама села рядом и сказала, обращаясь к Эйвину:

— Принеси-ка нам всем кофе, мальчик. Да наливай щедро, вон в те большие бумажные стаканы, как в Старбаксе, — она указала на упаковку со стаканами, стоящими на этажерке рядом с большой бутылкой чистой воды. — Мне без сахара, а этим двум, — она указала на Матиаса и Гарда, — сыпь пакетиков по пять. Метте, помоги юноше.

Она перевела строгий взгляд на Леонара.

— А вы садитесь к нам поближе, — обратилась она к вампиру. — Вас эта часть разговора касается в особой степени.

Лео выгнул бровь и, сохраняя на лице любимое надменное выражение, медленно приблизился и сел на свободный стул за столом. Гард и Матиас, остались стоять за спинами Айны и Фреды.

— Ты не удивляйся такому моему напору, — обратилась Айна к девушке. — Судя по тому, что мы узнали, сделать все необходимо как можно быстрее.

— А можно я вас кое о чем спрошу? — не выдержала Фреда, которой стало казаться, что последние четверть часа ее то и дело дергают за руки, поворачивают, разворачивают и куда-то тащат, как марионетку. А марионеткой она быть совсем не собиралась. Хватит уже, накушалась.

Эти трое ей понравились, но она не знала их, а они не знали ее. Довериться сейчас для нее означало безоговорочное вступление на территорию, где иного выхода уже не было, кроме как вручить свою (и не только свою) жизнь и судьбу в чьи-то руки. Она ведь и Метте толком не знала, хотя и питала к рыжей искреннюю симпатию. И в данных обстоятельствах даже тот факт, что Вагнер доверял норвежке, не играл для Фреды особой роли.

Сегодня и сейчас она не полагалась ни на кого, кроме себя. Даже Лео и Эйвину не могла ввериться полностью, зная, что они далеко не в восторге от ее намерений.

А намерения свои она уже четко определила и отступать не собиралась ни за что.

— Спрашивай, конечно, маленькая, — серьезно отозвалась Айна.

— Что вам рассказали о моих... проблемах? — спросила Фреда, намеренно подчеркивая слово «моих».

Айна точно, но кратко передала суть про планы Смотрящих, желающих ее заполучить.

— Благодаря крови того вампира-мага они обязательно найдут тебя, — сказала женщина. — Не знаю, в курсе ли ты, но не просто так они зовутся Смотрящими. Они действительно умеют смотреть и видеть. Они замечают и находят всё, что в этой реальности хоть как-то связано с паранормальной энергетикой, магией, но особенно с тем, что имеет связь с ними самими и их кровью. Весь Орден — это один большой круг посвященных, объединенных чем-то вроде единой биологической нейронной сети. У кого-то из них синапсы слабее, у кого-то сильнее. Смотрящие способны при желании чувствовать и контролировать каждого собрата Ордена. Такие, как вампир-регент, опоивший тебя кровью, тоже очень сильны.

Слова «опоивший тебя вампир» резанули слух и заставили внутренне вздрогнуть от болезненного чувства несправедливости по отношению к ней самой и Вагнеру. Захотелось совсем по-девично крикнуть, брызгая злыми слезами: «Неправда! Он не опоил меня! Я люблю его!» Конечно, она промолчала, но сдержаться стоило ей усилий.

В комнату вернулись Метте и Эйвин, держа в каждой руке по дымящемуся стакану с ароматным кофе, и раздали напиток гостям и Фреде. Эйвин посмотрел на сестру, и в глазах его полыхнуло понимание ее состояния. Он чувствовал эмоции Фреды, почти как свои собственные, и сестра в ответном взгляде дала ему понять, что от нее не укрылась их такого рода связь.

— Достаточно ничтожной капли крови вампира-мага высокого уровня, — продолжала тем временем Айна, — чтобы произошло «замыкание» на объекте, в который капля попала. Ты — такой объект, Фреда. Это как метка, и связь не исчезнет со временем. Ослабнет, да. Но не исчезнет совсем.

— Я все это уже знаю, — кивнула она. — И что же делать в этом случае?

— Мы можем очистить тебя от крови того вампира и нейтрализовать ее действие. Кровная связь прервется. И мы также можем попытаться ослабить твою энергетику, которая так привлекает Смотрящих, — раздался из-за спины голос Гарда.

Молодой человек выступил вперед, наклонился к Фреде, опершись руками о стол, и продолжил, указывая на возвышавшийся в углу комнаты предмет:

— Мы привезли установку, которая по своему действию очень близка к аппарату для плазмафереза — очищения крови. Метод разработан давно и успешно применяется для нейтрализации вампирского воздействия на живых. На сегодняшний день процедура настолько усовершенствована, что позволяет решать довольно сложные случаи зависимости и привязки. Например, когда связь скреплена не только кровью. Для каждого конкретного пострадавшего применяются определенные реактивы и еще кое-что. Наука и немного магии, а в результате Смотрящие утратят болезненный интерес к тебе, — Гард бодро улыбнулся ей.

— Наверняка? — Фреда посмотрела в его очень светлые глаза.

— Мы надеемся на это, — ответил Гард. И в его ответе не было стопроцентной уверенности, а лишь намерение сделать все возможное.

— А он? Тот... вампир? — спросила она. Задавая эти вопросы, она смотрела на Лео, который хранил молчание. Он только сидел и слушал, сцепив руки в замок и положив их перед собой на стол.

— Что «тот вампир»? — подала голос Айна. — Будет себе существовать дальше, как существовал, только утратит кровную и энергетическую связь с тобой.

— А я? После этого я смогу жить, как прежде?

— Мы увезем тебя, поможем скрыться и устроиться, — подал голос Матиас.

— Скрыться?! Мне снова нужно будет скрываться? — воскликнула Фреда, разворачиваясь к нему.

— Видишь ли, пока существуют Смотрящие... — отозвалась Айна. — Нет пределов разумной осторожности, маленькая.

— Прошу вас, не называйте меня так больше. Я не маленькая, — Фреда встала, отошла от стола, повернулась, чтобы видеть всех присутствующих.

— Как я поняла, вам не все рассказали о моих «проблемах», — тихо заключила она. — Я, в самом деле, вам всем бесконечно благодарна. Поверьте! Но я не понимаю, зачем же тогда мы и вы притащились сюда, в Чехию? Не проще было остаться в Норвегии, чтобы там вы мне и помогли?

— Не проще, — сказал Матиас. — В твоем случае, Фреда, надо находиться как можно ближе к тому месту, в котором возникла «привязка». Это случилось здесь, в Чехии? В Праге?

Фреда отстраненно кивнула.

— Это случилось здесь, — ответила она. — В буквальном смысле — в этом самом доме.

В комнате повисла гудящая тишина. Фреда посмотрела на брата — глаза Эйвина выражали так много всего, что она ощутила, как в желудке у нее словно шевельнулся мерзкий холодный камень. Не стоило втягивать всех этих людей в свои замыслы. Но одной ей не справиться.

— Я не хочу, чтобы меня очищали от крови Регента, прерывая кровную связь с ним. И не могу больше скрываться, — заявила Фреда.

— Бог мой, дитя! Чего же ты хочешь?! — вопрос Айны прозвучал почти грубо.

— Я хочу найти того вампира, — ровным голосом ответила она. — Именно за этим я сюда ехала, прежде всего.

*Всемогущий контроль — психический процесс, относимый к механизмам психологической защиты. Заключается в бессознательной убеждённости человека в том, что он способен всё контролировать. (Википедия)

Глава 19. Нить Ариадны

Нить Ариадны

«Не падай лишь к земле и к небу не взлети.
Огонь небесный в вышине сожжет тебя,
Внизу же поглотит тебя земля.
Но лучше посреди ты пребывай,
И самый верный, самый гладкий путь узнай!»*

В повисшем молчании Метте, Гард и Матиас дружно посмотрели не на Фреду, а на Айну, словно им была особенно интересна именно ее реакция.

— Просто скажите, можно ли сделать что-то? — спросила девушка, обращаясь к Айне.

Женщина уперла во Фреду тяжелый взгляд, явно раздумывая, насколько серьезное помешательство с той приключилось.

— Да... Стало действительно очевидно, что мы знаем далеко не все, — пробормотала норвежка. При этом ноздри ее тонкого носа гневно раздувались.

— Теоретически это возможно, — наконец очень неохотно ответила Айна на вопрос Фреды. — Но если ты не медиум и не можешь заглядывать в хрустальный шар для поиска пропавших вампиров, то тогда придется каким-то образом усилить и перенаправить связь, установленную между вами после обмена кровью.

— Перенаправить?

— Вампир чувствует свою кровь в ком-то, как частицу самого себя. Прочим существам этого не дано, — хмурясь все больше, проговорила Айна. — Хочешь подробностей, спроси вот у него.

Она ткнула пальцев в Лео. Тот остался абсолютно невозмутим.

Айна уставилась на Фреду черными недобрыми глазами.

— Вы можете что-то сделать? — ее ничуть не смущала бездонная тьма взгляда норвежки.

— Никогда ничего подобного не творила, — последнее слово прозвучало как презрительный тычок, — но теоретически это возможно. Но разве ты не понимаешь, что в твоём случае это прямая дорога к тому, чтобы быть замеченной Смотрящими и достаться им со всем твоим лакомым потенциалом? — она говорила так, будто вывод о рассудке юной родственницы уже сделала, и вывод этот был отнюдь не в пользу умственных способностей Фреды. — В этом случае мы тебя защитить не сможем. И никто не сможет.

— Я не прошу защиты. Я прошу посильной помощи.

— Я нахожу твоё пожелание довольно странным. И это ещё мягко сказано, — раздраженно отозвалась женщина.

— Я хочу найти того, кто мне дорог, — ответила Фреда. — Я люблю того вампира. Его зовут Рейнхард. И как бы странно это для вас не звучало, я ничего изменить не могу. И так, к сведению, на меня не наложили чары, и я не пила никакого приворотного зелья.

— Его кровь и есть приворотное зелье, в чистом виде! — сорвалась Айна. — Хочешь ты этого или нет, но такова природа обмена кровью с любым вампиром! Мистер Борекар, вы

разве не объясняли этого Фреде? — воззрилась женщина на Лео.

До этого момента вампир, казалось, скучал, наблюдая за присутствующими. Но Фреда точно знала, что его безучастность была наносной — пронзительный взгляд, который он бросал из-под полузакрытых глаз, выдавал Лео.

— Я объяснял, и она в курсе, — спокойно ответил он. — Но здесь, я думаю, всё совсем не так однозначно, и дело не только в кровной связи, — вампир смотрел на Фреду, но сейчас видел в ней ту, другую. Ту, которая сама когда-то привязала его к себе. И пришло время, когда он пожалел, что не сделал их связь прочнее.

— Сам Вагнер все прекрасно понимал и пытался предпринять активные действия, чтобы ослабить связь и отправить девчонку подальше от всего. Такова уж природа вампиров — сначала инстинкты, потом все прочее, — Лео шевельнул мощным плечом. — Или вовсе ничего

— Метте нам уже говорила о Фреде, и мы были готовы помочь еще тогда, — подтвердил Матиас. — Но девушка отказалась. Теперь все же что-то изменилось?

— Изменилось, да, — подтвердил Лео. — Вампир пропал, и Фреда думает, что с ним что-то случилось.

— Окончательная смерть? В этом случае ничего уже делать и не нужно, все разрешается само собой, — цинично заявила Айна.

— Мы не знаем ничего и сколько не пытались, узнать, так и не смогли, — сквозь зубы процедил Лео, недобро глянув на женщину. Эта тетка, похоже, специально нервирует девчонку, на которой уже и так лица нет.

— Вместе с Вагнером мы подготовили план для переправки девушки в безопасное место. В случае если от него в течение определенного времени не поступит никаких известий, должны были вывести Фреду из Норвегии.

Фреда бледная, как бумага напряженно смотрела на Лео. Зеленые глаза широко распахнуты и потемнели, словно озера под грозовым небом.

— Я не знала, — голос ее немного дрожал, но она старательно скрывала дрожь. — Вы ничего мне не сказали. А «какое-то время» это сколько? Когда вы должны были вывести меня?

— Уже несколько, все сроки прошли, — ответил Лео, встречая ее взгляд. — Мы никуда тебя не повезем.

Борегар откинулся на спинку хлипкого стула, заскрипевшего под тяжестью мощного тела.

— Мать Эйвина и Фреды доверилась мне, и я дал обещание оберегать ее и детей, — сказал вампир. — Обещание я не сдержал, хотя очень долго думал как раз обратное. Я поддерживаю девчонку во всех ее бредовых замыслах. Ну, до определенного предела, конечно, — добавил он.

— Я в этом участвовать не буду, — заявила Айна, с нескрываемым презрением глядя на Лео. — Не имею ни малейшего желания до конца дней своих мучиться совестью от того, что благодаря моим действиям дочка Джейка была скормлена вампирам.

— А она и без нашей помощи справится с этим, — отозвался Лео. — Насколько я успел узнать её, она не станет сидеть, сложа руки. Откажетесь вы, откажемся мы — она рванет сама на его поиски и не задержится. И не станет особо задумываться ни о том, что ищет не просто парня, а вампира, ни о своей собственной безопасности. Предпочитаю в этом случае поддержать ее.

Фреда увидела, что теперь Гард смотрел на Леонара с интересом. А Метте тем временем сделала глубокий вдох, будто собираясь с силами, подошла к Айне, наклонилась, обняла за плечи и что-то зашептала на ухо. Лицо слушавшей женщины меняло выражение с удивления на гнев и обратно. Несколько раз она с возмущением порывалась отстраниться, что-то сказать, но Метте удерживала тетку и продолжала говорить.

Мельком взглянув на Лео, Фреда поняла, что от его вампирского слуха ничего не укрылось. Но на лице застыла маска невозмутимости, и прочесть по нему ничего было нельзя.

— Как ты могла?! — рывкнула Айна, когда Метте, наконец, закончила. — Твои мозги на месте были, когда ты принимала за нас всех такое решение?

— Тетя, своими силами мы не справлялись, и ты это знаешь, — отозвалась Метте. — Подумай сама, после чего все пошло на лад. И еще пару раз позже.

Фреда не сомневалась — речь идет о той самой таинственной сделке между Вагнером и Метте, которая началась с услуги, оказанной Рейном. А вот родственница рыжей норвежки, похоже, до этого момента была не в курсе.

— И как я ничего не почувствовала? Должна же была проверить, понять! Да мне даже в голову не могло прийти! — не унималась Айна. — Матиас, а ты был в курсе? — она повернулась к мужу.

Тот сдержанно кивнул.

— Вы все с ума посходили, не иначе, — взвилась Айна. — Клан такого не потерпит, если узнают.

— Никому и незачем знать, — Матиас положил на плечо жены широкую ладонь, легка сжал. — Столько времени прошло, а никто не знает до сих пор. А очевидный результат ты отрицать не можешь.

— И я был в курсе, — подал голос Гард. — И тоже поддерживу Фреду.

Айна едва не рычала, поглядывая на родственников горящими темными глазами.

— Боже, Метте, сколько же лет?! — не выдержала снова женщина, стряхивая с плеча руку мужа. — Позволь спросить, а какого черта, вы не сказали мне всего до нашего приезда сюда?!

— А ты бы захотела приехать, если бы узнала? — Матиас выразительно посмотрел Айне в глаза. — Ты должна была сама увидеть Фреду и все услышать из ее уст.

Женщина скривилась, словно понюхала что-то крайне неприятное.

— Ладно. Всё, — она хлопнула ладонями по столу и глубоко вдохнула. — Всем здесь присутствующим не стоило быть свидетелями всего этого. Мои родственнички просто водили меня на поводке. А теперь ставят перед фактом, что я, некоторым образом, обязана... Обязана признать, хм... услугу, оказанную нашей семье тем вампиром. Я это признаю и сделаю все возможное, чтобы помочь тебе, Фреда.

Фреда на мгновение прикрыла глаза, испытывая безмерное облегчение. Она по-прежнему не одна и, может быть, еще не все потеряно.

В стенах маленькой штаб-квартиры что-то заворочалось, словно в темной, холодной пещере после долгой спячки оживал какой-то очень опасный и непредсказуемый зверь.

Фреда содрогнулась, поборов мимолетное желание отступить. Но понимание того, ради чего она это делает, не оставило от сомнений даже пыли.

Все так, как и должно быть, и она пойдет до конца.

Возможно, «зверь» жил всегда, как Минотавр в легендарном лабиринте. И когда Лео

стер их с Эйвином жизни и выстроил новые, «зверь» не исчез, а просто уснул. Минотавру самое время проснуться, и он ждет, пока она войдет в Лабиринт.

Фреда слышала теорию о существовании множества реальностей. Одновременно и повсюду их было нечеловечески невероятное и великое множество. Эти реальности толклись на границе друг друга, временами соприкасались, чуть проникали одна в другую, мешали или помогали. Подсказывали или все путали. Но где-то есть одна единственная реальность, в которой все идеально правильно для конкретно взятого человека. Или НЕ человека. Хорошо бы ее найти или сразу в ней родиться.

Фреда почему-то в эту самую минуту была уверена, что находится не в своей реальности, но может ее найти, если... Если узнает это самое «ЕСЛИ».

Рейнхард не хотел погружать ее в свой мир, несмотря на то, что выбора ни у него, ни у нее особо не было. Он посвящал ее в тайны неохотно, осторожно и очень выборочно, не выдавая подробностей и внятных, своевременных объяснений. И она сейчас понимала, почему он так поступал.

Но теперь Фреде приходилось протискиваться «за грань» самой практически вслепую, по ходу дела приглядываясь, прислушиваясь и пробуя «на вкус».

Призрачный Лабиринт, вход в который пока был закрыт, безмерно пугал, как темная бездонная нора, в котором и дремал тот самый страшный и неизвестный зверь. Но где-то там, в самом центре, по-прежнему находилось нечто, что могло все изменить для нее и Вагнера. А, может быть и не только для них двоих.

Оставалась самая «малость»: найти дорогу, пройти по ней и вернуться обратно, держась за нить Ариадны, которую им всем вместе и предстояло сейчас сплести.

Фреда поглядывала на Лео и брата. Настороженный скепсис закрепился на лице вампира в виде неснимаемой маски. Глаза Эйвина скрывались под нахмуренными бровями. Однако выражение напряженного лица юноши менялось всякий раз, когда он и Метте соприкасались мимолетными взглядами.

Айна покопалась в своей сумке, извлекла бумажный пакетик и, открыв крышку курильницы, что-то еще насыпала туда и легонько раздула тлеющий огонек. Запах, пряный, резковатый и немного удушливый, усилился.

— Что это? — поморщился Лео.

— Травы — коротко ответила Айна.

— Просто травы? — скривился вампир. — Что-то сомневаюсь. У меня от этого запаха странные ощущения.

— Так и должно быть, — вскинула голову Айна. — Это действительно не просто травы, они особым образом... обработаны. А перед сушкой их вымочили в воде с содержанием серебра. И там еще кое-что...

— Серебра?! — вампир отпрянул от стола, хотя несколько запоздало — их «окуривали» этими травами уже добрых три часа.

Айна насмешливо вскинула брови.

— Не беспокойтесь, — сказал Матиас. — Это не причинит вам вреда, поверьте. Вы не дышите, а значит, в ваш организм дым не попадает. Во всяком случае, в том количестве, которое может причинить хоть какой-то вред. У этой травяной смеси другое назначение. Подожженная, она очищает ауру помещения, предотвращает проникновение враждебной энергетики, защищает и частично делает наши разговоры неслышными.

— Частично?

— Если бы было известно, где мы находимся, то тогда защиту можно нарушить и подслушать. Но дым также маскирует нас, скрывая наше месторасположение и делая почти неразличимыми.

— Почти. Частично. А есть что-то наверняка? — проворчал Леонар.

— Ничего не бывает наверняка, — пожал плечами Матиас. — Вам ли этого не знать, мистер Борегар.

Айна усадила Фреду перед собой, и, сохраняя на лице крайне недовольное выражение, стала задавать вопросы. Некоторые были настолько грубы и прямолинейны, что Фреда боролась с желанием послать сердитую норвежку куда подальше. Однако постепенно поняла, что та вовсе не пользуется возможностью сорвать на ней свое раздражение, как-то унижить или уязвить.

Айна что-то записывала в большом блокноте, разглядывала руки Фреды, поворачивая их так и эдак, прикладывала к ним теплые сухие ладони и при этом прикрывала глаза, словно прислушивалась к ощущениям. Пару раз женщина обращалась к мужу, неслышно шепча ему что-то, потом подозвала Гарда и отдала ему свой блокнот с записями.

Все толпились у стола, переходя с места на место. Гард и Матиас внимательно изучали те материалы, которые показывал им Эйвин в своем айпаде.

— Мистер Борегар, у вас есть что-то, что можно добавить ко всему этому? — обратился к вампиру Матиас. — Вагнер вам что-то еще говорил, объяснял?

— Никаких подробностей, он не углублялся — ответил Леонар. — Только вот.

Он вытащил из кармана куртки потрепанную салфетку, на которой Рейнхард когда-то начертил схему лабиринта с крестом.

Салфетку бережно уложили на свободное место, разгладили, и Матиас и Гард стали ее тщательно изучать.

— Я, конечно, не алхимик и никогда не увлекался этой областью человеческих интересов, но кое-что знаю, — заговорил Матиас.

Метте наклонилась к уху Фреды и быстро прошептала:

— «Кое-что» — это значит много чего. Дядя Матиас историк, физик, химик, эзотерик, и еще Бог знает, в чем сведущ. Он о-о-о-очень много знает. У него голова, как Библиотека Конгресса США.

— А Гард? Кто он? — шепнула в ответ Фреда.

— Гард долго жил и учился в Швеции, изучал биологию и медицину в Упсале.

Рыжеволосая норвежка помолчала и добавила:

— А тетя Айна вообще у нас непростая, она уникал. В молодости работала акушеркой. Позже выучилась на гематолога. А еще она по жизни ведьма, причем во всех смыслах, — Метте щекотно фыркнула на ухо Фреды. — Ну, это ты, наверное, и так уже поняла. Но ты верь ей. Айна многое может.

Фреда кивнула в ответ.

— ...Так вот лабиринт — это сам по себе символ запутанного и зашифрованного пути к чему-то, — продолжал тем временем Матиас. — Он, этот путь, включает в себя процесс изучения и постижения символов, теорий, экспериментальную составляющую. Просто с наскока это все не возьмешь. Нужна «нить Ариадны». Но что станет путеводной нитью при входе вот в такой лабиринт, каждый решает сам.

Матиас почесал лоб и добавил:

— С точки зрения психологии, Лабиринт — это символ самоанализа, просветления,

если, конечно, в этом самом самоанализе не погрязнешь. А еще он олицетворяет возвращение к истокам, в материнское лоно. Это смерть и воскрешение, но уже в новом качестве.

— А что насчет обмена сущностями? — спросил Лео.

— Да, в алхимии есть такое дело, — подтвердил Матиас. — «И так все вещи произошли от Одного посредством Единого: так все вещи произошли от этой одной сущности через приспособление». Это из текста Изумрудной скрижали. Слыхали о такой?

Все закивали утвердительно.

— Эйвин, а ну-ка набери в поисковике — Болос из Менд «О природе и тайне», — обратился Матиас к юноше.

Тот быстро выполнил просьбу, и все столпились вокруг Эйвина, читая на экране текст.

— Вот! Смотрите, — Матиас указал пальцем на экран. — Все описываемые процессы трансмутации этот самый Болос заканчивал одинаково: «Одна сущность обнаружится в другой сущности, одна сущность возобладает над другой сущностью, одна сущность подчинит другую сущность».

— Вот этого самого обмена сущностями хотят Смотрящие. А нам-то что нужно делать? — нетерпеливо подал голос Лео.

— А смотря для чего делать, — отозвался Матиас. — Что именно вам нужно получить в процессе вашего Великого делания?

— Я хочу избавить себя и Вагнера от Смотрящих. Навсегда. Так, чтобы не пришлось прятаться всю жизнь ни мне, ни ему, — громко заявила Фреда. — И чтобы никто из нас не пострадал, — добавила поспешно.

«Дорогой Санта Клаус, подари мне, пожалуйста...»

Матиас встретил открытый взгляд Фреды, коротко кивнул головой. Вроде бы в его взгляде не было порицания. Хотя это могло просто показаться. Сейчас Фреда, словно маленький ребенок, искала малейший признак одобрения своим желаниям. Так невыносимо тяжело идти наперекор всему и всем без капли сочувствия и понимания.

Матиас и Айна переглянулись.

— Скажи-ка, девочка, а ты никак не отмечена? — спросила Айна.

— Отмечена? В смысле? Родимые пятна? Стигматы? Что вы имеете в виду? — удивленно переспросила Фреда.

— Какие еще стигматы! — отмахнулась Айна. — Когда проявились твои способности, с тобой больше ничего особенного не произошло?

— Еще более особенного?!

— Понимаю, куда уж больше, — согласилась Айна. — И все же. Вспомни. Какие-то детали, события, откровения, видения, находки.

Здесь уже переглянулись Эйвин и Фреда. Айна тут же заметила их обмен взглядами.

— Ага! Что-то очевидно имеется. Выкладывайте!

Фреда еще раз посмотрела на брата, словно спрашивая у него разрешения. Тот, подумав пару секунд, согласно кивнул.

— Примерно в одно и то же время к нам попали...эм... предметы, — сказала девушка.

Она вкратце поведала, как обрела свой Custos, и что именно Вагнер ей про него рассказывал. В завершении осторожно вытянула из-под свитера амулет и показала его присутствующим.

От Фреды не укрылся напряженный взгляд Лео, брошенный сначала на Custos, а потом

на неё. Он будто был обижен тем, что она не рассказала ему об этом раньше.

— Я слышал про Хранителей Сущности — *Custos entitatem*, но никогда, ни разу не видел ничего подобного, — задумчиво проговорил Матиас. — Вообще-то, считается, что это миф, выдумка. Обладание такими вещами приписывали тем, кто способен управлять своей природой, знает о своих способностях. А если и не знает, то догадывается и не боится попробовать их проявить, какими бы невероятными они не казались. Такие люди очень ориентированы на свои внутренние ощущения. Они могут себе позволить сопротивляться очевидному. И чаще всего оказываются правы. Они не вступают ни в какую борьбу, где речь идет о лидерстве. Борются только за свое и не отступают. Малышка, ты из таких? — обратился мужчина к Фреде полушутливо. Но в глазах его не было веселья, там была горечь и глубина понимания.

Фреда растерянно пожала плечами.

— Да, милая. Ты именно из таких, — уверенно заключил Матиас. — Ну, а у тебя что имеется, Эйвин?

Тот порылся в кармане джинсов и извлек потертый, сложенный в несколько раз листок бумаги. Внутри листка оказался вложен металлический треугольник.

— Вот, — сказал юноша. — Эта штука попала ко мне при очень... не простых обстоятельствах.

Он, коротко, многое опуская, поведал свою историю.

— Когда Фреда рассказала мне о своем амулете, как его нашла, и мы случайно выяснили, что две эти штуковины тянутся друг к другу, как намагниченные, очень захотелось узнать побольше, я поискал — и вот, — парень развернул листок, разгладил его ладонями. Все увидели рисунок — треугольник, вписанный в круг. — Это...

— ...Символ Возврата зла, — договорила за него Айна. Она казалась сейчас спокойной, напряженное лицо смягчилось. — Контрмагия. Сокращения врага его же энергией. Но используется это только в случае причинения именно магического ущерба, а не возникающего в обычной жизни. К грабителю или убийце это применять нельзя.

Женщина приподняла брови, раздумывая.

— Как интересно — разлученным в детстве брату и сестре практически одновременно попадают Хранители. Мистер Борегар, к какой магии вы прибегли, когда творили тот обряд? — обратилась Айна к вампиру.

— Что значит к «какой магии»? — возрился на норвежку Лео. — Откуда мне знать. Обряд проводила одна ведьма.

— Вы хорошо ее знали?

— Успел узнать достаточно, чтобы убедить провести ритуал. Но особого выбора у меня тогда не было.

— Такие дела, мистер Борегар, никому нельзя доверять. Их и творить нельзя ни в коем случае. Никогда! — гневно отрезала Айна.

— Сейчас уже поздно об этом говорить, дорогая, — примирительно сказал Матиас. — Новая реальность уже создана, и мы сейчас в ней. Итак, что мы имеем — круг и треугольник.

— У Фреды *Custos* — это круг, символ защиты, — вступил в беседу Гард. — Этот символ везде — лабиринт имеет форму окружности, его центр тоже круг. А у Эйвина — треугольник. Начало, середина, конец; дух, душа, тело; мысль, воля, действие. Три силы, под

воздействием которых все приходит в движение — положительных, отрицательных и направляющих или нейтрализующих. На рисунке изображен треугольник вершиной вверх, что означает мужской принцип, огонь и небесные силы.

Гард скорчил небрежную гримаску, цыкнул уголком рта и, будто додумывая на ходу, продолжил, медленнее и обстоятельней:

— Если все это собрать в кучку, то может получиться занятная схема. Но ее еще нужно обдумать.

— Я думаю, что эти вещицы попали к нам не просто так, — заметил Эйвин, крутя в руке свой Custos.

— Как-то я в пылу всей этой беготни забыл про эту твою штуковину, — с досадой заметил Лео. — А ведь мысли разные приходят. Особенно, если вспомнить, на что твоя способна...

— Способна? На что? О чем вы, мистер Борегар? — встрепнулся Матиас, а вместе с ним оживилась и Айна. Оба уставились на Лео.

— Она впитывает кровь, как губка, — отозвался вампир, с отвращением и недоверием поглядывая на треугольник Эйвина.

— Фреда, а твой амулет на такое способен? — почти в один голос спросили муж и жена.

Она растерянно пожала плечами.

— Не проверяла...

Эйвин положил свой амулет на листок с рисунком.

— Возникла идея создать эгрегор, который способен противостоять действиям Смотрящих, — сказал юноша. — Мы уже обсуждали это. Я кое-что почитал...

— А ведь отличная идея! Айна, что скажешь? Ты ведь знаешь про эгрегоры. Правда, у вас они называются по-другому, — Гард хмыкнул и лукаво посмотрел на хмурую женщину. — Предположим, что и Хранитель Фреды обладает свойствами поглощать кровь, — быстро продолжил он. — Тогда... — он задумался, — тогда уже определенно вырисовывается схема, которая вписывается в самую суть наших поисков решения проблемы Фреды.

— Ну, излагай, — подбодрил молодого человека Матиас.

— У брата и сестры есть два элемента, из которых можно составить символ Возврата зла. Это может сработать, не только как основа самого, что ни на есть правильного эгрегора, но и как центральный элемент вот этого самого лабиринта, где должно происходить некое действие. В нашем случае мы соединяем круг Фреды и треугольник Эйвина. Полученный символ скрепляется самой идеей и кровью брата и сестры, чем задается верное направление контрудара — от них к Смотрящим. И таким образом возвращаем зло тому, кто его задумал. Причем, есть огромная вероятность, что это действие будет иметь постоянный эффект — с начала создания эгрегора и до бесконечности. А само действие должно запуститься после того, как будет создан лабиринт и все его составляющие займут надлежащие им места.

— Как должно запуститься действие? Нужно что-то говорить, читать заклинания? Какую-то энергию... извергать? — Эйвин поморщился.

— Ничего не надо извергать, — улыбнулся Гард. — Господи, слово-то какое, драконье. И шаманить, пожалуй, не придется. Механизмом запуска послужит верный алгоритм, правильная расстановка по местам всех элементов. А эгрегор — это основополагающая и объединяющая идея, особый вид энергии, которая из самой идеи и возникает и ею же

подпитывается.

— Только какое зло еще не осуществлено, — резко заметила Айна. — Что будет возвращено в этом случае?

— Намерение, — не моргнув, ответил Гард. — Тебе ли не знать, что намерение уже является энергией, запускающей что-то в действие. А здесь целая кампания развернута против Фреды. Можно сказать, что действие уже вовсю идет, остается только повернуть его вспять. Или прервать. Ну, а потом, попытаться навредить могут на любом этапе процесса. И в этом случае вредителям будет нанесен ответ. Зло вернется к ним, когда бы они ни попытались помешать.

— Да, смысл в этом есть, — сказала Айна. — Вот сюда, — она указала на маленькую окружность — «сердце» лабиринта, — помещается символ, составленный из Хранителей Фреды и Эйвина. Они сами тоже должны будут войти в лабиринт и занять правильные позиции в схеме. А если верить этой схеме, то позиций четыре, а не две. И на рисунке Вагнера внутри лабиринта и его большого центрального круга имеется крест. И все его стороны соединены между собой еще и снаружи. Видите, получается еще квадрат, внутри которого начертан крест.

— А ведь ты права, дорогая! — воскликнул Матиас. — Это четыре элемента! Именно их образовала единая для всего сущего субстанция. Кстати, знаками, которыми зашифровывались четыре элемента, служили треугольники. Здесь тоже должно быть четверо, — мужчина указал на схему с лабиринтом. — Вы сами сказали, что Смотрящие призвали Вагнера, предлагая ему стать четвертым в их действе?

— Так и есть, — подтвердила Фреда. — Но нас с Эйвином только двое.

— Вас не двое. Есть еще я, — сказал Лео. — Уже трое.

— Я не хочу тебя втягивать...

— Я уже сам втянулся, — отмахнулся от нее вампир.

— Четвертым должен стать Вагнер, — Фреда открыто взглянула в глаза Леонару.

— Спорить не стану, даже не жди, — ухмыльнулся он. — Ты же все равно не успокоишься, пока не вернешь своего вампира.

Фреда вздернула голову, но ничего не ответила.

— В таком случае, мы, кажется, нащупали ту самую нить Ариадны, которую можно применить именно в нашем случае, — сказал Матиас. Мужчина выглядел довольным, чего нельзя было сказать о его жене.

— Что-то вы рано обрадовались, — резко бросила Айна. — Вагнера еще надо найти, чтобы он стал четвертым. А найти его куда сложнее, чем составить символ Возврата зла и создать эгрегор. Лучше будет сначала дать отпор Смотрящим, уничтожив их намерения, а затем искать вампира. По крайней мере, тогда уже девочка будет вне опасности, а вы все будете защищены эгрегором. Есть у вас соображения, кто мог бы занять место Вагнера? Сразу говорю, это не я. И не ты, Матиас, — рыкнула она на мужа, открывшего было рот. — Я за Гарда не в ответе, но знаю, что ему в это тоже ввязываться нельзя по многим причинам.

Гард медленно кивнул, неохотно соглашаясь.

— У нас есть запасной вариант, — заметил Лео. — Пора кое-кому вернуться из теплых стран первым же вечерним рейсом до Праги. Ночью уже будет здесь.

Вампир достал телефон и вышел на кухню, откуда вскоре донесся его приглушенный голос.

— Хорошо, — сказал Матиас. — Будем считать, что черновой план мы набросали,

теперь давайте все обговорим подробней и до самых мельчайших деталей.

*Фулканелли. Тайны готических соборов.

На дно

«Иногда, идя назад, ты идешь вперед».
(к/ф «Лабиринт»)

Следующие несколько часов они литрами поглощали кофе и говорили, чертили какие-то схемы, снова говорили, спорили и опять что-то чертили...

Фреда до головокружения старательно впитывала информацию, училась на ходу понимать непонятное и принимать немыслимое. Вслушивалась в новые слова и, даже не запоминая их, проникалась смыслом, что куда ценней, чем просто зазубрить все детали. Все было убедительно, и она инстинктивно ощущала правильность происходящего.

Но во всей этой правильности не хватало одного единственного элемента — Вагнера.

От мыслей о Рейне в районе солнечного сплетения стянулся тугой болезненный узел — уже знакомое, ужасно беспокойное ощущение потребности немедленно что-то предпринять, исправить и увидеть результат воочию.

Фреда огляделась: Метте задремала в кресле-качалке, мужчины держались кучкой и продолжали энергично обсуждать.

Девушка подошла к Айне и, наклонившись, прошептала.

— Прошу вас, уделите мне пару минут.

Норвежка одарила ее неласковым, по-настоящему волчьим взглядом, но со стула поднялась и нехотя пошла следом на кухню.

— Я должна сначала найти Вагнера, — горячо заговорила Фреда. — Я чувствую это. Я знаю это. Не могу объяснить, как, но знаю, — она приложила руки к груди. — Это вот здесь и для меня эти ощущения очень... убедительны.

Айна тяжело вздохнула.

— Я верю тебе, девочка, — спокойно и почти ласково сказала вдруг женщина. — А теперь послушай меня. Послушай спокойно, а потом мы решим. Если ты слышала историю рода своего отца, то уже знаешь, что люди-волки это не оборотни, не веры и не перевертыши. Это нечто совершенно особое. Мы рождались, соединяя в себе две природы — зверя и человека. Некоторые могли никогда и не обращаться в звериную сущность, но всегда носили ее в себе, передавая потомкам. А со временем стало многое меняться. Соблюдая чистоту крови и вступая для этого в родственные браки, наши предки стали вырождаться. Среди потомков все чаще появлялись те, кто был наделен сверхъестественными силами. А также абсолютно аномальные создания, выродки, носители худшего от зверя и человека. Предок Джейка, женившись на обычной женщине, стал изгоем. С их союза началась новая ветвь нашего рода, но и там аномалии продолжили проявляться. Уже не такие абсолютные воплощения чего-то плохого, — Айна недобро усмехнулась, — но не менее опасные. Например, колдуны и ведуньи, наделенные особой силой чувствовать и управлять темной энергией окружающего мира, природы.

Моя прабабка была такой ведуньей. С нашей волчьей кровью вообще шутки плохи, а со временем она стала очень нестабильна. У некоторых обращение больше не подчинялось

контролю, превратившись в произвольную, стихийную метаморфозу. Были случаи, когда кто-то, обратившись в зверя, не мог уже вернуться в человеческий облик.

— Я слышала все это от Леонара, — сказал Фреда. — Но какое это имеет отношение к тому, что...

— Сейчас поймешь, — перебила ее Айна. — Так вот, моя прабабка при помощи магии и знахарства пыталась придумать способ, как вернуть человеческий облик тем, кто терял его навсегда. Она перепробовала кучу всего, пока не надумала соединить человеческую природу и волчью, найдя для этого добровольца, готового поделиться частицей своей человечности. Нужно было запустить механизм, столкнуть с застывшей точки процесс обратного превращения из зверя. Ничего не напоминает?

— Наверное, одни и те же идеи с начала времен витают в воздухе, только воплощаются по-разному и для разных целей, — отозвалась Фреда.

— Верно, — согласилась Айна. — Однако далеко не всегда такое действие заканчивалось возвращением человека из зверя. Бывало, что человек становился зверем. Либо их природы так причудливо соединялись и перемешивались, что получалось нечто невообразимое... Иногда абсолютно нежизнеспособное.

— О-оо... — ошеломленно протянула Фреда. — Хотите сказать...

— Будь готова ко всему, если решишься на что-то, — прервала ее Айна. — Ну, а теперь насчет того, как найти твоего вампира. Я на самом деле не знаю, как это сделать, но могу сделать для тебя то, что, возможно, поможет это осуществить — усилить «влияние» его крови на твой организм, что может помочь чувствовать его так, как он чувствует тебя. Когда установилась ваша связь?

— В Новогоднюю ночь.

— Почти полтора месяца прошло... И больше вы не обменивались кровью?

— Я давала ему свою.

— М-мм... — проговорила Уна. — И ты говоришь, что все случилось именно в этом доме?

Фреда кивнула, нервно покусывая губу.

— Это нам на руку. Ну, что ж пойдем, все подготовим, — и добавила. — Если ты готова пройти через это.

— Я готова, — спешно ответила Фреда.

— Ты даже не спрашиваешь, через что тебе предстоит пройти.

— Я готова ко всему.

Айна хмуро посмотрела на Фреду.

— Как высокопарно, девочка. Но, как принято говорить в таких случаях — надеюсь, он того стоит, — тяжело вздохнула норвежка.

У выхода она остановилась и сказала:

— И учти, я делаю это, будучи против всеми фибрами души.

— Я понимаю. И спасибо. Что бы ни вышло, я буду знать, что вы не отказали в помощи, когда я так в ней нуждалась.

— Надо же, как завернула, — качая головой, проговорила Айна. — Просто нечем крыть. — Гард, готовь все! — громко скомандовала она, входя в гостиную.

Фреда шагнула следом за женщиной и остановилась, словно мгновенное увязла в какой-то густой массе. Стало невыносимо душно, глаза заволгло мутной пеленой, и комната со всеми обитателями превратилась в размазанную картинку. Голоса слились в непрерывно

звучащий тревожный звук, вызвавший одно единственное желание — бежать отсюда. Бежать без оглядки, как можно дальше.

Фреда стояла, хватая ртом воздух, которого вдруг стало очень мало, а вместо него, забивая горло, в легкие с трудом проникала плотная, застоявшаяся сырость.

Где-то на периферии свернувшего с рассудочной дороги сознания пронеслась мысль: «Прыгай. Ныряй. Падай на дно. Все ответы только там...»

Фреда качнулась, взмахнула руками, отгоняя шепчущий, бесплотный голос, и сама, едва шевеля губами, проговорила:

— Кем или чем я стану, если получу ответы?..

«Даже там, за пределами, ты останешься собой. Сильной и отважной. Если идешь наперекор привычному миру — иди до конца. Если даже понимаешь, что не можешь отыскать СВОЮ реальность, меняй ту, в которой ты уже существуешь под себя. Под тех, кто тебе дорог и необходим, как воздух. Как вода. Как земля. Как огонь. И помни — ты не одна...»

Комната вдруг утратила стены, растянулась в бесконечности и зависла в пространстве, как в черном беззвездном Космосе. В мельканье пятен перед глазами замер один фрагмент реальности — неясный светлый силуэт на фоне черной удаленной перспективы. Силуэт вспыхнул, как одиночный кадр, и пропал. Фреда успела различить лишь знакомые очертания, уже виданные ранее.

— Мама?.. — сорвалось с дрогнувших губ.

— Фреда! Да что с тобой?! — кто-то тряхнул ее за плечи.

Она моргнула, возвращаясь «на эту сторону» — перед ней нависло лицо Лео. Собственно, лица она почти не видела, только глаза, яркой и холодной небесной синевы, в которой отражалась она сама. Еще раз моргнула и посмотрела за спину Лео, туда, где еще мгновение назад мелькнул образ Мэдисон.

Вампир проследил за ее взглядом, нахмурился.

— Фреда? — тише проговорил он.

Она приподнялась на цыпочки, и прошептала ему на ухо:

— Я видела Мэдисон. Она сказала, что я все делаю правильно. Пусти, — и повела плечами, высвобождаясь. — И у меня не поехала крыша, как ты подумал, — добавила и пошла туда, где суетились Гард и Айна.

Похоже, никто, кроме Лео, ее временного «помешательства» даже не заметил.

Через пятнадцать минут Фреда лежала на кровати в маленькой спальне. Рядом установили таинственную и пугающую установку для манипуляций с кровью. На вид она была похожа на те, что можно увидеть в кино и в реальных в клиниках, но в этом маленьком домике она словно приобрела мрачный статус непредсказуемой и опасной адской машины. Металлическая стойка капельницы с закрепленными на ней емкостями из темного стекла довершали картину.

Айна измерила Фреде давление, поколдовала над венами, подсоединяя катетер. Гард возился с прибором, а Фреда лежала, устремив широко раскрытые глаза в стену перед кроватью. В желудке ее ворочался холодный камень страха и еще где-то внутри дребезжали осколки, оставшиеся от недавней уверенности.

У страха, несомненно, есть чувство юмора, он забавлялся, когда видел, как велика его власть. Особенно, если эта власть строилась на неизвестности и необходимости довериться случайному. Фреда судорожно сглотнула, косясь на свою руку с пластырем, торчащим из

вены катетером и подсоединенной к нему капельницей. Прозрачной трубочке передавалась вибрация от дрожащей в сильном волнении руки.

— Несмотря на антураж, это, конечно, не совсем медицинская процедура, — сказала Айна, замечая взгляд Фреды. — Не пугайся, старайся расслабиться и не думай о том, что происходит.

— Будет больно?

— Наконец-то первый разумный вопрос! — всплеснула руками Айна. — До сих пор мне казалось, что тебе вообще все равно, что с тобой будут делать.

— Мне все равно, что со мной будут делать. Но мне не все равно, что из этого получится. А боли я не боюсь, просто не люблю. Хочу быть готова, — отозвалась Фреда ровным голосом.

— Не будет больно. Не должно быть. Если появятся какие-то болезненные ощущения, значит что-то идет не так. Поэтому сразу говори, поняла?

Фреда кивнула и посмотрела на заполнивших спальню Эйвина, Метте и возвышавшегося за ними Лео. Встретившись взглядом с Фредой, вампир шагнул вперед, растолкав Метте и Эйвина. Те безропотно расступились, пропуская. Лео встал в ногах кровати и прислонился к стене.

— Мистер Борегар, комнатка маловата для такого количества присутствующих, — проворчала Айна. — Вам лучше подождать там, — она небрежно махнула рукой в сторону двери.

— Я буду здесь, — отрезал Лео, не глядя на нее.

Он и на Фреду не смотрел, Леонар словно был занят тем, что снова сканировал все вокруг.

Фреда не раз замечала за ним эту особенность, когда вампир словно не смотрел ни на что конкретное, но всем своим существом впитывал вибрации окружающего пространства.

Фреда пыталась сосредоточиться на чем-то вне всего этого. Ей почти удалось, но в следующий момент до слуха долетели некомфортные чужеродные звуки внезапно заработавшего механизма, и она вздрогнула всем телом. Прозрачная трубка, идущая от сгиба локтя, стала темной. Кровь девушки начала поступать в аппарат. Фреда отвернулась и прикрыла глаза...

— У вампиров отсутствует кровообращение, поэтому их кровь более густая и плотная... — слова долетали, как сквозь туман. Она даже не вникала, кто их произносил.

— Кровь неживого, попавшую в организм человека, можно отделить, как плазму...

— ...а потом снова закачать в вены, но уже как усиленный, концентрированный состав...

Они что-то говорили, суеились. Бормотание, странные, будоражащие запахи. Аппарат жужжал и щелкал. Во рту стало сухо, закружилась голова...

Фреда лежала неподвижно, всё так же отвернув лицо к стене, она почти погрузилась в неглубокое забытие, когда кто-то согнул ее руку в локте и сказал:

— Всё.

— Что теперь? — это был голос Лео. Обманчиво отстраненный.

Ему ответила Айна.

— Теперь подождем. Эффект, если он вообще будет заметным, наступит не сразу.

С приближением утра в домике на окраине деревни стало совсем тихо.

Фреда лежала на кровати в спальне, рядом с ней, на самом краешке, свернувшись в клубок, примостилась Метте. Лео все так же сидел на полу у стены, опустив руки на согнутые колени и откинув голову назад.

Из соседней комнаты доносились чье-то похрапывание и размеренный тихий скрип кресла-качалки.

Находясь на грани сна и бодрствования, Фреда чувствовала себя бесконечно уставшей и потерянной. С того момента, как Айна извлекла иглу из ее вены и издающий мерзкие звуки аппарат выкатили из комнаты, прошло довольно много времени.

Фреда знала, что притихший где-то в темноте Лео подолгу смотрел на нее, прислушивался, пытаясь уловить возможные изменения. Но с ней определенно ничего не происходило. За исключением того, что постоянно хотелось плакать, и слезы подступили так близко, что щекотали в носу и заставляли то и дело сглатывать горечь.

Еще колеблясь между сном и явью, Фреда прикрыла глаза и попыталась отключиться, заняв мысли чем-то, что не имело никакого отношения к ее нынешней жизни. Например, вспомнить прошлое лето, когда она ездила отдыхать на Мальту. Ей так понравилось это крошечное островное государство, что в какой-то момент захотелось там остаться навсегда. Сверху, из самолета, остров тогда показался похожим на золотистый слоеный пирог, залитый солнечной глазурью...

Фреда невольно улыбнулась, позволив смешку тихим фырканьем соскользнуть с губ.

Поворочалась, устраиваясь удобней, и крепче закрыла глаза, погружаясь в дрему.

...Что-то мягко толкало в спину, словно помогая всплыть со дна. Голова была легкой и ясной, как после долгого отдыха.

Фреда потянулась всем телом, открыла глаза и... оказалась стоящей вертикально. Незаметно приложенная неведомая сила изменила положение ее тела, направляя и придавая устойчивость одновременно. Это было неожиданно, но совсем не страшно.

До тех пор, пока она не попыталась осмотреться.

Прежде, чем глаза смогли что-то толком разглядеть, мозг уже осознал, что мир вокруг представляет собой совсем не то, что она ожидала увидеть. Никакого отстраненного наблюдения, как бывает во сне, а только безжалостное и напористое погружение в новую реальность от первого лица.

Тело обдало мощной волной боли, заставив захлебнуться острым приступом отчаяния. Фреда перестала дышать и чувствовать что-то еще кроме паники.

Сквозь рвущие на кровавые ленты чувства пробился слабый, уже знакомый, «аварийный сигнал» — включился внутренний навигатор и настойчиво повлек в нужном направлении.

Двигаться даже не пришлось — её просто куда-то несло сквозь темноту, в которой танцевали блеклые вспышки призрачного света. Она плыла в невидимом и неосознаваемом потоке медленно и неотвратно.

Когда сознание зафиксировало прибытие в нужную точку, сами собой включились прочие, заглушенные паникой и болью чувства. Фреда ощутила пронизывающий сырой холод, безжизненный, застоявшийся запах подполья, неяркое мерцание впереди, прорывавшее окружавший мрак.

Световое пятно, как подсветка на картине, выхватывало из темноты образ — знакомые, такие желанные очертания лица, бледного, с закрытыми глазами. Темноволосая

взъерошенная голова склонена, челюсти сжаты, скулы подчеркнуты тенями, отчего кажутся провалами. Не лицо, а застывшая маска.

Единственное, что «жило» на окаменевшем лице — медленно ползущие по щекам кровавые дорожки.

Фреда оцепенело смотрела, как тяжелые темные капли собирались на подбородке и медленно падали вниз с оцепеневшего, словно мертвого образа — кап, кап...

Казалось, что в момент соприкосновения каждой капли с поверхностью каменного пола раздавался оглушительный хлопок ударной волны, подобный тому, когда самолет преодолевает звуковой барьер. От этого сводило челюсти и закладывало уши.

На черных камнях скапливалась, продолжая увеличиваться, большая лужа густой темной крови.

— Рейнхард... — прошептала Фреда.

Он все еще в этой реальности, и она нашла его.

Теперь она понимала, что чувствует Вагнера. Именно его боль влекла ее, как мотылька манит пламя. Все эти ощущения — не её, кроме паники, которая удушливыми волнами накатывала все сильнее.

— Боже, нет... — хрипло выдохнула Фреда и протянула к нему руки.

Бледные, окровавленные веки задрожали, мучительно медленно приподнялись, и вместо ответного узнавания в сиянии цвета индиго, она увидела жуткие черные провалы, наполненные продолжавшей сочиться кровью...

Фреда заорала так, что тишина в домике мгновенно взорвалась какофонией самых разных звуков. Что-то грохнуло, упало и покатилося по дощатому полу, кто-то ругнулся, послышался торопливый стук шагов нескольких пар ног. Зажегся свет, и девушка снова увидела перед собой лицо Лео, почувствовала его сильные руки на своих плечах.

— Вагнер. С ним все очень плохо... — захлебываясь, проговорила Фреда. — И я знаю, где он...

Вход в лабиринт

«...когда у судьбы имеются на наш счёт какие-то планы, она находит средства заставить нас действовать в соответствии с её сценарием».

(М. Фрай)

Незадолго до рассвета вернулся Тайлер. Его посветили в планы, и молчаливый вампир принял отведенную ему роль с абсолютной готовностью. Или смирением.

Последние полчаса Фреда раскачивалась в кресле-качалке, пытаясь за размеренным движением скрыть сотрясавшую ее дрожь. В голове царил полнейший сумбур, и она стала путаться в том, что ей привиделось. Все казалось таким реальным, но могло быть обманом, воплощением ее страхов.

Лео, мрачнее тучи, стоял рядом и что-то говорил, но голос его долетал издалека, как навязчивый гул.

— Вагнер собирался найти подход к Доминис, — безжалостно рассуждал вампир. — То, что ты увидела, может означать, что он до них добрался, и Магистры ему не поверили и наказали. Или поверили и все равно наказали. Или это сделали Смотрящие, которым стали известны его намерения.

«Или я сама не знаю, что видела...» — мысленно добавила Фреда.

— Ты уверена, что он в Цитадели? — в сотый раз спросил Лео.

— Я... точно не знаю. Я видела его и, кажется, узнала каменное подземелье, — голос Фреда дрогнул и сорвался. — Вагнер будто был там и выглядел так, словно его... пытали... У него не было глаз, только кровавые дыры вместо них. Я чувствовала его отчаяние, беспомощность, и... кошмарную боль...

Она посмотрела на Лео.

— Ощущения очень реальные, как мои собственные. Разве не что-то подобное должно быть, если все сработало, и я смогла почувствовать нашу кровную связь?

— Но не факт, что все так и есть. И не факт, что ты видела именно подземелье Цитадели.

— Узнаю точно, когда попаду туда.

— А туда запросто можно попасть?

— Не запросто. Вагнер говорил, нужен специальный допуск, что-то вроде магической метки, — Фреда задумалась. — Я там была, значит, каким-то образом была допущена. Скорее всего, это разрешение сейчас уже не имеет силы, но я этого не узнаю наверняка, пока не проверю. А значит...

— ...значит, ты собираешься лезть туда одна. Вообще не вариант, — отрезал вампир.

— А другого нет, и не будет, — решительно парировала Фреда. — И я использую любую возможность.

— Кто бы сомневался, — поморщился Лео. — Предположим, что ты попадешь туда. И там тебя сразу накроют Смотрящие, потому что это все очень похоже на западню.

Мысли о западне посещали Фреду в череде множества других сомнений и вопросов.

Но сильнее всего было желание как можно скорее узнать, чем являлось видение — отражением пугающей реальности или всего лишь игрой измученного подсознания.

Будь это даже ловушка, но она должна знать, что произошло с Вагнером.

— В таком случае Смотрящие знают меня лучше, чем можно представить, — отозвалась она. — И умудряются просчитывать все наши действия и даже идеи на сто пунктов вперед.

— Что очень похоже на правду и неслабо напрягает, — подтвердил Лео. — Ладно, давай рассуждать: ты туда попала, Смотрящие тебя не сцапали, и ты нашла Вагнера. Дальше что? Оттуда еще надо выбраться. Возьмешь своего вампира за ручку и просто поведешь на свет Божий?

Фреда бросила на Лео рассеянный взгляд, судорожно сглотнула и замотала головой. Вампир прекрасно видел, что девчонка на грани срыва и с трудом справляется с собой, но щадить её не собирался — она должна понимать всё до мелочей.

— И одна ты, конечно, никуда не пойдешь, — отрезал Лео, однако голос его при этом заметно смягчился.

Все одобрительно заворчали, а Фреде захотелось съежиться в комок где-нибудь в темном уголке.

Постоянно быть в центре напряженного внимания ужасно выматывало, и не только саму девушку, но и всех, кто готов ей помочь или просто был рядом.

Фреда глубоко вздохнула, стараясь ужиться с наполнявшими ее чувствами, не позволяя им стать помехой, а перед глазами постоянно стояло лицо Вагнера, превратившееся в застывшую маску с окровавленными провалами вместо глаз. Она все же надеялась, что этот образ был гротескно искажен ее не готовым к погружению в иные сферы восприятием.

Но боль и все прочее были настолько реальны...

— Я могу попробовать пройти на парковку Цитадели, — раздался голос Метте, нарушая всеобщее молчание. — Не думаю, что обо мне известно Смотрящим, а в таком случае мой «допуск» может еще функционировать.

Метте повернулась к Лео.

— Сначала парковка, а там доберемся и до подземелья. Попробовать стоит.

— Резонно, — заметил Лео. — И делать все это лучше днем. Нужно найти транспорт для безопасной транспортировки вампиров.

— Я сейчас же поеду в Прагу и добуду что-нибудь подходящее, — с готовностью отозвалась Метте.

— Поедем вместе, — заявил Эйвин, глядя на рыжеволосую норвежку. — Обратно ведь придется гнать две машины, — поспешно добавил он.

Метте улыбнулась ему, и холодное сияние ее бледно-голубых глаз потеплело.

— Все это даже не стратегия, а самая, что ни на есть, хреновая импровизация, — проворчал Лео.

— Мистер Борегар прав, все это чистейшей воды импровизация, — подал голос до сих пор молчавший Матиас. — И по ходу ваших действий вам придется продолжать импровизировать, причем быстро, не особо раздумывая. При такой партизанщине неплохо хоть как-то обеспечить тылы.

Он замолчал, потер лоб, прикрывая усталые, покрасневшие глаза.

— К сожалению, мы не сможем поехать с вами и помочь активными действиями на месте, — продолжил Матиас, и, говоря это, смотрел на свою жену. — У нас здесь крайне ограниченные возможности.

Айна чуть придвинулась к мужу и взяла его за руку.

— Мы не имеем права появляться на суверенных территориях вампиров. И не можем нарушать данный запрет. Но вовсе не потому, что боимся, а потому, что из-за этого пострадает весь наш клан.

От слов Матиаса Фреду пробил озноб, и она почувствовала, как по спине стекает струйка ледяного пота. Показалось, что все резанули взглядами в ее сторону, будто говоря хором:

— "Это всё из-за тебя..."

Фреда сглотнула застрявший в горле ком, подавляя желание зажать уши, и случайно перехватила взгляд Айны, устремленный прямо на нее.

Темные, почти черные глаза женщины излучали неожиданное тепло и понимание, мгновенно смягчившее суровые и резкие черты лица. У Фреды не нашлось сил улыбнуться в ответ, она лишь легко кивнула в знак благодарности.

— Продолжай, дорогой, — обратилась Айна к мужу.

— Я предлагаю запустить процесс прямо здесь, не мешкая, — сказал Матиас.

— Запустить что именно? — Эйвин наклонился, выглядывая из-за головы стоящей рядом с ним Метте.

Фреда заметила, что брат держит в опущенной руке узкую ладошку рыжеволосой норвежки, и большой палец юноши медленно поглаживает тыльную сторону её тонкого запястья.

— Мы прямо здесь начертим лабиринт и зададим параметры эгрегора, — с готовностью повернулся к нему Матиас. — То есть запустим действие, но пока поставим его в «режим ожидания». А активируем, когда вы снова вернетесь сюда. С Вагнером или без. Останется только всем элементам занять отведенные им места.

— Каким образом это обеспечит нам тылы? — нахмурился Лео.

— Гард объяснит лучше, — Матиас указал на молодого мужчину. — Это его идея, но я с ним полностью согласен.

— Этот уже не идея, а чистый расчет, который делается в условиях жесточайшего дефицита всего — времени, сил, знаний и возможностей, — заговорил Гард, и его светлоглазое лицо светилось азартом. — Как мы уже поняли, чтобы замкнуть и заставить работать лабиринт, нужно его создать и собрать все элементы в одном месте в одно время. Даже при наличии резерва, — Гард отвесил вежливый кивок в сторону Тайлера, — Вагнер остается одним из ключевых элементов всей расстановки. Мы пока не знаем точно, где он и

что с ним. С Вагнером или без него — очень велика вероятность того, что Смотрящие или еще кто всячески будут препятствовать вам. Там их территория и возможности у них практически не ограничены. Не надо забывать, что речь идет о могущественных вампирах-магах.

По нахмуренным физиономиям присутствующих было понятно, что никто и не забывал.

— При нашем зыбком положении предлагаю создать два лабиринта — один, основной, здесь, как уже и сказал Матиас. А второй — в Цитадели, там, где предположительно содержат Вагнера.

— Не сомневаюсь, что какой-то смысл в этом наверняка есть, — снова вмешался Лео, — но вы всерьез предполагаете, что у кого-то из нас будет возможность и время не только ввалиться в неприступное логово одержимых вампиров-магов, но и начать там чертить на полу рисунки?

— Типа того, — широко улыбнулся Гард, показывая все свои тридцать два белоснежных зуба.

— Второй лабиринт не будет иметь полной силы. Если не все смогут пройти в Цитадель — его просто нельзя будет активировать на полную мощь. Но **оба лабиринта смогут стать элементами одной системы — вашего эгрегора.** Задавая правильный алгоритм взаимодействия с таким эгрегором, мы получаем **еще одну его ценную функцию — защиту, помощь в выживании для тех, кто с эгрегором связан.** Даже для тех, кто пока находится на расстоянии от основного лабиринта. И что не менее важно — **оба лабиринта будут соединены между собой и смогут выступать в роли порталов,** которые можно использовать для перемещения от одного к другому. Короче говоря, хоть такая неполная «конструкция» и не сработает, как разрешение основной задачи, но сможет на какое-то время защитить и переместить. Согласитесь, это уже немало.

Не переставая слушать объяснения Гарда, Фреда вспомнила первые дни своего пребывания в Цитадели.

Вагнер позволил брать из обширной библиотеки любые книги, и среди всего девушка обнаружила там солидное издание древнего китайского трактата «36 статагем» и невольно вспомнила: **«Извлечь нечто из ничего».** Вот это точно про них.

Кажется, с самого первого дня Рейн давал ей какие-то подсказки, намеки, малюсенькие хлебные крошки, которые могли помочь в нужный момент найти правильную дорогу.

Он забрал ее в Цитадель, ограждал ото всех, пока она не стала готова встретиться лицом к лицу с изменившейся реальностью. Он помог обрести Custos, сохранив это в тайне от Смотрящих, хотя это было совсем непросто. Научил не удивляться и не бояться странного и необычного.

Она считала его «Големом», но уже тогда он проник в ее сердце. Она не знала, чего на самом деле он испытывал, цепляясь за искаженные остатки своей первозданной человеческой природы и пытаясь сохранить их. Он рисковал и не однажды, пытаясь разыскать ее, оставаясь с ней.

И она знала, что пойдет до конца, и не позволит многим сотням лет усилий Вагнера пропасть впустую.

— Да уж, это немало. Но вот сработает ли, как надо? — ледяным тоном поинтересовался Борегар.

— В теории — должно сработать, — невозмутимо отозвался Гард.

— Это даже не теория, это всего лишь домыслы, — рявкнул Леонар.

— А у вас имеются какие-то практические научные наработки на этот счет? Или вы знаете кого-то, кто занимается подобным каждый день? — прищурился Гард. — То, что мы затеваем по большей части и есть только домыслы. Алхимия, магия для подавляющего большинства остаются и останутся навсегда лишь мифом, это чужая для нас территория. По сути, мы плетем кружева из воздуха.

— А на чем-то еще, помимо воздуха, ваши идеи строятся? — сквозь зубы прорычал Лео.

— На всем понемногу, — Гард оставался спокойным и сосредоточенным. — Я не маг и не вампир, но хорошо понимаю, в каком мире живу, поэтому кое-что мне известно. Знаете больше — поделитесь. Фреда, ты знаешь что-то о вампирской магии?

Она рассеянно пожала плечами, неопределенно качнула головой.

— Почти ничего, что можно было бы использовать с уверенностью. Но с некоторых пор понимаю, что многие вещи понимаются по ходу дела, инстинктивно, — ответила она. — Испытано на себе.

— Верный подход, — одобрительно отозвался Гард. — В магии вампиров есть такой ритуал **«Бегство к истинному другу»**, что-то вроде телепортации на безопасную территорию. На этом я и строю предлагаемый план. В вашем случае правильно будет использовать любую возможность, даже ту, которая кажется совсем невероятной. Не согласны?

— Не согласен, — отрезал Лео, — но, похоже, выбора нет.

Гард согласно кивнул, и обратился к притихшей девушке:

— Фреда? Твое мнение?

Она запустила подрагивающую руку в спутанную шевелюру своих отливающих жемчугом волос, потянула прядь, отводя ее со лба.

— Пока я жила в Цитадели, Вагнер методично и, как мне казалось, бессистемно шпиговал мою голову разной литературой на тему магии, — сказала она. — Я мало что помню из прочитанного, потому что была уверена, что вся эта муть мне никогда не пригодится. Теперь жалею об этом... Но кое-что я запомнила, — она посмотрела на Гарда. — Не так давно, Вагнер, чтобы найти меня, применил что-то вроде телепортации. И у него это сработало. Так что да, я согласна с вашим планом, — не колеблясь, ответила она.

— И еще один момент. Очень важный, — заметил Матиас. — Активировать оба лабиринта должна будешь именно ты, Фреда.

Она вскинула на мужчину широко раскрытые глаза.

— Та светящаяся сфера, которую ты можешь генерировать, и станет ключом к запуску. Это твоя энергия в чистом виде, с нее и начнется весь процесс.

...День был серым, сумрачным и слякотным, но теплым. В напоенном тяжелой влагой воздухе под аккомпанемент шумного и дружного таяния снега разливались ароматы ранней весны.

Эйвин и Метте вернулись из Праги довольно скоро, пригнав фургон ветеринарно-санитарной службы.

Сейчас отряд направлялся в Цитадель. Они двигались по шоссе по направлению к Праге, за рулем сидела Метте. Эйвин расположился посередине, притиснутый с другой стороны сестрой. Судя по всему, юноша ничего не имел против некоторого неудобства, чувствуя левым боком и бедром тесное соседство с рыжеволосой норвежкой.

Фреда, находясь в некотором ступоре, неудобства не ощущала. Она уперлась головой в холодное стекло и старалась не думать о том, чем может обернуться их затея.

За перегородкой, в лабораторном отсеке без окон, расположился Тайлер.

Когда Эйвин и Метте уехали добывать транспорт, оставшиеся в доме занялись приготовлениями. Из гостиной вынесли всю мебель, завалив ею маленькую спальню.

Уна покопалась в своей бездонной сумке, как в шляпе фокусника и извлекла из нее длинную узкую коробочку, обтянутую потертой кожей. В коробочке, на ложе из черного шелка, лежал длинный и очень острый нож с черной рукояткой.

— Возьми и поддержи его обеими руками, — сказала Уна, с осторожностью передавая Фреде нож. — Это **атаме**, магический кинжал способный аккумулировать энергию владельца. Он очень старый и принадлежал многим поколениям нашего клана. Теперь он твой. Им ты будешь чертить лабиринт.

Увидев колебания Фреды, Матиас положил руку ей на плечо.

— Мы подскажем, как это делать, но **атаме** должен быть в твоей руке, — спокойно проговорил Матиас. — Запоминай все до мелочей. В Цитадели ты все должна будешь быстро выполнить сама, без подсказок.

Начертить на деревянном полу узор лабиринта оказалось не таким уж сложным делом. В центре концентрического рисунка Фреда изобразила квадрат, внутри него, от угла к углу, провела диагонали, которые в свою очередь сходились под маленькой окружностью в центре, над точкой их пересечения.

Рисунок заполнил почти все пространство небольшой комнаты.

— Каждый элемент должен занять строго свое определенное место по углам квадрата, — наставлял девушку Матиас. — И занимая места, помните — **те, кто расположится на одной диагонали, будут особым образом связаны между собой.**

— Что значит особым образом? — голос Фреды сел от волнения.

— Не забыла, что я тебе говорила в нашей короткой беседе на кухне? — сверкнула темными глазами Айна.

Фреда прикрыла глаза, резко выдохнула и кивнула. Больше она вопросов не задавала, только слушала, старательно запоминая каждую мелочь. Но в обрушившейся на нее очередной раз информации мелочей не было, а каждая деталь имела смысл.

Когда она генерировала светящуюся сферу, дрожь в руке никак не унималась. Но, наверное, ее эмоциональное состояние действительно напрямую было связано со способностями и, подпитанное адреналином тело справилось со сверхъестественной задачей как нельзя лучше. Сфера вспыхнула — яркая, почти ослепляющая, — и Фреда, не медля, запустила ее в центр лабиринта.

Шар света ударился об пол и с тихим шипением рассыпался на ослепительные фрагменты. В месте соприкосновения сферы с деревянными половицами стало формироваться сияние — сначала тусклое, но разгоравшееся все ярче. Свечение крепло, густело, становясь подвижным, как расплавленный металл. Оно потекло, медленно заполняя

борозды, процарапанные в дереве при помощи атаме, в точности повторяя рисунок лабиринта. Когда сияние заполнило узор полностью, сформированный лабиринт озарил комнату ровным светом, поднимавшимся к потолку.

...Глядя в окно фургона на мелькавший пейзаж, Фреда не без смущения вспоминала, какой сумбурной речью она разразилась, когда все приготовления были завершены. Она горячо благодарила своих дальних родственников за все, понимая, что на самом деле словесные излияния здесь ни к чему.

...Глядя в окно фургона на мелькавший пейзаж, Фреда не без смущения вспоминала, какой сумбурной речью она разразилась, когда все приготовления были завершены. Она горячо благодарила своих дальних родственников за все, понимая, что на самом деле словесные излияния здесь ни к чему.

Она задремала, и сквозь забытие почувствовала, как разгоряченным лбом скользит по холодному стеклу. Эйвин осторожно притянул сестру к себе и положил ее голову себе на плечо. Кажется, он чмокнул ее в макушку и погладил по руке.

Сразу стало тепло и надежно. Если бы ехать так и ехать. И забыть о том, что им предстояло...

Метте была отменным водителем и доставила фургон в нужное место в кратчайшие сроки, ловко лавируя по пражским улицам в потоке машин.

В городе наступление ранней весны было еще очевидней. Почти весь снег растаял, обнажая рыхлую, напоенную влагой почву с пробивающейся травой. Дворники старательно убирали последние упоминания о зиме — мусор и кучи прелой, слипшейся за зиму, прошлогодней листвы.

Фреда вспомнила удивительную ночь в Парке Гостиварж. Маленькую волшебную феерию, устроенную ей Вагнером, которая стала обрамлением к осознанию и глубокому пониманию чего-то по-настоящему значимого для нее. Для них обоих.

А встретила бы она Вагнера, если бы Лео не вмешался в их с Эйвином жизни много лет назад?

Фреда не хотела гадать, она слишком дорожила тем, что ей уже было даровано на этом затаенливо искривленном отрезке судьбы. И это стало откровением, стершим последние ядовитые капли сомнений и страха.

...Фургон проехал арку, медленно завернул в паркинг и остановился на свободном месте.

Метте чуть отодвинула окно, отделяющее кабину водителя от лабораторного отсека, и сказала:

— Мы на месте. Я иду первая. Если смогу пройти сквозь защиту, то вернусь и решим, что делать дальше. А вы все не выходите пока из машины, не стоит светиться. Мало ли кто сюда может заглянуть.

Тайлер подал голос, отвечая сдержанным согласием.

Рыжая выскочила из машины и сразу ушла.

Эйвин и Фреда остались в кабине.

Поймав взгляд брата, устремленный на нее, Фреда покачала головой.

— Не начинай, я не хочу больше ничего слушать о том, что мне нужно быть осторожной. Я уже оценила и степень опасности, которая нам грозит, и степень своего сумасшествия. Лично мне это не мешает, но ужасает тот факт, что вы вынуждены притащиться со мной.

— А ты не забыла, сестренка, что у меня тоже имеется странная вещица, которая питается вампирской кровью и стремится создать союз с твоим Custos'ом? Мы с тобой повязаны, и ты здесь никогда и не должна была быть одна, — заявил Эйвин, сдержанно улыбаясь.

Фреда знала, что в словах брата есть правда, но все равно предпочла бы ни с кем не делить эти обстоятельства.

Метте вернулась быстро.

Открывая дверь фургона, норвежка сказала:

— Я прошла на паркинг Цитадели. Барьер меня пропустил, вроде, как всегда. Но нужно еще подняться на лифте, а его я не проверила, чтобы не терять время. Как поступим?

— Сначала проверим, смогу ли войти я, — быстро ответила Фреда. — Потом можно будет попытаться пройти остальным.

Эйвин смотрел, как обе девушки проходят до конца помещения и буквально исчезают в стене, как за невидимыми кулисами. Через пару минут они снова появились из ниоткуда и подали сигнал Эйвину. Тот коротко стукнул в дверцу фургона.

— Фреда внутри, — сказал он, обращаясь к Тайлеру. — Наша очередь.

Глава 22. Безупречный элемент

Безупречный элемент

«У того, кто присутствует при конце Мира, есть микроскопический шанс забрать себе всю силу умирающего кусочка Вселенной».

(М. Фрай, Темная сторона)

Фреда ждала Тайлера и Эйвина, стоя на границе между разломом и видимой реальностью. Она подала вампиру и брату руки, и они дружно шагнули через барьер.

— Здесь никого, — проговорил Тайлер. — Паркинг пуст — ни людей, ни вампиров.

Каждый едва различимый звук — тихие шаги, дыхание, шуршание одежды — отражался от бетонных стен, и возвращался, усиленный многократно.

Если их здесь и не ждали, то теперь-то наверняка знали о вторжении незваных гостей в вампирскую Цитадель.

Минуту назад Тайлер отправил Лео сообщение, что они все четверо прошли внутрь без видимых проблем. Реакция оставленного в тылу, глубоко оскорбленного вампира, была незамедлительной, и вибросигнал смартфона Вуда прозвучал в тишине, как "полет разъяренного шмеля, заставив Фреду вздрогнуть.

— Ответное сообщение от Лео, — тихо прокомментировал Тайлер. — Оригинальное и неожиданное: «Мне не нравится, что вы все так легко прошли».

Девушки и Эйвин выразили молчаливое согласие с очевидным.

— Но разве мы не этого хотели, — едва слышно изрекла Метте, направляясь к лифту.

Фреда двигалась, сжимая в опущенной руке атаме. Кроме этого кинжала у каждого из них было с собой по несколько ручек, заправленных серебром. Не самое надежное оружие против Смотрящих с их магией, но все же лучше, чем ничего.

Как только они оказались в паркинге, Custos Фреды вдруг стал теплым настолько, что явственно ощущался сквозь рубашку и майку. Приложив руку к амулету, она сжала его через свитер. Custos немедленно послал ответный импульс живого тепла прямо в центр ее ладони. Он будто вступил в переговоры посредством доступных ему возможностей, оставалось только правильно прочесть сигналы. И Фреда надеялась, что прочитает все как надо.

В лифте она автоматически нажала нужную кнопку на панели, и вскоре четверка оказалась в холле с арочными проходами.

Фреда остановилась, огляделась: лестница, ведущая на этаж, где были ее апартаменты, полы из благородного темного дуба, где в воображаемом проломе она когда-то увидела бездну. И коридоры, ведущие, куда им вздумается. Какой-то вел к подземелью, еще один — в библиотеку с камином.

Девушка очнулась, когда поняла, что Метте, Эйвин и Тайлер настороженно наблюдают за ней.

— Пошли? — обратилась она к ним, стараясь, чтобы голос не выдал ее зашкаливающего разумные пределы волнения.

Здесь, в Цитадели, вовсе не «дороги» вели куда-то, а исключительно точные намерения

попасть в нужное место. Помня об этом, девушка усилием воли распрямила свой изрядно погнутый страхом и волнениями «внутренний стержень», велев себе держаться ради тех, кто рядом с ней.

Четверка двигалась по бесконечным пустым коридорам. Кажется, они уже прошли все возможные повороты, миновали сотни дверей, но ни библиотеки, ни коридора с дверью, ведущей в подземелье, так и не нашли.

Они шли, храня молчание, потому что говорить было не о чем. Все уже сказано раньше, теперь важны только действия.

Дрожь, сотрясавшая тело, от которой постукивали зубы во рту и тряслись губы, стала привычной, а по бокам словно пристроились и нахально ухмылялись две «верные» спутницы — Паника и Отчаяние.

«Я должна попасть в подземелье... должна туда попасть», — мысленно твердила Фреда, плутая по коридорам. Но то знакомое ощущение движения в нужном направлении до сих пор не появлялось.

Никто из ее спутников ни о чем не спрашивал, они просто шли и уже даже не смотрели по сторонам, потому что интерьер не отличался разнообразием — солидный дубовый паркет на полу, отделанные деревом и венецианской штукатуркой стены, светильники на равном расстоянии друг от друга — бесконечное визуальное дежа-вю.

— Боже, какой-то ночной кошмар, — тихо проговорила Метте. — Я бывала здесь два раза, оба раза меня встречал Вагнер и провожал в библиотеку. Но я даже не представляла, что здесь такие путанные коридоры. Может, вся Цитадель это один огромный лабиринт?

Все промолчали, но мысль показалась вполне здоровой.

На каком-то отрезке их движения Фреда вдруг остановилась, словно уткнулась в преграду.

— Я не так это делаю... — пробормотала она, ни на кого не глядя. — Не подземелье нужно найти, надо искать Вагнера.

И тут же включился сигнал «маячка» — теперь направление задано верно.

Паника и Отчаяние отступили, но они догонят, если Фреда снова потеряет уверенность. Здесь и сейчас главенствовала интуиция, ее внутренний навигатор. Задача рассудка — не отключиться и помогать удерживать связь с реальностью.

Фреда снова пошла вперед, ведя за собой спутников. Чья-то теплая рука взяла ее ледяные пальцы, слегка сжала. Это Эйвин. Он почувствовал, как изменился эмоциональный фон сестры и поддерживал новый настрой.

Неожиданно изменился цвет стен. Синяя, как ночное небо штукатурка, такого оттенка Фреда здесь еще не встречала. Насторожило и полное отсутствие дверей в длинном коридоре. Все было незнакомо и очень тревожно, но «навигатор» работал исправно, увлекая вперед, пока она не остановилась перед одной единственной дверью.

Фреда потянула за дверную ручку и первая вошла в помещение, похожее одновременно на кабинет, библиотеку и гостиную. Здесь тоже, как и в коридоре за дверью, преобладали синие тона. Красивый ковер на полу, тяжелый письменный стол и удобное кресло, сибаритский лежак возле дивана, плазменная панель на стене.

За письменным столом, в проеме между двумя зашторенными окнами (ложными, надо полагать), висела картина. Первое, что пришло на ум при взгляде на холст, это словосочетание Торжество тьмы.

И едва слышный голос надежды, что когда-нибудь луч света обязательно прорвет плотную завесу и озарит мрачный пейзаж...

Фреда зачарованно смотрела на картину. Подошла к ней и решительно сняла со стены, поворачивая обратной стороной. В скудном освещении на потемневшем от времени холсте внизу чуть заметна выцветшая надпись.

— Кто-то может это прочитать? — задала она вопрос, поворачивая холст к своим спутникам.

Все трое столпились у стола, вглядываясь в надпись.

— Я точно знаю, что здесь написано, это латынь, — проговорил Эйвин. — Мне эти слова уже ночами снятся. Это фраза из Изумрудной скрижали: «Сила ее остается цельной, когда она превращается в землю».

— ... когда она превращается в землю, — повторила Фреда, кладя картину на стол.

Задумалась на мгновение, потом, подчиняясь неведомому порыву, вдруг подняла атаме и вонзила в полотно. Прорезала холст поперек, отсекая «тьму» от «света», а потом отделила от рамы нижнюю часть полотна, где был изображен погруженный во мрак пейзаж. Фреда и сама казалась шокированной своими действиями, ведь она не варвар и не привыкла уничтожать старинные картины. Но продолжала делать то, что делала.

— Сестрица, ты в порядке? — прозвучал тихий удивленный голос Эйвина. — Мы сюда не вандализмом пришли заниматься, вообще-то.

Фреда, сдула прядку волос, упавшую на глаза и скатала в тонкую трубочку вырезанный кусок холста.

— Пригодится, — сказала она, засовывая рулончик за пояс джинсов и прикрывая сверху свитером.

— Зверски оттяпанный кусок картины? — наморщил лоб брат.

— Ага. Что-то привело меня сюда и привлекло внимание к картине. На ней написана фраза из Изумрудной скрижали. И если я не ошибаюсь, это почерк Вагнера.

— А если я не ошибаюсь, то здесь еще одна дверь.

Тайлер указал на заполненный книгами шкаф у стены справа от письменного стола.

— Откуда ты знаешь? — спросила Фреда.

— Не знаю, но ощущаю, что там есть полость, пространство. Там вибрации другие.

— Ну, куда же без потайной двери за шкафом, — хмыкнула Метте. — А за ней комната Синей Бороды.

Норвежка обвела взглядом синюю гостиную, проводя очевидную аналогию.

— Зачем же пренебрегать отработанными приемами, — откликнулся вампир, тщательно осматривая шкаф. — Без них было бы даже скучно, — он что-то нащупал на боковой стенке одной из полок.

Раздался едва слышный щелчок, и шкаф мягко отделился от стены, приоткрывая спрятанную за ним дверь, плотно и крепко закрытую. И сколько не пытался Тайлер сдвинуть бронзовую ручку или саму дверь, они не поддавались, словно были монолитными.

— Скорее всего, она не откроется, если не знать, как ее открыть, — сказала Фреда.

— Имеешь в виду магию? — спросил Эйвин.

— Ну да. Это ведь Цитадель, — она пожала плечами. — Здесь все как в Стране кошмаров. И что самое смешное, я думаю, что нам именно туда и нужно, — и кивнула в сторону запертой двери.

Фреда уже не сомневалась, что они находятся в личных апартаментах Вагнера. Сюда привел ее внутренний навигатор, и они не могут повернуть назад и уйти тем же путем, которым пришли.

Подойдя ближе, она внимательно осмотрела дверь.

— Я попробую, — пробормотала Фреда.

Она крепко сжала атаме двумя руками, подняла его на уровень груди, словно заноса для удара, и закрыла глаза. Только Эйвин почувствовал, что происходит с его сестрой, когда она стояла, натянутая, как струна, провалившись куда-то в глубину своего подсознания, взывая к неведомым силам в самой себе.

Он вспомнил, как Лео говорил про Фреду, что она «кошка, которая нарочно ходит по краю, зная, что, сорвавшись, приземлится на лапы».

Сейчас она ходила по краю бездны, и, сорвавшись, могла просто исчезнуть, так и не приземлившись. Эйвин чувствовал, как тонка грань, отделяющая его сестру от падения в эту бездну. Но он не мог и не должен был препятствовать тому, чтобы она прошла свой путь.

Сжимающие атаме руки Фреды начинают светиться. Ослепительное сияние охватило кинжал, влилось в него, заструилось к острию. Девушка поднесла атаме к дверной ручке, раздалось потрескивание, будто между кинжалом и ручкой пробежал электрический разряд. Дверь мощно содрогнулась всем полотном и медленно отворилась.

Тайлер бережно, но решительно отстранил Фреду с дороги и первым заглянул внутрь темноты, открывшейся в проеме.

— Небольшое помещение и лестница, ведущая вниз, — прокомментировал он. — Кажется, никого.

— Кажется? — прищурилась Метте. — Вампир не уверен?

— В этих стенах я и в себе самом не уверен, — мрачно отозвался Тайлер и добавил, — я никого явно не чувствую, кроме нас четверых. Но это не значит, что здесь больше никого нет.

— Как это понимать? — в голосе Эйвина звучала тревога.

Эмпат в нем ощущал только настрой сестры и легкий, как зыбь, эмоциональный фон, идущий от Метте. Но было еще тяжкое беспокойство, не его собственное, как он подумал сначала, а явно порожденное чем-то извне.

— Это значит, что если бы я полагался не на вампирское чутье, а на интуицию (в существование которой верю с трудом), то определенно сказал бы, что мы в этом здании не одни, — пояснил вампир, пригнувшись к непроглядной темноте за тайной дверью.

— Я надеюсь, что где-то здесь находится Вагнер, — пробормотала Фреда.

Крепко зажав атаме в правой руке, левой сотворила сферу света. Теперь уже она решительно отодвинула Тайлера в сторону и шагнула за дверь первая. Эйвин и вампир мгновенно ухватили ее за плечи, пытаясь сдержать столь резвое продвижение навстречу неизвестности, но она стряхнула их руки и пошла вперед.

Сфера освещала пустое помещение с темными стенами, похожее на маленький холл. У дальней стены в полу находилось большое круглое отверстие, в непроглядной тьме которого терялась винтовая лестница, уходящая вниз. В неярком сиянии сферы видны были только три первые ступеньки.

— Туда... — обронила Фреда и двинулась вперед.

— Позволь я все же пойду первым, — сказал Тайлер, оказываясь перед ней. — Я ориентируюсь в темноте и могу заметить то, что человеческое зрение или слух не различат.

Спускаться по узкой лестнице, уводящей в чернильный мрак, было довольно жутко. Но Фреда уже бывала во тьме, когда столкнулась с ней на «экзамене» у Смотрящих. Сейчас ей было дискомфортно, но без ощущения парализующего страха, и девушка уверенно шла следом за Тайлером. За ней следовали Эйвин и Метте.

Ступеньки закончились, и под ногами оказался каменный пол. Первые шаги по нему мгновенно потонули в каком-то абсолютном беззвучье, словно они ступили не на камни, а на толстый слой ваты.

— Похоже на подземелье, — начал Вуд, — но...

— Мы в подземелье, — уверенно сказала Фреда. — Я узнаю его. Каменный пол, стены, потолок. В прошлый раз я спускалась сюда по другой лестнице, и тогда здесь везде горели светильники, а я слышала свои шаги. Сейчас же тут словно абсолютно звуко- и свето-изолировано.

— Именно так — здесь слишком тихо и темно, даже для меня, — подтвердил вампир.

Они старались говорить шепотом, и слова, падая в пустоту, пропадали без следа, а сиянию сферы едва удавалось разбавлять густую тьму вокруг них.

Они двинулись наугад. Фреда шла рядом с Тайлером, сжимая в руке кинжал и держа ладонь со сферой на уровне пояса, освещая путь под ногами.

В какой-то момент их продвижения, она почувствовала Вагнера. Её просто влекло вперед, и она знала, что Он где-то там, в этой темноте.

Какими бы Всевидящими и Всезнающими не были Смотрящие, они не могли видеть и знать всего на свете. Магия и все, что с ней связано это их конек», но понимание многих вещей, происходящих в человеческом мире, и умение их распознавать ушло от них навсегда, погребенное под столетиями высокомерной уверенности в собственном могуществе.

Аспикиенсы могли позволить им войти в Цитадель и, быть может, спокойно наблюдали за ними сейчас, как за мухами, ползущими по стене и не знающими, что некто в любой момент может раздавить их всех одним щелчком.

Но пока они не сделали этого, и четверка продвигалась вперед, пользуясь любой ничтожной возможностью приблизиться к своей цели.

А еще Фреда почувствовала, что их стало больше, и кто-то или что-то присоединилось к четверке, заняв место рядом с ней.

— Мама... — беззвучно, одними губами проговорила она. Ответное легкое шевеление воздуха возле ее щеки явилось подтверждением догадки.

Миры точно перекрещивались и соприкасались. И сейчас в некоторых из них происходили события, которые должны были соединиться во что-то единое, исправляя то, что было нарушено.

Все непонятное и невероятное переходило в разряд почти привычного.

Подземелье, глотающее свет и звуки, стало просто дорогой, ведущей к цели. Аспикиенсы в сознании обозначались лишь как кляксы на карте, которые нужно было стереть, чтобы они не нарушали точности маршрута продвижения в этом мире для нее и тех, кто был ей дорог.

Custos, атаме и сфера образовали непрерывную цепь тепла и легкой вибрации, проходящих от ее солнечного сплетения к руке. Ноги несли все дальше, и когда впереди в темноте стал просачиваться слабый свет, Фреда позволила сфере погаснуть.

Четверка дружно остановилась возле огромного проема в каменной стене, через который и лился рассеянный, бледно-голубоватый свет.

Фреда шагнула вперед и оказалась в том самом зале, в котором когда-то увидела обнаженного Рейна, парящего в сияющем потоке. Тогда сияние было ярким, позволяя различить и сводчатый потолок, и огромные каменные колонны, расположенные по периметру.

Теперь здесь царил почти полный мрак — холодный и мертвый. И только нечто мутноватое и не имеющее четких очертаний, как поднимающийся снизу пар, висело в воздухе на некотором расстоянии от пола. Скопление «пара» имело вытянутую вертикально форму и слегка светилось. Размеры его, несмотря на «рваный» контур, оставались стабильными, а вот плотность изменялась от почти непроницаемой до более разреженной. В какой-то момент, когда оболочка стала тоньше, Фреда различила сквозь нее контуры тела.

Она сорвалась с места так решительно, что даже Тайлер не успел среагировать и остановить ее. Фреда не замечала никого из своих спутников, когда они приблизились к ней и встали рядом. Она видела только, как сквозь мутную рыхлую оболочку кокона просачивались крупные, густые капли темной крови и тягуче падали на пол. На каменных плитах образовалась пугающе большая лужа, имеющая точные, не растекающиеся очертания правильного круга. Создавалось впечатление, что кокон окружен невидимым цилиндром, который удерживал кровь внутри его границ. Фреда протянула руку и ее пальцы действительно уперлись в незримый барьер.

— Там, внутри... Вагнер? — произнес Эйвин, с содроганием глядя на жуткий кокон, истекающий кровью.

— Я думаю это он, да... — проговорила Фреда. — Что с ним сделали? Как его вытащить оттуда?

— Попробуй атаме, — предложил Тайлер. — Возможно, кинжал, заряженный твоей энергией, сможет прорезать барьер.

Она кивнула, сосредотачиваясь и сжимая атаме двумя руками. Решительно нанесла удар, но... лишь отшатнулась, едва не упав, будто ткнула в резиновую стену, которая мощноสปружилила, отпихивая её назад. Фреда обошла кокон, пытаясь отыскать в невидимой оболочке уязвимое место, и нанесла еще один удар с другой стороны. Но барьер остался невредимым, оттолкнув девушку с большей мощью, чем в первый раз, и, если бы не подхвативший ее Тайлер, она бы основательно припечаталась об камни пола.

— Ладно, — зло сказала она, не сводя глаз с кокона. — Будем действовать по-другому.

Фреда не была уверена, правильно ли делает, но кинжал послушно следовал за ее рукой, плавно, без труда процарапывая борозды на твердых камнях. Вскоре кокон, окруженный невидимым барьером, был заключен в квадрат, став центром лабиринта.

Сейчас она уже не чувствовала присутствия Мэдисон, словно та исчезла, сопроводив дочь к месту назначения. Теперь все было только в ее руках.

— Эйвин, Метте, Тайлер, вставайте по углам квадрата, как только я активирую лабиринт, — скомандовала она. — Я не знаю, получится ли, ведь к центру его нет доступа...

Она замолчала, сглотнув комок, мешающий голосу звучать четко и без омерзительной дрожи. Фреда немного отошла от внешней границы лабиринта и сгенерировала сферу. Запустив светящийся шар как можно ближе к центру, она наблюдала, как его сияние разбилось об пол, затем снова собралось, обволакивая невидимые границы барьера. Вскоре лужу крови опоясывал яркий подвижный ореол, похожий на кольцо голубоватого пламени, языки которого стали растекаться по контурам рисунка, заполняя их.

— Какая талантливая девушка, — раздался четкий голос, звучавший, казалось, повсюду. — Мы в тебе не ошиблись, ты все сделала идеально и вовремя.

Фреда резко обернулась, ища взглядом говорившего, и увидела три фигуры, выступившие из темноты. Аспикиенсы окружили их, располагаясь на некотором расстоянии друг от друга.

Видеть на бледных, гладких, как пластиковые маски, лицах Смотрящих подобия улыбок было страшнее, чем лицезреть оживший ночной кошмар. Фреда вздрогнула и только успела подумать о том, что надо скорее заскочить за контуры лабиринта, укрывшись в его спасительных границах.

Словно невидимое лассо мгновенно оплело ее и рывком выхватило из точки пространства, в которой она находилась. То же самое произошло и с тремя её спутниками.

Фреда, ошеломленная, лежала на полу у ног одного из Смотрящих, лицом почти утыкаясь в его элегантные ботинки. Морщась, подняла глаза и увидела черные брюки, отлично сидящие на тонких, слегка расставленных ногах. Девушка привстала, неловко опираясь на пульсирующий болью локоть, запрокинула голову и уперлась взглядом в устремленные на нее мертвые глаза. Фреда узнала и эти глаза, и гладкое неживое лицо, уже виденное однажды. Тот самый Смотрящий, которого она прозвала «костюмом».

Она не знала, что перед ней Создатель Вагнера — Кассий.

— Ты идеальна в своей человечности, девочка, — сказал он, глядя на нее. — Безупречный недостающий элемент.

В голове проносился товарняк, нагруженный тоннами бесполезных мыслей, и сквозь беспорядочное мелькание и грохот, Фреда выхватила слабый знак, словно кто-то просигналил флажком. Этот сигнал можно было и не заметить, но обостренные чувства сейчас подмечали все и ничего не отвергали. Так она осознала, что все еще сжимает в руке атаме, в карманах по-прежнему имеются ручки с серебром, а кусок картины не вывалился из-за пояса джинсов.

Она задвигалась на полу, пытаясь одновременно подняться и понять, насколько сильно ушиблась, рухнув на камни. Все ее спутники также оказались на полу в положении поверженных у ног двоих Смотрящих.

Один из Аспикиенсов с интересом разглядывал Тайлера Вуда.

— Вампир. Еще совсем дитя, твое существование не насчитывает и двух столетий. Наверное, поэтому ты еще так глуп и играешь в человеческие игры, — говорил Смотрящий, и голос его гулко разносился под каменными сводами залы.

Фреда, лихорадочно соображала, каковы их шансы сделать хоть что-то, кроме того, что признать свое поражение. Честно говоря, даже самый оптимистичный расчет был неутешительным — трое смертных и один слишком «человечный» вампир против могущественных, владеющих самой невероятной магией Смотрящих. И один вампир, пребывающий в неизвестном состоянии, запертый в истекающем кровью коконе.

— Ты хотела освободить своего вампира и одновременно активировать лабиринт, — фраза была не вопросом, а голос прозвучал... ласково. — Ты умница и тебе все почти удалось.

Итак, это все-таки ловушка, и их действия были просчитаны.

Но неожиданное предположение, что Аспикиенсам ничего неизвестно о втором лабиринте укрепило нежелание складывать руки и смириться со своей участью раньше времени.

Фреда сильнее сжала кинжал, пряча его под рукав куртки, и потихоньку нащупала в кармане ручку, заправленную серебром. Все делалось машинально, без какой-либо определенной осмысленной цели.

— Твой лабиринт выстроен идеально, но он не предназначен для тех, кого ты хотела поместить туда, — продолжал Кассий. — Разве что, вот тот юноша, в жилах которого я чувую твою кровь, вполне мог бы подойти нам, если бы у нас не было тебя.

Фреда стиснула зубы, стараясь сдержаться и не позволить себе чем-нибудь разозлить Аспикиенса. Пусть упивается своей самодовольной болтовней, а она пока подумает, что может сделать угодившая в мышеловку мышка с перебитым хребтом.

— Перед тем, как мы перейдем к делу, позволь выразить наше искреннее восхищение тобой, — неожиданно Кассий наклонился, и, подхватив ее под локоть, помог подняться с пола. — Ты уверенно двигалась к своей цели — найти и спасти возлюбленного. К тому же вы доставили нам истинное удовольствие наблюдать за вами. Вы так предсказуемы и так отчаянно бесстрашны. Или бесконечно глупы. Вы с Вагнером и в самом деле допускали мысль, что мы не узнаем о вас то, что вы пытались скрывать? И о чем ты думала, шагая по коридорам Цитадели? — спросил ее Смотрящий. То, что эти вопросы уже не риторические, и он действительно хочет получить на них ответы, Фреда поняла не сразу.

— Ответ номер раз — да, допускали, — честно ответила она, бесстрашно глядя в мутно-серые, как стоялая вода, глаза Кассия. — И ответ номер два — я думала о том, что не все, что кажется предсказуемым, таковым является на самом деле. Вы не поверите, но жить иллюзиями иногда даже приятно. Самый тщательный расчет иногда сильно ограничивает возможности.

Звук, раздавшийся в ответ, совсем не был похож на смех, но Фреда с содроганием поняла, что именно смехом он и являлся. И самое ужасное, что поняла девушка — она нравилась Смотрящим. Нравилась, как забавная зверушка, вызывающая восторг у давно лишенных эмоций существ.

— Ты определенно заслужила маленький подарок, — сказал Кассий. — Считай, что ты попала в сказку, где исполняется самое заветное желание. Уверен, у тебя таких желаний не одно, но придется выбирать. Итак, трое против одного. Выбирай — Вагнер или твои спутники.

Вот как, оказывается, выглядит самый страшный кошмар, ставший реальностью.

«Не стой! Не молчи! Делай что-нибудь! В этой безумной игре не выбирают средства, важна лишь цель. Тяни время, изворачивайся, неси ерунду, истери. Начни торговаться, уравнивай выбор — двое против двух. Брат и Вагнер. Метте и Тайлер»...

Эта мысль прожгла в мозгу дыру, навеки запечатлевшись в подсознании. Как просто сойти с орбиты всего человеческого и вылететь в открытый космос Вселенского Зла. Она быстро приняла правила этой безумной игры, оценила и разложила на весах чужие жизни...

Мокрая от ледяного пота ладонь сжала рукоять атаме. Может быть, вот оно, избавление от кошмаров и от необходимости делать выбор? Но Смотрящие не для того их сюда впустили, чтобы дать ей умереть. Им она нужна живой и здоровой.

Перестав дышать и чувствовать, Фреда оглянулась назад. Лабиринт светился, ожидая, что им воспользуются, и ему было все равно, кто и с какой целью.

Или НЕ все равно? Гард ведь говорил о важности намерения. Что, если у них уже получилось задать, обозначить и запустить то самое, что зовется странным словом эгрегор?

Или она сотворила лабиринт, чтобы убедить Смотрящих в правильности их выбора, предоставив им возможность спокойно воспользоваться плодами ее стараний?

И как узнать, какой именно вариант был активирован — ее или Смотрящих?

Лица брата, Метте и Тайлера она различала нечетко, как расплывчатые пятна. Фреда перевела затуманенный взгляд в центр лабиринта — первый раз ей пришлось в голову, что в висящем над полом коконе может быть вовсе не Вагнер. Откуда у нее вообще взялась уверенность, что там именно он? И если внутри не он, то кто?

— Где... Вагнер? — выдавила она.

По лицу Смотрящего промелькнула тень эмоции. Заинтересованность?

— Там, внутри, — он бледной рукой указал на кровоточащее «нечто». — Ты сомневаешься?

— Я думала, что там Вагнер, — отозвалась Фреда, — но так и не получила тому подтверждения. Покажите мне его, прежде чем я сделаю выбор.

«Тянуть время! Тянуть так, долго, как только возможно...»

— Зачем? Выбери своих спутников и отдай нам того, кого не видишь. Твои друзья и брат уйдут целыми и невредимыми, а ты сможешь какое-то время успокаивать себя иллюзией, что там вовсе не Вагнер.

Фреду передернуло, а Смотрящий посмотрел на нее так, как наблюдал бы за букашкой, медленно отрывая ей лапки одну за другой.

— Что... с ним? И если внутри этой штуки не Вагнер, то... где он?

— Так ли уже важно где он и что с ним?

А ведь и правда — какое это теперь имеет значение, ведь сделать она ничего уже не может.

— Вы, правда, отпустите их? — Фреда посмотрела на своих спутников.

— Как только мы закончим, их память будет изменена, и они уйдут отсюда целыми и невредимыми. Все зависит от тебя.

— Отпустите их сейчас, пожалуйста... — прошептала она.

— Как только мы закончим, — непреклонно повторил Кассий.

Повторил так, что Фреда почти поверила ему.

Custos послал ей в центр солнечного сплетения раскаленную стрелу, заставив охнуть и стиснуть зубы. Амулет яростно, возмущенно жалил ее, и впервые она осознала, что они с ним действительно составляют нечто цельное. Он аккумулировал ее эмоции и силы, посылая их обратно, приумноженными.

Если Гард был прав, и этот лабиринт мог работать как портал и защита, то дело было за малым — оказаться внутри него всем вместе. Но что, если магия, которая удерживала кокон, помешает лабиринту сработать как нужно?

— Не надо мне ваших иллюзий, я имею право знать правду, — сказал Фреда. — Покажите мне того, кто внутри.

— Уверена?

— Да! Да. И еще раз да.

— А твой выбор? — спросил Кассий.

— Отпустите их, — она кивнула головой в сторону брата и друзей.

Слова упали с губ и растаяли под темными сводами каменной залы. С ними испарилась слабая надежда на торжество вечных человеческих ценностей. Происходящее было реальным, но существовало где-то за гранью, противореча здравому смыслу. Фреда

продолжала упорно цепляться за ограничения, в рамках которых разум воспринимал события, пытаясь придать им понятные формы.

Но все давно вышло за контуры человеческой обыденности, как кровь, начавшая вытекать за невидимую границу вокруг кокона.

Кровь изливалась, темными струйками вмешиваясь в сияющий рисунок лабиринта, и испарялась без следа. Оболочка кокона рассеялась, и Фреда увидела того, ради которого пришла сюда. Безвольно повисшее тело, одетое в рваные и грязные брюки и рубашку. По босым ногам тоже стекала кровь. Белое, как снег лицо в бурых потеках. На месте глаз — темные провалы. Все, как в ее видении.

Тело Рейна рухнуло на пол и осталось лежать неподвижно в неестественной изломанной позе.

Фреду трясло от усилий сдерживать бешеный порыв броситься к лабиринту, к тому, кто лежал сейчас там... Она крепче сжала кинжал.

— Правда перед тобой. Это Вагнер. Точнее его бесполезная и бессмысленная оболочка. По законам нашего мира он уже не здесь, не с нами и обратного пути для него нет. Мы удерживали его здесь только для того, чтобы пришла ты.

«И я пришла... Он должен был знать, что я обязательно приду...»

— Не сокрушайся о нем, ты все равно ничего не смогла бы сделать. Регент всегда позволял себе исключительно полезные слабости. Одна из них — чувства к тебе. Взаимные, без сомнения. И это был самый верный и очевидный способ заполучить тебя. Надо признать, то, что вас связывало, имеет поразительную силу.

«Не связывало. Связывает!»

Фреда посмотрела на Кассия. Когда-то, будучи человеком, он был, несомненно, красив. Теперь мышцы его лица могли лишь исказиться, принимая жутковатые формы застывших масок. Смотрящий выглядел довольным, он явно ловил какой-то одному ему ведомый кайф, чувствуя что-то особенное в этот момент своего почти-триумфа.

— И не питай иллюзий, что сможешь воспользоваться атаме, который судорожно сжимаешь вспотевшей рукой. Ты сделала выбор, девочка, не усложняй и не меняй больше судьбу своих друзей. Пути назад не существует.

Атаме вырвался из ее руки и отлетел прочь, со звоном приземлившись в стороне.

Фреда стояла очень близко к Смотрящему и ощущала его как холодную, бесплотную тень.

Где эта ее контрмагия, когда она так нужна? И что нужно сделать, чтобы она заработала? Рейн объяснял, что защитные силы включаются, если её жизни грозит опасность сверхъестественного происхождения. Разве сейчас не тот самый момент?

Чем спровоцировать этих бледных ублюдков, чтобы они получили ответный удар от ее дремлющих способностей и начали выворачиваться наизнанку, выблевывая свою поганую кровь вместе с гнилыми кишками?

Но Аспикиенсы не станут причинять ей вред, им она нужна живой. Зато здесь есть те, кто без промедления пострадает вместо нее. Фредаа сникла: в этой ситуации ее столь полезные силы могут сработать только во вред.

Прошла вечность или считанные мгновения. Фреда чувствовала себя горящим бикфордовым шнуром.

Смотрящий прав, пути назад не существует, только не для нее.

И это вдруг чудесным образом расставило всё на свои места. Ничему нет гарантий. Все

надежды мертвы. Риск правил балом. Но ничего еще не кончено.

Она встретила глазами с каждым, кто сопровождал ее сюда, — они понимали все без слов. Взгляд задержался на брате, а рука сама собой потянулась к висящему на груди Custos'у. Эйвин чуть заметно кивнул. Он задвигался на полу, морщась и тихо постанывая, потирая колено и бедро, при этом незаметно вытащил что-то из кармана джинсов. Его амулет.

Все дальнейшие события происходили, укладываясь в неведомый отрезок времени, зависший где-то вне всяких величин. И за этот промежуток Фреда прожила десять жизней, испытав все чувства и эмоции, какие-то только существовали на свете.

Стиснув зубы из-за невыносимых волн жара, которые посылал сквозь нее раскаленный Custos, Фреда выхватила ручку с серебром и молниеносным движением вонзила в глаз Кассия, увидев, как из ее ладони рвется поток света. Смотрящий гневно взревел и взмыл в воздух, подскочив, как марионетка на невидимых нитях.

Отпрыгнув в сторону, Фреда понеслась к лабиринту, стараясь держать всех в поле зрения. словно в сюрреалистическом сне наблюдала, как из глазницы Кассия выплеснулся фонтан черной крови.

Фреда перестала быть собой. Не понимая своих действий, она двигалась к лабиринту и на ходу создавала одну сферу за другой, хаотично швыряя их в Кассия и двух других Смотрящих. Темноту залы прочерчивали маленькие кометы, на полете ярко освещавшие фигуры Аспикиенсов в темных костюмах. Вспышки света выхватывали из сумрака их застывшие бледные лица, бескровные кисти рук. Вампиры с небрежной легкостью, отбивали «световые атаки», искажая траекторию полета сфер, и пару секунд казались почти увлеченными игрой в этот «пинг-понг».

Их кратко, но неосмотрительного замешательства хватило, чтобы Тайлер выхватил из карманов сразу две ручки и, используя свою скорость, вонзил их в лица двух Смотрящих — Карла и Скиллинга. Они возмущенно рыкнули в унисон, развернулись, и Тайлера с невероятной силой и скоростью отбросило в темноту зала. Раздался тяжелый звук удара, хруст, от которого свело челюсти, и все стихло.

Эйвин, воспользовавшись моментом, вскочил на ноги и, крепко зажимая пальцами свой Custos, полоснул им по лицу одного из Смотрящих. Брызнувшая струя темной крови, как намагниченная потянулась шлейфом за рукой юноши, изгибаясь подобно змее. Невероятное зрелище вызвало недолгий паралич даже у Смотрящих, явно не ожидавших от пленников такой прыти и припасенных в рукавах... Козырей? Нет, вряд ли это были козыри, скорее некие приемы, вдруг правдоподобно сработавшие у ярмарочных фокусников.

Фреда яростно закричала, когда ее брат и рыжеволосая Метте были так же, как Тайлер отброшены прочь. Эйвин с глухим стуком ударился спиной об каменную колонну и обмяк, медленно сползая на пол. Метте со стоном приземлилась на камни и проехала до самой стены, беспомощно скользя по каменным плитам. Наверное, Эйвин выронил свой Custos, и поток крови из раны Скиллинга прервался.

Амулет Фреды кипел, и она уже не сдерживала крики боли и ярости, борясь с желанием сорвать Custos с шеи. Следствием этого отчаянного желания стало сотворение не просто сияющей сферы, а самого настоящего огненного шара. Фреда бросила файербол в сторону Кассия, который надвигался на девушку, не сводя с нее немигающего взгляда. Шар сыграл с вампиром в магические «вышибалы», осалил его и лопнул, выплескивая жидкое, как лава, пламя, которое растеклось по ткани безупречно сидящего костюма. Всеядный огонь

стремительно распространился, охватывая руки вампира, его торс, подбираясь к лицу.

Смотрящие в один голос стали выкрикивать какие-то заклинания, от которых воздух в зале становился густым, зловонным, непригодным для дыхания. Фреда застыла на месте, не имея возможности двинуться, борясь с желанием расцарапать отекавшее горло ногтями. Тело стало тяжелым, оцепенело: девушка попыталась шевельнуться, но лишь неловко качнулась, как если бы угодила в желе. Уши словно забило ватой, но зрение оставалось четким, и она видела, как огонь, охвативший Кассия, стал стихать, причинив видимый ущерб лишь его дорогому костюму, а рваная рана на лице Скиллинга, нанесенная амулетом Эйвина, регенерировала.

За колоннами, в дальнем конце зала, потонувшем во тьме, обозначилось какое-то стремительное движение. Фреда даже не увидела, а скорее осознала, как Тайлер переместился, подхватил с пола атаме, и в невероятном молниеносном движении полоснул кинжалом по горлу Карла, находившегося ближе всех к нему. Голова Смотрящего откинулась назад, как свалившийся с подставки бюст, и то, что было его телом, вдруг обрушилось на каменный пол серым прахом.

Кассий и Скиллинг взревели в один голос, и звук этот не был похож ни на один из когда-либо звучавших по эту сторону реальности. А Тайлер успел переместиться в противоположный конец зала, не дав Смотрящим нанести ему удар.

Воздух снова ворвался в легкие, оцепенение спало, голова прояснилась и Фреда, не мешкая, рванула к Брату и Метте.

Все их действия происходили параллельно в один и тот же краткий отрезок времени.

Норвежка, едва придя в себя, на четвереньках подбиралась к Эйвину, все еще лежащему неподвижно. Фреда, метнувшись, подхватила с пола Custos, принадлежащий брату. Амулет «ужалил», и девушка, едва не выронив его снова, успела засунуть строптивый предмет в карман. Метте тем временем уже подтаскивала бесчувственного Эйвина к лабиринту, и едва они пересекли границы, как сияние контуров вспыхнуло сильнее, лучами поднимаясь вверх.

Скиллинг переместился к ним, и Фреда почувствовала, что ноги ее опять перестают слушаться. Она закричала, что было сил, со всей злостью и отчаянием, и швырнула в Скиллинга пылающий шар. Вампир ловко увернулся, но этого мгновения хватило, чтобы он отвлекся, и его воздействие прервалось. Фреда перескочила контуры лабиринта, приседая на корточки и машинально кладя руку на спину неподвижно лежащего Вагнера.

Приняв четверых в свои границы, рисунок вспыхнул еще ярче, превращаясь в ослепительные струи света, восходящие снизу вверх. За этим сиянием не было видно почти ничего, их словно отрезало от темноты. Воздух задрожал, вибрации передавались телу, затрагивая все чувства, каждую клеточку тела, как перегрузка при взлете ракеты.

— Тайлер! Сюда, скорее! — крикнула Фреда. В ее голосе отчетливо слышались нотки истерики.

Кассий ринулся на Тайлера, выбрасывая в его сторону руку с растопыренными пальцами. Темноглазый, всегда такой молчаливый вампир смог только оглянуться на крик девушки, и взгляд Фреды приковало к спокойному, почти умиротворенному лицу, к его глазам, устремленным на нее в немом прощании.

Она только сейчас осознала то, что было очевидным с самого начала — лабиринт мог принять только четверых. Кто-то один обязательно должен был остаться. Фреда что-то закричала, протестуя, но в этот момент из темноты зала выступили четыре фигуры. Их лица с отраженным на них сиянием лабиринта, казались масками без тел, зависшими в воздухе.

Низкий гул усиливался, забирался внутрь головы, отключая слух. Пол вибрировал, лишая ощущения твердой опоры под ногами.

Четверка окружила оставшихся Смотрящих, и это было последнее, что увидела Фреда, прежде чем лабиринт сработал, как портал.

...Нет ничего — ни тела, ни чувств. Всё, что есть, заперто в темной комнате, в которой на бесконечно длинной веревке развешены фотографии — фрагменты ее жизни. И она мчалась мимо них, не успевая ничего разглядеть и понять...

Её крепко держали и перемещали. Остановка, короткая передышка, во время которой появились запахи, и они повлекли куда-то. Затем прорвались звуки. Кто-то звал, тревожно, настойчиво и так... ласково. Темная комната исчезла, появился свет и какие-то неясные кляксы, нависающие над ней.

— Фреда! Фреда, слышишь меня?

Её легонько встряхнули.

— Слышу... Не трясите... я и так, кажется, распадаюсь на атомы...

И, правда, ощущения такие словно ее пропустили через блендер.

— Ворчит, значит, соображает, — голос довольный. — Дай воды. Вот. Пей.

Зубы клацнули обо что-то, а между губ заструилось мягкое, прохладное и шелковистое — вода. Хорошо...

Кляксы приобрели очертания. Это лица, знакомые, даже родные. Лео и Метте.

— Что случилось? Где мы?

— Правильные вопросы! Мозги по дороге не растеряла. Вы вернулись, лабиринт сработал как надо. Встать можешь? Нам надо всё заканчивать поскорее...

Её подняли, голова кружилась, и перед глазами все плыло, но Фреда уже видела, что она стояла в комнате с изразцовой печкой. Рядом Лео и Метте на полу светился рисунок лабиринта.

— Эйвин? Вагнер?! Что с ними?!

— Смотри сама, — ответил голос Лео. Взгляд девушки заметался по комнате, где плясали отсветы от лабиринта, пятна горящих свечей и участки темноты по углам. У стены она увидела их — брата и Вагнера.

Фреда сделала шаг, отводя руку Леонара, попытавшегося поддержать ее. Эйвин сидел, привалившись спиной к стене, живой. Рядом с ним на полу растянулось тело Вагнера. Тело? Как там сказал Смотрящий — бессмысленная оболочка?

Фреда судорожно вздохнула, подошла к брату и Рейну, стараясь не наступить на контуры лабиринта, опустилась на корточки. Она разглядывала лицо Эйвина, боясь смотреть на Рейна и прикасаться к нему. А он был так близко, только протянуть руку...

— Эй, сестренка, я в порядке, не смотри на меня так, — прохрипел брат. — И на него не смотри так. Лео сказал, что раз он такой, значит не...

— Это явно не состояние окончательной смерти, — подал голос Лео, прозвучавший громко и отчетливо.

Фреда кивнула, не поворачиваясь, прикоснулась к щеке брата и подвинулась к Вагнеру. Губы пришлось закусить, чтобы они не тряслись, как у паралитика. Одетый в темные брюки и когда-то бывшую белой рубашку, босой, он лежал совершенно неподвижно. На белом, как мел лице она рассмотрела плотно закрытые веки, покрытые коркой засохшей крови. На расстоянии это действительно выглядело, как черные провалы. Девушка осторожно

положила руки на грудь своего вампира, не зная, что хотела этим обозначить для себя. Сердцебиения и дыхания у него все равно не было, а твердость мышц и прохлада кожи не отличались от тех, что она привыкла ощущать, прикасаясь к нему. Но он был вполне реальным. Пальцы Фреды чуть сжались, смятая ткань рубашки Рейна...

— Метте рассказала, как вы его нашли, — Лео подошел ближе и остановился за спиной Фреды. — Не понимаю, что с ним, знаю одно — он не умер окончательно.

«...но он уже не здесь и обратного пути для него нет...» — всплыли в памяти слова Смотрящего.

— Тайлер... — проговорила Фреда, сглатывая застрявший в горле хрип. По лицу неудержимо заструились слезы. — Он... остался там...

— Знаю, — коротко ответил Лео. — Неизвестно, что случилось, а копаться в предположениях времени нет. Похоже, вас там навестили Магистры? Начальство Смотрящих, наконец, пошевелило своими магическими задницами и решило вмешаться.

— Магистры? Да, думаю, это были они. Сколько же я была в отключке, что Метте уже успела тебе всё рассказать?

— Недолго, — туманно отвечивал Борегар. — Метте умеет излагать факты четко и быстро. По-военному, — хмыкнул вампир.

Метте беззлобно зыркнула на него и подошла к Эйвину, увидев, что тот зашевелился на полу, пытаясь встать на ноги.

— Если это были Доминис, то почему появились только к финалу? — проговорила Фреда, продолжая хмуро смотреть на Вагнера.

— Любой ответ будет только нашим предположением, — отозвался Лео. — Метте сказала, что Тайлер разделался с одним из Смотрящих. Магистры могли явиться тогда, когда почуяли смерть одного из них. Нарушилась тысячелетняя целостность, и именно на это они среагировали.

Фреда кивнула, соглашаясь.

— Вагнер говорил, что все семеро — трое Аспикиенсов и четверо Магистров — связаны особым образом. Но неужели они не чувствовали того, что творили Аспикиенсы все это время? Они же ощущают любое проявление магии крови. Они планировали сместить Доминис, силой удерживали одного из Регентов.

— Мы не знаем, как у них там все это происходит, и какая магия была задействована, — пожал плечами Леонар. Он пристально следил за подрагивающими руками девушки, которыми она, осторожно прикасаясь, бессознательно гладила плечи и грудь Вагнера. — Смотрящие давно затеяли все это, и им, наверное, известен способ держать свои революционные планы вне ведения Магистров. Ко всему прочему Аспикиенсы продемонстрировали удивительную осведомленность и о наших планах.

Фреда совсем притихла, сгорбилась над телом Рейнхарда.

— Кстати, вполне возможно, что Магистры и сюда доберутся. Давай уже что-то делать, — раздраженно буркнул Лео, злясь на то, что видит Фреду такой подавленной.

— Что-то? — она выпрямилась, полуобернулась, но на вампира не смотрела. — А как мы будем делать «что-то», если с Вагнером неизвестно что, а Тайлера с нами нет?! Нужен четвертый...

— Есть я, — подала голос Метте.

— Нет! — дружно отрезали брат и сестра. Они переглянулись, и Фреда продолжила, — нет, мы не будем больше никого впутывать, хватит уже и того, что... что я наворотила. И

потом, Айна кое-что сказала мне. После ее откровений я вообще никого не имею право вовлекать во все это.

— Ты вообще, о чем сейчас думаешь?! — голос Лео понизился до гулкого баса. — Уясни, наконец, никто у тебя не спрашивает позволения быть куда-то втянутыми. Каждый из нас в состоянии принимать решения за себя и твоего высочайшего одобрения на это не требуется.

Пророкотав, Лео добавил чуть тише:

— Хотя, насчет Метте я согласен — её в это впутывать нельзя. И основания к тому имеются веские, я тоже говорил с Айной и Матиасом. А тебе, — он направил длинный указательный палец на Фреду, — пора перестать терзаться сомнениями и надо довести дело до конца. Всем здесь присутствующим, включая, прежде всего, Вагнера, хотелось бы именно этого.

— До какого же конца я могу довести дело! До конца света?! — взвилась Фреда, вскакивая на ноги. — Мы должны вчетвером встать по углам квадрата. Я, ты, Эйвин. И Вагнер. Но с ним как быть?

Лео сжал челюсти, сразу стал выглядеть старше и злее.

— Надо быстро найти решение, — заявил он.

— Гениальный план. Есть конкретные соображения? Нет? Вот то-то...

Она запустила руку в волосы, пропуская пряди между пальцами. На лице ее отразилась усталость.

— Эйвин, в моем кармане... — вдруг вспомнила Фреда и шагнула к брату.

Юноша, вопросительно вскинув брови, порылся в кармане ее куртки и извлек металлический треугольник.

— Я его выронил и даже не помнил этого, — с явным облегчением проговорил он. — Ты нашла. Умница! — он чмокнул сестру в щеку.

Фреда кивнула в ответ, а сама в это время смотрела только на Вагнера.

— Надо попробовать дать ему крови, — сказала она.

— Уже пробовал, — мрачно отозвался Лео. — Пока ты была в отключке, я пытался напоить его своей кровью.

— Пытался, и?

— И не получилось. Что бы там Смотрящие с ним не сделали, он, словно зачоченел — веки нельзя поднять, рот не открывается. Думаю, не ошибусь, если предположу, что из всех доступных вампиру чувств, Вагнеру сейчас недоступно ни одно — не слышит, не видит, не осязает, не может питаться.

«...пустая, бессмысленная оболочка...»

Фреда упрямо насупилась, снова опустилась перед Рейном на колени. Осторожно прикоснувшись к его рту, слегка надавила, пытаясь разжать холодные губы и у нее, конечно же, ничего не вышло. В полном молчании, Фреда провела ладошкой по ледяной щеке вампира и убрала руку. Она посмотрела на мерцающий рисунок лабиринта, занимающий почти все пространство комнаты.

— Что же я могу сделать?... — проговорила она, давась накатившим отчаянием, как желчью. И, обхватив Рейна за плечи, приподняла его, прижимая твердое, неподатливое тело к себе.

— Это не конец, милая... — прошелестел над ухом знакомый ласковый голос. — Теперь я кое-что понимаю в этом...

Фреда подняла голову. Перед ней стояла Мэдисон Саттон, почти реальная, но лишь в чуть более бледных красках, чем те, что присущи жизни. Синие глаза смотрели сочувственно и ласково. Мэдди наклонилась, протянула руку и... коснулась щеки дочери. Рука была невесомой, но от прикосновения веяло теплом.

— Мама... — в полный голос произнесла Фреда.

Лео нахмурился. Эйвин подался к сестре, протягивая руку, но Метте удержала его.

— В моем положении есть свои преимущества, — сказала Мэдисон. — Находясь за пределами этого мира и все же имея в него доступ, многое видится с иной стороны, под иным углом. Веришь мне, родная? Отвечай честно, не лукавь, не выдавай желаемое за действительное.

— Верю, — твердо проговорила Фреда. — Верю, потому что знаю, что все происходит не просто так. И это не сон, а реальность.

— Эй, Фреда! — окликнул ее Лео. — Ты меня сильно смущаешь, человечек. Говорить с воздухом в наши ближайшие планы не входило.

«Говорить с воздухом» — зацепилось где-то в сознании.

И мелькнуло следом:

«Сила ее остается цельной, когда она превращается в землю».

А потом:

«...меняй под себя ту реальность, в которой ты уже существуешь. Меняй ее для тех, кто тебе дорог и необходим, как воздух.

Как вода.

Как земля.

Как огонь.

И помни — ты не одна...»

Воздух. Земля. Огонь и вода.

Четыре элемента.

Фреда бережно опустила Рейна на пол, поднялась на ноги. Её глаза заматались по сторонам, лихорадочно оглядывая комнату. Руки сами собой стянули с шеи Custos, а пальцы ловко извлекли амулет из металлической сеточки, удерживающей его. Она повертела «чашу» в руке, разглядывая так и этак, словно ища подсказки. Амулет больше не был раскаленным, не посылал никаких сигналов, он выглядел как всегда — чуть выпуклым кругляшом неизвестного назначения.

— Если ты веришь мне, то послушай, что я скажу, — обратилась к дочери призрачная Мэдисон. — Доверься себе. Сейчас всё, а особенно то, что кроется в твоём подсознании и управляет инстинктами, все может стать очень важным. Прислушайся к себе, используй свои силы, свои чувства. Это риск, но другого шанса не будет. И если решишься сделать шаг дальше, даже вопреки первоначальному плану, то делай этот шаг сейчас. Вот только...

Мэдди замолчала и посмотрела на Эйвина. Взгляд ее синих глаз стал печальным.

— Для Эйвина переход через лабиринт невозможен, — очень тихо сказала призрачная женщина. — Он не должен быть с вами. Его место здесь. Может быть, рядом с этой женщиной, — Мэдисон кивнула в сторону Метте, длинные волосы колыхнулись медленно, тягуче, как в воде, — может быть без нее. Но он не должен входить в лабиринт.

— Но как же? Почему? — удивленно проговорила Фреда, не обращая внимания на

застывших в полнейшем изумлении Лео, брата и Метте. — С самого начала мы планировали, что он один их четверых.

— Это было неверно. Он твой близнец, его сущность сходна с твоей, вас объединяет общая кровь. Лабиринт увидит в вас одно целое. Один элемент, — пояснила Мэдди. — Но и без него не обойтись. Он часть всего. Часть эгрегора.

Фреда задумалась, сжала в руке свой амулет, обвела взглядом всех присутствующих, задержалась на Вагнере.

— Тогда, я знаю, что делать, — твердо сказала она. — Спасибо, мама. Думаю, это тот самый недостающий кусочек в пазле, без которого не складывалась вся картина целиком.

— Фредерика? — вкрадчивый голос Лео раздался над самым ее ухом. Вампир склонился к девушке и заглянул ей в лицо.

— Не смотри на меня, как ласковый санитар в психбольнице, — сказала ему Фреда. — Я пока еще не помешалась. Здесь Мэдисон и она видит тебя.

Лео вскинул быстрый взгляд вглубь комнаты, туда, где как раз и стояла Мэдди. Ничего не увидев, он озадаченно поморщился и снова уставился на Фреду.

Эйвин и Метте стояли, словно их приморозило к месту, не зная, как реагировать на происходящее. Они вдруг выпали из действия, став просто зрителями, не способными повлиять на развитие сюжета.

— Мэдди здесь и видит меня, — как автомат повторил Лео. — Но почему я не вижу ее? — с несвойственной ему бесхитростностью спросил вдруг он. Голос его заметно дрогнул.

— А хотел бы увидеть?

— Шутки шутить изволите? — процедил Лео сквозь зубы. Льдисто синие глаза вампира потемнели.

— Не надо, Фреда. Не так это должно быть, — Мэдисон плавно переместилась ближе к вампиру.

Призрачная женщина опустила руки на его могучие плечи. Она не зависла в воздухе, как маленький Каспер, а, твердо опираясь на пол, привстала на цыпочки и коснулась губами подбородка Лео. Даже вытянувшись на носочках, Мэдди едва доставала до лица Лео. Тот вздрогнул всем телом, почувствовав прикосновение, и инстинктивно склонился ниже. И тут же получил одобрительный легкий поцелуй в губы.

Глаза вампира расширились, он напряженно выпрямился и на мгновение застыл, как соляной столб. Не отдавая себе отчета, кончиками пальцев коснулся своих губ, а потом вскинул руки, словно пытался обнять пустоту перед собой.

— Мэдди?... — прошептал он.

— Лео, ты верил ей? — спросила Фреда. — Верить сейчас?

— Не играй со мной, девочка, — прохрипел вампир, не сводя глаз с пространства перед собой, где стояла призрачная Мэдисон.

— Никакой игры. Верить или нет? Хочешь снова ее увидеть? Быть с ней? — слова Фреды падали камнями в полной тишине.

— Фреда, что ты делаешь?! — не выдержал Эйвин, делая шаг к сестре.

Метте остановила его и потянула обратно.

— Происходит что-то, чего мы не понимаем, — шепнула она ему на ухо. — Но даже если это и так, то не мешай им. Все разрешится в ближайшее время.

Теплые губы норвежки нежно коснулись его скулы, потом мимолетно прижались к

уголку губ. Эйвин замер, прикрыл глаза, перевел дыхание, чувствуя, как напряжение отпускает его.

— Допустим... — едва владея голосом, просипел Лео. Он мотнул головой, прочистил горло и уже отчетливо и твердо сказал, — допустим, я хочу верить. Но не могу. Одно я знаю точно — больше всего, чего я когда-либо хотел во всех своих жизнях, это быть с ней. Я бы остался с ней навсегда, где бы она ни была.

— Тогда давайте рискнем, — сказала Фреда. И тут же сникла. — Но вот тут и возникает основная трудность. Нужно что-то, принадлежавшее маме...

Лео развернулся и, ничего не говоря, скрылся на кухне. Он вернулся, держа в руке кухонный нож. Расстегивая на груди рубашку, произнес:

— Я отвернусь, зрелище не для слабонервных.

Фреда удивленно посмотрела на Мэдисон, а та была спокойна, словно знала, что сейчас произойдет и просто ждала, с нежной грустью глядя на вампира.

Было видно, что Лео взялся за рукоятку двумя руками, поднес острое к левому боку, ниже сердца и сделал резкое движение на себя, а потом еще одно вправо. Словно сотворил ритуальное сэппуку.

Фреда и Метте вскрикнули, а на пол обильно закапала кровь. Никто не видел, что дальше делали руки Лео, пока сам он стоял, запрокинув голову вверх, а мышцы спины его напряженно перекачивались под тканью рубашки. Потом вампир чуть расслабился, оглядел себя, запахнул полы рубашки и повернулся снова. На рубашке слева расплылось большое красное пятно, а в руке Лео держал прямоугольный предмет, напоминающий портсигар, густо покрытый темной кровью. Глаза Фреды расширились от ужаса и чего-то, схожего с благоговением.

— Она всегда была со мной, — просто сказал вампир. Он обтер предмет полрой рубашки.

— Это... там ее прах? — прошелестела Фреда. — И ты носил его в себе? Все эти годы?

Вампир только пожал плечами.

— Я уже мало чему могу удивиться, но это... — подал голос Эйвин.

— Ну, чему здесь удивляться? Все очень практично, — усмехнулся Борегар. — Плоская герметичная капсула из сплава платины, титана и еще кое-чего, с повышенной устойчивостью к коррозии, прочная. Очень удобно, плюс дополнительная защита сердца от желающих проткнуть меня карандашным огрызком.

Все присутствующие онемели, забыв, казалось, обо всем, кроме того, что только что с ловкостью Копперфильда проделал Лео. Только призрачная Мэдисон совсем не была удивлена.

— Позер и вечный мальчишка. Обожает эффекты, — услышала Фреда слова матери. — Думаю, в том, что я еще как-то связана с этим миром, отчасти и его вина. Или заслуга. Мой странный прах жил в его груди, купаясь в немертвой крови. Плюс эта недосказанность, незавершенность... Он держал меня здесь и не давал уйти...

Спойлер

— Мне в голову подобное не могло прийти, — проговорила Фреда, качая головой. Она оглянулась на брата и тот, ответил ей взглядом, выражавшим согласие и высшую степень потрясения. — Надеюсь, у нас еще будет возможность все это переварить. А сейчас, пожалуй, пора...

Она подошла ближе к Эйвину, остановилась напротив него.

— Ну, вот, кажется, мы действительно к чему-то подошли, — произнесла, глядя в глаза брату. — Все так странно и так... неправильно. Или наоборот — все так, как и должно быть. Если у меня больше не будет возможности что-то сказать тебе, то говорю сейчас. Ты замечательный, необыкновенный и я хочу, чтобы ты был счастлив.

Эйвин смотрел на сестру, не в силах ничего вымолвить. Они прощались, едва узнав друг друга, и помешать этому он не мог.

— Мне кажется, исполнение моего желания насчет Эйвина зависит еще и от тебя, — Фреда улыбнулась Метте, стоящей рядом с братом. — И спасибо тебе за все.

Та в ответ кивнула, быстро заморгала, отводя взгляд светлых глаз.

— Эйвин, дай свой амулет, — обратилась Фреда к брату. — Буду импровизировать, как и говорил Матиас, — пояснила она, видя вопросительные взгляды, устремленные на нее, — кстати, Метте, поблагодари их всех еще раз за неоценимую помощь.

Фреда подняла свой Custos, держа его на ладони. Эйвин приблизил треугольник, разжал пальцы и оба амулета, как намагниченные, соединились с легким металлическим щелчком, причем треугольник неведомым образом пластично изогнулся, плотно, без зазоров располагаясь внутри чуть выпуклой «чаши».

— Я думаю, что тебе эта штука больше не нужна, Эйвин, — прокомментировала Фреда, разглядывая полученный из их Custos'ов единый символ. — Но, если у нас все получится, ты взамен обрешь сильную защиту, какая только может быть у того, кто решится жить в этом ненормальном мире как обычный человек. А мне кажется, что именно этого ты и хочешь. Созданный эгрегор будет действовать всегда, а ты останешься в его кругу.

— Ну, а если у нас ничего не выйдет, — продолжила Фреда, — то ты избавишься от странного, непредсказуемого кровососущего предмета, который не сможешь выбросить и будешь хранить всю жизнь, не зная, что с ним делать. Когда-нибудь его могут найти твои дети. А ты ведь знаешь, чем кончаются неосмотрительные игры с этой штуковиной.

Шутка получилась из разряда «черного» юмора, но Эйвин улыбнулся.

— Сестренка, — отозвался он, — я чувствую твой настрой. У тебя все получится. У нас все получится, — добавил он. — Действуй.

— Вы должны уйти, — сказала Фреда, обращаясь к брату и его подруге. — Сейчас.

Никто не стал спорить. Метте быстро пробралась к двери, отодвинула задвижку. Прощанием стало обмен взглядами и кивками. Фреда заметила, что Эйвин особенно пристально посмотрел туда, где стояла их мать. Призрачная Мэдди улыбнулась и прикрыла глаза, пряча за ними печаль.

Эйвин с Метте быстро выскользнули из дома.

— Так, — выдохнула Фреда, пытаясь сдержать рвущиеся слезы. — Что мы имеем — лабиринт, четыре элемента и это, — она приподняла ладошку с лежащими на ней объединенными амулетами.

Лео и невидимая для него Мэдди смотрели, не вмешиваясь больше.

Фреда наступила в лабиринт, установила чашу в самый центр, там, где пересекались диагонали внутри квадрата. Светящиеся линии замерцали и особенно ярко в точках, где прямые визуально касались краев маленькой чаши.

— Элементы — это мы четверо. Рейн- Земля, — пробормотала она. — Лео, подтащи его сюда, ближе и дай-ка мне нож. Сам пока не заходи за рисунок.

Вампир потянулся к ней, передавая нож и стараясь не наступать в лабиринт. Затем

легко переместил тело Вагнера ближе к девушке. Фреда подхватила Рейна подмышки и поместила его так, чтобы он лежал на одном из углов квадрата. Она взяла его руку, поколебавшись миг, поднесла нож к холодной ладони и провела лезвием. Кожа разошлась от пореза, но... рана выглядела так, словно она рассекла замороженную рыбу — бесцветная плоть, без единой капли крови. Фреда в ужасе уставилась на руку Вагнера.

«...пустая, бессмысленная оболочка...»

— Он полностью обескровлен, — проговорила она, едва ворочая языком. Фреда перевела беспомощный, полный отчаяния взгляд на Лео. — Как такое возможно?

Тот лишь покачал головой.

— Не сдавайся, — прошептала Мэдисон.

Фреда на миг задумалась, вспоминая все, что рассказывал ей Вагнер. Он упомянул тот знаковый визит к отцу, когда уже стал вампиром. Тогда Игнациус еще отдал ему капсулу с его человеческой кровью, велел хранить ее.

Сделав глубокий вдох, Фреда аккуратно положила руку Рейна на его грудь и достала из-за пояса джинсов свернутый в трубочку кусок картины. Ножом аккуратно расцарапала бурую краску на холсте.

— Безумная мысль, но я думаю, что это не просто краска. Это кровь Вагнера. Её человеческая кровь, — говорила она. — У меня нет доказательств, но я уверена, что права. Лео, можешь это как-то... почуять?

Она протянула ему кусок полотна. Вампир вздернул бровь, брезгливо и с недоверием поднес лоскут холста к носу и втянул воздух. На его лице отразилось удивление.

— Да, ты права, здесь примешана человеческая кровь, очень старая, но в составе краски ощущается ее наличие. Но я не могу сказать, принадлежала ли она Вагнеру, — добавил он, возвращая ей холст.

Но этого и не требовалось, она удовлетворенно кивнула и стала соскребать с полотна краску, сыпая крупички в чашу.

— Он смешал кровь с краской и нанес на ту часть полотна, где нарисована земля, — бормотала Фреда.

Закончив, выпрямилась.

— Так. Видимо, мои фокусы со светящимися шарами дают основания предполагать, что я — Огонь, — прокомментировала она и, не колеблясь, провела лезвием ножа по своей ладони, сжала пальцы и сцедила немного крови в чашу, смешивая ее с крупичками «краски».

— Мэдисон — Воздух. Вскрой капсулу с прахом, — обратилась она к Лео. Увидев, как напряглось его лицо, добавила мягко, — так надо, прошу...

Контейнер с прахом был герметично запаян, чтобы открыть его, Борегару пришлось импровизировать, используя подручные средства и свою вампирскую силу, в результате чего в корпусе капсулы удалось бережно проделать отверстие.

— Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — сказал он, подавая контейнер. При этом глаза его снова устремились туда, где стояла невидимая для него Мэдди.

— Эта фраза — просто классика жанра. Без нее никуда, — отозвалась Фреда, с уважением и деликатностью принимая из рук вампира предмет, который очевидно значил для него, больше, чем можно себе только вообразить.

— Мама, встань сюда, — она указала Мэдди на один из углов квадрата, слева от Вагнера.

И почему-то совсем не странно называть мамой призрак женщины, которая к тому же выглядела не старше ее самой.

Фреда легко встряхнула контейнер над чашей, и в нее посыпалось что-то голубоватое и шелковистое, как звездная пыль. И почти столь же невесомое и эфемерное, как частицы воздуха.

Фреда задержала дыхание, благоговейно глядя, как прах смешивается с ее кровью. Затем вернула контейнер Лео.

— Теперь ты, Лео. Ты — Вода. Твоя кровь. Добавь ее и вставай сюда, — она проследила, как вампир невозмутимо прокусывает запястье, дает стечь нескольким каплям крови в чашу и занимает место на противоположном конце одной диагонали с Мэдисон.

Вся их кровь смешалась с крупичками «краски» и тут же стала исчезать, словно впитываясь в металл, а лабиринт засветился ярче.

— Моё время, — прошептала Фреда и встала на угол квадрата, напротив лежащего на полу Вагнера.

Контур лабиринта на полу уже не просто светились, они пылали, прорезая темноту комнаты восходящими потоками сияния, которые в точности повторяли рисунок на потолке, образуя светящийся столб.

Диагонали, соединявшие Эрика и Сьюки, Вагнера и Фреду сияли ярче, чем все остальные линии, по ним пробегали всполохи, на которые невыносимо было смотреть. Окружавший квадрат рисунок вибрировал на невыносимо низкой ноте, что заставляло стискивать зубы.

Под усиливающийся гул и вибрацию, сотрясавшую пол под ногами, за одно невообразимо краткое и в то же время нескончаемо долгое мгновение, Фреда успела увидеть, как расширились глаза Лео, устремленные туда, где стояла Мэдисон.

А затем Рейн, дернувшись всем телом, вдруг резко перевернулся на бок, оперся на руки и поднялся во весь рост. Фреда открыла рот в немом крике, когда он повернул к ней незрячее лицо...

Внешний контур лабиринта загорелся живым пламенем, окончательно отрезая выход наружу и замыкая всех в себе. Ослепительная вспышка разорвала пространство маленькой комнаты и, накрыв волной невыносимого света и жара, поглотила всё.

Покинув домик, Эйвин крепче сжал узкую ладонку Метте и потянул ее в сторону старой пожарной вышки.

— Куда ты? Что задумал? — Метте задала вопросы без малейшего намека на недовольство, наоборот, в ее тоне звучал явный азарт и нетерпение.

— Подождем поблизости, пока все не закончится, — сказал юноша, таща Метте за собой.

Они быстро взобрались по шаткой лестнице на самый верх колокольни, и присели прямо на грязный и мокрый дощатый настил, опираясь спинами на ограждение.

Темный колокол пел, чуть заметно раскачиваясь, и Эйвин с Метте какое-то время просто смотрели на него, подняв головы вверх.

Потом парень повернулся к спутнице, решительно сжал ее плечо и притянул к себе. Лица приблизились, глаза смотрели в глаза, дыхание смешалось, и Эйвин впился губами в

рот Метте.

Она ответила на поцелуй, просунув язычок между его теплыми настойчивыми губами, одновременно успокаивая и волнуя еще больше.

Эйвин, не прекращая поцелуя, поменял положение, вставая перед Метте на колени и прижимая ее к себе крепче.

Они целовались так, словно отчаянно хотели утопить в ласках все свои страхи. Они сжимали друг друга в объятиях, ища убежища и утешения.

Теплая кожа молодой женщины пахла мятой, короткие рыжие завитки волос были мягкими и приятно щекотали ладони. Эйвин почти не чувствовал ее эмоций, только слабый отклик, достигавший глубины его восприятия.

Они увлеклись, забыв обо всем, скользя руками по телам, издавая вздохи и нетерпеливые стоны. Вдруг Эйвин замер и отстранился, основательно озадачив Метте столь резкой переменой в его настрое. Она заглянула в лицо юноши, увидела невидящие глаза, устремленные в никуда. А Эйвин, будто напрочь забыв про нее, стал медленно подниматься на ноги.

Метте потрясенно наблюдала за парнем, вставая следом за ним.

Первое, что они увидели — земля вокруг дома вдруг стала вспухать бороздами и выстреливать вверх комьями, словно взрывалась изнутри.

Метте и Эйвин, словно по команде повернули головы, и теперь уже наблюдали, как посреди расположенного неподалеку пруда, взвился вверх огромный фонтан воды.

Одновременно с этим поднимался и усиливался ветер, смерчем закруживший в районе маленького участка, на котором стоял домик.

Внезапно раздавшийся оглушительный звук заставил Метте с воплем подпрыгнуть, а Эйвина выругаться сквозь зубы, инстинктивно хватая руку девушки и притягивая ее к себе.

Их обдало таким нестерпимым жаром, словно совсем рядом разорвало доменную печь. Огненный столб взметнулся в вечернее небо. Яркие, оранжевые, как заря в небе языки пламени плясали выше пожарной колокольни.

Эйвин и Метте отпрянули назад, не сводя наполненных ужасом глаз с того места, где еще пять минут стоял маленький дом, а сейчас полыхал гигантский пожар, излучавший не только нестерпимый жар, но и противоестественную мощь.

— Господи... Боже... — прошептал Эйвин одними губами

Пожарный колокол за их спинам резко дернулся, издавая протяжный чистый звук, и стал набирать амплитуду, раскачиваясь все сильнее и быстрее.

С противоположного конца деревни, крича и размахивая руками, уже бежали люди, а в воздухе разливался непрерывный тревожный колокольный перезвон...

Эпилог

Эта сущность восходит от земли к небу и вновь нисходит на землю, воспринимая силу высших и низших (областей мира).

Так ты обретаешь славу всего мира.

Поэтому от тебя отойдет всякая тьма.

(Из текста Изумрудной скрижали)

Полоска рассвета прочертила сияющий контур над горной грядой, отделяя темную громаду скал от начинавшего светлеть неба.

Белые льняные шторы надувались парусами от влетающего в приоткрытое окно ветра. В конце мая ночами здесь еще очень холодно, и прошедшая ночь не стала исключением. Комната успела изрядно выстыть, и температура в ней сейчас мало отличалась от уличной. Но двое лежащих на большой кровати не чувствовали никакого холода. Они тесно прижимались друг к другу и спали крепким сном счастливых людей. Под толстым мягким одеялом тела делились взаимным теплом: ее спина к его груди, ноги переплетены, рука мужчины обнимала выпуклый живот женщины, чувствуя ладонью легкое шевеление новой жизни.

Эйвин невольно заулыбался, зарываясь носом в короткие завитки рыжих волос жены. Её кожа как всегда пахла мятой, а еще чем-то мирным, леденцово-сладким. Новый тонкий аромат Эйвин заметил примерно тогда, когда малыш в ее животе заявил о себе уверенными толчками. Это был аромат спокойствия, так пахли безмятежные детские сны и редкие минуты умиротворения в жизни взрослых.

Метте постоянно жарко и душно, и она засыпала только с открытым окном. Эйвин не против ночевать хоть на леднике, если она будет рядом, и он сможет охранять покой ее и их будущего ребенка.

Молодой человек тихонько погладил обнаженный живот Метте под задравшейся футболкой, чувствуя жар, идущий от кожи жены. Как от печки, в самом деле. Возможно, беременность обострила проявление каких-то признаков, говорящих о ее принадлежности к роду людей-волков.

Или же события, произошедшие полтора года назад, повлияли на них, затронув неведомым образом.

В опалившем их тогда огне что-то умерло, но и родилось вновь.

Эйвин нежно накрыл рукой маленькую, ставшую очень чувствительной грудь Метте. Она зашевелилась, еще не проснувшись, но уже реагируя на прикосновения мужа, чуть изогнулась, теснее прижимаясь к нему.

До рождения малыша оставалось еще три месяца и за это время многое могло произойти, но Эйвин знал, что ничего плохого не случится, потому что тогда в пожаре безвозвратно сгорело еще и что-то очень и очень плохое.

А то, что родилось, даровало им свою вечную защиту.

Гористый, покрытый зеленью остров в лазурном море. Золотые песчаные пляжи и дороги, оплетающие небольшую часть суши, согретую солнцем. Белые дома с черепичными крышами и разноцветными ставнями, улыбчивые приветливые люди. Здесь круглый год лето или весна, как в маленьком персональном раю.

Старый человек сидел в кресле на крыльце своего дома с зелеными ставнями и наблюдал, как мимо проходила красивая молодая женщина. Каждый вечер, в одно и то же время, она неторопливо шла по тихой улице, прижимая к себе ребенка в ярком васильковом слинге.

Женщина была высокой, стройной с необыкновенной золотистой кожей, впитавшей в себя, казалось, сам солнечный свет. Волосы незнакомки спадали прямыми прядями на лицо и плечи, длинная ровная челка закрывала брови. У нее самые поразительные волосы, которые старику когда-либо доводилось видеть — невероятно густые, плотные и блестящие, отливавшие жемчужным сиянием. И самые удивительные глаза — зеленые и яркие, как живое море.

Женщина явно была не местной, старик наблюдал за ней только последние месяца три, может чуть больше. Он не знал ее имени, где она жила и куда возвращалась со своей ежедневной прогулки.

На острове круглый год кипела жизнь — отели, съемные виллы и бунгало на любой достаток, санаторий с реабилитационным Центром, куда приезжали со всех концов мира. Всегда полно туристов, которые сновали повсюду, заглядывая в поисках местного колорита даже во дворы частных домов. Но эта женщина вела себя совсем не как туристка. Она всегда нетороплива, безмятежна и почти не смотрела по сторонам.

Старику хотелось знать, как ее зовут, что она делает на острове, куда ходит каждый вечер и когда возвращается. Жизнь была однообразна и скучна для человека, существовавшего в пределах небольшого кусочка суши посреди лазурных вод. Он никогда не покидал это место. Мир сам проникал сюда в виде нескончаемого потока туристов, но эти люди были лишь частью отработанной схемы и не вносили ничего нового, познавательного, кроме привычной суеты.

Размеренные прогулки незнакомки, за которыми он только наблюдал со стороны, также не добавили в существование особого разнообразия. Но все же с ее появлением в ощущениях появилось нечто сравнимое с соприкосновением с какой-то особенной стороной жизни. С чем-то непостижимым, невероятным. С тем, к чему стремится каждая, мечтающая о счастье живая душа, а обретают лишь немногие, избранные.

В женщине ощущалась тщательно оберегаемая тайна. Часть какого-то особенного, замкнутого мира.

В привычное время старик вышел на крыльцо. Сегодня заход солнца над морем особенно красив, и хотя такие заходы здесь совсем не редкость, не грех полюбоваться подобной красотой еще и еще раз.

Он увидел незнакомку в привычное время. Она шла, склонившись к ребенку. Волосы скрыли ее лицо, старик видел тонкие, покрытые золотисты загаром руки, ласково обнимающие дитя. Выше среднего роста, одетая в белый топ, длинную узорчатую юбку из

тонкой летящей ткани и сандалии на плоской подошве, она двигалась вниз по улице привычным путем, не глядя по сторонам.

Но, поравнявшись с домом, где на крыльце сидел старик, женщина вдруг подняла голову, повернулась и, улыбнувшись, кивнула пожилому мужчине, как старому знакомому. Он не сразу понял, что незнакомка обратила на него внимание, а поняв, просиял в ответ. Она прошла дальше, и скоро скрылась из виду. А старик, вместо того, чтобы встать и отправиться в дом, остался сидеть на крыльце. Он решился, наконец, дожидаться момента, когда девушка будет возвращаться обратно.

Ждать пришлось не так уж и долго.

Женщина возвращалась, держа под руку высокого, стройного мужчину. Прильнув к своему спутнику, незнакомка склонила голову ему на плечо. Старик задержал взгляд на ее волосах, которые сейчас заливал свет заходящего солнца, добавляя жемчужному сиянию пламенных оттенков. Мужчина нес ребенка, бережно прижимая маленькое тело к груди. Время от времени он наклонялся и касался губами волос женщины. А она улыбалась, излучая абсолютные счастье и покой.

Казалось, эти чувства окутывали всех троих, вились за ними легкой дымкой, окружали, обволакивали и защищали этих людей, не позволяя ничему постороннему проникнуть внутрь их особенного маленького мира.

Старик следил за прохожими, поджидая момент, когда они будут проходить мимо, и он сможет их поприветствовать. Ему хотелось что-то сказать этим людям и услышать их слова в ответ. Или просто увидеть ответные улыбки и легкие наклоны головы. Почувствовать еще раз эту безмятежную радость, что они втроем излучали.

Они приближались, и женщина, заметив, что старик смотрит на них, что-то шепнула своему спутнику. Тот кивнул и слегка повернул голову. Глаза мужчины были скрыты темными очками, но старик понимал, что на него смотрят и довольно громко сказал:

— Доброго вечера вам!

— И вам, — хором ответили женщина и мужчина и приветливо кивнули, проходя мимо.

— А какой сегодня закат! Такую красоту редко, где увидишь, — вслед им добавил старик.

Женщина как-то сжалась на мгновение, потом чуть повернулась и послала в ответ улыбку, в которой пожилой мужчина заметил грусть. Она теснее прижалась к своему спутнику, а тот снова поцеловал ее, словно утешая. Но к старику не повернулся и ничего ему не ответил.

Это не было невежливостью или нежеланием общаться со скучающим надоедливym и любопытным пожилым человеком. Просто невольно было задето что-то, чего не следовало касаться.

Улица, петлявшая между белоснежными домами, утопавшими в зелени и цветах, шла на подъем, и вскоре троица скрылась с глаз. Старик, взволнованный охватившими его противоречивыми чувствами, вздыхая и что-то бормоча под нос, пошел в дом.

— Перестань вздрагивать и затаивать дыхание каждый раз, когда речь заходит о том, чего я не могу увидеть, — сказал Рейн. — Сколько можно повторять, я вижу и чувствую больше, чем ты можешь себе даже вообразить.

Держа спящую Леону одной рукой, другой он обнял жену и притянул к себе. Безошибочно нашел ее губы и прижался к ним в поцелуе. Рука его скользнула на затылок

Фреды, запуталась в нагретых заходящим солнцем волосах.

Они готовы были стоять так целую вечность, если бы дочь не зашевелилась на плече отца, причмокивая и сопя.

— Проснулась? — тихо спросил Рейн, отрываясь от губ жены.

Фреда глянула на безмятежное личико дочери, уткнувшееся в плечо Рейна, и также тихо ответила.

— Нет, спит. Давай я ее отнесу и уложу.

— Не надо, я сам.

Он уверенно двинулся в нужном направлении, поглаживая дочь по спинке.

Фреда смотрела ему вслед, понимая, что по привычке снова затаивает дыхание и замирает. Каждый раз наблюдая, как муж уверенно и легко передвигается в пространстве, она забывала, что он не может видеть. И каждый раз, вспоминая о его слепоте, снова замирала. А он неизменно это замечал и в лучшем случае беззлобно ругался, в худшем — отмалчивался.

И в голове возникали ничуть не утратившие яркость и четкость картины не такого уж и давнего прошлого.

Когда вспыхнуло кольцо, замкнувшее четверых внутри лабиринта, Фреда поняла, что Лео увидел Мэдисон, а Вагнер смог подняться на ноги.

У нее была только тысячная доля мигу, чтобы это заметить и осознать, а дальше пришлось зажмуриться, спасаясь от выжигавшего сетчатку света.

Она еще успела почувствовать чье-то постороннее присутствие, когда ослепляющая вспышка проникла сквозь прикрытые веки и сорвала последние «крепления», удерживавшие ее связь с реальностью.

Фреда сделала шаг над пропастью, и пока что зависла, не достигнув противоположного края. И что-то ввинчивалось в мозг, пытаясь заглянуть в самые потаенные уголки сознания. Туда, где она бережно прятала все самое сокровенное.

Нечто похожее она уже испытывала, когда заставила Вагнера затянуть ее в столб света в Цитадели. Но на этот раз все ощущалось в разы мощнее, и «общение» не было односторонним; с ней вели диалог, требуя предельной честности и откровенности. И Фреда поняла, что больше ничего не нужно скрывать. Не нужно прятаться и бояться.

Перемены произошли, и обратного пути нет.

Менялась она. Менялся мир.

И все же что-то оставалось неизменным. Что-то, что она пронесла в себе и сохранила, как самое ценное во всех Вселенных.

Эта сущность восходит от земли к небу и вновь нисходит на землю, воспринимая силу высших и низших (областей мира).

Так ты обретаешь славу всего мира.

«Великое действо» не обошлось без вмешательства Магистров.

Фреда не знала, как ощущается присутствие Доминис, но была уверена, что на каком-то этапе они оказались рядом и наблюдали. Они не смогли или не посмели вмешаться в происходящее, но хотели убедиться, что их это не затронет, а все тайны останутся тайнами.

Оставаясь единоличными, полноправными правителями Ордена и хранителями его секретов и могущества, Магистры пошли на сделку с теми, кто бросил им достойный вызов.

Человеческая девушка, пусть и наделенная какими-то силами, но не способная их даже осознать, сделала нечто, что казалось невероятным даже Доминис. В отличие от Смотрящих Магистры точно знали, как опасно играть с сущностью Единой Природы и не хотели искушать себя и других. Сотворенное Фредой должно было остаться единственным прецедентом и не повторяться ни для кого и никогда.

Они получили ответы и удалились, оставив свои гарантии. Иметь дело с главами Ордена оказалось куда приятней, чем с их бывшими ближайшими партнерами и помощниками Смотрящими, которые, надо полагать, сошли со сцены безвозвратно.

Для двух миров — человеческого и вампирского — Фреда и Вагнер, кем бы они ни стали в результате изменений, фактически исчезли без следа. Никто не вспомнит о них, никто не станет разыскивать и преследовать. Все старые связи должны быть разорваны безвозвратно. И больше никем, никогда и ни при каких условиях не должно быть предпринято ни одной попытки использовать силу подобных эгрегоров.

Магистрам, безусловно, было известно о созданном эгрегоре. Фреда не знала наверняка, но что-то подсказывало, что осведомленность Доминис в этом вопросе не имела никакого значения. Они все равно никак и никогда не смогут использовать эти знания.

Все, кто участвовал в сотворении эгрегора, навсегда останутся под его защитой и влиянием. Где бы они ни были, и пока на то существует их воля.

А кто же откажется от подобного?

Законы Природы и Бытия не могут нарушаться по нашему желанию. Никакие Доминис и Смотрящие не найдут путей и ответов, если на то не будет высшей воли. Но если появляется неоспоримая даже этими законами необходимость что-то изменить, Природа может пойти навстречу и позволит вступить с ней в тайный сговор.

Ищите пути, рискуйте и добивайтесь, но в случае успеха готовыте плату, потому что ничего не делается просто так.

И цена для каждого своя.

Руки Рейна с осторожностью уложили расслабленное тельце дочери в кроватку. Он погладил круглую головку с темными густыми волосами, провел пальцами по теплой нежной щечке, наклонился и поцеловал девочку.

— Ты затаиваешь дыхание, когда наблюдаешь, как я вожусь с дочерью, — без капли раздражения тихо сказал он. — Все еще не доверяешь?

— Не носи чепуху, — также тихо ответила Фреда. — Я наблюдаю, потому что мне нравится смотреть на вас обоих. А дышать перестаю, потому что боюсь спугнуть этот волшебный момент.

До сих пор она стояла у двери, теперь приблизилась к Рейну и встала рядом с ним у кроватки дочери.

— Она похожа на тебя, — сказала Фреда, — особенно, когда спит, такая же серьезная. У нее твои глаза, они как фиалки или темная сирень.

— Ей только исполнилось шесть месяцев, еще рано судить о цвете глаз, — чуть нахмурился Рейн.

— Нет, не рано. Она же твоя, — покачала головой, обнимая мужа.

— Вы обе мои, — прошептал он, обхватывая гибкое тело жены и утыкаясь лицом в ее пахнущие солнцем и ванилью волосы.

Обнявшись, они вышли из детской и, прикрыв дверь, остановились в коридорчике, куда вели двери спален.

Небольшой дом стоял в полсотне метров от пляжа, скрытый зарослями рододендронов и плодоносящих деревьев. Через распахнутое окно гостиной, видимое из коридора, проникали звуки прибоя и последние отсветы заходящего солнца.

Рейн развернулся и прижал Фреду спиной к стене, накрывая своим сильным телом. Губы его прильнули к ее губам, захватили в мягкий плен, сначала нежно, неторопливо, затем с все возрастающим восхитительным нетерпением и сладостной требовательностью.

Фреда, не отрываясь от губ любимого мужчины, сняла с него темные очки, и, нащупав рукой стоящий рядом консольный столик, положила их туда.

Фреда скорее почувствовала, чем увидела, как между его бровей пролегла хмурая складка, и он опустил веки.

— Я люблю тебя, — прошептала она ему в губы и провела пальчиком по глубокой морщинке на чистом лбу мужа. — Люблю все в тебе...

Он обнял ее крепче, зарываясь руками в густые волосы, целовал жадно и горячо, вжимаясь в ее тело.

— Нет цены тому, что ты сделала для меня, и слепота столь малая плата за все, что я получил, — шептал он, обдавая дыханием ее кожу. — Видеть тебя было бы для меня наивысшим счастьем. Но знать, что ты всегда рядом, прикасаться и чувствовать тебя — это несравнимо ни с чем. Это наверняка. Не обман зрения, не сон, не мечта и не видение. Это реальность, которую я не променяю ни на что.

Она тихонько шмыгнула носом и срывающимся от переполнявших чувств голосом проговорила:

— Ну да... и очевидные плюсы имеются — ты не будешь видеть, как я старею.

— А ты увидишь, как старею я, — усмехнулся Рейн.

— Ты уже и так старый. Тебе семь сотен.

— Нет, милая, в этом мире я — новорожденный. Для меня многое в новинку. И будь готова к тому, что я, как дорвавшийся одержимый, кое-чем не смогу насытиться никогда. Например, вот этим... — прошептал он, снова захватывая ее губы жадным ртом.

— Или этим... — его руки проникли под тонкий топ Фреды, легли на грудь, и под теплыми ладонями нежные вершинки мгновенно напряглись. Он погладил нежные упругие соски пальцами, касаясь ласково, с мучительной медлительностью, чуть нажимая. С губ девушки сорвался тихий вздох.

Их руки заскользили по телам, и Фреда снова наслаждалась тем, что чувствует тепло кожи любимого мужчины, слышит звук срывающегося от возбуждения дыхания, а его сердце бьется в унисон с ее сердцем — часто и сильно.

Одной рукой он продолжал ласкать ее грудь, второй приподнял подол длинной юбки, и его ладонь распласталась на трепещущем животе жены. Рука проникла под шелк трусиков, опустилась ниже, поглаживая, чуть надавливая, и пальцы скользнули в шелковую влажность.

— Есть вещи, которые нельзя увидеть, — шептал ей Рейн между поцелуями. — Можно только почувствовать. Например, я всем своим существом чувствую, как ты дрожишь, когда я делаю так...

Он наклонился, лизнул сосок, захватил его губами и потянул, одновременно глубже проникая двумя пальцами в ее лоно, касаясь самых чувствительных местечек в теле жены. Она охнула, запрокидывая голову.

— Я слышу, как стучит твое сердце, и как волнующе ты сглатываешь, когда пытаешься перевести дыхание и сдержать долгий, сладкий стон... Не надо, не сдерживай его. Я хочу тебя слышать. Хочу чувствовать, как ты дрожишь, когда поднимаешься высоко...

Он прижимался к ней, показывая силу своего желания, и Фреда потянулась, расстегнула молнию на черных слаксах мужа и прижала ладонку к твердому члену.

— Пойдем в спальню, — прошептала она, водя рукой по его эрекции, — мы разбудим Леону, если продолжим это здесь...

— Если ты продолжишь делать так, — прохрипел он, накрывая ее руку своей, — до спальни мы не доберемся...

...Кожа Фреды мягкая, гладкая, бархатная, как у согретого солнцем абрикоса. Её слова, и вздохи, и стоны слаще любой музыки на свете. Их тела переплетались, соединяясь в единой потребности быть вместе, чувствовать друг друга, делиться тем счастьем и любовью, что связали их навсегда.

Они лежали в темноте своей спальни с белеными стенами, не размыкая объятий, прижавшись влажными телами.

— Ты вернула меня, и возвращаешь каждый раз, когда мы занимаемся любовью, — шептал Рейн снова и снова, — и я не знаю, чем я заслужил все это. Как выразить то, что чувствую. Что могу дать, кроме своей любви.

— Еще любви. Себя. И детей, — сказала она.

— Детей? Ты хочешь еще детей?

— А ты не хочешь?

— Хочу. Очень. Двоих, по крайней мере, — на лице Рейна улыбка, которую она не видела, но чувствовала по голосу.

— Всего двоих, или еще двоих? — спросила Фреда, поворачиваясь и целуя мужа в плечо, на котором лежит ее голова.

— На твое усмотрение, — усмехнулся Рейн. — Я согласен на любой вариант.

— Они родятся здесь или мы уедем отсюда?

— А вот это стоит обсудить, — он набрал полную грудь воздуха и шумно выдохнул, крепче прижимая к себе жену. — Мне здесь нравится, и работа вполне устраивает. В Центре мной довольны.

— Довольны?! Да ты скромник! Они же вцепились в тебя, как бульдоги! А как только поняли, какие чудеса ты можешь творить... — она вдруг осеклась, словно сказала что-то, не подумав.

Рейн тихо засмеялся.

— Расслабься уже, милая. С чудесами покончено навсегда, осталась чистая наука. Да, ты права, мануальный терапевт моей квалификации, да еще и слепой, редкая находка.

— Иногда я ненавижу твою иронию, — Фреда куснула мужа в твердокаменный бицепс. — И ненавижу тех дамочек, которым ты вправляешь позвонки, а они в это время млеют под твоими руками и беззастенчиво пялятся на тебя. Тебе надо носить форму с длинными рукавами, потому что один вид твоих рук сводит с ума.

— Пожелание учту. Хотя климат здесь не тот, чтобы надевать длинные рукава. Особенно после того, как снова появилась способность потеть, — хмыкнул Рейн. — А

дамочки эти всего лишь рабочий материал. И скоро им придется обходиться без меня. Мне предложили перейти в детское реабилитационное отделение, которое открывается на базе Центра. Я почти согласился. Ты не против?

— Конечно, нет, — в восторге воскликнула Фреда.

— Тогда можно подумать о том, чтобы остаться здесь, — отозвался Рейн. — Мне кажется, мы нашли то, что искали.

Он резко развернулся, навис над женой и впился в ее губы долгим поцелуем. Неохотно прервав его, проговорил:

— Как ты смотришь на то, чтобы немедленно предпринять попытку сотворить еще одного малыша?

— Сотворить? — воскликнула Фреда, дрожа от разливавшегося в теле возбуждения.

— Да, сотворить. Каждая жизнь — бесценное творение. Ты и я это знаем лучше многих.

— Я только за. Для меня бесценно все, что связано с тобой.

Не все, что существует в нашем мире соотносено с ним настолько, что способно воплощаться в понятную и привычную физическую форму. Душа и разум, когда могут прислушиваться друг к другу, сообщая распознают много больше, чем можно объяснить на понятном языке, увидеть глазами или почувствовать.

Иногда, в той области, где соприкасаются две из множества существующих реальностей, происходит словно бы остановка некоего движения. В этой точке можно затормозить на время, выйти, как на полустанке, и прогуляться по миру, к которому уже не принадлежишь.

Задержаться ненадолго, а потом снова отправиться туда, где отныне твое место.

— На твоём лице всегда эта дурацкая ухмылка, когда мы приходим сюда, — сказала юная женщина, ласково толкая в бок своего спутника — высокого блондина с голубыми глазами.

— Ну, уж прости, то сих пор не верю, что, пройдя через все, через что мне довелось пройти, в итоге я стал... кхм, дедом, — ответил Лео.

— Я вижу, как ты расплываешься в клоунской улыбке, когда видишь малышку и слышишь, как ее называют, — не удержалась Мэдди.

— Её же называли в мою честь. Это, черт возьми, приятно.

— Фреду тоже при рождении называли в твою честь. Что уж говорить, ты можешь произвести впечатление, — вздохнула она. — Не удивлюсь, если и Эйвин назовет своего сына Леонаром.

— Но они не видятся с Фредой и на сговор это не похоже, — заметил Лео. — Больше похоже, что у твоих детей просто отсутствует фантазия.

— А для этого им и не надо фантазировать и тем более договариваться, — уверенно заявила Мэдисон. — Они просто хотят помнить тебя.

— Нас. Помнить нас, — поправил он ее. — И Тайлера.

— Да, и Тайлера, — тихо согласилась Мэдди.

На миг их объединила тишина, наполненная общими воспоминаниями.

— Я — мать Фреды и Эйвина, и со мной они прожили в детстве почти пять лет, — снова заговорила Мэдисон. — Потом забыли. Прошло время, наступили эти странные

события. Эйвин так ни разу и не увидел меня, а Фреда немного пообщалась только как с призрачным видением. Ты же нашел их и успел провести с ними какое-то время. Немного, но достаточно, чтобы они захотели назвать своих детей в твою честь.

— И что ты хочешь этим сказать? — вскинул бровь Лео.

— А то, что я в тебе не ошиблась, — она привстала на цыпочки и обняла его за шею.

— А я не ошибся в тебе, — ответил он, притягивая ее к себе и приподнимая. Их лица были сейчас на одном уровне, они смотрели глаза в глаза и словно не могли поверить в то, что видят друг друга.

— Как же все повернулось... — задумчиво проговорила Мэдди.

Она взглянула в лицо своего спутника, горя желанием постоянно прикасаться к нему, будто все еще не веря, что может это делать. После всего, после стольких лет пребывания НИГДЕ...

— Повернулось так, что сложно даже вообразить, — отозвался Лео, прижимая к себе миниатюрную Мэдисон. — Ты, Мэдди, настоящая стихия. Во что ты умудрилась превратить нашу вампирскую «присягу» — Клятву крови. Кто бы подумал, что из отчаянной блажи маленькой испуганной девчонки получится... такое.

Вечно юная женщина улыбнулась, проводя пальчиками по мягким губам любимого. Она наблюдала, как эти губы двигаются, когда он говорит с ней.

— Но ведь сработало... — прошептала она. — Я рискнула. И не зря.

— А я поддался. И тоже не зря, — ухмыльнулся Лео.

Мэдисон улыбнулась и еще крепче сцепила руки вокруг его шеи.

— Я вижу, как тебе хочется показаться, открыть наше присутствие, дать понять, что мы всегда рядом, — сказал Лео, рассматривая лицо любимой женщины. — Так в чем дело? Мы же можем это устроить в любой момент.

Мэдисон поцеловала его, теснее приникла к большому телу. Лео замер, чувствуя, как она чуть изогнулось в его руках, в волнующем гибком движении подалась вверх, стройные ноги приподнялись и обвили его талию, соединяя их тела плотнее и ближе.

— Можем, но этот момент еще не пришел. Ни Фреда, ни Эйвин не готовы. Пусть привыкнут к изменениям, которые с ними произошли, — вздохнула она. — Тем более, они не знают всего. А ведь их еще ждут немалые потрясения. Вот когда они будут нуждаться в том, чтобы мы были рядом, тогда и откроем наше присутствие.

— Ты стала такая правильная и сдержанная, — оскалился Лео, хитро прищуривая яркие глаза, отчего сразу стал похож на того самого неотразимо нахального пацана-вампира, которого Мэдди когда-то заманила в свою жизнь. — Слава Богу, твоя правильность и сдержанность проявляются не во всем. Даже со всеми теми заморочками, через которые нас протащило, как через угольное ушко, ты все та же Мэдди Саттон, ненормальная, чокнутая, чувственная, страстная. И ты реагируешь на мои прикосновения так, что я теряю разум и хочу утонуть в тебе.

Большие руки чуть сжали округлую попку женщины, прижимая податливое тело к себе теснее. Рты соприкоснулись, неспешно творя сплетение поцелуев. Они снова и снова пробовали друг друга, используя данный им второй шанс, наверстывая упущенное время, знакомясь и узнавая заново.

И убеждаясь, что все сделано правильно.

— Лео... — прошептала Мэдди, глядя на своего мужчину. — Ты хоть понимаешь, что

вообще произошло?

— Ты о чем? — он приподнял золотистые брови.

— О том, что я поймала тебя. Мы поймали тебя.

— Кто это «мы»? — он нахмурился, но губы его улыбались.

— Мы — это женщины моей семьи. Глория. Потом я. Потом Фреда. И снова я. Тебе было просто не отвертеться, — она медленно и нежно провела губами по его приоткрытым, влажным от поцелуев губам, теплым и живым. Запустила руки в его длинные волосы, снова притянула к себе и поцеловала. Он держал ее хрупкое тело, словно боялся, что она опять исчезнет, разлетевшись в пространстве тем самым эфемерным прахом...

Но знал — ничего такого больше не произойдет. Никогда.

Лео чуть отстранился, посмотрел на Мэдисон, изнемогающую от желания в его объятиях.

— Тебя не пугает перспектива провести со мной Вечность? — прошептал он, глядя в сияющую синеву её глаз.

— Меня пугает, что и вечности рядом с тобой мне будет мало... даже если придется спать в огне...

Поэтому от тебя отойдет всякая тьма.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net